

ISSN 1026-9452 (Print)
ISSN 2713-0398 (Online)

Номер 1

Январь 2024

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

State and Law

*Институт государства и права
Российской академии наук:
навстречу 100-летию юбилею*

Юридическая аноμία: понятие и соотношение со схожими категориями • Международно-правовые средства защиты исторических прав России в акватории Северного морского пути • Западная демократия: от социальной патологии к «здоровому обществу». Анализ и прогноз Э. Фромма • Состояние и перспективы развития уголовного законодательства России • Современное понимание предмета науки административного права • К вопросу о кодификации информационного законодательства в условиях цифровой трансформации • Трансляция знаний и критерии научности: концепты современной теории военного права • О недееспособности крионизированных людей: нужен новый субъект права

*Российская академия наук
Институт государства и права*

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 1 2024 Январь

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

*Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН*

Главный редактор
А.Н. Савенков,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

В.Н. Руденко, акад. РАН (*председатель*);
О.В. Белявский, к.ю.н.; В.С. Груздев, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН; В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург);
М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН; А.А. Клишас, д.ю.н.; А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Н.А. Макаров, акад. РАН; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджанская Республика);
С.В. Степашин, д.ю.н.; Т.Я. Хабриева, акад. РАН

Редакционная коллегия:

С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Республика Армения);
С.Ф. Афанасьев, д.ю.н. (Саратов); А.А. Бессонов, д.ю.н.; С.А. Бочкарев, д.ю.н.; М.М. Бринчук, д.ю.н.;
Г.А. Василевич, чл.-корр. НАН Беларуси; Т.А. Васильева, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н., д.ф.н. (Австрийская Республика);
Е.В. Виноградова, д.ю.н.; А.В. Габов, чл.-корр. РАН; Л.В. Головкин, д.ю.н.; В.С. Горбань, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришконец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; А.В. Дзюбак, к.ю.н. (*ответственный секретарь*);
А.Г. Диденко, д.ю.н. (Республика Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (ФРГ);
И.В. Ершова, д.ю.н.; И.С. Жудро, д.ю.н.; В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.;
В.С. Каменков, д.ю.н. (Республика Беларусь); Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия);
А.И. Коробеев, д.ю.н. (Владивосток); Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*);
Куан Цэнцзюнь, д.ю.н. (КНР); А.В. Кудашкин, д.ю.н.; В.В. Кудашкин, д.ю.н.; Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР);
С.В. Маликов, д.ю.н. (*заместитель главного редактора*); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.В. Михайлова, д.ю.н.;
А.В. Наумов, д.ю.н.; В.Б. Наумов, д.ю.н.; Срето Ного, д.ю.н. (Республика Сербия);
Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж); Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Республика Болгария);
В.Н. Плигин, д.ю.н.; Т.А. Полякова, д.ю.н.; С.Б. Россинский, д.ю.н.;
А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Паола Северино, д.ю.н. (Итальянская Республика);
А.Ю. Соколов, д.ю.н. (Саратов); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Республика Болгария); А.А. Тедеев, д.ю.н.;
В.В. Устюкова, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (ФРГ); Ван Чжи Хуа, д.ю.н. (КНР); С.Ю. Чуча, д.ю.н.;
А.И. Чучаев, д.ю.н.; В.М. Шерстюк, д.ю.н.; Г.Г. Шинкаревецкая, д.ю.н.; Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; О.А. Ястребов, д.ю.н.

Адрес редакции: 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
e-mail: gospravo@igpran.ru
http://gospravo-journal.ru/

Москва

© Российская академия наук, 2024
© Институт государства и права РАН, 2024
© Составление. Редакция журнала
«Государство и право», 2024

*Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law*

STATE AND LAW

No. 1 2024 January

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: “Revolution of the Law” (Revolutsiya prava) (1927–1929)
“Soviet State and the Revolution of the Law” (Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava) (1930–1931)
“Soviet State” (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
“Soviet State and Law” (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
“State and Law” (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

*The Journal is published under supervision
of the Department of Social Sciences of the RAS*

Editor-in-Chief
A.N. Savenkov,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

V.N. Rudenko, Academician of the RAS (*Chairman*);
O.V. Belyavsky, PhD in Law; V.S. Gruzdev, Doctor of Law; V.I. Zhukov, Academician of the RAS;
V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS;
A.A. Klishas, Doctor of Law; A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; N.A. Makarov, Academician of the RAS;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan Republic); S.V. Stepashin, Doctor of Law;
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS

Editorial Board:

S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutunyan, Doctor of Law (Republic of Armenia);
S.F. Afanasev, Doctor of Law (Saratov); A.A. Bessonov, Doctor of Law; S.A. Bochkarev, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; G.A. Vasilevich, Corresponding Member of the NAS of Belarus; T.A. Vasileva, Doctor of Law;
Bernd Wieser, Doctor of Law, DSc in Philosophy (Republic of Austria); E.V. Vinogradova, Doctor of Law;
A.V. Gabov, Corresponding Member of the RAS; L.V. Golovko, Doctor of Law; V.S. Gorban, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law;
A.V. Dzyubak, PhD in Law (*executive secretary*); A.G. Didenko, Doctor of Law (Republic of Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); I.V. Ershova, Doctor of Law; I.S. Zhudro, Doctor of Law;
V.N. Zhukov, Doctor of Law, DSc in Philosophy; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Republic of Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); A.I. Korobeev, Doctor of Law; N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*);
Kuang Zengjun, Doctor of Law (China); A.V. Kudashkin, Doctor of Law; V.V. Kudashkin, Doctor of Law;
Liu Honguan, Doctor of Law (China); S.V. Malikov, Doctor of Law (*Vice-Editor-in-Chief*); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.V. Mikhailova, Doctor of Law; A.V. Naumov, Doctor of Law; V.B. Naumov, Doctor of Law;
Sreto Nogo, Doctor of Law (Republic of Serbia); E.I. Nosyreva, Doctor of Law (Voronezh);
Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); V.N. Pligin, Doctor of Law; T.A. Polyakova, Doctor of Law;
S.B. Rossinsky, Doctor of Law; A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan); Paola Severino, Doctor of Law (Italian Republic);
A. Yu. Sokolov, Doctor of Law (Saratov); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
V.V. Ustyukova, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); Wang Zhi Hua, Doctor of Law (China);
S. Yu. Chucha, Doctor of Law; A.I. Chuchayev, Doctor of Law; V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
G.G. Shinkaretskaya, Doctor of Law; B.S. Ebzeev, Doctor of Law; O.A. Yastrebov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
e-mail: gospravo@igpran.ru
<http://gospravo-journal.ru/>

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2024
© Institute of State and Law of the RAS, 2024
© Editorial Board of “State and Law”, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2024

Юридическая анония: понятие и соотношение со схожими категориями <i>А.В. Малько</i>	7
Международно-правовые средства защиты исторических прав России в акватории Северного морского пути <i>И.С. Жудро</i>	16
ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ	
Западная демократия: от социальной патологии к «здоровому обществу». Анализ и прогноз Э. Фромма <i>В.Н. Жуков</i>	24
УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ	
Состояние и перспективы развития уголовного законодательства России <i>А.И. Парог</i>	38
Международно-правовая основа уголовно-правовой политики Российской Федерации в сфере охраны исторического и культурного наследия <i>И.А. Халиков</i>	49
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС	
Современное понимание предмета науки административного права <i>А.А. Гришковец</i>	56
Вопросы предмета и системы административного права. Часть 2 <i>М.В. Костенников, А.В. Куракин, И.А. Адмиралова</i>	68
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	
К вопросу о кодификации информационного законодательства в условиях цифровой трансформации <i>Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов</i>	81
ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО	
On the psychological and economic foundations of forming private property relations in the economy for the purpose of their legal regulation <i>V.S. Eliseev, I.A. Martynenko</i>	92
ВОЕННОЕ ПРАВО	
Трансляция знаний и критерии научности: концепты современной теории военного права <i>И.В. Холиков, П.Ю. Наумов</i>	100
ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ	
О недоправоспособности крионированных людей: нужен новый субъект права <i>М.И. Клеандров</i>	117
О научном осмыслении предмета конституционного права: к постановке вопроса <i>В.А. Черепанов</i>	130
Нравственные основания российского уголовного процесса <i>М.А. Малина</i>	141

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Статус природных ресурсов небесных тел: новеллы, обозначенные практикой государств

А.Н. Вылегжанин, М. Юзбашян

147

АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА

Соотношение норм шариата и норм адатного права у вайнахов: традиционные аспекты и религиозные императивы

Х. Идрисов

159

ЗА РУБЕЖОМ

Арбитраж в США: основные тенденции правового регулирования

Е.П. Ермакова

169

Об эффективности разрешения цифровых споров посредством арбитража в Англии и Уэльсе

Е.П. Русакова, Е.Е. Фролова

179

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Правовое положение прессы в России в начале XX века

А.П. Сопова

188

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Развитие судебной системы как предмет исследования в постнеклассической науке

В.М. Большакова

197

Проблемы правового регулирования двусторонних инвестиционных соглашений в Экономическом сообществе западноафриканских государств (ЭКОВАС)

Н.А. Рыжов

205

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Институты публичной власти: адаптация к изменяющимся условиям функционирования (Всероссийская научная конференция с международным участием)

Н.В. Варламова, Т.А. Васильева

211

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Основы российской государственности: учеб. / под ред. А.В. Малько

В.В. Субочев

221

ОТКЛИКИ

Намечаемая контуры правовой мобилизации России

М.В. Глигич-Золотарева

225

CONTENTS

Number 1, 2024

Legal anomie: essence and rations to the similar categories

A.V. Mal'ko

7

International legal means of protecting Russia's historical rights in the waters of the Northern Sea Route

I.S. Zhudro

16

LEGAL, POLITICAL AND RELIGIOUS THOUGHT

Western democracy: from social pathology towards a "healthy society". E. Fromm's analysis and forecast

V.N. Zhukov

24

STRENGTHENING OF LEGALITY AND STRUGGLE WITH CRIMINALITY

State and prospects of development of the Russian criminal legislation

A.I. Rarog

38

The international legal basis of the criminal law policy of the Russian Federation in the field of protection of historical and cultural heritage

I.A. Khalikov

49

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

Modern understanding of subject of science of Administrative Law

A.A. Grishkovets

56

Subject and system issues of Administrative Law (Part 2)

M.V. Kostennikov, A.V. Kurakin, I.A. Admiralova

68

INFORMATION LAW AND INFORMATION SECURITY

On the issue of codification of information legislation in the context of digitalization transformation

T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov

81

CIVIL AND ENTREPRENEURIAL LAW

On the psychological and economic foundations of forming private property relations in the economy for the purpose of their legal regulation

V.S. Eliseev, I.A. Martynenko

92

MILITARY LAW

Translation of knowledge and scientific criteria: concepts of the modern theory of Military Law

I.V. Kholikov, P. Yu. Naumov

100

DISCUSSIONS AND DEBATES

On the incapacity of cryonized people: a new subject of law is needed

M.I. Kleandrov

117

On the scientific comprehension of the subject of Constitutional Law: to putting the question

V.A. Cherepanov

130

Moral foundations of Russian criminal proceedings

M.A. Malina

141

LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

- Status of the natural resources of celestial bodies: novelties of the practice of states
A.N. Vylegzhanin, M. Yuzbashyan 147
-

ANTHROPOLOGY OF LAW

- Correlation of Sharia and adat law norms among Vainakhs: traditional aspects and religious imperatives
H. Idrisov 159
-

ABROAD

- Arbitration in the USA: the main trends in legal regulation
E.P. Ermakova 169
- On the effectiveness of digital dispute resolution through arbitration in England and Wales
E.P. Rusakova, E.E. Frolova 179
-

PAGES OF HISTORY

- The legal status of the press in Russia at the beginning of the XX century
A.P. Sopova 188
-

SCIENTIFIC REPORTS

- Development of the judicial system as a subject research in post-non-classical science
V.M. Bolshakova 197
- Problems of legal regulation of bilateral investment agreements in the Economic Community of West African States (ECOWAS)
N.A. Ryzhov 205
-

SCIENTIFIC LIFE

- Institutions of public authority: adaptation to changing conditions of functioning
(The All-Russian Scientific Conference with international participation)
N.V. Varlamova, T.A. Vasilieva 211
-

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

- Foundations of the Russian statehood: textbook / ed. by A.V. Mal'ko
V.V. Subochev 221
-

RESPONSES

- Outlining the contours of Russia's legal mobilization
M.V. Gligich-Zolotareva 225
-
-

УДК 340.1

ЮРИДИЧЕСКАЯ АНОМИЯ: ПОНЯТИЕ И СООТНОШЕНИЕ СО СХОЖИМИ КАТЕГОРИЯМИ

© 2024 г. А. В. Малько

Тольяттинский государственный университет

E-mail: alex25-58@mail.ru

Поступила в редакцию 25.09.2023 г.

Аннотация. В статье исследуется относительно новое понятие юриспруденции — юридическая аномия, дается его определение, выделяются общие и специфические признаки, с помощью которых данное понятие можно будет отличить от иных схожих понятий. Подобная научная информация может быть положена в основу разрабатываемой теории юридической аномии.

Ключевые слова: норма и отклонение, девиации, социальная, политическая и нравственная аномия, юридическая аномия, дисномия, правовая система, правовая жизнь общества.

Цитирование: Малько А. В. Юридическая аномия: понятие и соотношение со схожими категориями // Государство и право. 2024. № 1. С. 7–15.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176/>

DOI: 10.31857/S1026945224010012

LEGAL ANOMIE: ESSENCE AND RATIONS TO THE SIMILAR CATEGORIES

© 2024 A.V. Mal'ko

Togliatti State University

E-mail: alex25-58@mail.ru

Received 25.09.2023

Abstract. The present research investigates a relatively such a new term in jurisprudence as legal anomie; the author defines it, indicates general and specific features of the legal anomie, which distinguish it from the other quiet similar notions. This kind of academic data can be used as a basis for the developing theory of legal anomie.

Key words: norm and deviation, deviation, social, political and ethic anomie, legal anomie, dysnomia, legal system, legal life of the society.

For citation: Mal'ko, A.V. (2024). Legal anomie: essence and rations to the similar categories // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 7–15.

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176/>

Юридическая аномия — относительно новая категория в науке. Она находится на стадии своего становления, отражая сложную и, как правило, кризисную реальность. Для того чтобы знать ее место в системе иных «родственных» категорий, связи и взаимозависимости, важно рассмотреть ее соотношение с ними. Если проанализировать этот круг ближайших «родственников», то сразу же бросаются в глаза такие схожие категории, как социальная аномия и девиации. Однако всех их объединяет то, что они выступают своеобразными отклонениями.

Отсюда именно отклонения — их с методологической точки зрения первооснова, которая вместе со своей противоположностью, нормой, являются парными категориями, диалектически взаимосвязанными между собой. Термины «норма» и «отклонение» используются весьма широко, имея характер общенаучных категорий (т.е. применяемых практически во всех науках, в отличие от междисциплинарных понятий, употребляемых лишь в ряде наук, да и то однородных). Они задействованы также в математике, физике, химии, биологии, медицине, социологии, политологии, психологии, этике, юриспруденции и т.д.

Согласно словарям, «норма (от лат. — руководящее начало, правило, образец) — 1) узаконенное установление, признанный обязательным порядок, строй чего-нибудь; 2) установленная мера, средняя величина чего-нибудь (например, выработки)»¹. В частности, норма — это и «математическое понятие, обобщающее понятие абсолютной величины числа (норма вектора)»². В теории организации сложилось единое — для естественных и общественных наук — понимание нормы как предела, меры. Для физических и биологических систем это допустимые пределы структурных и функциональных изменений, при которых обеспечивается сохранность объекта и не возникает препятствий для его развития. Это естественная (адаптивная)

норма, отражающая объективные закономерности сохранения и изменения системы³.

Отклонения же, в соответствии со словарями, есть ненормальность, аномалия, неправильность и т.п.⁴ Например, в медицине отклонение от нормы, от нормального развития есть аномалия, патология (к числу которых относятся все виды заболеваний). В данном случае отклонения, патология и аномалия выступают в качестве тождественных понятий, как синонимы.

Не случайно в словарях аномалия определяется как «ненормальность, аномальность, патология, отклонение, неправильность, отступление, уклонение, уродливость, недостаток, ошибка»⁵. Когда слышится слово «аномалия», сразу вспоминается Курская магнитная аномалия или климатическая аномалия, или космическая аномалия и т.д. Термин «аномалия» — часто употребляемый, собственно, так же, как и термин «патология». В словарях патология — это «аномалия, ненормальность»⁶. Таким образом, считаем, что отклонение, аномалия и патология (хотя и могут иметь в разных естественных и технических науках свои определенные особенности) в целом выступают взаимозаменяемыми категориями.

В общественных науках используется чаще всего термин «социальное отклонение», опять же в связке с термином «социальная норма». Так, в социологической литературе прямо отмечается, что «норма и отклонение — это парные категории. Связь нормы и отклонений от нее, их противоположность в рамках определенного единства свидетельствует о невозможности установления и исследования социальных отклонений самих по себе,

³ См.: Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийства и других «отклонений». СПб., 2004. С. 29.

⁴ См., в частности: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991. С. 469.

⁵ Большой словарь синонимов и антонимов русского языка / сост. Н.И. Шильнова. М., 2021. С. 16.

⁶ Там же. С. 365.

¹ Советский энциклопедический словарь. М., 1988. С. 901.

² Там же.

в отрыве от тех норм, о нарушении которых идет речь, от их происхождения, роли и места в общественной жизни. Отсюда следует и то, что система, структура, классификация социальных отклонений в значительной мере заданы соответствующей нормативной системой. Норма и отклонение всегда подразумевают друг друга, одно без другого невозможно. Ясно, что не может быть отклонений без соответствующей нормы, но и последняя не имеет смысла без отклонений от нее (или по крайней мере без возможности подобных отклонений)⁷. И далее: «социальная норма и социальное отклонение — два полюса на одной и той же оси социально значимого поведения»⁸. Действительно, социальное отклоняющееся поведение есть отступление от существующих социальных норм, их нарушение.

Наряду с социальным отклонением, выступаящим междисциплинарным понятием, в общественных науках используют термин «девиация». Их можно рассматривать как тождественные. Вполне обоснованно подмечено, что понятия «социальное отклонение» и «девиация» подразумевают одно и то же — отступление, отход от требований социальной нормы⁹. Разумеется, в разных науках пытаются общенаучную категорию «отклонение» адаптировать к своей системе понятий, чтобы она в нее «вписывалась», имея определенную специфику. В этой связи можно только согласиться с тем тезисом, что «в современной физике и химии отклонения обычно именуются флуктуациями, в биологии — мутациями, на долю социологии и психологии выпали девиации»¹⁰.

Важное место в системе социальных отклонений занимает социальная аномия, которая выступает лишь ее составной частью. В свое время Р. Будон верно подчеркнул, что «аномия — это отклонение»¹¹. Вместе с тем только массовые социальные отклонения могут перерасти в социальную аномию. В литературе убедительно доказывается, что важнейший «признак аномичных проявлений — массовость, выраженная в статистических параметрах...»¹².

⁷ Кудрявцев В. Н. Теория социальных отклонений в системе научных знаний // Социальные отклонения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1989. С. 6.

⁸ Кудрявцев В. Н. Социальное отклонение: общее понятие // Там же. С. 93.

⁹ См.: там же. С. 8.

¹⁰ См.: Гилинский Я. И. Указ. соч. С. 36.

¹¹ Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М., 1998. С. 179.

¹² Баранова Ю. Ю. Методологические исследования аномии и социальной реальности: польское и российское измерение // Вестник БФУ им. И. Канта. 2011. Вып. 12. С. 144.

В самом общем виде аномия есть определенные виды массовых отклонений в нормативно-ценностной системе, влекущие к изменениям в социальной жизни; это такое состояние общества, в котором старые нормы и ценности уже не действуют, а новые — еще не успели «встать в строй», что создает условия для резкого увеличения отклоняющегося поведения.

Следует отметить, что термины «аномалия» и «патология» (которые, как было указано ранее, в большей степени используются в естественных и технических науках) тоже встречаются в общественных науках, но как некие образные сравнения. Так, философы выделяют одну из наиболее острых социально-психологических проблем — проблему «соотношения нормы и аномалии в образе жизни и поведении людей»¹³, понимая под аномалией все же некие социальные отклонения, а социологи пишут, что подчас «аномия выглядит патологией»¹⁴, что «все конкретные социальные явления и процессы должны анализироваться с неких новых методологических позиций. Речь идет, в частности, и о постижении аномии, неких патологических, аномальных состояний общества»¹⁵. Думается, подобными патологическими явлениями можно считать прежде всего преступность, алкоголизм, наркоманию и т. п.

Юридическая же аномия, будучи лишь особой разновидностью аномии социальной, выступает соответственно тоже специфическим отклонением, но преимущественно от правовых норм. В этом смысле социальные отклонения — категория гораздо шире, чем аномия социальная и тем более юридическая. Отсюда соотношение данных трех понятий вполне напоминает матрешку: социальные отклонения (как более объемное понятие), социальная аномия (менее объемное, чем предыдущее понятие, но более объемное, чем юридическая аномия) и юридическая аномия, «входящая» как в разряд социальной аномии, так и в общее «семейство» социальных отклонений.

Имея это в виду, исследовать юридическую аномию важно, основываясь на работах социологов и философов, во многом выступающих здесь методологическими. Если в данном соотношении социальную аномию можно рассматривать как родовое понятие, как «род», то юридическую аномию — как «вид». Это означает следующее: во-первых, они имеют общие черты, поскольку

¹³ Плахов В. Д. Социальные нормы. Философские основания общей теории. М., 1985. С. 227.

¹⁴ Аномия современного общества: проблемы теоретического анализа и эмпирического измерения / под ред. В. В. Кривошеина. Калининград, 2008. С. 21.

¹⁵ Там же. С. 73.

юридическая аномия есть лишь форма проявления аномии социальной; во-вторых, юридическая аномия как особая разновидность обладает и своими собственными характерными чертами, сопряженными с правовой сферой, в рамках которой она и реализуется. То есть юридическая аномия имеет как общие признаки с аномией социальной, так и сугубо специфические.

Общий признак и для социальной, и для юридической аномии состоит в том, что названные процессы значительно усиливаются в эпоху кризиса, связанного с войной, революцией, реформами и иными подобными «переходными» ситуациями, о чем писал еще Э. Дюркгейм¹⁶. Разумеется, аномия в той или иной степени существует всегда. Вполне обоснованно отмечается, что «когда общество переживает стабильный период и процветает, аномия уменьшается. Но она устремляется ввысь, когда общество вступает в полосу кризиса...»¹⁷. Так оно и есть, состояние аномии неизбежно усиливается, когда происходят существенные изменения, затрагивающие социальную структуру и нормы, причем характер трансформаций не так важен: революция или реформа, которые создают благоприятные условия для ослабления интегрирующих сил и усиления дезинтегрирующих¹⁸.

Следующим общим признаком выступает то, что, будучи дестабилизирующим фактором, аномичные процессы «подвигают к хаосу» социально-правовую жизнь, причиняют вред самым различным интересам. Верно подмечено, что аномия есть «фактор, оказывающий влияние на дезорганизацию социальной жизни, приводит к широкому распространению девиантного поведения», что «аномия ведет от заведенного и привычного порядка — к непредсказуемому беспорядку, хаосу, анархии»¹⁹.

Другим признаком можно считать то, что и социальная и юридическая аномии — такие отклонения, которые имеют массовидный характер. Отсюда — отклонение отклонению рознь. Это уже иного уровня отклонения — массовые. В литературе убедительно показано, что важнейший «признак аномичных проявлений — массовость, выраженная

в статистических параметрах»²⁰. В целом аномия используется для обозначения состояния социума, в котором отсутствие (полное или частичное) норм в конечном счете приводит к тому, что большинство населения оказывается «вне общества», вступая в конфронтацию с ним²¹.

В подобной ситуации естественным образом теряется доверие к социальным (в том числе и к государственно-правовым) институтам и социальным (в том числе и юридическим) нормам. В этой связи вполне обоснованно утверждается, что если «общество погрузилось в состояние аномии, т.е. ценностно-нормативного вакуума, характерного для переходного и кризисных периодов, когда старые экономические и социальные нормы уже перестали действовать, а новые еще только устанавливаются», то «в этой ситуации важно доверие всех социальных групп населения, единство власти и народа»²², что «исчезновение доверия к государственным институтам можно рассматривать как основной признак правовой аномии»²³.

Если же говорить о специфических признаках юридической аномии, то при всей их условности к ним относится ее «прописка» в соответствующей сфере социального бытия — в правовой системе и в социально-правовой жизни. Поскольку изначальная природа всякой аномии связана с безнормием, то юридическая аномия сопряжена с полным или частичным отсутствием именно правовых норм, содержащихся в системе права. Подобная ситуация, несомненно, коррелируется с состоянием соответствующего вида сознания — правового сознания, с отрицательным (нигилистическим) отношением к имеющимся нормам, а также с поведением субъектов, выражающемся в их соответствующей правореализационной деятельности. Следовательно, все три компонента правовой системы — право, правосознание и правореализация — «заражаются» аномичными процессами и приводят их в нерабочее состояние. Все вышеперечисленное сказывается на правовой системе общества и ведет к нарушению ее функций и баланса компонентов в ее структуре.

Таким образом, сочетая общие и специфические признаки, *юридическую аномию* можно определить как *разновидность социальной аномии, протекающую в правовой сфере в результате быстрых*

¹⁶ См.: Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994. С. 234.

¹⁷ Велевич Е. С. Аномия как форма противопоставления масс и элиты // Гуманитарные исследования. 2013. № 1. С. 113.

¹⁸ См.: Костина Е. Ю., Орлова Н. А., Панфилова А. О. Состояние системы ценностей как фактор аномии в современном российском обществе // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 721.

¹⁹ Ревочкин Н. Н. Аномия как глобальный фактор дезорганизации современного общества: философский аспект // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2014. № 2. С. 116.

²⁰ Баранова Ю. Ю. Указ. соч. С. 144.

²¹ См.: Всемирная энциклопедия. Философия XX век / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М., 2002. С. 35.

²² Кавецкий С. Т. Аномия в современном обществе: социологический аспект: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Минск, 2020. С. 2.

²³ Герашенко Д. Г. Правовая аномия в российском обществе: структурно-деятельностное измерение: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д., 2011. С. 37.

*изменений в кризисный (переходный) период и потери доверия к государственно-правовым институтам, представляющую собой негативную (дестабилизирующую) составляющую социально-правовой жизни общества и характеризующуюся дисфункциональностью и рассогласованностью компонентов правовой системы, что наиболее ярко выражено: во-первых, в полном или частичном отсутствии необходимых (новых) правовых норм, во-вторых, в отрицательном отношении к имеющимся при очевидной их неэффективности и, в-третьих, в массовой отклоняющейся прореализационной деятельности субъектов*²⁴.

Для большей наглядности проанализировать признаки, содержащиеся в данном определении, можно на примере современной Украины, которая находится в состоянии глубочайшей (в т.ч. и юридической) аномии.

1. Это специфическая разновидность социальной аномии, протекающая в правовой сфере в результате быстрых изменений в кризисный (переходный) период и потери доверия к государственно-правовым институтам. Действительно, быстрые изменения после Майдана (кровавого государственного переворота), который произошел в Киеве в феврале 2014 г. при активной поддержке США и иных западных стран, привели к потере доверия к государственно-правовым институтам Украины со стороны немалой части ее населения. Практически сразу высказались против такого поворота событий граждане, проживающие в Крыму, Одессе, на Донбассе и в других во многом русскоязычных регионах страны.

2. Представляет собой негативную (патологическую) составляющую социально-правовой жизни общества, ее теневую часть, ведущую к хаосу. Так, Майдан повлек за собой хаотизацию украинского общества, дестабилизировал существующую там государственно-правовую жизнь, привел к беспорядкам и смертям обычных граждан. В связи с неприятием государственного переворота люди пытались в ряде областей провести мирные акции против разрушения их общества. Например, в Одессе движение «Куликово поле» выступало именно за это. Однако актом насилия им быстро «демократически закрыли рты»: подожгли 2 мая 2014 г. Дом профсоюзов, в котором заживо сгорели десятки граждан, мыслящих иначе, чем неонацисты.

3. Это процесс, характеризующийся разбалансированностью компонентов правовой системы. В частности, юридическая аномия приводит к нарушению равновесия в правовой системе, создает

условия для дезинтеграции основных ее компонентов. При подобных обстоятельствах она теряет свою организующую роль, приобретая все более несистемный, фрагментированный и сегментированный характер, в рамках чего внутренние связи и взаимодействия минимизируются. Все перечисленное вполне характеризует современную украинскую правовую систему, которая после государственного переворота приобрела именно такие свойства: она, по сути, потеряла единство, стала разрушаться и деградировать, вовлекая в эти процессы свои компоненты.

4. Сопряжена с полным или частичным отсутствием необходимых (новых) правовых норм. В принципе любая аномия — это такое состояние социума, когда прежние (старые) нормы уже не действуют для регуляции общественных отношений, а новые еще не институализированы. На Украине все так и произошло: прежние (украинские) юридические нормы перестали действовать на внушительных территориях, не признавших прозападный Майдан, а новые нормы права находятся и сейчас еще на этапе интеграции с правовой системой Российской Федерации, поскольку данные территории стали в результате известных референдумов ее новыми субъектами (если Крым и Севастополь вошли в состав Российской Федерации еще в 2014 г., то Донецкая и Луганская народные республики, Запорожская и Херсонская области — в 2022 г.).

5. Связана с отрицательным отношением народа к имеющимся правовым нормам при очевидной их нелегитимности и неэффективности (неопределенности, противоречивости, незаконности и т.п.). По мнению Э. Дюркгейма, аномия — результат не только нормативного, но и ценностного вакуума²⁵, который «содержится» именно в правосознании. Так, в результате Майдана немалая часть населения проявила свое несогласие с кровавым государственным переворотом, по итогам которого к власти в стране пришли радикальные националисты-бандеровцы, поддержанные финансово-материальными и иными средствами (включая «нуландские печенки») Западом. В этой связи руководство данной страны чудесным образом напоминает известного персонажа — «коллективного Попандопуло» из советского кинофильма «Свадьба в Малиновке», в котором практически все совпадает: от нездорового авантюризма в сочетании с угрозами оружием до ожидания помощи от кого-либо (кому бы подороже продаться). Большинство русскоязычных граждан не приняла навязанной извне власти, что выразилось в негативном отношении к ее, по сути, неолиберально-фашистской идеологии. Подобные «ценности»

²⁴ См.: Малько А. В. Правовая жизнь общества, аномия и проблемы единства правового пространства в современной России // Государство и право. 2023. № 3. С. 12.

²⁵ См.: Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 234.

привели к тому, что украинская «незалежная» власть стала, с одной стороны, разрешать однополые браки и иные европейские ЛГБТ-стандарты, а с другой — подвергать гонениям и насилию (вплоть до убийства) оппозиционные силы и лидеров общественного мнения (в т.ч. и в России). Достаточно вспомнить Олеса Бузину, Дарью Дугину, Владлена Татарского и многих других. В силу того, что подобная идеология стала внедряться в законы, к ним, соответственно, тоже сформировалось отрицательное отношение значительной части украинских граждан. Речь идет о законах, связанных с оголтелой антироссийской десоветизацией и одновременно с утверждением лживой истории о т.н. древних украх, с запретом оппозиции и ее средств массовой информации, с русским языком, с расколом православной церкви, с возрождением бандеровщины — доморощенного, беспредельно агрессивного и подлого украинского национализма.

6. Проявляется в массово отклоняющейся от имеющихся норм правореализационной деятельности субъектов. Применительно к современной Украине массовость выразилась в том, что немалая часть ее граждан выразила свою волю и отторгла искусственно привнесенный в их сообщество националистический режим, посягающий на их права и свободы, на суверенитет украинского государства. О массовом отклоняющемся поведении можно говорить применительно и к огромным потокам миграции украинцев (десятки миллионов людей уехали в Россию, в европейские и иные страны), и к небывалому росту преступности (прежде всего коррупции, военных преступлений и т.п.), и к многочисленным уклонистам от военной мобилизации. В частности, только за год специальной военной операции количество производств по фактам уклонения от призыва и незаконной переправки лиц через государственную границу увеличилось почти в четыре раза²⁶.

Юридическая аномия — сложное явление и, соответственно, понятие. Его нельзя упрощать и обозначать каким-либо одним из его элементов — только отсутствием правовых норм (для чего уже есть понятие «пробел») или только наличием большого роста преступности, или слабым доверием к институтам власти и т.д. Юридическая аномия — это комплекс многих составляющих, а не только какой-то одной или даже двух. Причем имеет важное значение не только разное количество элементов, но и степень интенсивности их проявления.

Здесь напрашивается аналогия с инфекционными заболеваниями. Как известно, в любом обществе и в любое время они так или иначе присутствуют.

В зависимости от большего или меньшего количества случаев заболеваний выделяют различную степень интенсивности эпидемического процесса в виде либо спорадической заболеваемости (единичное инфекционное заболевание), либо эпидемической вспышки (групповые заболевания на ограниченной территории), либо эпидемии — значительного повышения заболеваемости данной инфекционной болезнью, либо пандемии (от *греч.* — «весь народ») — сильной эпидемии, резко превосходящей по своей интенсивности обычную эпидемию, распространяющейся среди населения на больших территориях (например, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) 11 марта 2020 г. объявила в мире пандемию COVID-19).

Однако в полной мере пандемией они становятся только тогда, когда сложатся для этого все необходимые условия, выражающиеся в непрерывном процессе следующих друг за другом однородных инфекционных заболеваний, которые проявляются в значительном их распространении в сообществе, странах. Пандемия, как и аномия, в наибольшей степени представляет завершенную «картину» тогда, когда складываются все «пазлы», когда все элементы присутствуют (в частности, массовое количество зараженных, интенсивность эпидемического процесса, масштабность охваченных заболеваниями территорий и т.д.).

Поэтому следует иметь в виду, что могут быть отдельные аномичные проявления (как и единичные инфекционные заболевания), а может быть и юридическая аномия как синтез необходимых элементов, как «социальная пандемия», охватывающая собой многие свойства и переводящая данный феномен в новое качество. Сравнение юридической аномии с пандемией «работает» и становится еще более уместным в силу того, что последняя (как глобальная эпидемия) вполне сопоставима с первой (юридической аномией), которая тоже стала глобальной и охватила практически весь мир в условиях формирования более справедливого многополярного порядка.

При соотношении юридической аномии с политической, нравственной и другими видами в первую очередь важно исходить из того, что их объединяет, что является общим для них. Думается, единым будет то, что они выступают разновидностями социальной аномии, и то, что основу аномии составляют соответствующие нормы, соответствующая система и соответствующая сфера жизнедеятельности, в рамках которой она протекает. Так, если юридическая аномия связана преимущественно с правовыми нормами, правовой системой и социально-правовой жизнью общества, то политическая аномия, соответственно, — преимущественно с политическими нормами, политической системой

²⁶ См. подр.: Малько А. В. Юридическая аномия: общетеоретический анализ // Юрид. наука. 2023. № 8. С. 257–262.

и политической жизнью, нравственная — преимущественно с моральными нормами, нравственной системой и нравственной сферой жизни. Действительно, если социальная аномия (как явление и «родовое» понятие) «неразрывно связана с кризисом социальной системы»²⁷, то и ее «видовые» формы проявления тоже сопряжены примерно с такими же последствиями: политическая аномия — с кризисом политической системы, нравственная аномия — с кризисом нравственной системы, а юридическая аномия — с кризисом правовой системы общества.

Если говорить о политической аномии, то ее кратко можно определить как состояние политической жизни общества, в котором заметно ослабляется роль политических норм и ценностей в политической системе, утрачивающей в этой связи свои организующие функции. Сегодня наиболее ярко кризис в политической системе «разворачивается» в США. Элементами политической аномии там можно признать: деградацию института выборов (прежде всего президента), свидетельством чего выступают многочисленные (массовые) нарушения (от порядка их проведения и процедуры подсчета голосов до голосования по почте и даже «с кладбищ»); чрезмерную политизацию ЛГБТ-идеологии и движения «Жизни черных имеют значение»; травлю политических оппонентов и «судебно-юридические» репрессии в отношении конкурентов и неугодных псевдомократическому режиму; использование подконтрольных и во многом продажных средств массовой информации в политическом процессе; фактическое уничтожение «глубинным» государством политической системы. В США заигрались в демократию и не заметили, как потеряли то, что от нее оставалось после штурма Капитолия и неадекватной реакции властей на него. Политические нормы в такой ситуации начинают существовать в виде правил, которыми мало кто пользуется, и тем самым происходит нарастание политических отклонений. Отсюда политическая аномия приводит к состоянию несогласованности между нормативно-ценностными требованиями прогнившей политической системы и отчужденным от нее поведением основного населения, что негативным образом сказывается на политической жизни американского общества.

Нравственную же аномию кратко можно определить как состояние духовной жизни общества, в котором снижается роль этических норм и ценностей в нравственной системе, утрачивающей в этой связи свои регулятивные функции. Подобная аномия сопряжена с духовным разложением, с сознанием человека, «оторванного» от моральных корней и норм, от соответствующих обязанностей, потерявшего тем самым прочные этические

основы для своего поведения. Последствия этого зачастую выражаются в нигилизме, алкоголизме, наркомании и т.п. В качестве примера можно взять те же Соединенные Штаты Америки, которые буквально захлестнула наркомания. Согласно средствам массовой информации, сейчас там более 40 млн наркозависимых²⁸.

Кроме вышеназванных можно перечислить и другие различия юридической, политической и нравственной аномии. Так, с одной стороны, аномичные проявления в правовой и политической системах больше подвержены внешнему контролю и выражены в определенных статистических параметрах, чем в нравственной системе. Например, в политике практикуются такие инструменты, как праймериз в избирательном процессе, результаты голосования на выборах, различного рода рейтинги и т.д.; в правовой сфере «фиксируется» распространение преступности (несоблюдение закона), рост числа самоубийств, алкоголизм и наркомания. Однако к аномии относятся и сложные для статистической фиксации социальные проблемы, такие как нравственная деградация общества, утрата преемственности между поколениями²⁹.

С другой же стороны, если происходит резкий рост аномичных процессов в нравственной системе, что сопровождается прежде всего падением морально-религиозных ценностей, то наступают проблемы и для политической и правовой систем. Это, в частности, происходит в США и в целом на Западе, где власти и часть населения, по сути, отказываются от ряда морально-религиозных ценностей (от христианства, от традиционных семейных отношений и т.д.). Подобные неолиберальные практики ведут к ослаблению социальных связей, разрушению преемственности между поколениями, распространению разного рода сатанизма и в конечном счете к дисфункциональности правовых и политических институтов. Поэтому не случайно нравственную аномию связывают с ростом преступности, абсентизмом и т.п.

Все обозначенные признаки позволяют отличить юридическую аномию от схожих понятий. Разумеется, нельзя впадать и в такую крайность, когда хотят представить тот или иной вид аномии как «очищенный» от всех остальных, ибо между данными видами аномии нет «пропасти», они тесно взаимосвязаны. Юридическая, политическая и нравственная аномии наряду с тем, что имеют свою специфику, еще и взаимопересекаются и в определенной мере взаимозависят друг от друга. Во-первых, все они — формы проявления аномии социальной. Во-вторых,

²⁷ Кавецкий С. Т. Указ. соч. С. 14.

²⁸ См.: Выступление Д. Дробницкого на передаче «Вечер с В. Соловьевым». 2023. 19 сент.

²⁹ Баранова Ю. Ю. Указ. соч. С. 144.

трудно представить ситуацию (только если чисто гипотетически), когда юридическая аномия существовала бы без политических и нравственных моментов. И наоборот.

Верно отмечено, что юридическая аномия теснейшим образом связана с политической и нравственной аномией, с их соответствующими нормами и системами. Так, М.С. Бороздина подчеркивает, что «юридическая аномия — это источник возрастания степени конфликтности, связанный с деструктивной деятельностью различных субъектов правоотношений, наличием институциональных искажений в правовой, политической и социально-экономической сферах жизнедеятельности, вызванных отказом от реализации установленных юридических норм и иных социальных норм, деформациями законности и правового порядка, нигилистическим отношением к правовой действительности»³⁰.

Несомненно, нравственные нормы лежат в основе политической и правовой систем, а также политической и правовой жизни общества. И в этом смысле нравственная, политическая и правовая жизнь тесно переплетены. И если истинно то, что юридическая аномия — это во многом «жизнь вне провозглашенных законов»³¹, то не менее истинным будет и другой тезис, согласно которому юридическая аномия — это и жизнь вне нравственных и политических норм. Что, в свою очередь, касается и иных рассматриваемых разновидностей аномичных процессов.

Действительно, юридическая аномия связана с отказом от реализации не только установленных юридических, но и иных социальных норм (политических, нравственных и т.д.). Исследуя данные проблемы, в литературе выделили даже особую форму юридической аномии — дисномию. В частности, вполне обоснованно заявлено, что «наиболее опасной формой юридической аномии является дисномия, предусматривающая отказ от всех видов нормативности (юридической, нравственной и др.), сопровождаемая антидемократической трансформацией институтов публичной власти, опирающихся в целях поддержания порядка и целостности национально-правового пространства на репрессивные методы и принципы негативного права»³². Отсюда юридическая аномия — это не только нарушение правовых норм, но и разрушение связей, существующих между правовыми, нравственными и политическими предписаниями, это рассогласование взаимодействия вышеназванных требований.

³⁰ Бороздина М.С. Юридическая аномия в институциональной трансформации современной российской государственности: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2009. С. 7.

³¹ Кавецкий С.Т. Указ. соч. С. 16.

³² Бороздина М.С. Указ. соч. С. 9.

Аномия, выступая междисциплинарной категорией, исследуется со стороны разных наук: философии, социологии, политологии, этики, юриспруденции и т.д. Каждая из наук со своих позиций изучает данный феномен, уделяя внимание как общим признакам аномии, так и специфическим. Если же говорить о юридической науке, то ее представители только еще «подбираются» к полноценному исследованию аномичных процессов в обществе, пытаются скорректировать их понятийные границы применительно к своей сфере. Поэтому в условиях роста подобных процессов в силу усугубляющейся социальной дестабилизации важно знать и понимать природу юридической аномии, ее причины и истоки, уровни, виды и формы проявления, активнее создавать ее теорию, формируя соответствующий категориальный аппарат. Это, бесспорно, будет содействовать как развитию юридической науки, вынужденной отвечать на многие востребованные жизнью вопросы, так и юридической практики, в рамках которой будет осуществляться противодействие распространению вышеназванных процессов, негативно влияющих на правовую систему общества и в целом на социально-правовую жизнедеятельность.

* * *

Таким образом, важно отличать юридическую аномию, с одной стороны, от похожих на нее более широких социальных явлений (отклонений, девиаций, аномии), с другой же — от иных видов социальной аномии (политической, нравственной и др.). Понятие юридической аномии и ее соотношение с «родственными» категориями может быть положено в основу разрабатываемой теории данного феномена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аномия современного общества: проблемы теоретического анализа и эмпирического измерения / под ред. В.В. Кривошеева. Калининград, 2008. С. 21, 73.
2. Баранова Ю.Ю. Методологические исследования аномии и социальная реальность: польское и российское измерение // Вестник БФУ им. И. Канта. 2011. Вып. 12. С. 144.
3. Большой словарь синонимов и антонимов русского языка / сост. Н.И. Шильнова. М., 2021. С. 16, 365.
4. Бороздина М.С. Юридическая аномия в институциональной трансформации современной российской государственности: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2009. С. 7, 9.
5. Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М., 1998. С. 179.
6. Валевиц Е.С. Аномия как форма противопоставления массы и элиты // Гуманитарные исследования. 2013. № 1. С. 113.
7. Всемирная энциклопедия. Философия XX век / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М., 2002. С. 35.

8. *Геращенко Д.Г.* Правовая anomia в российском обществе: структурно-деятельностное измерение: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д., 2011. С. 37.
9. *Гилинский Я.И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийства и других «отклонений». СПб., 2004. С. 29, 36.
10. *Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994. С. 234.
11. *Кавецкий С.Т.* Anomia в современном обществе: социологический аспект: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Минск, 2020. С. 2, 14, 16.
12. *Костина Е.Ю., Орлова Н.А., Панфилова А.О.* Состояние системы ценностей как фактор anomia в современном российском обществе // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 721.
13. *Кудрявцев В.Н.* Социальное отклонение: общее понятие // Социальные отклонения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1989. С. 8, 93.
14. *Кудрявцев В.Н.* Теория социальных отклонений в системе научных знаний // Социальные отклонения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1989. С. 6.
15. *Малько А.В.* Правовая жизнь общества, anomia и проблемы единства правового пространства в современной России // Государство и право. 2023. № 3. С. 12.
16. *Малько А.В.* Юридическая anomia: общетеоретический анализ // Юрид. наука. 2023. № 8. С. 257–262.
17. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1991. С. 469.
18. *Плахов В.Д.* Социальные нормы. Философские основания общей теории. М., 1985. С. 227.
19. *Ревочкин Н.Н.* Anomia как глобальный фактор дезорганизации современного общества: философский аспект // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 2. С. 116.
20. Советский энциклопедический словарь. М., 1988. С. 901.
4. *Borozdina M.S.* Legal anomie in the institutional transformation of modern Russian statehood: dis. ... PhD in Law. Rostov-on-Don, 2009. Pp. 7, 9 (in Russ.).
5. *Budon R.* A place of disorder. Criticism of theories of social change. M., 1998. P. 179 (in Russ.).
6. *Valevich E.S.* Anomie as a form of opposition between the mass and the elite // Humanitarian studies. 2013. No. 1. P. 113 (in Russ.).
7. The World Encyclopedia. Philosophy of the XX century / chap. scientific ed. and comp. A.A. Gritsanov. M., 2002. P. 35 (in Russ.).
8. *Gerashchenko D.G.* Legal anomie in Russian society: structural and activity dimension: abstract ... Cand. Social Sciences. Rostov-on-Don, 2011. P. 37 (in Russ.).
9. *Gilinsky Ya. I.* Deviantology: sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other “deviations”. SPb., 2004. Pp. 29, 36 (in Russ.).
10. *Durkheim E.* Suicide. Sociological etude. M., 1994. P. 234 (in Russ.).
11. *Kavetsky S.T.* Anomie in modern society: a sociological aspect: abstract ... Doctor of Social Sciences. Minsk, 2020. Pp. 2, 14, 16 (in Russ.).
12. *Kostina E. Yu., Orlova N.A., Panfilova A.O.* The state of the value system as a factor of anomie in modern Russian society // Herald of the RUDN. Ser.: Sociology. 2018. Vol. 18. No. 4. P. 721 (in Russ.).
13. *Kudryavtsev V.N.* Social deviation: a general concept // Social deviations. 2nd ed., reprint and add. M., 1989. Pp. 8, 93 (in Russ.).
14. *Kudryavtsev V.N.* Theory of social deviations in the system of scientific knowledge // Social deviations. 2nd ed., reprint and add. M., 1989. Pp. 6 (in Russ.).
15. *Mal'ko A.V.* The legal life of society, anomie and problems of the unity of the legal space in modern Russia // State and Law. 2023. No. 3. P. 12 (in Russ.).
16. *Mal'ko A.V.* Legal anomie: general theoretical analysis // Yurid. nauka. 2023. No. 8. Pp. 257–262 (in Russ.).
17. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language. M., 1991. P. 469 (in Russ.).
18. *Plakhov V.D.* Social norms. Philosophical foundations of the general theory. M., 1985. P. 227 (in Russ.).
19. *Revochkin N.N.* Anomie as a global factor of disorganization of modern society: a philosophical aspect // Herald of Nekrasov KSU. 2014. No. 2. P. 116 (in Russ.).
20. Soviet Encyclopedic Dictionary. M., 1988. P. 901 (in Russ.).

REFERENCES

1. Anomie of modern society: problems of theoretical analysis and empirical measurement / ed. by V.V. Krivosheev. Kaliningrad, 2008. Pp. 21, 73 (in Russ.).
2. *Baranova Yu. Yu.* Methodological studies of anomie and social reality: the Polish and Russian dimension // Herald of Kant BFU. 2011. Iss. 12. P. 144 (in Russ.).
3. The Great Dictionary of synonyms and antonyms of the Russian language / comp. N.I. Shilnova. M., 2021. Pp. 16, 365 (in Russ.).
4. *Borozdina M.S.* Legal anomie in the institutional transformation of modern Russian statehood: dis. ... PhD in Law. Rostov-on-Don, 2009. Pp. 7, 9 (in Russ.).
5. *Budon R.* A place of disorder. Criticism of theories of social change. M., 1998. P. 179 (in Russ.).
6. *Valevich E.S.* Anomie as a form of opposition between the mass and the elite // Humanitarian studies. 2013. No. 1. P. 113 (in Russ.).
7. The World Encyclopedia. Philosophy of the XX century / chap. scientific ed. and comp. A.A. Gritsanov. M., 2002. P. 35 (in Russ.).
8. *Gerashchenko D.G.* Legal anomie in Russian society: structural and activity dimension: abstract ... Cand. Social Sciences. Rostov-on-Don, 2011. P. 37 (in Russ.).
9. *Gilinsky Ya. I.* Deviantology: sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other “deviations”. SPb., 2004. Pp. 29, 36 (in Russ.).
10. *Durkheim E.* Suicide. Sociological etude. M., 1994. P. 234 (in Russ.).
11. *Kavetsky S.T.* Anomie in modern society: a sociological aspect: abstract ... Doctor of Social Sciences. Minsk, 2020. Pp. 2, 14, 16 (in Russ.).
12. *Kostina E. Yu., Orlova N.A., Panfilova A.O.* The state of the value system as a factor of anomie in modern Russian society // Herald of the RUDN. Ser.: Sociology. 2018. Vol. 18. No. 4. P. 721 (in Russ.).
13. *Kudryavtsev V.N.* Social deviation: a general concept // Social deviations. 2nd ed., reprint and add. M., 1989. Pp. 8, 93 (in Russ.).
14. *Kudryavtsev V.N.* Theory of social deviations in the system of scientific knowledge // Social deviations. 2nd ed., reprint and add. M., 1989. Pp. 6 (in Russ.).
15. *Mal'ko A.V.* The legal life of society, anomie and problems of the unity of the legal space in modern Russia // State and Law. 2023. No. 3. P. 12 (in Russ.).
16. *Mal'ko A.V.* Legal anomie: general theoretical analysis // Yurid. nauka. 2023. No. 8. Pp. 257–262 (in Russ.).
17. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language. M., 1991. P. 469 (in Russ.).
18. *Plakhov V.D.* Social norms. Philosophical foundations of the general theory. M., 1985. P. 227 (in Russ.).
19. *Revochkin N.N.* Anomie as a global factor of disorganization of modern society: a philosophical aspect // Herald of Nekrasov KSU. 2014. No. 2. P. 116 (in Russ.).
20. Soviet Encyclopedic Dictionary. M., 1988. P. 901 (in Russ.).

Сведения об авторе

МАЛЬКО Александр Васильевич —
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
профессор Тольяттинского
государственного университета;
445020 г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14
ORCID: 0000-0003-3204-9696

Authors' information

Mal'ko Alexandr V. —
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker
of Science of the Russian Federation,
Professor Togliatti State University;
14 Belorusskaya str., 445020 Togliatti, Russia

УДК 341

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРАВ РОССИИ В АКВАТОРИИ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ

© 2024 г. И. С. Жудро

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: joudreaux@mail.ru

Поступила в редакцию 22.01.2024 г.

Аннотация. Провокационные действия Соединенных Штатов Америки в арктических водах стимулируют Российскую Федерацию на шаги по укреплению правового режима Северного морского пути с опорой на бесспорные исторические правооснования и с ориентацией на правовой опыт другого крупного арктического государства — Канады, отстаивающей суверенитет в водах Северо-Западного прохода. При этом в распоряжении Российской Федерации — обширный арсенал правовых средств: помимо положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. — правовые обычаи, исторический титул, природоохранная юрисдикция.

Ключевые слова: Северный морской путь, правовой режим, исторические права, природоохранная юрисдикция, исходные линии, обычай.

Цитирование: Жудро И. С. Международно-правовые средства защиты исторических прав России в акватории Северного морского пути // Государство и право. 2024. № 1. С. 16–23.

DOI: 10.31857/S1026945224010026

INTERNATIONAL LEGAL MEANS OF PROTECTING THE HISTORICAL RIGHTS OF RUSSIA IN THE WATERS OF THE NORTHERN SEA ROUTE

© 2024 I. S. Zhudro

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: joudreaux@mail.ru

Received 22.01.2024

Abstract. Provocative actions of the United States of America in Arctic waters stimulate the Russian Federation to take steps to strengthen the legal regime of the Northern Sea Route. At the same time, Russia must rely on indisputable historical rights and focus on the legal experience of another large Arctic state — Canada, which defends its sovereignty in the waters of the Northwest Passage. At the same time, the Russian Federation has an extensive arsenal of legal means at its disposal. In addition to the provisions of the 1982 UN Convention on the Law of the Sea — legal customs, historical title, environmental jurisdiction.

Key words: Northern Sea Route, legal regime, historical rights, environmental jurisdiction, baselines, custom.

For citation: Zhudro, I.S. (2024). International legal means of protecting Russia's historical rights in the waters of the Northern Sea Route // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 1, pp. 16–23.

Многовековой процесс формирования международно-правового режима арктических морских пространств в последние десятилетия заметно активизировался. В основе этого режима — характеризующаяся продолжительностью и непрерывностью договорная и национально-законодательная практика прибрежных арктических государств и их правопреемников.

В принятой в 2008 г. Российской Федерацией, Канадой, Данией, Королевством Норвегия и США Илулиссатской декларации констатировался факт сложившейся «обширной международно-правовой базы», обеспечивавшей пяти прибрежным государствам прочную основу для ответственного управления пространствами Северного Ледовитого океана и достаточной для «мирного разрешения споров, вытекающих из любых возможных претензий»¹. Подобную констатацию приполярным государствам позволил сделать, прежде всего, имеющийся опыт бесконфликтного разграничения полярных владений (в 1825 г. — по Англо-Российской Конвенции²; в 1867 г. — по Российско-Американской Конвенции³). Состоявшееся разграничение по меридианам — **на секторы** — не повлекло протестов или возражений остальных государств и оказалось де-факто принятым⁴. Оно получило свое последующее закрепление в законодательстве арктических государств: в законе Канады о Северо-Западных территориях⁵; в Постановлении Президиума ЦИК

СССР 1926 г.⁶ Сегодня **секторальное** деление Арктики, ставшее реальностью — правовым **обычаем**, получило отражение при разграничении морских пространств в Северном Ледовитом океане между СССР и Соединенными Штатами Америки⁷, между Российской Федерацией и Королевством Норвегия⁸, в Соглашении о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике, заключенном в г. Нуук 12 мая 2011 г.⁹, в представлении Российской Федерации в Комиссию по границам континентального шельфа¹⁰, а также в заявлении Государственного департамента США о правах на континентальный шельф в Беринговом море и Северном Ледовитом океане¹¹. С опорой на такой обширный массив договорных и национально-законодательных источников прибрежным арктическим государствам предстоит окончательно урегулировать оставшиеся взаимные притязания на неразграниченные высокоширотные подводные (подледные) пространства, а также правовой режим судоходных трасс в арктических водах Российской Федерации и Канады.

Неотъемлемой частью упомянутой в Илулиссатской декларации «обширной международно-правовой базы» стали правовые режимы российского

¹ Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: хрестоматия: в 3 т. Т. 3. Применимые правовые источники / сост. А. Н. Вылегжанин [и др.]. М., 2013. С. 207.

² См.: Санкт-Петербургская конвенция с Англией относительно разграничения обоюдных пространств владений России и Англии в Северной Америке (Русско-Английская Конвенция 1825 г.) // Там же. С. 73–77.

³ См.: Конвенция об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам Российских Северо-Американских колоний (заключена 18 (30) апреля 1867 г. в г. Вашингтоне) // Там же. С. 77–82.

⁴ См.: Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: хрестоматия: в 3 т. Т. 3. Применимые правовые источники / сост. А. Н. Вылегжанин [и др.]. С. 26.

⁵ См.: URL: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/north-west-territories-act> (дата обращения: 18.01.2024).

⁶ См.: Постановление Президиума ЦИК СССР от 15.04.1926 «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» // СЗ СССР. 1926. № 32, ст. 203.

⁷ См.: Соглашение между СССР и Соединенными Штатами Америки о линии разграничения морских пространств [Вашингтон, 1 июня 1990 г.] // БМД. 2008. № 1. С. 33–37.

⁸ См.: Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане [Мурманск, 15 сентября 2010 г.] // БМД. 2011. № 12. С. 79–85.

⁹ См.: БМД. 2013. № 9. С. 21–32.

¹⁰ См.: Представление Российской Федерации в Комиссию 2015 г. // Сайт Комиссии // https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/rus01_rev15/2015_08_03_Exec_Summary_Russian.pdf (дата обращения: 18.01.2024).

¹¹ См.: Bloomberg: US Claims Huge Chunk of Seabed Amid Strategic Push for Resources. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-12-22/us-claims-huge-chunk-of-seabed-amid-strategic-push-for-resources> (дата обращения: 18.01.2024).

Северного морского пути (далее также — Севморпуть или СМП) и Северо-Западного прохода через Канадский арктический архипелаг (далее также — СЗП), причем задолго до принятия Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее — Конвенция 1982 г.). Общая объединяющая эти правовые режимы черта — установленный прибрежными государствами особый порядок захода в акваторию СМП и СЗП иностранных кораблей и судов.

Последние десятилетия процесс формирования правовых режимов СМП и СЗП заметно активизировался под влиянием политических факторов и в определенной степени — действий одного из пяти прибрежных арктических государств. Исторические права России и Канады на морские пути, пролегающие вдоль их северного побережья, периодически пытаются оспорить США, которым досталось самое малое по протяженности арктическое побережье — 1700 км¹² (для сравнения: Российская Федерация унаследовала от СССР и Российской Империи самую протяженную береговую линию — 22 600 км)¹³.

Соединенные Штаты Америки, каждый раз направляя свои суда в воды Канадского арктического архипелага (инциденты, связанные с пересечением тремя американскими судами вод Северо-Западного прохода в 1957 г., с проходом американского танкера-ледокола «Манхэттен» из моря Бофорта в пролив Дэвиса в сентябре 1969 г., с заходом в канадские внутренние воды судна США «Поляр Си» в августе 1985 г., а также с регулярными проходами подводных лодок США, две из которых, USS Helena и USS Annapolis, «засветились» в 2009 г.¹⁴), стимулировали тем самым Канаду на выбор оптимальных путей отстаивания особого правового режима СЗП: следование **секторальному** принципу, распространение природоохранной юрисдикции, опора на исторический титул, проведение прямых исходных линий¹⁵.

Необходимо также отметить и отличительную особенность отстаиваемого Канадой статуса СЗП

как исторических **внутренних** вод — от режима Севморпути, трассы которого проходят не только через внутренние воды, но и через территориальное море, а акватория распространилась вплоть до границ исключительной экономической зоны Российской Федерации. Дело в том, что в соответствии с международным морским правом для захода иностранного корабля (судна) во внутренние воды в **общем случае** требуется согласие территориального суверена, в то время как в территориальном море иностранные корабли (суда) пользуются правом мирного прохода, а в исключительной экономической зоне прибрежного государства — свободой судоходства.

Между тем СССР устанавливал режим внутренних вод (разрешительный порядок прохода) по всему Северному морскому пути. Такой правовой режим был продиктован, помимо соображений безопасности, интересами предотвращения аварий в условиях повышенной опасности судоходства и защиты уязвимой морской среды Арктики. По всем случаям захода в акваторию Северного морского пути ледоколов Береговой охраны США (такие походы предпринимались в 1962–1970 гг. с целью военно-прикладных исследований) СССР заявлял протесты и высказывал позицию о разрешительном порядке прохода иностранных кораблей по трассам Севморпути.

Морские пространства всех прибрежных арктических государств издавна становились объектом особой природоохранной юрисдикции — им в равной степени свойственна экологическая уязвимость: сегодня стало очевидно, что как воды, так и районы тундры и вечной мерзлоты подвержены риску необратимых изменений в результате воздействия глобальных климатических процессов и антропогенных факторов¹⁶. Природоохранная юрисдикция в полярных владениях всегда была важной составляющей арктической правовой политики Российского государства. Императором Петром I в 1721 г. издан Указ об охране обыкновенной жемчужницы в северных реках. В Своде законов Российской империи (изд. 1892 г.) был предусмотрен раздел «О звериных и рыбных промыслах», регламентировавший природоохранную деятельность в Ледовитом океане и Белом море: выдачу таможенных паспортов для рейсов в Норвегию, на Новую Землю; упорядочение китобойного и тюленьего промыслов на Мурманских берегах, рыбного промысла в реках Архангельской губернии, впадающих в Белое море и Северный океан; запрещение морского котикового

¹² См.: Coastline of the United States. URL: <http://www.info-please.com/ipa/A0001801.html#ixzz3JL2rCeWv> (дата обращения: 18.01.2024).

¹³ См.: Жудро И. С. Роль международных обычаев в формировании правового режима Арктики с учетом практики Международного Суда ООН // Росс. правосудие. 2015. № 2 (106). С. 69.

¹⁴ Подробно об истории прохода «Поляр Си» и о связанной с этим проходом дипломатической переписке см.: Byers M., Lalonde S. Who Controls the Northwest Passage? // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2009. Vol. 42. Pp. 1156–1159. URL: <http://library.arcticportal.org/1613/1/Lalonde-Byers-final-cr-v2.pdf> (дата обращения: 18.01.2024).

¹⁵ Подробнее об этом см.: Жудро И. С. Практика использования Канадой исторически сложившихся правовых оснований в отношении арктических морских пространств // Государство и право. 2022. № 9. С. 128–139.

¹⁶ См.: Меджидова А. С. Экологические проблемы арктического бассейна и регионов АЗРФ и эокантропокосмизм в условиях ноосферы: материалы IX Междунар. конф. по географии и картографированию океана. М., 2018. С. 195–202.

промысла. В Уставе о наказаниях (в ред. 1885 г.) и в Уголовном уложении (в ред. 1903 г.) была ужесточена уголовная ответственность за незаконный (в запрещенных местах и в запрещенное время) промысел, за самовольное возведение перерабатывающих заводов, за непринятие должностными лицами мер против браконьерства. В 1851 г. правительством Российской Империи создавались спецкомиссии по контролю рыболовства в Белом море¹⁷. Осуществление советской природоохранной и природоресурсной юрисдикции в акваториях северных морей не вызывало протестов соседних государств, — факт, подтвержденный декретом, принятым Советом Народных Комиссаров РСФСР 24 мая 1921 г. (в 1929 г. признан утратившим силу в связи с изданием по этим вопросам актов общесоюзного значения). Документом было закреплено «право производства рыбного и звериного промыслов лишь за русскими гражданами по особым письменным разрешениям: в Белом море — к югу от прямой линии, соединяющей мыс Святой Нос и мыс Канин Нос; в Чешской губе и в Северном Ледовитом океане — начиная от границы с Финляндией до Северной оконечности Новой Земли, вдоль берега на расстоянии 12 миль от линии наибольшего отлива как по материковому побережью, так и по побережью островов»¹⁸. В этом же контексте следует упомянуть и принятый в 1922 г. Советом Народных Комиссаров декрет, провозгласивший исключительное право судов, плавающих под русским флагом, осуществлять перевозку пассажиров и грузов между портами РСФСР Белого моря и Ледовитого океана — как одного моря¹⁹. Позже Советское государство заявляло о твердом намерении распространить свою природоохранную юрисдикцию на весь арктический **сектор**²⁰.

Таким образом, процесс формирования правового режима Севморпути происходил на протяжении исторически длительного периода, непрерывно, и ныне представлен на уровне **обычаев**, договорных норм, в т.ч. применимых к Арктике норм Конвенции 1982 г. — ст. 56 (о правах и юрисдикции прибрежного государства в исключительной

экономической зоне), ст. 234 (о покрытых льдом районах), российского законодательства. Закрепленное в ст. 234 Конвенции 1982 г. право прибрежного государства в пределах исключительной экономической зоны принимать и обеспечивать соблюдение недискриминационных нормативных правовых актов и правил по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды с судов в районах, большую часть года покрытых льдами, наряду с нормами обычного права позволило Российской Федерации установить на трассах Севморпути разрешительный порядок и обязательную ледовую проводку, регламентированную нормами Кодекса торгового мореплавания России и Правилами плавания по Севморпути²¹.

Между тем в сентябре—октябре 2023 г. ледокол береговой охраны США «Хили» совершил **несанкционированный** заход в акваторию СМП в исключительной экономической зоне Российской Федерации. Наряду с официально объявленной научной миссией истинной целью экспедиции западная пресса назвала проверку реакции Российской Федерации, демонстрацию возможностей ледокольного флота США и исследования в интересах вооруженных сил (на борту находились американские, британские и норвежские военнослужащие)²². Даже с учетом статуса ледокола (военного корабля или государственного судна, эксплуатируемого в некоммерческих целях) исключать его из сферы применения Правил плавания по Севморпути, требующих согласования захода в акваторию СМП, со ссылкой на суверенный иммунитет, предусмотренный ст. 236 Конвенции 1982 г., достаточных оснований нет — принимая во внимание прежде всего интересы прибрежного государства по защите морской среды и обеспечению безопасности судоходства. Статья 236 Конвенции 1982 г. обязывает каждое государство обеспечивать совместимость действий своих военных кораблей, военновспомогательных и других судов или летательных аппаратов, принадлежащих ему или эксплуатируемых им и используемых для правительственной некоммерческой службы, с положениями Конвенции 1982 г., касающимися защиты и сохранения морской среды. В данном случае подразумеваются в т.ч. положения Конвенции 1982 г., регламентирующие порядок проведения морских научных исследований в исключительной экономической зоне, а именно — право прибрежного государства

¹⁷ См.: Арктическое право: концепция развития / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2014.

¹⁸ См.: постановление СНК РСФСР от 24.05.1921 «Об охране рыбных и звериных угодий в Северном Ледовитом океане и Белом море» // Международные договоры и акты нового времени / ред. Е.А. Коровин. М. — Л., 1924. С. 348, 349.

¹⁹ См.: постановление СНК РСФСР от 27.09.1922 «О порядке перевозки иностранными судами пассажиров и грузов в морских сообщениях РСФСР» // Там же. С. 349—350.

²⁰ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.11.1984 № 1398-XI «Об усилении охраны природы в районах Крайнего Севера и морских районах, прилегающих к Северному побережью СССР» // Ведомости ВС СССР. 1984. № 48, ст. 863.

²¹ См.: постановление Правительства РФ от 18.09.2020 № 1487 «Об утверждении Правил плавания в акватории Северного морского пути». URL: <http://pravo.gov.ru>

²² См.: US icebreaker Healy On Successful Research Voyage in the Siberian Arctic // High North News, October 11, 2023. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/us-icebreaker-healy-successful-research-voyage-siberian-arctic> (дата обращения: 18.01.2024).

согласовывать такие исследования, быть информированными о них или принять участие в них (ст. 245, 246, 248–250).

Анализ ситуации с «научно-исследовательской» миссией ледокола «Хили» позволяет сформулировать вывод о том, что США, не ратифицировавшие Конвенцию 1982 г., но признавшие действие в отношении себя ее положений в качестве норм обычного права, открыто проигнорировали их, не согласовав с Российской Федерацией заход своего судна в ее исключительную экономическую зону в акватории Севморпути. Тем самым США в очередной раз своими действиями напомнили Российской Федерации о необходимости законодательного урегулирования правового режима пребывания иностранных военных кораблей в акватории своей национальной транспортной коммуникации.

Первый шаг в данном направлении был уже сделан с использованием метода **исходных** линий. В 2021 г. Правительством РФ был утвержден Перечень географических координат точек, определяющих положение исходных линий, уточняющий их прохождение у материкового побережья и островов Российской Федерации в Северном Ледовитом океане²³. Прямыми исходными линиями отнесены к внутренним воды архипелага Земля Франца-Иосифа, а также воды Белого моря, Чешской губы и Байдарацкой губы, через которые проходят трассы Севморпути. Данным актом воспроизведены прямые исходные линии, с помощью которых еще в 1985 г. было подтверждено отнесение к внутренним водам СССР проливов Карские Ворота, Югорский Шар, Маточкин Шар, Вилькицкого, Шокальского, Санникова и Дмитрия Лаптева²⁴. По поводу проведения СССР в 1985 г. прямых исходных линий и установления в «оконтуренных» таким образом арктических водах разрешительного порядка прохода иностранных кораблей был заявлен протест США (подтвержденный

позже в связи со столкновением американской АПЛ «Батон-Руж» с советским кораблем при входе в Кольский залив 11 февраля 1992 г. — во внутренних водах, согласно позиции СССР, и в открытом море — согласно заявлению США)²⁵.

Исходными называются линии, от которых отмеряется ширина территориального моря, прилегающей зоны, исключительной экономической зоны и континентального шельфа прибрежного государства. Исходные линии соединяют выступающие в море точки на побережье и замыкают тем самым воды проливов (воды к берегу от прямых исходных линий являются **внутренними** водами прибрежного государства с более строгим, чем в его **территориальных** водах, правовым режимом, поскольку он не предусматривает по общему правилу права мирного прохода иностранных судов).

Следует отметить, что **прямые** исходные линии, призванные соединять выбранные прибрежным государством максимально выступающие в море точки, позволяют отнести к **внутренним** водам государства большую площадь морских вод по сравнению с «**нормальными**», т.е. линиями наибольшего отлива. При этом **прямые** исходные линии устанавливаются **национальным** законодательством прибрежного государства не произвольно, а в соответствии с общепризнанными международно-правовыми нормами. В частности, использование **прямых** исходных линий допустимо, если побережье удовлетворяет определенным географическим характеристикам: «где берег глубоко изрезан и извилист...», — гласит решение по делу о рыбных ресурсах Международного Суда ООН 1951 г.²⁶ Эта формулировка учтена в нормах Конвенции о территориальном море и прилегающей зоне 1958 г. (ст. 4), а впоследствии — в Конвенции по морскому праву 1982 г. (ст. 7).

В результате правило о допустимости **прямых** исходных линий стало нормой обычного международного права, т.е. **обычаем**.

Основные условия проведения **прямых** исходных линий следующие.

1. Не допускается сколько-нибудь заметных отклонений от общего направления берега.
2. Требуется наличие достаточно тесной связи с береговой территорией определенных участков моря, лежащих с внутренней стороны исходных линий.

²³ См.: постановление Правительства РФ от 16.11.2021 № 1959 «Об утверждении перечня географических координат точек, определяющих положение исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря Российской Федерации, прилегающей зоны Российской Федерации у материкового побережья и островов Российской Федерации в Северном Ледовитом океане, и о признании недействующим на территории Российской Федерации раздела “Северный Ледовитый океан” перечня географических координат точек, определяющих положение исходных линий для отсчета ширины территориальных вод, экономической зоны и континентального шельфа СССР у материкового побережья и островов Северного Ледовитого океана, Балтийского и Черного морей, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 15 января 1985 г. № 56-22» (документ не вступил в силу).

²⁴ См.: постановление Совета Министров СССР от 15.11.1985 № 56-22 «Об исходных линиях для отсчета ширины территориальных вод, экономической зоны и континентального шельфа СССР у материкового побережья и островов Северного Ледовитого океана, Балтийского и Черного морей».

²⁵ См.: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Submarine_incident_off_Kola_Peninsula (дата обращения: 18.01.2024).

²⁶ См.: Fisheries case (United Kingdom v. Norway), Judgment of December 18th, 1951: I.C.J. Reports 1951. P. 130. URL: <https://www.icj-cij.org/case/5> (дата обращения: 18.01.2024).

3. Учитываются особые экономические интересы района, реальность и значение которых ясно доказаны их длительной реализацией.

О соблюдении Российской Федерацией указанных критериев свидетельствует как сама конфигурация установленных исходных линий, так и вся история хозяйствования государства в Арктике. Устойчивая связь акватории Севморпути с берегом всегда была жизненно важна для экономики и промышленности. Трассы Севморпути, как и прежде, имеют исключительно важное значение для обеспечения оборонных интересов: до недавнего времени они не использовались для международного судоходства.

Действующий порядок прохода по трассам СМП основан на нормах международного морского права и экономически оправдан: совместно с Транссибом объединяя в единую транспортную сеть крупнейшие речные артерии Сибири, Севморпуть формирует единое экономическое пространство Российской Федерации, тем самым выполняя и свою геополитическую роль, объективно способствуя упрочению государства. В нынешний период конфликтности, порождаемой США и их союзниками по блоку НАТО, Российской Федерации важно законодательно предупредить несанкционированный заход иностранных военных кораблей на трассы Севморпути, подтвердив тем самым его **исторически** сформировавшийся правовой режим.

Следует отметить, что единого нормативно закрепленного определения понятия «**исторические воды**» в международно-правовых договорах мы не обнаружим. В отсутствие четких формулировок концепция международно-правовой доктрины **исторических вод** базируется на документе Секретариата ООН 1962 г.²⁷, практике, судебных актах, оценках правоведов. В решении Международного Суда ООН 1951 г. по англо-норвежскому спору дано определение понятия «**исторические воды**» (это внутренние воды, на которые имеются общепризнанные **исторические** правооснования (исторический титул))²⁸. Наличие **исторического** титула для признания вод внутренними является решающим. Титул создается в результате длительного и постоянного пользования водами при отсутствии постоянных протестов со стороны других государств.

В международно-правовой доктрине сформировались критерии возникновения такого титула: 1) эффективно осуществляемый суверенитет

в отношении вод морских районов; 2) непрерывность и продолжительность осуществления такого суверенитета; 3) терпимое отношение со стороны других заинтересованных государств.

В отношении арктических проливов Севморпути можно констатировать соответствие перечисленным критериям.

Освоение Россией морских пространств Арктики началось с XI в. С XVI столетия закрепляются права на эти морские пространства, сопровождаясь защитными мерами — вполне определенными нормативно установленными ограничениями для иностранцев. Как известно, протестов государств, оспаривающих эти правовые акты, не последовало.

Арктическая правовая позиция Российской Империи получила свое развитие в советской правовой политике, нацеленной на закрепление и твердое отстаивание **исторических** прав государства на полярные владения в пределах всего арктического **сектора**, в т.ч. и в отношении Севморпути: режим его вод последовательно формировался, не прерываясь ни единичными попытками США без разрешения провести по ним свои корабли, ни их протестами на отказы сделать это со стороны территориального суверена.

Что касается третьего критерия — внешнего регаирования на действия прибрежного государства, то в данном случае, как представляется, следует основываться на объективных факторах: оценивать реакцию того или иного государства с учетом степени его заинтересованности в использовании конкретного морского района. К примеру, можно ли уравнивать в этом смысле значимость для Российской Федерации реакции США и Канады? Следует напомнить, что позиция Канады схожа с российской: она рассматривает воды своего арктического архипелага как **исторические** внутренние, несмотря на несогласие с этим США. Определенно — США и Канада не равны по степени своей географической представленности в Северном Ледовитом океане, а значит, и по значимости своей реакции для российской правовой позиции. Площадь полярных **секторов**, за основу которых взят Северный полярный круг, а за вершину — точка Северного полюса, составляет у Российской Федерации 9 млн кв. км, или 44% по отношению к площади Арктики в границах Северного полярного круга, у Канады — 4.3 млн кв. км, или 21%, у Дании (о. Гренландия) — 3 млн кв. км, или 14%, у Королевства Норвегия — 2.7 млн кв. км, или 13%, у США — 1.7 млн кв. км, или 8%²⁹. США в своих действиях исходят в большей степени из политических, нежели правовых соображений, — и не только в Арктике. В ноябре

²⁷ См.: A/CN.4/143 Juridical Regime of Historic waters including historic bays — Study prepared by the Secretariat. Juridical regime of historic waters, including historic bays. Extract from the Yearbook of the International Law Commission. 1962. Vol. II. P. 13. URL: https://legal.un.org/ilc/guide/8_4.shtml (дата обращения: 18.01.2024).

²⁸ См.: Fisheries case (United Kingdom v. Norway), Judgment of December 18th, 1951: I.C.J. Reports 1951. P. 130. URL: <https://www.icj-cij.org/case/5> (дата обращения: 18.01.2024).

²⁹ См.: БСЭ. URL: http://enc-dic.com/enc_sovet/Arktika-70300/ (дата обращения: 18.01.2024).

2020 г. российским БПК «Адмирал Виноградов» была успешно пресечена демонстративная попытка эсминца УРО (ПРО) ВМС США «Джон Маккейн» осуществить несанкционированный заход в **исторические внутренние** воды Российской Федерации — в залив Петра Великого.

Особый статус Севморпути как **исторически** сложившейся национальной транспортной коммуникации провозглашен Федеральным законом от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации»³⁰. Действие этого Закона, в отличие от Кодекса торгового мореплавания, распространяется на военные корабли и государственные суда иностранных государств — основных субъектов права мирного прохода, не действующего во внутренних водах. Согласно внесенным в 2023 г. изменениям в данный Федеральный закон, для захода иностранных военного корабля и государственного судна в проливы, по которым проходят трассы Севморпути (без цели захода в порт, военно-морскую базу или пункт базирования), необходим заблаговременный (за 90 дней) запрос разрешения по дипломатическим каналам. Порядок получения такого разрешения установлен Правительством РФ³¹. Тем самым в проливах Севморпути был подтвержден режим внутренних вод, **исторически** сложившийся в ходе продолжительной и непрерывной правовой практики Российской Империи и СССР.

Россия, никогда не ставившая под сомнение наличие, например, в Мексиканском заливе исторических прав США, следуя их логике, должна отказаться от собственных исторических прав. В попытке оспорить исторические права России американские источники обычно ссылаются на ст. 5 Конвенции о территориальном море и прилежащей зоне 1958 г., а также на ст. 8 Конвенции 1982 г., допускающие право мирного прохода во внутренних водах, ограниченных прямыми исходными линиями, если до их проведения такие воды не рассматривались как внутренние. При этом намеренно игнорируется тот факт, что с давних времен проливы Карские Ворота, Вилькицкого, Шокальского, Дмитрия Лаптева и Санникова наделялись статусом российских внутренних вод, причем практически при отсутствии протестов со стороны других государств. Упомянутыми выше постановлениями Совета Министров СССР от 15 января 1985 г. и Правительства РФ

от 16 ноября 2021 г. № 1959 такая правовая квалификация не устанавливалась вновь, а лишь подтверждалась. Более того — когда Постановлением Совета Министров СССР от 15 января 1985 г. исходными линиями были ограничены пространства проливов Карские Ворота, Югорский Шар, Маточкин Шар, Вилькицкого, Шокальского, Санникова и Дмитрия Лаптева, отечественные эксперты расценили данный шаг как возможную пространственную уступку по сравнению с прежними доктринальными оценками принадлежности к **историческим**, а значит — к внутренним всех сибирских морей: Карского, Лаптевых, Восточно-Сибирского, Чукотского.

В действительности еще наказами Бориса Годунова (1601—1603 гг.), указами Михаила Романова 1618 г. и Петра I 1704 г. в интересах сохранения за российскими подданными монопольного права на морской промысел в арктических водах вводился соответствующий запрет для иностранных судов, учреждались таможенные и пограничные службы, а Указом Императрицы Елизаветы Петровны от 11 марта 1753 г. были подтверждены «исключительные права России в арктических водах вдоль российских берегов» и «запрет торгового судоходства из Европы в Сибирь» без разрешения российских властей³². То есть о своих правах на воды арктических проливов Российская Империя объявляла задолго до образования США (принятия Декларации о независимости 1776 г.), не говоря уже о том, что статус арктического государства Соединенные Штаты Америки приобрели в 1867 г. — за счет уступки Аляски Российской Империей³³. При таких условиях возможные ссылки на ст. 5 Конвенции 1958 г., а также на ст. 8 Конвенции 1982 г. в попытке обосновать наличие каких-либо прав у кораблей и судов США в арктических проливах Российской Федерации неприменимы. Ныне очевиден особый правовой **обычай** многолетнего осуществления Россией суверенитета над водами арктических проливов как над своими внутренними — тех проливов, в названиях которых увековечивались подвиги русских первооткрывателей и советских исследователей. Действие данного международно-правового **обычая** Россия подтвердила законодательно, о чем проинформировала другие государства³⁴.

³² См.: *Вылегжанин А. Н., Назаров В. П., Буник И. В.* Северный морской путь: к решению политико-правовых проблем // Вестник РАН. 2020. Т. 90. № 12. С. 1105—1118.

³³ См.: Конвенция об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам Российских Северо-Американских колоний (заключена 18 (30) апреля 1867 г. в г. Вашингтоне).

³⁴ См.: постановление Правительства РФ от 02.10.1999 № 1102 (с изм. и доп.) «О Правилах плавания и пребывания иностранных военных кораблей и других государственных судов, эксплуатируемых в некоммерческих целях, в территориальном море, во внутренних морских водах, на военно-морских базах, в пунктах базирования военных кораблей и морских портах Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 42, ст. 5030.

³⁰ См.: СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3833.

³¹ См.: постановление Правительства РФ от 14.06.2023 № 981 «О внесении изменений в Правила плавания и пребывания иностранных военных кораблей и других государственных судов, эксплуатируемых в некоммерческих целях, в территориальном море, во внутренних морских водах, на военно-морских базах, в пунктах базирования военных кораблей и морских портах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 25, ст. 4599.

Своей скорейшей правовой регламентации ждет и режим пребывания иностранных военных кораблей, военно-вспомогательных судов, государственных судов, эксплуатируемых и используемых в некоммерческих целях, в остальной части акватории СМП, относящейся к территориальному морю, к прилежащей и исключительной экономическим зонам Российской Федерации. Нормативного закрепления требует и осуществление Россией в морских арктических районах своей **природоохранной** юрисдикции с опорой прежде всего на **исторические** правооснования — на достаточно продолжительную и непрерывную правовую практику, а также в качестве ориентира — на аналогичный опыт Канады в водах Арктического архипелага³⁵.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: хрестоматия: в 3 т. Т. 3. Применимые правовые источники / сост. А.Н. Вылегжанин [и др.]. М., 2013. С. 26, 207.
2. Арктическое право: концепция развития / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2014.
3. БСЭ. URL: http://enc-dic.com/enc_sovet/Arktika-70300/ (дата обращения: 18.01.2024).
4. Вылегжанин А.Н., Назаров В.П., Буник И.В. Северный морской путь: к решению политико-правовых проблем // Вестник РАН. 2020. Т. 90. № 12. С. 1105–1118.
5. Жудро И.С. Практика использования Канадой исторически сложившихся правовых оснований в отношении арктических морских пространств // Государство и право. 2022. № 9. С. 128–139.
6. Жудро И.С. Роль международных обычаев в формировании правового режима Арктики с учетом практики Международного Суда ООН // Росс. правосудие. 2015. № 2 (106). С. 69.
7. Меджидова А.С. Экологические проблемы арктического бассейна и регионов АЗРФ и эокантропocosмизм

в условиях ноосферы: материалы IX Междунар. конф. по географии и картографированию океана. М., 2018. С. 195–202.

8. Byers M., Lalonde S. Who Controls the Northwest Passage? // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2009. Vol. 42. P. 1156–1159. URL: <http://library.arcticportal.org/1613/1/Lalonde-Byers-final-cr-v2.pdf> (дата обращения: 18.01.2024).

REFERENCES

1. The Arctic region: problems of international cooperation: Anthology: in 3 vols. Vol. 3. Applicable legal sources / comp. A.N. Vylegzhanin [et al.]. M., 2013. Pp. 26, 207 (in Russ.).
2. Arctic Law: the concept of development / ed. by T. Ya. Khabrieva. M., 2014 (in Russ.).
3. BSE. URL: http://enc-dic.com/enc_sovet/Arktika-70300/ (accessed: 18.01.2024) (in Russ.).
4. Vylegzhanin A.N., Nazarov V.P., Bunik I.V. The Northern Sea Route: towards solving political and legal problems // Bulletin of the RAS. 2020. Vol. 90. No. 12. Pp. 1105–1118 (in Russ.).
5. Zhudro I.S. The practice of Canada's use of historically established legal grounds in relation to Arctic marine spaces // State and Law. 2022. No. 9. Pp. 128–139 (in Russ.).
6. Zhudro I.S. The role of international customs in the formation of the legal regime of the Arctic, taking into account the practice of the International Court of Justice of the United Nations // Russ. Justice. 2015. No. 2 (106). P. 69 (in Russ.).
7. Medzhidova A.S. Ecological problems of the Arctic basin and the regions of the Russian Arctic and ecoanthropocosmism in the conditions of the noosphere: proceedings of the IX International Conference on Geography and Ocean Mapping. M., 2018. Pp. 195–202 (in Russ.).
8. Byers M., Lalonde S. Who Controls the Northwest Passage? // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2009. Vol. 42. Pp. 1156–1159. URL: <http://library.arcticportal.org/1613/1/Lalonde-Byers-final-cr-v2.pdf> (accessed: 18.01.2024).

Сведения об авторе

ЖУДРО Иван Сергеевич —
доктор юридических наук,
действительный член Академии военных наук,
ведущий научный сотрудник сектора
международного права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

ZHUDRO Ivan S. —
Doctor of Law,
Full Member of the Academy of Military Sciences,
Leading Researcher
of the International Law Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

³⁵ Подробнее об этом см.: Жудро И.С. Практика использования Канадой исторически сложившихся правовых оснований в отношении арктических морских пространств. С. 128–139.

УДК 340.12

ЗАПАДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ОТ СОЦИАЛЬНОЙ ПАТОЛОГИИ К «ЗДОРОВОМУ ОБЩЕСТВУ». АНАЛИЗ И ПРОГНОЗ Э. ФРОММА

© 2024 г. В. Н. Жуков

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва*

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Поступила в редакцию 20.12.2023 г.

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды Э. Фромма на современное западное общество с позиции психоанализа. Раскрываются его концепция социального характера, феномены отчуждения, позитивной и негативной свободы. Особое внимание уделяется теме социальной нормы и социальной патологии современных западных демократий (особенно США). Рассматривается проект Фромма по реформированию политической и экономической систем стран Запада на основе нравственного и психического изменения человека.

Ключевые слова: Э. Фромм, психоанализ, либеральная демократия, свобода, отчуждение, социальная патология, социальная утопия.

Цитирование: Жуков В. Н. Западная демократия: от социальной патологии к «здоровому обществу». Анализ и прогноз Э. Фромма // Государство и право. 2024. № 1. С. 24–37.

DOI: 10.31857/S1026945224010033

WESTERN DEMOCRACY: FROM SOCIAL PATHOLOGY TOWARDS A “HEALTHY SOCIETY”. E. FROMM’S ANALYSIS AND FORECAST

© 2024 V. N. Zhukov

*Lomonosov Moscow State University;
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Received 20.12.2023

Abstract. The article examines E. Fromm's views on modern Western society from the perspective of psychoanalysis. His concept of social character, the phenomena of alienation, positive and negative freedom are revealed. Special attention is paid to the topic of social norms and social pathology of modern Western democracies (especially the USA). The article considers Fromm's project on reforming the political and economic systems of Western countries on the basis of moral and mental change of a person.

Key words: E. Fromm, psychoanalysis, liberal democracy, freedom, alienation, social pathology, social utopia.

For citation: Zhukov, V.N. (2024). Western democracy: from social pathology towards a "healthy society". E. Fromm's analysis and forecast // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 24–37.

В отличие от З. Фрейда, интересы которого лежали далеко от политики, Э. Фромм посвятил немало книг либеральной демократии стран Запада и принятому там образу жизни (особенно США, куда он эмигрировал после прихода к власти нацистов). Он предпринял попытку дать системный анализ капитализма, используя подходы Маркса и Фрейда. По своим политическим взглядам Э. Фромм — социал-демократ реформистского толка, воспринимающий марксизм в духе Э. Бернштейна и К. Каутского. Он сознательно игнорирует революционное ядро марксизма, идею о диктатуре пролетариата, выдвигая на первый план гуманистический смысл учения раннего Маркса («Экономическо-философские рукописи 1844 года»¹). В отличие от Маркса, его политический идеал не выходит за рамки буржуазной культуры и либеральных ценностей, но дополненных требованиями разработанной им концепции гуманистического психоанализа. Фромм считает учение Маркса и Энгельса незавершенным, поскольку они, как ему представляется, не показали связь между базисом и надстройкой. Соответственно, он ставит перед собой задачу дополнить марксизм в этой его части своими концепциями социального бессознательного и социального характера. Подобно многим социальным мыслителям, Фромм, критикуя либеральную демократию, переходит от ее анализа (в большей или меньшей степени объективного) к созданию очередного социального проекта, отдающего явными чертами утопии. Казалось бы, опора на психоанализ, призванный возвращать человека от иллюзии к реальности, должна была предотвратить опасность ухода в утопию. Однако стремление Фромма стать одним из учителей человечества превратило его из трезвого, здорового исследователя в легкомысленного и поверхностного прожектера. В этом отношении он заметно уступает Фрейду, который до конца своих дней твердо стоял на исходных принципах психоанализа и не впадал в иллюзии относительно возможностей социального реформаторства.

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М., 2010 (Философские технологии).

Капитализм и его социальный характер. Фромм называет следующие черты капитализма: 1) наличие политически и юридически свободных людей; 2) продажа этими свободными людьми своей рабочей силы; 3) наличие товарного рынка, регулирующего цены и обмен продукта; 4) принцип личной пользы в поведении индивида, признание общественной пользы конкуренции. Но капитализм, рассуждает он, неоднороден и менялся по мере своего развития. На капитализм XVII–XVIII вв. продолжают оказывать большое влияние средневековые обычаи и культура. На этом этапе общество и экономика существуют для человека, а не наоборот; экономический прогресс не считался нравственным, если причинял вред какой-либо социальной группе. Данные подходы диктовались необходимостью сохранять равновесие в обществе, любое его нарушение считалось пагубным.

В XIX в., продолжает Фромм, традиционализм уходит, человек перестает быть центром общества, его место занимают бизнес и производство. Наиболее характерной чертой становится нещадная эксплуатация рабочего, нахождение его на грани голодной смерти считалось нормой. Максимально возможная эксплуатация рабочих в погоне за прибылью становится морально обоснованной. Рынок освобождается от всех ограничений и создает саморегулирующийся механизм распределения совокупного общественного продукта, исключая применение силы. Однако свобода наемного работника заключать или не заключать договоры на использование своего труда иллюзорна, т.к. свобода труда подчинена законам капиталистической экономики. При этом именно рыночный механизм обеспечивает политические и личные права и свободы индивидов².

Согласно Фромму, феодальный порядок, где каждый знал свою социальную нишу и не претендовал на другую, сменяется социальной конкуренцией за место в социальной иерархии, следствием которой стала все нарастающая мобильность социальных отношений, ломающая нормы традиционной морали. Капиталиста интересует не полезность

² См.: Фромм Э. Здоровое общество // Фромм Э. Психоанализ и культура. М., 1995. С. 342–344, 346.

его товара, а прибыль. При капитализме распределение доходов характеризуется отсутствием баланса между трудом индивида и его оплатой. Труд за нищенскую зарплату и отсутствие социальных гарантий — это не злой умысел капиталиста, а закон рынка. При капитализме эксплуатация носит безличный, анонимный характер. Существо эксплуатации состоит в том, что капиталист использует других людей с целью извлечения прибыли для себя. В результате эксплуатации человек перестает быть целью самого себя и становится средством обеспечения экономической выгоды. Использование человека человеком выражает систему ценностей капитализма. «Капитал, это омертвленное прошлое, нанимает труд, жизненную силу и энергию настоящего. В капиталистической иерархии ценностей капитал стоит выше, чем труд, накопленные вещи — выше, чем проявления духовной жизни. Труд нанимается капиталом, а не наоборот. Обладатель капитала распоряжается человеком, владеющим “только” собственной жизнью, человеческим опытом, жизненной силой и способностью к творческому труду. “Вещи” выше человека. Противоречие между капиталом и трудом — нечто гораздо большее, чем противоречие между двумя классами, чем их борьба за большую долю в общественном продукте. Это конфликт двух ценностных принципов: между миром вещей и их накоплением, с одной стороны, и миром жизни и ее продуктивностью — с другой»³.

Капитализм XIX в., утверждает Фромм, — это частный капитализм, где помимо духа соперничества буржуа наслаждался своей собственностью. Накопление и обладание стало манией низших слоев среднего класса (особенно в Европе). В современную эпоху эта черта сохраняется у наименее развитых социальных групп. Фрейд назвал это анальным характером. В XVII–XVIII вв. накопительство соответствовало потребности экономического прогресса, в XIX в. оно стало анахронизмом.

С темой эксплуатации, по Фромму, тесно связана проблема власти авторитета в XIX в. Любая социальная система, выстроенная иерархически, опирается на чувство авторитета, что делает проблему власти авторитета ключевой. Авторитет предполагает отношения, где есть высшие и низшие. Но эти отношения могут строиться на рациональной или иррациональной основе. Соответственно, авторитет может быть рациональным или иррациональным. Рациональный авторитет исходит из единства интересов властвующего и подвластного (например, учителя и ученика), иррациональный авторитет, напротив, предполагает конфликт интересов (рабовладелец и раб). Отношения рационального авторитета со временем

заканчиваются, иррациональный авторитет, поскольку он является основой эксплуатации, с течением времени усиливается. Психология этих видов авторитета также различна. В отношениях, складывающихся на основе рационального авторитета, преобладают мотивы любви, восхищения или благодарности. Иррациональный авторитет рождает возмущение и враждебность по отношению к эксплуататору. Чувство обреченности включает у эксплуатируемого механизм вытеснения: болезненное и опасное чувство ненависти к эксплуататору переводится в подсознание, в сознании же возникает восхищение к нему. Благодаря вытеснению эксплуатируемый глушит в себе чувство унижения, в этом случае эксплуататор наделяется превосходными качествами, а такому господину не стыдно и подчиняться. Социальный характер XIX в. сочетал в себе иррациональный авторитет (эксплуатация человека человеком) с рациональным (возможность собственного выбора)⁴.

В XX в., продолжает Фромм свой сравнительный анализ, на Западе, и особенно в США, политическое, экономическое и человеческое положение рабочего класса коренным образом меняется в лучшую сторону. Рабочий получает все большую долю национального богатства, благодаря профсоюзам он стал партнером администрации. Капитализму XX в. нужны люди, легко взаимодействующие в больших группах, стремящиеся к неограниченному потреблению, со стандартизированными вкусами, легко поддающиеся влиянию и с прогнозируемым поведением. Эти люди хотя и чувствуют себя свободными, но готовы к подчинению. Если исходить из критериев XIX в., в XX столетии в странах Запада созданы все условия для построения здорового общества. Однако мир середины XX в. более нездоров психически, чем в XIX в.: ушла опасность стать рабами, но люди могут превратиться в роботов. Вместо власти авторитета людьми руководит страх анонимной власти, стремление к конформизму. Человек утратил индивидуальность, собственные убеждения и самостоятельность. Диагноз патологии XX в. не может соответствовать показателям XIX в.⁵

«Итак, подводя итог, мы можем сказать, что социальному характеру в XIX в. были в значительной мере присущи соперничество, накопительство, эксплуататорство, авторитаризм, агрессивность и индивидуализм. Предваряя наше дальнейшее обсуждение, мы уже сейчас можем подчеркнуть колоссальное различие между капитализмом XIX и XX вв. Мы видим, что место эксплуататорской и накопительской ориентаций теперь занимает

³ Фромм Э. Указ. соч. С. 352.

⁴ См.: там же. С. 352–355.

⁵ См.: там же. С. 357, 358, 364.

воспринимающая (рецептивная) и рыночная ориентации. Вместо соперничества мы находим усиливающуюся тенденцию к совместной работе; вместо стремления к непрерывному росту прибыли — желание иметь постоянный и надежный доход; вместо эксплуатации — тенденцию поделить богатством с другими и манипулировать ими и самим собой; вместо рациональной или иррациональной, но явной власти мы обнаруживаем власть анонимную — власть общественного мнения и рынка, вместо собственной совести — потребность приспосабливаться и получать одобрение со стороны; вместо чувства собственного достоинства и чувства хозяина — постоянно усиливающееся, хотя большей частью неосознаваемое, чувство бессилия»⁶.

Стремление к безжалостной эксплуатации и накопительству, делает вывод Фромм, стало причиной страданий и неуважения к достоинству личности, что проявилось в отношении народов Африки, Азии и пролетариата собственных стран.

Отчуждение как универсальная категория буржуазной культуры. Согласно Фромму, главная черта современного социального характера стран Запада — отчуждение. В своих рассуждениях о феномене отчуждения он идет от Гегеля, и главным образом от Маркса, но его трактовку отчуждения он считает узкой и требующей корректировки. По Марксу, самый отчужденный класс — пролетариат; на самом деле, утверждает Фромм, отчуждение носит всеобщий характер, все общество и все человечество пронизано процессом отчуждения. Индустриальная культура, превратив человека в придаток машины, породила в нем патологию неограниченного потребления и сделала объектом политического манипулирования⁷.

Под отчуждением Фромм понимает такой способ восприятия, при котором человек ощущает себя как нечто чуждое. Он не чувствует себя центром своего внутреннего мира, источником своих собственных действий, а напротив, находится в их власти⁸. «Человек ощущает себя не активным носителем собственных сил и богатства личности, но лишенной индивидуальных качеств “вещью”, зависимой от внешних для нее сил, на которые он перенес свою жизненную ситуацию»⁹.

Хотя слово «отчуждение», рассуждает Фромм, стали употреблять относительно недавно, уже в Ветхом Завете есть его аналог — идолопоклонство. Основное различие между моно- и политеизмом

заключается не в количестве богов, а в факте самоотчуждения: человек создает идола, а затем поклоняется ему. Человек наполняет идола своими жизненными силами, но воспринимает его как нечто отдельное от него и возвышающееся над ним. В монотеизме человек воспринимается как образ и подобие Божие, т.е. как нечто целое, безграничное, самостоятельно существующее. Со временем монотеистические религии выродились в идолопоклонство. В христианстве этому способствовал протестантизм, который привил человеку чувство своей опустошенности и убогости перед Богом. Смирненное поклонение в христианстве есть акт отчуждения и идолопоклонства. Механизм религиозного отчуждения распространяется на обычные человеческие отношения: индивид переносит свою сущность на других лиц, тем самым растворяясь в них. Особенно это раболепство проявляется в отношении либо лиц, обладающих властью, либо организованных объединений (классов, партии, государства, нации). Поклоняясь политическим идолам, человек переносит на них свои силы и с помощью покорности надеется обрести частицу своих же сил. Идолами могут стать власть или деньги, к которым стремится человек. В психическом смысле отчужденный человек — всегда невротик, расщепленная личность, душевнобольной — абсолютно отчужденный, полностью утративший чувство самости¹⁰.

Капиталистическое хозяйство, по Фромму, существует по законам, которые люди не способны контролировать. Отчуждение проявляется в том, что в этих законах воплощены действия людей, а сами они находятся во власти законов. Политика и экономика стран капитала вышли из-под контроля человека, они стали неуправляемы. Связи между индивидами утратили человеческий смысл, приобрели характер манипуляций, где человек воспринимается как средство. В условиях рынка господствует закон, обезличивающий человека, отношения продавца и покупателя, конкурентов, нанимателя и наемного работника пронизаны человеческим безразличием. Потребитель для капиталиста — не конкретная личность, а объект манипуляций. Отношения между людьми приобрели характер отчуждения, они стали напоминать отношения между вещами. В итоге сам человек отчуждается от самого себя и воспринимает себя как товар, который надо выгодно продать. «Если качества, которые может предложить человек, не пользуются спросом, то у него нет вообще никаких качеств; точно так же товар, который нельзя продать, ничего не стоит, хотя и обладает потребительной стоимостью. Таким образом, уверенность в себе, “чувство собственного достоинства”

⁶ Фромм Э. Указ. соч. С. 355, 356.

⁷ См.: Фромм Э. Концепция человека у К. Маркса // Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 402.

⁸ См.: Фромм Э. Здоровое общество. С. 372, 373.

⁹ Там же. С. 376.

¹⁰ См.: там же. С. 373—375.

превращаются лишь в отражение того, что думают о человеке другие. У него нет никакой уверенности в собственной ценности, не зависящей от его популярности и рыночного успеха. Если на него есть спрос, то он считает себя “кем-то”; если же он непопулярен, он и в собственных глазах попросту никто. Эта зависимость самоуважения от успеха предлагаемой “личности” объясняет, почему для современного человека популярность стала настолько важной. От нее зависит не только успех в практических делах, но и способность человека сохранить самоуважение; без нее человек скатывается в пропасть неполноценности»¹¹.

Отчужденный человек, рассуждает Фромм, не может быть здоровым, поскольку он ощущает себя вещью и лишен чувства самости. Отсутствие самости рождает глубокую обеспокоенность, которая компенсируется конформизмом, чувством сопричастности к обществу (в данном случае Фромм называет его стадом). Страх быть отторгнутым от общества усиливает беспокойство, делая его экзистенциальным, а отчуждение становится тотальным. Результатом отчуждения является также чувство вины, имеющее два главных источника. Один — отличие от остальных, непохожесть, грозящая отлучением от среды. Второй — совесть индивида: он чувствует себя виноватым за отказ от собственной самости, от стремления реализовать себя и стать счастливым. «Отчужденный человек чувствует себя виноватым одновременно за то, что остается, и за то, что не остается самим собой; за то, что он — осознающее, чувствующее существо, и за то, что он — автомат; за то, что он — личность, и за то, что он — вещь»¹².

Один из важнейших пороков буржуазной культуры, полагает Фромм, — стандартизация сознания и поведения. Стандартизация, навязываемая системой воспитания и образования, губит оригинальное самостоятельное мышление. Так, вместо развития самостоятельности мышления в головы учащихся вдалбливается как можно больше фактов, не связанных между собой. Другой способ подавления самостоятельного мышления — навязывание тезиса об относительности всякой истины. Этот релятивизм ведет к утрате стимула к поиску истины. А поскольку потребность в истине относится к числу фундаментальных, тормозится общее развитие личности. Ослабление стремления к истине ведет к созданию иллюзий, мешающих людям познавать себя и становиться свободными¹³.

Желания и потребности современного человека, продолжает Фромм, формируются средой,

а потому подлинно экзистенциальные его потребности остаются ему неизвестными и непонятными. Люди принимают стандартные цели за свои собственные. За бурной якобы самостоятельной деятельностью для достижения цели, как правило, стоит социальная среда, вырабатывающая и навязывающая индивиду стандартные мотивы поведения. Здесь индивид не живет, а играет какую-то пьесу, далекую от его подлинных потребностей. Современный человек превратился в робота, пребывающего в иллюзии, будто он — живая личность. Он живет в мире, с которым потерял все подлинные связи, а сам стал деталью гигантской машины, созданной собственными руками. Современный человек утратил ощущение собственной сущности. Он стал тем, кем хочет видеть его среда. «Приспосабливаясь к ожиданиям окружающих, стараясь не отличаться от них, человек может приглушить свои сомнения по поводу собственной сущности и приобрести какую-то уверенность. Однако цена за это высока: отказ от своей спонтанности, индивидуальности и свободы. Психологический робот живет лишь биологически, эмоционально он мертв; он движется, как живой, но тем временем жизнь его, словно песок, уходит сквозь пальцы. Современный человек изображает удовлетворение и оптимизм, но в глубине души он несчастен, почти на грани отчаяния. Он судорожно цепляется за все индивидуальное, он хочет быть “не таким, как все”, ведь нет лучшей рекомендации для чего бы то ни было, чем слова “это что-то особенное”... Современный человек изголодался по жизни, но поскольку он робот, жизнь не может означать для него спонтанную деятельность, поэтому он довольствуется любыми суррогатами возбуждения: пьянством, спортом или переживанием чужих и вымышленных страстей на экране»¹⁴.

Всеобщей стандартизации способствует восприятие мира в качестве количественных показателей и абстракций, т.к. современный капитализм имеет дело с огромным количеством наемных работников и потребителей. Если средневековый ремесленник знал и своих подмастерьев, и конкретных потребителей, для которых он создавал свою продукцию, то для современного капиталиста, стоящего во главе огромного производства, и его наемные работники, и потребители обезличены, выступают в роли абстрактных единиц. Такое абстрактное восприятие мира и людей становится нормой. За цифрами и абстракциями пропадает живая человеческая личность, что наглядно видно в средствах вооружения современной войны. Современная военная доктрина, центром которой выступает концепция применения ядерного оружия, руководствуется не этикой, а статистикой:

¹¹ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1989. С. 107, 108.

¹² Фромм Э. Здоровое общество. С. 441.

¹³ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. С. 206–208.

¹⁴ Там же. С. 212, 213.

люди — это не живые существа, обладающие высшей ценностью, а статистические единицы, не вызывающие никаких эмоций. Так, военный, нажимая ядерную кнопку, может не испытывать никаких эмоций, поскольку имеет дело не с людьми, а с технологическим процессом, оперирующим статистикой. Военный в этом своем действии максимально отчужден от последствий ядерного взрыва и не чувствует никакой ответственности. Средства массовой информации разрушают целостность восприятия мира, когда в один ряд ставятся сообщения о войнах, катастрофах, гибели людей и реклама товаров и услуг¹⁵.

У современного человека, утверждает Фромм, развился рассудок (способность оперировать понятиями с намерением достичь практической цели) и деградировал разум (способность и стремление познать существо вещей). Отчужденная личность, развивая свою мысль, страдает недостатком чувства реальности. Реализм современного человека напоминает параноидный бред. Например, чувство реализма отказывает политику, готовому использовать ядерное оружие. Современный индивид демонстрирует отсутствие реализма в отношении базовых проблем человеческого бытия: смысла жизни и смерти, счастья и страдания¹⁶. Так, чувство трагедии, затрагивающей корни личности, становится запретной эмоцией. Осознание смерти и трагической стороны жизни — одно из основных свойств человека. В примитивных культурах, где степень индивидуализации невысока, смерть еще не воспринимается как нечто радикально противостоящее жизни. «Греки обращали все свое внимание на жизнь, а смерть представляли себе лишь как продолжение этой жизни, хотя и унылое. Египтяне возлагали надежды на нетленность, нерушимость человеческого тела, по крайней мере нетленность тела того человека, власть которого была нерушимой при жизни. Евреи принимали факт смерти реалистично и были способны примириться с мыслью о прекращении индивидуальной жизни, утешая себя ожиданием того царства счастья и справедливости, к которому должно в конце концов прийти человечество. Христианство сделало смерть нереальной и пыталось утешить несчастного индивида обещанием жизни после смерти. Наша эпоха попросту отрицает смерть, а вместе с нею и одну из фундаментальных сторон жизни. Вместо того чтобы превратить осознание смерти и страданий в один из сильнейших стимулов жизни — в основу человеческой солидарности, в катализатор, без которого радость и энтузиазм утрачивают интенсивность и глубину, — индивид вынужден подавлять

это осознание. Но как и при всяком подавлении, спрятать — не значит уничтожить. Страх смерти живет в нас, живет вопреки попыткам отрицать его, но подавление приводит к его стерилизации. Этот страх является одной из причин бедности наших переживаний, нашей безостановочной погони за жизнью и объясняет — беру на себя смелость это утверждать — невероятные суммы, которые платят наши люди за свои похороны»¹⁷.

В капиталистическом обществе, констатирует Фромм, от человека отчуждено все — производство, собственность, труд, потребление, власть. Владелец крупного бизнеса чувствует себя отчужденным в отношении своей собственности, которая предстает в виде банковского чека на определенную сумму денег. Труд имеет большую ценность для человека, поскольку превращает животное в социальное существо. «В процессе труда, т.е. в процессе формирования и изменения внешней природы, человек формирует и изменяет самого себя». Чем больше совершенствуется труд человека, тем совершеннее становится он сам. Вместе с тем для протестанта труд стал обязанностью и мучением вместо того, чтобы приносить радость творчества. Труд стал системой «мирского аскетизма» (М. Вебер). Труд разделился на обязанность у средних классов и принудительный труд у не имевших собственности. Для человека протестантской культуры труд стал способом подавить свои страхи, сомнения, ощущение изолированности и одиночества, а также стремлением оказаться в числе избранных Богом. В XX в. труд перестал быть религиозным и моральным делом, он стал способом избавиться от невыносимой скуки. Труд воспринимается не как наполненная смыслом человеческая деятельность, а в качестве средства для зарабатывания денег. Отчужденный характер труда привел к двум последствиям: 1) к формированию идеала полнейшей лени; 2) к затаенной, часто бессознательной враждебности к труду и всему с ним связанному¹⁸.

Процесс потребления, рассуждает Фромм, отличается той же отчужденностью, что и процесс производства. Деньги, являясь универсальной мерой труда и потребления, превращают природные силы человека в абстрактные представления и тем самым искажают потребности человека. Индивиду, находящемуся под властью денег, может казаться, что он способен купить ум, храбрость, образование, любовь и т.п. (здесь Фромм воспроизводит Маркса). На самом деле деньги, по Фромму, только создают иллюзию приобретения вещей и свойств, образуя разорванность между индивидом и миром. Отчуждение пронизывает использование вещи:

¹⁵ См.: Фромм Э. Здоровое общество. С. 364, 365, 372; *Его же*. Бегство от свободы. С. 209, 210.

¹⁶ См.: Фромм Э. Здоровое общество. С. 413, 414.

¹⁷ Фромм Э. Бегство от свободы. С. 205.

¹⁸ См.: Фромм Э. Здоровое общество. С. 379, 420–423.

она приобретает не с целью использования, а чтобы иметь ее в своей собственности и повысить свой социальный статус. Акт потребления перестает быть значимым творческим человеческим переживанием¹⁹. «У нас потребление представляет собой главным образом удовлетворение искусственно подогреваемой игры воображения, фантастическое представление, отчужденное от нашей конкретной подлинной сущности»²⁰. Следствием такого потребления становится отсутствие удовлетворения, поскольку удовлетворяется не конкретная живая личность, а ее болезненные фантазии. Неудержимая страсть к потреблению утратила всякую связь с истинными потребностями человека. Потребление превратилось в самоцель, индивид стал заложником своих потребностей. Если в XIX в. человек, купив вещь, долго ее хранил, берег и неохотно с ней расставался, когда она приходила в негодность, в XX в. накопительская ориентация сменяется воспринимавшей, т.е. стремлением приобретать что-то новое²¹.

Согласно Фромму, в середине XX столетия авторитет исходит не от кого-либо или чего-либо, а является анонимным, невидимым, отчужденным. В XIX в. борьба против иррационального авторитета рождала в человеке чувство самости, собственной значимости, формировала его «Я». Безличный, анонимный авторитет рождает не борьбу, а конформизм. Конформизм диктует не борьбу, а стремление приспособиться к обстоятельствам. «Никто не властен надо мной, кроме стада, частью которого я являюсь и которому я тем не менее подчинен»²². Человек «стал свободен от внешних оков, мешающих поступать в соответствии с собственными мыслями и желаниями. Он мог бы свободно действовать по своей воле, если бы знал, чего он хочет, что думает и чувствует. Но он этого не знает; он приспосабливается к анонимной власти и усваивает такое “я”, которое не составляет его сущности. И чем больше он это делает, тем беспомощнее себя чувствует, тем больше ему приходится приспосабливаться. Вопреки видимости оптимизма и инициативы современный человек подавлен глубоким чувством бессилия, поэтому он пассивно, как парализованный, встречает надвигающиеся катастрофы»²³.

Фромм признает, что капиталистический способ производства благоприятствует политической свободе, плановая экономика становится опорой диктатуры. Вместе с тем в условиях либеральной

демократии, утверждает он, всеобщее избирательное право превращается в фетиш, т.к. у избирателей нет ни воли, ни убеждений, они — объекты политической манипуляции. Власть принадлежит бюрократии, для которой управляемые люди — безличные статистические единицы. Именно либеральная демократия проложила путь нацизму, фашизму и сталинизму — этому высшему проявлению политического отчуждения, где изолированный индивид нашел новое убежище и безопасность. Человека вынудили почувствовать себя бессильным и незначительным, чтобы он связал свою защищенность и благоденствие с поклонением политическим вождям. Человек бежал от свободы к идолопоклонству²⁴.

Между современным сверхорганизованным обществом и личностью, заключает Фромм, существует непрекращающийся антагонизм: общество стремится обезличить человека, который, в свою очередь, хочет отстоять свою индивидуальность. Общество боится личности, но его страх так же велик, как его власть над ней. Если общество создает и эксплуатирует пропаганду, то личность жаждет истины. Если общество заинтересовано в политическом патриотизме, возводящем в ранг высших ценностей нацию и государство, то человек хочет гуманистического патриотизма, где высшей ценностью являются личность и требование ее всестороннего развития. За интересами общества стоит эгоизм нации, за личностью — общечеловеческие ценности²⁵.

Негативная и позитивная свобода. Стремление к свободе, утверждает Фромм, — не метафизическая сила, оно является неизбежным результатом процессов индивидуализации и развития культуры. Экономическая система капитализма пронизана индивидуализмом. Капитализм, согласно Фромму, внес огромный вклад в дело освобождения личности. Для современного человека, полагает он, свобода предстает в двух аспектах: с одной стороны, она дает ему новое чувство независимости, с другой — заставляет ощутить одиночество, изоляцию, сомнения и тревогу, вынуждает его к новому подчинению и к лихорадочной, иррациональной деятельности. Принцип частной инициативы способствовал процессу индивидуализации, но этот же принцип способствовал уничтожению связей между людьми. Сначала протестантизм сформировал индивидуалистическое отношение к Богу, затем дело довершила частная инициатива капиталистического хозяйства²⁶.

Вместе с самоутверждением индивида, рассуждает Фромм, капитализм нес с собой самоотрицание

¹⁹ См.: Фромм Э. Здоровое общество. С. 379–381.

²⁰ Там же. С. 382.

²¹ См.: там же. С. 382–384.

²² Там же. С. 399.

²³ Фромм Э. Бегство от свободы. С. 212.

²⁴ См.: Фромм Э. Здоровое общество. С. 377, 386, 426, 466.

²⁵ См.: там же. С. 460, 461.

²⁶ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. С. 94, 97, 98.

и аскетизм. Если в средневековье капитал был службой человека, при капитализме он стал его хозяином. В условиях средневековья экономическая деятельность была лишь средством достижения цели — спасения души человека. При капитализме экономическая деятельность направлена на получение прибыли ради прибыли. Капитализм сделал самоцелью экономическую деятельность, успех и материальную выгоду. Человек стал работать не для собственного счастья, а превратился в деталь гигантской экономической машины, стал служить целям, внешним по отношению к себе, что усилило в нем чувство собственной ничтожности. Наемный работник, пролетарий испытывал на себе тот же механизм отчуждения: господство надличностных целей, зависимость от законов рынка, подчиненность духу протестантского аскетизма²⁷.

Вместе с тем, продолжает Фромм, есть внешнее противоречие между духом аскетизма и господством эгоизма, стремлением к собственной выгоде. Но это противоречие существует лишь на поверхности. Эгоизм — это не любовь к себе, а вид жадности, ненасытность, исключающая достижение удовлетворения. Алчность — это бездонный, истощающий человека колодезь, который никогда невозможно заполнить. Эгоист никогда не бывает удовлетворен, «он всегда беспокоен, его постоянно гонит страх где-то чего-то недобрать, что-то упустить, чего-то лишиться; он преисполнен жгучей зависти к каждому, кому досталось больше»²⁸. В глубине души эгоист себя ненавидит. Эгоизм коренится в недостатке любви к себе. Кто себя не любит, находится в постоянной тревоге за себя. В конечном счете эгоист живет не своими интересами, а надличностными, заданными системой капиталистического хозяйства. Интерес эгоиста — это интерес не его собственного «Я», а социального «Я», сформированного средой. Эгоист служит не себе, а своей социальной роли, своей маске, довлеющей над ним. «Современный эгоизм — это жадность, происходящая из фрустрации подлинной личности и направленная на утверждение личности социальной»²⁹. Таким образом, аскетизм и эгоизм — это психические состояния одного порядка, демонстрирующие отказ от себя и служение в первом случае Богу, во втором — капиталистическому хозяйству.

Двойственность свободы, по Фромму, рождает позитивную и негативную свободу. Позитивная свобода, рассуждает он, была доминирующей в эпоху буржуазных революций, когда «средний класс» одерживал свои экономические и политические победы над представителями старого порядка.

В этой борьбе буржуазия опиралась на протестантизм, а ее противники — на католичество. Во второй половине XIX — начале XX в. позитивная свобода достигает своего апогея: и буржуазия, и пролетариат боролись за собственные цели и в то же время за общие цели человечества. С наступлением монополистического капитализма начинает доминировать негативная свобода (свобода от всех традиционных связей), формирующая чувство бессилия и одиночества: средние и мелкие предприниматели, служащие и инженерно-технические работники, рабочие чувствуют угрозу и неуверенность от крупного капитала³⁰.

Негативная свобода, убежден Фромм, должна смениться позитивной, отличительная черта которой — спонтанная активность личности, ее творческая деятельность с целью реализации себя как целостного существа. Позитивная свобода означает также, что человек является центром и целью своей жизни, что его высшая цель — реализация собственной личности. Свобода есть неподвластность никакой высшей силе. Спонтанность позволяет человеку, оставаясь самим собой, жить и развиваться не изолированно, а в гармоничном соединении с миром, другими людьми и природой. В результате исчезают сомнения относительно смысла жизни. Человек, осознающий себя как активную творческую личность, понимает, что у жизни есть лишь один смысл — сама жизнь³¹.

Главные составляющие спонтанности, по Фромму, — любовь и труд. Имеется в виду любовь, не растворяющая свое «Я» в другом человеке, а добровольный союз с ним на основе сохранения собственной личности. Под трудом понимается не вынужденная деятельность с целью избавиться от одиночества или господства над природой, а творчество, соединяющее человека с природой в акте творения. Спонтанность должна присутствовать во всех действиях, включая сферу политики. Спонтанность предполагает, что деятельность ценна сама по себе, а не ее результат. В условиях капитализма центр тяжести смещается с удовлетворения творческой деятельностью на стоимость готовой продукции. Человек теряет единственное удовлетворение, при котором мог бы испытать настоящее счастье, — наслаждение процессом творчества. Он гоняется за призраком, за иллюзорным счастьем под названием «успех»³².

Спонтанность, утверждает Фромм, делает человека сильнее, ибо личность сильна постольку, поскольку она деятельна. Обладание какими-либо объектами (материальные ценности, способности и т.д.) силы не дает, т.к. их использование не делает

²⁷ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. С. 99, 101.

²⁸ Там же. С. 104.

²⁹ Там же. С. 105.

³⁰ См.: там же. С. 109–111.

³¹ См.: там же. С. 214, 215, 218–220, 222, 223.

³² Там же. С. 217, 218.

их частью человеческой личности. «Наше — только то, с чем мы подлинно связаны своей творческой деятельностью, будь то другой человек или неодушевленный объект. Только качества, которые вытекают из нашей спонтанной активности, придают личности силу и тем самым формируют основу ее полноценности. Неспособность действовать спонтанно, выражать свои подлинные мысли и чувства и вытекающая из этого необходимость выступать перед другими и перед самим собой в какой-то роли — под маской псевдоличности — вот в чем источник чувства слабости и неполноценности. Создаем мы это или нет, но мы ничего так не стыдимся, как отказа от себя, а наивысшую гордость, наивысшее счастье испытываем тогда, когда думаем, говорим и чувствуем подлинно самостоятельно»³³.

Позитивная свобода, по Фромму, подразумевает признание уникальности личности. Люди рождаются равными, но разными. Уважение к уникальности есть ценнейшее достижение человеческой культуры. Уникальность не противоречит принципу равенства. Люди равны в том, что обладают основными человеческими качествами, разделяют общую трагическую судьбу, имеют неотъемлемое право на счастье и свободу, а их отношения определяются не господством и подчинением, а солидарностью. Равенство не предполагает одинаковости³⁴.

Спонтанность свободы, полагает Фромм, не предполагает анархии. Если под анархией понимать результат безудержного эгоизма и стремление к разрушительности, то анархия может быть следствием только негативной свободы. Позитивная свобода, напротив, устраняет причины социальных конфликтов. Представлять опасность будут лишь ненормальные, больные индивиды. Подобная свобода еще не достигалась никогда, но всегда была идеалом, к которому стремилось человечество. Но, вообще говоря, индивид, ориентированный на позитивную свободу, не вступает в конфликт с рационально организованной властью, т.к. последняя нацелена на реализацию человеческой личности³⁵.

Будущее демократии, делает вывод Фромм, зависит от реализации принципа индивидуализма, который был целью всей истории Европы. Культурный и политический кризис современного Запада объясняется не избытком индивидуализма, а его вырождением. Индивидуализм следует наполнить идеей позитивной свободы, что только и может обеспечить реализацию всего потенциала демократии. В подлинной демократии целью

становится развитие и счастье индивида, он перестает быть объектом манипулирования со стороны власти, отчуждение исчезает, и индивид перестает чувствовать свою разорванность с миром и людьми. Капитализм (материальное изобилие) и либеральная демократия создали предпосылки для развития подлинного индивидуализма³⁶.

Понятие психической нормы и психическое здоровье общества. Тема нормы в сознании и поведении индивида и социальных групп — одна из центральных в психологии и психиатрии. Определение нормы предполагает более или менее четкое представление об аномалии, о психическом здоровье и психической патологии. Формализация психической нормы, придание ей официального статуса — всегда дело ответственное, т.к. за этим следуют разработка и установление мер воздействия (в т.ч. санкций) к тем, кто демонстрирует патологию. Меры воздействия включают в себя в т.ч. принудительное психиатрическое лечение. В то же время очевидно, что норма есть явление культуры, т.е. нечто принципиально условное, относительное, исторически изменчивое. В контексте психологии и психиатрии норма — это нечто связанное с физиологией и культурными ценностями. Иными словами, норма есть следствие взаимодействия природы и культуры: чем ближе норма к биологии и физиологии (природе), тем более фундаментальное значение она имеет, чем ближе она к культуре, тем более относительной она является. Абсолютизация норм культуры опасна, например, тем, что это может вести к тотальному насилию как всеобщему средству организации общественной жизни. Если общество не готово жить по предложенным властью нормам, а власть их насаждает, это может закончиться насилием и большой кровью.

Фромм относится к числу тех авторов, для которых норма детерминирована прежде всего социальными, а не природными факторами. Именно эта установка способствовала перерастанию его в целом научного социального анализа в утопию. В этом отношении Фромм оказывается дальше от естествознания, чем Фрейд, в чем он сам признается. Как полагает Фромм, Фрейд, опиравшийся на материализм XIX в., считал причиной всех психических явлений физиологические (соматические) процессы, а конкретно — либидо: его нереализованность ведет к неврозам. Для самого Фромма причина невроза — неудовлетворенность собственно человеческих потребностей, которые коренятся в условиях человеческого существования. Здесь главной философской посылкой выступает деятельность человека по его взаимодействию с людьми и природой. Вместе с тем Фромм принимает за основу идею Фрейда о связи сексуального

³³ Фромм Э. Бегство от свободы. С. 218.

³⁴ См.: там же. С. 219, 220.

³⁵ См.: там же. С. 223, 224.

³⁶ См.: там же. С. 225–227.

развития личности с этапами ее социализации, проецируя данную концепцию на человеческую историю. Фрейд, рассуждает Фромм, определяет психическое заболевание как фиксацию индивида на ранней, уже прошедшей стадии своего развития. Данный подход, делает он вывод, приложим и к истории человечества. Человек, находящийся в условиях примитивной культуры и адекватно ей себя ведущий, не может считаться психически больным. Находясь же на более поздних стадиях развития культуры, но ведя себя по стандартам ранних культур, индивид демонстрирует признаки психического заболевания. Так, если он в условиях современной культуры не может быть действительно свободным (например, ощущает себя связанным с государством или расой), он страдает психической патологией³⁷.

Исходная позиция Фромма такова: здоровым считается общество, соответствующее объективным потребностям человека. Речь идет о потребностях, которые действительно необходимы человеку, а не о тех, которые человек воспринимает как желанные. Отсюда первая задача — установление природы человека и его потребностей. Существует два вида потребностей: физиологические (жажда, голод, половое влечение) и собственно человеческие (стремление к власти, разрушению или созиданию, тщеславие, поиски истины, жажда любви и братства). Психическое здоровье зависит от удовлетворения именно человеческих потребностей, вытекающих из особенностей положения человека в мире. Если удовлетворение физиологических потребностей не вызывает больших трудностей (при наличии материальной основы), то удовлетворение собственно человеческих потребностей зависит от способа организации общества. Невозможность удовлетворить физиологические потребности влечет за собой смерть, неудовлетворенность собственно человеческих потребностей грозит утратой душевного здоровья. Нереализованность хотя бы одной человеческой потребности может повлечь невроз³⁸.

Фромм различает понятия здорового человека и здорового общества, утверждая, что первое зависит от второго: появление здорового общества создает условия для возникновения здорового человека. Данную установку Фромм воспринимает от Маркса, а тот, в свою очередь, — от просветителей XVII—XVIII вв. Очевидно, что стандарт здорового человека создается и тем и другим чисто умозрительно, а затем прилагается в качестве критерия к капитализму и социализму. Капитализм, утверждает Фромм, — в психическом отношении

больное общество. Главная его черта — тотальное отчуждение, делающее человека невротиком. Современная психиатрия вывела стандарт «нормального» человека, который никогда не бывает слишком грустен, слишком сердит или слишком взволнован. Черты характера, выходящие за данный стандарт, называют «инфантильными» или «невротическими». В современном капиталистическом обществе эмоции подавлены, что сдерживает творческое мышление. Подавление эмоций считается нормой, эмоциональность стала синонимом неуравновешенности, душевного нездоровья. Приняв этот стандарт, человек чрезвычайно ослабил себя: его мышление стало убогим и плоским³⁹. «Нездоровое общество порождает взаимную вражду, недоверие, превращает человека в объект манипуляций и эксплуатации, лишает его чувства “Я”, сохраняющегося лишь в той мере, в какой человек подчиняется другим или становится автоматом»⁴⁰. Современная социальная психология в США, как правило, считает «американский образ жизни» соответствующим «глубочайшим потребностям человеческой природы», т.е. фактически занимается апологетикой существующего социального строя вместо того, чтобы быть объективной и критической⁴¹.

У человека, развивает свою мысль Фромм, есть два способа соотнесения себя с миром. Первый способ основан на использовании здравого смысла и чувственного познания с тем, чтобы использовать мир в своих целях. Другая способность человека — видеть мир субъективно, изнутри (например, в виде снов). Человек, воспринимающий мир только вторым способом, страдает шизофренией, только первым — демонстрирует отчуждение. Шизофрения и отчуждение дополняют друг друга. В обеих формах заболевания не хватает одного из способов общения с миром. Только при гармоничном сочетании обоих способов можно говорить о психическом здоровье, о самодостаточной продуктивной личности⁴².

Фромм утверждает, что понятие психического здоровья вытекает из самих условий человеческого существования и едино для всех времен и культур. «Психическое здоровье характеризуется способностью к любви и созиданию, освобождением от кровосмесительной привязанности к роду и земле, чувством тождественности, основанным на переживании своего “Я” в качестве субъекта и реализатора собственных способностей, осознанием реальности вне нас и в нас самих, т.е. развитием

³⁷ См.: Фромм Э. Здоровое общество. С. 330—332.

³⁸ См.: там же. С. 290, 328, 329.

³⁹ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. С. 204, 206.

⁴⁰ Фромм Э. Здоровое общество. С. 333.

⁴¹ См.: там же.

⁴² См.: там же. С. 442.

объективности и разума»⁴³. «Душевно здоровая личность — это личность продуктивная и неотчужденная; личность, относящаяся к миру с любовью и использующая свой разум для объективного постижения реальности; это личность, переживающая себя как уникальное индивидуальное существо и в то же время чувствующая общность со своими собратьями; личность, не подвластная иррациональному авторитету и охотно признающая рациональный авторитет разума и совести; это личность, находящаяся в процессе непрерывного рождения в течение всей своей жизни и считающая дар жизни своим самым ценным достоянием»⁴⁴. Такое представление о психическом здоровье, полагает он, соответствует заповедям великих духовных учителей человечества (Эхнатон, Моисей, Конфуций, Лао-цзы, Будда, Исайя, Сократ, Иисус). Душевно здоровое означает также: «Быть способным любить жизнь и вместе с тем без ужаса принимать смерть; переносить неопределенность в важнейших вопросах, которые ставит перед человеком жизнь, и вместе с тем быть уверенным в своих мыслях и чувствах, насколько они действительно собственные. Уметь оставаться наедине с собой и в то же время быть единым целым с любимым человеком, с каждым собратом на этой земле, со всем живым; следовать голосу своей совести, зовущему нас к самим себе, но не потворствовать себе в самобичевании, если голос совести не настолько громок, чтобы его услышали и последовали за ним. Душевно здоровый человек — это тот, кто живет по любви, разуму и вере, кто уважает жизнь — как собственную, так и своего ближнего»⁴⁵.

Душевному здоровью личности соответствует психически здоровое общество, которое Фромм определяет так: это «прежде всего, общество, в котором ни один человек не является средством для достижения целей другого человека, а всегда и исключительно является целью сам по себе; общество, где никто не используется и не использует себя в целях, не способствующих раскрытию человеческих возможностей; где человек есть центр и где его экономическая и политическая деятельность подчинена цели его собственного развития. Здоровое общество — это общество, в котором такие качества, как алчность, склонность к эксплуатации и обладанию, самолюбование невозможно использовать для достижения материальной выгоды и роста личного престижа. Это общество, где действовать по совести считается основным и необходимым качеством и где оппортунизм и беспринципность считаются качествами асоциальными; где индивид занимается общественными

проблемами так, что они становятся его личным делом; где его отношение к ближнему не отделено от всей его системы отношений к частной жизни. Более того, здоровое общество — это такое общество, которое позволяет человеку оперировать обозримыми и поддающимися управлению величинами, быть активным и ответственным участником жизни общества, а также хозяином своей жизни. Это такое общество, которое благоприятствует человеческой солидарности и не только позволяет своим членам с любовью относиться друг к другу, но содействует такому отношению; здоровое общество способствует производительной деятельности каждого в его работе, стимулирует развитие разума и позволяет человеку выразить свои внутренние потребности в коллективном творчестве и обрядовых действиях»⁴⁶.

Проект нового общества. Как было отмечено ранее, Фромм в своих политических воззрениях является типичным апологетом «демократического социализма» — теории, разработанной социал-демократами после Второй мировой войны с целью противопоставить ее странам «реального социализма» во главе с СССР. Для них социализм советского образца — это тоталитаризм, не имеющий ничего общего с идеями классиков социалистической мысли. Фромм утверждает, что социализм и марксизм нельзя отождествлять с национал-социализмом и сталинизмом. Социализм есть одно из наиболее значительных идеалистических и этических движений нашего времени. Сталинский социализм близко стоит к ранней эксплуататорской форме западного капитализма. Главные движущие силы сталинского социализма — стремление развивать промышленность, пренебрежение человеком и жажда личной власти. Для Маркса, продолжает Фромм, как и для других социалистов, основное значение имеет человек. Мировая история есть сотворение человека и его отчуждение от самого себя. Соответственно, цель истории — создание общества, где человек становится целью самого себя. На место отчуждения приходит свобода, под которой понимается не только свобода от политического подавления, но и свобода от власти над человеком вещей и обстоятельств. Цель развития людей — достижение новой гармонии между человеком и человеком и между человеком и природой. Социализм (коммунизм) — это общество, где свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех⁴⁷.

Вместе с тем Маркс и Энгельс, по Фромму, ошибочно придавали большое значение изменению политических форм и роли государства при переходе к социализму. Они находились под влиянием опыта

⁴³ Фромм Э. Здоровое общество. С. 330.

⁴⁴ Там же. С. 495.

⁴⁵ Там же. С. 439, 440.

⁴⁶ Там же. С. 496.

⁴⁷ См.: там же. С. 472–474, 476.

буржуазных революций. Маркс воспринимает идею политической революции от буржуазии, в известном смысле противоречая своим исходным принципам и целям. Социальное реформаторство, убежден Фромм, должно исключать насилие (революцию). Популярность насилия — следствие психического и духовного отчаяния и пустоты, в конечном счете это ненависть к жизни. Ошибка Маркса состояла также в том, полагает Фромм, что он наследовал наивный оптимизм просветителей XVIII в. о доброй природе человека: человек по природе добр, но социальные условия формируют его разрушительные наклонности; построение социализма создаст условия для реализации всех позитивных свойств человека. Маркс не учитывал иррациональной природы человека и необходимости внутренних изменений в нем⁴⁸.

Своей разновидности теории демократического социализма Фромм дает название «гуманистический коммунитарный социализм». Как он уверен, в XX в. традиционные идеологические схемы «правые — левые», «коммунизм — капитализм» потеряли свое значение, люди ищут новую философию. Главный выбор, стоящий перед человечеством, — это выбор не между капитализмом и коммунизмом, а между опасностью стать роботами («роботизмом» в его капиталистической или коммунистической форме) и гуманистическим коммунитарным социализмом. Только коммунитарный социализм, по Фромму, способен раскрыть сущностные силы человека и предотвратить ядерную войну⁴⁹.

К своему проекту Фромм подходит не только как социальный мыслитель, но и как врач. Как он полагает, есть три основных условия лечения индивидуальной и социальной патологии: 1) стремление организма к здоровью (физического и психического); оно отсутствует лишь в самых тяжелых случаях патологии; 2) осознание страдания, а также того, что именно не функционирует и утратило связь с сознанием личности; 3) изменение практики жизни, основанной на невротической структуре и постоянно ее воспроизводящей. Стремление к душевному здоровью, особо оговаривает Фромм, присуще каждому человеку, если он не родился моральным уродом; необходимо стечение обстоятельств, чтобы заглушить это стремление. Все названные условия, утверждает он, есть в учении Будды и Маркса, психоанализ же не содержит идеи изменения образа жизни. По Фрейду, задача психоаналитика состояла в том, чтобы помочь пациенту расстаться с иллюзиями, мешающими понять суть его страданий, и осознать реальные причины

его заболевания. Однако данный подход, подчеркивает Фромм, не может дать длительного положительного эффекта, пока пациент не изменит свой образ жизни и соответственно свой характер. Только изменение своей жизненной ситуации способно изменить самого человека⁵⁰.

Предлагаемые преобразования Фромм делит на три группы: экономические, политические, культурные.

В экономической сфере Фромм выступает за введение плановой экономики, упразднение власти крупного капитала, действующего в своих корыстных интересах, включение наемных работников в управление производством, ликвидацию эксплуатации человека человеком. Предлагается такая организация промышленности, где каждый работающий индивид является ее активным и ответственным участником, где работа привлекательна и осмысленна, где не капитал нанимает труд, а труд — капитал. Следует преодолеть отчуждение труда. Большинство людей считают, что отчужденный труд — это единственный вид деятельности и поэтому отвращение к нему естественно, а единственными стимулами к труду выступают деньги, власть и престиж. Лень не есть норма, — это психическая патология. Поскольку одно из худших страданий человека — скука, у человека есть потребность в какой-то деятельности. Только отчужденный труд рождает у человека скуку и отвращение к труду, что обычно называют ленью.

Фромм выступает против уравниловки в доходах. Идея равенства доходов, утверждает он, никогда не была социалистическим требованием и не является ни практической, ни желательной. Человек должен иметь доход, составляющий основу достойного человеческого существования. Различия в доходах должны иметь определенный предел, за которым начинается принципиально разное восприятие жизни. Подлинная свобода индивида достигается только на пути установления ему экономических гарантий.

Необходимо разработать меры, продолжает он, направляющие производство на создание товаров и услуг, действительно нужных людям, а не создавать искусственные потребности. С этой целью следовало бы законодательным путем радикально изменить рекламу и киноиндустрию.

Предлагаемые экономические преобразования, убежден Фромм, поднимут производительность труда и существенно сократят количество преступлений и невротических заболеваний, что

⁴⁸ См.: Фромм Э. Здоровое общество. С. 482–484, 487; *Его же*. Революция надежды // Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 327, 328.

⁴⁹ См.: Фромм Э. Революция надежды. С. 222, 223; *Его же*. Здоровое общество. С. 565.

⁵⁰ См.: Фромм Э. Здоровое общество. С. 494–496; *Его же*. Иметь или быть? // Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990. С. 174–176.

позволит направить высвободившиеся средства на социальные гарантии⁵¹.

Свою программу политических преобразований Фромм начинает с критики современной западной демократии. Подлинная демократия, рассуждает он, не может существовать в отчужденном обществе. Всеобщее избирательное право, убежден он, не решает проблему политического отчуждения. Современная демократия, по Фромму, построена на принципе подчинения меньшинства большинству, но он предполагает процесс абстрагирования и отчуждения. Первоначально правление большинства стало альтернативой господству меньшинства (власти монарха и феодалов). Такой подход вовсе не означал, что большинство всегда право, рассуждали от обратного: пусть лучше ошибается большинство, чем меньшинство будет навязывать свою волю большинству. В условиях конформизма принцип большинства приобретает характер моральной нормы, согласно которой мнение большинства ценнее мнения меньшинства, а потому большинство вправе навязывать свою волю меньшинству. В итоге под истиной стали понимать не соответствие известных представлений действительности, а результат воли большинства. История, делает вывод Фромм, многократно подтвердила тот факт, что истиной обладает именно меньшинство в лице его талантливых представителей. «Если бы мы судили о ценности идеи по количеству выступающих за нее людей, то мы жили бы до сих пор в пещерах»⁵².

Политические силы, борющиеся за власть, полагает Фромм, вынуждены считаться с запросами масс и бороться за голоса избирателей. Но в конечном счете избиратель, отдавая свой голос одному из кандидатов, отказывается от своей политической воли и передоверяет принимать решения узкому кругу лиц. В современных демократических странах выборы приобретают характер плебисцита, в ходе которого избиратель выражает свое согласие или несогласие с политическим курсом власти, других инструментов повлиять на власть у него нет.

Чтобы демократия развивалась в сторону подлинного участия граждан, Фромм предлагает сделать несколько новых шагов. Во-первых, следует признать, что верные решения принимаются не массовым голосованием с использованием механизма большинства, а малыми группами. Только в таких группах можно детально обсудить проблему и принять компетентное решение. Во-вторых, каждый индивид должен быть информирован о важнейших фактах, необходимых для принятия

разумного решения. В-третьих, решения малых групп должны заканчиваться решением парламента, в противном случае проблема политического отчуждения индивида не снимается. Необходимо обеспечить взаимодействие между централизованными формами демократии и малыми группами, под которыми Фромм понимает органы местного самоуправления. Фромм детализирует предлагаемые меры, которые выглядят разнообразно прожектерством без всякой надежды на их реализацию⁵³.

Предложения Фромма в области культурных преобразований напоминают утопические проекты Платона и Т. Мора с их стремлением к тотальному насильственному коллективизму. Он прямо говорит, что человечеству не нужны новые идеалы и новые духовные цели, т.к. великие учителя человечества уже их сформулировали. Поскольку человеку, рассуждает Фромм, для его самореализации необходимо участие в коллективном творчестве (искусстве), ему надо предложить новые обряды и ритуалы. Коллективное искусство (совместные танцы, игры, музыкальные и спортивные мероприятия) должно начинаться в детском саду и продолжаться всю жизнь человека. Коллективизм искусства и творчества будет способствовать устранению отчуждения. В духе К.А. Сен-Симона и его ученика О. Конта Э. Фромм пророчествует: в ближайшие несколько сотен лет сформируется новая религия, отличающаяся универсализмом, выражающая основные требования гуманизма, разрушающая границы между религиями и способствующая объединению человечества⁵⁴.

Так как промышленная и политическая организация неотделима от образования и культуры, заключает Фромм, изменение этих сфер должно проходить в тесном взаимодействии.

Важный элемент преобразований — формирование мирового правительства, перед которым будут стоять две главные задачи: предотвращение войны на основе полного разоружения всех стран и справедливое распределение экономических ресурсов.

Указанные реформы, убежден Фромм, вернут человеку верховенство в обществе, он уже будет не средством (вещью, товаром), а целью, главной ценностью. Вместо эксплуататорской и накопительской ориентации, господствовавшей в XIX в., возникнет продуктивная ориентация. Гуманистический психоанализ докажет свою истинность и результативность.

Очевиден утопизм Фромма и противоречивость его концепции. С одной стороны, он ратует

⁵¹ См.: Фромм Э. Здоровое общество. С. 503, 509–511, 515, 540–545.

⁵² Там же. С. 546.

⁵³ См.: там же. С. 545–549.

⁵⁴ См.: там же. С. 549, 553–556.

за децентрализацию политики и экономики, за перенесение власти в широкие народные массы, с другой — отстаивает тезис о неизбежности и необходимости власти меньшинства. С одной стороны, признается неразложимое иррациональное ядро природы человека, с другой — выражается уверенность в создании нового, преображенного человека. Иными словами, Фромм повторяет подход прежних утопистов (от Платона до Маркса): поскольку предлагаемая ими социальная конструкция не рассчитана на реального человека, ставится цель создания человека нового типа. Однако всякая попытка изменить природу человека под предложенные идеологические клише не может закончиться не чем иным, как насилием над человеком и обществом. Таким образом, «гуманистический психоанализ» Фромма, внедренный в жизнь, вполне мог бы обернуться отрицанием гуманизма. Как правильно отмечал русский религиозный философ В.С. Соловьев, задача состоит не в том, чтобы на земле построить рай, а в том, чтобы не допустить на ней ада. Это и есть единственно верный, реалистический подход к любому реформаторству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М., 2010 (Философские технологии).
2. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1989. С. 94, 97–99, 101, 104, 105, 107–111, 204–210, 212–215, 217–220, 222–227.

Сведения об авторе

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус); главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; эксперт РАН

3. *Фромм Э.* Здоровое общество // *Фромм Э.* Психоанализ и культура. М., 1995. С. 290, 328–333, 342–344, 346, 352–358, 364, 365, 372–377, 379–384, 386, 399, 413, 414, 420–423, 426, 439–442, 460, 461, 466, 472–474, 476, 482–484, 487, 494–496, 503, 509–511, 515, 540–549, 553–556, 565.
4. *Фромм Э.* Иметь или быть? // *Фромм Э.* Иметь или быть? М., 1990. С. 174–176.
5. *Фромм Э.* Концепция человека у К. Маркса // *Фромм Э.* Душа человека. М., 1992. С. 402.
6. *Фромм Э.* Революция надежды // *Фромм Э.* Психоанализ и этика. М., 1993. С. 222, 223, 327, 328.

REFERENCES

1. *Marx K.* Economic and philosophical manuscripts of 1844 and other early philosophical works. M., 2010 (Philosophical Technologies) (in Russ.).
2. *Fromm E.* Flight from freedom. M., 1989. Pp. 94, 97–99, 101, 104, 105, 107–111, 204–210, 212–215, 217–220, 222–227 (in Russ.).
3. *Fromm E.* Healthy society // *Fromm E.* Psychoanalysis and culture. M., 1995. Pp. 290, 328–333, 342–344, 346, 352–358, 364, 365, 372–377, 379–384, 386, 399, 413, 414, 420–423, 426, 439–442, 460, 461, 466, 472–474, 476, 482–484, 487, 494–496, 503, 509–511, 515, 540–549, 553–556, 565 (in Russ.).
4. *Fromm E.* To have or to be? // *Fromm E.* To have or to be? M., 1990. Pp. 174–176 (in Russ.).
5. *Fromm E.* The concept of man by K. Marx // *Fromm E.* The soul of man. M., 1992. P. 402 (in Russ.).
6. *Fromm E.* The Revolution of Hope // *Fromm E.* Psychoanalysis and ethics. M., 1993. Pp. 222, 223, 327, 328 (in Russ.).

Authors' information

ZHUKOV Vyacheslav N. — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia; Chief Researcher, Sector of Philosophy of Law, Theory and History of the State and Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia; RAS expert

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343; 344.1

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

© 2024 г. А. И. Рарог

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: alek.rarog@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.08.2023 г.

Аннотация. Действующая редакция Уголовного кодекса РФ содержит ряд дефектов технического, системного и уголовно-политического характера. Этого недостаточно для принятия принципиально нового Уголовного кодекса, потому что современное состояние российского общества не требует изменения концептуальных основ уголовного законодательства, базирующихся на Конституции РФ. При подготовке новой редакции Уголовного кодекса РФ необходимо осуществить полную ревизию его Общей и Особенной частей на предмет выявления и устранения дефектов, модернизировать нормы военно-уголовного права посредством кодификации уголовного законодательства, конституционно-правовым путем решить вопрос о признании или отрицании смертной казни как вида уголовного наказания. По мнению автора, фактический запрет на применение смертной казни осуществлен Конституционным Судом РФ некорректно.

Ключевые слова: законодательная ошибка, техническая ошибка, системная ошибка, концептуальные основы уголовного законодательства, новая редакция Уголовного кодекса, военно-уголовное право, специальная военная операция, смертная казнь.

Цитирование: Рарог А. И. Состояние и перспективы развития уголовного законодательства России // Государство и право. 2024. № 1. С. 38–48.

DOI: 10.31857/S1026945224010046

STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION

© 2024 A. I. Rarog

Kuta in Moscow State Law University (MSLA)

E-mail: alek.rarog@yandex.ru

Received 22.08.2023

Abstract. The current version of the Criminal Code of the Russian Federation contains a number of defects of a technical, systemic and criminal-political nature. This is not enough to adopt a fundamentally new Criminal Code, because the current state of Russian society does not require changing the conceptual foundations of criminal legislation based on the Constitution of the Russian Federation. When preparing a new version of the Criminal Code of the Russian Federation, it is necessary to carry out a complete revision of its General and Special parts in order to identify and eliminate defects, modernize the norms of Military Criminal Law in accordance with the principle of full codification of criminal legislation, and resolve the issue of recognizing or denying the death penalty as a type of criminal punishment by constitutional and legal means. According to the author, the actual ban on the use of the death penalty was carried out by the Constitutional Court of the Russian Federation incorrectly.

Key words: legislative error, technical error, system error, conceptual foundations of criminal legislation, new edition of the Criminal Code, Military Criminal Law, special military operation, death penalty.

For citation: *Rarog, A.I. (2024). State and prospects of development of the Russian criminal legislation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 38–48.*

Уголовный кодекс Российской Федерации – один из наиболее критикуемых российских законов. В уголовно-правовой науке аргументировались предложения: а) продолжать использовать Уголовный кодекс РФ 1996 г.; б) принять его новую редакцию; в) принять принципиально новый Уголовный кодекс. Сторонниками последней точки зрения даже предлагалась теоретическая модель нового Уголовного кодекса¹.

Техническое состояние Уголовного кодекса РФ, безусловно, является далеко не безупречным. Во-первых, многократные изменения и дополнения в Уголовный кодекс РФ внесли немалую сумятицу в нумерацию его статей, которые повторяют номер предыдущей статьи, но снабжены надстрочным индексом. А в некоторых статьях появились новые части, номера которых повторяют номера предыдущей части, но с надстрочным индексом. Статей Уголовного кодекса РФ с надстрочным индексом уже стало много, и это создает существенные неудобства при его применении. Кроме того, в различных научных, учебных, комментаторских и научно-популярных изданиях номера индексированных статей Уголовного кодекса РФ произвольно трансформируются в номера, где индекс ставится через точку (например, ст. 53.1 вместо 53¹). А порой индекс статьи не обозначается ни надстрочно, ни через точку, поэтому двузначный номер (например, ст. 80¹) превращается в трехзначный (ст. 801), что вызывает недоумение.

Во-вторых, в тексте Уголовного кодекса РФ встречаются технические ошибки, которые нельзя считать иначе как законотворческий брак.

Например, в силу ч. 3 ст. 81 УК РФ от отбывания наказания обязательно освобождается военнослужащий, отбывающий арест либо содержание

в дисциплинарной воинской части, в случае заболевания, делающего его негодным к военной службе. Но при указанном заболевании невозможно исполнение не только названных видов наказания, но и ограничения по военной службе. Однако законодатель оставил эту ситуацию без внимания.

Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ² внесены изменения в целый ряд санкций. Коснулось это, в частности, и ч. 2 ст. 201 УК РФ, согласно которой деяние может быть наказано «штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет *или без такового*». Ясно, что выражение «или без такового» может касаться исключительно дополнительных видов наказания, а применительно к основным оно не имеет смысла. Тем не менее этот законодательный брак до сих пор не устранен.

Безусловно, техническими ошибками являются положение о наказуемости действий частного аудитора в отношении *заведомо недееспособного* лица (ч. 2 ст. 202 УК РФ), а также положение о *подкупе* свидетеля, потерпевшего, эксперта или специалиста, совершенном *с применением насилия*, опасного для жизни или здоровья (ч. 4 ст. 309 УК РФ).

Помимо технических ошибок Уголовный кодекс РФ содержит немало содержательных ошибок, большинство из которых обусловлено нарушением требования системности законодательства.

Распространенной ошибкой системного характера является недопустимое установление в санкциях уголовно-правовых норм наказания в виде принудительных работ либо установление недопустимых размеров этого наказания.

Принудительные работы определяются как вид наказания, альтернативный лишению свободы (ч. 1 ст. 53¹ УК РФ). Установленный в ч. 2

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) / Н.А. Лопашенко, Р.О. Долотов, Е.В. Кобзева, К.М. Хутов; под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2019.

² См.: СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I), ст. 6235.

ст. 53¹ УК РФ порядок применения принудительных работ исключает возможность его назначения как самостоятельного вида наказания. Суд сначала назначает осужденному наказание в виде лишения свободы, затем обосновывает свое убеждение в том, что исправление осужденного возможно без реального отбывания наказания в местах лишения свободы. На этом основании суд постановляет заменить осужденному назначенное наказание в виде лишения свободы принудительными работами. При этом продолжительность принудительных работ обязательно должна равняться назначенному сроку лишения свободы, поскольку оба эти вида наказания по степени тяжести приравниваются друг к другу (п. «а» ч. 1 ст. 71 УК РФ). Из этого следует, что принудительные работы могут быть назначены лишь в тех случаях, когда санкция применяемой статьи предусматривает и лишение свободы, и принудительные работы. Продолжительность последних ни в коем случае не может превышать назначенного судом срока лишения свободы. Значит, и в санкции верхний предел принудительных работ не может превышать верхнего предела лишения свободы. Тем не менее законодатель нередко нарушает установленный им же порядок применения принудительных работ.

В ряде санкций установлен срок принудительных работ, превышающий максимально возможную для данного случая продолжительность лишения свободы (например, ч. 2 ст. 121, ч. 1 ст. 135, ч. 1 ст. 145¹ УК РФ), либо принудительные работы включены в санкции, которые вообще не предусматривают лишения свободы (например, первые части ст. 159¹, 159², 159⁵, 159⁶, ч. 1 и ч. 2 ст. 200¹ УК РФ). В итоге получается, что, назначив наказание в виде лишения свободы на максимально возможный за совершенное деяние (например, ч. 1 ст. 135 УК РФ) срок в три года, суд не может заменить это наказание принудительными работами на срок пять лет, а обязан в силу ст. 53¹ УК РФ ограничить продолжительность этого наказания тремя годами. Таким образом, исправление допущенной законодателем ошибки перекладывается на суд.

Примером системной законодательной ошибки может служить и наличие в ст. 54 УК РФ положения о том, что наказание в виде ареста может быть назначено на срок менее одного месяца. Дело в том, что первоначально обязательные работы в случае злостного уклонения от их отбывания суд мог заменить ограничением свободы или арестом (а в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ³ и лишением свободы), а исправительные работы — ограничением свободы, арестом или лишением свободы. Этому соответствовало

положение о том, что в случае замены обязательных работ или исправительных работ арестом его срок может быть и менее одного месяца (ч. 2 ст. 54 УК). Но согласно Федеральному закону от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ⁴ и обязательные работы, и исправительные работы в случае злостного уклонения от их отбывания могут быть заменены только принудительными работами или лишением свободы. Тем не менее в ст. 54 УК РФ сохраняется положение о том, что срок ареста в случае его назначения взамен обязательных работ или исправительных работ может быть и менее одного месяца. И эта ошибка не исправлена до сих пор.

В качестве иллюстрации системной ошибки может служить и ч. 2 ст. 86 УК РФ. Она устанавливает, что при досрочном освобождении от отбывания наказания или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания срок погашения судимости исчисляется исходя из фактически отбытого срока наказания.

Приведенное положение имело вполне определенный смысл в УК РСФСР 1960 г., поскольку в нем срок погашения судимости для лиц, осужденных к лишению свободы, определялся продолжительностью *фактически отбытого* наказания. Так, судимость лица, осужденного к лишению свободы, например, на срок четыре года, но условно-досрочно освобожденного по отбытии двух лет и шести месяцев, погашалась не через пять лет (п. 6 ч. 1 ст. 57), а уже через три года (п. 5 ч. 1 ст. 57).

Соответствующее положение было механически перенесено в Уголовный кодекс РФ, хотя он в отличие от предыдущего закона связывает продолжительность срока погашения судимости не с размером наказания в виде лишения свободы, а с категорией совершенного преступления. Этот критерий является величиной постоянной и не зависит от того, было ли наказание отбыто полностью или частично.

При осуждении к лишению свободы за преступления небольшой и средней тяжести, а также за тяжкие преступления судимость погашается по истечении сроков, установленных п. «в», «г» ч. 3 ст. 86 УК РФ, в зависимости от категории преступления, установленной законом в соответствии с ч. 2—5 или судом на основании ч. 6 ст. 15 УК РФ. А судимость осужденных за особо тяжкие преступления независимо от вида наказания погашается по истечении 10 лет после отбытия наказания (п. «д» ч. 3 ст. 86 УК РФ). Из этого вытекает, что норма, закрепленная в ч. 4 ст. 86 УК РФ, является неисполнимой и должна быть исключена из Уголовного кодекса РФ.

³ См.: СЗ РФ. 2003. № 50, ст. 4848.

⁴ См.: СЗ РФ. 2011. № 50, ст. 7362.

К числу системных ошибок можно отнести и те уголовно-правовые нормы, которые являются неисполнимыми в силу нереальности ситуации, описанной в диспозиции.

Первоначальная редакция ст. 205 УК РФ устанавливала ответственность за террористический акт, повлекший по неосторожности смерть человека (ч. 3), с наказанием в виде лишения свободы на срок от 10 до 20 лет. Федеральным законом от 21 июля 2004 г. № 74-ФЗ⁵ наказание было усилено до лишения свободы на срок от 15 до 20 лет либо пожизненного лишения свободы. Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ⁶ реконструировал ст. 205 УК РФ: причинение смерти по неосторожности (наряду с групповым способом и причинением иных тяжких последствий) перенес в ч. 2, а умышленное причинение смерти оказалось в ч. 3. Но и в редакции Федерального закона от 30 декабря 2008 г. проблема применения п. «б» ч. 2 ст. 205 УК РФ не решена.

Закрепленная в п. «б» ч. 2 ст. 205 УК РФ уголовно-правовая норма предусматривала фактически нереальную ситуацию, что не раз отмечалось специалистами⁷.

Сущность террористического акта заключается в преднамеренном совершении действий, заведомо для виновного создающих опасность гибели людей или наступления иных тяжких последствий. Эти действия совершаются в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений. Указание в диспозиции нормы на цели деяния свидетельствует о том, что преступление может быть совершено только с прямым умыслом. Он включает осознание общественной опасности совершаемых действий и предвидение неизбежности или реальной возможности наступления любых указанных в диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ последствий, включая гибель людей. Волевой элемент умысла характеризуется желанием причинить последствия, составляющие сущность террористического акта. Если такие последствия были лишь

реально возможными, но фактически не наступили, деяние квалифицируется по ч. 1 ст. 205 УК РФ. В случае фактического причинения любого из указанных в законе последствий преступление подлежит квалификации по той части ст. 205 УК РФ, в которой соответствующее последствие предусмотрено, но во всех случаях его наступление охватывается умыслом виновного. Следовательно, указание на неосторожную форму вины по отношению к смерти людей при террористическом акте было законодательной ошибкой, которая была исправлена Федеральным законом от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ⁸, признавшим п. «б» ч. 2 ст. 205 УК РФ утратившим силу, а из п. «б» ч. 3 этой же статьи исключившим слово «умышленное».

Другим примером неисполнимости уголовно-правовой нормы из-за нереальности предусмотренной в ней ситуации может служить ч. 1 ст. 227 УК РФ. Пиратство определяется в Уголовном кодексе РФ (ст. 227) как нападение на морское или речное судно в целях завладения чужим имуществом, соединенное с применением насилия или с угрозой его применения (ч. 1). Применение при этом оружия или предметов, используемых в качестве оружия, имеет значение квалифицирующего (ч. 2), а совершение преступления организованной группой или с причинением по неосторожности смерти человека (ч. 3) — особо квалифицирующего признака.

Формальное сопоставление ч. 1 с ч. 2 и 3 ст. 227 УК РФ вынуждает сделать совершенно нелепый вывод, будто пиратское нападение может быть осуществлено неорганизованной группой лиц без использования ими оружия или предметов, используемых в качестве оружия. На самом же деле современное пиратство превратилось в налаженный преступный бизнес. Наличие высокой степени организованности, высокоскоростных маневренных судов, современного автоматического оружия и ультрасовременных средств связи — признаки современного пиратства, ставшего серьезной межнациональной проблемой. Пиратское нападение со стороны спонтанно возникшей вооруженной группы практически нереально и даже теоретически немыслимо. Поэтому признаки вооруженности и совершения организованной группой «имманентно присущи пиратству, поэтому должны быть отражены в качестве конструктивных признаков основного состава преступления»⁹.

В уголовном законодательстве возможны не только технические и системные, но и уголовно-политические ошибки, т.е. неправильное правотворческое решение, являющееся прямым результатом

⁵ См.: СЗ РФ. 2004. № 30, ст. 3092.

⁶ См.: СЗ РФ. 2009. № 1, ст. 29.

⁷ См.: Галачева М. М. Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки террористического акта: вопросы корректирования // Научные известия. 2016. № 5. С. 116–120; Калинин Р. С. Уголовная ответственность за террористический акт по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 10; Кибальник А. Г., Волосюк П. В., Иванов А. Ю. Уголовно-правовое противодействие террористическим преступлениям: основные тренды российских диссертационных исследований в 2010–2020 годах // Всеросс. криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1. С. 73; Парог А. И. О неисполняемых и неисполнимых уголовно-правовых нормах // Научный портал МВД России. 2022. № 1 (57). С. 69.

⁸ См.: СЗ РФ. 2023. № 18, ст. 3234.

⁹ Южиков А. А. Пиратство: истоки, реалии, проблемы уголовно-правового противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 13.

законодательной инициативы одного из ее субъектов. Такие ошибки становятся очевидными только в случае их признания самим законодателем. Например, в Федеральном законе от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ¹⁰ был реализован отказ от административной преюдиции и от квалифицирующего значения специального рецидива. Довольно скоро законодатель признал ошибочность своего решения и явочным порядком возвратился и к административной преюдиции, и к квалифицирующему значению специального рецидива преступлений.

Уголовно-политической ошибкой законодателя представляется включение ареста в систему наказаний. Во-первых, сомнительной представляется сама необходимость в такой модификации краткосрочного лишения свободы. А во-вторых (что гораздо более важно), ошибочность этого решения выявляется в сопоставлении ст. 54 УК РФ со ст. 68 УИК РФ, согласно которой «осужденные к аресту отбывают наказание по месту осуждения в арестных домах». Данное положение не соответствовало экономическим возможностям страны, поэтому срок введения положений Уголовного кодекса РФ об аресте неоднократно переносился, а затем вопрос об этом вообще перестал занимать законодателя. Но ошибкой свое решение об аресте законодатель пока еще не признал.

Примером уголовно-политической ошибки может служить и Федеральный закон от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ¹¹, которым были сняты минимальные пределы наказания в санкциях многих норм о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлениях. Теперь формально законным стало назначение, скажем, по ч. 4 ст. 111 УК РФ наказания в виде лишения свободы как на два месяца, так и на 15 лет. Такое решение не только противоречит дифференциации уголовной ответственности, но, по сути, подменяет судебское усмотрение судебским произволом, а потому содержит некий коррупциогенный потенциал. Несмотря на резкую негативную реакцию специалистов, законодатель до сих пор свое решение ошибочным не признал.

Приведенные примеры технических, системных и уголовно-политических законодательных ошибок являются не их исчерпывающим перечнем, а лишь иллюстрациями, которые представляются достаточными для определенных выводов.

Наличие немалого числа дефектов в российском уголовном законодательстве существенно затрудняют его применение, поэтому его модернизация стала актуальной задачей дня. Но значит ли это, что действующий Уголовный кодекс

РФ следует упразднить и заменить принципиально новым? Нет, не значит. Решающим социально-политическим основанием для принятия нового уголовного закона вместо действующего является изменение его концептуальных основ.

Концептом (основной уголовно-политической идеей) первых двух советских уголовных кодексов была защита диктатуры пролетариата уголовно-правовыми средствами (ст. 5 УК РСФСР 1922 г.¹² корреспондировала ст. 9 Конституции РСФСР 1918 г.¹³; ст. 1 УК РСФСР 1926 г.¹⁴ опиралась на ст. 1 Конституции 1925 г.¹⁵). Поэтому в 1926 г. была принята лишь новая редакция предыдущего Уголовного кодекса, а не принципиально новый закон.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. принимался в период неограниченного политического господства Коммунистической партии СССР, которая на XXI съезде провозгласила полную и окончательную победу социализма и начало перехода к развернутому построению коммунистического общества. В соответствии с партийной установкой Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.¹⁶ приоритетными задачами ставил интересы государства и общества, а также ориентацию на постепенную передачу отдельных полномочий государства общественным организациям и трудовым коллективам. Смена политического концепта (диктатуры пролетариата) на идею общенародного государства, приступающего к развернутому построению бесклассового общества, была несовместима с прежним уголовным законодательством, поэтому потребовался новый Уголовный кодекс.

Отказ от руководящей роли Коммунистической партии и от утопической идеи построения коммунистического общества был зафиксирован в Конституции РФ, принятой на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.¹⁷ Она провозгласила Российскую Федерацию демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления (ст. 1) и декларировала, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2), а «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» (ч. 1 ст. 3). В соответствии с Конституцией страны Российская Федерация является социальным государством, «политика которого направлена

¹² См.: СУ. 1922. № 15, ст. 153.

¹³ См.: СУ. 1918. № 51, ст. 582.

¹⁴ См.: СУ. 1926. № 80, ст. 600.

¹⁵ См.: СУ. 1925. № 30, ст. 218.

¹⁶ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 59.

¹⁷ См.: Росс. газ. 1993. 25 дек.

¹⁰ См.: СЗ РФ. 2003. № 50, ст. 4848.

¹¹ См.: СЗ РФ. 2011. № 11, ст. 1495.

на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ч. 1 ст. 7).

Принятие Конституции РФ ознаменовало вступление Российской Федерации в новый период своего развития. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. не соответствовал новой конституционной идеологии и новым приоритетам уголовно-правовой охраны: личность, общество, государство. Поэтому без принятия нового Уголовного кодекса обойтись было невозможно.

Совершенно иная ситуация наблюдается сегодня: в полной мере сохраняются конституционная идеология и приоритеты уголовно-правовой охраны, поэтому нет уголовно-политических оснований для отказа от действующего уголовного законодательства. Однако наличие в Уголовном кодексе РФ немалого количества дефектов технического и содержательного характера диктует необходимость принятия новой редакции этого Закона. Можно ориентировочно наметить некоторые направления его модернизации.

Конечно, в первую очередь необходима ревизия Общей и Особенной частей Уголовного кодекса РФ на предмет устранения выявленных дефектов.

Другим направлением развития российского уголовного законодательства может стать модернизация военно-уголовного законодательства.

Начало российскому военно-уголовному законодательству положил Петр I. К подготовке военно-уголовных законов были привлечены выдающиеся военные руководители — Адам Вейде, Яков Брюс, Андрей Виниус и др. 26 апреля 1715 г. Петр I подписал Артикул воинский — систематизированный свод военно-уголовных норм, состоящий из 24 глав, включающих 209 статей (артикулов)¹⁸. Артикул стал составной частью подготовленного комиссией Устава воинского (утв. 30 марта 1916 г.)¹⁹. В кн. 5 Морского устава, утвержденного Петром I 13 января 1720 г.²⁰, гл. 8—12 были посвящены преступлениям, совершаемым военными чинами при боевых столкновениях с неприятелем. Военно-уголовное законодательство Российской Империи продолжало развиваться в XIX в. Это нашло отражение в Полевом уголовном уложении для Большой действующей армии²¹, а затем — в Своде

военных постановлений 1859 г.²², ч. VI которого включала Военно-уголовный, Дисциплинарный и Военно-судебный уставы.

В середине XIX в. в некоторых государствах Европы были приняты военно-уголовные законы как самостоятельные кодифицированные нормативные правовые акты: 1855 г. — Австрия, 1857 г. — Франция, 1872 г. — Германия, 1881 г. — Дания, Швеция. Развитие военно-уголовного законодательства продолжалось в течение последующих полутора веков, и теперь военно-уголовные кодексы (кодексы военной юстиции, военно-уголовные уложения) существуют в большинстве стран мира.

Развитию военно-уголовного законодательства сопутствовала интенсификация доктринальных исследований различных аспектов военно-уголовного права.

Опубликование в 1962 г. в баварском юридическом журнале статьи австрийского военного юриста Мартина Дамяновича «Учение о военном уголовном праве в свете австрийского Военно-уголовного кодекса 1855 года» вызвало интерес ученых-криминалистов и побудило их к теоретическому анализу актуальных проблем применения норм военно-уголовного законодательства. В Российской Империи военно-уголовное право как самостоятельная учебная дисциплина преподавалась сначала в Петербургской военно-юридической академии²³, а потом и в других военных учебных заведениях.

Хотя российская теория военно-уголовного права активно развивается, вопрос о его месте в системе российского права до сих пор остается дискуссионным. По этому поводу российскими учеными высказывались разные точки зрения — военно-уголовное право признавалось: а) самостоятельной отраслью права²⁴; б) одновременно составной частью уголовного права и военного права как комплексной отраслью российского права²⁵; в) объединением подотраслей уголовного и военного права, т.е. подотраслями сразу двух отраслей права²⁶; г) подотраслью уголовного права; д) не по-

²² См.: Свод военных постановлений. СПб., 1859—1870.

²³ См.: *Неелов Я.А.* Курс военно-уголовного права. Лекции, читанные в Военно-юридической академии в 1884/1885 академич. году. СПб., 1885; *Кузьмин-Караваев В.Д.* Военно-уголовное право. 1. Часть Общая. СПб., 1895.

²⁴ См.: *Чхиквадзе В.М.* К вопросу о предмете советского военно-уголовного права // Сов. государство и право. 1940. № 12. С. 46—53; *Бражник Ф.С.* К вопросу о военно-уголовном праве // Росс. военно-правовой сб. 2004. № 1. С. 90—94.

²⁵ Военно-уголовное законодательство Российской Федерации: научно-практический комментарий / под общ. ред. Н.А. Петухова. М., 2004. С. 11.

²⁶ См.: *Ермолович Я.Н.* Военно-уголовное право как подотрасль военного права: практические вопросы реализации подхода // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое

¹⁸ См.: Российское законодательство X—XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986.

¹⁹ См.: Законодательство Петра I / отв. ред. А.А. Преображенский и Т.Е. Новицкая. М., 1997.

²⁰ См.: Книга Устав морской о всем, что касается доброму управлению в бытности флота на море. СПб., 1720.

²¹ См.: ПСЗРИ. Т. XXXII. 1812. № 24975.

дотраслью уголовного права, а единым уголовно-правовым институтом²⁷.

Не погружаясь в глубину анализа этого вопроса, согласимся с тем, что, исходя из особенностей предмета и метода, исследуемая система правовых норм представляет собой подотрасль уголовного законодательства²⁸.

Во всех советских уголовных кодексах нормы о воинских преступлениях составляли самостоятельную главу и включали: 1) совершаемые в мирное время воинские преступления невысокой общественной опасности (например, оскорбление, неявка в срок на службу); 2) преступления, которые могли совершаться как в мирное время, так и в военное время или в боевой обстановке (что признавалось квалифицирующим или особо квалифицирующим признаком); 3) преступления, совершаемые только в военное время или в боевой обстановке (например, сдача или оставление противнику средств ведения войны, добровольная сдача в плен и др.).

После прекращения существования СССР возникла необходимость в принятии Уголовного кодекса РФ. Его проект готовился и обсуждался в обстановке пацифистской эйфории и наивной веры в возможность равноправного сотрудничества с государствами Запада в экономической, политической, дипломатической, культурной и других сферах. Вера в такую возможность, видимо, послужила основной причиной отказа от военно-уголовного законодательства в мирное время. В гл. 33 УК РФ 1996 г. содержались нормы об ответственности военнослужащих за воинские преступления, совершенные только в мирное время. Часть 3 ст. 331 УК РФ устанавливала, что уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время или в боевой обстановке, должна регламентироваться законодательством военного времени. Тем самым военно-уголовное законодательство России превратилось в законодательство о служебных преступлениях

обозрение. 2021. № 12. С. 64–73; Батырь В.А. Право военного времени как подотрасль военного права // Lex russica. 2022. Т. 75. № 3 (184). С. 88–104.

²⁷ См.: Шарапов С.Н. Современное военно-уголовное право в системе права: проблемы институционализации // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 9. С. 47–56.

²⁸ См.: Солнцев К.И. Воинские преступления. М., 1938. С. 4; Боев В.И. Механизм уголовно-правового регулирования режима военного положения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 10; Данилов П.С. Место преступлений против военной службы в уголовном законодательстве // Новый юрид. вестник. 2019. № 1 (8). С. 44–48; Бодаевский В.П. Характеристика и функциональное назначение системы уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану воинского правопорядка // Lex russica. 2021. Т. 74. № 4 (173). С. 44–62.

военнослужащих, совершаемых исключительно в мирное время. Вряд ли подобное законодательное решение можно считать удачным²⁹. Во-первых, оно противоречит кодификации уголовного законодательства.

Во-вторых, для принятия такого решения необходимо на момент принятия Уголовного кодекса иметь готовый военно-уголовный кодекс, чтобы он начал действовать сразу же после наступления военного времени, боевой обстановки или объявления мобилизации. Однако ничего подобного государство в своих запасниках не имело, российское правосудие оказалось не готово к применению уголовного законодательства к военнослужащим, совершившим преступления против военной службы в обстановке специальной военной операции на территории Украины. Возник уголовно-правовой вакуум, который нужно было срочно заполнить, но это удалось сделать только через семь месяцев.

20 сентября 2022 г. Государственная Дума ФС РФ сразу в двух чтениях приняла Федеральный закон № 365-ФЗ, на следующий день он был одобрен Советом Федерации, а 24 сентября подписан Президентом РФ В.В. Путиным. Не только ускоренная процедура, но и содержание нового Закона указывают на то, что он готовился и принимался «на скорую руку», поэтому его качество оказалось не самым высоким.

Основные положения Федерального закона сводятся к следующему.

1. Часть 3 ст. 331 УК РФ признана утратившей силу.

2. Содержание п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ уточнено применительно к обстановке СВО.

3. Признак «совершение преступления в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий» стал квалифицирующим (или особо квалифицирующим) в большинстве статей гл. 33 УК РФ (в ч. 2¹ ст. 332, ч. 3 ст. 346; ч. 2 ст. 347; ч. 2 ст. 348 период мобилизации не упоминается).

4. Глава 33 УК РФ дополнена ст. 352¹ «Добровольная сдача в плен».

²⁹ Его критику см. в работах: Шилов А.И. Проблемы уголовной политики России в отношении военнослужащих в военное время и в боевой обстановке // Уголовно-исполнительное право. 2007. № 1. С. 35–39; Загорский Г.И., Зюбанов Ю.А. Действие российского уголовного закона в военное время либо в боевой обстановке // Военная юстиция в России: история и современность / под ред. В.В. Ершова и В.В. Хомчика. М., 2017. С. 449–473; Бодаевский В.П. Указ. соч. С. 44–62; Его же. Формирование уголовного права военного времени // Труды ИГП РАН. 2022. Т. 17. № 2. С. 130, 131.

5. Дополнив гл. 34 УК РФ³⁰ ст. 356¹ «Мародерство», законодатель отказался от узкого понимания термина (похищение на поле сражения вещей, находящихся у убитых и раненых, — ст. 266 УК РСФСР 1960 г.) и вернулся к старой его трактовке (противозаконное отобрание при боевой обстановке у гражданского населения принадлежащего последнему имущества, с употреблением угрозы военным оружием и под предлогом необходимости его отобрания для военных целей, а также снятие с корыстной целью с убитых и раненых находящихся у них вещей — ст. 214 УК РСФСР 1922 г.).

Принятие Федерального закона № 365-ФЗ от 24 сентября 2022 г., разумеется, не означает завершения развития военно-уголовного законодательства. Его дальнейшая эволюция может осуществляться, в частности, по таким направлениям, как:

1) дополнение ч. 3 ст. 81 УК РФ указанием на военнослужащих, отбывающих ограничение по военной службе;

2) восполнение пробела, связанного с отсутствием нормы об уклонении от призыва на военную службу по мобилизации;

3) использование исторического опыта уголовной ответственности за сдачу противнику военных сил, укреплений, боевой техники и других средств ведения военных действий (глава 15 военного Устава Петра 1, Книга 5 Морского устава, ст. 261 УК РСФСР 1960 г.), оставление погибающего военного корабля (ст. 26 УК РСФСР 1960 г.), выдача противнику военной тайны; жестокое обращение с военнопленными и др.

С принятием Федерального закона № 365-ФЗ уголовное законодательство, казалось бы, вернулось к полной кодификации. Однако Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ нанес еще один удар по этому принципу. Он вводит новые основания освобождения от уголовной ответственности и от наказания и новые условия погашения судимости.

В отношении любого лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, уголовное преследование приостанавливается в связи с призывом на военную службу по мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а со дня присвоения государственной награды, полученной в период прохождения военной службы, либо со дня увольнения с военной службы по любому из трех указанных в законе оснований лицо освобождается от уголовной ответственности (ст. 3).

Если в отношении военнослужащего осуществляется предварительное расследование в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, уголовное дело (уголовное преследование) приостанавливается, а со дня присвоения государственной награды, полученной в период прохождения военной службы, либо со дня увольнения с военной службы по любому из трех указанных в Законе оснований военнослужащий освобождается от уголовной ответственности (ст. 4).

Статья 5 Федерального закона № 270-ФЗ предусматривает условное освобождение осужденных от отбывания наказания в связи с призывом на военную службу по мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы (ч. 1).

Освобождение становится окончательным со дня присвоения государственной награды, полученной в период прохождения военной службы, либо со дня увольнения с военной службы по любому из трех указанных в Законе оснований (ч. 2).

Статья 6 Федерального закона устанавливает условия погашения судимости в отношении лиц, отбывших наказание или условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, имеющих судимость, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы РФ либо заключивших в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах РФ.

По содержанию Федеральный закон № 270-ФЗ никаких нареканий не вызывает, однако его принятие вне Уголовного кодекса РФ представляется необоснованным.

Нет видимых препятствий и к тому, чтобы нормы Федерального закона от 24 июня 2023 г. поместить в Уголовный кодекс РФ. Так, нормы, закрепленные в ст. 3 и 4, можно включить в гл. 11 УК РФ (скажем, под номерами 76³ и 76⁴), ст. 5 — в гл. 12 (например, под номером 81¹), а ст. 6 — в гл. 13 УК РФ (может быть, под номером 86¹).

Важной проблемой для отечественного уголовного права является вопрос о смертной казни как виде уголовного наказания, который относится к числу наиболее дискуссионных³¹. Этот вид наказания предусмотрен и Конституцией РФ (ч. 2 ст. 20), и Уголовным кодексом РФ (ст. 59), однако реально не применяется почти четверть века.

³⁰ Расположение этой нормы в гл. 34 представляется спорным, поскольку преступление может быть совершено на поле боя, который не носит международного характера. Более уместна эта норма в гл. 33 УК РФ.

³¹ Подробнее об этом см.: *Рарог А. И.* Еще раз о смертной казни // *Всеросс. криминологический журнал*. 2022. Т. 16. № 6. С. 661–668.

При вступлении в Совет Европы Российская Федерация подписала протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод³², обязавшись в течение трех лет законодательно отменить смертную казнь, а до этого — ввести мораторий на исполнение смертных приговоров. Но этот протокол Российской Федерацией не был ратифицирован.

В российских СМИ, да и в ряде юридических изданий встречается тезис, что 16 мая 1996 г. Президент РФ подписал Указ об отмене смертной казни, фактически установив мораторий на ее применение. На самом же деле в Указе Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы»³³ содержалось поручение палатам Федерального Собрания РФ «обсудить при рассмотрении проекта Уголовного кодекса Российской Федерации вопрос о сокращении составов преступлений, за совершение которых может быть назначена смертная казнь».

В Постановлении от 2 февраля 1999 г. № 3-П³⁴ Конституционный Суд РФ указал, что до введения суда присяжных на всей территории страны смертную казнь не могут назначать суды и тех субъектов Российской Федерации, в которых суды присяжных уже функционируют (п. 5 резолютивной части). Чеченская Республика стала последним субъектом, где с 1 января 2010 г. начали действовать суды с участием присяжных заседателей.

В 2009 г. Верховный Суд РФ направил в Конституционный Суд РФ запрос о разъяснении п. 5 указанного Постановления, чтобы избежать противоречий в правоприменительной практике назначения наказания в виде смертной казни после введения судов с участием присяжных заседателей. Конституционный Суд РФ в Определении от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р³⁵ указал, что введение суда с участием присяжных на всей территории Российской Федерации «не открывает возможность применения смертной казни, в т.ч. по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей» (п. 1 резолютивной части). Свое заключение Суд обосновал тем, что «в результате длительного моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого — с учетом международно-правовой тенденции

и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, — происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни как исключительной меры наказания, носящей временный характер» (п. 1 резолютивной части).

Правомерность полного запрета на применение смертной казни Конституционным Судом РФ у специалистов вызывает возражения³⁶, которые представляются вполне обоснованными. Во-первых, обсуждаемая правовая позиция Конституционного Суда РФ не соответствует ч. 2 ст. 20 Конституции РФ, буква и смысл которой остались неизменными.

Во-вторых, Конституционный Суд РФ выводит обязательство Российской Федерации отменить смертную казнь из подписания Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Но он не был ратифицирован, а с выходом Российской Федерации из Совета Европы все обязательства Российской Федерации перед этой организацией вообще аннулируются.

Наша страна 15 марта 2022 г. объявила о начале выхода из Европейского суда по правам человека (с последующей денонсацией Устава Совета Европы и Конвенции). 16 марта 2022 г. она была исключена из Совета Европы (Резолюция Комитета министров Совета Европы от 16 марта 2022 г. CM/Res(2022)2 «О прекращении членства Российской Федерации в Совете Европы») с сохранением статуса государства — участника Конвенции до 16 сентября 2022 г. (Резолюция ЕСПЧ от 22 марта 2022 г. «О последствиях прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы в свете ст. 58 Европейской Конвенции по правам человека»).

В Российской Федерации 11 июня 2022 г. были приняты федеральные законы, позволяющие ей не исполнять решения ЕСПЧ³⁷.

В-третьих, Российская Федерация хотя и подписала Протокол № 6 (относительно отмены смертной казни) от 28 апреля 1983 г., но не подписывала Протокол от 3 мая 2002 г. № 13 относительно отмены смертной казни в любых обстоятельствах, т.е. и в военное время.

³⁶ См., напр.: Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 358–364; Квашиш В.Е. Куда идет смертная казнь. СПб., 2011. С. 39; Коняев С.А. Мораторий на применение смертной казни в России: конституционно-правовой аспект // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2011. № 1. С. 70–78.

³⁷ См.: Федеральный закон от 11.06.2022 № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 24, ст. 3940; Федеральный закон от 11.06.2022 № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 24, ст. 3943.

³² См.: Распоряжение Президента РФ от 27.02.1997 № 53-рп «О подписании Протокола № 6 (относительно отмены смертной казни) от 28 апреля 1983 г. и к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.» // СЗ РФ. 1997. № 9, ст. 1092.

³³ См.: СЗ РФ. 1996. № 21, ст. 2468.

³⁴ См.: СЗ РФ. 1999. № 6, ст. 867.

³⁵ См.: СЗ РФ. 2009. № 48, ст. 5867.

В-четвертых, согласно ст. 3 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»³⁸ «Конституционный Суд Российской Федерации решает исключительно вопросы права». Между тем аргументация запрета смертной казни (международно-правовые тенденции и привычка общества за время моратория к неприменению смертной казни) носит не правовой, а нравственно-эмоциональный характер.

В-пятых, в соответствии с Конституцией РФ (ч. 2 ст. 125) и Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ст. 3) этот орган разрешает дела о конституционности норм права *по запросам, ходатайствам и жалобам*. Однако определением от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р Конституционный Суд РФ ввел запрет на смертную казнь по собственной инициативе, на что вполне обоснованно обратил внимание судья Конституционного Суда РФ Ю.Д. Рудкин в своем Особом мнении по данному делу.

Сохранение смертной казни в системе уголовных наказаний либо отказ от нее — это уголовно-политическая проблема, которую можно решить только конституционно-правовым путем. Не предвещая исхода обсуждения этого вопроса, следует признать, что политическая обстановка и состояние боевого противостояния на территории Украины служат достаточным основанием для того, чтобы при подготовке новой редакции Уголовного кодекса РФ поставить вопрос о применении наказания в виде смертной казни за наиболее опасные преступления против безопасности и суверенитета Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Байтин М.И.* Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 358–364.
2. *Батырь В.А.* Право военного времени как подотрасль военного права // *Lex russica*. 2022. Т. 75. № 3 (184). С. 88–104.
3. *Бодаевский В.П.* Формирование уголовного права военного времени // *Труды ИГП РАН*. 2022. Т. 17. № 2. С. 130, 131.
4. *Бодаевский В.П.* Характеристика и функциональное назначение системы уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану воинского правопорядка // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 4 (173). С. 44–62.
5. *Боев В.И.* Механизм уголовно-правового регулирования режима военного положения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 10.
6. *Бражник Ф.С.* К вопросу о военно-уголовном праве // *Росс. военно-правовой сб.* 2004. № 1. С. 90–94.
7. Военно-уголовное законодательство Российской Федерации: науч.-практ. комм. / под общ. ред. Н.А. Петухова. М., 2004. С. 11.
8. *Галачиева М.М.* Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки террористического акта: вопросы корректирования // *Научные известия*. 2016. № 5. С. 116–120.
9. *Данилов П.С.* Место преступлений против военной службы в уголовном законодательстве // *Новый юрид. вестник*. 2019. № 1 (8). С. 44–48.
10. *Ермолович Я.Н.* Военно-уголовное право как подотрасль военного права: практические вопросы реализации подхода // *Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение*. 2021. № 12. С. 64–73.
11. *Загорский Г.И., Зюбанов Ю.А.* Действие российского уголовного закона в военное время либо в боевой обстановке // *Военная юстиция в России: история и современность* / под ред. В.В. Ершова и В.В. Хомчика. М., 2017. С. 449–473.
12. Законодательство Петра I / отв. ред. А.А. Преображенский и Т.Е. Новицкая. М., 1997.
13. *Калинин Р.С.* Уголовная ответственность за террористический акт по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 10.
14. *Квашиш В.Е.* Куда идет смертная казнь. СПб., 2011. С. 39.
15. *Кибальник А.Г., Волосюк П.В., Иванов А.Ю.* Уголовно-правовое противодействие террористическим преступлениям: основные тренды российских диссертационных исследований в 2010–2020 годах // *Всеросс. криминологический журнал*. 2021. Т. 15. № 1. С. 73.
16. *Коняев С.А.* Мораторий на применение смертной казни в России: конституционно-правовой аспект // *Вестник ВГУ. Сер.: Право*. 2011. № 1. С. 70–78.
17. *Кузьмин-Караваев В.Д.* Военно-уголовное право. 1. Часть Общая. СПб., 1895.
18. *Неелов Я.А.* Курс военно-уголовного права. Лекции, читанные в Военно-юридической академии в 1884/1885 академич. году. СПб., 1885.
19. *Рарог А.И.* Еще раз о смертной казни // *Всеросс. криминологический журнал*. 2022. Т. 16. № 6. С. 661–668.
20. *Рарог А.И.* О неисполняемых и неисполнимых уголовно-правовых нормах // *Научный портал МВД России*. 2022. № 1 (57). С. 69.
21. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986.
22. *Солнцев К.И.* Воинские преступления. М., 1938. С. 4.
23. Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) / Н.А. Лопашенко, Р.О. Долотов, Е.В. Кобзева, К.М. Хутов; под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2019.
24. *Чхиквадзе В.М.* К вопросу о предмете советского военно-уголовного права // *Сов. государство и право*. 1940. № 12. С. 46–53.
25. *Шарапов С.Н.* Современное военно-уголовное право в системе права: проблемы институционализации // *Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение*. 2021. № 9. С. 47–56.

³⁸ См.: СЗ РФ. 1994. № 134, ст. 1447.

26. *Шилов А.И.* Проблемы уголовной политики России в отношении военнослужащих в военное время и в боевой обстановке // Уголовно-исполнительное право. 2007. № 1. С. 35–39.
27. *Южиков А.А.* Пиратство: истоки, реалии, проблемы уголовно-правового противодействия: дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 13.
13. *Kalinin R.S.* Criminal liability for a terrorist act under the legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus: abstract ... PhD in Law. M., 2018. P. 10 (in Russ.).
14. *Kvashin V.E.* Where the death penalty goes. SPb., 2011. P. 39 (in Russ.).
15. *Kibalnik A.G., Volosyuk P.V., Ivanov A. Yu.* Criminal law counteraction to terrorist crimes: the main trends of Russian dissertation research in 2010–2020 // All-Russian Journal of Criminology. 2021. Vol. 15. No. 1. P. 73 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Baytin M.I.* The essence of law (modern normative legal understanding on the verge of two centuries). Saratov, 2001. Pp. 358–364 (in Russ.).
2. *Batyr V.A.* The law of wartime as a sub-branch of Military Law // Lex russica. 2022. Vol. 75. No. 3 (184). Pp. 88–104 (in Russ.).
3. *Bodaevsky V.P.* Formation of the Criminal Law of wartime // Proceedings of the IGP RAS. 2022. Vol. 17. No. 2. Pp. 130, 131 (in Russ.).
4. *Bodaevsky V.P.* Characteristics and functional purpose of the system of criminal law norms ensuring the protection of Military Law and order // Lex russica. 2021. Vol. 74. No. 4 (173). Pp. 44–62 (in Russ.).
5. *Boev V.I.* The mechanism of criminal law regulation of the martial law regime: abstract ... Doctor of Law. M., 2008. P. 10 (in Russ.).
6. *Brazhnik F.S.* On the issue of Military Criminal Law // Russ. military law collection. 2004. No. 1. Pp. 90–94 (in Russ.).
7. Military criminal legislation of the Russian Federation: scientific and practical comm. / under the general editorship of N.A. Petukhov. M., 2004. P. 11 (in Russ.).
8. *Galachieva M.M.* Qualifying and especially qualifying signs of a terrorist act: issues of correction // Scientific news. 2016. No. 5. Pp. 116–120 (in Russ.).
9. *Danilov P.S.* The place of crimes against military service in criminal legislation // New Legal Herald. 2019. No. 1 (8). Pp. 44–48 (in Russ.).
10. *Ermolovich Ya.N.* Military Criminal Law as a sub-branch of Military Law: practical issues of the implementation of the approach // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2021. No. 12. Pp. 64–73 (in Russ.).
11. *Zagorsky G.I., Zyubakov Yu.A.* The effect of the Russian Criminal Law in wartime or in a combat situation // Military justice in Russia: history and modernity / ed. by V.V. Ershov and V.V. Khomchik. M., 2017. Pp. 449–473 (in Russ.).
12. Legislation of Peter the Great / ed. by A.A. Preobrazhensky and T.E. Novitskaya. M., 1997 (in Russ.).
16. *Konyaev S.A.* Moratorium on the use of the death penalty in Russia: constitutional and legal aspect // Herald of the VSU. Ser.: Law. 2011. No. 1. Pp. 70–78 (in Russ.).
17. *Kuzmin-Karavaev V.D.* Military Criminal Law. 1. General Part. St. Petersburg, 1895 (in Russ.).
18. *Neelov Ya.A.* Course of Military Criminal Law. Lectures delivered at the Military Law Academy in 1884/1885 academic. year. St. Petersburg, 1885 (in Russ.).
19. *Rarog A.I.* Once again about the death penalty // All-Russian Criminological Journal. 2022. Vol. 16. No. 6. Pp. 661–668 (in Russ.).
20. *Rarog A.I.* On non-executable and unenforceable criminal law norms // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1 (57). P. 69 (in Russ.).
21. Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 vols. Vol. 4. Legislation of the period of the formation of absolutism / res. ed. A.G. Mankov. M., 1986 (in Russ.).
22. *Solntsev K.I.* Military crimes. M., 1938. P. 4 (in Russ.).
23. The Criminal Code of the Russian Federation (scientific project) / N.A. Lopashenko, R.O. Dolotov, E.V. Kobzeva, K.M. Khutov; ed. by N.A. Lopashenko. M., 2019 (in Russ.).
24. *Chkhikvadze V.M.* On the issue of the subject of Soviet Military Criminal Law // Soviet State and Law. 1940. No. 12. Pp. 46–53 (in Russ.).
25. *Sharapov S.N.* Modern Military Criminal Law in the legal system: problems of institutionalization // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2021. No. 9. Pp. 47–56 (in Russ.).
26. *Shilov A.I.* Problems of Russia's criminal policy in relation to military personnel in wartime and in a combat situation // Penal Enforcement Law. 2007. No. 1. Pp. 35–39 (in Russ.).
27. *Yuzhikov A.A.* Piracy: origins, realities, problems of criminal law counteraction: dis. ... PhD in Law. Saratov, 2014. P. 13 (in Russ.).

Сведения об авторе

РАРОГ Алексей Иванович –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
почетный юрист г. Москвы,
профессор кафедры уголовного права
Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА);
125993 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

Authors' information

RAROG Alexey I. –
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Honorary Lawyer of Moscow,
Professor of the Department of Criminal Law,
Kutafin University (MSLA);
9 Sadovaya-Kudrinskaya str.,
125993 Moscow, Russia

УДК 341.1/8

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

© 2024 г. И. А. Халиков

*Казанский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации*

E-mail: iskanderh@mail.ru

Поступила в редакцию 09.01.2023 г.

Аннотация. В статье через изучение относительно самостоятельных направлений международно-правовой охраны исторического и культурного наследия оценивается влияние, оказываемое отдельными актами всемирного и регионального (европейского) уровня действия на уголовно-правовую политику Российской Федерации в исследуемой сфере. Автор обращает внимание на отдельные просчеты, допущенные отечественным законодателем в процессе криминализации деяний в отношении исторического и культурного наследия, которые обусловлены недооценкой международного опыта охраны материального наследия, а также инертностью объективно востребованных изменений. Исходя из современных политических реалий, определены дальнейшие направления развития уголовно-правовой политики государства в сфере охраны исторического и культурного наследия.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовно-правовая политика, историческое и культурное наследие, памятники истории и культуры, объекты культурного наследия, памятники археологии, археологический предмет, культурный слой, культурные ценности, охрана мемориальных сооружений.

Цитирование: Халиков И. А. Международно-правовая основа уголовно-правовой политики Российской Федерации в сфере охраны исторического и культурного наследия // Государство и право. 2024. № 1. С. 49–55.

DOI: 10.31857/S1026945224010056

THE INTERNATIONAL LEGAL BASIS OF THE CRIMINAL LAW POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF PROTECTION OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE

© 2024 I. A. Khalikov

Kazan Law Institute (Branch) University of the Prosecutors of the Russian Federation

E-mail: iskanderh@mail.ru

Received 09.01.2023

Abstract. In the article, through the study of relatively independent directions of international legal protection of historical and cultural heritage, the influence exerted by individual acts of the world and regional (European) level of action on the criminal law policy of the Russian Federation in the area under study is assessed. The author draws attention to certain miscalculations made by the domestic legislator in the process of criminalizing acts against historical and cultural heritage, which are due to an underestimation of international experience in the protection of material heritage, as well as the inertia of objectively demanded changes. Based on the current political realities, the further directions of the development of the criminal law policy of the state in the field of protection of historical and cultural heritage are determined.

Key words: criminal policy, criminal law policy, historical and cultural heritage, historical and cultural monuments, cultural heritage sites, archaeological monuments, archaeological subject, cultural layer, cultural values, protection of memorial structures.

For citation: Khalikov, I.A. (2024). The international legal basis of the criminal law policy of the Russian Federation in the field of protection of historical and cultural heritage // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 49–55.

Неотъемлемой частью правовой системы Российской Федерации являются общепризнанные принципы, нормы международного права, международные договоры. Нормы уголовного закона призваны обеспечить охрану общественных отношений по сохранению, а также использованию исторического и культурного наследия. Дефиниции, используемые при построении диспозиции ст. 243–243⁴ УК РФ, — это результат трансформации международно-правовых предписаний, образующих систему последовательно принятых и реализованных на международном уровне соглашений всемирного, регионального (европейского) уровня применения. Особое место в указанной структурно упорядоченной общности отведено Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия¹ (далее — Конвенция 1972 г.) и Европейской конвенции об охране археологического наследия (пересмотренной)² (далее — Конвенция 1992 г.). Разработке и принятию приведенных документов, предшествовала последовательная международная правотворческая деятельность, осуществленная исходя из генезиса угроз в отношении материального наследия, имеющего особое аксиологическое значение. Формированию и развитию международного института охраны наследия, оценке влияния, оказываемого приведенными процессами на нормы уголовного закона и уголовно-правовую политику государства в сфере охраны историко-культурного наследия, посвящено проводимое исследование.

Инкорпорирование в правотворческую деятельность практики ратификации международных договоров одновременно с имплементацией их положений в отечественное уголовное законодательство следует признать залогом обеспечения соответствия уголовно-правовой политики нормам и принципам международного права. К сожалению, указанный уголовно-политический процесс инертен, а востребованные изменения вносятся в законодательство с опозданием во времени. Исследуемые нами правоотношения не стали исключением. Так, Конвенция 1992 г. была ратифицирована в 2011 г.³, а процесс криминализации антиобщественных деяний в отношении элементов наследия был осуществлен спустя два года⁴.

По справедливому замечанию А.И. Алексеева, В.С. Овчинского и Э.Ф. Побегайло, «игнорирование, медлительность и неполнота реализации в российском законодательстве международно-правовых норм, содержащихся в конвенциях (договорах, соглашениях), ратифицированных или подписанных Российской Федерацией, отнесены

к числу “кризисных” явлений в отечественной уголовной политике»⁵. Приведенное мнение в полной мере относится к нормам отечественного уголовного закона, предусматривающим ответственность за совершение преступлений в отношении элементов наследия. Бессистемность и нечеткость, допущенные при формулировании диспозиций ст. 243¹–243³ УК РФ, обосновывают необходимость обращения к нормам международного права в целях разъяснения условий их применения, а также возможной дальнейшей оптимизации.

Институт международно-правовой охраны исторического и культурного наследия в современном виде сложился в середине XX в. Он неразрывно связан с деятельностью ООН, ее подразделений по вопросам образования, науки и культуры (UNESCO), смежных международных органов охраны и изучения наследия (ICCROM, ICAHM), а также развитием региональных, в частности европейских институтов охраны культурного и исторического наследия.

Примечательно то, что в большей части источников международного права охрана археологического наследия осуществляется автономно. Это предопределяет возможность изучения основ международно-правовой охраны исторического и культурного наследия исходя из особенности принятых под защиту ценностей материального мира, с разделением на *международно-правовую охрану памятников истории и культуры, культурных ценностей; международно-правовую охрану археологического наследия и его элементов*.

Подобная дифференциация предоставит возможность предметного изучения норм международного права с оценкой влияния, которое они оказали и продолжают оказывать на отечественную уголовно-правовую политику в сфере сохранения историко-культурного наследия.

Международно-правовая охрана памятников истории и культуры, культурных ценностей

И.Э. Мартыненко справедливо отметил, что основу международно-правовой охраны исторического и культурного наследия образуют концептуальные положения документов, разработанных и принятых под эгидой ЮНЕСКО⁶. Мы не ставим перед собой цели перечислить и привести содержание всех документов, принятых на международном, межгосударственном уровнях, это не входит в предмет проводимого исследования. Нами будут изучены основные положения тех актов, которые имеют значение для изучения отечественной уголовно-правовой политики в исследуемой сфере.

Правовую основу системы международно-правовой охраны объектов историко-культурного и природного наследия

¹ См.: Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М., 1993. С. 290–302.

² См.: Бюллетень договоров. 2013. № 3. С. 41–54.

³ См.: Федеральный закон от 27.06.2011 № 163-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции об охране археологического наследия» // СЗ РФ. 2011. № 27, ст. 3874.

⁴ См.: Федеральный закон от 23.07.2013 № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» // СЗ РФ. 2013. № 30 (ч. 1), ст. 4078.

⁵ Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 12.

⁶ См.: Мартыненко И.Э. Особая правовая защита памятников стран СНГ, включенных в Список всемирного наследия. URL: <http://zakon.kz/208820-osobaja-pravovaja-zashhita-pamjatnirov> (дата обращения: 21.12.2022).

образуют нормативные положения Конвенции 1972 г. Опираясь на опыт защиты древнеегипетских храмов в долине Абу-Симбел (Египет, 1959 г.); организации реставрационных работ на территории храмового комплекса Боробудур о. Ява (Индонезия, 1970 г.); нивелирования пагубных последствий наводнения для памятников архитектуры г. Венеция (Италия, 1966 г.), ЮНЕСКО был создан ныне существующий механизм охраны природного и культурного наследия. «Двуединство» во многом разных направлений охраны было оправдано связью, существующей между творениями природы и человека. Отечественный законодатель, устанавливая ответственность за уничтожение (разрушение) или порчу памятников культуры (ст. 230 УК РСФСР), выразил схожее отношение к предмету уголовно-правовой охраны, обеспечив защиту общественных отношений, связанных с сохранением памятников культуры, а также особо охраняемых государством природных объектов. Конвенционными следует считать изменения, внесенные в норму Уголовного кодекса РСФСР на основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 декабря 1982 г.⁷ Благодаря им были конкретизированы признаки предмета преступления, расширена возможность отнесения к его числу не только памятников культуры, но и материальных ценностей, имеющих историческое значение. Подобная предметная дифференциация сохранена отечественным законодателем и в дальнейшей правотворческой деятельности (ст. 243 УК РФ).

Значимое уточнение, расширившее возможность применения положений Конвенции 1972 г., было сделано в Будапештской декларации о всемирном наследии 2002 г. В п. «d» международного документа обращено внимание на возможность распространения ее действия на национальное историческое и культурное наследие «во всем его разнообразии и богатстве»⁸. Благодаря этому стало возможным оформление иерархической по характеру связи, существовавшей между Конвенцией 1972 г. и отечественным законодательством, применения ее положений для разъяснения дефиниций, в т.ч. используемых при построении диспозиции норм уголовного законодательства. Так, в соответствии со ст. 78 УК РФ «любой объект охраны должен отвечать условиям целостности и (или) подлинности, иметь должную систему защиты и управления, способную гарантировать его дальнейшую сохранность». Положения международного документа устанавливают правила признания памятника истории и культуры в качестве такового, определяя порядок его должной охраны, что может быть использовано при оценке характера действий (бездействия) по сохранению либо использованию памятника истории и культуры как признака объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 243¹ УК РФ с неявной международно-правовой бланкетностью.

16 ноября 1972 г. принята Рекомендация ЮНЕСКО об охране в национальном плане культурного и природного наследия⁹. Содержание документа — это примерный перечень мер, необходимых для организации охраны

исторического и культурного наследия государствами — членами ЮНЕСКО. Для проводимого исследования представляет интерес разд. V Рекомендации — меры по обеспечению сохранения культурного и природного наследия. Так, в национальных нормативных актах, правилах и условиях, определяющих порядок ведения строительства промышленных предприятий, проведения общественных либо частных работ в обязательном порядке должны быть включены положения об охране материального наследия (ст. 43 Рекомендации). К сожалению, придание необязательного характера государственной историко-культурной экспертизе в ходе коммерческого освоения привлекательной в инвестиционном плане территории, как правило, расположенной в центральной, исторической части города (поселения), не способствует должной реализации приведенного предписания¹⁰.

О необходимости создания в национальном законодательстве института конфискации памятников истории и культуры при возникновении потребности их дальнейшего сохранения сказано в ст. 44 Рекомендации. Предложенная форма отчуждения чужого имущества предусмотрена в ч. 3 ст. 54 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»¹¹ (далее — Закон № 73-ФЗ). Так, на основании вынесенного судебного решения возможно изъятие участка, на территории которого находился утраченный памятник. Подобную меру пресекательного характера законодатель отнес к числу *санкций* за совершение преступления (правонарушения), при том что механизм реализации приведенного предписания в уголовном законодательстве отсутствует.

Вопросам противодействия умышленному уничтожению исторического и культурного наследия посвящена Декларация о недопущении преднамеренного разрушения культурного наследия, принятая 17 октября 2003 г.¹² Документ имеет особое значение для проводимого исследования. Именно в нем приведены необходимые средства борьбы с правонарушениями в отношении наследия. Так, в ст. VII Декларации «государствам следует принять необходимые меры для установления национальной юрисдикции, обеспечения должных уголовных санкций в отношении лиц, причастных к уничтожению культурного наследия...». Разработчики международного документа исходили из необходимости признания важности охраны исторического и культурного наследия, последовательности и системности борьбы с его умышленным (преднамеренным) разрушением в целях обеспечения возможности его передачи в неизменном виде будущим поколениям (ст. I Декларации). При этом действенными средствами признаны меры уголовно-правового воздействия на лиц, совершающих антиобщественные деяния в отношении рассматриваемой категории предметов. «По наитию» положения Декларации были

⁷ См.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 03.12.1982 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1982. № 49, ст. 1821.

⁸ См.: Будапештская декларация о всемирном наследии (принята 25 сентября 2002 г. Комитетом всемирного наследия на 26-й сессии ЮНЕСКО). URL: https://voopiik34.ru/wp-content/uploads/budapeshtskaya_deklaraciya_2002.pdf (дата обращения: 20.12.2022).

⁹ См.: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов Кодекс // <https://docs.cntd.ru/document/901756973?section=stat> us (дата обращения: 15.10.2022).

¹⁰ В настоящее время в соответствии с п/п. «м» п. 3 ч. 3 ст. 9 «Особенности применения отдельных актов (решений) публично-правового образования (стабилизационная оговорка)» Федерального закона от 01.04.2020 № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» стало необязательным проведение государственной историко-культурной экспертизы на осваиваемом земельном участке в случае отсутствия на нем поставленного на государственный учет памятника археологии.

¹¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 26, ст. 2519.

¹² См.: Декларация ЮНЕСКО, касающаяся преднамеренного разрушения культурного наследия (принята 17 октября 2003 г.) / ООН. Декларации. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/heritage_destruction.shtml (дата обращения: 15.10.2022).

учтены отечественным законодателем при криминализации антиобщественных деяний (ст. 243¹–243³ УК РФ). Сделано это было через приведение норм уголовного законодательства в соответствие с международно-правовым актом регионального уровня применения¹³. Вместе с тем эффективность уголовных санкций норм отечественного уголовного законодательства осталась на низком уровне.

Международно-правовая охрана археологического наследия и его элементов

Существующая система норм Уголовного кодекса РФ как механизм реализации уголовно-правовой политики в сфере обеспечения сохранения историко-культурного наследия создана после ратификации Конвенции 1992 г. Указанный документ заложил основу правового регулирования общественных отношений, определивших порядок и условия сохранения, изучения отдельных элементов наследия, став самостоятельным уголовно-политическим событием. Это делает возможным отнесение ст. 243–243³ УК РФ к числу «конвенционных», что оказывает существенное влияние на определение их положения в системе уголовного законодательства.

Региональная (европейская) система международно-правовой охраны археологического наследия и его элементов ведет свой отсчет от Европейской конвенции об охране археологического наследия¹⁴ (далее — Конвенция 1969 г.). Изучение содержания международного документа имеет особое значение, поскольку с учетом практики ее применения была разработана Конвенция 1992 г. Она завершила разработку положений охраны археологического наследия и стала *пересмотренной* по отношению к более раннему международному документу.

В ст. 1 Конвенции 1969 г. дано определение археологическим объектам, к числу которых отнесены любые материальные следы человеческой деятельности, ставшие свидетельством эпох и цивилизаций, основным либо одним из основных источников информации, которыми являются раскопки или находки. Толкование предмета охраны дано в унифицированных терминах, призванных охватить всю общность объектов, о которых идет речь в документе, а также исключить разночтения их содержания компетентными органами присоединившихся к ней стран. В пояснительном докладе Совета Европы к Конвенции 1969 г. сказано, что «все останки и предметы или любые другие следы человеческого существования — это не только движимые и недвижимые ископаемые объекты, но и все иные формы доказательств существования ушедших эпох и цивилизаций, представляющие археологический интерес...»¹⁵. К иным формам доказательств документ отнес наполнение (культурный слой) памятников археологии. В законодательстве ряда государств, присоединившихся к Конвенции 1969 г., указанное обстоятельство создало условия для

противоречивого толкования дефиниции, поставив культурный слой в один ряд с объектами археологического наследия, которые в определенных случаях могут соотноситься между собой как часть (наполнение) и целое (собственно памятник).

Так, в соответствии со ст. 5 Закона СССР от 29 октября 1976 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры»¹⁶, ст. 6 Закона РСФСР от 15 декабря 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры»¹⁷ к памятникам археологии были отнесены городища, курганы, остатки древних поселений, укреплений, производств, каналов, дорог, древние места захоронений, каменные изваяния, лабиринты, наскальные изображения, старинные предметы, участки исторического культурного слоя древних населенных пунктов. При этом отдельные памятники археологии, такие как городища, остатки древних поселений, селищ, содержат культурный слой как наполнение, в котором возможно обнаружение погребенных конструктивных элементов, а также имеющих историко-культурное значение артефактов. Тем самым была нивелирована гносеологическая связь между объектом археологического наследия и обнаруживаемыми на его территории предметами. Во многом это стало препятствием для привлечения к ответственности граждан, производивших незаконный поиск археологических предметов, виновных в повреждении объектов археологического наследия. Приведенный недостаток был устранен разработчиками Конвенции 1992 г.

Положения Конвенции 1969 г. не содержали запрета на поиск археологических предметов вне пределов границ, поставленных на государственную охрану памятников археологии. Это дало возможность злоумышленникам беспрепятственно «раскапывать» неизвестные науке объекты при отсутствии возможности привлечения их к уголовной ответственности. Приведенное упущение было устранено с принятием пересмотренной Конвенции 1992 г., обязавшей государства, присоединившиеся к ней, обеспечить охрану всех расположенных на территории государства археологических объектов вне зависимости от того, известны они науке или нет. Конвенция 1969 г. заложила основу государственной охраны археологического наследия в Европе, став «отправной точкой» для последующего международного и национального правотворчества в исследуемой сфере на рубеже XX и XXI вв.

Международные принципы, которыми должны руководствоваться государства при организации охраны памятников археологии, были провозглашены в Хартии по охране и управлению археологическим наследием (Лозанна, 1990 г.)¹⁸ (далее — Хартия). В преамбуле документа отмечено, что он не рассматривает специфические проблемы предмета государственной и межгосударственной охраны памятников археологии, с которыми сталкиваются отдельные страны. Этот вопрос оставлен на усмотрение региональных межгосударственных, межправительственных организаций и объединений. К примеру, государства Европы, реализовавшие положение международного документа, разработали и приняли Конвенцию 1992 г.

Для проводимого исследования представляет интерес ст. 1 Хартии. В ней, в частности, отмечено: «археологическое наследие является частью материального наследия,

¹³ Речь идет о ратификации Российской Федерацией Европейской конвенции об охране археологического наследия (пересмотренной), осуществленной на основании Федерального закона от 27.06.2011 № 163-ФЗ (см.: СЗ РФ. 2011. № 27, ст. 3874).

¹⁴ Европейская конвенция об охране археологического наследия (ETS № 066) от 06.05.1969 г. URL: <http://www.coe.int/tu/web/conventions/search-on-treaties/-/conventions/treaty/066> (дата обращения: 15.06.2020).

¹⁵ Explanatory Report to the European Convention on the Protection of the Archaeological Heritage (Пояснительный доклад Совета Европы о толковании содержания Европейской конвенции об охране археологического наследия) / The Council of Europe. Contracts section. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800c92f6> (дата обращения: 15.12.2022).

¹⁶ См.: Ведомости ВС СССР. 1976. № 44, ст. 628.

¹⁷ См.: СЗ РСФСР. Т. 3. С. 498.

¹⁸ См.: Хартия по охране и управлению археологическим наследием от 10 октября 1990 г. // Сов. археология. 1991. № 3. С. 293–296.

основная информация о котором может быть получена в результате применения специальных археологических методов исследования; наследие включает в себя все следы человеческого существования и состоит из мест, фиксирующих все проявления деятельности человека, в т.ч. покинутых строений и руин (включая подземные и подводные) вместе со всем подъемным культурным материалом...». Положение Хартии не связывает возможность признания объекта археологическим наследием через ценность обнаруживаемых при его изучении предметов. Наполнение объекта может состоять как из археологических предметов, так и из массового археологического материала. Он может быть и не извлекаемым из культурного слоя (следы озоления, древесный тлен, массовый остеологический материал и т.п.). Это важно, поскольку требования ст. 3 Закона № 73-ФЗ связывают возможность признания культурного слоя таковым от наличия в нем исключительно археологических предметов, что может создать проблемы в правоприменительной практике, в частности при уголовно-правовой оценке деяния по ч. 2 ст. 243, ст. 243², ст. 243³ УК РФ. Так, нельзя привлечь к ответственности гражданина в случае *поиска* им археологических предметов на территории ранее не известного науке объекта археологического наследия (ч. 1 ст. 243² УК РФ), если таковые при нем не обнаружены.

Согласно Хартии, решение о проведении раскопок должно приниматься редко и только на территории достопримечательных мест, памятников, в силу различного рода причин обреченных на разрушение. «Выборка памятников археологии», которым не грозят указанные необратимые последствия, может проводиться в исключительных случаях с целью решения научно-исследовательских задач либо необходимости экспонирования результатов их проведения. При этом в преддверии раскопок должен быть исследован научный потенциал памятника, возможность сохранения для будущих поколений археологов его неисследованных частей и территорий. В Хартии был прописан принцип приоритета неразрушительных методов исследования перед раскопками. Изложенное свидетельствует о несостоятельности позиции некоторых сторонников незаконного поиска археологических предметов, которые свои противоправные действия оправдывают желанием помочь профессиональным археологам, не способным исследовать все известные и неизвестные памятники археологии.

Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная)¹⁹ включила в свое содержание практические наработки за период действия Конвенции 1969 г. Ее разработчиками были учтены современные вызовы, с которыми столкнулись государства Европы в процессе охраны памятников археологии²⁰. Документ крайне важен, поскольку через его ратификацию, а затем трансформацию с учетом национальной юридической техники отечественное законодательство было дополнено такими дефинициями, как «археологический предмет», «объект археологического наследия», а также «культурный слой». Определения, приведенные в ст. 3 Закона № 73-ФЗ, не выходят за пределы семантического поля Конвенции 1992 г. и толкуются исключительно через призму ее содержания.

Перечень объектов, составляющих археологическое наследие, приведен в ч. 3 ст. 1 Конвенции 1992 г. Он является примерным, иллюстративным. В него включены: «сооружения, строения, группы зданий, освоенные участки, движимые

объекты, памятники другого рода, а также окружающая их обстановка, находящаяся на суше или под водой»²¹. Присоединившиеся к Конвенции 1992 г. государства самостоятельно определяют, какие объекты (предметы) в соответствии с национальным законодательством будут признаны археологическими. Так, в ст. 3 Закона № 73-ФЗ к их числу отнесены: селища, городища, погребения, грунтовые могильники, курганы, каменные изваяния, стелы, наскальные изображения, остатки древних укреплений, производств, каналов, судов, дорог, места совершения древних религиозных обрядов, культурные слои.

Самостоятельным элементом археологического наследия, не менее значимым, чем указанные в рассматриваемой части объекты (предметы), является *окружающая их обстановка (контекст, наполнение, культурный слой)*²². Объекты, извлеченные из *контекста* без проведения их комплексного изучения, часто теряют свою научную ценность. Важен и сам процесс раскопок, на что отдельно обращено внимание в Конвенции 1992 г. Так, исследователь может получить максимум информации от неизвлекаемых из окружающей обстановки (контекста, наполнения, культурного слоя) следов, оставленных на местах расположения древних поселений. Это во многом объясняет позицию отечественного законодателя, который связал наступление уголовной ответственности за незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания с повреждением или уничтожением культурного слоя памятника археологии.

Норма Конвенции 1992 г. (ч. 3 ст. 1) создала правовую основу отделения археологических предметов от объектов археологического наследия. С учетом разнообразия национального законодательства стран — участниц международного договора в документе максимально унифицировано содержание используемых дефиниций. Так, к археологическому наследию отнесены недвижимые и движимые объекты материального мира. Именно движимые объекты были признаны отечественным законодателем археологическими предметами, а недвижимые — объектами археологического наследия (памятниками археологии).

Элементы археологического наследия могут быть обнаружены как на суше, так и под водой. Приведенное правило распространяемо на все археологическое наследие, в т.ч. и на окружающую его элементы обстановку (контекст, культурный слой). С этим можно согласиться, когда речь идет о затопленных городах и исторических поселениях. К примеру, на территории Спасского района Республики Татарстан в результате создания в 1955–1957 гг. Куйбышевского водохранилища были затоплены до трети всех археологических объектов, расположенных в пойме рек Волга, Кама, Свияга²³. Указанный техногенный процесс не лишил памятники археологии их исторической и культурной ценности. В результате проведения гидротехнических работ, возможно, был поврежден культурный слой (окружающая элементы археологического наследия

²¹ Explanatory Report to the European Convention on the Protection of the Archaeological Heritage (Revised). URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000161800cb5e0> (дата обращения: 15.04.2020).

²² Перевод отдельных терминов с английского языка искажает их содержание и отличается от официального толкования, используемого в отечественном законодательстве. Так, в официальном тексте Европейской конвенции 1992 г. интересующее нас определение написано, как “*as their context*”. Его дословный перевод с английского языка: «*их содержание (наполнение)*», либо альтернативно — «*их контекст*», в отечественном законодательстве оно соответствует термину «*культурный слой*».

²³ См.: Бурдин Е.А. Охрана объектов культурного наследия в СССР (1917–1991 гг.): учеб.-метод. пособие. Ульяновск, 2013. С. 62.

¹⁹ См.: Бюллетень договоров. 2013. № 3. С. 41–54.

²⁰ См.: Willems W.J.H. The work of making Malta: The Council of Europe's archaeology and planning committee 1988–1996 // European Journal of Archaeology. 2007. No. 10 (1). Pp. 57–71.

обстановка), но он не был полностью утрачен для будущих научных исследований (изысканий).

Вместе с тем существуют объекты археологического наследия, находящиеся как в земле, так и в толще воды, не имеющие культурного слоя (городские стены, места погребений, останки, фрагменты затонувших кораблей и т.п.). Как следствие, лица, причастные к незаконному поиску археологических предметов, даже при повреждении охраняемого законом объекта не будут привлечены к уголовной ответственности по ст. 243² УК РФ, поскольку законодатель связал возможность ее наступления только с повреждением либо полным разрушением изначально отсутствовавшего культурного слоя. Приведенное обстоятельство следует признать упущением, способным оказать влияние на уголовно-правовую политику Российской Федерации в рассматриваемой сфере.

Исходя из того, что перечень элементов археологического наследия, указанный в ч. 3 ст. 1 Конвенции 1992 г., носит примерный (иллюстративный) характер, следует признать, что на отдельных подлежащих государственной охране недвижимых объектах может отсутствовать окружающая их обстановка. При этом движимые объекты археологического наследия будут находиться в самих подобного рода памятниках, возможно, выступать конструктивными элементами последних. Таким образом, для установления гносеологической связи между движимыми и недвижимыми элементами ученым не потребуется изучение их наполнения.

Подытоживая исследование международного документа, следует отметить, что он стал основой организации охраны памятников археологии присоединившихся к нему государств²⁴. Российская Федерация, ратифицировав Конвенцию 1992 г., приняла на себя обязательство добиться реализации положений международного документа, используя весь имеющийся у нее правовой потенциал. Это последовательно было отражено в Законе № 73-ФЗ, а также в Уголовном кодексе РФ. Благодаря Конвенции 1992 г. криминализованы ст. 243², 243³ УК РФ. Кроме этого, ратификация Европейской конвенции 1992 г. потребовала от законодателя криминализации ст. 243¹ УК РФ и изменения содержания ч. 1, 2 ст. 243 УК РФ. Без преувеличения, существующую систему уголовно-правовых предписаний в исследуемой сфере следует признать конвенционной, созданной в результате переработки на внутригосударственном уровне положений международного документа. Этим объясняется его подробное изучение в проводимом исследовании.

Таким образом, существующая система норм уголовного законодательства, предусматривающая ответственность за совершение преступлений в отношении историко-культурного наследия, как механизм реализации уголовно-правовой политики государства была создана после ратификации Европейской конвенции об охране археологического наследия (пересмотренной) и имплементации ее положений в отечественное законодательство через криминализацию и дифференциацию уголовной ответственности. При этом в ходе правотворческой деятельности в полной мере не был учтен международный правоприменительный опыт, накопленный в ходе последовательной реализации предписаний, регулирующих охрану объектов историко-культурного наследия. Так, при раскрытии содержания объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 243² УК РФ, законодателем были

существенно сужены вариативные возможности оценки характера вреда, который может быть причинен в результате противоправных действий как культурному слою, так и непосредственно памятнику археологии. Практическое применение ст. 243³ УК РФ было нивелировано недопустимостью привлечения к уголовной ответственности виновного в сокрытии факта обнаружения памятника археологии в случае его повреждения или уничтожения.

Современный этап международно-правовой охраны исторического и культурного наследия связан с разработкой и принятием Европейской конвенции о преступлениях в отношении культурных ценностей (CETS № 221) (Никосия, 19 мая 2017 г.)²⁵ (далее — Никосийская конвенция 2017 г., если не указано иное). В документе, по мнению разработчиков, были учтены криминальные вызовы, с которыми сталкивается мировое сообщество. В частности, акцентировано внимание на транснациональном характере преступлений в отношении культурного наследия, а также «цифровизацией преступности», перемещении криминального рынка культурных ценностей на различные электронные площадки сети Интернет.

Разработчики Никосийской конвенции 2017 г. отметили, что незаконная деятельность в отношении исторического и культурного наследия носит транснациональный характер. «Преступники и контрабандисты хорошо осведомлены о правовых различиях в законодательстве стран Европы и стремятся использовать возможные пробелы или слабые места в их содержании при незаконной транспортировке и реализации культурных ценностей». Соответственно, деятельность законодательных органов Европейского сообщества должна быть направлена на *криминализацию* противоправных деяний, совершаемых в целях придания культурной ценности, добытой преступным путем (в результате хищения, незаконных археологических раскопок), возможности законного владения и распоряжения, предотвращения их включения в легальный оборот²⁶.

Российская Федерация подписала Европейскую конвенцию о преступлениях в отношении культурных ценностей. Документ не противоречит российскому законодательству в части организации противодействия правонарушениям, совершаемым в отношении исторического и культурного наследия. Его содержанию, с отдельными исключениями в части раскрытия объективных и субъективных признаков, соответствуют ст. 190, 226¹, 243–243³ УК РФ, а также ст. 7.13–7.15.1, 7.33 КоАП РФ.

* * *

Подводя итог, отметим исключительную роль актов международного права в деле сохранения элементов историко-культурного наследия. В современных условиях, законодательство Российской Федерации реформируется в соответствии с требованиями, вытекающими из их содержания. Ратификация Конвенции 1992 г. потребовала приведения уголовного законодательства в соответствие

²⁵ См.: Council of Europe Convention on Offences relating to Cultural Property. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/search-on-treaties/-/conventions/rms/0900001680710435> (дата обращения: 15.04.2020).

²⁶ См.: Explanatory report of the Council of Europe on the interpretation of the content of the European Convention on cultural property crimes (Пояснительный доклад Совета Европы о толковании содержания Европейской конвенции о преступлениях против культурных ценностей) / The Council of Europe. Contracts section. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680710437> (дата обращения: 15.04.2020).

²⁴ См.: Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная) ратифицирована Федеральным законом от 27.06.2011 № 163-ФЗ. Документ вступил в силу для Российской Федерации 13.04.2012 г.

с положениями международного договора. Дальнейшим последовательным шагом государства могла стать ратификация Никосийской конвенции 2017 г., однако в силу произошедших политических событий на данном этапе международных отношений это стало невозможным, что внесло коррективы в процесс дальнейшего развития отечественного института охраны исторического и культурного наследия, его адаптации к реалиям уголовно-правовой и социальной действительности. Во многом стали очевидными социально-криминологические условия криминализации антиобщественного деяния в отношении мемориальных сооружений (ст. 243⁴ УК РФ), предопределяющие вектор развития системы норм уголовного закона, уголовно-правовой политики Российской Федерации в сфере охраны исторического и культурного наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 12.
2. Бурдин Е. А. Охрана объектов культурного наследия в СССР (1917–1991 гг.): учеб.-метод. пособие. Ульяновск, 2013. С. 62.

Сведения об авторе

ХАЛИКОВ Искандер Альфредович — кандидат юридических наук, профессор кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации; 420111 г. Казань, ул. Московская, д. 41 ORCID: 0000-0002-1642-0283

3. Мартыненко И. Э. Особая правовая защита памятников стран СНГ, включенных в Список всемирного наследия. URL: <http://zakon.kz/208820-osobaja-pravovaja-zashhita-pamjatnirov> (дата обращения: 21.12.2022).
4. Willems W.J.H. The work of making Malta: The Council of Europe's archaeology and planning committee 1988–1996 // European Journal of Archaeology. 2007. No. 10 (1). Pp. 57–71.

REFERENCES

1. Alekseev A. I., Ovchinsky V. S., Pobegailo E. F. Russian criminal policy: overcoming the crisis. M., 2006. P. 12 (in Russ.).
2. Burdin E. A. Protection of cultural heritage sites in the USSR (1917–1991): textbook. Ulyanovsk, 2013. P. 62 (in Russ.).
3. Martynenko I. E. Special legal protection of monuments of the CIS countries included in the World Heritage List. URL: <http://zakon.kz/208820-osobaja-pravovaja-zashhita-pamjatnirov> (accessed: 21.12.2022) (in Russ.).
4. Willems W.J.H. The work of making Malta: The Council of Europe's archaeology and planning committee 1988–1996 // European Journal of Archaeology. 2007. No. 10 (1). Pp. 57–71.

Authors' information

KHALIKOV Iskander A. — PhD in Law, Professor of the Department of Prosecutorial Supervision Over the Execution of Laws in Operational Investigative Activities and Participation of the Prosecutor in Criminal Proceedings, Kazan Law Institute (Branch) University of the Prosecutors of the Russian Federation; 41 Moskovskaya str., 420111 Kazan, Russia

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 342.9

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ПРЕДМЕТА НАУКИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

© 2024 г. А. А. Гришковец

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: grishkovetz65@mail.ru

Поступила в редакцию 06.11.2023 г.

Аннотация. В статье рассматривается предмет науки административного права. Сделан вывод об ошибочности понимания предмета науки административного права, предложенного Б.В. Россинским и теми авторами, которые занимают схожую с ним позицию (Ю.Н. Старилов и др.). Опираясь на концепцию предмета науки административного права, предложенную К.С. Бельским, выделяются и рассматриваются такие элементы предмета науки административного права, как административно-правовые нормы, административно-правовые отношения, административно-правовые категории, практика применения норм административного права (правоприменительная практика). Показаны роль и значение доктрины в определении предмета науки административного права.

Ключевые слова: административное право, предмет науки административного права и его элементы, административно-правовые нормы, административно-правовые отношения, административно-правовые категории, правоприменительная административная практика, доктрина административного права.

Цитирование: Гришковец А.А. Современное понимание предмета науки административного права // Государство и право. 2024. № 1. С. 56–67.

DOI: 10.31857/S1026945224010061

MODERN UNDERSTANDING OF SUBJECT OF SCIENCE OF ADMINISTRATIVE LAW

© 2024 A. A. Grishkovets

Institute of State and Law of Russian Academy of Science, Moscow

E-mail: grishkovetz65@mail.ru

Received 06.11.2023

Abstract. The article is devoted to discussion of the subject of science of Administrative Law. It is concluded about the fallacy of understanding of the subject of science of Administrative Law by B.V. Rossinsky and authors which take a similar position with him (Yu. N. Starilov and others). Based on the concept of the subject of science of Administrative Law proposed by K.S. Belsky the author highlights and considers such elements of the subject of science of Administrative Law as administrative-law norms, administrative-law relations, administrative-law categories, law enforcement administrative practice. The role and meaning of doctrine were shown in the definition of the subject of science of Administrative Law.

Key words: Administrative Law, the subject of science of Administrative Law and its elements, administrative-law norms, administrative-law relations, administrative-law categories, law enforcement administrative practice, doctrine of Administrative Law.

For citation: Grishkovets, A.A. (2024). Modern understanding of subject of science of Administrative Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No 1, pp. 56–67.

После принятия Закона РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»¹, в котором на конституционном уровне получило закрепление понятие «публичная власть», в сообществе российских административистов заметно вырос интерес к фундаментальным теоретическим проблемам. Одной из таких проблем, которую Б.В. Россинский совершенно справедливо назвал не иначе как «интереснейшей»², является определение предмета науки административного права.

Следует сказать, что ранее эта проблема по не вполне понятным причинам особого внимания не привлекала. Известна единственная работа, специально посвященная предмету науки административного права³, и изданное на ее основе учебное пособие⁴. Однако ныне ситуация изменилась.

16 февраля 2023 г. в Университете им. О.Е. Куцафина (МГЮА) состоялась конференция «Наука административного права в системе публично-правовых наук», на которой с основным докладом «Наука административного права в системе публично-правовых наук» выступил проф. Б.В. Россинский. Обсуждение продолжилось 17 февраля 2023 г. в Институте государства и права Российской академии наук в рамках Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса» (Лазаревские чтения—2023). На конференции с тем же по содержанию, но несколько

иным по названию докладом «Наука административного права и публично-правовые науки» выступил тот же Б.В. Россинский. Он в очередной раз представил аудитории свое, как представляется, ошибочное понимание предмета науки административного права.

Почему понимание предмета науки административного права Б.В. Россинского является ошибочным? В последние годы к проблеме предмета науки административного права неоднократно обращался Б.В. Россинский. В его интерпретации предмет науки административного права состоит в выявлении закономерностей общественных отношений, возникающих в процессе организации и деятельности исполнительных органов публичной власти, других органов и иных субъектов, наделенных исполнительными полномочиями, в разработке на этой основе необходимых теоретических положений, нормативных требований и практических рекомендаций, направленных на совершенствование процесса государственного управления⁵. Такое понимание предмета науки административного права указанный автор на протяжении последних лет с завидным постоянством тиражирует в своих публикациях и выступлениях на различных научных конференциях.

Б.В. Россинский не одинок в своем понимании предмета науки административного права. Во многом схожую позицию занимает Ю.Н. Стариков. Предметом административно-правовой науки, полагает ученый, является исследование правоотношений в сфере государственного управления, применения норм административного права, действия «административно-правовых» законодательных актов, «правотворчество» самих органов государственного управления⁶. Данное понимание,

¹ См.: СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

² Россинский Б.В. Современное понимание предмета науки административного права // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3.1. С. 42.

³ См.: Ивакин В.И. Предмет науки административного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.

⁴ См.: Ивакин В.И. Предмет науки административного права: учеб. пособие для аспирантов и студентов юрид. вузов и фак-тов. Оренбург, 1999.

⁵ См., напр.: Россинский Б.В. Указ. соч. С. 42; Его же. Исполнительная власть в системе государственного управления. М., 2023. С. 254.

⁶ См.: Стариков Ю.Н. Административное право: в 2 ч. Ч. 1: История. Наука. Предмет. Нормы. Воронеж, 1998. С. 12.

изначально предложенное в 1998 г., каких-либо трансформаций или переосмысления, как это иногда происходит в научной среде, в дальнейшем не претерпело и благополучно сохраняется поныне⁷. Наконец, уже в 2023 г. Ю.Н. Старилов так вообще безоговорочно согласился в понимании предмета административного права, как он выразился, с «авторитетным мнением» Б.В. Россинского⁸.

Относительно предмета науки административного права известны и другие, как представляется, также ошибочные точки зрения. В частности, имеет место недопустимое смешение науки административного права и административного права как самостоятельной отрасли права в системе российского права. Так, А.А. Фатьянов, говоря об определении системы административного права, отмечает, что в научной литературе, затрагивающей вопросы определения системы административного права, фактически возобладали две тенденции. Одна из них заключается «в подразделении науки административного права на ряд подотраслей». Такой подход представляется А.А. Фатьянову более приемлемым. Однако в данном случае, думается, налицо явное смешение принципиально различных теоретических конструкций. При этом А.А. Фатьянов ссылается на Ю.А. Тихомирова, который будто бы является «наиболее последовательным сторонником такого подхода»⁹. Вот только Ю.А. Тихомиров говорил о делении на подотрасли не науки административного права, а административного права как отрасли права. Деление науки административного права на «подотрасли» представляется ошибочным. Подотрасль — один из традиционных структурных элементов отрасли права, тогда как предмет науки состоит из принципиально иных составляющих его элементов. Применительно к науке, той же науке административного права, уместно говорить о выделении отдельных направлений, а никак не о подотраслях. Однако для А.А. Фатьянова нет разницы между «направлением науки» и «подотраслью науки». Такое отождествление, исходя из общепринятых положений теории права, едва ли приемлемо.

Наконец, по мнению Л.А. Калининой, к предмету науки административного права относится

⁷ См.: Общее административное право: учеб.: в 2 ч. / под ред. Ю.Н. Старилова. 2-е изд., пересмотр. и доп. Воронеж, 2016. Ч. 1. С. 118.

⁸ См.: Старилов Ю.Н. Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2023. № 1 (52). С. 15.

⁹ Фатьянов А.А. Некоторые теоретические аспекты деления науки административного права. Система административного права: сб. ст. по материалам круглого стола «Система административного права» (12 октября 2022 г.) / под общ. ред. М.Н. Кобзарь-Фроловой; отв. ред. Н.Г. Андрианова. М., 2023. С. 96, 97.

изучение особенностей административно-правового регулирования общественных отношений в сфере государственно-управленческой деятельности; правового статуса субъектов административного права; административного процесса; способов обеспечения законности¹⁰. Данное понимание представляется малосодержательным. Его автор допускает все ту же ошибку, что и Б.В. Россинский, поскольку подменяет в предмете социально-социальные явления, которые необходимо познать, процессом их познания в ходе научно-го изучения.

Поэтому попробуем объяснить Б.В. Россинскому, а заодно и тем административистам, которые разделяют его научную позицию или близки к ней, в чем состоит их ошибка. Для этого нужно прежде всего определить, что есть наука. В Большом энциклопедическом словаре наука определяется как сфера человеческой деятельности, функция которой — выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности; одна из форм общественного сознания включает как деятельность по получению нового знания, так и ее результат — сумму знаний, лежащих в основе научной картины мира. Непосредственные цели — описание, объяснение и предсказание процессов и явлений действительности, составляющих предмет ее изучения, на основе открываемых ею законов¹¹. Исходя из данного определения, предметом науки — и наука административного права как один из видов социальных наук не является исключением — является не что иное, как собственно «процессы и явления действительности». Напротив, Б.В. Россинский понимает предмет науки административного права не иначе как выявление закономерностей, т.е. некую деятельность, в данном случае деятельность научную, осуществляемую теми же учеными-административистами. Кстати, в ст. 2 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»¹² научная деятельность определяется как деятельность, направленная на получение и применение новых знаний. Таким образом, научная деятельность по изучению предмета науки административного права ошибочно выдается Б.В. Россинским за сам предмет, с чем нельзя согласиться. Предмет — это всегда собственно явления социальной действительности, будь то нормы административного права

¹⁰ См.: Калинина Л.А. Административное право как наука: предмет, методы, задачи, этапы развития // Проблемы административного права и административно-процессуального права: сб. науч. тр. памяти Юрия Марковича Козлова. М., 2005. С. 24.

¹¹ См.: Большой энциклопедический словарь: в 2 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1991. Т. 2. С. 211.

¹² См.: СЗ РФ. 1996. № 36, ст. 4137.

или возникающие на их основе административно-правовые отношения, которые изучаются, а не деятельность по их изучению.

С конца XIX столетия к проблеме определения предмета науки административного права с разной степенью заинтересованности так или иначе обращались все наиболее заметные отечественные административисты своего времени. В дореволюционной России это были Э.Н. Берендтс, А.И. Елистратов, В.В. Ивановский, И.Т. Тарасов. В советский период — И.И. Евтихийев, Ю.Н. Козлов, Г.И. Петров. Приводить все точки зрения не позволяет объем настоящей статьи. Поэтому приведем мнение лишь двух ученых — Э.Н. Берендтса и Ю.М. Козлова, которые показали нам наиболее содержательными и интересными в научном отношении.

Так, Э.Н. Берендтс, размышляя о науке административного права, пришел к выводу: «Та наука, которая, пользуясь юридическим методом, подвергает анализу юридические нормы и отношения, возникающие в области управления, называется *наукой административного права*»¹³. Таким образом, по Берендтсу, наука административного права исследует: 1) юридические нормы, регулирующие управление, 2) юридические отношения, которые возникают благодаря управлению государственным¹⁴.

Что касается советского периода, то, пожалуй, единственный, кто тогда специально обращался к проблеме предмета науки административного права, был Ю.М. Козлов. Своим предметом, полагал авторитетный ученый, наука административного права имеет исследование в интересах совершенствования административно-правового регулирования управленческих общественных отношений и практики исполнительной и распорядительной деятельности: а) правовых проблем теории государственного управления; б) административно-правовых норм, регулирующих отношения в различных областях, сферах и отраслях государственного управления; в) административно-правовых норм; г) правового статуса субъектов административного права, административно-правовых гарантий их прав; д) форм и методов управленческой деятельности, административных процедур и проблем административного процесса и административной юрисдикции; е) средства обеспечения и укрепления режима законности и государственной дисциплины в сфере государственного управления; ж) организационно-правовых проблем государственного управления отраслями и сферами (межотраслевое управление) хозяйственного,

социально-культурного и административно-политического строительства¹⁵. Понимание предмета науки административного права, предложенное Ю.М. Козловым, особой стройностью и гармоничностью не отличалось, напротив, было недостаточно наглядным и довольно громоздким, что является его явным недостатком. Есть основания полагать, что в советский период развития науки административного права отечественные административисты не слишком продвинулись в деле определения ее предмета по сравнению с их коллегами конца XIX — начала XX в. Предмет науки административного права продолжали сводить к таким его элементам, как нормы административного права и административно-правовые отношения.

Уже в постсоветский период значительный и пока должным образом не оцененный вклад в осмысление предмета науки административного права внес проф. К.С. Бельский. Кстати, немало удивило то, что ни проф. Б.В. Россинский, ни проф. А.П. Шергин, принимавший участие в конференции «Лазаревские чтения—2023», ни разу не упомянули фундаментальные труды проф. К.С. Бельского, в которых ученый еще в конце 1990-х годов представил научной общественности логичное и четко выверенное понимание предмета науки административного права¹⁶. Складывается впечатление, что указанные авторы либо незнакомы с соответствующими трудами К.С. Бельского, либо основательно их подзабыли. И лишь проф. А.В. Куракин, выступая на этой конференции, отметил вклад К.С. Бельского в разработку и осмысление проблемы предмета науки административного права. Вклад этот, на наш взгляд, весьма значителен, но, приходится признать, должным образом не оценен. Данная статья во многом призвана ознакомить сообщество административистов со взглядами проф. К.С. Бельского на предмет науки административного права.

Предмет административно-правовой науки, отмечает профессор, — это то, на что направлено научное познание, что исследуется, объясняется учеными-административистами¹⁷. Заметим, не само исследование, а то, на что это исследование направлено. По Бельскому, в предмет науки административного права входят административно-правовые нормы и порождаемые ими административные правоотношения,

¹⁵ См.: Советское административное право: учеб. М., 1985. С. 88, 89.

¹⁶ См.: Бельский К.С. О предмете и системе науки административного права // Государство и право. 1998. № 10. С. 18–26; Административное право: учеб. / под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. М., 1999. С. 84–87.

¹⁷ См.: Административное право: учеб. / под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. С. 85.

¹³ Берендтс Э. Опыт системы административного права. Ярославль, 1898. С. 11.

¹⁴ См.: там же. С. 15.

административно-правовые категории, практика государственного управления, правоприменительная деятельность органов исполнительной власти и их должностных лиц¹⁸. В свете конституционных изменений 2020 г. и институализации в Конституции РФ публичной власти теперь было бы точнее говорить о практике публичного управления. Кратко рассмотрим каждый из этих элементов в отдельности.

Административно-правовые нормы. В системе права норма является ее базовым элементом. Специфика нормы обусловлена той областью общественных отношений, которые она регулирует. Административно-правовая норма, писал в 1978 г. А.П. Коренев, — это норма советского социалистического права, регулирующая отношения в сфере государственного и общественного управления, а также отношения управленческого характера в иных сферах государственной деятельности¹⁹. Нормы административного права не однородны. В юридической науке предложены различные основания их классификации. Наиболее распространенной классификацией административно-правовых норм является их деление по методу воздействия на поведение субъектов. По данному основанию все нормы административного права можно классифицировать на предписывающие, дозволяющие (дозволения), запретительные и поощрительные²⁰. Данная классификация известна и каких-либо затруднений в ее понимании не вызывает. Поэтому раскрывать содержание каждого из перечисленных видов норм, думается, нет необходимости. Важно отметить, что массив административно-правовых норм огромен и продолжает увеличиваться. Причем появляются как новые нормы, так и изменяются уже существующие. Наиболее показательны в этом отношении нормы, содержащиеся в КоАП РФ. Данный нормативный правовой акт с завидной регулярностью пополняется новыми составами административных правонарушений. Одновременно корректируются нормы существующих, в частности нередко изменяются ранее установленные санкции, причем обычно в сторону их ужесточения. В особенности это относится к размерам административных штрафов.

Административно-правовые отношения. Из теории права известно, что правоотношения — это урегулированные правом и находящиеся под охраной государства общественные отношения, участники которых выступают в качестве носителей взаимно корреспондирующих друг другу взаимных

прав и обязанностей²¹. По отраслевому признаку, в частности, выделяют административные правоотношения. Круг урегулированных нормами административного права общественных отношений разнообразен. Эти отношения традиционно характеризуются рядом основных признаков. Административно-правовые отношения складываются в сфере исполнительной власти, в широком смысле в сфере государственного управления. Их обязательной стороной является субъект, наделенный государственно-властными полномочиями (орган исполнительной власти или его должностное лицо, государственный или муниципальный служащий). Этот субъект всегда действует юридически властно в отношении другой стороны. Исключения составляют случаи, когда оба субъекта хотя и наделены государственно-властными полномочиями, но не находятся в отношениях власти—подчинения — например, два федеральных министерства, издающие совместный правовой акт управления, например приказ. Административно-правовые отношения возникают по инициативе любой из сторон, но при этом согласие второй стороны не обязательно. В случае нарушения одной из сторон административно-правовых норм эта сторона несет ответственность не перед другой стороной, а непосредственно перед государством в лице его уполномоченных органов. Споры, возникающие из административно-правовых отношений, разрешаются как в административном, т.е. внесудебном, так и в судебном порядке. Такая характеристика, повторимся, считается традиционной и признается большинством административистов. Наука административного права, отмечают П.П. Сергун и А.М. Бобров, должна оперативно реагировать на все изменения общественных отношений, которые исходят от развития генетики, научно-технического прогресса, в т.ч. и в вопросах информатики и робототехники, и содействовать созданию соответствующей правовой базы²². Такие, не будет преувеличением сказать, глубинные изменения действительно происходят. Причем самые важные изменения, по крайней мере де-юре, произошли во взаимоотношениях государства и личности, эти отношения становятся партнерскими. Постепенно уходит в прошлое положение, когда государственные и общественные интересы доминировали над интересами личности. В результате предпринимаются попытки переосмыслить традиционные взгляды на административно-правовые отношения. Прежде всего речь идет об отказе от взглядов о том, что обязательной

¹⁸ См.: Бельский К.С. Указ. соч. С. 20, 21.

¹⁹ См.: Коренев А.П. Нормы административного права и их применение. М., 1978. С. 3, 4.

²⁰ См.: Ивакин В.И. Предмет науки административного права: дис. ... канд. юрид. наук. С. 58.

²¹ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. 3-е изд. М., 2009. С. 377.

²² См.: Сергун П.П., Бобров А.М. Общественно-властная природа административных правовых отношений // Правовая культура. 2018. № 3. С. 57.

стороной административного правоотношения всегда является орган исполнительной власти, в широком смысле орган государственного управления или его должностное лицо.

Прежней и так до конца и не разрешенной проблемой остается проблема допустимости существования административных правоотношений между гражданами, т.е. в широком смысле без обязательного властного субъекта. В качестве важного вопроса в науке административного права, «замороженного» и требующего дальнейшего научного исследования и, на взгляд К.С. Бельского, актуального, — вопрос о «полицейских правоотношениях» между гражданами, прежде всего в общественных местах. Такого типа отношения, по Бельскому, — «квазивластные» отношения, в которых один гражданин в силу предписаний правовых норм имеет право предъявлять обязательные для исполнения требования другому гражданину, а последний данные требования обязан исполнять. К сожалению, сетует К.С. Бельский, в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» права граждан, находящихся в общественных местах, не нашли своего места²³. Представляется, что такое положение вполне закономерно, поскольку у данного федерального закона другой предмет правового регулирования, а именно деятельность собственно полиции как организации. Поэтому сожалеать в данном случае нет оснований.

В последнее время к проблеме допустимости существования административно-правовых отношений между гражданами прибавился ряд новых проблем. Так, П.П. Сергун и А.М. Бобров, апеллируя к судебной практике зарубежных государств, которая, как они полагают, свидетельствует об активных попытках признания животных субъектами права в связи с их геномом, задаются вопросом: в случае признания животных субъектами права в какие отношения они будут вступать с людьми?²⁴ Вопрос совсем не праздный. К примеру, в Италии животные на законодательном уровне наделены широким спектром прав. В 2013 г. в одном из регионов Италии, в области Эмилия-Романья, местные власти законодательно разрешили собакам, кошкам, хомячкам и другим питомцам посещать своих хозяев в больнице, поскольку это, по мнению итальянских ученых, способствует выздоровлению последних. Наконец, указанные авторы говорят о том, что становится актуальным и своевременным формирование нормативной правовой базы, регулирующей статус роботов и их взаимодействие с человеком, обществом. В связи с чем высказывают, прямо скажем, весьма смелое утверждение:

«В будущем робот не только будет выполнять отдельные самостоятельные функции, но вполне может являться субъектом права, обретет свой правовой статус с его элементами: права, обязанности, ответственность, гарантии, ценности, правовой статус и т.д.»²⁵. От такого поистине фантастического прогноза прямо дух захватывает! Однако его реалистичность, пусть даже в самой отдаленной перспективе, не может не вызывать сомнения.

Административно-правовые категории. Термин «категория» имеет греческое происхождение (*kategoria*) и исторически обязан своим появлением философам. В философском понимании категория означает общее понятие, отражающее наиболее существенные свойства и отношения предметов, явлений объективного мира (материя, время, пространство, движение, причинность, качество, количество и т.д.)²⁶. Его ввел в оборот древнегреческий философ Аристотель, перу которого принадлежит трактат «Категории»²⁷. Определение категорий имеет огромное значение для любой науки, поскольку с их помощью осуществляется процесс познания законов существования и развития конкретной действительности²⁸. Категории непреходящи. Основные правовые понятия, или юридические категории, подобно основным понятиям математики, таким как: количество, число, величина, время, пространство, — имеют повсеместное значение для всякого правового содержания: точное, т.е. ясное и отчетливое определение жизненных отношений, их построение предполагает основные правовые понятия и невозможно вне этих понятий и независимо от них²⁹. В правоведении существуют общие категории, к примеру «государство», «правовая система», «норма права». Наука административного права как специальная дисциплина в составе правоведения оперирует собственными специфическими категориями с использованием общеправовых категорий³⁰.

Приходится признать, что административно-правовым категориям в науке административного права должного внимания не уделялось. Правда, в 2013 г. под броским названием «Основные

²⁵ Там же. С. 55.

²⁶ См.: Современный словарь иностранных слов. М., 1992. С. 270.

²⁷ Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 2 / ред. и авт. предисл. З.Н. Миклеадзе. М., 1978. С. 53–90.

²⁸ См.: Автономов А.С. Правовая онтология политики: к построению системы категорий. М., 1999. С. 21.

²⁹ См.: Саккетти А.Л. Право и наука права // Юрид. вестник. М., 1916. Кн. XVI (IV). С. 36.

³⁰ См.: Ныrkов В.В. Правовые категории: методологический аспект // Трибуна молодых ученых. Вып. 3. Ч. 1: Субъективные права и законные интересы: теоретические основы и проблемы защиты / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 2002. С. 158.

²³ См.: Бельский К.С. Избранное: в 2 т. Т. 1. Пропедевтика административного права. М., 2020. С. 404.

²⁴ См.: Сергун П.П., Бобров А.М. Указ. соч. С. 54, 55.

категории административного права и процесса»³¹ была опубликована монография П. И. Кононова. Однако, ознакомившись с ее содержанием, с удивлением обнаруживаем, что, собственно, о категориях в ней ничего нет. П. И. Кононов рассматривает предмет административного права, административную ответственность, административный процесс и много чего еще, вот только о категориях не говорит ни слова. Видимо, автор монографии по умолчанию считает, к примеру, ту же административную ответственность не иначе как категорией административного права. Вряд ли с такой позицией можно согласиться. Здесь нужны пояснения и веские аргументы. Категории — самостоятельный элемент предмета науки административного права.

В силу того, что административное законодательство обширно по объему, подвижно и разнопланово по содержанию, наука административного права имеет богатый понятийный аппарат. Однако лишь некоторые понятия объективно могут быть признаны категориями науки административного права. Здесь важно определиться с критерием (критериями) категориальности соответствующих научных понятий. Причем нельзя не сказать, что среди ученых-юристов нет единого мнения по поводу единого критерия отнесения тех или иных понятий, правовых абстракций к числу категорий. Поэтому, не вдаваясь в подробности, хотелось предложить авторские критерии выделения административно-правовых категорий. Они существуют длительный срок и достаточно стабильны, т.е. не подвергаются каким-либо существенным изменениям во времени. Вместе с тем прав был Э. Н. Берендтс, когда говорил, что основные понятия, которыми оперирует наука административного права (такowymi он считал, к примеру, государственное управление, административное распоряжение, административное действие, административную юстицию, полицию), — понятия не абсолютные, а относительные, меняющиеся в зависимости от исторических, социальных, экономических, национальных условий³². Действительно, хотя сами по себе категории административного права остаются стабильны и количество их сравнительно невелико, но их содержание по воле законодателя может существенно корректироваться, причем даже в относительно короткие промежутки времени. Однако корректировки не ставят под сомнение сущностный характер категории, ее непреходящее значение. Так, категория «государственная служба» имела различное нормативно-правовое определение в Федеральном законе от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ

«Об основах государственной службы Российской Федерации»³³ и в Федеральном законе от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»³⁴. Категории сущностны. Особенность сущности, по Аристотелю, — это то, что она способна принимать противоположности, между тем об остальном, что не есть сущность, сказать такое нельзя³⁵. Иными словами, сущность — это то, без чего нет административного права, а значит, и соответствующая отраслевая юридическая наука объективно была бы невозможна. Поэтому прав К. С. Бельский, когда говорит, что в административно-правовых категориях выражено то главное, сущностное, что характеризует административное право в его постоянном развитии и что отражает наука административного права. Именно административно-правовые категории создают устойчивость данной науки, сохраняют ее целостность, цементируют те знания, которые имеют первоочередное к науке отношение и которые образуют понимание, ведут к нему³⁶.

Исходя из указанных свойств, можно выделить такие административно-правовые категории, как «государственное (публичное) управление», «исполнительная власть», «государственная служба», «полицейская деятельность».

Немало авторов, видимо, недостаточно понимая философско-правовую сущность категории, употребляют это понятие, как говорится, «всуе», называя категориями, прямо скажем, второстепенные административно-правовые явления. Что только не провозглашают категориями. Так, К. В. Давыдов отмечает, что проведенное им исследование позволило уточнить содержание некоторых иных важных административно-правовых категорий, в т.ч. административной правосубъектности граждан и организаций (в процедурной части), а также административной дискреции³⁷. В свою очередь, А. А. Фатьянов полагает, что целесообразно рассмотреть вопрос о введении в отечественный научный оборот категории «юридическое лицо публичного права»³⁸. Таких примеров, к сожалению, можно привести множество. С легкой руки иных авторов в статус категории возводятся не только

³³ См.: СЗ РФ. 1995. № 31, ст. 2990 (утратил силу).

³⁴ См.: СЗ РФ. 2003. № 22, ст. 2063.

³⁵ См.: Аристотель. Указ. соч. Т. 2. С. 60.

³⁶ См.: Бельский К. С. О предмете и системе науки административного права. С. 21.

³⁷ См.: Давыдов К. В. Административные процедуры: концепция правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2020. С. 11.

³⁸ Фатьянов А. А. О статусе органов исполнительной власти // Административное право и административный процесс: актуальные проблемы / отв. ред. Л. Л. Попов и М. С. Студеникина. М., 2004. С. 100.

³¹ Кононов П. И. Основные категории административного права и процесса. М., 2013.

³² См.: Берендтс Э. Задачи, система и метод науки административного права // Русский вестник. 1897. № 4. С. 299.

сама по себе административная ответственность, но даже административное правонарушение. Такое положение неприемлемо. Административно-правовые категории — это наиболее общие административно-правовые понятия, которые отражают самые существенные свойства и отношения предмета науки административного права³⁹.

Практика применения норм административного права (правоприменительная практика). Массив норм административного права поистине огромен и многообразен. Они широко и активно применяются уполномоченными на то органами публичной власти и их должностными лицами. Практика — это всегда то, как та или иная норма регулирует общественные отношения в реальной жизни. Поэтому ее значение как самостоятельной составляющей предмета науки административного права трудно переоценить. Важнейшим и ценнейшим для любого административиста является его личный опыт соприкосновения с практикой применения норм административного права. Особенно ценен опыт изменения сложившейся практики, которая в силу различных причин (недостатки существующего правового регулирования; консерватизм правоприменителей и их нежелание видеть очевидное и что-то менять, мол, «так сложилось»; ложно понимаемые интересы государства и общества, на страже которых они призваны стоять; недостаточный надзор со стороны органов прокуратуры, которые иной раз опять же не хотят замечать очевидное) оказывала негативное влияние на участников административно-правовых отношений, так или иначе ущемляла права и свободы человека и гражданина.

Сама по себе правоприменительная практика многообразна. Условно ее можно разделить на первичную, или **индивидуально-личностную**, и вторичную, или **формально-общедоступную**. Последняя так названа не случайно. Дело в том, что существует практика открытая, когда любой желающий при минимальных чисто технических усилиях может обратиться к судебной практике по тем же делам об административных правонарушениях, обобщенной и размещенной в базах тех же справочно-информационных систем «КонсультантПлюс» или «Гарант». Есть **практика не открытая и даже скрытая** за плотно закрытыми дверями служебных кабинетов правоприменителей, там, где принимаются управленческие решения и реально вершится исполнительная власть.

Практика формируется в процессе применения норм административного права и, сформировавшись, может долгое время оставаться достаточно

стабильной. **Стабильность правоприменительной практики** зависит от нескольких факторов. Прежде всего это хорошее качество правовых норм, которые изложены полно, ясно и понятно, а потому однозначно понимаются и применяются правоприменителем. Также норма хотя содержательно и не безупречна, но на практике применяется редко, а значит, ее дефекты или неопределенность могут обнаружиться в определенной мере случайно, в результате разового применения в каком-либо отдельном случае. В результате норма оспаривается и, будучи оспоренной, успешно может получить новую трактовку или вовсе утратить юридическую силу. Тогда появится новая норма. На ее основе в дальнейшем сложится и новая правоприменительная практика.

Изучение правоприменительной практики дает возможность оценивать эффективность норм административного права. Именно практика позволяет выявить и понять истинный смысл норм административного права, в особенности тот, который придает ему правоприменитель.

Определенный интерес представляют источники правоприменительной практики. Они могут быть различны. Думается, большинство ученых-юристов — и административисты здесь не исключение — анализируют правоприменительную практику путем изучения ныне легко доступной судебной практики, а также менее доступной, но не менее ценной в научном отношении административной практики органов исполнительной власти. Она в основном доступна благодаря соответствующей информации, размещенной на их официальных сайтах в информационно-телекоммуникационной сети общего пользования Интернет. Самостоятельным источником правоприменительной практики, дающим повод для ее изучения, может служить опять же **личный опыт** административиста. Определенная часть из них являются практикующими юристами, в т.ч. адвокатами, либо являются или являлись в прошлом государственными или муниципальными служащими, т.е. самими правоприменителями. Наконец, наиболее ценным и интересным для возможного анализа и использования в научной работе является **личный опыт административиста как частного лица** по тому или иному конкретному делу, возможно, даже спору с органами публичной власти. Такой опыт позволяет не только выявить существующую проблему, но и решить ее, изменив тем самым сложившуюся правоприменительную практику. Поэтому есть все основания полагать, что правоприменительная практика складывается не только в результате деятельности самих органов публичной власти, но и вопреки ей, когда эти органы вынуждены корректировать свою деятельность «по инициативе снизу». Есть такой, как представляется, редкий

³⁹ См.: Ивакин В.И. Предмет науки административного права: учеб. пособие для аспирантов и студ. юрид. вузов и фак-тов. С. 78.

и бесценный опыт у автора настоящей статьи. Так, в 2014 г. его усилиями МВД России издало приказ от 21 ноября 2014 г. № 1054⁴⁰, которым внесло изменения в Положение о коллегии данного федерального органа исполнительной власти в части обеспечения присутствия граждан на ее заседаниях. По этому поводу даже была опубликована научная статья⁴¹. Еще один пример. В 2016 г. опять же усилиями автора настоящей статьи удалось изменить практику рассмотрения обращений граждан в Высшей квалификационной коллегии судей РФ. Коллегии пришлось принять решение от 24 ноября 2016 г. и внести изменения в Инструкцию по делопроизводству в квалификационных коллегиях судей РФ (п/п. 3.10.14.)⁴², ранее утвержденную решением ВККС РФ от 29 сентября 2016 г. Об этом интересном и весьма непростом деле будет рассказано в отдельной публикации.

Доктрина. Автор настоящей статьи является сторонником понимания предмета науки административного права, предложенного К.С. Бельским, которое представляется наиболее полным, понятным и гармоничным. Вместе с тем мысль А.П. Шергина о доктрине как элементе предмета науки административного права, высказанная им 17 февраля 2023 г. в ходе Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса» (Лазаревские чтения—2023), в научном плане представляется вполне продуктивной. Напомним, термин «доктрина» имеет латинское происхождение (*doctrina*) и означает «учение», «научная или философская теория», «политическая система», «руководящий теоретический или политический принцип»⁴³. Если говорить о правовой доктрине, то ее обычно понимают как положения научных трудов наиболее известных и одновременно авторитетных ученых-юристов, в которых содержится понимание тех или иных явлений. В теории права доктрина обычно рассматривается в ходе изучения форм права не иначе как в качестве одной из его возможных форм, как самостоятельный источник права. Мнения ведущих ученых-юристов в большинстве правовых систем, отмечает С.В. Бошно, не образуют право в собственном смысле слова. Однако изучение научных работ в области права в формировании модели юридического регулирования всегда было

довольно велико. Законодатель часто учитывает те тенденции, которые фиксировались в доктрине⁴⁴. Заметим, что в разработке наиболее важных и значимых нормативных правовых актов, прежде всего федеральных законов, обычно принимают участие ученые-юристы, т.е. творцы и носители доктрины, те, кто ее формирует. Вот лишь один недавний пример. В ходе проведения конституционной реформы 2020 г. Распоряжением Президента РФ от 5 января 2020 г. № 5-рп⁴⁵ была образована рабочая группа по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ численностью в 75 человек, в которую вошли известные ученые-юристы С.А. Авакьян, В.В. Лазарев, М.Н. Марченко, Ю.А. Тихомиров. Конечно, переоценивать значимость участия представителей научного сообщества в рабочей группе едва ли уместно, но и не принимать его в расчет тоже вряд ли правильно. Сам по себе факт включения ученых в состав рабочей группы еще не говорит об их влиянии на выработку окончательной редакции законопроекта. Тем не менее мнение научного сообщества все же имело шансы если и не быть услышанным, то хотя бы быть высказанным и заслушанным там, где вырабатывается решение.

Применительно к доктрине административного права интересна позиция Ю.Н. Старилова. Доктрина современного административного права, полагает ученый, представляет собой научную теорию (или систему основных принципов), в соответствии с которой должны создаваться, трансформироваться и развиваться важнейшие положения и теоретические концепции административного права и административного законодательства. Доктрина развития всякой отрасли российского права (в т.ч. административного) может изменяться в зависимости от различных причин и факторов государственно-правового развития, изменяющихся политических целей, преимущественного развития законодательства⁴⁶. Заметим здесь, что влияние отчасти обоюдное. Доктрина, сформированная в недрах той же науки административного права, способна оказывать влияние на развитие законодательства или ту же судебную практику.

Творцы доктрины. Доктрина административного права вырабатывается наиболее известными

⁴⁴ См.: Бошно С.В. Теория государства и права: учеб. пособие. М., 2007. С. 128, 129.

⁴⁵ См.: Распоряжение Президента РФ от 05.01.2020 № 5-рп «О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 3, ст. 251.

⁴⁶ См.: Стариков Ю.Н. Главные направления осуществления современной доктрины административного права // Административное право на рубеже веков: межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург, 2003. С. 52.

⁴⁰ Правовой акт официально опубликован не был.

⁴¹ См.: Гришковец А.А. Проблемы обеспечения открытости в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации (на примере доступа к информации о работе коллегии МВД России) // Полиция и деятельность. 2016. № 1. С. 121–149.

⁴² См.: URL: <http://vkks.ru/publication/40020/?ysclid=lob7v6bv4n720116574> (дата обращения: 29.10.2023).

⁴³ Современный словарь иностранных слов. С. 211.

учеными, авторитет которых признается в научном сообществе и которые создают так или иначе принимаемое остальными *consensus ingeniorum*. Таких всегда немного, их работы отличает глубина мысли, высокий уровень общей эрудиции, широта охвата анализируемых проблем и, конечно, жизнеспособность идей, которые выдержали, возможно, объективную проверку — проверку временем. В отношении них вполне уместно использовать эпитет «видный» и даже «выдающийся». С полным основанием таковыми можно назвать уже ушедших Ю.М. Козлова, А.П. Коренева, Б.М. Лазарева, В.М. Манохина, Г.И. Петрова, В.Д. Сорокина, С.С. Студеникина. Их работы не просто не забыты, напротив, хорошо известны и продолжают штудироваться, поскольку в значительной степени сохраняют актуальность, оставаясь источником идей для нынешних административистов, многие годы дают повод для научных дискуссий. Памяти некоторых из них посвящаются ежегодно проводимые крупные научные мероприятия, достаточно назвать «Козловские чтения», «Кореневские чтения», «Лазаревские чтения», «Сорокинские чтения». Есть и узкий круг ныне здравствующих ученых, к которым вполне применим эпитет «видный». По нашему мнению, в их весьма узкий круг ныне входят К.С. Бельский, Ю.П. Соловей, Ю.Н. Стариков, Ю.А. Тихомиров и др. Поэтому вызывает недоумение, когда в один ряд с действительно серьезными учеными ставят, называя их «видными» или даже «выдающимися», малозначительных в научном отношении, а иногда практически неизвестных авторов⁴⁷. Хотелось бы предостеречь тех, кто порой, не вдаваясь в подробности, с необычайной легкостью раздает превосходные эпитеты тем, кто их едва ли достоин и вряд ли удостоится пусть даже в отдаленной перспективе. Подчеркнем, доктрину формируют те ученые, кто не просто широко известен в сообществе административистов за счет большого количества публикаций, но те, чьи работы отличаются высоким теоретическим уровнем, оригинальными научными идеями, глубиной мысли и, что совсем немаловажно, академическим стилем изложения. Наконец, те, кто не только может и умеет, но главное — желает участвовать в подчас весьма острых научных дискуссиях. Например, в тех же дискуссиях последних лет о т.н. служебном праве или т.н. административно-деликтном праве.

Вместо заключения. Данная статья во многом направлена на популяризацию понимания предмета науки административного права, предложенного К.С. Бельским во второй половине 1990-х гг. Вместе с тем, с тех пор как это понимание было

предложено научной общественности, прошло уже четверть века. Наша страна живет в других, принципиально иных конституционных и социально-экономических реалиях. Развивается и наука административного права, элементы предмета которой наполняются новым содержанием, что требует всестороннего научного осмысления. Поэтому широкую научную дискуссию о предмете науки административного права необходимо продолжить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономов А. С. Правовая онтология политики: к построению системы категорий. М., 1999. С. 21.
2. Административное право: учеб. / под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. М., 1999. С. 84–87.
3. Анисифорова М. В. Образ мыслей молодого ученого-административиста // Административное право и процесс. 2020. № 7. С. 80.
4. Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 2 / ред. и авт. предисл. З.Н. Микеладзе. М., 1978. С. 53–90.
5. Бельский К. С. Избранное: в 2 т. Т. 1. Пропедевтика административного права. М., 2020. С. 404.
6. Бельский К. С. О предмете и системе науки административного права // Государство и право. 1998. № 10. С. 18–26.
7. Берендтс Э. Задачи, система и метод науки административного права // Русский вестник. 1897. № 4. С. 299.
8. Берендтс Э. Опыт системы административного права. Ярославль, 1898. С. 11, 15.
9. Большой энциклопедический словарь: в 2 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1991. Т. 2. С. 211.
10. Бошно С. В. Теория государства и права: учеб. пособие. М., 2007. С. 128, 129.
11. Гришковец А. А. Проблемы обеспечения открытости в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации (на примере доступа к информации о работе коллегии МВД России) // Полицейская деятельность. 2016. № 1. С. 121–149.
12. Давыдов К. В. Административные процедуры: концепция правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2020. С. 11.
13. Ивакин В. И. Предмет науки административного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 58.
14. Ивакин В. И. Предмет науки административного права: учеб. пособие для аспирантов и студентов юрид. вузов и фак-тов. Оренбург, 1999. С. 78.
15. Калинина Л. А. Административное право как наука: предмет, методы, задачи, этапы развития // Проблемы административного права и административно-процессуального права: сб. науч. тр. памяти Юрия Марковича Козлова. М., 2005. С. 24.
16. Кононов П. И. Основные категории административного права и процесса. М., 2013.
17. Коренев А. П. Нормы административного права и их применение. М., 1978. С. 3, 4.

⁴⁷ См., напр.: Анисифорова М. В. Образ мыслей молодого ученого-административиста // Административное право и процесс. 2020. № 7. С. 80.

18. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. 3-е изд. М., 2009. С. 377.
19. Нырков В.В. Правовые категории: методологический аспект // Трибуна молодых ученых. Вып. 3. Ч. 1: Субъективные права и законные интересы: теоретические основы и проблемы защиты / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 2002. С. 158.
20. Общее административное право: учеб.: в 2 ч. / под ред. Ю.Н. Старилова. 2-е изд., пересмотр. и доп. Воронеж, 2016. Ч. 1. С. 118.
21. Россинский Б.В. Исполнительная власть в системе государственного управления. М., 2023. С. 254.
22. Россинский Б.В. Современное понимание предмета науки административного права // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3.1. С. 42.
23. Саккетти А.Л. Право и наука права // Юрид. вестник. М., 1916. Кн. XVI (IV). С. 36.
24. Сергун П.П., Бобров А.М. Общественно-властная природа административных правовых отношений // Правовая культура 2018. № 3. С. 54, 55, 57.
25. Советское административное право: учеб. М., 1985. С. 88, 89.
26. Современный словарь иностранных слов. М., 1992. С. 211, 270.
27. Старилов Ю.Н. Административное право: в 2 ч. Ч. 1: История. Наука. Предмет. Нормы. Воронеж, 1998. С. 12.
28. Старилов Ю.Н. Главные направления осуществления современной доктрины административного права // Административное право на рубеже веков: межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург, 2003. С. 52.
29. Старилов Ю.Н. Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений // Вестник ВГУ Сер.: Право. 2023. № 1 (52). С. 15.
30. Фатьянов А.А. Некоторые теоретические аспекты деления науки административного права. Система административного права: сб. ст. по материалам круглого стола «Система административного права» (12 октября 2022 г.) / под общ. ред. М.Н. Кобзарь-Фроловой; отв. ред. Н.Г. Андрианова. М., 2023. С. 96, 97.
31. Фатьянов А.А. О статусе органов исполнительной власти // Административное право и административный процесс: актуальные проблемы / отв. ред. Л.Л. Попов и М.С. Студеникина. М., 2004. С. 100.
5. Belsky K.S. Selected works: in 2 vols. Vol. 1. Propaedeutics of Administrative Law. M., 2020. P. 404 (in Russ.).
6. Belsky K.S. On the subject and system of the science of Administrative Law // State and Law. 1998. No. 10. Pp. 18–26 (in Russ.).
7. Berendts E. Tasks, system and method of science of Administrative Law // Russian Bulletin. 1897. No. 4. P. 299 (in Russ.).
8. Berendts E. The experience of Administrative Law system. Yaroslavl, 1898. Pp. 11, 15 (in Russ.).
9. The Great Encyclopedic Dictionary: in 2 vols. / Editor-in-Chief A.M. Prokhorov. M., 1991. Vol. 2. P. 211 (in Russ.).
10. Boshno S.V. Theory of state and law: textbook. M., 2007. P. 128, 129 (in Russ.).
11. Grishkovets A.A. Problems of ensuring openness in the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation (on the example of access to information about the work of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia) // Policing. 2016. No. 1. Pp. 121–149 (in Russ.).
12. Davydov K.V. Administrative procedures: the concept of legal regulation: abstract ... Doctor of Law. N. Novgorod, 2020. P. 11 (in Russ.).
13. Ivakin V.I. The subject of the science of Administrative Law: dis. ... PhD in Law. M., 1995. P. 58 (in Russ.).
14. Ivakin V.I. The subject of the science of Administrative Law: textbook for graduate students and students of law schools and faculties. Orenburg, 1999. P. 78 (in Russ.).
15. Kalinina L.A. Administrative Law as a science: subject, methods, tasks, stages of development // Problems of administrative Law and Administrative Procedural Law: collection of scientific works in memory of Yuri M. Kozlov. M., 2005. P. 24 (in Russ.).
16. Kononov P.I. Basic categories of Administrative Law and Process. M., 2013 (in Russ.).
17. Korenev A.P. Norms of Administrative Law and their application. M., 1978. Pp. 3, 4 (in Russ.).
18. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. Theory of state and law: textbook. 3rd ed. M., 2009. P. 377 (in Russ.).
19. Nyrkov V.V. Legal categories: methodological aspect // Tribune of Young Scientists. Iss. 3. Part 1: Subjective rights and legitimate interests: theoretical foundations and problems of protection / ed. by Yu.N. Starilov. Voronezh, 2002. P. 158 (in Russ.).
20. General Administrative Law: textbook: in 2 parts / ed. by Yu.N. Starilov. 2nd ed., rev. and add. Voronezh, 2016. Part 1. P. 118 (in Russ.).
21. Rossinsky B.V. Executive power in the system of public administration. M., 2023. P. 254 (in Russ.).
22. Rossinsky B.V. Modern understanding of the subject of the science of Administrative Law // Legal policy and legal life. 2021. No. 3.1. P. 42 (in Russ.).
23. Saccetti A.L. Law and the science of law // Yurid. vestnik. M., 1916. Book XVI (IV). P. 36 (in Russ.).
24. Sergun P.P., Bobrov A.M. The socio-imperious nature of administrative legal relations // Legal culture 2018. No. 3. Pp. 54, 55, 57 (in Russ.).
25. Soviet Administrative Law: textbook. M., 1985. Pp. 88, 89 (in Russ.).

REFERENCES

1. Avtonomov A.S. Legal ontology of politics: towards the construction of a system of categories. M., 1999. P. 21 (in Russ.).
2. Administrative Law: textbook / ed. by Yu.M. Kozlov, L.L. Popov. M., 1999. Pp. 84–87 (in Russ.).
3. Anisiforova M.V. The way of thinking of a young administrative scientist // Administrative Law and Process. 2020. No. 7. P. 80 (in Russ.).
4. Aristotle. Essays: in 4 vols. Vol. 2 / ed. and author's preface Z.N. Mikeladze. M., 1978. Pp. 53–90 (in Russ.).

26. Modern Dictionary of foreign words. M., 1992. Pp. 211, 270 (in Russ.).
27. *Starilov Yu. N.* Administrative Law: in 2 parts. Part 1: History. Science. Subject. Norms. Voronezh, 1998. P. 12 (in Russ.).
28. *Starilov Yu. N.* The main directions of the implementation of the modern doctrine of Administrative Law // Administrative Law at the turn of the century: interuniversity collection of scientific papers. Yekaterinburg, 2003. P. 52 (in Russ.).
29. *Starilov Yu. N.* Conservatism of legal policy as a guarantee of progress in the field of administrative and other public legal relations // Herald of the VSU Series: Law. 2023. No. 1 (52). P. 15 (in Russ.).
30. *Fatyanov A. A.* Some theoretical aspects of the division of the science of Administrative Law. The system of Administrative Law: collection of articles based on the materials of the Round Table "The system of Administrative Law" (October 12, 2022) / under the general editorship of M. N. Kobzar-Frolova; ed. by N. G. Andrianova. M., 2023. Pp. 96, 97 (in Russ.).
31. *Fatyanov A. A.* On the status of executive authorities // Administrative Law and Administrative Process: actual problems / ed. by L. L. Popov and M. S. Studenikina. M., 2004. P. 100 (in Russ.).

Сведения об авторе

ГРИШКОВЕЦ Алексей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук; 119091 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

GRISHKOVETS Aleksey A. — Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Institute of State and Law of the Russian Academy of Science; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 342.9

ВОПРОСЫ ПРЕДМЕТА И СИСТЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА (Часть 2)

© 2024 г. М. В. Костенников^{1, *}, А. В. Куракин^{2, **},
И. А. Адмиралова^{3, ***}

¹ Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России,
г. Домодедово, Московская область

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

³ Государственный университет управления, г. Москва

* E-mail: m-2263768@yandex.ru

** E-mail: kurakinaleksey@gmail.com

*** E-mail: irina_adm@mail.ru

Поступила в редакцию 19.12.2022 г.

Аннотация. Проблема предмета административного права — это многогранный вопрос, который не может быть решен в рамках одного исследования. Однако важно обращать внимание на методологические основы, производить «инвентаризацию» нормативного материала с целью выявления новых аспектов предмета правового регулирования и исключения прежних, не отвечающих современным социальным и экономическим реалиям. Внутри системы административного права гармонично сочетаются нормы права управления и нормы полицейского права, это хорошо видно на примере реализации административного и полицейского принуждения, административного и полицейского надзора. Полицейское право вполне может быть эффективным атрибутом демократического, правового и социального государства. Данная позиция доказана опытом государственного строительства целого ряда стран.

Ключевые слова: право, управление, принуждение, полиция, система, администрация, исполнение, права граждан, предмет, институт.

Цитирование: Костенников М.В., Куракин А.В., Адмиралова И.А. Вопросы предмета и системы административного права (Часть 2) // Государство и право. 2024. № 1. С. 68–80.

DOI: 10.31857/S1026945224010074

SUBJECT AND SYSTEM ISSUES OF ADMINISTRATIVE LAW (Part 2)

© 2024 M. V. Kostennikov^{1, *}, A. V. Kurakin^{2, **},
I. A. Admiralova^{3, ***}

¹ All-Russian Institute for Advanced Training of Employees
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow Region, Domodedovo

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

³ State University of Management, Moscow

* E-mail: m-2263768@yandex.ru

** E-mail: kurakinaleksey@gmail.com

*** E-mail: irina_adm@mail.ru

Received 19.12.2022

Abstract. The problem of the subject of administrative law is a multifaceted issue that cannot be solved within the framework of a single study. However, it is important to pay attention to the methodological foundations, to make an “inventory” of normative material in order to identify new aspects of the subject of legal regulation and exclude the former ones that do not meet modern social and economic realities. Within the system of administrative law, the norms of management law and the norms of police law are harmoniously combined, this is clearly seen in the example of the implementation of administrative and police coercion, administrative and police supervision. Police law may well be an effective attribute of a democratic, legal and social state. This position has been proven by the experience of state-building in a number of countries.

Key words: law, management, coercion, police, system, administration, enforcement, citizens' rights, subject, institution.

For citation: Kostennikov, M.V., Kurakin, A.V., Admiralova, I.A. (2024). Subject and system issues of Administrative Law (Part 2) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 68–80.

Проблемы полицейского права

Есть объективная необходимость рассмотреть феномен полицейского права, определить его функциональность и место в системе средств правового регулирования. Следует отметить, что правовые средства всегда отождествляются с той отраслью права, нормы которой данные средства непосредственно закрепляют. Полицейское право не является самостоятельной отраслью в системе отечественного права, однако данное правовое образование достаточно быстро развивается и в целом касается практически каждого гражданина, попадающего в сферу неколлективного общения людей, а также в систему обеспечения общественной безопасности. Учитывая важность у государства функции охраны и защиты прав граждан, уже нельзя не признавать феномен полицейского права. Так, А.И. Елистратов в свое время писал, что «полицейское право глубоко отличалось по своей природе даже от современного ему права гражданского и уголовного права, что старинные юристы, следившие за его возникновением, смотрели на него, как на уродливый нарост в системе права»¹.

Возможно, пройдет еще немного времени, и в доктринальном плане прекратятся споры относительно такого правового института, как «полицейское право», соответствующее правовое образование получит **признание важной подотрасли административного права**, а словосочетание «полицейское средство» будет употребляться в тех случаях, когда необходимо применять средства правовой охраны. Отметим, что различные нестандартные политико-правовые обстоятельства говорят о том, что перспектив развития у полицейского права более чем достаточно. Как указал Ю.П. Соловей, «полицейское право развивается в направлении формирования большей внутренней взаимосвязанности его источников, большей их обособленности от остальной массы законодательства

и, следовательно, имеет место усиление автономии полицейских норм. А поэтому в дальнейшем не исключено признание за “полицейским правом” статуса самостоятельной отрасли права, как это произошло с такими отраслями права, как финансовое право, таможенное право и др.»².

Заметим, что эффективное правовое образование обладает необходимым единством, имеет взаимосвязанные и дополняющие друг друга элементы, таковым образованием является, например, административное право. Данная отрасль права регулирует достаточно широкий круг общественных отношений, в т.ч. и полицейского характера, и поэтому полицейское право — один из ключевых институтов административного права.

Относительно появления новых правовых образований, в т.ч. публично-правового характера, существуют различные точки зрения. Так, А.П. Коренев в свое время писал, что «в работах последних лет обосновывается выделение из административного права новых отраслей, таких как спортивное право, служебное право, полицейское право. Представляется, что для этого нет объективных оснований, все эти отрасли имеют общий предмет регулирования и являются частями административного права»³. Согласимся с тем, что дробление отрасли права на более мелкие правовые образования, а тем более без всяких объективных оснований, — разрушает правовую материю, которая формировалось эволюционно на протяжении длительного времени. Так, некоторое время назад была теоретически охарактеризована такая теоретическая конструкция, как «служебное право». В частности, это было связано с развитием законодательства о государственной и муниципальной

² Соловей Ю.П. Полицейское право и его место в системе современного административного права // Полицейское право. 2005. № 1. С. 6.

³ Коренев А.П. О соотношении административно-правовых институтов и отрасли административного права // Институты административного права. М., 1999. С. 41.

¹ Елистратов А.И. Очерк административного права. М., 1923. С. 11.

службе, которого в советский период не было. И.А. Дякина предприняла попытку обосновать «служебное право» как комплексную отрасль права. В частности, она писала, что «административное право с точки зрения его структуры и разнообразности правовых норм и институтов не может выполнить тех функциональных задач, которые стоят перед ним как правовой отраслью. А возможно выделить такой институт, как “служебное право”». Служебное право, по мнению И.А. Дякиной, «характеризуется признаком комплексности, т.е. унифицированностью понятий, категорий и однотипностью правового материала, имеющего не только административно-правовую природу, но и разработанного в смежных отраслях права»⁴. По-прежнему отстаивает идею служебного права Ю.Н. Старилов, призывая продолжить соответствующую дискуссию⁵.

В свою очередь, А.А. Гришковец выступил с конструктивной критикой идеи служебного права и заключил, что данный феномен пока не сформировался⁶.

Развитие законодательства об административных правонарушениях вызвало к жизни идею о выделении «административно-деликтного права». Концепция предмета административно-деликтного права связана с административным правонарушением, административной ответственностью, а также с административным наказанием. Как было отмечено А.П. Шергиным, «административное деликтное право — это отрасль российского права, объединяющая правовые нормы, регулирующие общественные отношения, связанные с административным правонарушением и административной ответственностью»⁷.

А.П. Шергин поставил вопрос о выделении административно-деликтного права из системы административного права, при этом взяв за основу право уголовное. «Административно-деликтные отношения по своему содержанию являются не чем иным, как одним из видов отношений юридической ответственности, они наиболее близки к уголовным правоотношениям»⁸.

⁴ Дякина И.А. Служебное право как комплексная отрасль права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2007. С. 10.

⁵ См.: Старилов Ю.Н. Служебное право в России: многозначные новеллы законодательства о государственной службе 2020–2022 // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Право. 2022. № 4. С. 366.

⁶ См.: Гришковец А.А. Служебное право: итоги дискуссии // Государство и право. 2016. № 12. С. 41.

⁷ Основные институты административно-деликтного права / под ред. А.П. Шергина. М., 1999. С. 14.

⁸ Шергин А.П. Проблемы административно-деликтного права // Государство и право. 1994. № 8–9. С. 52.

А.В. Киринов также сформулировал понятие административно-деликтного права. При этом автор рассматривает его в качестве «предметно единого подотраслевого комплекса материальных и процессуальных норм в составе следующих профильных правовых институтов: института административных правонарушений (деликтов); института административной ответственности (мер наказаний); института субъектов административной юрисдикции; института производства по делам об административных правонарушениях; института исполнения решений по делам об административных правонарушениях»⁹.

Вопрос относительно административно-деликтных отношений не новый, впервые его поставил и раскрыл Л.В. Коваль. Как писал обозначенный автор, «деликтные отношения имеют объектом административную ответственность»¹⁰.

Следует отметить, что концепция административно-деликтного права выглядела весьма привлекательно, однако у нее есть и противники. Как пишет А.А. Гришковец, «термины “административный деликт” и “административная деликтность”, которые являются основополагающими в так называемом “административно-деликтном праве” и широко используются его сторонниками в своих работах, безоговорочно не принимаются многими авторитетными авторами, исследующими проблемы административной ответственности»¹¹.

Заметим, что в теоретическом и дидактическом плане подобное выделение обозначенных «отраслей» права вполне допустимо. Так, для изучения нормативного материала, а также для усвоения теории соответствующего вопроса создаются спецкурсы административно-правовой направленности, такие как «Право государственной службы» или «Административная ответственность». В этом смысле выделение из административного права упомянутых правовых образований можно поддержать — это не разрушает отрасль права, а напротив, помогает ее лучше изучить, сформулировать новые правовые конструкции. В свое время в теории административного права был обоснован феномен административного процесса, определен предмет административно-процессуального права. Так, В.Д. Сорокин определял предмет административно-процессуального права достаточно широко, раскрывая его как «совокупность процессуальных норм, регулирующих различные

⁹ Киринов А.В. Теория административно-деликтного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 18.

¹⁰ Коваль Л.В. Административно-правовое деликтное отношение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1979. С. 17.

¹¹ Гришковец А.А. Допустим ли термин «деликт» в науке административного права? // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 13.

управленческие отношения»¹². При этом он говорил о вторичности процессуальных норм по отношению к нормам материального административного права.

Представляется, что, несмотря на важность норм процессуального характера в предмете регулирования административного права, все же нет практической необходимости выделять административный процесс (административно-процессуальное право) из системы административного права. Эффективность действия административного права лежит во взаимосвязи его материальных и процессуальных норм. В предмете полицейского права также очень важны процессуальные нормы, особенно это необходимо в деле применения прямого административного (полицейского) принуждения, а также реализации мер административной ответственности.

Как известно, полицейское право в свое время явилось основой для становления и развития административного права, которое по своей функциональности было призвано регулировать отношения управленческого характера. Так, П. Ю. Егоров подчеркнул, что «именно в условиях правового государства и возникает наука административного права»¹³. Формирование правового государства — процесс достаточно длительный и в этой трансформации государства далеко не последнее место принадлежит полицейскому праву. В этой связи согласимся с таким выводом, что «история последних двух столетий показывает, как в большинстве стран мира полицейское государство медленно, но неуклонно трансформировалось в правовое, не утрачивая при этом полицейских функций и определяя место полиции в системе государственной власти как силы, подчиненной закону и действующей в интересах всех граждан»¹⁴.

Данная позиция разделяется далеко не всеми. Так, В. П. Малахов отметил, «что государство, в котором административное право тяготеет к полицейскому, является правовым только по видимости. Указание на правовой характер государства — декларация, неуклюжий (малоэффективный) способ легитимации власти. В своем действии полицейское право воспроизводит полицейское государство (или возрождает его); оно воспроизводит оппозиционное отношение общества к государству, а потому ведет к разрушению современной демократической государственности или,

что лишь немного лучше, к укреплению ее за счет недемократических средств»¹⁵.

С данной позицией также можно согласиться — увлечение в правовом регулировании императивными предписаниями, а именно запретами, ограничениями, а также установление за несоблюдение любого правового запрета административной ответственности ни к чему хорошему не приводит. В этой связи необходим баланс норм позитивного административного права с охранительными нормами полицейского права. В этом и будет заключаться эффективность действия права в целом.

Учитывая функциональность полицейского права, можно сказать, что этот феномен государству объективно необходим и неважно, какое это государство — демократическое или не демократическое. В истории нашей страны был период, когда феномен полицейского права не признавался официально, данная категория была враждебна сложившейся идеологии и правовой доктрине. Так, например, в одной из знаковых работ «конструктора» науки советского административного права Г. И. Петрова нет упоминания о полицейских отношениях, а также сферы, где эти отношения, собственно, возникают. Данный вывод основан на анализе работы представленного автора, в которой он отметил, что «административные правоотношения классифицируются по социальному содержанию, по характеру, месту их возникновения, территории распространения, а также по соотношению прав и обязанностей их участников, времени их длительности, характеру порождающих их фактов»¹⁶.

Как было отмечено ранее, советская доктрина административного права официально отвергала наличие полицейского права по идеологическим и политическим соображениям. В одном из первых советских учебников по административному праву указывается на методы полицейской деятельности, которые и определяют сущность полицейского права. Нужно сказать, что в период «позднего социализма» наука административного права ушла в русло правовой управленческой науки, в которой приоритетом были вопросы управления, а полицейский компонент административно-правового регулирования практически не освещался. В реальной действительности в полицейском праве не было оппозиционности, а его существованием внутри административного права была бы обусловлена необходимость обеспечения общественной безопасности, защиты граждан, да и всего

¹² Сорокин В. Д. Советское административно-процессуальное право. Л., 1976. С. 7.

¹³ Егоров П. Ю. Становление советского административного права (1917–1940). М., 2006. С. 18.

¹⁴ Бельский К. С., Елисеев Б. П., Кучеров И. И. Полицейское право как подотрасль административного права // Государство и право. 2001. № 12. С. 45.

¹⁵ Малахов В. П. Единство и различие административного и полицейского права // Административное и муниципальное право. 2010. № 2. С. 82.

¹⁶ Петров Г. И. Советские административные правоотношения. Л., 1972. С. 96.

общества, от различного рода угроз социального, природного и техногенного характера.

Обратим внимание, что в одном из первых советских учебников имеет место полицейская составляющая. Так, С.С. Студеникин, В.А. Власов и И.И. Евтихий обратили внимание на полицейские методы правового воздействия, в частности на вопросы паспортной системы, учет естественного движения населения, разрешительную систему, административный надзор, а также специальные правовые режимы¹⁷.

Слово «полиция» в советской правовой доктрине было реакционным, однако оно все равно вернулось в правовой оборот сначала в теории, а потом и в законодательстве. Так, первым, кто вернул в **научный** оборот «полицейское право», а также высказал идею кодификации его норм, был Ю.П. Соловей¹⁸.

В свою очередь, К.С. Бельский определил предмет полицейского права. В частности, он отметил, что «деятельность “полиции” как системы органов исполнительной власти, осуществляющих охрану общественного порядка путем надзора и применения мер административного принуждения, регулируется нормами административного права, в совокупности составляющими ее важную подотрасль — полицейское право»¹⁹. В своем труде «Полицейское право»²⁰ К.С. Бельский разработал доктрину данного направления правового регулирования, определил сущность полицейского права как явления, учитывающего особенности его воздействия. Несмотря на это, исследования в области полицейского права **следует** продолжать и далее в целях популяризации данного института административного права, а также в целях изменения общественного стереотипа относительно его сущности.

Полицейская деятельность — это не только принуждение, разрешительная работа, контроль и надзор, данная деятельность касается и отношений, связанных с предоставлением полицейских услуг, нужных гражданам не только для реализации различных гражданских прав. Полицейские услуги обеспечивают правопорядок и безопасность, позволяют осуществлять контроль над субъектами, которые обратились за их получением. Как отметил В.П. Малахов, «полицейское право имеет надзорный характер. Контроль и надзор и есть

с позиции логики полицейского права основные формы управления обществом»²¹. Что касается полицейских услуг, о которых было упомянуто выше, то данный вопрос в законодательстве решен так: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»²² определил, что «полиция осуществляет предоставление государственных услуг» (ст. 11).

В доктринальном плане усилиями ученых термин «полиция» «пробил» право на существование. Так, был принят Закон РФ от 24 июня 1993 г. № 5238-1 «О федеральных органах налоговой полиции»²³, спустя 10 лет была создана полиция по контролю за оборотом наркотиков, а затем и полиция в системе МВД России. Конечно, полицейское право не нужно сводить к работе органов МВД России или Росгвардии. Полицейское право — это широкий спектр правовых норм, которые обеспечивают полицейскую деятельность самых разных органов государственной власти, которые используют методы административного принуждения, разрешения, контроля (надзора), принимают меры запретительного и ограничительного характера. Полицейская работа проявляется себя в сфере образования, здравоохранения, санитарии, работы финансовой системы, эксплуатации различных видов транспорта, промышленности, а также в информационной сфере и др.

В этой связи представляется, что неправильно сводить административное право к праву управления. Хотя можно заметить, что и в деле создания системы управления имеет место полицейский компонент, связанный с формированием структуры полицейских органов. Что же касается рассматриваемого нами понятия, то даже в условиях Российской Федерации отношение к феномену полицейского права достаточно сдержанное. В учебных программах при рассмотрении вопроса относительно предмета и системы административного права нет никакого намека на «полицейское право», более того, сам термин в бытовом понимании зачастую отождествляется с полицейским государством и ассоциируется с чем-то негативным с точки зрения правового регулирования. Действительно, социальный и правовой имидж у полицейского государства оставляет желать лучшего. Однако если посмотреть на другие государства (ФРГ, Франция, США, Южная Корея, Япония, Сингапур), добившиеся существенного прогресса в деле экономического и социального развития, то они имеют полицейскую систему, которая не мешала развитию этих государств как

¹⁷ См.: Студеникин С.С., Власов В.А., Евтихий И.И. Советское административное право. М., 1950. С. 289.

¹⁸ См.: Соловей Ю.П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации. М., 1993. С. 322.

¹⁹ Бельский К.С. Феноменология административного права. Смоленск, 1995. С. 115.

²⁰ Бельский К.С. Полицейское право: лекционный курс / под ред. А.В. Куракина. М., 2004.

²¹ Малахов В.П. Указ. соч. С. 82.

²² См.: СЗ РФ. 2011. № 7, ст. 900.

²³ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 29, ст. 1114.

в экономическом, так и в демократическом смысле. Как отметил К.С. Бельский, «полицейское государство в литературе либерального направления принято критиковать за самовластие, произвол и злоупотребление властью. Однако непредвзятый и объективный взгляд на полицейское государство показывает, что без функционирования такого государства на определенном историческом этапе, так называемое правовое государство не могло бы состояться»²⁴.

Можно предположить, что полицейское право — это атрибут правового государства. С помощью норм полицейского права обеспечивается правовой режим общественной безопасности, а также осуществляется охрана и защита прав граждан. Такая защита осуществляется как позитивными, так и охранительными средствами полицейского права. Одним из позитивных средств обеспечения прав граждан является «полицейская помощь». Как определяется в Федеральном законе «О полиции», «полиция незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств» (ст. 1). Отметим, что понятие «полицейская помощь» в доктринальном плане остается неразработанным. Тем не менее К.С. Бельский и по данному вопросу высказал свою точку зрения: «Метод полицейской помощи представляет собой способ охраны (обеспечения) прав граждан, осуществляемый органами полиции путем оказания по просьбе гражданина, а в отдельных случаях и без его согласия определенных услуг социального, медицинского, финансового и иного характера»²⁵.

Из этого следует, что полицейская помощь есть разновидность государственной помощи, в этой помощи проявляется гуманитарный смысл существования и функционирования государства. Современное государство оказывает помощь гражданам в самых различных формах. В частности, эффективно работает система предоставления государственных услуг, государство оказывает социальную и бытовую помощь, проявляет заботу в отношении одиноких и престарелых граждан и др. Достаточно много государственных услуг предоставляется по линии МВД России, а поэтому было бы правильно в Федеральном законе «О полиции» выделить отдельную главу — «О полицейской помощи».

Заметим, что слово «полиция» отождествляется исключительно с работой МВД России, в некоторых случаях с подразделениями Федеральной службы войск национальной гвардии. Слово «полиция»

имеет древнегреческое происхождение и длительный период времени имело более широкое этимологическое значение. Как писал Н.Н. Белявский, «термин “полиция” взят из греческого языка, где полиция вызвала представление о совокупности государственной деятельности и государственных отношениях»²⁶. Как отметила И.А. Горшенева, «сущность полицейской деятельности и определение ее содержания немыслимо без изучения государства, частью которого является полиция»²⁷.

Именно в таком виде понятие «полиция» трактовалось еще в XVIII в. французским мыслителем Н. Деламаром в его многотомном труде «Трактат о полиции», предопределившем развитие науки о полиции, а также государственной и полицейской деятельности на европейском континенте. Ныне данная позиция также поддерживается и развивается. В частности, Ю.Н. Стариков пишет, что «под полицией в восемнадцатом веке понимали все государственное управление, в рамках которого осуществлялась полицейская власть»²⁸. Иными словами, полицейское право было правом государственным, регулирующим наиболее важные отношения в интересах обеспечения безопасности. Как указал в свое время И.Т. Тарасов, «полицейское право, исследует условия безопасности и благосостояния»²⁹. К.С. Бельский и А.А. Гришковец также отмечают, что «полицейское право — совокупность норм, регулирующих деятельность органов и служб, которые наделены правом применения прямого административного принуждения и мер административной ответственности в целях защиты прав и свобод граждан, а также устоев государства»³⁰.

Оригинально определяет предмет полицейского права В.П. Малахов: «Полицейское право в самом общем виде может быть охарактеризовано как повернутое на общество административное право. Полицейское право — это доведенное до крайностей административное право». При этом, по его мнению, полицейское право нельзя рассматривать лишь как негативность действия административного права. «Реализация существенных элементов

²⁶ Белявский Н.Н. Полицейское право (Административное право). Пг., 1915. С. 20.

²⁷ Горшенева И.А. Полиция в механизме современного демократического государства. М., 2004. С. 32.

²⁸ Стариков Ю.Н. О полицейском праве, или не всегда хорошо забытое старое является новым // Полицейское право. 2005. № 1. С. 12.

²⁹ Тарасов И.Т. Учебник науки Полицейского права. М., 1891. С. 4.

³⁰ Бельский К.С., Гришковец А.А. В чем смысл разделения административно-правовых знаний на общую и особенную части. Понимание и объяснение // Государство и право. 2018. № 9. С. 28.

²⁴ Бельский К.С. Полиция и правовое государство // Полицейское право. 2005. № 1. С. 6.

²⁵ Бельский К.С. К вопросу о понятии «полицейская помощь» // Административное право на рубеже веков. Екатеринбург, 2003. С. 132.

полицейского права имеет для общества как положительные, так и отрицательные последствия»³¹.

В завершение подчеркнем, что нет никаких оснований отвергать охранительный и регулирующий потенциал полицейского права как неотъемлемой части права административного, при этом субъектом реализации норм полицейского права являются все органы государственной власти и управления. Кроме того, субъектами полицейского права являются граждане, которые, например, вовлечены в мероприятия по охране общественного порядка, или граждане, выполняющие «полицейские обязанности», в частности при регистрации автомобильного транспорта, гражданского оружия, при уплате административного штрафа и др.

Таким образом, можно сформулировать вывод о том, что полицейское право, с одной стороны, — элемент права административного, а с другой — тяготеет к определенной автономии, обусловленной предметом и объектом правового регулирования, а также методом правового воздействия. *Предметом полицейского права* является совокупность правовых норм, призванных регламентировать общественные отношения, складывающиеся в связи с охраной и защитой прав граждан, а также с обеспечением общественной безопасности и охраной общественного порядка путем применения принудительных и позитивных правовых средств.

Проблемы права административной юстиции

Вопрос относительно права административной юстиции — это, по сути, проблема, касающаяся охраны и защиты прав граждан, вовлеченных в сферу административно-правовой реальности, а также вопрос о процессуальном и организационном обеспечении такой защиты. К сожалению, в каждом обществе и при любом правопорядке возникают ситуации прямого или косвенного характера, когда действием или бездействием должностного лица нарушаются или неправомерно ограничиваются права гражданина или на гражданина возлагаются обязанности, которые не должны на него быть возложены. Как представляется, этой ситуации не должно быть. Проблема охраны и защиты прав граждан — одна из задач административного права, которая решается в т.ч. посредством «права административной юстиции». В этом смысле согласимся с М.Д. Загряцковым: «Мы считаем административную юстицию одним из институтов, обеспечивающих господство права»³². А.И. Елистратов подчеркнул, что «административная юстиция

составляет для граждан правовую гарантию, как способ обжалования актов управления»³³.

Право административной юстиции сформировалось в системе административного права эволюционно как реакция на то, что должностное лицо, осуществляя управленческую или полицейскую деятельность, к сожалению, очень часто склонно к злоупотреблению своей властью по отношению к гражданину, такому злоупотреблению нужно противостоять путем права жалобы, а также права обжалования действий или бездействия соответствующего должностного лица. В этой связи К.С. Бельский верно заметил: «Право административной юстиции конструктивно содержит институт жалобы и административного иска, а также производство по жалобе и административному иску»³⁴. В данном подходе можно видеть, что конструктивно «право административной юстиции» включает как административный, так и судебный компоненты. Такой позиции придерживались многие ученые. Так, В.И. Ремнев писал: «Обоснованное сочетание судебного и административного порядков разрешения жалоб позволяет решить проблему разделения труда, осуществить взаимный контроль между различными органами государства, укрепить законность, а также обеспечить охрану и защиту прав граждан»³⁵.

Следует отметить, что административная юстиция связана с субъективным публичным правом гражданина, а именно правом жалобы или правом обжалования. Основным для права жалобы является Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»³⁶, согласно которому «жалоба — просьба гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц» (ст. 4). Положение Федерального закона о том, что жалоба — это просьба гражданина, как представляется, не совсем корректно. Жалоба по своему содержанию, основанию и эмоциональному фону ее подачи — это скорее всего не просьба, а требование. В этой связи И.Ш. Киляханов верно заметил, что «жалоба — это указание на фактическое или предполагаемое нарушение прав гражданина со стороны органов управления и их должностных лиц, а также требование

Административно-финансовое распоряжение и финансовая жалоба. М., 1925. С. 7.

³³ Елистратов А.И. Указ. соч. С. 174.

³⁴ Бельский К.С. О системе административного права // Государство и право. 1998. № 3. С. 5.

³⁵ Ремнев В.И. Право жалобы и административная юстиция в СССР // Сов. государство и право. 1986. № 6. С. 22.

³⁶ См.: СЗ РФ. 2006. № 19, ст. 2060.

³¹ Малахов В.П. Указ. соч. С. 82.

³² Загряцков М.Д. Административная юстиция и право жалобы в теории и законодательстве. Развитие идеи и принципов административной юстиции. Административный процесс и право жалобы в советском законодательстве.

об их восстановлении и решении вопроса об ответственности виновных»³⁷.

Как видится, такой подход в большей мере отражает природу жалобы, сущность обжалования как элементов права административной юстиции. Как право жалобы, так и право обжалования носят всеобщий характер, тем не менее злоупотребление данным правом тоже недопустимо. Нужно согласиться с Ю.М. Козловым в том, что «демократизм института права жалобы проявляется в отсутствии каких-либо ограничений круга действий органов государственного управления (должностных лиц), которые могут быть обжалованы»³⁸. В этом и проявляется сущность административной юстиции, реализуемой в досудебной форме.

В ряде случаев административная юстиция отождествляется с работой административного суда или иной структуры, выполняющей функции разрешения спора (конфликта). В частности, во Франции сформирована система административных трибуналов, создан Государственный совет и определена их предметная функциональность как субъектов административной юстиции³⁹. В отечественной доктрине также существует мнение о специализированном понимании права административной юстиции. Так, Ю.Н. Старилов достаточно узко понимает институт административной юстиции: «Административная юстиция как правовое образование в системе административного права представляет собой административно-судебное исковое право»⁴⁰.

Подход Ю.Н. Старилова выводит предмет административной юстиции за границы административного права и делает его межотраслевым правовым образованием. Термин «иск» не имеет прямого отношения к классическому административному праву, все же этот термин имеет скорее отношение к гражданскому процессу. Положение о том, что производство по делам об административных правонарушениях относится к административному судопроизводству, высказал Б.В. Россинский. Так, на основе анализа претензии административных судов он писал: «Представляется целесообразным включение некоторых категорий дел об административных правонарушениях

в компетенцию административных судов, судьи которых будут специализироваться как в определенных сферах административного законодательства, так и в деятельности субъектов административных правонарушений»⁴¹.

На наш взгляд, право административной юстиции обеспечивает охрану и защиту прав граждан. Но функционально данный институт может решать и иные социальные задачи. В этой связи можно согласиться с В.В. Бойцовой и В.Я. Бойцовым: «Административная юстиция, несомненно, помимо функции обеспечения прав граждан может внести определенный вклад в дело борьбы с коррупцией на государственной службе»⁴².

Охрана и защита прав граждан — одна из ключевых задач правоприменительной деятельности. Как писал В.А. Юсупов, «воздействуя на экономику, государство выдвигает на первое место в сфере административно-правового регулирования права и свободы граждан. Обеспечение прав человека — важнейшая функция всей системы органов правового государства»⁴³. Однако не следует идеализировать объективную реальность, а также формировать завышенные ожидания от работы охранительных и защитных институтов государства — в их деятельности по охране и защите прав граждан достаточно много проблем. В этом случае гражданин должен иметь самостоятельные организационные и процессуальные возможности этому противостоять. Поэтому не случайно, что в правовом государстве данные возможности гражданину предоставляются. Так, например, Федеральный закон «О полиции» определяет, что «действия (бездействие) сотрудника полиции, нарушающие права и законные интересы гражданина, могут быть обжалованы в вышестоящий орган или вышестоящему должностному лицу, в органы прокуратуры либо в суд» (ст. 53).

Граждане достаточно часто обращаются в суд с жалобой на действия сотрудников полиции, которые неправомерно ограничивают и тем самым нарушают права граждан. Обратим внимание на ситуацию гражданина В.И. Сергиенко, право которого на осуществление одиночного пикета (ст. 31 Конституции РФ) было нарушено действиями сотрудников полиции, что, собственно, и констатировал Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 17 марта 2017 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения п. 13 ч. 1 ст. 13

³⁷ Киясханов И. Ш. Институт обжалования в административной деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. С. 11.

³⁸ Козлов Ю. М. Институт права жалобы в советском административном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1953. С. 10.

³⁹ См.: Боботов С. В. Административная юстиция Франции: доктрина и практика // Сов. государство и право. 1981. № 6. С. 127.

⁴⁰ Старилов Ю. Н. Административная юстиция: проблемы теории. Воронеж, 1998. С. 33.

⁴¹ Россинский Б. В. О расширении компетенции административных судов // Судебная реформа в России. М., 2001. С. 194.

⁴² Бойцова В. В., Бойцов В. Я. Административная юстиция: к продолжению дискуссии о содержании и значении // Государство и право. 1994. № 5. С. 42.

⁴³ Юсупов В. А. Актуальные проблемы административного права // Сов. государство и право. 1991. № 11. С. 35.

Федерального закона «О полиции» в связи с жалобой гражданина В.И. Сергиенко»⁴⁴. В.И. Сергиенко обжаловал действия сотрудников полиции в судах различного уровня, однако результата по восстановлению своих прав не добился. Как следует из материалов дела, «гражданин В.И. Сергиенко 1 мая 2015 г. в 15:00 начал одиночный пикет, который сотрудники полиции потребовали прекратить в 15:25. В 15:40 сотрудниками полиции было осуществлено принудительное препровождение заявителя в служебное помещение отдела полиции, куда он был доставлен в 15:55 и где был составлен протокол о его доставлении. В 16:50 В.И. Сергиенко был отпущен из отдела полиции без составления протокола об административном правонарушении и без предъявления ему каких-либо обвинений. Решением Октябрьского районного суда г. Белгорода от 4 февраля 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением Белгородского областного суда от 28 апреля 2016 г., в удовлетворении требований В.И. Сергиенко «...о признании незаконными действий сотрудников полиции по прекращению проводимого им одиночного пикета путем доставления его в помещение отдела полиции, содержанию в нем, а также о возмещении ему в связи с указанными действиями морального вреда было отказано».

Оставляя исковые требования В.И. Сергиенко без удовлетворения, суды исходили из того, что дальнейшее проведение им одиночного пикетирования могло спровоцировать противоправные действия в отношении него со стороны лиц, не разделяющих его взгляды и создать угрозу безопасности граждан. В своих решениях суды указали, что при проведении заявителем одиночного пикета назревала реальная угроза его жизни и здоровью, возможность расправы с ним и именно с целью устранения такой угрозы он был доставлен в помещение отдела полиции. Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 17 марта 2017 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения п. 13 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции» в связи с жалобой гражданина В.И. Сергиенко» признал статью Федерального закона «О полиции» конституционной. Однако указал, что «применение полицией задержания к гражданам, проводящим одиночное пикетирование, при очевидном отсутствии оснований к его применению может расцениваться как *неправомерное ограничение конституционных прав* на свободу и личную неприкосновенность и на проведение публичных мероприятий».

Данное судебное решение весьма показательное. Граждане в ряде случаев сталкиваются с фактами чрезмерного административного воздействия,

реализуемого в самых различных формах, что, конечно же, не способствует охране и защите их прав, а также реализации различных гражданских свобод. Уже было отмечено, что не следует идеализировать работу правоохранительных органов, а поэтому гражданам следует предоставить возможность самостоятельно осуществлять защиту своих прав и свобод. На данное положение уже было обращено внимание в научной литературе, однако своей актуальности данная идея не потеряла. Так, И.Ш. Киясханов высказал предложение о целесообразности создания в административном праве «института необходимой защиты». Суть данной идеи заключается в обогащении правового статуса гражданина дополнительными полномочиями, за счет которых обеспечивалась бы возможность защиты принадлежащих им прав и свобод без привлечения в правозащитный процесс субъектов, представляющих государственную власть⁴⁵.

Элементы самозащиты имеются. Так, «допускается самозащита гражданских прав. Способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения» (ст. 14 ГК РФ). В целях самозащиты трудовых прав работник, известив работодателя или своего непосредственного руководителя в письменной форме, может отказаться от выполнения работы, не предусмотренной трудовым договором (ст. 379 ТК РФ). Самозащита — достаточно действенное правовое средство, оно вполне может быть использовано и в сфере административного регулирования, дополнив имеющиеся административно-правовые средства защиты прав и законных интересов граждан.

Право административной юстиции с точки зрения охраны и защиты прав граждан можно считать правом абсолютным, доступ к которому не должен быть ограничен, в т.ч. и законом. Если отождествлять административную юстицию с правосудием по административным делам, то доступ к этому правосудию должен быть свободным. В этом, собственно, и проявляется конституционно-правовой смысл и назначение рассматриваемого нами правового института. А поэтому нельзя согласиться с положением Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»⁴⁶, который определил, что «судебное обжалование решений контрольного (надзорного) органа, действий (бездействия) его должностных лиц, возможно, только после их досудебного обжалования» (ст. 9). Как представляется, досудебная форма

⁴⁴ См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 4.

⁴⁵ См.: Киясханов И.Ш. Институт необходимой защиты граждан и его реализация в КоАП РФ // Вестник Московского ун-та МВД России. 2003. № 1. С. 11.

⁴⁶ См.: СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5007.

обжалования (защиты) должна иметь факультативный характер, если сторона считает для себя более эффективной форму досудебной защиты, избирая именно ее. А если считает эту форму неприемлемой, то соответствующее лицо должно иметь возможность сразу, не теряя времени, обратиться за защитой своих прав и законных интересов в суд. И тем самым защищать свои права, в т.ч. и в порядке административного судопроизводства.

Различные правовые формы защиты прав и свобод граждан должны дополнять друг друга, в какой-то мере «конкурировать» между собой с точки зрения своей охранительной эффективности. Как заметил А.И. Столмаков, «проблема соотношения административных и судебных методов обеспечения законности состоит не в том, чтобы противопоставлять их друг другу, а в том, чтобы, опираясь на оба эти метода, правильно их использовать, учитывая то, что оба этих метода являются средствами охраны и защиты прав граждан»⁴⁷.

Спор о том, какой способ защиты прав и свобод граждан в административных правоотношениях более эффективен — административный или судебный, — полагаем, лишен практического смысла. Эффективным является тот способ, который в конкретной ситуации позволяет восстановить нарушенное право гражданина, обеспечить законность и правопорядок. Выбор способа и формы защиты определяет сам гражданин, чьи права и законные интересы нарушены действием или бездействием должностных лиц органов государственной власти и управления. В этой связи нельзя согласиться с В.М. Савицким, который отметил, что «давно известно, что судебное разбирательство имеет огромные преимущества перед решением спора в административном порядке»⁴⁸.

Данный тезис был сформулирован в то время, когда в умах людей имел место определенный правовой «романтизм», в стране проводилась реформа судебной системы, воссоздавалась мировая юстиция. В это время предпринимались попытки демократизации общества, а также правоохранительной и судебной системы.

Заметим, что многие идеи 1990-х гг. относительно роли суда в осуществлении правосудия, обеспечении законности и правопорядка, защиты прав и свобод граждан так и не были реализованы в полном объеме. Оценка роли суда в государстве и обществе осуществлялась через анализ

деятельности Европейского Суда по правам человека, а также работу судов ряда государств Западной Европы, где сформировался в т.ч. и институт административной юстиции. Обращалось внимание на специализацию судов, которые разрешают публично-правовые споры. В Германии сформировалась достаточно детализированная судебная система, в которой функционируют административные суды, социальные суды, суды, разрешающие трудовые и финансовые споры, и др.⁴⁹

Такая дифференциация внутри судебной системы является гарантией законности рассмотрения правового спора в соответствующем суде. Однако такой подход в организации судебной власти может позволить себе не каждое государство. В нашей стране идея административного судопроизводства, о которой весьма активно рассуждали в науке, все-таки была реализована. Так, в настоящее время Кодекс административного судопроизводства РФ от 8 марта 2015 г. определяет, что «суды рассматривают и разрешают административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, которые возникают из административных и иных публичных правоотношений» (ст. 1). Как следует из КАС РФ, он не распространяется на производство по делам об административных правонарушениях. При этом необходимо обратить внимание, что достаточно значима роль суда в рассмотрении дел об административных правонарушениях и назначении административных наказаний, а также рассмотрении жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях. Таким образом, суд вовлечен в применение материальных и процессуальных норм административного права, содержащихся в КоАП РФ, при этом суд выполняет различные функции, связанные с применением административного наказания и защитой прав соответствующих субъектов.

Как отметила О.В. Панкова, «правосудие по административным делам и правосудие по делам об административных правонарушениях — различные понятия. В их основе лежат разные виды административно-юрисдикционных дел, обусловленные разными видами административно-правового конфликта — административно-правовой спор и административное правонарушение»⁵⁰. Подчеркнем, что О.В. Панкова рассмотрение дел об административных правонарушениях в судах к административной юстиции

⁴⁷ Столмаков А.И. Административно-правовые и судебные методы охраны субъективных прав граждан СССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. С. 18.

⁴⁸ Савицкий В.М. Российские суды получили реальную возможность контролировать исполнительную власть // Судебный контроль и права человека. М., 1996. С. 44.

⁴⁹ См.: Юлдашев А.Р. Финансовые суды в Германии. М., 2000. С. 5.

⁵⁰ Панкова О.В. Процессуально-правовой механизм осуществления правосудия по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 14.

не относит. При этом она считает, что рассмотрение судом дел об административных правонарушениях является правосудием⁵¹. Ю.Н. Старилов также отмечал, что «административная юстиция — это специальный вид правосудия, направленный на деятельность полиции и администрации, на разрешение спора о праве административном публичном. Государство с помощью административной юстиции обеспечивает выяснение истины по делу в установленном законом процессуальном порядке, оказывая “положительные услуги” конкретным лицам»⁵².

Как представляется, данный подход неоднозначен. *Административная юстиция* — категория достаточно широкая, которая конструктивно включает работу не только суда, но и иных органов власти и управления, разрешающих административные споры, рассматривающих жалобы. Рассмотрение судом дел об административных правонарушениях и назначение административных наказаний, а также разрешение жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях есть одна из **форм судебного контроля над деятельностью полиции**.

В заключение отметим, что право административной юстиции включает как судебный элемент, так и административную составляющую, которые связаны с защитой и охраной прав и законных интересов граждан, а также хозяйствующих субъектов. Право административной юстиции носит абсолютный характер, закрепляя необходимые процессуальные формы защиты заинтересованных в этом субъектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бельский К.С. К вопросу о понятии «полицейская помощь» // Административное право на рубеже веков. Екатеринбург, 2003. С. 132.
2. Бельский К.С. О системе административного права // Государство и право. 1998. № 3. С. 5.
3. Бельский К.С. Полицейское право: лекционный курс / под ред. А.В. Куракина. М., 2004.
4. Бельский К.С. Полиция и правовое государство // Полицейское право. 2005. № 1. С. 6.
5. Бельский К.С. Феноменология административного права. Смоленск, 1995. С. 115.
6. Бельский К.С., Гришовец А.А. В чем смысл разделения административно-правовых знаний на общую и особенную части. Понимание и объяснение // Государство и право. 2018. № 9. С. 28.
7. Бельский К.С., Елисеев Б.П., Кучеров И.И. Полицейское право как подотрасль административного права // Государство и право. 2001. № 12. С. 45.
8. Белявский Н.Н. Полицейское право (Административное право). Пг., 1915. С. 20.
9. Боботов С.В. Административная юстиция Франции: доктрина и практика // Сов. государство и право. 1981. № 6. С. 127.
10. Бойцова В.В., Бойцов В.Я. Административная юстиция: к продолжению дискуссии о содержании и значении // Государство и право. 1994. № 5. С. 42.
11. Горшенева И.А. Полиция в механизме современного демократического государства. М., 2004. С. 32.
12. Гришовец А.А. Допустим ли термин «деликт» в науке административного права? // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 13.
13. Гришовец А.А. Служебное право: итоги дискуссии // Государство и право. 2016. № 12. С. 41.
14. Дякина И.А. Служебное право как комплексная отрасль права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2007. С. 10.
15. Егоров П.Ю. Становление советского административного права (1917–1940). М., 2006. С. 18.
16. Елистратов А.И. Очерк административного права. М., 1923. С. 11, 174.
17. Загряцков М.Д. Административная юстиция и право жалобы в теории и законодательстве. Развитие идеи и принципов административной юстиции. Административный процесс и право жалобы в советском законодательстве. Административно-финансовое распоряжение и финансовая жалоба. М., 1925. С. 7.
18. Кияхсанов И.Ш. Институт необходимой защиты граждан и его реализация в КоАП РФ // Вестник Московского ун-та МВД России. 2003. № 1. С. 11.
19. Кияхсанов И.Ш. Институт обжалования в административной деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. С. 11.
20. Киринов А.В. Теория административно-деликтного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 18.
21. Коваль Л.В. Административно-правовое деликтное отношение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1979. С. 17.
22. Козлов Ю.М. Институт права жалобы в советском административном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1953. С. 10.
23. Корнев А.П. О соотношении административно-правовых институтов и отрасли административного права // Институты административного права. М., 1999. С. 41.
24. Малахов В.П. Единство и различие административного и полицейского права // Административное и муниципальное право. 2010. № 2. С. 82.
25. Основные институты административно-деликтного права / под ред. А.П. Шергина. М., 1999. С. 14.
26. Панкова О.В. Процессуально-правовой механизм осуществления правосудия по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 14.
27. Петров Г.И. Советские административные правоотношения. Л., 1972. С. 96.
28. Ремнев В.И. Право жалобы и административная юстиция в СССР // Сов. государство и право. 1986. № 6. С. 22.

⁵¹ См.: Панкова О.В. Указ. соч.

⁵² Старилов Ю.Н. Административная юстиция: проблемы теории. С. 33.

29. *Россинский Б. В.* О расширении компетенции административных судов // Судебная реформа в России. М., 2001. С. 194.
30. *Савицкий В. М.* Российские суды получили реальную возможность контролировать исполнительную власть // Судебный контроль и права человека. М., 1996. С. 44.
31. *Соловей Ю. П.* Полицейское право и его место в системе современного административного права // Полицейское право. 2005. № 1. С. 6.
32. *Соловей Ю. П.* Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации. М., 1993. С. 322.
33. *Сорокин В. Д.* Советское административно-процессуальное право. Л., 1976. С. 7.
34. *Старилов Ю. Н.* Административная юстиция: проблемы теории. Воронеж, 1998. С. 33.
35. *Старилов Ю. Н.* О полицейском праве, или не всегда хорошо забытое старое является новым // Полицейское право. 2005. № 1. С. 12.
36. *Старилов Ю. Н.* Служебное право в России: многозначные новеллы законодательства о государственной службе 2020–2022 // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Право. 2022. № 4. С. 366.
37. *Столмаков А. И.* Административно-правовые и судебные методы охраны субъективных прав граждан СССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. С. 18.
38. *Студеникин С. С., Власов В. А., Евтихийев И. И.* Советское административное право. М., 1950. С. 289.
39. *Тарасов И. Т.* Учебник науки Полицейского права. М., 1891. С. 4.
40. *Шергин А. П.* Проблемы административно-деликтного права // Государство и право. 1994. № 8–9. С. 52.
41. *Юлдашев А. Р.* Финансовые суды в Германии. М., 2000. С. 5.
42. *Юсупов В. А.* Актуальные проблемы административного права // Сов. государство и право. 1991. № 11. С. 35.
8. *Belyavsky N. N.* Police Law (Administrative Law). Petrograd, 1915. P. 20 (in Russ.).
9. *Bobotov S. V.* Administrative justice of France: doctrine and practice // Soviet State and Law. 1981. No. 6. P. 127 (in Russ.).
10. *Boitsova V. V., Boitsov V. Ya.* Administrative justice: to continue the discussion on the content and meaning // State and Law. 1994. No. 5. P. 42 (in Russ.).
11. *Gorsheneva I. A.* Police in the mechanism of a modern democratic state. M., 2004. P. 32 (in Russ.).
12. *Grishkovets A. A.* Is the term “tort” acceptable in the science of Administrative Law? // Administrative Law and Process. 2020. No. 8. P. 13 (in Russ.).
13. *Grishkovets A. A.* Service Law: results of the discussion // State and Law. 2016. No. 12. P. 41 (in Russ.).
14. *Dyakina I. A.* Service law as a complex branch of law: abstract ... Doctor of Law. Rostov-on-Don, 2007. P. 10 (in Russ.).
15. *Egorov P. Yu.* The formation of Soviet Administrative Law (1917–1940). M., 2006. P. 18 (in Russ.).
16. *Elisratov A. I.* An essay on Administrative Law. M., 1923. Pp. 11, 174 (in Russ.).
17. *Zagryatskov M. D.* Administrative justice and the right of complaint in theory and legislation. Development of the idea and principles of administrative justice. The administrative process and the right of complaint in Soviet legislation. Administrative and financial order and financial complaint. M., 1925. P. 7 (in Russ.).
18. *Kilyashkanov I. Sh.* The Institute of necessary protection of citizens and its implementation in the Administrative Code of the Russian Federation // Herald of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2003. No. 1. P. 11 (in Russ.).
19. *Kilyashkanov I. Sh.* Institute of appeal in the administrative activities of internal affairs bodies: abstract ... PhD in Law. M., 1984. P. 11 (in Russ.).
20. *Kirin A. V.* Theory of administrative and tort law: abstract ... Doctor of Law. M., 2012. P. 18 (in Russ.).
21. *Koval L. V.* Administrative and legal tort relation: abstract ... Doctor of Law. Kiev, 1979. P. 17 (in Russ.).
22. *Kozlov Yu. M.* Institute of the law of complaint in Soviet Administrative Law: abstract ... PhD in Law. M., 1953. P. 10 (in Russ.).
23. *Korenev A. P.* On the correlation of administrative legal institutions and the branch of Administrative Law // Institutes of Administrative Law. M., 1999. P. 41 (in Russ.).
24. *Malakhov V. P.* Unity and difference of Administrative and Police Law // Administrative and Municipal Law. 2010. No. 2. P. 82 (in Russ.).
25. *Basic institutions of administrative and tort law / ed. by A. P. Shergin.* M., 1999. P. 14 (in Russ.).
26. *Pankova O. V.* Procedural and legal mechanism for the administration of justice in cases of administrative offenses in courts of general jurisdiction: abstract ... Doctor of Law. M., 2021. P. 14 (in Russ.).
27. *Petrov G. I.* Soviet administrative legal relations. L., 1972. P. 96 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Belsky K. S.* On the question of the concept of “police assistance” // Administrative Law at the turn of the century. Yekaterinburg, 2003. P. 132 (in Russ.).
2. *Belsky K. S.* On the system of Administrative Law // State and Law. 1998. No. 3. P. 5 (in Russ.).
3. *Belsky K. S.* Police Law: a lecture course / ed. by A. V. Kurakin. M., 2004 (in Russ.).
4. *Belsky K. S.* Police and the Rule of Law // Police Law. 2005. No. 1. P. 6 (in Russ.).
5. *Belsky K. S.* Phenomenology of Administrative Law. Smolensk, 1995. P. 115 (in Russ.).
6. *Belsky K. S., Grishkovets A. A.* What is the meaning of dividing administrative and legal knowledge into general and special parts. Understanding and explanation // State and Law. 2018. No. 9. P. 28 (in Russ.).
7. *Belsky K. S., Eliseev B. P., Kucherov I. I.* Police law as a sub-branch of Administrative Law // State and Law. 2001. No. 12. P. 45 (in Russ.).

28. *Remnev V.I.* The right of complaint and administrative justice in the USSR // *Soviet State and Law*. 1986. No. 6. P. 22 (in Russ.).
29. *Rossinsky B.V.* On expanding the competence of administrative courts // *Judicial reform in Russia*. M., 2001. P. 194 (in Russ.).
30. *Savitsky V.M.* Russian courts have received a real opportunity to control the executive power // *Judicial control and human rights*. M., 1996. P. 44 (in Russ.).
31. *Solovey Yu. P.* Police Law and its place in the system of modern Administrative Law // *Police Law*. 2005. No. 1. P. 6 (in Russ.).
32. *Solovey Yu. P.* Legal regulation of police activities in the Russian Federation. M., 1993. P. 322 (in Russ.).
33. *Sorokin V.D.* Soviet Administrative Procedural Law. L., 1976. P. 7 (in Russ.).
34. *Starilov Yu. N.* Administrative justice: problems of theory. Voronezh, 1998. P. 33 (in Russ.).
35. *Starilov Yu. N.* On Police Law, or not always well-forgotten old is new // *Police Law*. 2005. No. 1. P. 12 (in Russ.).
36. *Starilov Yu. N.* Official law in Russia: significant novelties of legislation on public service 2020–2022 // *Herald of the Voronezh State University*. Ser.: Law. 2022. No. 4. P. 366 (in Russ.).
37. *Stolmakov A.I.* Administrative-legal and judicial methods of protecting the subjective rights of citizens of the USSR: abstract ... PhD in Law. M., 1971. P. 18 (in Russ.).
38. *Studenikin S.S., Vlasov V.A., Evtihiyev I.I.* Soviet Administrative Law. M., 1950. P. 289 (in Russ.).
39. *Tarasov I. T.* Textbook of the science of Police Law. M., 1891. P. 4 (in Russ.).
40. *Shergin A.P.* Problems of administrative and tort law // *State and Law*. 1994. No. 8–9. P. 52 (in Russ.).
41. *Yuldashev A.R.* Financial courts in Germany. M., 2000. P. 5 (in Russ.).
42. *Yusupov V.A.* Actual problems of Administrative Law // *Soviet State and Law*. 1991. No. 11. P. 35 (in Russ.).

Сведения об авторах

КОСТЕННИКОВ Михаил Валерьевич — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника кафедры Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России; 142007 Московская область, г. Домодедово, мкрн. Авиационный, ул. Пихтовая, д. 3

КУРАКИН Алексей Валентинович — доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; 109456 г. Москва, 4-й Вешняковский проезд, д. 4, корп. 2

АДМИРАЛОВА Ирина Александровна — доктор юридических наук, профессор кафедры частного права Государственного университета управления; 109542 г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Authors' information

KOSTENNIKOV Mikhail V. — Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Department, All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 3 Pikhtovaya str., 142007 Moscow Region, Domodedovo, microdistrict Aviatsionny, Russia

KURAKIN Alexey V. — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of International and Public Law, Financial University under the Government of the Russian Federation; 4, bldg. 2, 4th Veshnyakovsky proezd, 109456 Moscow, Russia

ADMIRALOVA Irina A. — Doctor of Law, Professor of the Department of Private Law, State University of Management; 99 Ryazansky Ave., 109542 Moscow, Russia

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 340

К ВОПРОСУ О КОДИФИКАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

© 2024 г. Т. А. Полякова^{1, *}, А. В. Минбалеев^{1, 2, **}, В. Б. Наумов^{1, 2, ***}

¹ Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

² Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

* E-mail: polyakova_ta@mail.ru

** E-mail: alexmin@bk.ru

*** E-mail: nau@russianlaw.net

Поступила в редакцию 29.12.2023 г.

Аннотация. В статье анализируется состояние и перспективы кодификации законодательства об информационных технологиях в условиях цифровой трансформации государства, общества и предпринимательства. Произведен анализ имеющегося опыта разработки концепций и проектов Информационных и Цифровых кодексов. Дан сравнительный анализ состояния и места информационного законодательства в системе законодательства Российской Федерации. Проанализированы проблемы и перспективы принятия Цифрового кодекса Российской Федерации. В статье сформулирован вывод о необходимости продолжения работы над концепцией и содержанием Информационного кодекса Российской Федерации, а также приоритетности разработки Общей части Информационного кодекса РФ и соответствующего терминологического аппарата.

Ключевые слова: Информационный кодекс Российской Федерации, информационное право, кодификация законодательства об информационных технологиях, Цифровой кодекс Российской Федерации, цифровые технологии, цифровая трансформация, качество нормотворчества, цифровая экономика.

Цитирование: Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Наумов В.Б. К вопросу о кодификации информационного законодательства в условиях цифровой трансформации // Государство и право. 2024. № 1. С. 81–91.

DOI: 10.31857/S1026945224010087

ON THE ISSUE OF CODIFICATION OF INFORMATION LEGISLATION IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

© 2024 T. A. Polyakova^{1, *}, A. V. Minbaleev^{1, 2, **}, V. B. Naumov^{1, 2, ***}

¹*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

²*Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

* E-mail: polyakova_ta@mail.ru

** E-mail: alexmin@bk.ru

*** E-mail: nau@russianlaw.net

Received 29.12.2023

Abstract. The article analyzes the state and prospects of codification of legislation on information technologies in the context of digital transformation of the state, society and entrepreneurship. The analysis of the existing experience in the development of concepts and projects of Information and Digital Codes is carried out. A comparative analysis of the state and place of information legislation in the system of legislation of the Russian Federation is given. The problems and prospects of the adoption of the Digital Code of the Russian Federation are analyzed. The article concludes that it is necessary to continue working on the concept and content of the Information Code of the Russian Federation, as well as the priority of developing the General part of the Information Code of the Russian Federation and the corresponding terminological apparatus.

Key words: Information Code of the Russian Federation, Information Law, codification of legislation on information technologies, Digital Code of the Russian Federation, digital technologies, digital transformation, quality of rulemaking, digital economy.

For citation: Polyakova, T.A., Minbaleev, A.V., Naumov, V.B. (2024). On the issue of codification of information legislation in the context of digital transformation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 81–91.

Введение

Вопрос о кодификации законодательства об информационных технологиях и принятии Информационного кодекса Российской Федерации достаточно давно обсуждается в юридическом сообществе, и особенно — в науке информационного права. Это не только профессиональный интерес определенной группы ученых, направленный на развитие научной школы и этой отрасли права, но и объективная необходимость для Российской Федерации в условиях все возрастающих «объемов» нормативных правовых актов эффективно систематизировать законодательство.

Ключевыми вопросами, которые надо будет решить государству, науке и обществу в этой связи, будут определение предмета будущего кодифицированного акта и сроков построения кодифицированной системы в условиях, когда масштаб данной цели сопоставим с имеющимися примерами кодификации гражданского и уголовного законодательства.

Ни по одному из указанных вопросов, как и по самой цели — обеспечению кодификации, — у российских научных юридических школ, органов власти, политиков и предпринимательства нет

не только консенсуса, но и отсутствует превалирующая точка зрения.

Несмотря на то что значимость предметных общественных отношений, обусловленных ускоряющимися процессами внедрения информационных (цифровых) технологий в самые разные сферы общественной жизни, ни у кого не вызывает сомнений, диапазон позиций о том, как нужно развивать нормотворчество, огромен — от идей банальной ревизии нормативных правовых актов об информационных технологиях, а последних очень много, до написания самых разных по предмету документов — информационных, инфокоммуникационных, цифровых и других кодексов. Многие предлагают увеличивать количество нормативных правовых актов в отрасли и переписать Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», до конца не отдавая себе отчет, что путь принятия отдельных актов в условиях их огромного количества и, к сожалению, ухудшающейся юридической техники не приведет к созданию стабильной системы.

Отрицание необходимости кодификации также является популярной точкой зрения, когда используются аргументы о том, что информация («цифра») — везде и эта сфера постоянно меняется и, соответственно, что-то системное для нее создавать

рано. По прошествии четверти века активного развития мирового информационного пространства и становления отрасли ИТ как лидирующей в экономике эти мнения вызывают вопросы. Слышны также позиции, что кодексы — это что-то неизбежное и только для самых важных сфер, к тому же в мире таких актов нет. Это игнорирует те традиции кодификации, которые уже сложились в России. В государстве существует свыше двух десятков кодифицированных актов, и, что интересно, Российская Федерация в своей международной деятельности признала необходимость кодификации, дважды участвуя в создании и принятии проектов модельных информационных кодексов для государств — участников Содружества Независимых Государств в 2008 и 2022 гг. Можно по-разному относиться к предмету и логике данных документов, критикуя их содержание, но их форма — кодекс была выбрана не случайно.

Авторы придерживаются позиции, что промедление в работе над документом, который им представляется скорее Информационным кодексом, недопустимо. Ухудшается качество нормативных правовых актов, имеет место постоянная конкуренция между отраслями законодательства, когда информационные нормы в большом объеме инкорпорируются в неинформационные нормативные правовые акты со своими новыми дефинициями, не соответствуя общему правовому регулированию, подходам и принципам, складывающимся в отраслевой системе. Имеет место желание разработчиков нормативных правовых актов в «своих» отраслях законодательства обязательно написать про «цифру», и чем шире, тем лучше, что приводит к деструкции единой терминологии и принципов правового регулирования.

Представляется также, что затягивание начала работы над кодексом противоречит интересам государства и общества, поскольку акт мог бы служить как усилению уровня защиты национально-го суверенитета, так и обеспечению идентичности и технологической независимости на геополитическом этапе истории человечества.

Отдельным направлением, требующим системной законотворческой поддержки, является формирование единого комплекса прав человека и гражданина в цифровом обществе. В нем необходимо использовать результаты, полученные при подготовке в ноябре 2021 г. Доклада Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве»¹, поскольку уже сейчас в информационном

праве сформировался не закрепленный в едином акте состав норм и принципов защиты личности в информационном пространстве, а также появились новые важные идеи, например право на отказ от цифровых технологий² и право на общение человека с человеком в цифровых коммуникациях.

Авторы не могут и не имеют права утверждать, что кодекс должен появиться очень скоро; нужно осознавать, что экстренное написание какого-либо проекта с большой долей вероятности не только потребует глубокой его переработки, но из-за этого затянется процесс его создания. Опасными для качества будущего акта также могут стать явления, когда модно будет не только говорить о кодификации, но и «накидывать идеи» и невыверенные тексты для его содержания. Так, в 2023 г. уже возникли ситуации, когда обсуждаемые редакции проекта Концепции Цифрового кодекса, идея которого прозвучала ранее на уровне федеральных органов исполнительной власти, появлялись с пугающей частотой, кардинально меняясь от редакции к редакции без сколько-нибудь обширной научной и общественной дискуссии, когда тезисы авторов и оппонентов на тех или иных отдельных научных площадках быстро генерировали добавление или исключение из ожидаемого предмета кодекса обширных глав и разделов.

Кодификация законодательства об информационных технологиях — это не только амбициозная цель, но и ответственный процесс, для которого придется ввести персональную ответственность за качество разрабатываемых и предлагаемых документов, когда каждая их составляющая должна опираться на доктрину и достижения информационного права и быть обоснованной с учетом состояния и прогнозов развития информационных правоотношений.

Об оценке готовности к кодификации законодательства об информационных технологиях

На фоне очевидного бурного развития общественного интереса к «цифре» и увеличения количества нормативных правовых актов и норм в системе законодательства об информационных технологиях представляется немаловажным оценить количественные характеристики изменяющегося правового поля и продемонстрировать, что оно (законодательство об информационных технологиях) собой представляет.

grazhdanina_v_tsifrovom_pr/?ysclid=lqp9l7sgac754393945 (дата обращения: 20.09.2023).

² См.: Наумов В.Б. Отказ от цифровых технологий: абсурд или новое право человека и гражданина // В сб.: Бачиловские чтения: материалы Четвертой Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред.: Т.А. Полякова, А.В. Минбалева, В.Б. Наумов. Саратов, 2022. С. 83.

¹ Текст Доклада доступен в сети Интернет по адресу: https://www.president-soviet.ru/presscenter/news/spch_podgotovil-doklad_o_polozhenii_del_s_pravami_i_svbodami_cheloveka_i

При этом подсчет правовых норм вручную является непростым упражнением, не обеспечивающим к тому же понимание закономерностей происходящих нормотворческих процессов.

Авторы полагают, что для их изучения может пригодиться метод сравнения объемов всем известных нормативных правовых актов с нормами об информационных технологиях. Осознавая все несовершенство этого подхода, можно заметить, что это даст возможность косвенно и в совокупности оценить место законодательства об информационных технологиях (в частности, федеральных законов) в системе законодательства Российской Федерации. Для этого как нельзя лучше подходят известные юристам кодексы (их объемы в символах и количество редакций).

Сравнивать с ними имеет смысл, во-первых, бесспорно относящиеся только к системе законодательства об информационных технологиях федеральные законы. Их можно условно назвать «базовой группой»³, которую «возглавляет» Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

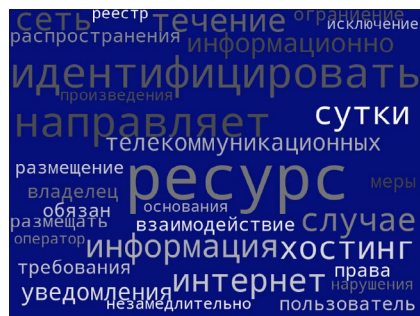

Рис. 1. Частотный анализ наиболее часто встречающихся слов (без предлогов) в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»

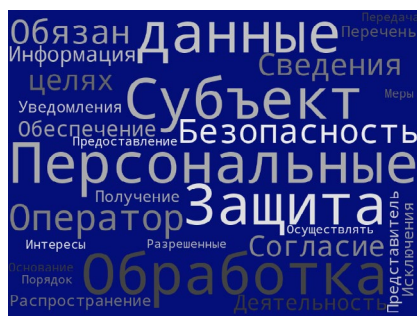

Рис. 2. Частотный анализ наиболее часто встречающихся слов (без предлогов) в Федеральном законе «О персональных данных»

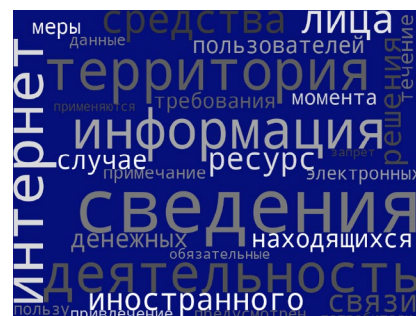

Рис. 3. Частотный анализ наиболее часто встречающихся слов (без предлогов) в Федеральном законе «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” на территории Российской Федерации»

Во-вторых, исходя из предмета и сферы действия, в правовом поле есть федеральные законы системы законодательства об информационных технологиях, имеющие значительное количество иных (не информационно-правовых) норм либо имеющие критическое значение для других отраслей

³ В нее входят в первую очередь такие нормативные правовые акты, как «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», «О персональных данных», «Об электронной подписи», «О средствах массовой информации», «О связи», «О безопасности критической информационной инфраструктуры».

законодательства⁴. Например, показательны предмет и состав норм Федерального закона «О рекламе», регламентирующего информационные правоотношения, критически важные для ведения коммерческой деятельности. Эту группу федеральных законов можно назвать «межотраслевой».

Интересно применить методы количественного сравнения частоты упоминания слов (такую понятную смысловую единицу, как норма, стандартные механизмы подсчета частоты пока не могут анализировать) в двух приведенных группах — для визуализации понимания отличий между ними.

Отталкиваясь от содержания рис. 1–3, можно объяснить, в чем заключаются различия между упомянутыми двумя группами: нормативные правовые акты из «базовой группы» оперируют словами, очевидно связанными только с информационными правоотношениями, а из второй — связанными и с другими отраслями законодательства (в случае примера на рис. 3 — гражданского/корпоративного).

Дополнительно можно выделить третью группу нормативных правовых актов из других отраслей

⁴ К этой группе следует отнести такие нормативные правовые акты, как «О государственной тайне», «О коммерческой тайне», «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” на территории Российской Федерации», «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания и обеспечения функционирования информационной системы “Одно окно” в сфере внешнеторговой деятельности», «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства», «О государственной информационной системе топливно-энергетического комплекса», «О Государственной автоматизированной информационной системе “ЭРА-ГЛОНАСС”», «О рекламе», «О библиотечном деле», «Об архивном деле в Российской Федерации» и др.

Таблица 1

Количество символов и редакций кодексов Российской Федерации

Название	Количество символов	Количество редакций
Налоговый кодекс РФ (Часть вторая)	4 724 122	338
Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях	2 327 627	506
Налоговый кодекс РФ (Часть первая)	1 374 190	163
Градостроительный кодекс РФ	1 235 682	147
Уголовный кодекс РФ	948 547	231
Трудовой кодекс РФ	882 257	128
Гражданский кодекс РФ (Часть первая)	765 387	118
Земельный кодекс РФ	752 970	154
Арбитражный процессуальный кодекс РФ	722 232	76
Жилищный кодекс РФ	721 381	110
Гражданский процессуальный кодекс РФ	610 102	112
Гражданский кодекс РФ (Часть вторая)	599 526	71
Гражданский кодекс РФ (Часть четвертая)	574 030	41
Семейный кодекс РФ	189 815	51
Гражданский кодекс РФ (часть третья)	151 674	31
Модельный информационный кодекс СНГ	49 226	—

законодательства, содержащих значительное количество информационно-правовых норм⁵.

Можно подсчитать объемы символов приведенных нормативных правовых актов⁶. Сами по себе эти цифры не будут иметь сколь-нибудь существенного системного значения, но в сравнении друг с другом могут стать предметом для выявления определенных качественных закономерностей.

В табл. 1 представлены сведения об объемах известных в государстве кодексов с цифрами, отражающими количество редакций этих актов на начало осени 2023 г.

⁵ К ним, например, можно отнести Федеральные законы: «О кредитных историях», «О национальной платежной системе», «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», «О геодезии, картографии и пространственных данных и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и т.п. Нельзя также забывать, что в силу природы информации существенные элементы информационных правоотношений содержатся в сотнях других нормативных правовых актов, скажем, в Законе РФ «О защите прав потребителей» (от информации о товарах/услугах до агрегаторов информации о товарах), Федеральных законах «О банках и банковской деятельности» (нормы о тайнах и др.), «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», даже в разных разделах Гражданского кодекса РФ говорится о цифровых правах, информационных системах, информационном посреднике, базах данных и др.

⁶ Для этого авторы экспортировали тексты актов в редактор Word.

Анализируя эту таблицу, следует отметить, что, к сожалению, нормативные правовые акты, воплотившиеся в форме кодексов, уже потеряли свою «монументальность», тогда как изначально ожидалось, что кодификация будет способствовать стабильности нормотворчества и, соответственно, правоприменения.

При этом количественный «уровень изменчивости» кодексов в среднем выше, чем у Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», у которого было принято свыше 60 редакций. Количество символов в нем представлено на рис. 4.

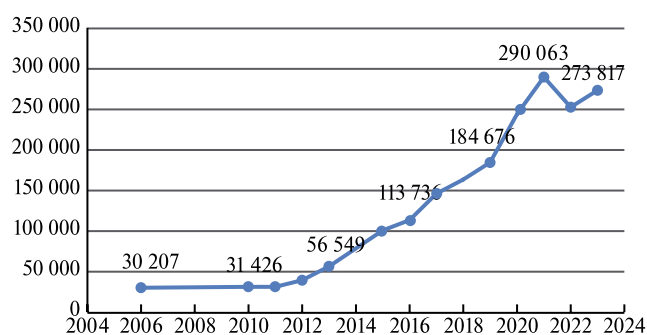

Рис. 4. Динамика изменения объема действующих редакций Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в символах) по годам

Таблица 2

Количество символов и редакций нормативных правовых актов об информационных технологиях

Название нормативного правового акта	Количество символов	Количество редакций
ФЗ № 572 «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации...»	186 556	1
ФЗ № 236 «О деятельности иностранных лиц... в Интернете...»	48 887	1
ФЗ № 187 «О безопасности КИИ РФ»	42 229	2
ФЗ № 63 «Об электронной подписи»	150 129	26
ФЗ № 152 «О персональных данных»	112 779	29
ФЗ № 38 «О рекламе»	182 701	81
ФЗ № 126 «О связи»	306 003	88
Закон № 2124-1 «О рекламе»	167 025	56

В табл. 2 представлены характеристики ряда избранных нормативных правовых актов из первой (базовой) и второй групп законодательства об информационных технологиях.

Приводимый (упрощенный) анализ следует завершить количественным сравнением.

Если просуммировать даже только цифры из табл. 2, что не соответствует всему количеству нормативных правовых актов из первых двух групп, добавив к ним объем основного нормативного правового акта об информационных технологиях, то получится цифра почти в 1.5 млн символов. А это больше, чем объем любого кодифицированного акта, кроме Части второй Налогового кодекса РФ и КоАП РФ.

Это значит, что объемы (пусть и символов, а не норм) даже избранной части нормативных правовых актов об информационных технологиях огромны и конкурируют с общепризнанно самыми значимыми десятилетиями в стране отраслями законодательства (на уровне федеральных законов). Это, в свою очередь, позволяет утверждать, что в Российской Федерации требуется систематизация и кодификация предметных нормативных правовых актов не только из-за усугубляющейся важности и сложности информационно-правовой (цифровой) сферы, но и из-за того, что нормативные правовые акты об информационных технологиях по своему объему стали такими же существенными, как многие важные для государства и общества кодифицированные акты.

Примеры кодификации законодательства об информационных технологиях в Российской Федерации и за рубежом

История исследований по кодификации законодательства об информационных технологиях насчитывает не одно десятилетие. Представляется, что одной из самых научно проработанных следует считать разработку Концепции Информационного кодекса РФ в Институте государства и права РАН под руководством И.Л. Бачило на базе сектора информационного права данного Института.

Указанная Концепция была построена на основе анализа законодательства о регулировании информационных отношений в период с 2000 по 2013 г. и имела целью «обеспечить преемственность, согласование принимаемых законов и других нормативно-правовых актов федерального уровня, упорядочить систему правовых дефиниций, которыми пользуется законодатель, и выработать понятную и практически значимую архитектуру базовых областей для комплексной отрасли информационного законодательства России»⁷. Указанная Концепция нашла поддержку в юридическом сообществе, разработчиками была предложена структура проекта кодекса, однако она не была реализована.

В продолжении идей сектора информационного права ИГП РАН 2014 г. через несколько лет авторы участвовали в формировании Концепции регулирования киберпространства, цифровых технологий и цифровой экономики в ряде государств – участников СНГ, где стояла цель межотраслевого регулирования за счет совмещения Общей части с нормами об основах информационных правоотношений с регулированием наиболее актуальных для отдельных государств сфер цифровой экономики. В Общей части предлагалось рассмотреть создание и оборот данных, информации и документов, систему тайн и прав на доступ к информации, отношения по идентификации объектов и субъектов, трансграничные отношения и обеспечение суверенитета, ограничение и запрещение оборота информации, правовой статус информационных систем и услуг, подходы к определению и ограничению ответственности и вопросы саморегулирования и соотнесения правового регулирования с этическим и техническим. Отдельно предлагалось регулировать промышленный Интернет, т.н. «Умный город», беспилотный транспорт и информационную безопасность.

⁷ Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / под ред. И.Л. Бачило. М., 2014. С. 7.

В 2018 г. по инициативе Медиа-коммуникационного союза⁸ был разработан проект Инфокоммуникационного кодекса РФ, который представлял собой структурированный текст, объединяющий 21 главу. По сути, этот документ в большей своей части представлял объединение действующих норм об информации и связи. При этом важной частью указанного проекта кодекса были положения об идентификации и электронном документе. Данный проект официально не был опубликован, не имел минимально обоснованной концепции, в связи с чем не нашел поддержки в научной среде.

Это не единственный пример сужения предмета регулирования с переходом от правового регулирования информационных правоотношений к регулированию их части.

В условиях развития цифровизации, перехода к экономике данных вопрос систематизации законодательства об информационных технологиях, учитывая его многовекторность, приобретает особую актуальность⁹. В связи с этим активизировались попытки предложить в противовес традиционным подходам к кодификации возможную альтернативу в виде разработки Цифрового (Телекоммуникационного) кодекса РФ.

В упомянутой Концепции 2023 г. пока реализуется идея, очень близкая к идеям Информационного кодекса РФ, но уже применительно к нуждам регулирования отношений в условиях цифровой среды.

При этом следует иметь в виду, что с момента разработки проекта Концепции Информационного кодекса РФ в ИГП РАН прошло почти десятилетие и с позиции теории «сжатия времени», сформулированной проф. С.П. Капицей, сжимается «пружина времени»¹⁰. Это особенно ощутимо ныне, этим характеризуется период развития и информационной сферы, связанной с широким использованием и применением различных цифровых технологий. Между тем анализ упомянутой

Концепции Цифрового кодекса РФ свидетельствует, что проблемы, существовавшие еще при разработке прежней Концепции Информационного кодекса РФ, не нашли правовых решений, более того, углубились межотраслевые тенденции и междисциплинарные подходы (в частности, и в российской правовой науке).

В силу сложности проблематики любой опыт важен для исследования и дальнейших процессов в сфере систематизации законодательства. Упомянутые выше редакции Модельных информационных кодексов СНГ крайне ограниченно относятся к цифровым технологиям, тем не менее в них есть ряд идей, которые впоследствии могут использоваться в первую очередь при работе над общей частью кодифицированного акта.

Интересна также работа по кодификации законодательства об информационных технологиях, которая ныне активно ведется в соседних государствах. Обнародован проект Цифрового кодекса Кыргызской Республики, работа над ним велась интернациональной рабочей группой под руководством Общественного фонда «Гражданская Инициатива Интернет Политики». Аналогичная работа ведется в Азербайджанской Республике, в республиках Узбекистан и Казахстан.

Наиболее интересен для анализа доступный проект Цифрового кодекса Кыргызской Республики. Его содержание позволяет говорить о нем как о наиболее обширном и проработанном сейчас документе, посвященном именно и только регулированию «цифры». Он состоит из семи разделов, его логика выстраивается вокруг четырех уровней регулирования: (1) цифровых данных и записей и цифровых ресурсов, (2) цифровых сервисов, приложений и экосистем, (3) цифровых технологических систем, куда относят в т.ч. центры обработки данных и телекоммуникационные сети, а также услуги, оказываемые с их использованием, и (4) уровень материальной инфраструктуры (земли, здания, строения, сооружения и иные аналогичные объекты).

Такая логика — «от данных» — имеет право на существование и может считаться привлекательной, но в том случае, если количество и объемы систематизируемых актов не являются большими, и она сложно реализуема в Российской Федерации, где иерархия всех нормативных правовых актов иная. При этом в проекте объективно отсутствует ряд принципиальных моментов, без определения которых правовое регулирование информационных отношений будет неполным. Так, отсутствуют разделы об информационной безопасности и массовых коммуникациях.

Проблемы с принятием Цифрового кодекса в условиях недостаточно сформированного

⁸ См.: Инфокоммуникационный кодекс: необходимый акт или лишний документ. URL: <https://pravo.ru/review/view/147324/> (дата обращения: 20.09.2023).

⁹ См.: Polyakova T.A., Naumov V.B., Minbaleev A.V. Trust in the law during the digital transformation // State and Law. 2022. No. 11. Pp. 139–147; Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // Государство и право. 2022. № 9. С. 94–104. DOI: 10.31857/S102694520022203-4; Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Наумов В.Б. и др. Новые горизонты развития системы информационного права в условиях цифровой трансформации [Электронный ресурс]. М., 2022; Полякова Т.А., Троян Н.А. Актуальные проблемы систематизации законодательства России под влиянием цифровых технологий в период цифровой трансформации // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2 (102). С. 25–33.

¹⁰ Капица С.П. Сколько людей жило, живет и будет жить на земле. Очерк теории роста человечества. М., 1999.

законодательства привлекают внимание ученых¹¹ и в других государствах, где ведется разработка Цифрового кодекса¹². Вместе с тем анализ активно формирующегося зарубежного опыта свидетельствует о недостаточной теоретико-правовой проработанности и обоснованности концепций указанных разработанных кодексов с учетом содержания доктрины информационного права, их эклектичности, что во многом обусловлено, на наш взгляд, методологическими проблемами и отсутствием активного системного публичного обсуждения соответствующих проектов.

Методологические вопросы разработки кодекса

Сектор информационного права и международной информационной безопасности ИГП РАН традиционно уделяет внимание в своих исследованиях вопросам систематизации законодательства об информационных технологиях¹³.

И.Л. Бачило справедливо указывала, что систематизация и возможная кодификация законодательства об информационных технологиях требует особого внимания в части по крайней мере трех блоков вопросов: структуры законодательства отрасли информационного права; упорядочения терминологии, особенно правовых дефиниций, применяемых в законотворческой деятельности; вопросов, связанных с процессуальным обеспечением форм и видов отношений субъектов в процессе работы с ресурсами информации и технологий и взаимодействием с участниками конкретных отношений¹⁴. Фактически все данные вопросы актуальны и для Цифрового кодекса, и кодификации пока только формирующегося в рамках законодательства об информационных технологиях.

Анализ прошлого опыта подготовки проекта Информационного кодекса РФ свидетельствует о ряде методологических просчетов, обусловленных отсутствием системной работы по обоснованию в первую очередь Особенной части такого кодекса. Аналогичную проблему можно увидеть и при разработке Концепции Цифрового кодекса РФ. Во многом данная проблема связана и с отсутствием ряда базовых норм, которые регулируют природу цифровых объектов,

а также специальных норм цифрового законодательства, посвященных отдельным процессам в цифровой среде и особенностям использования тех или иных цифровых технологий.

Кодификация законодательства в цифровой среде объективно необходима по целому ряду причин. Это и стремительно развивающиеся общественные отношения в связи с формированием и развитием новых информационных (цифровых) пространств, порождающих новые объекты и субъекты, и увеличивающийся объем нормативного материала, направленного на регулирование этих отношений. Стремительное развитие цифровых технологий, появление новых классов и типов технологий требует постоянной актуализации законодательства, учета технических изменений и цифровой трансформации складывающихся общественных отношений. Изменение требований, предъявляемых к технологиям, детерминирует необходимость изменения подходов к механизмам регулирования цифровых отношений, их сочетанию и использованию с учетом ряда требований. Этот весьма сложный, но объективно необходимый процесс требует формирования не только концептуальных подходов к регулированию цифровых отношений в целом, но и разработки специальных подходов к возможности использования гибких подходов. Все это требует учета в процессе кодификации законодательства об информационных технологиях.

Важность кодекса представляется бесспорной и с позиции внешнего позиционирования возможностей государства для демонстрации эффективности регулирования цифровых процессов, в т.ч. активного развития использования цифровых технологий — искусственного интеллекта, больших данных, технологий виртуальной реальности.

Ключевым здесь будет поиск ответа на вопрос, нужно ли ограничивать предмет только «цифрой» или рассматривать всю систему оборота информации, скорее исключая все менее важную часть регулирования традиционного предоставления и распространения информации «на бумаге» или в материальном мире.

При разработке кодекса объективно потребуются анализ возможностей системного использования в механизме регулирования одновременно нескольких регуляторов. Гибкость в регулировании цифровых отношений требует активного использования различных регуляторов, в т.ч. технического и этического регулирования. В связи с этим существует необходимость взаимодействия объединенных систем различных регуляторов для организации конвергентной работы по регулированию цифровых отношений.

Как указывалось выше, сложной задачей будет как определение предмета регулирования кодекса, так и построение его Общей и Особенной частей. С позиции определения предмета кодекса разработчики

¹¹ См.: Идрышева С.К. О Цифровом кодексе Казахстана // Право и государство. 2022. № 3 (96). С. 72, 73.

¹² См.: Тедеев А.А. Систематизация информационного (цифрового) законодательства: современные тенденции (Россия и Центральная Азия) // Труды по интеллектуальной собственности. 2023. Т. 47. № 4. С. 20–26.

¹³ См.: Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Развитие доктрины российского информационного права в условиях перехода к экономике данных // Государство и право. 2023. № 9. С. 166. DOI: 10.31857/S102694520027660-7

¹⁴ См.: Бачило И.Л. О подходах к систематизации и кодификации информационного законодательства // Систематизация и кодификация информационного законодательства / отв. ред. И.Л. Бачило: сб. науч. работ. М., 2015. С. 7–11.

будут находиться в весьма непростой ситуации. Если признавать предметом цифровые отношения, то это потребует выделения их из состава информационных. Если за основу брать информационные, то потребуется построение иерархии «информационные — цифровые правоотношения». Формирование предмета сквозь призму информационных отношений также поднимает вопрос о структуре и Особенной части кодекса, поскольку последняя в этом случае учитывает далеко не весь круг вопросов регулирования информационных отношений.

Можно утверждать, что принятие именно Цифрового кодекса в ближайшей перспективе может привести к ряду негативных последствий. Так, быстрое изменение технологий, являющихся т.н. прорывными цифровыми технологиями, будет существенно сказываться на необходимости изменения акта с цифровым предметным содержанием. Например, сейчас человечество вошло в период социальной неопределенности в сфере генерации контента и принятия решений из-за взрывообразного развития технологий т.н. генеративного искусственного интеллекта. Для них невозможно предложить детальную модель регулирования и тем более оперативно ее целиком воплотить в законодательстве.

Вместе с тем у законодателя в Российской Федерации и в других развитых государствах начал формироваться опыт по оперативному реагированию на технологические инновации, в т.ч. за счет развития законодательства об экспериментальных правовых режимах. Это еще дополнительный довод для того, чтобы не торопиться с принятием Цифрового кодекса и выстраивать регулирование в системе традиционных информационно-правовых понятий.

В целом важно повторить, что для любых инноваций следует «говорить о повышенных требованиях к качеству разработки моделей и реализации конкретных правовых и политических решений в рассматриваемой сфере. При этом, если планируемое к введению в действие предметное законодательство будет содержать юридико-технические ошибки или будет непродуманным или противоречивым, негативный эффект от его введения превзойдет любые позитивные экономические и социальные ожидания и скомпрометирует саму идею “прорывного регулирования”»¹⁵.

Заключение

Исследование показало состояние законодательства об информационных технологиях России в косвенном сравнении с другими отраслями и продемонстрировало существенную необходимость старта национального «мегапроекта»

¹⁵ Наумов В. Б., Бутримович Я. В., Котов А. А. Обеспечение качества правового регулирования экспериментальных правовых режимов // Росс. право: образование, практика, наука. 2020. № 3 (117). С. 47.

по кодификации законодательства об информационных технологиях.

В связи с необходимостью формирования общих норм и принципов регулирования цифровых процессов и цифровых технологий как части информационных правоотношений представляется логичным путь кодификации законодательства об информационных технологиях с постановкой задачи разработки Информационного кодекса РФ, который включал бы в себя особенности регулирования цифровой среды.

Реализация более популярной сейчас идеи Цифрового кодекса РФ является преждевременной. Не сформировано цифровое законодательство, причем принятие запланированных актов осуществляется с рядом сложностей и большой задержкой, не определены различия между информационными и цифровыми нормативными правовыми актами. Не сформирован единый понятийный правовой аппарат цифровой среды.

Разработка Информационного кодекса может решить эти проблемы, системно урегулировав и новые цифровые отношения. Для этого в качестве комплекса задач на 2024 г. можно предложить несколько важных мер:

- 1) подготовка Концепции правового регулирования процессов цифрового развития в Российской Федерации;
- 2) разработка единого терминологического аппарата для развития законодательства и обеспечения начала процессов кодификации;
- 3) после общественного обсуждения и доработки указанных Концепции и терминологии — разработка Общей части Информационного кодекса.

Далее при обсуждении и принятии в Российской Федерации Общей части будет формироваться Особенная часть предлагаемого акта.

Все это возможно осуществить, сформировав сводную рабочую группу, а также предложив создать Совет по кодификации и совершенствованию законодательства об информационных технологиях при Президенте РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бачило И. Л. О подходах к систематизации и кодификации информационного законодательства // Систематизация и кодификация информационного законодательства / отв. ред. И. Л. Бачило: сб. науч. работ. М., 2015. С. 7–11.
2. Идрышева С. К. О Цифровом кодексе Казахстана // Право и государство. 2022. № 3 (96). С. 72, 73.
3. Инфокоммуникационный кодекс: необходимый акт или лишний документ. URL: <https://pravo.ru/review/view/147324/> (дата обращения: 20.09.2023).

4. *Каница С.П.* Сколько людей жило, живет и будет жить на земле. Очерк теории роста человечества. М., 1999.
5. Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / под ред. И.Л. Бачило. М., 2014. С. 7.
6. *Наумов В.Б.* Отказ от цифровых технологий: абсурд или новое право человека и гражданина // В сб.: Бачиловские чтения: материалы Четвертой Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред.: Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов. Саратов, 2022. С. 83.
7. *Наумов В.Б., Бутримович Я.В., Котов А.А.* Обеспечение качества правового регулирования экспериментальных правовых режимов // Росс. право: образование, практика, наука. 2020. № 3 (117). С. 47.
8. *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.* Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // Государство и право. 2022. № 9. С. 94–104. DOI: 10.31857/S102694520022203-4
9. *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.* Развитие доктрины российского информационного права в условиях перехода к экономике данных // Государство и право. 2023. № 9. С. 166. DOI: 10.31857/S102694520027660-7
10. *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Наумов В.Б. и др.* Новые горизонты развития системы информационного права в условиях цифровой трансформации [Электронный ресурс]. М., 2022.
11. *Полякова Т.А., Троян Н.А.* Актуальные проблемы систематизации законодательства России под влиянием цифровых технологий в период цифровой трансформации // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2 (102). С. 25–33.
12. *Тедеев А.А.* Систематизация информационного (цифрового) законодательства: современные тенденции (Россия и Центральная Азия) // Труды по интеллектуальной собственности. 2023. Т. 47. № 4. С. 20–26.
13. *Polyakova T.A., Naumov V.B., Minbaleev A.V.* Trust in the law during the digital transformation // State and Law. 2022. No. 11. P. 139–147.
2. *Idrysheva S.K.* On the Digital Code of Kazakhstan // Law and the State. 2022. No. 3 (96). Pp. 72, 73 (in Russ.).
3. Infocommunication Code: a necessary act or an unnecessary document. URL: <https://pravo.ru/review/view/147324/> (accessed: 20.09.2023) (in Russ.).
4. *Kapitsa S.P.* How many people have lived, live and will live on earth. An essay on the theory of human growth. M., 1999 (in Russ.).
5. The concept of the Information Code of the Russian Federation / ed. by I.L. Bachilo. M., 2014. P. 7 (in Russ.).
6. *Naumov V.B.* Abandonment of digital technologies: absurdity or a new human and civil right // In the collection: Bachilov Readings: materials of the Fourth International Scientific and Practical Conference / res. eds: T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov. Saratov, 2022. P. 83 (in Russ.).
7. *Naumov V.B., Butrimovich Ya. V., Kotov A.A.* Ensuring the quality of legal regulation of experimental legal regimes // Russian law: education, practice, science. 2020. No. 3 (117). P. 47 (in Russ.).
8. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* The main trends and problems of the development of the science of Information Law // State and Law. 2022. No. 9. Pp. 94–104. DOI: 10.31857/S102694520022203-4 (in Russ.).
9. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* Development of the doctrine of Russian Information Law in the conditions of transition to economics of data // State and Law. 2023. No. 9. P. 166. DOI: 10.31857/S102694520027660-7 (in Russ.).
10. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Naumov V.B. et al.* New horizons for the development of the information law system in the context of digital transformation: An electronic resource. M., 2022 (in Russ.).
11. *Polyakova T.A., Troyan N.A.* Actual problems of systematization of Russian legislation under the influence of digital technologies in the period of digital transformation // Herald of Kutafin University (MSLA). 2023. No. 2 (102). Pp. 25–33 (in Russ.).
12. *Tedeev A.A.* Systematization of information (digital) legislation: modern trends (Russia and Central Asia) // Proceedings on intellectual property. 2023. Vol. 47. No. 4. Pp. 20–26 (in Russ.).
13. *Polyakova T.A., Naumov V.B., Minbaleev A.V.* Trust in the law during the digital transformation // State and Law. 2022. No. 11. Pp. 139–147 (in Russ.).

REFERENCES

Сведения об авторах

ПОЛЯКОВА Татьяна Анатольевна —
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
главный научный сотрудник,
и.о. заведующей сектором
информационного права
и международной информационной
безопасности
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0003-3791-2903

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович —
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой информационного
права и цифровых технологий
Московского государственного юридического
университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА);
125993 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9;
главный научный сотрудник сектора
информационного права и международной
информационной безопасности
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0001-5995-1802

НАУМОВ Виктор Борисович —
доктор юридических наук,
главный научный сотрудник сектора
информационного права и международной
информационной безопасности
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10;
профессор кафедры информационного права
и цифровых технологий
Московского государственного юридического
университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА);
125993 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

Authors' information

POLYAKOVA Tatyana A. —
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Chief Researcher, Acting Head
of the Sector of Information Law
and International Information Security,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

MINBALEEV Alexey V. —
Doctor of Law, Professor,
Head at Department of Information Law
and Digital Technologies of Kutafin Moscow
State Law University (MSAL);
9 Sadovaya-Kudrinskaya str.,
125993 Moscow, Russia;
Chief Researcher, Sector of Information Law
and International Information Security,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

NAUMOV Victor B. —
Doctor of Law,
Chief Researcher, Sector of Information Law
and International Information Security,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia;
Professor at Department of Information Law
and Digital Technologies of Kutafin Moscow
State Law University (MSAL);
9 Sadovaya-Kudrinskaya str.,
125993 Moscow, Russia

УДК 346

ON THE PSYCHOLOGICAL AND ECONOMIC FOUNDATIONS OF FORMING PRIVATE PROPERTY RELATIONS IN THE ECONOMY FOR THE PURPOSE OF THEIR LEGAL REGULATION

© 2024 V. S. Eliseev*, I. A. Martynenko**

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

* E-mail: v.s.eliseev@mail.ru

** E-mail: iamartynenko@msal.ru

Received 28.08.2022

Abstract. The paper considers the psychological and economic foundations of the formation of private property relations, which are based on the “sense of ownership” – the attitude to property as to one’s own, in the presence of an additional feature of a “sense of benefit”. The authors give a definition of property relations, which is based on psychological and economic foundations. The paper substantiates that private property under Russian law is a too generalized category – a single legal regime has been established for it, which does not correspond to the optimal legal regulation of property relations. The article substantiates the need to identify the subvarieties of private property, which have significant differences in psychological and economic motivation: classical, financial, social, collective and state-owned. Each subvariety of private property depends on the presence (absence) of a sense of ownership and a sense of benefit, as well as the presence (absence) of a certain level of property. Accordingly, civil legislation requires the legal consolidation of the subvarieties of private property, designating for each of them its own legal regime.

Key words: private property, “sense of ownership”, “sense of benefit”, legal regime of private property, subvarieties of private property, classical private property, financial private property, social private property, collective private property, state-owned private property.

For citation: Eliseev, V.S., Martynenko, I.A. (2024). On the psychological and economic foundations of forming private property relations in the economy for the purpose of their legal regulation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 92–99.

DOI: 10.31857/S1026945224010095

О ПСИХОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ФОРМИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЭКОНОМИКЕ В ЦЕЛЯХ ИХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© 2024 г. В. С. Елисеев*, И. А. Мартыненко**

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

* E-mail: v.s.eliseev@mail.ru

** E-mail: iamartynenko@msal.ru

Поступила в редакцию 28.08.2022 г.

Аннотация. Авторы статьи рассматривают психолого-экономические основы формирования отношений собственности, в основе которых «чувство собственности» — отношение к имуществу как к своему при наличии дополнительного признака «чувство выгоды». Авторы дают определение отношениям собственности, которое опирается на психолого-экономические основы. В работе обосновывается, что частная собственность по российскому законодательству является слишком обобщенной категорией — для нее установлен единый правовой режим, что не соответствует оптимальному правовому регулированию отношений собственности. Обосновывается также необходимость выделения подвидов частной собственности, которые имеют существенные различия в психолого-экономической мотивации: классическая, финансовая, социальная, коллективная и государственная. Каждый подвид частной собственности зависит от наличия (отсутствия) чувства собственности и чувства выгоды, а также наличия (отсутствия) определенного уровня имущества. Соответственно, гражданское законодательство требует правового закрепления подвидов частной собственности, обозначив для каждого из них свой правовой режим.

Ключевые слова: частная собственность, «чувство собственности», «чувство выгоды», правовой режим частной собственности, подвиды частной собственности, классическая частная собственность, финансовая частная собственность, социальная частная собственность, коллективная частная собственность, государственная частная собственность.

Цитирование: Елисеев В.С., Мартыненко И.А. О психолого-экономических основах формирования отношений собственности в экономике в целях их правового регулирования // Государство и право. 2024. № 1. С. 92–99.

Introduction

In modern Russian law, “property right” is reduced to the formula enshrined in clause 2 of Art. 209 of the Civil Code of the Russian Federation¹, according to which: “The owner has the right to perform any actions in relation to his property at his discretion that do not contradict the law and other legal acts and do not violate the rights and legally protected interests of others”.

Attention is drawn to the fact that in civil law theory the most important link falls out, which answers the question: “How does property affect the formation of the owner’s behavior?” Such a link is the *psychological and economic basis for the formation of the owner’s behavior*, which creates property relations. In other words, it is reasonable to talk about the *laws governing the formation of the owner’s behavior* under the influence of the psychological and economic basis of the “sense of ownership” and an additional feature — “sense of benefit” (property interest). The latter at a certain moment becomes a more powerful factor than the “sense of ownership” itself, when, for example, property becomes useless for the owner, and even burdensome. At the same time, one cannot but say that in the classical theory of Civil Law, the “sense of ownership” is not mentioned at all, however, such a mention is not of fundamental importance, since only “power over a thing” is taken as a basis, without giving proper attention to the psychological and economic features of the formation behavior in property relations².

At the same time, it was precisely on the “sense of ownership” that the organizers of privatization relied on in Russia, when it was believed that the owners would be more active and diligent about their property.

As a result, the Civil Code establishes a single legal regime for all property, and, accordingly, a single legislation that regulates all relations, regardless of the psychological and

economic foundations, which entails errors of legal impact. As a consequence, the property right in many cases does not have the required efficiency, even to the extent of its absence at all.

1. “Sense of ownership” as a formative link in private property relations

Let us consider the approach to the problem of legal regulation of private property relations from the perspective of the “Theory of Economic Law”³: *the sense of ownership* (like the sense of benefit) acts as the basis for the formation of property relations, *which is characteristic only of individuals*. For legal entities, it is necessary to consider the behavior of the individuals behind these organizations.

From these positions, the capabilities of business entities are determined not only by “property relations” in the narrow (civil) sense, but also by economic personality, without which property cannot be embodied in real life. In addition, it is important to take into account the legal regime of the object of property relations and the economic activity carried out.

A business entity, acting as the main link of economic turnover, is characterized by its *economic capabilities*, which form *absolute economic relations*, and the central link of these are *property relations* characterizing the capabilities of a business entity to use (in the language of civil law: possess, use and dispose) its property, including land plots, buildings, constructions, equipment, implements, raw materials, products.

Similar relations arise with regard to the property rights of a business entity, including money and securities on its balance sheet, income from production activities, etc. In this sense, property relations in economic law are considered somewhat broader than exclusively in “right in rem” understanding, since they go beyond the boundaries of ordinary property. In particular, “the right of ownership of uncertified securities” is established by judicial practice⁴.

¹ See: Civil Code of the Russian Federation (Part first) dated 30.11.1994 No. 51-FZ // SZ RF. 1994. No. 32. Art. 3301; 2021. No. 27 (part I), art. 5053.

² See: Russian Civil Law: in 2 vols. General part. Right in rem. Inheritance Law. Intellectual rights. Personal moral rights: textbook / ed. by E.A. Sukhanov. 2nd ed., stereotyped / ed. by E.A. Sukhanov. M., 2011. Vol. 1. Par. 1, clause 1; par. 13.

³ Eliseev V.S., Velento I.I. The theory of Economic Law: the theory of branches of law that provide economic relations: textbook. M., 2019. Pp. 156–189.

⁴ See: Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 01.06.1999 No. 6759/98 on case No. A60-483 / 98-C2 // SPS “ConsultantPlus”.

The above allows us to consider *property relations as economic relations based on the psychological and economic sense of ownership of an individual, which forms in the owner (or another possessor) an attitude towards property (property rights) as something of his own, and this occurs under the influence of his property interest (sense of benefit)*.

In addition, these relationships consider the relationship of the owner (or other possessor) with *third parties*.

At the same time, the presence of a sense of ownership is the main and obligatory sign of the formation of property relations, when the sense of benefit is just an additional (optional) sign.

For a business entity property relations are formed primarily under the influence of the psychological and economic foundations (a sense of ownership, a sense of benefit and other motivators) of individuals included in its structure.

In turn, property relations, formed under the influence of the processes of economic self-regulation, are subject to legal support, thereby forming the right of ownership.

The importance of property for the economy is paramount; the efficiency of the economy as a whole largely depends on the solution of this issue. But slants in the balance of the subvarieties of private property negatively affect the efficiency of the economy as a whole.

2. The views on property relations prevailing in legal science

2.1. First of all, let us highlight the differences between continental (European) and Anglo-Saxon legal systems: in the Anglo-Saxon legal system, *the broadest approach* to property relations is used, considering them as a synonym for economic relations. This refers to economists as well, because they are mostly focused on the American, primarily, liberal economic model: by “property right” is meant “the right to control the use of certain resources and to distribute the costs and benefits arising from this”. At the same time, the “state” is considered as “a set of individuals interacting with each other in accordance with existing property rights”⁵.

In the Anglo-Saxon system, all ownership rights are equated with property rights⁶, and right in rem and right in personam are traditionally considered as a kind of property rights⁷. For this reason, in this legal system there is no legal definition of property rights⁸, it is considered sufficient economic understanding of property as such.

Currently, under the influence of the American school of economics, this approach has become widespread in the countries of the continental system of law (Germany, France, Italy, etc.)⁹. In Russia economists often adhere to this position, but in Russian domestic legal science this approach has not been enshrined.

In Russian legal science, “property relations” (as well as “property rights”) are considered only in a *static sense*, where the rights and obligations of business entities are considered in relation to an indefinite circle of persons. At the same time, a *broad approach* is often used, when “property” is understood as *all material relations in the aggregate*.

Finally, a *narrow approach* taken as a basis in Russian law (considers “property relations” as a kind of “*right in rem relations*”¹⁰) has been consolidated in civil legislation: Section II of the Civil Code of the Russian Federation is referred to as “Property right and other rights in rem”.

Moreover, considering property relations in a narrow sense, it is difficult to grasp complex connections, since, firstly, the subject of relations is limited (we are talking only about individually defined property (things)); secondly, the representative of the owner who disposes not by his property, is shot out (these relations are actually preceded by property relations); thirdly, there is no connection with protective behavior, which directly protects property relations from the negative behavior of the participants in these relations.

And the most important thing is as follows: if in civil law an object is taken as a basis (an individually defined thing, property), then *for the theory of Economic Law*¹¹, *economic behavior takes the first place*, the psychological and economic basis of its formation, which is the “*sense of ownership*” or its absence, when it comes to public types of property, when the principles of the formation of relations inherent for the state and the state sector of the economy should enter into regulation. From these positions, *the subject base of property relations is significantly expanded*, since it covers all economic relations that are formed *under the influence of the “sense of ownership”* or principles of the state property formation. From these positions we consider as property relations not only property relations as such (in the narrow sense), but also, firstly, rights in rem relations in general; secondly, relations arising from property rights of a static nature (for example, for owners of securities); thirdly, static rights in personam (in which, to different extents, there are relations between the representative and the person being represented), as well as relations among the defendants of the business entity (including a legal entity), derived from the property belonging to him, including corporate relations. Patterns of formation of these relations are the same.

According to paragraph 2 of Art. 8 of the Constitution of the Russian Federation, “In the Russian Federation, private, state, municipal and other forms of property are recognized and protected in an equal manner”. A similar norm is contained in paragraph 1 of Art. 212 of the Civil Code of the Russian Federation.

2.2. Meanwhile, in Russian legal science there is no unity of views on the existence of *various forms (types) of property*, and here two opposing points of view can be distinguished: for example, supporters of the *formal legal approach* (and it dominates in legal science) believe that an indication of other forms of property “should be considered erroneous”, “there is not and cannot be any “other forms of ownership” except private and public”¹². At the same time, *the right to private property is a general, collective concept* for the property right of private owners of property, pursuing their own private, and not state or municipal (public) interest when using it, and “the subjects of property rights can be any subjects of Civil Law: citizens, legal entities (except for unitary enterprises and owner-financed institutions), state and municipal (public) education. However, entities that do not have civil legal personality, in particular labor and other “groups”, various “communities” and similar associations of citizens

⁵ Heine P. Economic way of thinking / transl. from English. M., 1994. Pp. 325, 445.

⁶ See, for example: Lask G. US Civil Law. M., 1961. Pp. 461–522.

⁷ See: Lazar J. Property in bourgeois legal theory. M., 1985. P. 37.

⁸ See: Commentary on the First part of the Civil Code of the Russian Federation for entrepreneurs / ed. by M.I. Braginsky. M., 1995. Commentary to Ch. 13.

⁹ See: Lazar J. Op. cit. P. 37.

¹⁰ Sukhanov E.A. General provisions on ownership and other property rights // Economy and law. 1995. No. 6. P. 29.

¹¹ See: Eliseev V.S., Velento I.I. Op. cit.

¹² Sukhanov E.A. The concept of property rights in Russian legislation and in the model Civil Code of the CIS countries // Constitutional Law: East European Review. 2001. No. 1. P. 85.

(individuals) that do not have any property of their own, separate from the property of their participants, cannot, however, act in this capacity. If such property needs to be created and isolated, then it will be possible to do this only in the manner prescribed by law, namely, by creating one of the types of legal entities, and then the property of this legal entity will be at stake”¹³.

The opposite position, pointing out the need for the legal consolidation of “other forms of ownership”, is adhered to by **supporters of the psychological and economic approach**, who, as a different one, single out, in particular, collective property¹⁴. From these positions, “appropriation” of property means “making it your own”¹⁵. The main feature by which it is necessary to distinguish other forms of ownership is the absence of a sense of ownership. But the main conclusion is that “through the forms of ownership, the type of property acquires a legal character”¹⁶.

2.3. The position of the theory of economic law to relations and property rights is as follows: *the presence or absence of a “sense of ownership” affects the behavior of the owner (individual), creates various property relations that presuppose their own initial legal regime, i.e. acts as a formative basis for property rights.*

For the formation of full-fledged economic relations of private property, only a sense of ownership is not enough, since, as already noted, it is also necessary to have a “*sense of benefit*”. So, in the scientific literature it is noted that “two sides are closely intertwined in property relations: the “*good*” of owning property and receiving income from its use and the “*burden*” of bearing the associated costs, losses and risks... The owner also bears *the risk of accidental death* or damage of his property, that is, its loss or damage in the absence of anyone’s fault in this. In fact, this risk also forms part of the above “owner’s burden”¹⁷.

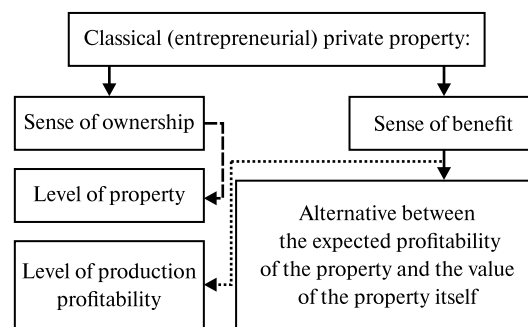
These economic matters have found legal confirmation: in particular, the “good” of the owner is reflected in paragraphs 1 and 2 of Art. 209 of the Civil Code of the Russian Federation (“Content of property rights”), according to which “the owner possesses the rights to own, use and dispose of his property” and “the owner has the right, at his discretion, to perform any actions with respect to the property belonging to him, ... including alienate his property into ownership to other persons, to transfer to them, while remaining the owner, the rights of possession, use and disposal of property, to pledge the property and burden it in other ways, to dispose of it in a different way”. The “burden” of the owner was enshrined in the corresponding Art. 210 of the Civil Code of the Russian Federation, according to which “the owner bears the burden of maintaining his property,” and the risks, according to Art. 211 of the Civil Code of the Russian Federation “bears its owner”.

“Good” and “burden” are integral parts of economic domination, and their ratio affects the formation of a sense of benefit from the possession of this or that property. And if the burden for the owner becomes excessive, suppressing the feeling of ownership, then the owner tries to get rid of such property, since

it becomes burdensome. Such a ratio is no longer subject to legal influence.

3. Subvarieties of private property relations: features of formation

3.1. In addition, for classical private property, the sense of benefit presupposes the presence of a number of *psychological and economic factors-elements* that influence the formation of economic relations (*scheme 1*).

Scheme 1. Classical private property

First, for the formation of full-fledged entrepreneurial relations, two conditions are necessary: a certain *level of property* (property rights) and the *level of production profitability*.

Secondly, another psychological and economic sign is the existence of an *alternative* between the profitability from the operation (production capabilities) of the property and the market value of the property itself. To be more precise, “property rights shape *expectations*” of profitability, respectively, “expectations shape actions”¹⁸, and expectations should be real and tangible.

As one can see, *the formation of full-fledged relations of private property, hereinafter classical (entrepreneurial) private property, presupposes*, in addition to the presence of a sense of ownership, *the existence of benefits, consisting of*: firstly, the presence of the required *level of property*; secondly, in the *presence of the level of production profitability of the property*; thirdly, in the presence of an *alternative* between the expected profitability of the property and the value of the property itself.

In the general case, classical private property presupposes the use for the purposes of legal regulation of the principle “*what is not prohibited by law is permitted*” due to the presence of a sense of ownership, which performs a protective function in the absence of protective norms of law, since the owner’s negative behavior in relation to his property is minimized by him, and this does not require to prohibit something to him. From this point of view, chapters 13–15 of the Civil Code of the Russian Federation (“General Provisions” on the right of ownership, “Acquisition of the right of ownership” and “Termination of the right of ownership”) fully comply with this principle. At the same time, neither the emergence of a “sense of ownership” as the main psychological and economic factor, nor the emergence of a “sense of benefit” as an additional factor, is not subject to legal regulation: the law only assumes that with the emergence or termination of property rights, a sense of ownership appears or disappears.

¹³ Commentary on the First part of the Civil Code of the Russian Federation for entrepreneurs / ed. by M.I. Braginsky. Commentary to Ch. 13.

¹⁴ See, for example: *Nosova S.S.* Economic theory: textbook for universities. M., 1999. P. 398.

¹⁵ *Tarkhov V.A., Rybakov V.A.* Ownership and property right. Ufa, 2001. Pp. 15, 16.

¹⁶ *Rykhnenkov A. Ya., Chernomoretz A.E.* The theory of property rights (Historical and analytical essay). Elista, 2009. P. 602.

¹⁷ Commentary on the First part of the Civil Code of the Russian Federation for entrepreneurs / ed. by M.I. Braginsky. Commentary to Ch. 13.

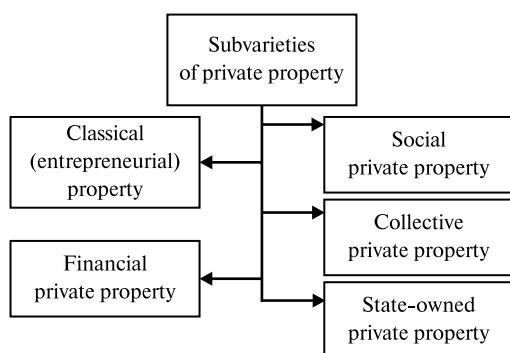
¹⁸ Ibid. P. 325.

Another principle works with persons who do not have such a feeling for various reasons (third parties, representatives of the owner) – their legal regime already has a dependent character: **“what is not permitted by the owner or the law is prohibited”**. In this case, the will of the owner is a priority, otherwise, conflicts of interest and violation of the priority position of the owner are possible, which, in particular, is reflected in Ch. 10 “Representation and power of attorney” of the Civil Code of the Russian Federation.

Variations of these conditions form certain deviations from classical private property, which, in our opinion, require additions in the legal regulation of the legal status of a private owner, i.e. should be taken into account at the level of economic legislation governing property relations.

3.2. The problem of the forms of ownership is the problem of the remoteness of the owner (direct and indirect) from the subsequent direct or indirect possession, use and disposal of the property. In this sense, attention is drawn to the situation in which private property is formally retained, but its main attribute, “sense of ownership”, is absent, which radically changes the behavior of the owner.

Depending on the presence (absence) of a sense of ownership, significant differences are formed in the economic behavior of the owner (mediated owner), which allows, **in addition to the classical private property** considered above, to distinguish such subvarieties (levels) of private property as **financial private property, social private property, collective private property and state-owned private property** (scheme 2).

Scheme 2. Subvarieties of Private Property

Let us dwell on each of these economic phenomena (except for the first one considered above).

3.3. A special variety is the psychology of private financial property, which forms the psychology of financial workers, first of all, “bankers”. The priority of the financial component suppresses the sense of ownership, translating the relationship into a relationship of “benefit”. This explains the phenomenon that a “banker” begins to perceive property exclusively from the standpoint of its financial assessment.

This psychology is also characteristic of the so-called “raiders”, seizing enterprises, after which, production is completely destroyed, and everything possible, especially real estate, is sold out in parts.

Unfortunately, it is this psychology that is taken as the basis in economic theory, which directly affects the training of specialists in economics.

3.4. The behavior of the owner changes if the level of his property (property rights), including income, decreases, reaches a certain social level, followed by moral and, subsequently, physical discomfort and suffering. Having crossed this line, an individual can no longer fully satisfy his needs due to a lack of property and funds, and a corresponding owner tries to fill the shortage of property by any available means.

A further decline in social property reaches the level of survival, beyond which the natural vital needs for food, housing, clothing, basic medical care, education, etc. are not satisfied. The subsistence minimum is the indicator of the smallest limit followed by physical and mental suffering. At the economic level, the indicator of the population’s lack of property of a social level entails an increase in the purchase of essential products in retail chains, the so-called Giffen group¹⁹.

It is the psychology of the owner of the social level that explains, in particular, the behavior of labor groups, small shareholders involved in the management and distribution of profits. Experience shows that they do not seek to allocate funds for expanded reproduction²⁰, and are interested not in the long-term production, but in “momentary dividends”²¹ as such property is of a consumer nature.

From these positions, “personal subsidiary farming while maintaining the auxiliary (subsidiary) nature, personal nature of labor, close connection with social production, the absence of relations of expanded reproduction and a relatively low level of marketability, as well as the achievement of social, and not only economy economic goals scientists consider as “an additional economic source of formation of citizens’ personal property”²².

Social motivation explains the failure of the attempt to raise agriculture by attracting urban residents for farming with the issuance of uncontrolled loans to them in the period from 1992 to 1994 – low overall profitability of agricultural production led to the fact that these farms, obeying all the canons of the classical market, cease to exist, and do not continue to work in the absence of profit, which is typical for the “Chayanov’s peasant”. It is no coincidence that, on average, in Russia for this period, 94 out of 100 percent of farms fell apart²³.

For different people, the concept of discomfort, sufficiency of property is different: for some, discomfort is formed by the inability to eat oysters and crabs, for others – by the lack of annual rest in the Maldives. But the state has the right to support only persons who do not have the necessary property based on certain criteria of social policy, especially since paragraph 1 of Article 7 of the Constitution of the Russian Federation defines Russia as a “social state, the policy of which is aimed at creating conditions that ensure a decent life and free human development”. For this purpose, clause 2 of this norm establishes “a guaranteed minimum wage, state support for family, motherhood, fatherhood and childhood, disabled people and elderly citizens is provided, a system of social services is developed, state pensions, benefits and other guarantees of social protection are established”.

¹⁹ See: Lvov Yu. A. Fundamentals of Economics and Business Organization. SPb., 1992. P. 57.

²⁰ See: Mikhailovich K. Economic reality of Yugoslavia / transl. from Serbian-Croat. M., 1986.

²¹ Luchenok A.I. Entrepreneurship in the system of property relations // Belarusian economy journal. 1998. No. 3. P. 21.

²² Sukhanov E.A. Lectures on property rights. M., 1991. Pp. 150–152.

²³ See: On the problems of transformation of forms of ownership in agriculture: Proceedings of the “Round Table” // State and Law. 1999. No. 3. P. 105.

Additionally, the legislation establishes such social categories as “subsistence minimum”, “minimum level of material retirement benefits”²⁴, “consumer basket”²⁵, “minimum set of food products”²⁶, “minimum consumer budget (satisfaction of minimum physiological needs)”²⁷, etc. — all these are socio-economic categories that have received legal confirmation.

But for the expanded possibility of protecting the social level of property, it is necessary to consolidate it in Civil Law in order to limit the civil regulation of this property in the part in which it contradicts the norms and essence of social legislation.

Besides, the state should consolidate the basis for the acquisition by citizens permanently residing in the territory of the Russian Federation, possessing private *property of a decent level of existence* and a guarantee of the availability of property of a level of survival, fixing the appropriate terminology in the legislation. For example, the term “level of survival”, as an integral part of a level of dignified existence, may include the minimum necessary provision of food, clothing, housing and other vital indicators, including houses with adjoining land plots for the construction and maintenance of a residential building; apartments and other living space in the amount of at least a certain (respectively, living and usable space) per family member; wages not less than the subsistence minimum, as well as other objectively determined expenses (for example, for the purchase of drugs in accordance with medical indications). It should be pointed out that, if private property is not secured at the specified level, the state contributes to its self-replenishment, such as exemption from taxation until the corresponding level is reached.

Accordingly, a kind of terminology development is the concept of “level of dignified existence”, which, for example, should be understood as the categories indicated in the property of the level of dignified existence, as well as economically and socially justified additional social guarantees in the amounts necessary for the normal existence of a member of civil society.

Thus, in private property, it is necessary to highlight the level of *private property of the social level (social private property)*, which, in contrast to classical private property, presupposes: first, the creation of conditions for citizens in order to independently replenish the social level of property when it is insufficient; secondly, guarantees of state support of citizens through social policy in case of impossibility to provide oneself with property of this level; thirdly, special protection of this level of property, including by limiting the civil turnover of a part of such property, special supervision and control over its availability.

3.5. Let us consider the distancing of the “sense of ownership” from the owner (mediated owner) using the example

²⁴ See: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15.02.2005 No. 17-O “On the complaint of the citizen Enborisova Praskovya Fedorovna about the violation of her constitutional rights, clause 8 of Art. 14 of the Federal Law “On Labor Pensions in the Russian Federation” // SZ RF. 2005. No. 16, art. 1479.

²⁵ See: Federal Law of 03.12.2012 No. 227-FZ “On the consumer basket as a whole in the Russian Federation” // SZ RF. 2012. No. 50 (part 4), art. 6950.

²⁶ See: Decree of the Government of the Russian Federation of January 28, 2013 No. 54 “On the approval of guidelines for determining the consumer basket for the main socio-demographic groups of the population in the constituent entities of the Russian Federation” // SZ RF. 2013. No. 5, art. 395; 2014. No. 34, art. 4684.

²⁷ See: Decree of the President of the Russian Federation of 03/02/1992 No. 210 “On the system of minimum consumer budgets of the population of the Russian Federation” // Bulletin of the SND and the Armed Forces of the Russian Federation. 1992. No. 11, art. 558.

of the transformation of the sense of ownership in a production cooperative (collective farm): in the usual version of a cooperative as a commercial organization, its member-cooperative (collective farmer) retains the rights of a participant that forms private property — this is the right to manage, the right to dividends, the right to a liquidation quota and the right to secede from collective farmers along with their shares, which in particular follows from Articles 13–18 of the Federal Law of December 8, 1995 No. 193-FZ “On Agricultural Cooperation”²⁸.

For a production cooperative, in accordance with paragraph 1 of Art. 106.3 of the Civil Code of the Russian Federation “the charter of the cooperative may establish that a certain part of the property belonging to the cooperative constitutes indivisible funds used for the purposes determined by the charter”. Of course, it was said rather modestly about the indivisible fund, since its presence is one of the principles of cooperation that allows the collective farm to survive during the period of “economic upheavals”²⁹, therefore, this feature was mandatory in the Soviet Union legislation³⁰.

Accordingly, if one organizes an indivisible fund in a cooperative and extend it to all the property of a commercial organization, then the indirect owner in the person of the collective farmer, in addition to the right to manage, loses such rights of a legal entity participant as the right to dividends, the right to withdraw from the collective farm members with his part of the property³¹. This circumstance leads to the loss of a sense of ownership of the collective farmer, who, in terms of his property status, actually approaches the employee. It is no coincidence that this form of ownership in the USSR was called “collective farm-cooperative property”³².

This psychological and economic motivation allows us to talk about a separate type of economic behavior within the framework of private property relations, in which the participants in these organizations do not have a sense of ownership, and this implies a special array of legislation. In order not to deviate from the established understanding of private property, such a subvariety of it should be called a *collective subvariety of private property (collective private property)*, where the term “collective” indicates the loss of a sense of ownership in indirect owners.

It is easy to see that the collective subvariety of private property on the basis of the psychological and economic approach is close to public forms of ownership (state and municipal): in fact, public property can be considered as collective property on an administrative-territorial basis. Consequently, for this subtype of private property, it is necessary to strengthen the legal regime in terms of restraining and suppressing negative behavior, since the protective function of the “sense of ownership” is absent.

Features of the formation of economic behavior for a collective subvariety of private property indicates the need to take these circumstances into account in the process of legal regulation, when

²⁸ See: SZ RF. 1995. No. 50, art. 4870; 2015. No. 17 (part IV), art. 2474.

²⁹ Lonchakova E. G., Shcherbakov V. A. Commentary to the Federal Law of 08.12.1995 No. 193-FZ “On Agricultural Cooperation” (itemized) // SPS “ConsultantPlus”, 2012. Comm. to Art. 34.

³⁰ See: Approximate charter of the collective farm. Adopted by the Third All-Union Congress of Collective Farmers and approved by the Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR, November 28, 1969, No. 910 // Collection of resolutions of the Government of the USSR. 1969. No. 26, art. 150.

³¹ See: *ibid*.

³² Constitution of the USSR (as amended on December 26, 1990) // Bulletin of the Congress of Peoples’ deputies of the USSR and the Supreme Council of the USSR. 1991. No. 1, art. 3.

establishing the appropriate legal regime in an independent array of legislation, in particular in the Federal Laws “On Agricultural Cooperation”, “On Freedom of Conscience and on Religious Associations”, other legislation. But the value will be seen only when the features of the collective subvariety of private property are taken into account, first of all, in terms of protecting the participants in these relations from various types of abuses, which, in particular, have become widespread in religious sects of a destructive nature, depriving their parishioners’ property³³. To give complete control over such relations to self-regulation will continue to violate the rights of citizens.

3.6. Finally, the last situation is when, in order to organize a private form of ownership, a full (partial) block of shares is transferred to a public entity — state. In this case, the sense of ownership for public education is absent, since the state becomes the mediated owner, as well as the sense of benefit can be suppressed by the social burden. This allows us to speak of an independent *state-owned subvariety of private property (state-owned private property)*, which is regulated on the basis of state and public interests and is close to state ownership.

Conclusion

It is not difficult to notice that private property, depending on various psychological and economic motivations (a subvariety of property relations), cannot be effectively regulated according to the same rules. They need different legal regimes: enshrined in Art. 209 of the Civil Code of the Russian Federation, the behavior formula is effective only for classic private property relations. In the absence of a sense of ownership (financial private property, collective private property, state-owned private property), the corresponding norms of the code become ineffective to those that contradict the logic of legal regulation of the relevant relations.

These circumstances allow us to talk about the need to consolidate the subvarieties of private property in the Civil Code of the Russian Federation with the consolidation of the foundations of their legal regulation.

REFERENCES

- Commentary on the First part of the Civil Code of the Russian Federation for entrepreneurs / ed. by M.I. Braginsky. M., 1995. Commentary to Ch. 13. P. 325 (in Russ.).
- Dvorkin A. A person is in a sect as long as he can give her something // <http://apologet.in.ua/apologetika/totalitarnye-sekty/sekta-boga-kuzi-ayu-popov/novosti-o-sekte-boga-kuzi/7012> (in Russ.).
- Eliseev V.S., Velento I.I. The theory of Economic Law: the theory of branches of law that provide economic relations: textbook. M., 2019. Pp. 156–189 (in Russ.).
- Heine P. Economic way of thinking / transl. from English. M., 1994. Pp. 325, 445 (in Russ.).
- Lask G. US Civil Law. M., 1961. Pp. 461–522 (in Russ.).
- Lazar J. Property in bourgeois legal theory. M., 1985. P. 37 (in Russ.).
- Lonchakova E.G., Shcherbakov V.A. Commentary to the Federal Law of 08.12.1995 No. 193-FZ “On Agricultural Cooperation” (itemized) // SPS “ConsultantPlus”, 2012. Comm. to Art. 34 (in Russ.).
- Luchenok A.I. Entrepreneurship in the system of property relations // Belarusian economy journal. 1998. No. 3. P. 21 (in Russ.).
- Lvov Yu. A. Fundamentals of Economics and Business Organization. SPb., 1992. P. 57 (in Russ.).
- Mikhailovich K. Economic reality of Yugoslavia / transl. from Serbian-Croat. M., 1986 (in Russ.).
- Nosova S.S. Economic theory: textbook for universities. M., 1999. P. 398 (in Russ.).
- On the problems of transformation of forms of ownership in agriculture: Proceedings of the “Round Table” // State and Law. 1999. No. 3. P. 105 (in Russ.).
- Russian Civil Law: in 2 vols. General part. Right in rem. Inheritance Law. Intellectual rights. Personal moral rights: textbook / ed. by E.A. Sukhanov. 2nd ed., stereotyped. M., 2011. Vol. 1. Par. 1, clause 1; par. 13 (in Russ.).
- Rykhonkov A. Ya., Chernomorets A.E. The theory of property rights (Historical and analytical essay). Elista, 2009. P. 602 (in Russ.).
- Sleep of mind — “Aum Shinrikyo” and “White Brotherhood” are back in Russia // <http://www.itv.ru/news/social/244355> (in Russ.).
- Sukhanov E.A. General provisions on ownership and other property rights // Economy and law. 1995. No. 6. P. 29 (in Russ.).
- Sukhanov E.A. Lectures on property rights. M., 1991. Pp. 150–152 (in Russ.).
- Sukhanov E.A. The concept of property rights in Russian legislation and in the model Civil Code of the CIS countries // Constitutional Law: East European Review. 2001. No. 1. P. 85 (in Russ.).
- Tarkhov V.A., Rybakov V.A. Ownership and property right. Ufa, 2001. Pp. 15, 16 (in Russ.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дворкин А. Человек находится в секте до тех пор, пока он может ей что-нибудь дать // <http://apologet.in.ua/apologetika/totalitarnye-sekty/sekta-boga-kuzi-ayu-popov/novosti-o-sekte-boga-kuzi/7012>
- Елисеев В.С., Веленто И.И. Теория экономического права: теория отраслей права, обеспечивающих экономические отношения: учеб. пособие. М., 2019. С. 156–189.
- Комментарий к части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей / под рук. М.И. Брагинского. М., 1995. Комм. к гл. 13. С. 325.
- Лазар Я. Собственность в буржуазной правовой теории. М., 1985. С. 37.
- Ласк Г. Гражданское право США. М., 1961. С. 461–522.
- Лончакова Е.Г., Щербаков В.А. Комментарий к Федеральному закону от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс», 2012. Комм. к ст. 34.
- Лученко А.И. Предпринимательство в системе отношений собственности // Белорусский экономический журнал. 1998. № 3. С. 21.
- Львов Ю.А. Основы экономики и организации бизнеса. СПб., 1992. С. 57.
- Михайлович К. Экономическая действительность Югославии / пер. с серб.-хорват. М., 1986.
- Носова С.С. Экономическая теория: учеб. для вузов. М., 1999. С. 398.
- О проблемах трансформации форм собственности в сельском хозяйстве: материалы «круглого стола» // Государство и право. 1999. № 3. С. 105.

³³ See: Dvorkin A. A person is in a sect as long as he can give her something // <http://apologet.in.ua/apologetika/totalitarnye-sekty/sekta-boga-kuzi-ayu-popov/novosti-o-sekte-boga-kuzi/7012>; Sleep of mind — “Aum Shinrikyo” and “White Brotherhood” are back in Russia // <http://www.itv.ru/news/social/244355>

12. Российское гражданское право: в 2 т. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права: учеб. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М., 2011. Т. 1. § 1, п. 1; § 13.
13. *Рыхенков А.Я., Черноморец А.Е.* Теория права собственности (Историко-аналитический очерк). Элиста, 2009. С. 602.
14. Сон разума — «Аум Синрикё» и «Белое братство» снова в России // <http://www.ltv.ru/news/social/244355>
15. *Суханов Е.А.* Лекции о праве собственности. М., 1991. С. 150–152.
16. *Суханов Е.А.* Общие положения о праве собственности и других вещных правах // *Хозяйство и право*. 1995. № 6. С. 29.
17. *Суханов Е.А.* Понятие права собственности в российском законодательстве и в модельном Гражданском кодексе стран СНГ // *Конституционное право: восточноевропейское обозрение*. 2001. № 1. С. 85.
18. *Тархов В.А., Рыбаков В.А.* Собственность и право собственности. Уфа, 2001. С. 15, 16.
19. *Хейне П.* Экономический образ мышления / пер. с англ. 2-е изд., стереотип. М., 1994. С. 325, 445.

Authors' information

ELISEEV Vyacheslav S. —
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of Kutafin Moscow State Law
University (MSAL); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str.,
125993 Moscow, Russia

MARTYNENKO Irina A. —
Doctor of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of Kutafin Moscow
State Law University (MSAL);
9 Sadovaya-Kudrinskaya str.,
125993 Moscow, Russia

Сведения об авторах

ЕЛИСЕЕВ Вячеслав Сергеевич —
доктор юридических наук, доцент,
профессор Московского государственного
юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 125993 г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

МАРТЫНЕНКО Ирина Анатольевна —
доктор филологических наук, доцент,
доцент Московского государственного
юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 125993 г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9
ORCID: 0000-0002-9798-3378

УДК 34; 355.1

ТРАНСЛЯЦИЯ ЗНАНИЙ И КРИТЕРИИ НАУЧНОСТИ: КОНЦЕПТЫ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ВОЕННОГО ПРАВА

© 2024 г. И. В. Холиков^{1, *}, П. Ю. Наумов^{2, **}

¹ Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

² Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии Российской Федерации,
г. Балашиха, Московская область

* E-mail: iv_kholik@mail.ru

** E-mail: petr.naumov.777@mail.ru

Поступила в редакцию 26.08.2023 г.

Аннотация. Предметом работы является теоретико-правовое исследование сущности современной теории военного права на основании разбора сформированных в данной области знаний посылок и изучения некоторых прорывных разработок, концептуализированных в последнее время. Авторы заявляют и обосновывают тезис о том, что сегодня изучение военного права как области знаний в свете необходимости обеспечения военной безопасности при развитии тенденций по переустройству глобального правопорядка и возникновения новых вызовов и угроз становится все более востребованным. **Цель.** Обобщение современных сущностных аспектов и теоретических конструктов военного права в современной научной картине мира. **Методы.** Исследование осуществлено на основании и с помощью применения системного и аксиологического подходов, а также методов аналогии, обобщения, анализа, конкретизации и формально-юридического исследования. Особо следует также отметить формально-правовой метод, который позволил максимально широко познать системы военного права и военного законодательства. **Выводы.** Предпосылки концептуализации военного права как отрасли правовой науки наблюдались в социально-гуманитарном знании давно, об этом наглядно свидетельствуют теоретические и практические разработки со стороны крупных отечественных специалистов. Военное право как стройная научная теория дает правовой и научный ответы на современные вызовы и угрозы военной безопасности страны. Это было творчески учтено и интерпретировано в настоящей статье. В рамках теоретического исследования произведено аналитико-синтетическое познание сложившихся в науке характеристик современной концепции военного права. Отмечается, что по своему сущностному и ценностно-смысловому ядру, функциям и методу оно в полном объеме соответствует критериям научности и аккумулирует в себе теоретические обобщения о нем как об отрасли права. Проведенное результативное авторское обобщение – важный этап в конкретизации теоретико-правовых основ становления и совершенствования военного права как науки и учебной дисциплины.

Ключевые слова: обзорное исследование, норма права, отрасль права, функции права, сфера правового регулирования, военное право, военная наука, сфера военных отношений, военная деятельность, «ткань права».

Цитирование: Холиков И. В., Наумов П. Ю. Трансляция знаний и критерии научности: концепты современной теории военного права // Государство и право. 2024. № 1. С. 100–116.

DOI: 10.31857/S1026945224010101

TRANSLATION OF KNOWLEDGE AND SCIENTIFIC CRITERIA: CONCEPTS OF THE MODERN THEORY OF MILITARY LAW

© 2024 I. V. Kholikov^{1, *}, P. Yu. Naumov^{2, **}

¹ Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow

² Main Military Clinical Hospital of the National Guard Troops of the Russian Federation,
Balashikha, Moscow Region

* E-mail: iv_kholik@mail.ru

** E-mail: petr.naumov.777@mail.ru

Received 26.08.2023

Abstract. The subject of the work is a theoretical and legal study of the essence of the modern theory of Military Law based on the analysis of the premises formed in this field of knowledge and the study of some breakthrough developments conceptualized recently. The authors state and substantiate the thesis that today the study of Military Law as a field of knowledge in the light of the need to ensure military security with the development of trends in the restructuring of the global legal order and the emergence of new challenges and threats is becoming increasingly in demand. **Purpose.** Generalization of modern essential aspects and theoretical constructs of Military Law in the modern scientific picture of the world. **Methods.** The study was carried out on the basis and with the help of the application of systemic and axiological approaches, as well as methods of analogy, generalization, analysis, concretization and formal legal research. It is also worth noting the formal legal method used by the authors in the work, which made it possible to get to know the systems of Military Law and military legislation as widely as possible. **Conclusions.** The prerequisites for the conceptualization of Military Law as a branch of legal science have been observed in social and humanitarian knowledge for a long time, this is clearly evidenced by theoretical and practical developments by major domestic experts. Military Law today as a coherent scientific theory, provides a legal and scientific response to modern challenges and threats to the country's military security. This was creatively taken into account and interpreted in the present study. Within the framework of a theoretical study, an analytical and synthetic knowledge of the characteristics of the modern concept of military law that have developed in science is carried out, it is noted that in terms of its essential and value-semantic core, functions and method, it fully meets the criteria of scientific character and accumulates theoretical generalizations about it as a branch of law. The resultant author's generalization carried out is an important step in concretizing the theoretical and legal foundations for the formation and improvement of Military Law as a science and academic discipline.

Key words: review study, Rule of Law, branch of law, functions of law, sphere of legal regulation, Military Law, military science, the sphere of military relations, military activities, "law fabric".

For citation: Kholikov, I.V., Naumov, P. Yu. (2024). Translation of knowledge and scientific criteria: concepts of the modern theory of Military Law // State and Law, No. 1, pp. 100–116.

Введение

Сегодня наука как форма социально-преобразовательной и творческой деятельности — это объективное явление, процесс и результат, сфера творчества, своими продуктами прочно вошедшая во все области человеческой жизни. Ни одна форма коллективной и индивидуальной субъектной деятельности не оставила столь важного, глубокого, цивилизационного и одновременно противоречивого следа в человеческом бытии, чем наука. Мы имеем возможность повсюду наблюдать объективированные результаты ее реального функционирования¹. Наука проникла в практику через предложенные ею результаты и разработки, успешно формируя право и правила жизни людей².

¹ См.: Стёпин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники: учеб. пособие для вузов. М., 1996.

² См.: Большакова В.М., Холиков И.В. Теоретическое исследование системообразующих принципов

Влияние науки на человеческое поведение проявляется не только в возможности использования в социальной деятельности ее результатов, но и в формально выраженном регулировании поведения индивидуумов. Одна из форм такого влияния — использование научных разработок в правотворческом процессе путем реализации передовых идей в области права как на национальном, так и на международном уровне.

Это особенно актуально в условиях кризиса современной цивилизации и деформации мирового правопорядка. Процесс формирования новой полицентричной модели мироустройства сопровождается ростом глобальной и региональной нестабильности. Обостряются противоречия, связанные с неравномерностью мирового развития, углублением разрыва

организации судебной системы // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2022. № 58. С. 579–604. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-58-579-604

между уровнями благосостояния стран, борьбой за ресурсы, доступом к рынкам сбыта, контролем над транспортными артериями. Конкуренция между государствами все в большей степени охватывает ценности и модели общественного развития, человеческий, научный и технологический потенциалы. Особое значение в этом процессе приобретает лидерство в освоении ресурсов Мирового океана и Арктики. В борьбе за влияние на международной арене задействован весь спектр политических, финансово-экономических и информационных инструментов. Все активнее используется потенциал специальных служб.

В международных отношениях не снижается роль фактора силы. Стремление к наращиванию и модернизации наступательного вооружения, созданию и развертыванию его новых видов ослабляет систему глобальной безопасности, а также систему договоров и соглашений в области контроля над вооружением. В Евро-Атлантическом, Евразийском и Азиатско-Тихоокеанском регионах не соблюдаются принципы равной и неделимой безопасности. В соседних с Россией регионах развиваются процессы милитаризации и гонки вооружений.

Территории вооруженных конфликтов становятся базой для распространения терроризма, международной розни, религиозной вражды, иных проявлений экстремизма. Сохраняется риск увеличения числа стран — обладателей ядерного оружия, распространения и использования химического и биологического оружия.

Усиливается противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых государств использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в т.ч. путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории³.

Обостряются угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией, торговлей людьми, наркоторговлей и другими проявлениями транснациональной организованной преступности⁴. Осложняются мировая демографическая ситуация, проблемы окружающей среды и продовольственной безопасности, более ощутимыми становятся дефицит пресной воды, последствия изменения климата, получают распространение эпидемии, многие из которых вызваны новыми, неизвестными ранее вирусами. Формирование гарантий свободного развития общества по пути прогресса в соответствии с изменениями

современной цивилизации становится одной из главных задач науки и практики. Значимость появления на этом фоне фундаментальных научных работ, на основании которых можно переосмыслить сущность и содержание отраслей права, трудно переоценить.

Право и практика его применения, размытаясь в глобальных процессах, становятся все более фрагментарными, позволяющими разрешить некоторые конкретно возникающие ситуации, однако так они могут терять способность к объединению вокруг них разных социальных групп⁵.

Юридическая наука как феномен современной цивилизации наряду с описанием, объяснением и прогнозированием существования правовых явлений призвана обеспечить такое развитие права, которое позволило бы объективно, справедливо и своевременно регулировать сложные социальные взаимоотношения. Она как системная совокупность знаний о правовом бытии общества и цивилизации изучает множество различных по своему содержанию, структуре и функциональной роли объектов правовой реальности, разделяясь на разные научные направления, изучающие различные правовые институты и отрасли права.

Объективным следствием развития современной правовой мысли и ответом на соответствующие социальные запросы является построение стройной теории военного права, представляющего собой особую отрасль права, призванную регулировать сложные и специфические отношения, связанные с военной деятельностью государства, обороной и безопасностью страны. Современный этап разработки теории военного права характеризуется широким проникновением механизмов трансляции научного знания в военно-правовую область, использованием при ее построении достижений постнеклассической научной рациональности, выявлением междисциплинарных связей и функциональных зависимостей, обоснованием изоморфизма военного права с другими отраслями права при углублении познания его специфического сущностного содержания.

Концептологические основания исследования

Для осуществления эффективной когнитивной практики в теоретическом обобщении концептов и сущностных признаков современной теории отечественного военного права необходимо использование соответствующей методологии. В современной научной картине мира в общем и юридической науке в частности в настоящее время в качестве одной из ведущих исследовательских концепций является постнеклассическая научная рациональность,

³ См.: Холиков И. В., Милованович А., Наумов П. Ю. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход // Журнал рос. права. 2022. Т. 26. № 11. С. 132–148.

⁴ См.: Курчев В. С. Посткризисное устойчивое развитие государства и права // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: Право. 2010. Т. 6. № 2. С. 5–16.

⁵ См.: Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право и Пандемия: уроки кризиса // Вестник РАН. 2022. Т. 92. № 8. С. 803–808. DOI: 10.31857/S0869587322080084

разработанная в рамках философских теорий и творчески внедренная для анализа правовых феноменов⁶. Концептуальная идея постнеклассической науки – выдвинутая и обоснованная акад. В.С. Стёпиным гипотеза о том, что наука в конкретных культурно-исторических условиях познает различные по своему строению, содержанию и особенностям функционирования сложные саморазвивающиеся системы, познание бытия которых характерно для сменяющихся видов научной рациональности⁷.

В рамках постнеклассической научной рациональности в настоящем исследовании используется системный подход, который применяется для познания природы социально-правовых явлений, их сущности, структуры, закономерностей внутреннего и внешнего функционирования. Концептуальные и процессуально-деятельностные основы использования данного метода заложены в научных трудах В.М. Баранова⁸, М.С. Кагана⁹, Б.М. Кедрова¹⁰, В.А. Лекторского¹¹, Ю.А. Тихомирова¹², Т.Я. Хабриевой¹³ и др.

Познание и научно-исследовательское понимание эффективности и справедливости функционирования права в социальной регуляции весьма затруднительно без понимания ценности права и ценностно-смыслового отношения к нему со стороны социальных субъектов.

Подобную задачу решает аксиологический подход, яркие представители которого (Л.В. Баева¹⁴,

О.Г. Дробницкий¹⁵, А.А. Гусейнов¹⁶, В.И. Жуков¹⁷, В.П. Зинченко¹⁸, Д.А. Леонтьев¹⁹, М.С. Яницкий²⁰) рассматривают систему ценностей и ценностное отношение субъектов к различным явлениям социальной реальности как ключевую детерминацию человеческой деятельности. Ценностное отношение к нормам права и правовым предписаниям также не остается без гносеологического внимания в современной научно-правовой литературе (Е.В. Виноградова²¹, С.И. Захарцев²², М.И. Клеандров²³, П.Ю. Наумов²⁴, А.А. Утюганов²⁵, И.В. Холиков²⁶, С.Г. Чукин²⁷).

Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 1 (13). С. 51–58.

¹⁵ См.: Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия. М., 1967.

¹⁶ См.: Гусейнов А.А. Мораль и право: линии разграничения // Lex russica (Русский закон). 2018. № 8 (141). С. 7–22.

¹⁷ См.: Жуков В.И. Справедливость в парадигме философии права: аналитический обзор // Государство и право. 2021. № 11. С. 7–23.

¹⁸ См.: Зинченко В.П. Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 85–98.

¹⁹ См.: Леонтьев Д.А. Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт // Мир психологии. 2014. № 1 (77). С. 104–117.

²⁰ См.: Яницкий М.С. Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2020. Т. 22. № 1 (81). С. 194–206.

²¹ См.: Виноградова Е.В., Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосудие для справедливости. М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость // Государство и право. 2022. № 8. С. 190–194.

²² См.: Захарцев С.И., Сальников В.П. О разумности и бессмысленности права // Известия Росс. акад. ракетных и артиллерийских наук. 2016. № 3 (93). С. 179–183.

²³ См.: Клеандров М.И. О первоначальных истоках справедливого правосудия в человеческой цивилизации // Росс. правосудие. 2022. № 1. С. 50–58.

²⁴ См.: Наумов П.Ю. Подходы к пониманию сущности ценностей и их систем: история и современность // В мире научных открытий. 2012. № 7 (31). С. 192–206; Наумов П.Ю., Новиков Н.С. Жизнь или смерть: ценностные константы и экзистенциальная миссия «Человека войны» // В мире научных открытий. 2015. № 9–4 (69). С. 1361–1375.

²⁵ См.: Утюганов А.А., Иванов М.С., Яницкий М.С., Серый А.В. Безопасность в системе ценностно-смысловых ориентаций офицеров российской национальной гвардии: на примере курсантов – будущих офицеров // Вестник РУДН. Сер.: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 3. С. 440–458.

²⁶ См.: Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Зелепукин Р.В. Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) // Государство и право. 2022. № 10. С. 51–62. DOI: 10.31857/S102694520021789-8

²⁷ См.: Чукин С.Г., Наумов П.Ю. Справедливость сегодня: нелегкий выбор между распределением и признанием. Статья первая // Идеи и идеалы. 2015. Т. 1. № 2 (24). С. 46–58. DOI:

⁶ См.: Пашенцев Д.А. Конституционная соразмерность в постнеклассической научной парадигме и современной практике // Вестник РАН. 2021. Т. 91. № 6. С. 593–600.

⁷ См.: Стёпин В.С. Системность объектов научного познания и типы рациональности // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2007. № 1 (1). С. 65–76; Его же. О методологических подходах к анализу социального познания // Вестник Московского ун-та. Сер. 7: Философия. 2014. № 3. С. 3–10; Его же. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 18–25.

⁸ См.: Ант Л.Ф., Баранов В.М. Систематизация в правотворчестве: сущность, ценность, перспективы совершенствования // Юрид. наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 1 (17). С. 8–15.

⁹ См.: Каган М.С. Системность и целостность // Художественное образование и наука. 2017. № 3. С. 8–11.

¹⁰ См.: Кедров Б.М. Методы изложения диалектики от абстрактного к конкретному // Вопросы философии. 1978. № 1. С. 50–56.

¹¹ См.: Лекторский В.А., Садовский В.Н. О принципах исследования систем // Вопросы философии. 1960. № 8. С. 67–79.

¹² См.: Тихомиров Ю.А. Правоприменение: от стихийности к системе в праве // Журнал рос. права. 2007. № 12 (132). С. 27–36.

¹³ См.: Хабриева Т.Я. Технологические революции и их проекция в праве // Вопросы истории. 2022. № 2–2. С. 256–270. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202202Statyi33

¹⁴ См.: Баева Л.В. Ценностная парадигма высокотехнологического общества // Вестник Волгоградского гос. ун-та.

Основными методами исследования явились: аналогия, обобщение, анализ (диалектический, структурный, компонентный, генетический, прогностический, функциональный), конкретизация, концептуализация, метод формально-правового исследования.

Основная часть

Защита национальных интересов Российской Федерации, решение стратегических задач обороны, сохранение суверенитета и территориальной целостности нашего государства, парирование комплексных угроз его безопасности в современных условиях деформации мирового порядка немыслимы без адекватного правового обеспечения военной деятельности государства. Отношения в этой области регулируются военным правом, отраслью российского права с глубокими историческими корнями, решающая задача которого — формирование правовых основ отношения государства к войне и направления политики в целях обеспечения его военной безопасности, регулирование порядка поддержания готовности военной организации государства к отражению нападения, правила ведения вооруженной борьбы и достижения целей в вооруженном противостоянии и закрепление правового статуса участников военной деятельности, правомерность применения ими вооружений и иных средств для достижения целей войны, а также отношение к военнопленным и гражданскому населению на оккупированных территориях как в период боевых действий, так и после их завершения.

Усложнение предмета правового регулирования вооруженных конфликтов связано и с наблюдаемой ныне технологической революцией, когда цифровизация, информационные технологии и технологии искусственного интеллекта проникли во все сферы социальной деятельности²⁸.

Военное право — это системно организованная совокупность установленных, санкционированных и применяемых, а также реально складывающихся в виде опережающего правоприменения общеобязательных правил поведения (норм) в области деятельности международных субъектов, государства, общества и человека по организации их военной деятельности и социальной реальности на период мирного времени, подготовки и ведения войны (вооруженного конфликта, вооруженной защиты, обороны государства и обеспечения безопасности). Военное право в общем смысле призвано регулировать социальную деятельность (общественные отношения), связанные с подготовкой и нахождением общества в состоянии

войны (вооруженного конфликта). Нормы военного права, разработанные на основе норм международного гуманитарного права и регулирующие конкретные правила планирования и ведения боевых действий, в совокупности составляют самостоятельную группу правоотношений по регулированию вооруженных конфликтов.

Познание современной теории военного права следует начать с замечания о том, что, несмотря на нынешнюю актуальность изучения военного права в свете сложной международной обстановки и необходимости укрепления Вооруженных Сил и расширения их возможностей для обеспечения обороны страны и безопасности государства, предпосылки объективации военно-правового знания в отдельную отрасль права и научную дисциплину наблюдались давно.

Глубокие структурные особенности объекта не достигаются никаким иным способом, кроме как через знание, организованное так, что его структура оказывается стоящей в определенной связи со структурой объекта²⁹. Следует обратить внимание, что при анализе науки и строения теории этой науки необходимо определить ее теоретическую систему, которая верифицирована лишь тогда, когда должным образом обоснованы все ее существенные концептуальные характеристики — категориальный и понятийный состав, объект, предмет, принципы, проблемы, логическая, формально-статическая и функционально-динамическая структуры, а также раскрыты все необходимые и достаточные стороны связей и отношений внутри данной системы научного знания. Важным элементом научной теории являются и субъектно-деятельностные пути исследователя, или познавательные пути (алгоритмы). Таким образом, постулируется, что объект военного права как область научных знаний изоморфен, собственно, структуре теории военного права.

Объективное бытие военного права, его функционирование и формирование концептуальных основ современной теории военного права есть плод коллективных усилий ученых и практиков, длительные исследования которых позволили в настоящее время институализировать военно-правовую область в отдельную отрасль права. Современная система теории военного права, которая кристаллизовалась посредством совместных интеллектуальных усилий отечественной военно-правовой школы в своем научном фундаменте, парадигмальных основах, принципах, компонентах, функциях, представлена комплексной совокупностью исследований актуальных вопросов: правового обеспечения обороны страны и безопасности государства; правового статуса военнослужащих и военной организации государства; анализа

10.17212/2075-0862-2015-2.1-46-58; статья вторая. 2016. Т. 1. № 3 (29). С. 81–92. DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.1-81-92

²⁸ См.: *Осинов Г.В., Хабриева Т.Я.* Цифровизация: социология и право, концепция и практика социализации // *Экономические стратегии*. 2022. Т. 24. № 1 (181). С. 6–19. DOI: 10.33917/es-1.181.2022.6–19; *Хабриева Т.Я.* Указ. соч. С. 256–270.

²⁹ См.: *Кузнецов И.В.* Структура научной теории и структура объекта // *Вопросы философии*. 1968. № 5. С. 72–83.

проблемных аспектов международного военного и медицинского права; юридической ответственности личного состава военной организации страны; правового регулирования предоставления гарантий и компенсаций. В данном аспекте следует отметить уже ставшие опорными в исторической ретроспективе для данной области социально-гуманитарных знаний разработки В.А. Батыря³⁰, О.Г. Безбабнова³¹, А.Ю. Винокурова³², И.Н. Глебова³³, С.Б. Глушаченко³⁴, Л.Л. Грищенко³⁵, О.В. Дамаскина³⁶, Я.Н. Ермоловича³⁷, С.И. Захарцева³⁸, А.И. Землина³⁹, В.И. Качалова⁴⁰, В.М. Коряки-

на⁴¹, В.В. Красинского⁴², А.В. Кудашкина⁴³, В.В. Кудашкина⁴⁴, С.В. Маликова⁴⁵, А.Н. Савенкова⁴⁶, В.Н. Старцуна⁴⁷, А.А. Толкаченко⁴⁸, Ю.Н. Туганова⁴⁹, К.В. Фатеева⁵⁰, С.С. Харитонов⁵¹, И.В. Холикова⁵² и др.

³⁰ См.: Батырь В.А. Теоретические проблемы военного права как отрасли права, как науки и как учебной дисциплины // Право и образование. 2005. № 2. С. 28–43.

³¹ См.: Безбабнов О.Г. Правовое обеспечение деятельности Министерства обороны Российской Федерации: особенности работы в условиях современных вызовов военной безопасности страны // Вестник военного права. 2016. № 3. С. 18–25.

³² См.: Винокуров А.Ю. К вопросу о правовых аспектах применения боевых ударных беспилотных летательных аппаратов // Вестник военного права. 2019. № 4. С. 7–12.

³³ См.: Глебов И.Н. Мобилизация — Военное время — Военное положение: понятийный аппарат // Вестник Дипломатической академии МИД России. Междунар. право. 2022. № 4 (19). С. 5–10. DOI: 10.54449/76585_2022_4_19_5

³⁴ См.: Глушаченко С.Б., Померлян А.Н. Специфика режима военного положения в современной России // Военно-юрид. журнал. 2008. № 6. С. 13–16.

³⁵ См.: Грищенко Л.Л., Корabelьникова Ю.Л. Исторические параллели от войн прошлого к настоящему и будущему // Вопросы истории. 2022. № 11–3. С. 90–101. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202212Statyi04

³⁶ См.: Дамаскин О.В. Военное право как наука и образование: проблемы и перспективы // Современное право. 2012. № 7. С. 54–60; Дамаскин О.В., Корякин В.М., Холопова Е.Н. Современные проблемы военного права // Вестник военного права. 2016. № 4. С. 14–21.

³⁷ См.: Ермолович Я.Н. Военно-уголовное право как подотрасль военного права: практические вопросы реализации подхода // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 64–73.

³⁸ См.: Захарцев С.И., Сальников В.П., Алексанин А.С. Оперативно-розыскная деятельность и информационная безопасность как часть военной безопасности России // Известия Росс. акад. ракетных и артиллерийских наук. 2018. № 2 (102). С. 102–106; Захарцев С.И., Сальников В.П. Военные основы оперативно-розыскной деятельности как науки // Известия Росс. акад. ракетных и артиллерийских наук. 2020. № 4 (114). С. 139–142.

³⁹ См.: Землин А.И. О генезисе и перспективах развития военной администрации // Вестник военного права. 2016. № 3. С. 39–46; Его же. Научная школа «Правовое регулирование финансового обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации» // Вестник военного права. 2018. № 4. С. 90–92; Его же. Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств // Журнал рос. права. 2022. Т. 26. № 12. С. 58–69. DOI: 10.12737/jrl.2022.128

⁴⁰ См.: Ершов В.В., Качалов В.И. Военное право России как отрасль права // Росс. правосудие. 2023. № 2. С. 106–110.

⁴¹ См.: Корякин В.М. Эволюция диссертационных исследований по военному праву // Военное право. 2011. № 1. С. 51–79; Его же. Военная организация государства: эволюция структуры // Военный акад. журнал. 2016. № 2 (10). С. 12–22; Его же. Военное право как наука // Военное право. 2021. № 5 (69). С. 9–21; Его же. Современное состояние военного права: новое фундаментальное научное исследование // Государство и право. 2022. № 1. С. 207–210. DOI: 10.31857/S102694520018195-5

⁴² См.: Красинский В.В. Концептуальное обоснование защиты государственного суверенитета в современных условиях // Право и образование. 2015. № 12. С. 96–103.

⁴³ См.: Кудашкин А.В. Военное право: понятие, актуальные проблемы направления исследований // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2004. № 8 (86). С. 47–49; Его же. Военная организация государства: понятие, структура, правовое положение, проблемы институционализации // Военное право. 2015. № 1 (33). С. 1–16; Его же. Право вооруженных конфликтов — ядро военного права: проблемы и актуальность современных исследований // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 86–91; Кудашкин А.В., Кудашкин В.В. Право военных конфликтов или право вооруженных конфликтов: соотношение понятий, место в правовой системе и системе права России // Военное право. 2023. № 4 (80). С. 25–43.

⁴⁴ См.: Кудашкин В.В. Особенности правового регулирования в области военно-технического сотрудничества: исходные начала (принципы) // Государство и право. 2020. № 4. С. 168–173. DOI: 10.31857/S013207690009321-5; Его же. Актуальные правовые вопросы инвестиций в области военно-технического сотрудничества // Государство и право. 2022. № 11. С. 148–154. DOI: 10.31857/S102694520022768-5

⁴⁵ См.: Маликов С.В. К вопросу о концепции военно-полевой криминалистики // Вестник военного права. 2016. № 1. С. 29–34.

⁴⁶ См.: Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7–34. DOI: 10.31857/S102694520014362-9

⁴⁷ См.: Старцун В.Н. Научная школа военного права и создание нормативной правовой основы деятельности по оказанию частных услуг военного назначения: точки сопряжения // Военное право. 2015. № 1 (33). С. 62–75.

⁴⁸ См.: Толкаченко А.А., Зателепин О.К., Харabet К.В. Корифеи военно-юридической науки: взгляд из прошлого через настоящее в будущее // Росс. юстиция. 2020. № 6. С. 45–50.

⁴⁹ См.: Туганов Ю.Н. Правопорядок в Вооруженных Силах: от Петра I до реформ Александра II // Военное право. 2015. № 2 (34). С. 130–140; Туганов Ю.Н., Аулов В.К. Объективизация национальных интересов Российской Федерации в нормах военного права: современный подход // Военное право. 2022. № 4 (74). С. 73–81.

⁵⁰ См.: Фатеев К.В. Правовое содержание военной безопасности государства и ее обеспечения в XXI в. // Военное право. 2009. № 1. С. 41–50.

⁵¹ См.: Харитонов С.С. О связи военного права с понятием законности // Правовая жизнь. 2019. № 3 (27). С. 148–154.

⁵² См.: Холиков И.В. Правовые основы международного сотрудничества в области военной медицины и здраво-

В области разрешения проблем комплексного познания теории военного права следует отметить, что свою теоретическую и системную концептуализацию данная область знаний удачно нашла в монографии «Военное право»⁵³. Появление ее третьего тома, который является сущностным, структурным продолжением и логическим завершением первых двух томов, привлекло серьезное исследовательское внимание ученых и практиков к трехтомнику. В научных работах, где была обсуждена или рецензирована появившаяся монография, отмечается формирование историко-правовой концепции военного права⁵⁴, в правовом измерении рассмотрены актуальные вопросы военной деятельности государства⁵⁵, выявлено современное состояние военного права⁵⁶, отмечается прорывной характер содержащихся в книге идей и положений⁵⁷, в диалоге концептуализировано ценностно-смысловое ядро военного права⁵⁸, а также обсуждены международные пробле-

мы военного права⁵⁹. Авторами применен весьма любопытный эпистемологический прием для иллюстрации взаимопроникновения общих идей права в военную отрасль и обратно. Это, в свою очередь, наглядно демонстрирует взаимосвязь военного права с другими отраслями права и одновременно позволяет выявить специфику его предмета и метода правового регулирования. При этом проникновение идей и функций современной концепции военного права не ограничивается только другими отраслями права и обратно. Военное право через систему эпистемологических правил построения и внутренней регуляции знания, а также сущности, содержания и специфики познаваемых объектов широко связано и с другими науками совсем не юридического профиля (философией, социологией, психологией, медициной, техническими науками и др.).

Применение методологической идеи о том, что структура изучаемого объекта изоморфна структуре научной теории, неизбежно приводит нас к тому, что, как и любую отрасль права, военное право можно разделить на общую и особенную части, которые имеют свое специфическое понятие, сущность и структурную иерархию. Общая часть представляет собой совокупность концептуальных идей о предмете, методе, функциях и принципах данной отрасли права, а также месте военного права в общей структуре отечественного, зарубежного и международного права. В свою очередь, особенная часть военного права в современной парадигме военного права иллюстрируется различными сущностными и формальными аспектами, к которым относятся: право вооруженных конфликтов; военно-административное право; военно-уголовное право; военно-социальное право; международное военное право и военное право иностранных государств. Военное право включает в себя также исследование военного законодательства в его совокупности, иерархии и внутренней взаимосвязи.

Сегодня военно-правовая наука насыщена научно-организованными представлениями об отдельно входящих в структуру особенной части военного права ряде самостоятельных правовых

охранения // Военно-медицинский журнал. 2005. Т. 326. № 7. С. 55–58; *Его же*. К юбилею профессора Олега Валерьевича Дамаскина // Государство и право. 2019. № 8. С. 138–139. DOI: 10.31857/S013207690006256-3

⁵³ Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина. Т. I. История и теория военного права (с предисловием). М., 2021; т. II. Современное состояние военного права (институты военного права); 2022. Т. III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований.

⁵⁴ См.: *Блажеев В. В.* Трехтомная монография «Военное право» под общей редакцией А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина (М.: Центр правовых коммуникаций, 2021–2022) как практический результат деятельности отечественной научной школы военного права // Государство и право. 2023. № 2. С. 40–42. DOI: 10.31857/S102694520024321-4; *Гайдамашко И. В., Наумов П. Ю., Дьячков А. А.* Потенциал монографии «Военное право» в обучении будущего военного юриста и развитии его личности // Государство и право. 2023. № 5. С. 68–79. DOI: 10.31857/S102694520025198-8

⁵⁵ См.: *Землин А. И.* Актуальные вопросы военной деятельности государства: правовое измерение // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 233–237; *Глушаченко С. Б., Зелепукин Р. В.* Военно-правовые знания для будущих работников сферы транспорта (рецензия на трехтомную монографию «Военное право») // Мир транспорта. 2023. Т. 21. № 1 (104). С. 134–137. DOI: 10.30932/1992-3252-2021-21-1-16

⁵⁶ См.: *Корякин В. М.* Современное состояние военного права: новое фундаментальное научное исследование. С. 207–210; *Сальников В. П., Большакова В. М., Захарцев С. И.* Институционализация военного права как отрасли права в постнеклассической научной рациональности (рецензия на монографию «Военное право» в 3-х томах. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022) // Право. Журнал ВШЭ. 2023. № 1. С. 251–261. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.1.251.261

⁵⁷ См.: *Хомчик В. В.* Монография «Военное право» обеспечила теоретический прорыв в фундаментальных исследованиях современных проблем военной науки // Государство и право. 2022. № 3. С. 199–203. DOI: 10.31857/S102694520019175-3

⁵⁸ См.: *Куманьков А. Д., Большакова В. М., Наумов П. Ю., Новиков Н. С.* Диалог о смыслах военного права и военном праве

как ценности (обсуждаем главу 5 «Социальная ценность военного права» тома I монографии «Военное право») // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 7 (300). С. 2–12.

⁵⁹ См.: *Гаврилов С. О., Глебов И. Н., Чукин С. Г. и др.* Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам главы 6 «Военные проблемы международного права» тома III монографии «Военное право») // Государство и право. 2022. № 12. С. 59–67. DOI: 10.31857/S102694520023301-2

институтов, носящих комплексный и законодательно закреплённый характер.

Ценно с научно-методологической, эпистемологической и формально-правовой точек зрения одно важное обстоятельство. Классически для теоретико-правовых наук в военном праве выделяется метод правового регулирования, характерный для данной отрасли права и заключающийся в системной совокупности методов (способов и приемов), а также средств правового воздействия на общественные отношения, складывающиеся в области военной деятельности государства, осуществляемой в различных социально-политических, экономических, военнотехнических, международных и иных условиях⁶⁰.

В актуальных исследованиях отмечается, что военное право как наука имеет системные характеристики, и последовательно обосновывается этот подход⁶¹. В современной теории военного права, выстроенной на базе исторического опыта и недавних научных разработок, находят свое отражение абстрактные и конкретные аспекты, ценностно-смысловые зависимости, функционально-структурные обусловленности, закономерности развития научных военно-правовых знаний, а также его трансляции через обособленные механизмы.

Каким же образом строится системное представление о военном праве и его научных характеристиках? Это происходит через дисциплинарно организованные формы научного знания в виде теоретических концептов, эмпирических данных, опыта правоприменения и взаимодействия их с обыденными представлениями о военном праве⁶². Наглядной иллюстрацией такового будет также обращение к самой структуре военного права и познание ее с помощью методологии системного анализа, раскрытой в трудах классиков в области системных исследований. Указанная методология предполагает несколько направлений системного познания объективной реальности, а именно предметной, функциональной и исторической. Внутреннее строение методологии, в свою очередь, предполагает, что предметная область включает структурное и компонентное исследование; функциональное направление включает анализ внешнего и внутреннего функционирования изучаемой

системы; а историческое направление конструирует генетическое и прогностическое исследование⁶³.

Стоит также остановиться на системных характеристиках военного права, его сущности и структуре.

Первый структурный аспект военного права как науки раскрывает историю военного права, а также строение военного права как теории со всеми вытекающими компонентами и цельной структурой, характеризующейся устойчивостью связей и отношений внутренних элементов, их внешними и внутренними функциями. Это полностью укладывается в методологию системного исследования, а именно в предметную, функциональную и историческую плоскость, поскольку раскрывает военное право в его генезисе, закономерностях развития и реального функционирования, гомоморфизме и изоморфизме с другими областями научного знания. Что следует выделить в качестве второго аспекта, так это комплексное познание его институтов, что полностью соответствует критериям системного исследования, поскольку также позволяет раскрыть генетические, прогностические и структурные характеристики военного права как науки. Обращают на себя внимание также международно-правовые⁶⁴ и медицинские аспекты военного права⁶⁵ как науки.

⁶³ См.: Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Философский принцип системности и системный подход // Вопросы философии. 2000. № 8. С. 39–52; Каган М. С. Указ. соч. С. 8–11; Лекторский В. А., Садовский В. Н. Указ. соч. С. 67–79; Стёпин В. С. Системность объектов научного познания и типы рациональности. С. 65–76.

⁶⁴ См.: Гребенюк А. Н., Холиков И. В. Усилия НАТО по противодействию химическим, биологическим, радиологическим и ядерным угрозам // Военно-медицинский журнал. 2013. Т. 334. № 3. С. 91–93; Окоца В. А., Холиков И. В. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // Журнал рос. права. 2020. № 12. С. 147–158. DOI: 10.12737/jrl.2020.154

⁶⁵ См.: Бухтияров И. В., Холиков И. В., Большакова В. М., Наумов П. Ю. Опыт концептуализации военных аспектов медицинского права (обсуждение главы 14 учебника «Медицинское право России», отв. ред. А. А. Мохов, изд-во «Проспект», 2022, — материалы дискуссии) // Медицина труда и промышленная экология. 2023. Т. 63. № 1. С. 67–73. DOI: 10.31089/1026-9428-2023-63-1-67-73; Большакова В. М., Холиков И. В., Наумов П. Ю. Медицинское обеспечение судебной системы Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Т. 14. № 1. С. 103–127. DOI: 10.12731/2658-6649-2022-14-1-103-127; Жданов К. В., Холиков И. В. Болезнь, вызываемая вирусом Эбола: от теории к практике // Журнал инфектологии. 2015. Т. 7. № 1. С. 5–17; Наумов П. Ю., Большакова В. М., Землин А. И., Холиков И. В. Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13. № 6. С. 283–306. DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-6-283-306; Наумов П. Ю., Холиков И. В. Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках

⁶⁰ См.: Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина. Т. I. История и теория военного права (с предисловием).

⁶¹ См.: Кудашкин А. В. Принципы военного права // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2021. № 6 (287). С. 5–18; Савенков А. Н., Кудашкин А. В. Указ. соч. С. 7–34.

⁶² См.: Кудашкин А. В., Холиков И. В. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1 (64). С. 31–47. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47

По итогам изучения научных основ военно-правовых исследований обратимся к познанию оснований военного права как части правовой науки. В философии науки выделяются три системообразующих компонента, являющихся дисциплинарным основанием научной деятельности. К ним В.С. Стёпин и М.А. Розов относят⁶⁶ идеалы и нормы исследования, научную картину мира и философские основания науки. Приведенные основания имеют собственную морфологию, существенные характеристики и особенности внешнего и внутреннего функционирования. Подобный методолого-эпистемологический анализ применим и к военному праву как одной из форм научной деятельности и дисциплинарно-организованной сферы научных знаний.

Военное право как наука имеет свои идеалы (цели, ценности, смыслы) и нормы исследования (исследовательские программы и методы), научную картину мира (объект и предмет военного права, его метод и функции, способы и формы описания явлений военно-правовой реальности) и философские основания науки. На философских основаниях военно-правовой науки хотелось бы остановиться отдельно. Это связано с тем, что философские основания права не равны по своей сущности философским основаниям военного права — они соотносятся как общее и частное. Ключевыми положениями в философских основаниях военного права являются методологические установки и категориально-понятийная сетка военного права, включающая в себя совокупность ключевых для данной отрасли понятий.

Военное право представляет собой дисциплинарно-организованную научную область знаний, имеющую характерные для любой научной сферы формы реальной объективации. Данная отрасль права есть определенная традиция как специфически исторически сложившаяся совокупность способов военно-правовых исследований и представления их результатов. Такая традиция выполняет кумулятивную функцию, обеспечивающую накопление соответствующих знаний и их формальное выражение, а также встраивание военного права в социально-культурную среду и адаптацию субъектов научной деятельности в военно-правовые отношения. Однако действие кумулятивной функции неизбежно приводит к критическому накоплению знаний, когда аккумулированная информация перестает соответствовать принятой в научном сообществе картине мира. Это приводит к скачкообразному, революционному переходу от одной научной

рациональности к другой. Указанная тенденция относится и к сфере военно-правовых научных знаний, что говорит о строении военного права не только как традиции, но и как новации.

Поскольку военное право аккумулирует в себе соответствующую правовую информацию и научные знания в концептуализированной форме, то военно-правовые конструкции встроены в систему социальной памяти в реальном, объективированном виде и в виде передаваемых от субъекта к субъекту, часто хаотических, представлений о военном праве как науке и отрасли права.

Ввиду того, что военное право представляет собой и постоянный процесс исследования, следует отметить, что одна из форм его проявления — специфическая человеческая деятельность: познавательная, преобразовательная и творческая, направленная на описание, объяснение, систематизацию и прогнозирование развития военно-правовых знаний и их внедрения в социальную практику. Кроме того, военное право как наука есть совокупность тех исследователей, изданий, научных коллективов и научных (образовательных) организаций, где ведутся военно-правовые исследования. Это характеризует военное право как особый социальный институт.

Особо отметим некоторые методологические характеристики, которые объективно являются эффективными в формировании военного права как отрасли права. Это формально-правовой компонент военно-правовых исследований, который позволяет максимально широко осуществить систематизацию военного законодательства, что имеет большой потенциал продолжения военно-правовых исследований и практически полезно в деятельности юридических служб органов военного управления.

В указанном ракурсе стоит также выделить и необходимость дальнейшего познания военного международно-правового аспекта, который позволяет формировать оригинальный правовой и научный ответ на современные вызовы и угрозы. Это укладывается как в задачи военно-правовой науки, так и органично продолжает ранее проведенные в данной области исследования⁶⁷.

Следует также сказать о том, что современное состояние научной разработанности военного права соответствует определенным в научной картине мира критериям научности.

национальной гвардии Российской Федерации // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2023. Т. 15. № 1. С. 474–493. DOI: 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493

⁶⁶ См.: Стёпин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Указ. соч.

⁶⁷ См.: Дамаскин О.В., Холиков И.В. Современные проблемы международного гуманитарного права // *Современное право*. 2017. № 5. С. 104–111; Холиков И.В., Сазонова К.Л. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права // *Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение*. 2022. № 4 (297). С. 102–111.

Наиболее удачно таковые обобщены в философско-методологических исследованиях в области философии науки А.Л. Никифорова⁶⁸, который выделяет демаркационный (разделение с иными областями регулирования и деятельности), верификационный (гипотетичность и теоретическая и практическая подтверждаемость), парадигмальный (опора на собственные фундаментальные теории) и фальсификационный (опровержимость, эмпирическая проверяемость) критерии. Указанные критерии являются инструментом, позволяющим отличить научное знание от других продуктов социальной деятельности людей⁶⁹.

Заключение

Исследования в области методологии и философии науки, а также результаты познания военнопровых вопросов демонстрируют новую реальность для военного права как науки, что зафиксировано в концепции военного права, созданной на основании применения достижений современной научной рациональности и обобщенной в фундаментальных трудах, посвященных военному праву⁷⁰. На наших глазах происходит реальная объективация военно-правового знания в культуре, науке, законодательстве, правоприменительной практике и иных плодах социальной деятельности.

В настоящее время можно констатировать, что на фундаментальном уровне концептуализированы понятие военного права как отрасли права, его предмет и метод правового регулирования, обосновано место военного права в системе права и выявлены характеристики функционирования военного права в социальной жизни, раскрыты связь военного права с другими науками и сущностные признаки этой связи. Сегодня военное право как системное явление следует рассматривать с позиций современной научной картины мира в постнеклассической научной рациональности. Военное право как научная дисциплина соответствует объективированным критериям научности (верификационному, демаркационному, парадигмальному, фальсификационному).

Положительной тенденцией в развитии военного права как отдельной отрасли права и дисциплинарно-организованной научной сферы

является то, что в последнее время все большее внимание уделялось не только доктринальной, теоретической и практической сущности военного права, но и его аксиологическому или ценностно-смысловому содержанию. В этом ракурсе в научный оборот введено несколько новых терминов или конкретизированы уже имеющиеся. Речь прежде всего идет об определениях таких понятий, как «эффективность военного права» (хотя, прямо скажем, это понятие более прагматическое, чем аксиологическое), «значимость военного права» и «ценностно-смысловое содержание военного права». С позиций аксиологического подхода ведутся исследования в области соотношения военного права и военной политики, что имеет существенный эвристический потенциал в междисциплинарном контексте. Для юридической науки рассмотрение явлений и объектов правовой реальности через призму аксиологического подхода — актуальное направление, поскольку позволяет познать субъектное преломление действующих норм⁷¹.

Военное право является отраслью, регулирующей сферу военной деятельности государства. Военное право как наука выполняет функции описания, объяснения и прогнозирования дальнейшего развития явлений.

В современных реалиях, когда вооруженные конфликты «расцветают» кровавыми «букетами» по всему миру и существенно влияют на социальную реальность и складывающийся миропорядок, перед научным сообществом и практиками снова актуально стоит обширная и комплексная задача обобщения теоретических представлений и практического опыта в области военного права и реализации его норм в социальной деятельности (в т.ч. в условиях войн и вооруженных конфликтов). От решения указанной задачи будет зависеть то, сможет ли наше общество на складывающиеся сегодня вызовы и угрозы ответить правовыми средствами и методами, обеспечив верховенство закона и справедливости во всех сферах социального бытия, даже в кризисных и чрезвычайных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ант Л.Ф., Баранов В.М.* Систематизация в правотворчестве: сущность, ценность, перспективы совершенствования // Юрид. наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 1 (17). С. 8–15.
2. *Баева Л.В.* Ценностная парадигма высокотехнологического общества // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 1 (13). С. 51–58.

⁶⁸ См.: *Никифоров А.Л.* Роль науки в современном обществе // Философия науки. 2014. Т. 19. № 1. С. 38–63; *Его же.* О специфике гуманитарного познания // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 45. № 3. С. 29–32; *Его же.* Философия науки: история и методология: учеб. пособие. М., 1998; Язык. Знание. Реальность. К семидесятилетию А.Л. Никифорова / отв. ред. И.Т. Касавин, П.С. Куслий. М., 2011.

⁶⁹ См.: *Никифоров А.Л.* О специфике гуманитарного познания. С. 29–32.

⁷⁰ См.: Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина.

⁷¹ См.: *Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Зелепукин Р.В.* Указ. соч. С. 51–62.

3. Батырь В.А. Теоретические проблемы военного права как отрасли права, как науки и как учебной дисциплины // Право и образование. 2005. № 2. С. 28–43.
4. Безбабнов О.Г. Правовое обеспечение деятельности Министерства обороны Российской Федерации: особенности работы в условиях современных вызовов военной безопасности страны // Вестник военного права. 2016. № 3. С. 18–25.
5. Блажеев В.В. Трехтомная монография «Военное право» под общей редакцией А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина (М.: Центр правовых коммуникаций, 2021–2022) как практический результат деятельности отечественной научной школы военного права // Государство и право. 2023. № 2. С. 40–42. DOI: 10.31857/S102694520024321-4
6. Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Философский принцип системности и системный подход // Вопросы философии. 2000. № 8. С. 39–52.
7. Большакова В.М., Холиков И.В. Теоретическое исследование системообразующих принципов организации судебной системы // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2022. № 58. С. 579–604. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-58-579-604
8. Большакова В.М., Холиков И.В., Наумов П.Ю. Медицинское обеспечение судебной системы Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Т. 14. № 1. С. 103–127. DOI: 10.12731/2658-6649-2022-14-1-103-127
9. Бухтияров И.В., Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю. Опыт концептуализации военных аспектов медицинского права (обсуждение главы 14 учебника «Медицинское право России», отв. ред. А.А. Мохов, изд-во «Проспект», 2022, – материалы дискуссии) // Медицина труда и промышленная экология. 2023. Т. 63. № 1. С. 67–73. DOI: 10.31089/1026-9428-2023-63-1-67-73
10. Виноградова Е.В., Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосудие для справедливости. М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость // Государство и право. 2022. № 8. С. 190–194.
11. Винокуров А.Ю. К вопросу о правовых аспектах применения боевых ударных беспилотных летательных аппаратов // Вестник военного права. 2019. № 4. С. 7–12.
12. Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. I. История и теория военного права (с предисловием). М., 2021; т. II. Современное состояние военного права (институты военного права); 2022. Т. III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований.
13. Гаврилов С.О., Глебов И.Н., Чукин С.Г. и др. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам главы 6 «Военные проблемы международного права» тома III монографии «Военное право») // Государство и право. 2022. № 12. С. 59–67. DOI: 10.31857/S102694520023301-2
14. Гайдамашко И.В., Наумов П.Ю., Дьячков А.А. Потенциал монографии «Военное право» в обучении будущего военного юриста и развитии его личности // Государство и право. 2023. № 5. С. 68–79. DOI: 10.31857/S102694520025198-8
15. Глебов И.Н. Мобилизация – Военное время – Военное положение: понятийный аппарат // Вестник Дипломатической академии МИД России. Междунар. право. 2022. № 4 (19). С. 5–10. DOI: 10.54449/76585_2022_4_19_5
16. Глушаченко С.Б., Зелепукин Р.В. Военно-правовые знания для будущих работников сферы транспорта (рецензия на трехтомную монографию «Военное право») // Мир транспорта. 2023. Т. 21. № 1 (104). С. 134–137. DOI: 10.30932/1992-3252-2021-21-1-16
17. Глушаченко С.Б., Померлян А.Н. Специфика режима военного положения в современной России // Военно-юрид. журнал. 2008. № 6. С. 13–16.
18. Гребенюк А.Н., Холиков И.В. Усилия НАТО по противодействию химическим, биологическим, радиологическим и ядерным угрозам // Военно-медицинский журнал. 2013. Т. 334. № 3. С. 91–93.
19. Грищенко Л.Л., Корабельникова Ю.Л. Исторические параллели от войн прошлого к настоящему и будущему // Вопросы истории. 2022. № 11–3. С. 90–101. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202212Staty104
20. Гусейнов А.А. Мораль и право: линии разграничения // Lex russica (Русский закон). 2018. № 8 (141). С. 7–22.
21. Дамаскин О.В. Военное право как наука и образование: проблемы и перспективы // Современное право. 2012. № 7. С. 54–60.
22. Дамаскин О.В., Корякин В.М., Холопова Е.Н. Современные проблемы военного права // Вестник военного права. 2016. № 4. С. 14–21.
23. Дамаскин О.В., Холиков И.В. Современные проблемы международного гуманитарного права // Современное право. 2017. № 5. С. 104–111.
24. Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия. М., 1967.
25. Ермолович Я.Н. Военно-уголовное право как подотрасль военного права: практические вопросы реализации подхода // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 64–73.
26. Ершов В.В., Качалов В.И. Военное право России как отрасль права // Росс. правосудие. 2023. № 2. С. 106–110.
27. Жданов К.В., Холиков И.В. Болезнь, вызываемая вирусом Эбола: от теории к практике // Журнал инфектологии. 2015. Т. 7. № 1. С. 5–17.
28. Жуков В.И. Справедливость в парадигме философии права: аналитический обзор // Государство и право. 2021. № 11. С. 7–23.
29. Захарцев С.И., Сальников В.П. Военные основы оперативно-розыскной деятельности как науки // Известия Росс. акад. ракетных и артиллерийских наук. 2020. № 4 (114). С. 139–142.
30. Захарцев С.И., Сальников В.П. О разумности и бессмысленности права // Известия Росс. акад. ракетных и артиллерийских наук. 2016. № 3 (93). С. 179–183.
31. Захарцев С.И., Сальников В.П., Алексанин А.С. Оперативно-розыскная деятельность и информационная безопасность как часть военной безопасности Рос-

- сии // Известия Росс. акад. ракетных и артиллерийских наук. 2018. № 2 (102). С. 102–106.
32. Землин А.И. Актуальные вопросы военной деятельности государства: правовое измерение // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 233–237.
33. Землин А.И. О генезисе и перспективах развития военной администрации // Вестник военного права. 2016. № 3. С. 39–46.
34. Землин А.И. Научная школа «Правовое регулирование финансового обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации» // Вестник военного права. 2018. № 4. С. 90–92.
35. Землин А.И. Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств // Журнал рос. права. 2022. Т. 26. № 12. С. 58–69. DOI: 10.12737/jrl.2022.128
36. Зинченко В.П. Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 85–98.
37. Казан М.С. Системность и целостность // Художественное образование и наука. 2017. № 3. С. 8–11.
38. Кедров Б.М. Методы изложения диалектики от абстрактного к конкретному // Вопросы философии. 1978. № 1. С. 50–56.
39. Клеандров М.И. О первоначальных истоках справедливого правосудия в человеческой цивилизации // Росс. правосудие. 2022. № 1. С. 50–58.
40. Корякин В.М. Военная организация государства: эволюция структуры // Военный акад. журнал. 2016. № 2 (10). С. 12–22.
41. Корякин В.М. Военное право как наука // Военное право. 2021. № 5 (69). С. 9–21.
42. Корякин В.М. Современное состояние военного права: новое фундаментальное научное исследование // Государство и право. 2022. № 1. С. 207–210. DOI: 10.31857/S102694520018195-5
43. Корякин В.М. Эволюция диссертационных исследований по военному праву // Военное право. 2011. № 1. С. 51–79.
44. Красинский В.В. Концептуальное обоснование защиты государственного суверенитета в современных условиях // Право и образование. 2015. № 12. С. 96–103.
45. Кудашкин А.В. Военное право: понятие, актуальные проблемы направления исследований // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2004. № 8 (86). С. 47–49.
46. Кудашкин А.В. Военная организация государства: понятие, структура, правовое положение, проблемы институционализации // Военное право. 2015. № 1 (33). С. 1–16.
47. Кудашкин А.В. Право вооруженных конфликтов – ядро военного права: проблемы и актуальность современных исследований // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 86–91.
48. Кудашкин А.В. Принципы военного права // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 6 (287). С. 5–18.
49. Кудашкин А.В., Кудашкин В.В. Право военных конфликтов или право вооруженных конфликтов: соотношение понятий, место в правовой системе и системе права России // Военное право. 2023. № 4 (80). С. 25–43.
50. Кудашкин А.В., Холиков И.В. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1 (64). С. 31–47. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47
51. Кудашкин В.В. Актуальные правовые вопросы инвестиций в области военно-технического сотрудничества // Государство и право. 2022. № 11. С. 148–154. DOI: 10.31857/S102694520022768-5
52. Кудашкин В.В. Особенности правового регулирования в области военно-технического сотрудничества: исходные начала (принципы) // Государство и право. 2020. № 4. С. 168–173. DOI: 10.31857/S013207690009321-5
53. Кузнецов И.В. Структура научной теории и структура объекта // Вопросы философии. 1968. № 5. С. 72–83.
54. Куманьков А.Д., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Новиков Н.С. Диалог о смыслах военного права и военном праве как ценности (обсуждаем главу 5 «Социальная ценность военного права» тома I монографии «Военное право») // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 7 (300). С. 2–12.
55. Курчев В.С. Посткризисное устойчивое развитие государства и права // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: Право. 2010. Т. 6. № 2. С. 5–16.
56. Лекторский В.А., Садовский В.Н. О принципах исследования систем // Вопросы философии. 1960. № 8. С. 67–79.
57. Леонтьев Д.А. Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт // Мир психологии. 2014. № 1 (77). С. 104–117.
58. Маликов С.В. К вопросу о концепции военно-полевой криминалистики // Вестник военного права. 2016. № 1. С. 29–34.
59. Наумов П.Ю. Подходы к пониманию сущности ценностей и их систем: история и современность // В мире научных открытий. 2012. № 7 (31). С. 192–206.
60. Наумов П.Ю., Большакова В.М., Землин А.И., Холиков И.В. Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13. № 6. С. 283–306. DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-6-283-306
61. Наумов П.Ю., Новиков Н.С. Жизнь или смерть: ценностные константы и экзистенциальная миссия «Человека войны» // В мире научных открытий. 2015. № 9–4 (69). С. 1361–1375.
62. Наумов П.Ю., Холиков И.В. Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2023. Т. 15. № 1. С. 474–493. DOI: 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493
63. Никифоров А.Л. О специфике гуманитарного познания // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 45. № 3. С. 29–32.

64. *Никифоров А.Л.* Роль науки в современном обществе // *Философия науки*. 2014. Т. 19. № 1. С. 38–63.
65. *Никифоров А.Л.* Философия науки: история и методология: учеб. пособие. М., 1998.
66. *Окоца В.А., Холиков И.В.* Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // *Журнал рос. права*. 2020. № 12. С. 147–158. DOI: 10.12737/jrl.2020.154
67. *Осипов Г.В., Хабриева Т.Я.* Цифровизация: социология и право, концепция и практика социализации // *Экономические стратегии*. 2022. Т. 24. № 1 (181). С. 6–19. DOI: 10.33917/es-1.181.2022.6-19
68. *Пашенцев Д.А.* Конституционная соразмерность в постнеклассической научной парадигме и современной практике // *Вестник РАН*. 2021. Т. 91. № 6. С. 593–600.
69. *Савенков А.Н., Кудашкин А.В.* Военное право: постановка проблемы и пути решения // *Государство и право*. 2021. № 4. С. 7–34. DOI: 10.31857/S102694520014362-9
70. *Сальников В.П., Большакова В.М., Захарцев С.И.* Институтализация военного права как отрасли права в постнеклассической научной рациональности (рецензия на монографию «Военное право» в 3-х томах. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022) // *Право. Журнал ВШЭ*. 2023. № 1. С. 251–261. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.1.251.261
71. *Старцун В.Н.* Научная школа военного права и создание нормативной правовой основы деятельности по оказанию частных услуг военного назначения: точки сопряжения // *Военное право*. 2015. № 1 (33). С. 62–75.
72. *Стёпин В.С.* Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // *Вопросы философии*. 2012. № 5. С. 18–25.
73. *Стёпин В.С.* О методологических подходах к анализу социального познания // *Вестник Московского ун-та. Сер. 7: Философия*. 2014. № 3. С. 3–10.
74. *Стёпин В.С.* Системность объектов научного познания и типы рациональности // *Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология*. 2007. № 1 (1). С. 65–76.
75. *Стёпин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.* Философия науки и техники: учеб. пособие для вузов. М., 1996.
76. *Тихомиров Ю.А.* Правоприменение: от стихийности к системе в праве // *Журнал рос. права*. 2007. № 12 (132). С. 27–36.
77. *Толкаченко А.А., Зателепин О.К., Харабет К.В.* Корифеи военно-юридической науки: взгляд из прошлого через настоящее в будущее // *Рос. юстиция*. 2020. № 6. С. 45–50.
78. *Туганов Ю.Н.* Правопорядок в Вооруженных Силах: от Петра I до реформ Александра II // *Военное право*. 2015. № 2 (34). С. 130–140.
79. *Туганов Ю.Н., Аулов В.К.* Объективация национальных интересов Российской Федерации в нормах военного права: современный подход // *Военное право*. 2022. № 4 (74). С. 73–81.
80. *Утюганов А.А., Иванов М.С., Яницкий М.С., Серый А.В.* Безопасность в системе ценностно-смысловых ориентаций офицеров российской национальной гвардии: на примере курсантов – будущих офицеров // *Вестник РУДН. Сер.: Психология и педагогика*. 2020. Т. 17. № 3. С. 440–458.
81. *Фатеев К.В.* Правовое содержание военной безопасности государства и ее обеспечения в XXI в. // *Военное право*. 2009. № 1. С. 41–50.
82. *Хабриева Т.Я.* Технологические революции и их проекция в праве // *Вопросы истории*. 2022. № 2–2. С. 256–270. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202202Statyi33
83. *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Право и Пандемия: уроки кризиса // *Вестник РАН*. 2022. Т. 92. № 8. С. 803–808. DOI: 10.31857/S0869587322080084
84. *Харитонов С.С.* О связи военного права с понятием законности // *Правовая жизнь*. 2019. № 3 (27). С. 148–154.
85. *Холиков И.В.* К юбилею профессора Олега Валерьевича Дамаскина // *Государство и право*. 2019. № 8. С. 138–139. DOI: 10.31857/S013207690006256-3
86. *Холиков И.В.* Правовые основы международного сотрудничества в области военной медицины и здравоохранения // *Военно-медицинский журнал*. 2005. Т. 326. № 7. С. 55–58.
87. *Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Зеленин Р.В.* Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) // *Государство и право*. 2022. № 10. С. 51–62. DOI: 10.31857/S102694520021789-8
88. *Холиков И.В., Милованович А., Наумов П.Ю.* Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход // *Журнал рос. права*. 2022. Т. 26. № 11. С. 132–148.
89. *Холиков И.В., Сазонова К.Л.* Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права // *Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение*. 2022. № 4 (297). С. 102–111.
90. *Хомчик В.В.* Монография «Военное право» обеспечила теоретический прорыв в фундаментальных исследованиях современных проблем военной науки // *Государство и право*. 2022. № 3. С. 199–203. DOI: 10.31857/S102694520019175-3
91. *Чукин С.Г., Наумов П.Ю.* Справедливость сегодня: нелегкий выбор между распределением и признанием. Статья первая // *Идеи и идеалы*. 2015. Т. 1. № 2 (24). С. 46–58. DOI: 10.17212/2075-0862-2015-2.1-46-58; статья вторая. 2016. Т. 1. № 3 (29). С. 81–92. DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.1-81-92
92. *Язык. Знание. Реальность. К семидесятилетию А.Л. Никифорова / отв. ред. И.Т. Касавин, П.С. Куслий. М., 2011.*
93. *Яницкий М.С.* Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике // *Вестник Кемеровского гос. ун-та*. 2020. Т. 22. № 1 (81). С. 194–206.

REFERENCES

1. *Apt L.F., Baranov V.M.* Systematization in lawmaking: essence, value, prospects for improvement // Legal science and practice: Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 1 (17). Pp. 8–15 (in Russ.).
2. *Baeva L.V.* The value paradigm of a high-tech society // Herald of the Volgograd State University. Ser. 7: Philosophy, Sociology and social technologies. 2011. No. 1 (13). Pp. 51–58 (in Russ.).
3. *Batyr V.A.* Theoretical problems of military law as a branch of law, as a science and as an academic discipline // Law and education. 2005. No. 2. Pp. 28–43 (in Russ.).
4. *Bezbabnov O.G.* Legal support for the activities of the Ministry of Defense of the Russian Federation: features of work in the context of modern challenges to the country's military security // Herald of Military Law. 2016. No. 3. Pp. 18–25 (in Russ.).
5. *Blazheev V.V.* Three-volume monograph "Military Law" under the general editorship of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin (Moscow: Center for Legal Communications, 2021–2022) as a practical result of the activities of the national scientific school of Military Law // State and Law. 2023. No. 2. Pp. 40–42. DOI: 10.31857/S102694520024321-4 (in Russ.).
6. *Blauberger I.V., Sadovsky V.N., Yudin E.G.* The philosophical principle of consistency and a systematic approach // Questions of philosophy. 2000. No. 8. Pp. 39–52 (in Russ.).
7. *Bolshakova V.M., Kholikov I.V.* Theoretical study of the system-forming principles of the organization of the judicial system // Herald of the Perm University. Legal sciences. 2022. No. 58. Pp. 579–604. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-58-579-604 (in Russ.).
8. *Bolshakova V.M., Kholikov I.V., Naumov P. Yu.* Medical support of the judicial system of the Russian Federation // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Vol. 14. No. 1. Pp. 103–127. DOI: 10.12731/2658-6649-2022-14-1-103-127 (in Russ.).
9. *Bukhtiyarov I.V., Kholikov I.V., Bolshakova V.M., Naumov P. Yu.* The experience of conceptualizing military aspects of Medical Law (discussion of chapter 14 of the textbook "Medical Law of Russia", ed. by A.A. Mokhov, publishing house "Prospect", 2022, – discussion materials) // Occupational medicine and industrial ecology. 2023. Vol. 63. No. 1. Pp. 67–73. DOI: 10.31089/1026-9428-2023-63-1-67-73 (in Russ.).
10. *Vinogradova E.V., Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Justice for justice. M.I. Kleandrov. Justice and justice // State and Law. 2022. No. 8. Pp. 190–194 (in Russ.).
11. *Vinokurov A. Yu.* On the issue of legal aspects of the use of combat strike unmanned aerial vehicles // Herald of Military Law. 2019. No. 4. Pp. 7–12 (in Russ.).
12. *Military Law: in 3 vols / under the general editorship of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin.* Vol. I. History and theory of Military Law (with a preface). M., 2021; vol. II. The current state of Military Law (institutes of Military Law); 2022. Vol. III. The main problems and promising areas of military legal research (in Russ.).
13. *Gavrilov S.O., Glebov I.N., Chukin S.G. et al.* Law at the point of bifurcation: discussion of the conceptual study of military problems of International Law (Discussion in the format of the "Round Table" based on Chapter 6 "Military problems of International Law" volume III of the monograph "Military Law") // State and Law. 2022. No. 12. Pp. 59–67. DOI: 10.31857/S102694520023301-2 (in Russ.).
14. *Gaydamashko I.V., Naumov P. Yu., Dyachkov A.A.* The potential of the monograph "Military Law" in the training of a future military lawyer and the development of his personality // State and Law. 2023. No. 5. Pp. 68–79. DOI: 10.31857/S102694520025198-8 (in Russ.).
15. *Glebov I.N.* Mobilization – Wartime – Martial law: conceptual apparatus // Herald of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. International Law. 2022. No. 4 (19). Pp. 5–10. DOI: 10.54449/76585_2022_4_19_5 (in Russ.).
16. *Glushachenko S.B., Zelepukin R.V.* Military legal knowledge for future workers in the field of transport (review of the three-volume monograph "Military Law") // Mir transporta. 2023. Vol. 21. No. 1 (104). Pp. 134–137. DOI: 10.30932/1992-3252-2021-21-1-16 (in Russ.).
17. *Glushachenko S.B., Pomerlyan A.N.* The specifics of the martial law regime in modern Russia // Military legal journal. 2008. No. 6. Pp. 13–16 (in Russ.).
18. *Grebenyuk A.N., Kholikov I.V.* NATO's efforts to counter chemical, biological, radiological and nuclear threats // Military Medical Journal. 2013. Vol. 334. No. 3. Pp. 91–93 (in Russ.).
19. *Grishchenko L.L., Korabelnikova Yu.L.* Historical parallels from the wars of the past to the present and the future // Questions of history. 2022. No. 11–3. Pp. 90–101. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202212Statyi04 (in Russ.).
20. *Guseynov A.A.* Morality and law: lines of demarcation // Lex russica (Russian law). 2018. No. 8 (141). Pp. 7–22 (in Russ.).
21. *Damaskin O.V.* Military Law as science and education: problems and prospects // Modern law. 2012. No. 7. Pp. 54–60 (in Russ.).
22. *Damaskin O.V., Koryakin V.M., Kholopova E.N.* Modern problems of Military Law // Herald of Military Law. 2016. No. 4. Pp. 14–21 (in Russ.).
23. *Damaskin O.V., Kholikov I.V.* Modern problems of International Humanitarian Law // Modern law. 2017. No. 5. Pp. 104–111 (in Russ.).
24. *Drobnitsky O.G.* The world of animated objects. The problem of value and Marxist philosophy. M., 1967 (in Russ.).
25. *Ermolovich Ya.N.* Military Criminal Law as a sub-branch of Military Law: practical issues of the implementation of the approach // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2021. No. 12 (293). Pp. 64–73 (in Russ.).
26. *Ershov V.V., Kachalov V.I.* Military Law of Russia as a branch of law // Russ. Justice. 2023. No. 2. Pp. 106–110 (in Russ.).
27. *Zhdanov K.V., Kholikov I.V.* The disease caused by the Ebola virus: from theory to practice // Journal of Infectology. 2015. Vol. 7. No. 1. Pp. 5–17 (in Russ.).
28. *Zhukov V.I.* Justice in the paradigm of Philosophy of Law: an analytical review // State and Law. 2021. No. 11. Pp. 7–23 (in Russ.).
29. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Military bases of operational investigative activity as a science // Izvestiya Russ. Academy

- rocket and artillery sciences. 2020. No. 4 (114). Pp. 139–142 (in Russ.).
30. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* On the reasonableness and meaninglessness of law // *Izvestia Russ. Academy rocket and artillery sciences*. 2016. No. 3 (93). Pp. 179–183 (in Russ.).
31. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P., Aleksanin A.S.* Operational investigative activities and information security as part of the military security of Russia // *Izvestia Russ. Academy rocket and artillery sciences*. 2018. No. 2 (102). Pp. 102–106 (in Russ.).
32. *Zemlin A.I.* Actual issues of military activity of the state: a legal dimension // *Military Law*. 2022. No. 6 (76). Pp. 233–237 (in Russ.).
33. *Zemlin A.I.* On the genesis and prospects of development of military administration // *Herald of Military Law*. 2016. No. 3. Pp. 39–46 (in Russ.).
34. *Zemlin A.I.* Scientific school “Legal regulation of financial support of the Armed Forces of the Russian Federation” // *Herald of Military Law*. 2018. No. 4. Pp. 90–92 (in Russ.).
35. *Zemlin A.I.* Problematic issues of legal regulation of relations related to the use of highly automated vehicles // *Journal of Russ. law*. 2022. Vol. 26. No. 12. Pp. 58–69. DOI: 10.12737/jrl.2022.128 (in Russ.).
36. *Zinchenko V.P.* Values in the structure of consciousness // *Questions of philosophy*. 2011. No. 8. Pp. 85–98 (in Russ.).
37. *Kagan M.S.* Consistency and integrity // *Art education and science*. 2017. No. 3. Pp. 8–11 (in Russ.).
38. *Kedrov B.M.* Methods of presenting dialectics from the abstract to the concrete // *Questions of philosophy*. 1978. No. 1. Pp. 50–56 (in Russ.).
39. *Kleandrov M.I.* On the initial origins of fair justice in human civilization // *Russ. Justice*. 2022. No. 1. Pp. 50–58 (in Russ.).
40. *Koryakin V.M.* The military organization of the state: the evolution of the structure // *Military Academy journal*. 2016. No. 2 (10). Pp. 12–22 (in Russ.).
41. *Koryakin V.M.* Military Law as a science // *Military Law*. 2021. No. 5 (69). Pp. 9–21 (in Russ.).
42. *Koryakin V.M.* The current state of Military Law: a new fundamental scientific study // *State and Law*. 2022. No. 1. Pp. 207–210. DOI: 10.31857/S102694520018195-5 (in Russ.).
43. *Koryakin V.M.* Evolution of dissertation research on Military Law // *Military Law*. 2011. No. 1. Pp. 51–79 (in Russ.).
44. *Krasinsky V.V.* Conceptual justification of the protection of state sovereignty in modern conditions // *Law and education*. 2015. No. 12. Pp. 96–103 (in Russ.).
45. *Kudashkin A.V.* Military Law: concept, actual problems of research directions // *Law in the Armed Forces – Military-legal Review*. 2004. No. 8 (86). Pp. 47–49 (in Russ.).
46. *Kudashkin A.V.* Military organization of the state: concept, structure, legal status, problems of institutionalization // *Military Law*. 2015. No. 1 (33). Pp. 1–16 (in Russ.).
47. *Kudashkin A.V.* The law of armed conflicts – the core of Military Law: problems and relevance of modern research // *Law in the Armed Forces – Military Legal Review*. 2021. No. 12 (293). Pp. 86–91 (in Russ.).
48. *Kudashkin A.V.* Principles of Military law // *Law in the Armed Forces – Military Law Review*. 2021. No. 6 (287). Pp. 5–18 (in Russ.).
49. *Kudashkin A.V., Kudashkin V.V.* The law of military conflicts or the law of armed conflicts: the relationship of concepts, place in the legal system and the system of law of Russia // *Military Law*. 2023. No. 4 (80). Pp. 25–43 (in Russ.).
50. *Kudashkin A.V., Kholikov I.V.* Experience of conceptualization of special military operations in modern law // *Paths to peace and security*. 2023. No. 1 (64). Pp. 31–47. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47 (in Russ.).
51. *Kudashkin V.V.* Actual legal issues of investments in the field of military-technical cooperation // *State and Law*. 2022. No. 11. Pp. 148–154. DOI: 10.31857/S102694520022768-5 (in Russ.).
52. *Kudashkin V.V.* Features of legal regulation in the field of military-technical cooperation: initial principles // *State and Law*. 2020. No. 4. Pp. 168–173. DOI: 10.31857/S013207690009321-5 (in Russ.).
53. *Kuznetsov I.V.* The structure of scientific theory and the structure of the object // *Questions of philosophy*. 1968. No. 5. Pp. 72–83 (in Russ.).
54. *Kumankov A.D., Bolshakova V.M., Naumov P.Yu., Novikov N.S.* Dialogue on the meanings of Military Law and Military Law as values (discussing chapter 5 “The social value of Military Law” of volume I of the monograph “Military Law”) // *Law in the Armed Forces – Military Legal Review*. 2022. No. 7 (300). Pp. 2–12 (in Russ.).
55. *Kurcheev V.S.* Post-crisis sustainable development of the state and law // *Herald of the Novosibirsk State University. Ser.: Law*. 2010. Vol. 6. No. 2. Pp. 5–16 (in Russ.).
56. *Lectorsky V.A., Sadovsky V.N.* On the principles of systems research // *Questions of philosophy*. 1960. No. 8. Pp. 67–79 (in Russ.).
57. *Leontiev D.A.* Meaning formation and its contexts: life, structure, culture, experience // *The world of psychology*. 2014. No. 1 (77). Pp. 104–117 (in Russ.).
58. *Malikov S.V.* On the concept of military field criminology // *Herald of Military Law*. 2016. No. 1. Pp. 29–34 (in Russ.).
59. *Naumov P.Yu.* Approaches to understanding the essence of values and their systems: history and modernity // *In the world of scientific discoveries*. 2012. No. 7 (31). Pp. 192–206 (in Russ.).
60. *Naumov P.Yu., Bolshakova V.M., Zemlin A.I., Kholikov I.V.* Conceptual aspects of the production of medical examinations during judicial appeal of conclusions based on the results of military medical examination // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2021. Vol. 13. No. 6. Pp. 283–306. DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-6-283-306 (in Russ.).
61. *Naumov P.Yu., Novikov N.S.* Life or death: value constants and the existential mission of the “Man of War” // *In the world of scientific discoveries*. 2015. No. 9–4 (69). Pp. 1361–1375 (in Russ.).
62. *Naumov P.Yu., Kholikov I.V.* Characteristics of the legal foundations of military medical examination in the troops of the National Guard of the Russian Federation // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2023. Vol. 15. No. 1. Pp. 474–493. DOI: 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493 (in Russ.).

63. *Nikiforov A.L.* On the specifics of humanitarian knowledge // Epistemology and philosophy of science. 2015. Vol. 45. No. 3. Pp. 29–32 (in Russ.).
64. *Nikiforov A.L.* The role of science in modern society // Philosophy of Science. 2014. Vol. 19. No. 1. Pp. 38–63 (in Russ.).
65. *Nikiforov A.L.* Philosophy of Science: history and methodology: textbook. M., 1998 (in Russ.).
66. *Okocha V.A., Kholikov I.V.* The use of armed force by private marine security companies: dynamics of borders and specifics of legal regulation in the modern world // Journal of Russ. law. 2020. No. 12. Pp. 147–158. DOI: 10.12737/jrl.2020.154 (in Russ.).
67. *Osipov G.V., Khabrieva T.Ya.* Digitalization: sociology and law, concept and practice of socialization // Economic strategies. 2022. Vol. 24. No. 1 (181). Pp. 6–19. DOI: 10.33917/es-1.181.2022.6-19 (in Russ.).
68. *Pashentsev D.A.* Constitutional proportionality in the post-non-classical scientific paradigm and modern practice // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2021. Vol. 91. No. 6. Pp. 593–600 (in Russ.).
69. *Savenkov A.N., Kudashkin A.V.* Military Law: problem statement and solutions // State and Law. 2021. No. 4. Pp. 7–34. DOI: 10.31857/S102694520014362-9 (in Russ.).
70. *Salnikov V.P., Bolshakova V.M., Zakhartsev S.I.* Institutionalization of Military Law as a branch of law in post-non-classical scientific rationality (review of the monograph “Military law” in 3 volumes. Moscow: Center for Legal Communications, 2022) // Law. HSE Journal. 2023. No. 1. Pp. 251–261. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.1.251.261 (in Russ.).
71. *Startsun V.N.* Scientific school of Military Law and the creation of a regulatory legal framework for the provision of private military services: interface points // Military Law. 2015. No. 1 (33). Pp. 62–75 (in Russ.).
72. *Stepin V.S.* Scientific rationality in technogenic culture: types and historical evolution // Questions of philosophy. 2012. No. 5. Pp. 18–25 (in Russ.).
73. *Stepin V.S.* On methodological approaches to the analysis of social cognition // Herald of the Moscow University. Ser. 7: Philosophy. 2014. No. 3. Pp. 3–10 (in Russ.).
74. *Stepin V.S.* The system of objects of scientific knowledge and types of rationality // Herald of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2007. No. 1 (1). Pp. 65–76 (in Russ.).
75. *Stepin V.S., Gorokhov V.G., Rozov M.A.* Philosophy of science and technology: textbook for universities. M., 1996 (in Russ.).
76. *Tikhomirov Yu. A.* Law enforcement: from spontaneity to a system in law // Journal of Russ. law. 2007. No. 12 (132). Pp. 27–36 (in Russ.).
77. *Tolkachenko A.A., Zatelepin O.K., Kharabet K.V.* The luminaries of military legal science: a look from the past through the present into the future // Russ. Justice. 2020. No. 6. Pp. 45–50 (in Russ.).
78. *Tuganov Yu. N.* Law and order in the Armed Forces: from Peter I to the reforms of Alexander II // Military Law. 2015. No. 2 (34). Pp. 130–140 (in Russ.).
79. *Tuganov Yu. N., Aulov V.K.* Objectification of the national interests of the Russian Federation in the norms of Military Law: a modern approach // Military Law. 2022. No. 4 (74). Pp. 73–81 (in Russ.).
80. *Utyuganov A.A., Ivanov M.S., Yanitsky M.S., Gray A.V.* Security in the system of value and semantic orientations of officers of the Russian National Guard: on the example of cadets – future officers // Herald of the RUDN. Ser.: Psychology and Pedagogy. 2020. Vol. 17. No. 3. Pp. 440–458 (in Russ.).
81. *Fateev K.V.* The legal content of the military security of the state and its provision in the XXI century // Military Law. 2009. No. 1. Pp. 41–50 (in Russ.).
82. *Khabrieva T.Ya.* Technological revolutions and their projection in law // Questions of history. 2022. No. 2–2. Pp. 256–270. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202202Statyi33 (in Russ.).
83. *Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N.* Law and Pandemic: lessons from the crisis // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 92. No. 8. Pp. 803–808. DOI: 10.31857/S0869587322080084 (in Russ.).
84. *Kharitonov S.S.* On the connection of Military Law with the concept of legality // Legal life. 2019. No. 3 (27). Pp. 148–154 (in Russ.).
85. *Kholikov I.V.* To the anniversary of Professor Oleg V. Damskin // State and Law. 2019. No. 8. Pp. 138–139. DOI: 10.31857/S013207690006256-3 (in Russ.).
86. *Kholikov I.V.* Legal foundations of international cooperation in the field of military medicine and healthcare // Military Medical Journal. 2005. Vol. 326. No. 7. Pp. 55–58 (in Russ.).
87. *Kholikov I.V., Bolshakova V.M., Naumov P.Yu., Zelepukin R.V.* Values and meanings of the main judicial act of the XX century: axiological concepts of the book by A.N. Savenkov “Nuremberg: Verdict for name of Peace” (Discussion materials) // State and Law. 2022. No. 10. Pp. 51–62. DOI: 10.31857/S102694520021789-8 (in Russ.).
88. *Kholikov I.V., Milovanovich A., Naumov P.Yu.* Dynamics of the functioning of International Law in the context of the transformation of the modern world order: a post-non-classical approach // Journal of Russ. law. 2022. Vol. 26. No. 11. Pp. 132–148 (in Russ.).
89. *Kholikov I.V., Sazonova K.L.* Problematic issues of the implementation of international responsibility of international organizations for violations of International Humanitarian Law // Law in the Armed Forces – Military Law Review. 2022. No. 4 (297). Pp. 102–111 (in Russ.).
90. *Khomchik V.V.* Monograph “Military Law” provided a theoretical breakthrough in fundamental research of modern problems of military science // State and Law. 2022. No. 3. Pp. 199–203. DOI: 10.31857/S102694520019175-3 (in Russ.).
91. *Chukin S.G., Naumov P.Yu.* Justice today: a difficult choice between distribution and recognition. Article one // Ideas and ideals. 2015. Vol. 1. No. 2 (24). Pp. 46–58. DOI: 10.17212/2075-0862-2015-2.1-46-58; article two. 2016. Vol. 1. No. 3 (29). Pp. 81–92. DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.1-81-92 (in Russ.).
92. Language. Knowledge. Reality. To the seventieth anniversary of A.L. Nikiforov / ed. by I.T. Kasavin, P.S. Kusly. M., 2011 (in Russ.).
93. *Yanitsky M.S.* The system of value orientations of personality and social communities: The structural-dynamic model and its application in psychological research and psychological practice // Herald of the Kemerovo State University. 2020. Vol. 22. No. 1 (81). Pp. 194–206 (in Russ.).

Сведения об авторах

ХОЛИКОВ Иван Владимирович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра международного права и сравнительно-правовых исследований, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 117218 г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, д. 34
ORCID: 0000-0003-0421-5829

НАУМОВ Петр Юрьевич — кандидат педагогических наук, помощник начальника госпиталя по правовой работе — начальник юридической службы Главного военного клинического госпиталя войск национальной гвардии Российской Федерации; 143914 Московская область, г. Балашиха, микрорайон Никольско-Архангельский, Вишняковское шоссе, вл. 101
ORCID: 0000-0002-2875-2322

Authors' information

KHOLIKOV Ivan V. — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Center for International Law and Comparative Law Research, Professor of the Chair of International and European Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., 117218 Moscow, Russia

NAUMOV Petr Yu. — Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Head of the Hospital for Legal Work — Head of the Legal Support Department, Main Military Clinical Hospital of the National Guard Troops of the Russian Federation; 101 Vishnyakovskoye Highway, Nikolsko-Arkhangelsky Microdistrict, 143914 Balashikha, Moscow Region, Russia

УДК 340.1

О НЕДОПРАВОСПОСОБНОСТИ КРИОНИРОВАННЫХ ЛЮДЕЙ: НУЖЕН НОВЫЙ СУБЪЕКТ ПРАВА

© 2024 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mklean@bk.ru

Поступила в редакцию 10.11.2023 г.

Аннотация. Рассматривается проблематика необходимости определения статуса крионированного (погруженного в глубокую заморозку минус 196 градусов по Цельсию) смертельно больного человека по специальной методике в соответствии с заключенным в отношении его договором на длительный срок в целях его последующей разморозки, когда будут выработаны технологии безопасности такой разморозки и излечения крионированного. Отмечается, что в настоящее время в нашей стране нет никакого законодательного и иного нормативно-правового регулирования в этой сфере, как нет и научно-правовых исследований по данной тематике. Но есть у некоторых смертельно больных острое желание подвергнуться такой технологии, поскольку крионирование, по их мнению, — последний шанс не умереть в надежде на будущие достижения науки, позволившие разморозить и вылечить крионированного. А если есть спрос — будет и предложение. Сегодня в России действует (с 2005 г.) единственная предпринимательская структура, постепенно набирающая обороты. По такому договору крионируют криопациента, биологически и юридически умершего, что не гарантирует его сохранности — в правовом плане — ни при длительном хранении, ни при разморозке. Принимая во внимание, что правоспособность гражданина возникает с момента его рождения и прекращается смертью, в статье предлагается расширить это понятие за счет нового субъекта — криопациента, — не полностью живого, но и не трупа, что не позволит в будущем обращаться с ним как с трупом.

Ключевые слова: правоспособность, крионирование человека, договорное регулирование, статус криопациента.

Цитирование: Клеандров М.И. О недоправоспособности крионированных людей: нужен новый субъект права // Государство и право. 2024. № 1. С. 117–129.

DOI: 10.31857/S1026945224010114

ON THE INCAPACITY OF CRYONIZED PEOPLE: A NEW SUBJECT OF LAW IS NEEDED

© 2024 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mklean@bk.ru

Received 10.11.2023

Abstract. The problem of the need to determine the status of a cryonized (immersed in deep freezing minus 196 degrees Celsius) terminally ill person according to a special technique, in accordance with the contract concluded with respect to him for a long time for the purpose of his subsequent defrosting, when safety technologies for such defrosting and cryonized healing will be developed. It is noted that currently in our country there is no legislative and other regulatory regulation in this area, as there is no scientific and legal research on this topic. But some terminally ill people have an acute desire to undergo such technology, since cryonation, in their opinion, is the last chance not to die in the hope of future scientific achievements that allowed defrosting and curing the cryonized. And if there is a demand, there will be a supply. Today in Russia there is (since 2005) the only business structure that is gradually gaining “momentum”. Under such an agreement, a cryopatient is cryonized, biologically and legally deceased, which does not guarantee its safety — in legal terms — neither during long-term storage nor during defrosting. Taking into account that the legal capacity of a citizen arises from the moment of his birth and ceases with death, the article proposes to expand this concept at the expense of a new subject — a cryopatient — not fully alive, but not a corpse, which will not allow him to be treated as a corpse in the future.

Key words: legal capacity, human cryonation, contractual regulation, cryopatient status.

For citation: Kleandrov, M.I. (2024). On the incapacity of cryonized people: a new subject of law is needed // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 117–129.

Сама по себе крионика (греч. “криос” — холод) — это технология охлаждения тела до сверхнизких температур. И ядром ее (или целью) является мнение (предположение), что прекращение работы мозга теоретически может и не быть окончательной смертью, и в будущем достижения в сферах технологий и иных сферах позволят оживить тела, хранившиеся долгие годы при сверхнизких температурах.

Вообще-то идеи о длительном сне человека, что называется, «носятся в воздухе», и давно. Взять хотя бы сказки из славянского фольклора о спящей царевне. В конце XIX в. известный британский писатель-фантаст Г. Уэллс опубликовал мрачную повесть «Когда спящий проснется», краткая фабула которой такова. Английский джентльмен, весьма обеспеченный, начал внезапно нервничать, у него пропал сон, а потом он заснул и проснулся через очень большой промежуток времени. И выяснилось: его финансы, помещенные в банках под проценты, сделали его самым богатым в мире. Мир же сильно изменился, а его самозванные опекуны, пользуясь его капиталом, стали владеть в режиме фашистского государства. В общем, этот длительный сон ни к чему хорошему не привел, иной морали в данной повести нет.

Весьма близко к рассматриваемой в данной статье проблеме приближается двухсерийный фильм 60-х годов с Донатасом Банионисом в главной роли «Бегство мистера Мак-Кинли». Дело происходит в какой-то продвинутой в технологическом отношении капиталистической стране, население которой запугано угрозой ядерной войны. И мистер Мак-Кинли, также этой угрозой предельно запуганный, обладающий необходимыми капиталами, решил сбежать в будущее. Благо реклам различных фирм, обещающих клиента заморозить, а потом через большой, оговоренный с клиентом срок (зависящий от размера оплаты) разморозить, было немало. Мистер Мак-Кинли заключил контракт, его заморозили, через оговоренное контрактом время разморозили, по условиям контракта дали стакан воды, чистые одежду и обувь и выпроводили. Сильное для зрителя впечатление производят мрачные лица и молчаливость сотрудников фирмы (это при разморозке, в отличие от заморозки, когда персонал фирмы был сама приветливость), минимум их необходимых действий, а главное — многократные тамбуры, проходя которые — в одиночку, без сопровождающих — к выходу наружу, мистер Мак-Кинли видел, как за ним автоматически закрываются очень толстые бронированные двери

без каких-либо ручек, отверстий для ключей и пр. с обратной стороны.

А когда Мак-Кинли после прохождения последней двери выпихнуло сжатым воздухом наружу, он увидел, как автоматически скрытыми механизмами место его выхода засыпается песком, камнями, обожженной землей, какими-то обломками, и моментально никакого следа от этого выхода не осталось. А оглянувшись кругом, мистер Мак-Кинли увидел: со всех сторон поднимаются грибы ядерных взрывов, небо везде черно-багровое, вся земля, насколько видно, перепажана взрывами и черна от ожогов огромной мощности.

Мораль здесь очевидна: сбегать советскому человеку в будущее не следует, поскольку, если много людей сбежит, некому будет крепить оборону и строить коммунизм, а человечество ждет показанное в этом фильме будущее.

Кстати, сам Донатас Банионис в одном из интервью сказал: «Я не могу к этому всерьез относиться, скорее это некая псевдонаучная мистификация, имевшая целью сделать бизнес. Когда мы в советское время снимали фильм “Бегство мистера Мак-Кинли”, сюжет которого основан на схожей ситуации с заморозкой могущественного миллионера, то относились к этому как к чисто литературной фантазии»¹. Научно-технический прогресс, стремительно развивающийся, особенно в последние десятилетия, ставит (не может не ставить) принципиально новые задачи перед правом, к чему ныне оно подчас абсолютно не приспособлено.

Примером здесь может послужить ситуация с крионированным человеком. Речь идет о заморозке человека, надеющегося через определенный срок, например через сто лет, после разморозки получить излечение от смертельной болезни — с учетом того, что медицина к моменту его заморозки не способна его излечить от этой болезни, а через сто лет сможет.

Как в 2012 г. отмечалось в отечественных СМИ, в мире всего «замороженных» более 200, еще 2000 заключили контракты на «заморозку», в основном в США — компания «Алькор» в Аризоне и Институт крионики в Мичигане (всего в США четыре таких компании). Во Франции крионирование человека запрещено законом.

В России есть «криодепозитарий» в Сергиевом Посаде в Московской области, где в 2012 г. более 100 человек заключили контракты на криосохранение. Здесь, на территории бывшей военной базы, размещена компания «КриоРус», где «крионированные люди» минимум 100 лет, как обещано,

проведут в сосудах Дьюара, заполненных жидким азотом.

В статье, опубликованной в «Российской газете» в 2012 г.,² рассказано, что схематично «холодное бессмертие» выглядит так: после биологической и юридической (! — *М.К.*) смерти из пациента откачивают кровь, заменяя ее специальными растворами, чтобы кристаллики льда не разрушали клетки. Тело охлаждают до ультранизких температур и хранят при температуре -196°C в жидком азоте.

Однако возникает вопрос: если зафиксирована юридическая смерть человека, его «крионировали», а затем, пусть и через сто лет, разморозили и он стал живым и полностью право- и даже дееспособным, то можно ли считать его при заморозке умершим? Главная цель, которую преследует как сам крионируемый, так и компания, осуществляющая его крионирование, — через сто лет разморозить криопациента, причем в добром здравии — и физическом, и психическом. И заранее речи нет о воскрешении «крионированного» из мертвых. Расчет здесь прост — пациент смертельно болен, сейчас его нельзя вылечить, медицина бессильна, а через сто лет медицина вылечит.

Но раз — по факту — его нельзя считать умершим ни биологически, ни юридически (ведь смерть человека — это не «выключил/включил»), то кем с юридической точки зрения он был эти сто лет? Пожалуй, сравнить его можно лишь с человеком, заснувшим летаргическим сном, но который точно не умерший.

И здесь возникают многие проблемы, причем они вряд ли могут быть сегодня решены элементарными законодательством и судебным правоприменением. Здесь мы имеем дело с качественно новым, до этого не встречавшимся субъектом права — человеком «крионированным», что требует научно-правовых исследований фундаментального уровня. Ибо считать его мертвым нельзя, и даже не потому, что умерших положено вскрывать с целью узнать причины смерти (что, правда, делается далеко не всегда), и не потому, что умерших кремируют или хоронят в земле (есть кое-где и иные варианты). А потому, что раз умер, так умер, а если его рано или поздно «воскресят» (разморозят), значит, он не умер.

И фундаментальные научно-медицинские исследования в данном направлении следует вести в целях обеспечения сохранения мозговой деятельности крионированного так, чтобы он не умер, но и не функционировал, а как бы длительно и очень глубоко спал, временно был выключен.

¹ Чебышева К. Клиенты верят в бессмертие. Их обещают разбудить лет эдак через 50... // Труд. 2006. 17 мая.

² См.: Елков И. Мороз под кожей. Сохранить свое тело для воскрешения в будущем стоит в подмосковном криодепозитарии 900 тыс. рублей // Росс. газ., неделя. 2012. 11 окт.

Все время здесь присутствует еще один вопрос. Человек ведь не механизм, у него есть помимо физического тела и душа, и в период «заморозки» тела она где? А если после «разморозки» появится лишь живое тело без души, то это явно будет совсем не человек — во всяком случае, не тот человек, которого заморозили.

И каков, предположительно, статус криочеловека? С правовых позиций? В семейном праве — его супруга (ее супруг) не могут ведь вступить в новый брак при живом супруге, иначе это будет многоженство, караемое уголовно. В наследственном праве вступить в наследство его имущества тоже нельзя — он не умер, а завещание у неумершего не действует, там может иметь место доверенность на использование имущества, но это уже гражданское право, и тут, по сути, разницу в статусе между крионизированным человеком и физическим дееспособным лицом обнаружить сложно. В уголовном праве — если он перед крионизированием совершил преступление, а потом успел заморозиться (не сам, разумеется), то можно ли в отношении его вести уголовное преследование? Особенно с учетом того обстоятельства, что крионизировать можно тело (в полноценном виде) человека, либо лишь его голову, либо вообще только его мозг. Да и немедленная разморозка человека на современном уровне развития криотехнологий практически гарантирует смерть размораживающегося.

Видимо, эти и им подобные доводы побудили вдову заключившего контракт на «крионизацию» в криодепозитории Сергиева Посада пенсионера В., больного раком, верящего, что «наука в будущем достигнет уровня, когда и лечение рака, и воскрешение из криосостояния не будет проблемой», и заплатившего «за билет в будущее» 300 тыс. рублей, решить вопрос иначе: вместо «холодного бессмертия» тело инженера вместе с мозгом сгорело в топке крематория. Так вдруг решила его вдова. Разгорелся скандал, создавший сложный юридический прецедент — ведь воля инженера В. была письменно и на видео зафиксирована.

Однако при отсутствии какого-либо регулирования, основанного на фундаментальных научных исследованиях в праве, этот скандал не может быть юридически, на принципах справедливости, разрешен. Суду здесь не помогут обращения ни к аналогии закона, ни к аналогии права. Да и, похоже, в самом большом и изначальном правовом плане без фундаментальной правовой науки, при полностью «целинном» правовом поле, включающем правовую науку, здесь не обойтись.

Общеизвестно, что наука — это получение новых знаний, но не вообще, а направленных на развитие человеческой цивилизации — в том или ином сегменте новых знаний. Принято также делить

научные исследования на прикладные, поисковые и фундаментальные.

Прикладные — это исследования, направленные на получение новых знаний с целью практического их использования для разработки технических, социальных и иных нововведений, их цель — применение достижений поисковых и фундаментальных наук для решения познавательных и социально-практических проблем, а конечным результатом их являются рекомендации по созданию этих нововведений.

Поисковые — это экспериментальные или теоретические исследования, направленные на получение новых знаний без какой-либо конкретной цели, связанной с использованием этих новых знаний, на увеличение объема знаний для глубокого понимания изучаемого предмета, на помощь в разработке прогнозов развития науки и техники, открытие путей применения новых явлений и закономерностей.

А фундаментальные — это экспериментальные или теоретические исследования, так же, как и в поисковой науке, направленные на получение новых знаний без какой-либо конкретной цели, связанной с использованием этих знаний. Но их результаты иные — это гипотезы, теории, методы и т.д. Основная функция фундаментальных исследований — познавательная. Непосредственная цель — делать выводы о природных законах, законах развития человеческого общества и т.п., имеющих общий характер и закономерное постоянство. Основные признаки фундаментальных вскрытых научных явлений — концептуальная универсальность и пространственно-временная общность. Можно даже сказать: фундаментальная наука — генератор идей и проектов, база для поисковых и прикладных исследований, хотя подчас ее результаты могут быть названными исследованиями востребованы очень нескоро. А иногда вообще не восприняты, ни теорией, ни практикой.

Все сказанное в полной мере относится и к правовым наукам, прежде всего фундаментальным³. И важно отметить, что достижения и результаты фундаментальных научных исследований подчас не очевидны и могут «выстрелить» лишь спустя десятилетия. А могут и вообще эти исследования оказаться тупиковыми, несмотря на затраченные на них средства, время, усилия. Но и этот путь также надо пройти, чтобы поисковые и прикладные исследования не тратили время, силы, средства впустую. Не всегда это получается. Вместе с тем в части фундаментальной правовой науки следует добавить

³ См.: Клеандров М.И. О фундаментальной науке права и некоторых ее направлениях // Государство и право, 2020. № 5. С. 19–31.

следующее. В определенных научно-правовых и околонаучных кругах складывается мнение, согласно которому если на каком-либо «поле» общественных отношений мало или нет совсем научных публикаций (защищенных диссертаций), то и правовой науки (подчас целой отрасли права) здесь нет, и нужды в этих исследованиях нет.

Но с этим категорически нельзя согласиться. Законо- и нормопроектирование не может быть эффективным, если оно не опирается на научно-правовые (и иных наук) исследования. Да и правоприменительная, прежде всего судебная практика, встречаясь с ситуациями, в основе которых не лежат достижения научно-технического прогресса, «буксует», и в результате принимаются неверные решения.

С другой стороны — подлинному ученому-юристу разве интересно заниматься НИР на «паханом-перепаханом правовом поле», где научную новизну можно отыскать с большим трудом и в малом объеме? Наоборот, интересно вести не на «целинном» правовом поле, где нет ни результатов научных исследований, ни правоприменительной, включая судебную, практики, нет подчас даже более-менее сформулированного понятийного аппарата.

В Российской Федерации за год законодатель принимает до 5000 федеральных законов, в основном об изменениях и дополнениях действующих нормативных правовых актов. Разумеется, каждый из этих 5000 федеральных законов требует принятия в его развитие и для его исполнения соответствующих актов органов исполнительной власти, местного самоуправления, ведомственных актов и т.д. Можно уверенно предположить, что проблема здесь в отсутствии должной правовой политики, а в первую голову — в недоработках фундаментальной правовой науки.

А научно-технический прогресс стремительно набирает обороты, причем стремительно ускоряясь. И эти правовые лакуны, требующие научного закрытия, все возрастают, и количественно, и качественно. И далеко не всегда они очевидны. И крайне важно для фундаментальной правовой науки их вовремя увидеть (пока не началось торможение развития тех или иных сфер общественных отношений), сформулировать и исследовать.

Одна из таких правовых лакун общественных отношений и рассматривается в настоящей статье. Крионированный человек — это недоправосубъектное образование в частных правоотношениях. Есть такие недоправосубъектные образования и в экономике⁴.

⁴ См.: Клеандров М. И. Недоправосубъектные экономические образования: что это такое // Журнал рос. права. 2023. № 8. С. 28–38.

В более широком плане полная правовая лакуна сильно сказывается на правосудии, в основе которой, как известно, лежит обязанность восполнения норм материального и процессуального законодательства.

И эта проблема не надумана, не «высосана из пальца», она жизненна. Дело в том, что если 50, даже 30 лет назад человечество в техническом и технологическом плане развивалось медленно, резкие скачки в развитии были редкостью и правовое регулирование отношений в сферах, образованных данным развитием, за ним более-менее успешно поспевало, то позднее ситуация изменилась. Более того, эта изменяемость ситуации нарастает все большими темпами — в интернет-технологиях, в биотехнологиях, искусственном разуме и проч. Соответственно, общественные отношения, возникающие вследствие бурного и ускоренного научно-технического прогресса, становятся все более лакунными — в плане урегулированности их правом. А особенно остро эта ситуация возникает, когда нет не только правового регулирования в отдельной сфере, но и научно-правовых исследований.

А бывает, что на этой двойной лакуне возникает необходимость принятия судебного решения. Пока — нечасто. К примеру: несколько лет назад Арбитражный суд г. Москвы, рассматривая дело о банкротстве, получил ходатайство от одного из кредиторов с требованием обязать должника-банкрота раскрыть код криптокошелька и находящуюся в нем криптовалюту передать ему в возмещение задолженности. В то время общее понимание природы криптовалюты было очень смутным, научных работ о ней не было и не было правового регулирования в отношении этой криптовалюты: непонятно было даже в самом дальнем приближении — это деньги в особой форме или не деньги, больше того — это имущество или не имущество, а что-то непонятное, неизвестное. И суду необходимо было ответить в своем решении, причем без каких-либо задержек, на эти вопросы. Что он и сделал, указав, что криптовалюта — не имущество, и своим Определением отказал кредитору в его требовании. Сославшись при этом в обосновании своей позиции на аналогию закона.

А апелляционная инстанция приняла прямо противоположное решение, указав, что криптовалюта — имущество, и также сослалась на аналогию закона.

Оба судебных решения, противонаправленные по существу, были вынесены при полном отсутствии соответствующего правового регулирования и какой-либо научно-правовой базы. Но проблема здесь намного глубже, она воистину фундаментального уровня и заключается в следующем. В силу ст. 10 Конституции РФ государственная власть

осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную, которые самостоятельны.

Само собой разумеется, судебная власть, ее суды в своей деятельности руководствуются актами законодательной власти. Но если этих актов нет, как в вышеописанном примере, судебная власть вынужденно заполняет эту лакуну своими актами. И должна ли законодательная власть в своей законопроектной работе опираться (или хотя бы учитывать), что конкретная лакуна общественных отношений, над которой работает законопроектант, уже заполнена судом, его судебным актом?

Вернемся, однако, к проблеме крионирования человека. Есть несколько коммерческих организаций, занимающихся этим делом, есть одна и в Российской Федерации, это ООО «КриоРус», созданная в 2005 г., действующая на полулегальном, по существу, положении. Почему полулегальном?

А потому, что договор между ООО «КриоРус» как Исполнителем, и Заказчиком — это, по сути, единственный регулятор отношений в сфере крионирования; это договорное регулирование — при отсутствии иного. По сути, договор между его сторонами по заморозке человека в отсутствие какого-либо регулирования является единственным — договорным — регулированием. Что он собой представляет?

Цель — посмотреть, что это за договор, его предмет, субъектный состав его участников, права и обязанности его участников и проч. Единственный текст примерного договора — это проект договора 2014 г. между ООО «КриоРус» (с указанием его почтового адреса, банковских и прочих реквизитов, но без указания даты и места регистрации его Устава).

Предметом данного договора является не оказание услуг, как можно было ожидать, а проведение научно-исследовательских работ. Сторонами по нему являются: названное ООО — Исполнитель, а Заказчик — не будущий крионируемый (замораживаемый), а находящийся «в здравом уме и твердой памяти», желающий, чтобы «Криопациент» был сохранен с помощью экспериментального метода, известного как крионическое сохранение (криосохранение). При этом Криопациент означает указанного в договоре человека, желающего быть крионированным, и в основной части договора означает тело, голову или мозг этого человека.

Какие научные работы выполняются в соответствии с этим договором? Здесь немало оговорок. Указано, что под «криосохранением» понимается экспериментальная научная процедура сохранения, вариантно, мозга, головы или тела человека при сверхнизких температурах. Криосохранение состоит из двух этапов: «крионирование»

(подготовка тела к сохранению и охлаждение) и «криохранение» (долгосрочное хранение при сверхнизких температурах). Исполнитель обязуется принять все возможные меры для крионирования и криохранения Криопациента, используя те методы (учитывая финансовые ограничения, налагаемые суммой, уплаченной Заказчиком, задержки оповещения, удаленное местоположение Криопациента, юридические препятствия и другие обстоятельства), которые Исполнитель сочтет необходимым для сохранения Криопациента и которые наиболее вероятно сохраняют потенциал Криопациента к функционированию после оживления в качестве живого человека. При этом, понимая невозможность точной оценки шансов на успешное оживление Криопациента в будущем, стороны признают, что мнение о низкой вероятности оживления со стороны Исполнителя, Заказчика, их представителей или третьих лиц не может служить основанием для невыполнения экспериментальных работ по криосохранению. Важно здесь: Исполнитель выполняет все действия с Криопациентом только после регистрации его юридической смерти. Подготовительные действия до наступления его юридической смерти проводятся, только если законодательство страны, в которой производится процедура, разрешает это (этот пункт договора неясен — ведь все эти процедуры выполняются только в России, и о каких-либо филиалах Исполнителя за рубежом неизвестно, да он бы и указал на их наличие).

Далее договором предусмотрено, что после его подписания Исполнитель по согласованию с Заказчиком может (?) передать ему инструкции, оборудование или материалы для подготовки рекомендуемых первоначальных действий по крионированию. А после оповещения Исполнителя о критическом состоянии Криопациента Исполнитель консультирует и дает рекомендации Заказчику или его представителям о возможной организации перевозки Криопациента после наступления юридической смерти для осуществления криосохранения. При этом в договоре под критическим состоянием Криопациента понимается смерть, терминальная стадия заболевания или любая иная серьезная опасность для жизни. Установлено, что исполнитель прилагает усилия к максимально скорой перевозке Криопациента, с учетом имеющихся транспортных (наличие рейсов и др.), юридических (оформление необходимых документов в государственных органах) и других ограничений. И при наличии такой возможности, с учетом сроков оповещения, местоположения Криопациента, доступности Криопациента и других факторов, после наступления юридической смерти Исполнитель проводит стабилизацию Криопациента, под которой подразумевается посмертный внутривенный ввод препаратов для минимизации повреждений

клеток и тканей тела Криопациента вследствие кислородного голодания и других процессов и явлений, начинающихся после смерти. А при наличии технической возможности обеспечивается искусственное кровообращение с целью снабжения клеток кислородом для защиты от ишемии до начала перфузии. Для уменьшения повреждений при охлаждении ниже 0°C используется криопротектор — защитное вещество, предотвращающее или уменьшающее образование кристаллов льда в клетках и межклеточном пространстве тела/головы/мозга Криопациента. Но перфузия криопротектором не проводится при отсутствии такой возможности из-за позднего оповещения, удаленного нахождения Криопациента или если Криопациент уже был заморожен до температуры ниже 0°C .

Важна также следующая обязанность Исполнителя. Учитывая, что низкая температура является ключевой для замедления разрушительных процессов в организме и центральной частью криосохранения, Исполнитель обеспечивает качественное охлаждение Криопациента на всех выполняемых Исполнителем этапах крионирования, подтверждаемое постоянным контролем внешней и внутренней температуры Криопациента. Во время перфузии поддерживается низкая температура Криопациента, используется охлажденный раствор криопротектора.

Далее: после завершения перфузии Исполнитель охлаждает Криопациента до температуры постоянного хранения. При наличии технической возможности используется программный замораживатель с компьютерным управлением для обеспечения оптимальной скорости охлаждения. И криопациент помещается на криохранение в криостат — контейнер, заполненный жидким азотом. При этом при сохранении всего тела Исполнитель обеспечивает расположение в криостате и позу тела Криопациента, оптимальную для долгосрочного криохранения. Исполнитель обязуется обеспечить криохранение Криопациента в течение срока действия договора (а как предусмотрено п. 7.2 и 7.3 договора, срок этот длителен. Предусмотрено: «Основываясь на оценках российских и зарубежных экспертов о темпах развития медицинских технологий, в т.ч. наномедицины, и прогнозах возможного оживления криопациентов в третьей-четвертой четверти XXI в., стороны установили срок действия договора равным 100 лет с момента его подписания. В случае если возможность оживления криопациентов не появилась в течение срока действия договора и при отсутствии нарушений по договору, договор каждый раз автоматически пролонгируется еще на 25 лет»). Хранение осуществляется при температуре -196°C (температура испарения жидкого азота). При хранении в жидком азоте Криопациент поддерживается полностью

погруженным в жидкий азот. А при необходимости извлекать Криопациента, например для перемещения в другой криостат, принимаются все меры для поддержания температуры -196°C . Вместе с тем предусмотрено, что по своему усмотрению Исполнитель может организовать хранение при промежуточной температуре от -100°C до -130°C в парах жидкого азота. При невозможности же использовать жидкий азот Исполнитель может временно использовать сухой лед (температура сублимации -78°C), но Исполнитель уведомляет об этом Заказчика или его представителей.

Договором также установлено, что Исполнитель обязуется предпринять все возможные меры для обеспечения безопасного криохранения Криопациента, которые включают обеспечение безопасности криохранилища, юридическую защиту и др. Тем не менее, сказано в Договоре, учитывая долгосрочный характер работ по криохранению и высокий уровень рисков, стороны признают, что Исполнитель не может гарантировать успех подобных мер. А учитывая долгосрочный характер работ по криохранению, недостаточную развитость крионики, риски, неизбежно присущие новым технологическим методам, стороны соглашаются, что в случае крайней необходимости по своему усмотрению и с обязательным уведомлением Заказчика или его представителей (если таковые найдутся. — ?) Исполнитель может для обеспечения дальнейшего криохранения Криопациента предпринять следующие действия: а) перевозку Криопациента в другую крионическую организацию, согласную продолжить криохранение Криопациента; б) в случае если было выбрано сохранение всего тела, «конверсия» со всего тела на нейросохранение (сохранение только головы или мозга), т.е. отделение головы от тела с сохранением температурного режима хранения и дальнейшее сохранение только головы.

В то время в будущем, когда Исполнитель решит, что Криопациент может быть удовлетворительно оживлен и вылечен с использованием доступных медицинских технологий, и когда оживление Криопациента и его лечение явятся экономически оправданными (с учетом суммы, уплаченной Заказчиком), Исполнитель примет все возможные меры для осуществления цели оживления и извлечения Криопациента. Напрашивается вопрос: а если сумма, уплаченная Заказчиком, недостаточна, что — оживлять Криопациента будет не нужно?

В обязанности Заказчика (напомню, это не Криопациент) входит оплатить работы по криосохранению в соответствии с договором. А при заключении договора до смерти Криопациента Заказчик должен принять меры для оформления волеизъявления или завещания Криопациента,

в котором будет указано желание Криопациента быть криосохраненным. Копии данных документов должны быть представлены Исполнителю. При этом Заказчик признает, что отсутствие подобных документов может помешать Криосохранению и Исполнитель не несет ответственности за последствия отсутствия подобных документов.

Далее. Немедленно при наступлении критического состояния Криопациента Заказчик (или его представители) обязан уведомить Исполнителя об этом и обязан внимательно отнестись к рекомендациям Исполнителя относительно охлаждения, хранения, перевозки и других действий по криосохранению Криопациента. Кроме того, всю появляющуюся у Заказчика информацию относительно состояния Криопациента, условий его хранения, перевозки, медицинскую историю, наличия юридических или логистических проблем и рисков, позиции врачей, представителей государственных органов и любую другую информацию, имеющую отношение к смерти Криопациента и его криосохранению, Заказчик или его представитель обязан своевременно предоставлять Исполнителю. А в случае нахождения Криопациента за пределами г. Москвы Заказчик или его представители обязаны организовать перевозку Криопациента в г. Москву с соблюдением требований и сроков, указанных Исполнителем, включая соблюдение температурного режима и оформление необходимых справок и иных юридических документов. Заказчик или его представители обязаны также передать тело (голову или мозг) Криопациента Исполнителю для проведения криосохранения с предоставлением всех необходимых документов, требуемых законодательством Российской Федерации, включая оригинал гербового свидетельства о смерти. Наконец, Заказчик обязан согласовать с Исполнителем объем личной информации о Криопациенте, которая может быть использована Исполнителем в информационных материалах. Заказчик обязан предоставить эту информацию, включая фото- и видеоматериалы, в согласованном объеме.

Отдельно договором определена его цена. Установлено, что Заказчик выбирает Криосохранение всего тела/мозга Криопациента (и здесь криосохранение только головы договором почему-то не названо). Из чего состоит цена договора? Она включает стоимость экспериментальных работ по крионированию при условии их выполнения в г. Москве и криосохранению сроком на 100 лет (!).

В цену договора включена перевозка в пределах г. Москвы, а перевозку в г. Москву оплачивает Заказчик или его представитель за свой счет. Далее предусмотрено: признавая, что технологии, необходимые для оживления Криопациента, еще не разработаны, но могут быть разработаны

в будущем, а также признавая вероятность значительных экономических и социальных изменений в обществе, стороны соглашаются, что характер дополнительных работ по оживлению Криопациента, связанные с ними расходы и размер гонорара будут определяться дополнительным соглашением в связи с будущими реалиями на момент оживления. В этих целях Заказчик может на свое усмотрение передать Исполнителю дополнительные денежные средства сверх цены договора для финансирования будущих экспериментальных работ по оживлению или научных исследований по разработке технологий, необходимых для оживления. Передача средств для этих целей регулируется отдельным договором.

По-своему оригинален установленный данным договором порядок расчетов. Здесь, в частности, предусмотрено: Исполнитель имеет право по своему усмотрению выполнить работы по крионированию и по временному или постоянному криохранению Криопациента также в случае неполной оплаты настоящего договора. А Заказчик может по своему усмотрению перечислить часть внесенных по настоящему договору средств в счет оплаты договора на криосохранение другого человека, являющегося родственником Заказчика первой или второй степени родства. А при нарушении Заказчиком графика платежей Исполнитель имеет право расторгнуть договор даже после начала подготовки к крионированию. Возврат уже внесенных средств не производится. Исполнитель имеет право произвести «конверсию» (п. 3.10.2), передать Криопациента родственникам или другим представителям Криопациента или Заказчика или захоронить останки Криопациента.

Кроме того, договором определено: Заказчик признает, что Исполнитель не дает гарантий оживления Криопациента, а также — что Исполнитель не дает гарантий успешного сохранения Криопациента и не несет ответственности за криосохранение Криопациента в ином помещении, кроме как в используемом Исполнителем помещении в г. Сергиев Посад Московской области или любом другом помещении, где он имеет необходимые средства и оборудование для криосохранения Криопациента. Он не несет также ответственности за недостатки процесса криосохранения, вызванные действиями или бездействием Заказчика и его представителей, а если задержка выполнения или невыполнение обязательств обусловлены обстоятельствами непреодолимой силы, которые находятся вне контроля Исполнителя, Исполнитель также не несет ответственности за такую задержку или невыполнение.

Анализ текста данного (примерного) договора позволяет сформулировать вывод: насколько

тщательно прописан в договоре «вход» Криопациента в заморозку, настолько тщательно почти обойден «выход» из нее. Но, наверное, по-другому нельзя. Положение Договора (п. 3.11), в соответствии с которым при наличии определенных условий «Исполнитель примет все возможные меры для осуществления цели оживления (?! — М.К.) и излечения Криопациента», ни к чему фактически Исполнителя не обязывают.

Какова вероятность, что Исполнитель по этому договору — ООО «КриоРус» — через 100 лет будет существовать и сможет принять эти меры «для осуществления цели оживления и излечения Криопациента»? Представляется — нулевая.

А вообще — что на планете Земля может произойти через 100 лет? В оптимальном варианте человечество овладеет телепатией, телепортацией, телекинезом, победит все старые болезни (но появятся новые, неизлечимые тогда, через 100 лет), будет летать со сверхсветовых скоростях в дальний и сверхглубокий космос, перемещаться во времени в обоих векторах и проч. А само общество станет гармонично развитым, жить и развиваться на принципах справедливости, отношения в нем будут в основном регулироваться нормами морали и этики и т.д. А в супероптимальном варианте человечество научится воздействовать на закон причинности, блокировать исторические последовательности, создавать ложные развилки времени, деформировать мировые линии... При этом общественные отношения могут измениться столь основательно, что сегодня это и представить невозможно.

А в пессимистическом варианте развитие человечества будет малозаметным, как в Средние века. А уж в самом плохом варианте человеческая цивилизация станет деградировать, откатываться назад. Ведь каких высот в технологиях, военном деле, юриспруденции и т.д. достигли в своем развитии Древняя Греция и Древний Рим, и что? Наступили черные времена, все эти достижения забылись почти на тысячу лет, до начала эпохи Возрождения.

А уж промежуточных вариантов развития человечества — море, не говоря о количестве вариантов развития общества и государства.

Ну или почти нулевая, ведь даже ООО «КриоРус» может сохраниться, ибо известно, что в КНР до сих пор действует, с 1054 г. (т.е. с XI в.), харчевня, а в Японии — две строительные компании, одна с VIII, а другая вообще с VI в. (нашей эры). И пертурбации в государственном устройстве, в экономике, в обществе, внутренние смуты и войны в обоих этих государствах были не менее бурными, чем у нас. Но ведь сохранились...

Но чтобы сохранилось, даже с правопреемствами, ООО «КриоРус» в течение 100 лет, до момента

истечения срока договора с клиентом (любым), все-таки крайне маловероятно. Нет у нас ни одной хозяйственной (предпринимательской) структуры, даже очень крупной, сохранившей свою организационно-правовую форму свыше, пожалуй, 100 лет.

Очевидно, что процесс разморозки, оживления и исцеления Криопациента будет обходиться во много раз дороже, чем заморозка. Предусмотренное п. 5.3 договора положение, согласно которому характер дополнительных работ по оживлению Криопациента, связанные с ними расходы и размер гонорара будут определяться дополнительным соглашением в связи с будущими реалиями на момент оживления и что Заказчик может на свое усмотрение передать Исполнителю дополнительные денежные средства сверх цены договора для финансирования будущих экспериментальных работ по оживлению или научных исследований по разработке технологий, необходимых для оживления, означает простое увеличение цены договора. Или, как вариант, Заказчик (это не Криопациент, повторяюсь, а его родственники и иные лица; в тексте договора должны быть названы обе стороны договора, но здесь этого нет) будет жить эти 100 лет, периодически, в т.ч. на завершающей стадии, финансово подпитывать Исполнителя.

Опять же — а какие гарантированно выполнимые им обязательства может взять на себя Исполнитель по подобному договору? Как он — в реальности — сможет гарантировать «выход» Криопациента из заморозки при входе в нее? Явно никак.

Даже криосохранение, и даже на короткий срок «КриоРус», не говоря уж о криовоскрешении Криопациента, не может гарантировать. В «Комсомольской правде» от 20–27 сентября 2023 г. была опубликована большая статья А. Шарынтовой «Мы замораживаем тела людей, чтобы оживить их через сотню лет» с несколькими вставками на эту тему, в одной из которых (именуемой «Похищение пациентов») рассказано следующее. В 2021 г. вокруг компании «КриоРус» разразился скандал. Валерию Удалову (генерального директора и одну из основательниц компании) обвинили в «похищении» части пациентов. Фуры с дымящимися от тепла дьюарами сотрудники полиции тогда остановили прямо на выезде из старого хранилища в Подмоскovie. Женщина пыталась перевезти их в Тверь, где тогда еще только строилось новое хранилище. По словам, пациентов она не поделила с бывшим возлюбленным, который и сообщил о случившемся в полицию. По ее мнению, это была попытка рейдерского захвата компании. И если сейчас, на самом старте индустрии крионирования пациентов, в самом ядре «КриоРус» бушуют такие страсти, то чего можно ожидать через десятилетия?

Ведь этот бизнес приносит немалые доходы. В названной газетной статье приводятся такие данные о деятельности «КриоРус». В настоящее время замороженных — 90 человек (не только из России) и около 50 животных (коты, хомяки, шиншилла, попугай и синица). Стоит «бессмертие» (так это именуют в статье) от 3.8 млн руб. за тело и 1.8 млн руб. только за мозг. При этом, что важно, В. Удалова поясняет автору статьи: своих пациентов мы не считаем мертвыми. Мертвые — это приговор, а криопациент — это надежда, у них есть потенциал, чтобы в будущем жить. Они просто спят и не знают, что творится.

Но в названной статье помещена и иная вставка, в которой врач-нейрохирург, канд. мед. наук И. Борщенко считает криозаморозку с последующим воскрешением бредом. Он говорит: «Если вы заморозите мозг, работать он уже не будет. Все остальное, может, и выживет, но мозг работает, пока он теплый. Нервные структуры работают, когда между ними бегают электрический ток. Когда он не бежит, то память обнуляется, все забывается. Даже если нервные клетки выживут, то пациент проснется со стерильными мозгами. Все, что человек знал, он забудет... Когда человек умирает, спустя шесть минут без кислорода умирает и мозг».

Как бы то ни было, количество криопациентов ООО «КриоРус» растет. Если в 2007 г. было трое крионированных (два мозга и одно тело), то в 2012 г. — 22 криопациента, в октябре 2017 г. — 55, в 2020 г. — 70 (32 целиком, остальные — частично), в 2023 г. — уже 90 человек.

И, как нередко приносящий большие доходы бизнес (ведь основные, и невеликие, расходы криодепозитарий несет лишь при крионировании пациента), деятельность по крионированию также вызывает конфликты между участниками ООО «КриоРус», в т.ч. арбитражные, и ожесточенные.

Так, 27 февраля 2023 г. Арбитражный суд г. Москвы рассмотрел иск двух участников названного ООО к генеральному директору (с номинальной долей 10% уставного капитала общества). В иске в подтверждение ненадлежащего поведения ответчика указаны следующие обстоятельства: ответчиком поданы заявления в налоговый орган о внесении изменений в учредительные документы, ссылаясь в т.ч. на протоколы общего собрания участников общества, которые не могли быть подписаны всеми участниками общества; ответчиком не исполняются обязательства по предоставлению документации общества его участникам; ответчик исполняет полномочия генерального директора по истечении срока полномочий; ответчик зарегистрировала компанию-двойника ООО «КриоРус», используя тот же адрес, по которому находится ООО «КриоРус», а также зарегистрировала

товарные знаки ООО «КриоРус», идентичные товарным знакам, которые хотели использовать участники ООО, и т.д. Истцы указали, что в связи с вышеизложенными обстоятельствами компания ООО «КриоРус» не работает, деятельность не ведется, истцам неизвестно, каким образом расходуются денежные средства, принадлежащие компании, а также имеющиеся материальные и нематериальные (это криопациенты? — М.К.) активы. И, пожалуй, главное: истцы в исковом заявлении требуют исключить генерального директора ООО из общества и прекратить его полномочия в качестве генерального директора.

Своим решением Арбитражный суд г. Москвы в удовлетворении исковых требований отказал, обязав тем не менее ООО (третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований) передать истцу кипу документов Общества за период с 2018 г. по 23 ноября 2021 г.

Апелляционная инстанция своим постановлением от 1 июня 2023 г. это решение оставила без удовлетворения, как и кассационная инстанция — постановлением от 14 августа 2023 г.⁵

Из этого следует: рассчитывать на то, что криодепозитарии в неизменном виде просуществуют следующие 100 лет, не приходится.

Таким образом, перед нами отчетливая дилемма. Или криопациент мертв и в таковом состоянии оживить его и через 100 лет невозможно — точнее, тело (голову) можно восстановить, но разум его — категорически нет. Или он жив, вернее — есть небольшая вероятность, что жив, а еще вернее — он чуть-чуть жив, и тогда через 100 лет та, будущая, медицина способна его «разбудить» — тело (голову, мозг) в комплекте с разумом.

Если сотрудники ООО «КриоРус», прежде всего его владельцы, знали, что их криопациент не может быть оживлен (воскрешен) в комплекте с его разумом, то это квалифицируется по ст. 159 УК РФ. А что криопациент мертв и биологически, и юридически, они знали — документы об этом заказчик представлял перед криозаморозкой криопациента. Ну ладно — разум. А ведь у человека есть душа — она может быть заморожена и через 100 лет разморожена?

Естественно, все эти рассуждения сотрудниками «КриоРус», как и иными будущими отечественными и зарубежными криодепозитариями, могут быть парированы: мы предупреждали о вероятности отрицательного результата на «выходе» из заморозки, мы свои обязанности выполнили в полном объеме и т.д.

⁵ См.: Дело № А40-182974/2022 // В официальных источниках опубликовано не было.

Вместе с тем вполне может быть, что сотрудники ООО «КриоРус», как и иных криодепозитариев на планете Земля, искренне верят в благополучное (точнее — в большой степени вероятности) завершение крионирования каждого из криопациентов (о животных, птичках и т.д. речи нет). И элементов мошенничества здесь нет.

А определенные основания к успешному крионированию человека с успешной его разморозкой, тем более в отдаленном будущем, уже существуют. Широко известно, что летом 2023 г. российским ученым удалось оживить червя-нематоду, который 46 тыс. лет (!) покоился в вечной мерзлоте на глубине 8 м на северо-востоке Сибири в районе Колымы. Можно посчитать, что надежда на будущее размораживание человека уже ненулевая, поскольку сейчас происходят две научно-технические революции в данном векторе: в нанотехнологиях и в когнитивных науках (наука о познании).

Во втором варианте — а почему при всей неочевидности успешного результата крионирования человека и Криопациент, и Заказчик идут на это? Здесь ответ также очевиден — это вера в неумолимость научно-технического прогресса, в поступательность науки, которая уже сейчас творит чудеса (в определенных векторах), а то ли еще будет через 100 лет. Жить-то хочется — за редчайшим исключением, особенно смертельно больным, испытывающим сильные боли, не купируемые любыми лекарствами (но ведь эвтаназия в Российской Федерации запрещена). При этом здесь вера в божественное чудо если и присутствует, то на втором плане. А на первом — вера в науку, в научно-технический прогресс. И если есть хоть малейший шанс на оживление через 100 лет, пусть без головы (а то и без черепа), не беда, тело клонируют. Терять-то нечего, альтернатива — смерть, бесповоротная и безвозвратная, с последующим погребением в земле или кремированием (а в этом случае и следа от человека не останется, за исключением горстки пепла).

Необходимо вместе с тем отметить следующее. Сторонники необратимости процесса биологической и юридической смерти смогут добиться законодательного запрещения крионирования человека и ликвидации существующего криодепозитария. Руководствуясь известным лозунгом: «Этого (благополучных замораживания и размораживания) не может быть, потому что не может быть никогда». Но, во-первых, это только с сегодняшней точки зрения, с позиции нынешнего состояния технологий, основанной на современном состоянии научных достижений. Через 100 лет ситуация может радикально, принципиально измениться. Как известно, ценностные системы людей в обществе, как и самого общества, стремительно меняются.

А во-вторых, поскольку желающие получить последний шанс и не желающие умереть безвозвратно идут на криозаморозку сознательно и целеустремленно, индустрия крионирования попросту уйдет в тень. Со всеми отрицательными от этого последствиями.

Таким образом, можно сказать, исходя из правовых реалий в сфере крионирования человека: 1) здесь имеет место практически полное отсутствие законодательства; 2) отсутствуют научные исследования (автору этих строк удалось отыскать лишь переведенную с английского языка монографию Р. Эттингера⁶, и то к рассматриваемой проблеме имеющую не прямое отношение). Да еще одна отечественная научная статья по теме⁷, в которой ее автор сравнивает две правовые системы — Российской Федерации и США — в плане проблем определения момента смерти человека как единственного основания утраты им правоспособности в пограничных терминальных состояниях в условиях прогресса медицинских технологий. В статье отмечается, что в США соответствующим нормативным регулированием установлено: смерть наступает в момент бесповоротного прекращения кровообращения, дыхания и всех функций мозга. В Российской Федерации же соответствующим нормативным регулированием установлено: биологическая смерть может быть констатирована на основании прекращения сердечной деятельности (в течение 30 минут), дыхания и функций головного мозга. Смерть же мозга наступает при полном и необратимом прекращении всех функций головного мозга, регистрируемом при работающем сердце и искусственной вентиляции легких. Смерть мозга эквивалентна смерти человека. Именно с этого момента прекращается правоспособность умершего лица. Решающим для ее констатации является сочетание факта прекращения функций всего головного мозга с доказательством необратимости этого прекращения. Право на установление диагноза смерти мозга дает наличие точной информации о причинах и механизмах развития этого состояния; 3) присутствует скепсис в обществе относительно технологических возможностей разморозки криопациента; 4) договорное регулирование более-менее детально регулирует «вход» криопациента в заморозку, но практически не регулирует, да и договором не может регулировать (гарантированно) «выход» криопациента из заморозки — ни его размораживание, ни излечение от смертельной болезни, из-за которой он

⁶ См.: Эттингер Р. Перспективы бессмертия / пер. с англ. Д. Медведева. М., 2003.

⁷ См.: Паничкин В. Б. Смерть как основание прекращения правоспособности: сравнительный анализ права России и США // Гражданское право. 2009. № 4. С. 14–16.

подвергся заморозке; 5) и никакая аналогия закона здесь не поможет. Наиболее близкий закон — это ст. 46 ГК РФ о последствиях явки гражданина, объявленного умершим. В ч. 1 этой статьи сказано: «В случае явки или обнаружения места пребывания гражданина, объявленного умершим, суд отменяет решение об объявлении его умершим». Нет здесь ни явки, ни обнаружения места пребывания, да и решения суда об объявлении его умершим также нет.

Какое регулирование способно обеспечить решение этих двух последних задач? С учетом всех возможных возникнуть через 100 лет препятствий этому? Гарантированно, на 100%, это невозможно, но более-менее близко к этому уже сегодня можно подойти.

По мнению автора данных строк, при организации проведения фундаментальных научных исследований очень важно не бояться пошатнуть, казалось бы, незыблемые стереотипы. В научной юридической литературе верно обращается внимание на то, что «технический прогресс зачастую опережает его юридические опосредования и правовые исследования в этой области»⁸. И хотя этот вывод относится к проблематике цифровизации, его вполне обоснованно можно считать универсальным, распространяющимся на всю гамму общественных отношений.

В рассматриваемой в статье проблеме главное с правовой точки зрения — криопациент есть правоспособный, умерший (на что имеются соответствующие юридически значимые документы), а фактически он — труп. А труп положено хоронить в земле или кремировать — уж тут-то есть соответствующее нормативное регулирование. И в практике ООО «Крио-Рус» был случай, когда относительно одного умирающего был заключен соответствующий договор на заморозку после его смерти, уплачены и получены деньги, но после его смерти вдова, невзирая на договор, кремировала умершего.

И никакой ее ответственности здесь нет, как нет и в случаях, когда по множеству причин крионированного в любом виде (тело, голову, мозг) в какой-либо момент действия договора попросту извлекают из дьюара с жидким азотом и похоронят либо кремируют.

Поэтому проблему здесь нужно решать в корне, на базовых, фундаментальных в праве началах и максимально гарантированно для криопациента, т.е. с привлечением для начала фундаментальной правовой науки. Для данной конкретной сферы отношений фундаментальная наука — это обнаружение идеи и ее общее формулирование. Поисковая — разработка общей концепции с выработкой общих подходов

решения проблем, шлейфом тянувшихся за концепцией: в сфере семейного права (может ли супруга крионированного — не трупа — выйти замуж), наследственного (если он не труп, о каком его наследстве вообще может идти речь?), уголовного и уголовно-процессуального (в случае совершения им до крионирования преступления), жилищного (если он жил один, следует ли его жилье признавать бесхозным) и т.д. и т.п. А прикладная — разработка и формулирование общей государственной регуляторики как основы законо- и нормопроектирования в данной области.

Здесь может быть предложено: создание специального страховочного фонда, периодически пополняемого за счет доходов от вклада пациента в банк; включение государства в число участников криодепозитария с правом решающего голоса и др.

Но законодательно посчитать крионированного живым, автоматически распространив на него понятие правоспособности, — не решение проблемы. Это означает: живого человека помещают в дьюар с жидким азотом с температурой —196 °С, да еще предварительно из него откачивают кровь... Однако, с другой стороны, если криопациента посчитать живым, пусть еле-еле живым, и если он — пенсионер, то его пенсия может направляться в специальный неприкосновенный до его разморозки личный фонд, а при разморозке все эти пенсионные накопления, могущие быть к тому времени немалыми, позволят финансово обеспечить его разморозку.

Но более гарантированным будет, по мнению автора данных строк, расширить законодательно понятие правоспособности, включив в него криопациента — естественно, не считая его окончательно умершим.

Вообще вся технология крионирования человека исключительно, уже сейчас, важна для умирающих как последний шанс.

Что дает предлагаемое расширение границы правоспособности человека? А то, что криопациент после заморозки уже не труп, с которым можно поступить как угодно. Он с нейрофизиологической и каких-либо иных медицинских точек зрения живой.

* * *

Пока же в рамках фундаментальных научно-правовых исследований «вчерне» формулируется проблема (не критическая пока) и предлагается выше названный общий абрис ее решения.

Главное здесь — не отбирать у умершего (его близких, его родственников...) последнюю надежду на продление в будущем у криопациента жизни: пусть это будет даже не соломинка для утопающего, а даже тень от соломинки, за которую утопающий хватается. В конце концов это просто негуманно.

⁸ Миннирес И.А. Конституционные права граждан и цифровая реальность (возможные угрозы) // Труды ИГП РАН. 2021. № 16 (6). С. 182.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Елков И.* Мороз под кожей. Сохранить свое тело для воскрешения в будущем стоит в подмосковном крио-депозитории 900 тыс. рублей // Росс. газ., неделя. 2012. 11 окт.
2. *Клеандров М.И.* Недоправосубъектные экономические образования: что это такое // Журнал росс. права. 2023. № 8. С. 28–38.
3. *Клеандров М.И.* О фундаментальной науке права и некоторых ее направлениях // Государство и право. 2020. № 5. С. 19–31.
4. *Минникес И.А.* Конституционные права граждан и цифровая реальность (возможные угрозы) // Труды ИГП РАН. 2021. № 16 (6). С. 182.
5. *Паничкин В.Б.* Смерть как основание прекращения правоспособности: сравнительный анализ права России и США // Гражданское право. 2009. № 4. С. 14–16.
6. *Чебышева К.* Клиенты верят в бессмертие. Их обещают разбудить лет эдак через 50... // Труд. 2006. 17 мая.
7. *Эттингер Р.* Перспективы бессмертия / пер. с англ. Д. Медведева. М., 2003.

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович —
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

REFERENCES

1. *Elkov I.* Frost under the skin. To save your body for resurrection in the future is worth 900 thousand rubles in a cryodepository near Moscow // Ross. gas., week. 2012. October 11 (in Russ.).
2. *Kleandrov M. I.* Nedopravosubject economic formations: what is it // Journal of Russ. law. 2023. No. 8. Pp. 28–38 (in Russ.).
3. *Kleandrov M. I.* On the fundamental science of law and some of its directions // State and Law. 2020. No. 5. Pp. 19–31 (in Russ.).
4. *Minnikes I. A.* Constitutional rights of citizens and digital reality (possible threats) // Proceedings of IGP RAS. 2021. No. 16 (6). P. 182 (in Russ.).
5. *Panichkin V. B.* Death as a basis for termination of legal capacity: a comparative analysis of the law of Russia and the USA // Civil Law. 2009. No. 4. Pp. 14–16 (in Russ.).
6. *Chebysheva K.* Clients believe in immortality. They promise to wake them up in 50 years or so... // Labor. 2006. May 17 (in Russ.).
7. *Ettinger R.* Prospects of immortality / transl. from English by D. Medvedev. M., 2003 (in Russ.).

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. —
Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher, Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 342

О НАУЧНОМ ОСМЫСЛЕНИИ ПРЕДМЕТА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

© 2024 г. В. А. Черепанов

г. Ставрополь

E-mail: sigma45@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.12.2022 г.

Аннотация. Предпринята попытка осуществить постановку вопроса о научном осмыслении предмета конституционного права с выделением трех составных частей: содержание предмета конституционного права в его историческом развитии; метод осмысления содержания путем восхождения от абстрактного к конкретному; исходный пункт восхождения, в качестве которого определена философская категория «отношение». Детальное рассмотрение поставленного вопроса и формирование целостного представления о предмете конституционного права возможно усилиями лишь всего конституционно-правового сообщества в рамках широкой дискуссии о предмете конституционного права, необходимость которой назрела давно.

Ключевые слова: конституция, предмет конституционного права, общественное отношение, философская категория «отношение», научное осмысление предмета конституционного права, абстрактное и конкретное, восхождение от абстрактного к конкретному, содержание и метод научного исследования, исходная клеточка процесса восхождения, системная интеграция знаний о предмете конституционного права.

Цитирование: Черепанов В.А. О научном осмыслении предмета конституционного права: к постановке вопроса // Государство и право. 2024. № 1. С. 130–140.

DOI: 10.31857/S1026945224010129

ON THE SCIENTIFIC COMPREHENSION OF THE SUBJECT OF CONSTITUTIONAL LAW: TO PUTTING THE QUESTION

© 2024 V. A. Cherepanov

Stavropol

E-mail: sigma45@yandex.ru

Received 16.12.2022

Abstract. An attempt to putting the question of scientific comprehension of the subject of Constitutional Law, with highlighting of three parts was made: content of the subject of Constitutional Law in its historical development; method of comprehension of content using the ascent from the abstract to concrete; the starting point of the ascent, as determined by the philosophical category “relation”. The detailed consideration of the question posed and the formation of a holistic view of the subject of Constitutional Law are possible only through the efforts of the entire constitutional legal community within the framework of a broad discussion on the subject of Constitutional Law, which is long overdue.

Key words: constitution, subject of Constitutional Law, social relation, philosophical category “relation”, scientific comprehension of the subject of Constitutional Law, abstract and concrete, ascent from the abstract to concrete, content and method of scientific investigation, starting point of the ascent, system integration of knowledge on the subject of Constitutional Law.

For citation: Cherepanov, V.A. (2024). On the scientific comprehension of the subject of Constitutional Law: to putting the question // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 130–140.

В конституционно-правовой науке представления о предмете конституционного (государственного) права в силу особой методологической значимости постоянно находились в эпицентре научного внимания. По словам Е. И. Козловой, дискуссия по этому поводу, «начавшись еще при разработке Конституции РСФСР 1918 г., не утихает до сегодняшнего дня. Причем на тех или иных исторических этапах менялась ее тональность, методологическая и идеологическая основы, политическая составляющая, острота противостояния сторонников различных подходов»¹. В настоящее время с учетом перманентной конституционализации российской правовой системы и расширения сферы конституционно-правового воздействия вопрос о его предмете приобретает особую остроту, что ярко проявилось при обсуждении конституционных изменений 2020 года².

Отмечая многообразие взглядов в этой области, следует отметить, что при разном «предметопонимании» выделяются разные стороны социальной жизни и возникают знания о правовом регулировании именно этих сторон, своего рода «проекции», которые как бы «снимаются» с объекта познания при различных его «поворотах»³, что условно можно представить на рис. 1.

Здесь круг — объект познания (предмет конституционного права); линии А, В, С — знания, фиксирующие его отдельные стороны в разных исследованиях; заштрихованные секторы — «объективное содержание», выделяемое при этом; незаштрихованные — части объекта, не отражаемые в данных исследованиях.

¹ Козлова Е. И. Избр. труды: сб. ст., лекций, тезисов. М., 2017. С. 68.

² Так, важное место в их числе занимают *идеологические* по своей сути нормы, закрепляющие общественно значимые ценности, присущие нашему обществу (сохранение исторической правды об итогах Великой Отечественной войны, защита института брака как союза мужчины и женщины и другие новеллы). Об идеологической *функции* Конституции говорили и раньше, однако в свете конституционной реформы речь идет об идеологической *составляющей* предмета конституционного права и необходимости конституционного закрепления положений об идеологических основах российской государственности (см.: Лазарев В. В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал рос. права. 2021. Т. 25. № 4. С. 5–17).

³ Шедровицкий Г. П. Избр. труды. М., 1995. С. 639, 640.

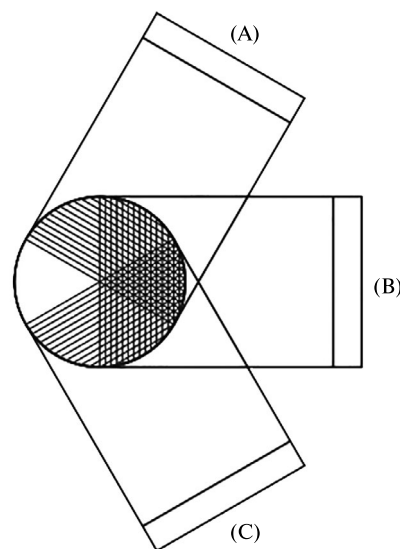

Рис. 1. Соотнесение разных представлений о предмете конституционного права

При различном понимании предмета конституционного права одни стороны социальной действительности отражаются в разных проекциях, причем отдельные из них — во *всех* проекциях, и изучаются во *многих* исследованиях; другие вообще не выделяются, что приводит к определенным «пустотам» в представлениях о конституционно-правовом регулировании. В итоге возникают *односторонние, частные* знания, фиксирующие *отдельные* стороны объекта. Когда в науке накоплено достаточно большое количество таких знаний (как в конституционно-правовой теории по поводу предмета конституционного права), неизбежно возникает важная задача — объединить их в одно целостное знание. Причем *механическое* соединение *односторонних* знаний не дает целостного представления об объекте, точно так же как бесперспективны все попытки получить представление о структуре детали путем простого присоединения друг к другу ее чертежных проекций. Отсюда вытекает необходимость *системного* объединения отдельных знаний в *единое целое*⁴. В рамках настоящей статьи как раз и сделана попытка наметить некоторые подходы к *системному переосмыслению*

⁴ Подробнее об этом см.: там же. С. 634–666.

накопленных знаний о предмете конституционного права и их объединению в рамках общей теоретической системы.

В диалектической теории познания для решения подобных задач предложен особый способ (метод) мышления, *впервые* раскрытый в работах Гегеля. «Проблема, к которой обратился Гегель, является вполне реальной [и аналогична нашей]⁵. Он задумался над характером движения теоретической мысли на особой стадии развития науки, когда уже накоплен достаточно обширный эмпирический и концептуальный материал — сформировались понятия, категории, законы данной науки — и когда становится актуальной задача его объединения в развернутую целокупность, т.е. именно в единую теоретическую систему»⁶. При такой направленности диалектическое мышление движется от рассмотрения *накопленных* односторонних представлений в их внутренней противоречивости с последующим *снятием* этих противоречий и созданием более полного и развитого мысленного содержания, которое, в свою очередь, также обнаруживает свою внутреннюю противоречивость, подлежащую дальнейшему *снятию*, и т.д. При использовании такого метода «познание движется от содержания к содержанию. Это движение вперед определяет себя прежде всего таким образом, что оно начинается с простых определенностей и что следующие за ними определенности становятся все богаче и конкретнее, — причем, по выражению Гегеля, — на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее возвышает всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет от своего диалектического движения вперед, не только ничего не оставляет позади себя, но несет с собой все приобретенное и обогащается, и сгущается внутри себя»⁷.

Данный метод, переосмысленный К. Марксом с материалистических позиций и названный им «*восхождением от абстрактного к конкретному*»⁸ (далее также — восхождение), детально проработан в отечественной философии и используется нами в ходе дальнейших рассуждений, в связи с чем остановимся на основных его положениях с учетом научных разработок в этой области⁹.

Начнем с экспликации базовых понятий «*абстрактное*» и «*конкретное*», которые в рамках восхождения понимаются как *мысленные образования*, *образы* реального объекта. Поскольку *абстракции* возникают путем *выделения* существенных сторон объекта и *отвлечения* от посторонних (с точки зрения целей и задач исследования), постольку *абстрактное* — это *мысленный образ объекта*, образованный при вычленинии и изучении его *отдельных* сторон, которое в этой связи понимается как *одностороннее, частное* определение (представление).

Конкретное, напротив, есть понятие, полученное при изучении объекта с *различных сторон*, соединение абстрактных определений — многостороннее, т.е. *конкретное* понятие, которое, по словам Гегеля, есть «*единство различных определений*»¹⁰. Маркс раскрывал его содержание аналогичным образом: «Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, *единство многообразного* (выделено нами. — В. Ч.)»¹¹. Как видим, взгляды великих мыслителей по этому вопросу достаточно близки.

С учетом сказанного как абстрактное, так и конкретное являются отвлеченными от объекта мысленными образами и в этом смысле *оба абстрактны*. Они различаются как мысленные образы одного и того же объекта, отражающие его с различной полнотой или точностью: *абстрактность* понимается как «*бедность*», *неразвитость, односторонность знания*, а *конкретность* — как его *полнота, содержательность, развитость*. При таком толковании конкретного речь идет о *духовно конкретном* как мысленном образовании, возникающем в процессе познания реального объекта, который также именуется *конкретным*. Таким образом, термин «*конкретное*» используется в двух разных значениях, которые относятся к двум различным сферам (духовной и материальной): во-первых, *реальное конкретное* как *конкретные материальные* объекты, составляющие в своей совокупности фактическую действительность; во-вторых, *духовно конкретное* как мысленные образы *реального конкретного*, возникающие в процессе его научного познания.

Вследствие чего следует четко понимать, в какой сфере (духовной или материальной) проводятся научные рассуждения, дабы не допустить смешения *реального конкретного* как *конкретного материального объекта* и отражающего его *духовно конкретного* как *конкретного понятия*.

1988; Мотрошилова Н.В. Указ. соч.; Новосёлов М.М. Абстракция в лабиринтах познания. М., 2010.

¹⁰ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974. С. 210.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 37.

⁵ Здесь и далее по тексту в квадратных скобках даются наши примечания.

⁶ Мотрошилова Н.В. Путь Гегеля к «Науке логики». М., 1984. С. 241.

⁷ Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. М., 1972. Т. 3. С. 306, 307.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 37, 38.

⁹ См.: Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М., 2002; Ильенков Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории. М., 1984; Розенталь М.М. Диалектика «Капитала» К. Маркса. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1967; Швырёв В.С. Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. М.,

В этой связи К. Маркс отмечал, что в *мышлении* конкретное [как мысленный образ реально-го объекта] «выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт», хотя в *действительности* конкретное [как реальный объект] «представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления». Двигаясь на пути от чувственного созерцания к формированию эмпирических обобщений, «полное представление [о реальном объекте] подверглось испарению путем превращения его в абстрактные определения, на втором пути [в процессе восхождения] абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления». Поэтому восхождение рассматривается Марксом как «правильный в научном отношении» метод, «при помощи которого мышление усваивает себе конкретное [реальное конкретное], воспроизводит его как духовно конкретное»¹².

Таким образом, восхождение характеризует *объективную направленность* движения теоретической мысли от менее богатого, менее содержательного знания к более богатому и более содержательному. При этом возникает исключительно важный вопрос о том, *с чего* следует начинать восхождение. «Ответ заключен уже в общем определении восхождения: с абстрактного. Но это слишком абстрактно. Надо указать специфическое отличие того абстрактного, с которого начинается восхождение, — писал А.А. Зиновьев. — Причем должны обнаружить это начало как такой пункт, к которому сходятся все проблемы, от которого зависит все понимание предмета, — как исходный пункт понимания сложившегося предмета»¹³. В истории философии вопрос о начале науки *впервые* был отчетливо поставлен и детально рассмотрен Гегелем. Обозначим основные параметры такого «начала», которые в кратком изложении сводятся к следующему.

Во-первых, «начало не есть ни нечто произвольное и принятое лишь временно, ни нечто предположенное как появляющееся произвольно»¹⁴. В самой науке дано основание того, что в ней начинают именно с такого начала.

Во-вторых, «наука должна начинать с абсолютно простого и, стало быть, наиболее всеобщего и пустого»¹⁵, тем самым «начало должно быть *абсолютным*, или, что здесь то же самое, *абстрактным* началом; оно, тем самым, *ничего не должно предполагать*, ничем не должно быть опосредовано

и не должно иметь какое-либо основание; оно само, наоборот, должно быть основанием всей науки... Как оно не может иметь какое-либо определение по отношению к иному, так оно не может иметь какое-либо определение внутри себя, какое-либо содержание, ибо содержание было бы различием и соотносением разного, было бы, следовательно, неким опосредствованием»¹⁶.

Таким образом, *начало* не может *разъясняться* или *определяться* посредством *другого*, поскольку тогда его нельзя считать подлинным началом и в качестве такового нужно рассматривать *это другое*. Если же и *это другое* может быть разъяснено посредством *следующего другого* или определено с его помощью, тогда *следующее другое* подлежит рассмотрению в качестве начала. И так продолжится до тех пор, пока научное познание не выделит *первое начало*, которое «не может быть чем-нибудь опосредствованным и определенным». Гегель считал, что таким началом *при создании философской системы знаний* может выступать только «неопределенная простая непосредственность»¹⁷.

В-третьих, «движение от того, что составляет начало, следует рассматривать как дальнейшее его определение, так что начало продолжает лежать в основе всего последующего и не исчезает из него... Таким образом, начало есть наличная и сохраняющаяся на всех последующих этапах развития основа, есть то, что остается всецело имманентным своим дальнейшим определениям»¹⁸.

Выделение *абсолютного первоначала* при формировании *философской картины мироздания* не является обязательным в *конкретных* исследованиях. По словам Гегеля, конкретные науки не начинают абсолютно с самого начала, а зависят от других понятий и связаны с иным окружающим материалом¹⁹. Потому в этих исследованиях обычно начинают не «от сотворения мира», а нащупывают *свое* специфическое начало в уже *сформировавшемся* предмете, от понимания которого зависит понимание целостного объекта, содержащего этот предмет.

Поскольку, приступая к исследованию, мы имеем немало накопленных разработок, то поиск исходного пункта выступает «как своего рода “нисхождение”, как сложное движение, разлагающее старые понятия»²⁰. На этом пути, по словам Маркса, надо аналитически подходить ко все

¹⁶ Там же. С. 126, 127.

¹⁷ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. С. 217.

¹⁸ Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 1. С. 128, 129.

¹⁹ См.: там же. С. 95.

²⁰ Батищев Г.С. Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963. С. 113.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 37.

¹³ Зиновьев А.А. Указ. соч. С. 49, 52.

¹⁴ Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. М., 1970. Т. 1. С. 129.

¹⁵ Там же. С. 91.

более и более простым понятиям: от конкретного, данного в созерцании, ко все более и более тощим абстракциям, пока не придем к простейшим определениям. Отсюда с «*простейших, тощих и пустых абстракций*» начинается обратный путь мысленного воспроизведения объекта в процессе восхождения от абстрактного к конкретному²¹.

На основе переосмысления К. Марксом накопленного научного материала в качестве *исходного пункта* изучения капитала был выделен товар. Почему так? Ответ сформулирован достаточно четко: «Богатство обществ, в которых господствует *капиталистический способ производства*, выступает как “огромное скопление товаров”, а отдельный товар — как *элементарная форма* этого богатства (выделено нами. — В. Ч.)²². Поэтому исследование капиталистического производства начинается именно с товара, который выступает в качестве “экономической клеточки буржуазного общества”²³. Тем самым Маркс «берет то специфическое, что свойственно товарному производству в отличие от других исторических форм производства, берет ту исходную клеточку, без которой ничего нельзя понять в капитализме»²⁴. «У Маркса в “Капитале” сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение буржуазного (товарного) общества: обмен товаров*, — писал В.И. Ленин. — Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой “клеточке” буржуазного общества) *все* противоречия (respective зародыши *всех* противоречий) современного общества»²⁵.

Такая первичная абстракция, которую принято называть исходной клеточкой, получила детальную проработку в отечественной философии. При этом обоснованно отмечается ее огромное познавательное значение и обосновывается общая приложимость *методологического приема самовоспроизводящейся клеточки как носителя основного движущего противоречия для научного познания различных объектов*. Клеточка является как бы организующим стержнем, основой объекта в его полноте. Начиная с такой исходной клеточки реализуется магистральная линия прослеживания исторического развития объекта²⁶.

²¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 37.

²² См.: там же. Соч. Т. 23. С. 43.

²³ Там же. С. 6.

²⁴ Розенталь М.М. Указ. соч. С. 191.

²⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 318.

²⁶ См.: Марксистская философия в XIX веке. М., 1979. Книга первая. С. 453, 454.

Проиллюстрируем сказанное на примере психологических исследований, проведенных Л.С. Выготским в 1930-х годах, в которых разработано новое понимание структурного анализа целостного образования, когда оно расчленяется не на элементы, а до основной единицы, *сохраняющей все свойства целого*, как исходной клеточки²⁷. Критикуя разложение целостного объекта на *элементы*, он сравнивает его с разделением воды на водород и кислород. В итоге получаются продукты, чужеродные по отношению к целому, элементы, которые не содержат в себе присущих ему свойств и обладают новыми свойствами, не принадлежащими целому. Если бы исследователь для объяснения некоторых свойств воды, например почему вода тушит огонь, разложил бы воду на кислород и водород как средство объяснения этих свойств, то он с удивлением узнал бы, что водород горит, а кислород поддерживает горение, и никогда не сумел бы из свойств этих элементов объяснить свойства, присущие целому.

Решительным и поворотным моментом во всем учении о мышлении является переход к анализу другого рода, *расчленяющему сложное единое целое на единицы*. Под единицей подразумевается такой продукт анализа, который, в отличие от элементов, обладает *всеми основными свойствами, присущими целому, и которые являются далее неразложимыми живыми частями этого единства*. Не химическая формула, а изучение молекул и молекулярного движения есть ключ к объяснению свойств воды. Аналогично живая клетка, сохраняющая все основные свойства живого организма, является настоящей единицей биологического анализа. Такая основная и исходная единица речевого мышления выделяется во внутренней стороне слова, в его *значении*, поскольку «само слово представляет собой живое единство звука и значения и содержит в себе, как живая клеточка, в самом простом виде все основные свойства, присущие речевому мышлению в целом»²⁸. На этой основе была построена целостная теория мышления, которая вошла в золотой фонд психологической науки.

Резюмируя сказанное, перечислим основные свойства исходной клеточки.

1. Исходная клеточка — не конкретные предметы, а научная абстракция, полученная при выделении общих свойств этих предметов, множество которых в итоге абстрагирования выступает как один *абстрактный предмет*.

2. В клеточке мыслятся наиболее значимые *общие, массовидные* свойства предметной области, выделяемой в рамках целостного объекта. В связи

²⁷ См.: Выготский Л.С. Мышление и речь. Психологические исследования. М. — Л., 1934. С. 4—15.

²⁸ Там же. С. 8.

с чем клеточке как *единице* целого присущи все его специфичные свойства, без изучения которых невозможно адекватное понимание данного объекта.

3. Исходная клеточка содержит *ведущее диалектическое противоречие*, присущее объекту познания, которое как истинный «*мотор*» восхождения придает мыслительному процессу подлинно *восходящий* характер, выступая «движущей пружиной развертывания теоретических определений вещи» и определяя тем самым весь ход последующего развития научной мысли²⁹.

4. Клеточка есть «*простая, тощая и пустая*» абстракция, которая не может быть опосредствованной и определенной. Поэтому при восхождении нужно исходить из максимально абстрактных и простейших конструкций, содержащих как можно меньше определений и разъяснений.

5. Говоря о клеточке как *единице* целого, которая, обладая его специфическими свойствами, выступает *исходным* пунктом восхождения к духовно конкретному как его *конечному* пункту, было бы ошибочным воспринимать процесс восхождения *просто логически*, как дедуктивное выведение духовно конкретного из первоначальной абстракции. Таким образом, восхождение «не следует понимать как своего рода дифференциацию исходной концептуальной основы наподобие того, как делится зародышевая клетка, давая жизнь организму»³⁰.

Отсюда следует, что в центре внимания должны находиться не отдельные знания об объекте познания, а сам этот *реальный объект, вместе и во взаимосвязи с отражающими его представлениями* образующие в совокупности своего рода *фокусную область*, которая, по образному выражению американского социолога Т. Парсонса, может быть представлена «*как вырванное из темноты, ярко освещенное прожектором пятно*» (выделено нами. — В. Ч.)³¹.

В процессе восхождения от абстрактного к конкретному выделенная *фокусная область* подлежит рассмотрению под углом зрения исходной клеточки как своеобразной *линзы* научного восприятия. В результате такого переосмысления накопленных знаний как раз и происходит их *системная интеграция*, что наглядно можно представить с помощью условной схемы (рис. 2).

С учетом сказанного полагаем возможным подойти к *постановке* вопроса о научном осмыслении предмета конституционного права, которая обозначена в названии статьи. Начнем с того, что этот фундаментальный вопрос должен быть *поставлен*, причем отчетливо и в полной прозрачности. Вот почему нужно разобраться в том, что относится к данному вопросу во всей его исключительности³².

Прежде всего следует отметить, что на различных этапах становления конституционного права основное внимание уделялось анализу *содержания* предмета конституционного права. Однако, как

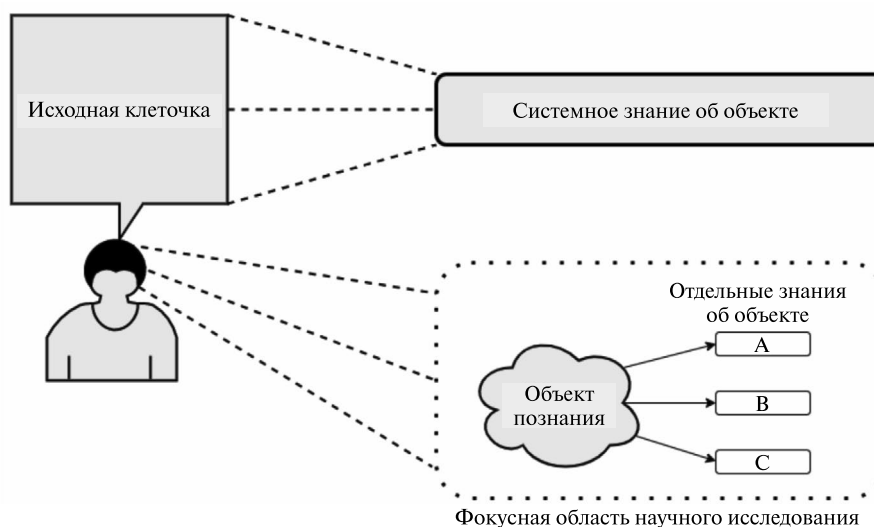

Рис. 2. Системная интеграция знаний в процессе восхождения

²⁹ См.: Батищев Г. С. Указ. соч. С. 108–114.

³⁰ Швырёв В. С. Указ. соч. С. 73.

³¹ См.: Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2018. С. 49.

³² О постановке вопроса по осмыслению объекта познания см.: Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 2–8.

было показано выше, для адекватного осмысления данного *содержания* следует также обратиться к *методу* (*способу*) движения научной мысли, который (*метод*) находится в неразрывном единстве с *содержанием* в рамках целостного процесса познания³³.

Таким образом, в ходе наших рассуждений выделены три важные положения, образующие в своей совокупности постановку вопроса о научном осмыслении предмета конституционного права, которые сводятся к следующему.

Первое — в центре осмысления предмета конституционного права постоянно находится его *содержание*, причем не в «ставшемся» состоянии, а с учетом особенностей на различных стадиях исторического развития общества³⁴.

Второе — *методом* адекватного научного осмысления *данного содержания* выступает восхождение от абстрактного к конкретному.

Третье — восхождение начинается с *исходной клеточки*, общие свойства которой (вне зависимости от объекта познания) рассмотрены выше. На этой основе следует определиться с исходной клеточкой, *специфической* именно для понимания предмета конституционного права, к чему теперь мы и переходим.

В советской социально-философской мысли сложилось идущее от классиков марксизма-ленинизма понимание общества как совокупности общественных отношений, которые выделяются в качестве предмета правового регулирования, а возникающие при этом правовые отношения — как общественные отношения, урегулированные нормами права. Такой подход разделяется многими учеными и в наши дни, причем *даже при критическом рассмотрении* считается преобладающим в юриспруденции³⁵. Отсюда и предмет конституционного права ограничивается теми или иными общественными отношениями, называемыми разными авторами *базовыми, основными, наиболее фундаментальными*³⁶.

³³ Гегель, столкнувшись с такой ситуацией при создании философской системы, писал: «Если прежнее абстрактное мышление сначала интересуется только принципом как *содержанием*, в дальнейшем же развитии вынуждено обратить внимание и на другую сторону, на способы *познавания*, то [теперешнее мышление] понимает также и *субъективную* деятельность как существенный момент объективной истины, и возникает потребность в соединении метода с содержанием, *формы с принципом*» (см.: Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 1. С. 124).

³⁴ См.: Эбзеев Б. С. Конституционное право России: учеб. М., 2019. С. 34.

³⁵ См. об этом: Серков П. П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования). Часть первая. Грани правового неведомого М., 2019. С. 38–95.

³⁶ См., напр.: Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 9–35; Авакьян С. А. Конституционное право России: учеб. курс: учеб. пособие: в 2 т. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2023. Т. 1. С. 23, 34; Баглай М. В. Конституционное право

Принципиально иным представляется концептуальный подход, сформулированный Б. С. Эбзеевым, который основан на переосмыслении роли и значения конституционного права в регулировании государственного устройства общества. Остановимся на наиболее важных теоретических положениях, необходимых для понимания сделанных на их основе методологических выводов³⁷.

При традиционном понимании за пределами предмета конституционного права остается сама *проблема единства и целостности общества* как государственно организованной системы и ее социальных, экономических и духовно-культурных основ, а также присущие всеобщей человеческой природе ценности. Между тем, по словам Б. С. Эбзеева, наивно предполагать, что целостность общества как государственно организованного единства народа покоится *только на взаимоотношениях людей*, которые в результате конституционного воздействия приобретают характер правоотношений с принадлежащими их субъектам правами и обязанностями. В действительности эти отношения складываются на основе выросшего из естественно-исторического развития данного общества «порядка вещей», т. е. социального порядка, его институтов, основополагающих принципов, субъектов и персонифицирующих их отношений.

Предпринятый *методологический поворот* состоит в радикальной смене понимания предмета конституционного права. Исходный и главный его элемент отныне — не общественные отношения *сами по себе*, а лежащий в их основе *социальный порядок* как всеобщая форма общественного бытия, сформированный на сложившихся в обществе ценностях, поддержание которых осуществляется государством, а его деятельность, в свою очередь, программируется конституционным правом. Отсюда следует основополагающий вывод о *многослойном характере* предмета конституционного права, в составе которого — *при нашем понимании данного подхода* — можно выделить три основные составляющие: *во-первых*, сложившиеся в *российском* обществе *ценности*, выработанные *российским* народом в процессе исторического развития *нашей* страны; *во-вторых*, исходящий из этих ценностей и легитимированный волей *российского* народа *социальный порядок*; *в-третьих*, складывающиеся на этой основе *конститутивные* по своей природе, действительно *основополагающие общественные отношения*.

Такую структуру предмета конституционного права, назовем ее предварительной и рабочей, можно представить следующим образом (*рис. 3*).

Российской Федерации: учеб. 14-е изд., изм. и доп. М., 2023. С. 17–20.

³⁷ См.: Эбзеев Б. С. Предмет конституционного права: историчность содержания и тенденции развития // Государство и право. 2019. № 7. С. 54–67.

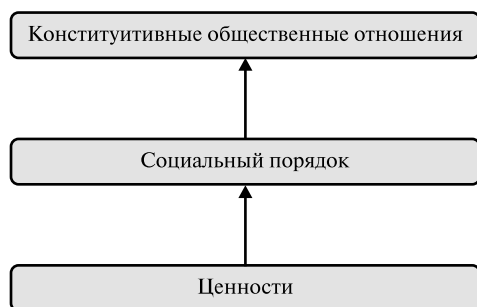

Рис. 3. Рабочая структура предмета конституционного права

Поддерживая многие из изложенных положений, отметим, что, задавая *новую направленность научного поиска*, они будят мысль и вызывают желание продолжить обсуждение, в т.ч. в рамках нашего исследования. Двигаясь дальше в поисках его исходной клеточки, обратим внимание на то, что при различном «предметопонимании» (в рамках как традиционного, так и нового концептуального подхода) в структуре предмета конституционного права выделяются те или иные *общественные отношения*. Означает ли это, что категория «общественное отношение» должна стать исходным пунктом восхождения в нашем исследовании? Что на первый взгляд выглядит вполне очевидным. Однако не будем торопиться и попробуем разобраться в данном вопросе.

Напомним, что исходная клеточка, обладая общими свойствами, присущими всей изучаемой предметной области, не может при этом быть *опосредствованной и определенной*. Потому восхождение начинается с наиболее абстрактных и простейших конструкций, содержащих как можно меньше (в идеальном варианте — никаких) определений и разъяснений. «Уже одно то обстоятельство, что наука должна начинать с абсолютно простого и, стало быть, наиболее всеобщего и пустого, — писал по этому поводу Гегель, — требует, чтобы способ изложения [ее] допускали только такие совершенно простые выражения [для уяснения] простого без какого-либо добавления хотя бы одного слова»³⁸.

Очевидно, что простейшей и всеобщей абстракцией общественное отношение не является хотя бы потому, что подлежит разъяснению и определению посредством других категорий (например, «отношение» и «общество»). Однако этого не скажешь об отношении «вообще», что требует некоторого пояснения.

Считается, что понятие «отношение» введено в философию Аристотелем в числе 10 категорий, отражающих *высшие* роды бытия и представляющих

высшие роды понятий о бытии³⁹, которые перечислены им в трактате «Категории»: «Из слов, высказываемых без какой-либо связи, каждое означает или сущность, или качество, или количество, или *отношение* (выделено нами. — В. Ч.), или место, или время, или положение, или обладание, или действие, или страдание»⁴⁰. В основе учения Аристотеля лежит понимание категорий как *всеобщих* понятий, которые *не могут быть возведены к каким-либо более общим родам, стоящим над ними*. «В более общей форме выразить бытие уже невозможно, — писал по этому поводу Г.Ф. Александров. — В эти десять «высших родов высказывания» включаются или могут быть под них подведены все явления бытия, как и все научные понятия»⁴¹. Причем категории не только не могут быть возведены к более общему роду, но также и *не сводятся друг к другу*⁴².

Таким образом, указанные категории, *включая отношение*, — это *вершина всеобщего*, как «наиболее общие роды высказываний, далее несводимые друг к другу и не обобщаемые»⁴³. Возвращаясь с учетом сказанного к нахождению исходной клеточки нашего исследования, считаем вполне обоснованным выделить в качестве таковой категорию «отношение», которая, будучи всеобщей и простой, присутствует в разных представлениях о предмете конституционного права, что наглядно можно представить с помощью следующей схемы (рис. 4).

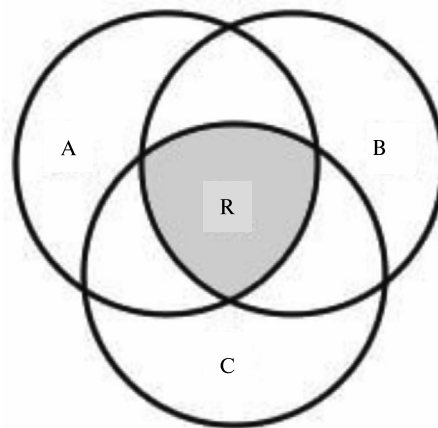

Рис. 4. Отношение как исходная клеточка научного осмысления предмета конституционного права

³⁹ Категории предстают в двух аспектах: в онтологическом — как высшие роды бытия и гносеологическом — как всеобщие понятия, отражающие высшие роды *бытия* (см.: Асмус В. Ф. Античная философия. М., 1976. С. 352–360).

⁴⁰ Аристотель. Категории. М., 1939. С. 6.

⁴¹ Александров Г. Ф. Учение Аристотеля о категориях бытия // Аристотель. Указ. соч. С. XI.

⁴² См.: Чанышев А. Н. Аристотель. М., 1987. С. 63.

⁴³ Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии. М., 1981. С. 293.

³⁸ Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. Т. I. С. 91.

Здесь кругами изображены знания (А, В, С) о предмете конституционного права при его различном понимании. Пересечение кругов серого цвета показывает то общее, что есть между ними — своего рода «сердцевину» представлений о предмете конституционного права. Это и есть философская категория «*отношение*», обозначенная буквой **R** (от *англ.* relation — отношение) как исходная клеточка процесса восхождения к искомому целостному знанию о предмете конституционного права, выступающему как «единство многообразного».

Следует отметить, что в ходе восхождения такое исходное начало оказывается бесконечно расширяющимся конструктом, вбирающим в себя философские, социологические и юридические понятия, которые образуют *параллельные концептуальные ряды*, близкие по содержанию, но с различными оттенками, что может породить путаницу и привести к смешению понятий. В нашем исследовании попробуем избежать этого, рассматривая отношение как *единицу*, «сквозную» для *разных концептуальных рядов*, которые должны прийти к единству и организоваться в систему, *оставаясь при своих теоретических схемах*. Тогда научная мысль движется от анализа философской категории «отношение» к изучению общественного отношения и раскрытию его особенностей под воздействием правовых норм. Не исключено, что значительное внимание, уделяемое философско-социологической составляющей, может вызвать некоторые возражения и даже сомнения в принадлежности нашего исследования к юридической науке вообще и конституционному праву в частности. Однако сделано это осознанно и представляется вполне обоснованным, поскольку в научной печати преобладает трактовка возникающих в правовой действительности отношений с узко-юридической точки зрения без учета философских и социологических наработок, причем в ряде случаев отрицается сама возможность их применения в данной области⁴⁴. В этой связи полагаем, что здесь намечился своего рода «разрыв» между социально-философскими и юридическими положениями, преодоление которого представляется необходимым при научном осмыслении предмета конституционного права. Основная задача, на наш взгляд, заключается в *соотнесении* разных концептуальных рядов и нахождении «*переходных звеньев*», обеспечивающих многосторонние взаимосвязи между ними. С надеждой на успешное решение этой задачи перейдем к завершающей части нашей статьи.

Вместо заключения. Было бы наивным полагать, что в рамках одной статьи можно осуществить

осмысление накопленных знаний о предмете конституционного права во всем их многообразии. Здесь поставлена более скромная задача: наметить ряд теоретических подходов к реализации такого глобального проекта, на основе чего осуществить постановку указанного вопроса и выделить образующие его составные части, обозначив общую направленность и исходный пункт движения творческой мысли в исследуемой области. И не более того. Насколько это удалось, судить читателям.

Считаем возможным полагать, что детальное рассмотрение поставленного вопроса с формированием целостного представления о предмете конституционного права еще только предстоит и возможно лишь усилиями всего конституционно-правового сообщества с участием специалистов из других юридических наук, а также смежных отраслей научного знания (философии, социологии, психологии) в рамках широкой дискуссии, необходимость которой назрела давно.

Изложенные здесь положения как раз и хотелось бы вынести на такое публичное обсуждение, при котором вполне приемлемым может оказаться широко известный в гносеологии *принцип фальсифицируемости*, выдвинутый К. Поппером, согласно которому наличие фактов, подтверждающих научную теорию, не может свидетельствовать о ее истинности, т.к. могут найтись опровергающие факты, в связи с чем в объективном исследовании в первую очередь необходимо сосредоточиться не на подтверждающих, а на опровергающих фактах⁴⁵.

Отсюда следует, что ни один концептуальный подход не подлежит рассмотрению в качестве канонического, напротив, каждый из них должен быть подвергнут критическому анализу с формулировкой выводов, необходимых для формирования научного представления о предмете исследования. Использование *принципа фальсифицируемости* позволяет отделить научное знание от ненаучного и провести своего рода «демаркацию» между ними, поскольку не верифицируемость, а фальсифицируемость научного знания следует рассматривать в качестве критерия такой демаркации⁴⁶.

Исходя из такой логики исследования, на первом этапе осуществляются постановка и анализ проблемного вопроса, а также формулируются некоторые предположения о возможных путях его решения, что и сделано в настоящей статье. «На следующем шаге наше пробное решение обсуждается и критикуется: все пытаются найти в нем недостатки и опровергнуть его, и — вне зависимости

⁴⁴ См. напр.: Алексеев С. С. Общая теория права. М., 2008. С. 332; Серков П. П. Указ. соч. С. 89.

⁴⁵ См.: Поппер К. Логика и рост научного знания. Избр. работы / пер. с англ.; сост., общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского. М., 1983. С. 62–65.

⁴⁶ См.: там же. С. 63.

от результата — эти попытки определенно чему-то учат нас. Если критика друзей или противников оказывается успешной, мы многое узнаем о своей проблеме: мы теперь знаем больше, чем ранее, о присущих ей трудностях. Если же самая острая критика не увенчалась успехом и наша гипотеза выдержала ее, опять-таки мы многое узнаем: и о проблеме, и о нашей гипотезе, о ее адекватности и возможных последствиях. И пока наша гипотеза в состоянии выжить или по крайней мере не уступает перед лицом критики конкурирующим гипотезам, ее можно временно и для пробы принять за часть современного научного знания»⁴⁷. Ради чего и написана эта статья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Конституционное право России: учеб. курс: учеб. пособие: в 2 т. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2023. Т. 1. С. 23, 34.
2. *Александров Г.Ф.* Учение Аристотеля о категориях бытия // Аристотель. Категории. М., 1939. С. XI.
3. *Алексеев С.С.* Общая теория права. М., 2008. С. 332.
4. *Аристотель.* Категории. М., 1939. С. 6.
5. *Асмус В.Ф.* Античная философия. М., 1976. С. 352–360.
6. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации: учеб. 14-е изд., изм. и доп. М., 2023. С. 17–20.
7. *Батищев Г.С.* Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963. С. 108–114.
8. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. Психологические исследования. М. — Л., 1934. С. 4–15.
9. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики: в 3 т. М., 1970. Т. 1. С. 91, 95, 124, 126–129; 1972. Т. 3. С. 306, 307.
10. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974. С. 210, 217.
11. *Зиновьев А.А.* Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М., 2002. С. 49, 52.
12. *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика: очерки истории и теории. М., 1984.
13. *Козлова Е.И.* Избр. труды: сб. ст., лекций, тезисов. М., 2017. С. 68.
14. *Кутафин О.Е.* Предмет конституционного права. М., 2001. С. 9–35.
15. *Лазарев В.В.* Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал росс. права. 2021. Т. 25. № 4. С. 5–17.
16. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 318.
17. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 6, 43; т. 46. Ч. I. С. 37, 38.
18. *Марксистская философия в XIX веке.* М., 1979. Книга первая. С. 453, 454.
19. *Мотрошилова Н.В.* Путь Гегеля к «Науке логики». М., 1984. С. 241.
20. *Новосёлов М.М.* Абстракция в лабиринтах познания. М., 2010.
21. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М., 2018. С. 49.
22. *Поппер К.* Логика и рост научного знания. Избр. работы / пер. с англ.; сост., общ. ред. и вступ. ст. В.Н. Садовского. М., 1983. С. 62–65.
23. *Поппер К.* Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002. С. 252.
24. *Розенталь М.М.* Диалектика «Капитала» К. Маркса. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1967. С. 191.
25. *Серков П.П.* Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования). Часть первая. Грани правового неведомого М., 2019. С. 38–95.
26. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997. С. 2–8.
27. *Чанышев А.Н.* Аристотель. М., 1987. С. 63.
28. *Чанышев А.Н.* Курс лекций по древней философии. М., 1981. С. 293.
29. *Швырёв В.С.* Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. М., 1988. С. 73.
30. *Щедровицкий Г.П.* Избр. труды. М., 1995. С. 634–666.
31. *Эбзеев Б.С.* Конституционное право России: учеб. М., 2019. С. 34.
32. *Эбзеев Б.С.* Предмет конституционного права: историчность содержания и тенденции развития // Государство и право. 2019. № 7. С. 54–67.

REFERENCES

1. *Avakyan S.A.* Constitutional Law of Russia: training course: study guide: in 2 vols. 7th ed., reprint and add. M., 2023. Vol. 1. Pp. 23, 34 (in Russ.).
2. *Alexandrov G.F.* Aristotle's doctrine of the categories of being // Aristotle. Categories. M., 1939. P. XI (in Russ.).
3. *Alekseev S.S.* General theory of law. M., 2008. P. 332 (in Russ.).
4. *Aristotle.* Categories. M., 1939. P. 6 (in Russ.).
5. *Asmus V.F.* Ancient philosophy. M., 1976. Pp. 352–360 (in Russ.).
6. *Baglay M.V.* Constitutional Law of the Russian Federation: textbook. 14th ed., rev. and add. M., 2023. Pp. 17–20 (in Russ.).
7. *Batishchev G.S.* Contradiction as a category of dialectical logic. M., 1963. Pp. 108–114 (in Russ.).
8. *Vygotsky L.S.* Thinking and speech. Psychological research. M. — L., 1934. Pp. 4–15 (in Russ.).
9. *Hegel G.V.F.* The science of logic: in 3 vols. M., 1970. Vol. 1. Pp. 91, 95, 124, 126–129; 1972. Vol. 3. Pp. 306, 307 (in Russ.).
10. *Hegel G.V.F.* Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 1. The Science of Logic. M., 1974. Pp. 210, 217 (in Russ.).

⁴⁷ *Поппер К.* Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002. С. 252.

11. *Zinoviev A.A.* Ascent from the abstract to the concrete (based on the material of K. Marx's Capital). M., 2002. Pp. 49, 52 (in Russ.).
12. *Ilyenkov E.V.* Dialectical logic: essays on history and theory. M., 1984 (in Russ.).
13. *Kozlova E.I.* Selected works: collection of articles, lectures, abstracts. M., 2017. P. 68 (in Russ.).
14. *Kutafin O.E.* The subject of Constitutional Law. M., 2001. Pp. 9–35 (in Russ.).
15. *Lazarev V.V.* Ideology of constitutional reform of the legal system of the Russian Federation // Journal of Russ. law. 2021. Vol. 25. No. 4. Pp. 5–17 (in Russ.).
16. *Lenin V.I.* The complete works. Vol. 29. P. 318 (in Russ.).
17. *Marx K., Engels F.* Essays. 2nd ed. Vol. 23. Pp. 6, 43; vol. 46. Part I. Pp. 37, 38 (in Russ.).
18. Marxist philosophy in the XIX century. M., 1979. Book one. Pp. 453, 454 (in Russ.).
19. *Motroshilova N.V.* Hegel's path to the "Science of Logic". M., 1984. P. 241 (in Russ.).
20. *Novoselov M.M.* Abstraction in the labyrinths of knowledge. M., 2010 (in Russ.).
21. *Parsons T.* On the structure of social action. M., 2018. P. 49 (in Russ.).
22. *Popper K.* Logic and the growth of scientific knowledge. Selected works / transl. from English; comp., general ed. and the introduction of V.N. Sadovsky. M., 1983. Pp. 62–65 (in Russ.).
23. *Popper K.* Objective knowledge. The evolutionary approach. M., 2002. P. 252 (in Russ.).
24. *Rosenthal M.M.* The dialectic of "Capital" by K. Marx. 2nd ed., add. and rev. M., 1967. P. 191 (in Russ.).
25. *Serkov P.P.* Legal relationship (Theory and practice of modern legal regulation). Part one. Facets of the legal unknown M., 2019. Pp. 38–95 (in Russ.).
26. *Heidegger M.* Being and time. M., 1997. Pp. 2–8 (in Russ.).
27. *Chanyshchev A.N.* Aristotle. M., 1987. P. 63 (in Russ.).
28. *Chanyshchev A.N.* Course of lectures on ancient philosophy. M., 1981. P. 293 (in Russ.).
29. *Shvyrev V.S.* Analysis of scientific knowledge: the main directions, forms, problems. M., 1988. P. 73 (in Russ.).
30. *Shchedrovitsky G.P.* Selected works. M., 1995. Pp. 634–666 (in Russ.).
31. *Ebzeev B.S.* Constitutional Law of Russia: textbook. M., 2019. P. 34 (in Russ.).
32. *Ebzeev B.S.* The subject of Constitutional Law: historicity of content and development trends // State and Law. 2019. No. 7. Pp. 54–67 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЧЕРЕПАНОВ Виктор Алексеевич —
доктор юридических наук, профессор,
академик РАЕН, заслуженный юрист РФ;
г. Ставрополь

Authors' information

CHEREPANOV Viktor A. —
Doctor of Law, Professor,
Academician of the Russian Academy
of Natural Sciences, Honored Lawyer
of the Russian Federation; Stavropol, Russia

УДК 343.1

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

© 2024 г. М. А. Малина

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

E-mail: bestar@yandex.ru

Поступила в редакцию 03.07.2023 г.

Аннотация. В статье исследуется проблема соотношения нравственности и права в целом и в уголовном судопроизводстве в частности. Предлагается рассматривать нравственность как одно из начал права, а нравственное сознание — правосознания, и на этой основе формулируется вывод о том, что право и правосознание связаны не только сугубо юридически, но и в нравственном ключе. То есть они имеют общее нравственное основание, нравственную природу. Обосновывается подход, в соответствии с которым отечественная модель уголовного судопроизводства должна формироваться прежде всего с учетом моральных потребностей общества и личности. Нравственный аспект определяется в качестве системообразующей категории как для уголовно-процессуального права, так и для правосознания правоприменителя, что, в свою очередь, должно послужить повышению гарантий справедливого расследования и разрешения уголовных дел, достижению в уголовном процессе необходимого баланса публичного и частного интересов.

Ключевые слова: мораль, нравственность, нравственное сознание, право, правосознание, уголовное судопроизводство, доказывание, презумпция невиновности, правоприменение.

Цитирование: Малина М.А. Нравственные основания российского уголовного процесса // Государство и право. 2024. № 1. С. 141–146.

DOI: 10.31857/S1026945224010139

MORAL FOUNDATIONS OF RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

© 2024 M. A. Malina

Southern Federal University, Rostov-on-Don

E-mail: bestar@yandex.ru

Received 03.07.2023

Abstract. The article explores the problem of the relationship between morality and law in general and in criminal proceedings in particular. It is proposed to consider morality as one of principles of law, and moral consciousness — legal awareness, and on this basis it is concluded that law and legal consciousness are connected not only purely legally, but also in a moral way. That is, they have a common moral foundation, moral nature. The approach is justified, according to which the domestic model of criminal proceedings should be formed primarily taking into account the moral needs of society and the individual. The moral aspect is defined as a system-forming category for both criminal procedure law and the law enforcement authority, which in turn should serve to improve the guarantees of a fair investigation and resolution of criminal cases, and to achieve the necessary balance of public and private interests in the criminal process.

Key words: morality, moral consciousness, law, legal consciousness, criminal proceedings, proof, presumption of innocence, law enforcement.

For citation: Malina, M.A. (2024). Moral foundations of Russian criminal proceedings // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 141–146.

Право и нравственность — важнейшие регуляторы общественных отношений, от их правильного, гармоничного взаимодействия зависит развитие личности современного человека и совершенствование всего общества в целом. Проблемы соотношения морали и права, вопросы выявления и исследования путей нравственного обогащения российской правовой системы, повышения моральной ценности национального права находятся в фокусе внимания отечественных правоведов и не теряют своей актуальности. И это неудивительно, ведь идеи гуманизма, добра, уважения достоинства человека, социальной справедливости являются важнейшими основами, нравственными «несущими конструкциями» концепции правового государства.

Одной из ключевых задач в деле построения в России правового государства является реальное, действительное воплощение этих идей, этих нравственных феноменов в правовых отношениях и связях. Как метко указала Е.А. Лукашёва, «вся сфера действия права должна быть “пространством моральности”»¹. Только при таком подходе возможно развитие и совершенствование российского права и государства, усиление их гуманистической направленности.

Для успешного решения этой задачи в первую очередь следует ответить на два вопроса: что же такое нравственность? и каким должно быть ее соотношение с правом?

Само по себе понятие «нравственность» давно получило свою доктринальную разработку, но, как это нередко бывает в науке, мнения ученых о сущности и содержании этого феномена разделились. Достаточно активный этап в его исследовании отмечается в советский период развития нашей страны. В результате в учении о нравственности сформировалось несколько направлений научной мысли. На самом общем уровне кратко обозначим лишь основные идеи.

Согласно одной из распространенных в то время точек зрения, нравственность включает поведение человека, его поступки, взаимоотношения людей, это определенный вид идеологических общественных отношений². Полагаем, что поступки и поведение людей не следует рассматривать как содержание нравственности, это скорее предмет ее воздействия, область регулирования со стороны нравственных норм.

Еще одна точка зрения: нравственность представляет собой одну из форм общественного сознания³. То есть речь идет о совокупности представлений о том, что такое добро и что такое зло, что подлежит одобрению, а что должно подвергнуться осуждению и т.д. Это в большей степени явления сознания, т.е. нравственности придается субъективный характер. Схожие взгляды встречаются среди нынешних ученых: нравственность определяется как «индивидуальное социально-психологическое образование, как качество личности, которое лежит в основе саморегуляции и выбора поведения»⁴. По нашему мнению, под этим углом зрения нравственность сводится к такому понятию, как «нравственное сознание», отождествляется с ним, что не совсем оправдано.

¹ Лукашёва Е.А. Право, мораль, личность. М., 1986. С. 4.

² См., напр.: Шишкин А.Ф., Шварцман К.А. XX век и моральные ценности человечества. М., 1967. С. 20.

³ См., напр.: Шердаков В.Н. Аксиология и этика. Тбилиси, 1967. С. 312; Архангельский Л.М. О характере морального сознания // Вопросы философии. 1964. № 5. С. 83.

⁴ Куприна Н.Г., Масленникова С.Ф. Современные подходы к содержательной разработке понятий «нравственность» и «мораль» // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 4. С. 77.

Следует подчеркнуть, что детальное исследование аргументов в пользу той или иной концепции нравственности лежит за рамками настоящего исследования. Поэтому обозначим лишь, что в качестве ответа на первый из поставленных выше вопросов нам наиболее близка точка зрения известного советского правоведа М.С. Строговича, отмечавшего, что нравственность — это определенная система объективно существующих в обществе социальных норм, которые регулируют поведение граждан, их поступки, взаимоотношения. Это «нормы, правила поведения, которыми руководствуются люди и которые служат критериями оценки их поступков с точки зрения добра и зла, достоинства и порока, справедливости и несправедливости и т.д.»⁵.

При этом с понятием нравственности неразрывно связан феномен нравственного сознания⁶. Это мировоззрение, взгляды, убеждения, образ мыслей, идеи о добре и зле, о правильном и неправильном, о честном и бесчестном, о справедливом и несправедливом. Если нравственность относится к объективно выраженным явлениям, то нравственное сознание представляет собой категорию субъективного характера. При этом нравственное сознание и нравственность находятся в отношениях взаимообусловленности, взаимного влияния друг на друга: с одной стороны, нравственные нормы во многом определяют вектор развития нравственного сознания реализующего их субъекта, а с другой — нравственное сознание выступает фактором формирования нравственных норм и мотивирующей к их соблюдению силой.

В отношении второго вопроса — о соотношении нравственности и права — предлагаем следующий подход. Их взаимодействие следует рассмотреть в телеологическом аспекте, ведь в конечном счете всегда важно понимать, в чем же основная цель тех или иных правил, к чему должно приводить их выполнение. Нравственные нормы призывают к правильному выбору в своих поступках, в своем поведении в обществе: это решение дихотомии добра и зла в пользу добра; справедливости и несправедливости — в пользу справедливости; правды и лжи — в пользу правды и т.д. По большому счету в этом же направлении действует и право, цели здесь те же.

Эта телеологическая, а также аксиологическая связь морали и права имеет принципиальное значение. С известной долей условности она позволяет рассматривать их как категории рода и вида соответственно. Остановимся на этой мысли более подробно. Социальный контекст действия нравственных норм намного шире, чем норм правовых. Здесь и общественные отношения в сфере искусства, спорта, здесь и медицина, ноосфера, наконец, такие личные человеческие отношения, как дружба, любовь. Этот список можно продолжить, но ясно, что все эти области обнимаются нравственностью.

В правовой же сфере нравственность важна и востребована если не в большей, то уж точно в не меньшей степени. При этом она имеет здесь свою специфику — в большинстве случаев помимо прямого действия правил морали предусмотрено включение, имплементация соответствующих нравственных начал в нормы правовые. Таким образом, телеологический и аксиологический аспекты нравственного регулирования общественных отношений применительно к правовой сфере в целом не изменяются, но сами правила получают регламентацию, упорядочиваются, их соблюдение и исполнение обеспечивается мерами государственного принуждения. Нравственность словно пропитывает собой правовые нормы, последние становятся ее проводником в особой сфере

⁵ Строгович М.С. Проблемы судебной этики. М., 1974. С. 7.

⁶ См.: там же. С. 9.

общественных отношений — отношений, подлежащих правовому регулированию.

Почему же важно при этом посмотреть на данные феномены в предложенном ключе — как на категории рода и вида? Представляется, что, несмотря на всю абстрактность этого приема, он имеет важное методологическое значение. Как было отмечено выше, нравственность неразрывно связана с нравственным сознанием. Тогда последнее, ввиду своей генетической привязанности к родовой категории, должно найти свое отражение и в преломлении к виду, т.е. в правовой сфере. Ясно, что уже со своей спецификой. Таким образом, мы приходим к следующему выводу.

Во-первых, как нравственность проявляется в правовых нормах и является одной из прочных основ права, так нравственное сознание находит свое отражение в правосознании, коррелирует с ним. Более того, на абстрактном уровне нравственное сознание и правосознание могут также рассматриваться как категории рода и вида соответственно.

Во-вторых, поскольку нравственность можно рассматривать как одно из коренных начал права, а нравственное сознание — правосознания, то право и правосознание связаны не только в юридико-технической плоскости, но и в нравственном ключе. То есть они имеют еще и общую нравственную привязку или, если угодно, нравственную природу.

Последний вывод следует рассмотреть более подробно. Сам процесс правотворчества должен проходить таким образом, чтобы в результате нравственность находила свое отражение в правовых нормах, обеспечивая необходимую моральную основу для системы права, наполняя ее духовным, этическим содержанием. Здесь уместно вспомнить слова А.Ф. Кони о единстве «буквы» и «духа» закона⁷, т.е. о необходимости их гармоничного соотношения.

При этом правомерен вопрос: достаточно ли этого для достижения в правовой жизни справедливости, правды, добра? Естественно, ответ будет отрицательным, так как наличие самых гуманных, цивилизованных, справедливых законов еще отнюдь не означает достижения законности и правопорядка в обществе, отнюдь не гарантирует полноценного воплощения нравственных норм в жизнь, в правовые реалии.

Чего же не хватает? Для ответа на этот вопрос нужно сместить акцент в сторону самих субъектов права, т.е. участников правоотношений, их правосознания, и в первую очередь здесь следует обратить внимание на правоприменителя. Заложенные в законе нравственные начала только тогда могут быть реализованы в действительности и тем самым достичь своей цели, когда сам процесс правоприменения и его результаты будут нравственными. Во главе угла этой проблемы — правосознание правоприменителя. Поэтому только наличие связующих право и правосознание нравственных каналов, их общей моральной основы позволит толковать и применить закон таким образом, чтобы его нравственные начала воплотились в жизнь. Правоприменитель здесь — проводник нравственности в реальную правовую действительность.

Еще И.А. Ильин указывал на ценность духовного содержания и духовных состояний права, писал, что достоинство права есть достоинство духа, а без этого оно — лишь «обиходная условность, создаваемая силою и спокойно уживающаяся с лицемерием и симуляцией»⁸. Поэтому понять право, почувствовать, осознать его духовную, нравственную природу, его

моральное назначение может только тот, кто обладает этой природой, кто сам является, по меткому выражению И.А. Ильина, «живым очагом духовного достоинства»⁹. Вследствие чего этот великий правовед и философ называл духовное достоинство глубоким корнем здорового правосознания¹⁰. При таком подходе становится очевидной важность прочной привязки правосознания к духовным, нравственным началам, что, в свою очередь, и обеспечивает его полноценную, гармоничную взаимосвязь с правом, их духовно-нравственную и легитимную корреляцию. Таким образом, представляется возможным включение в структуру правосознания наряду с правовой идеологией (интеллектуальный аспект) и правовой психологией (психологический аспект) еще одной составляющей — духовно-нравственного элемента. Причем он должен выполнять здесь системообразующую функцию, это корневое начало правосознания, питающее остальные его компоненты.

Если же связь права и правосознания только юридико-техническая, без обязательной нравственной составляющей, то понять моральный, духовный замысел законодателя и полноценно реализовать его правоприменитель не сможет. На практике для такой ситуации характерна, как указывал М.С. Строгович, утрата «живого чувства действительности...», привычка к штампу, трафарету, безразличное отношение к судьбе человека»¹¹. В результате мы столкнемся лишь с формальным, механическим претворением в жизнь правовых норм или, как справедливо отмечал А.Ф. Кони, с автоматическим применением закона «по его буквальному смыслу»¹². Процесс правоприменения будет оторван от нравственных начал и может привести не к искомому целям, а к обратному — к несправедливости, злу и неправде. Соответственно, здесь и возможные ошибки в доказывании, высокая вероятность неправильной юридической оценки фактов, коррупционный потенциал и многое другое.

Поэтому одна из ключевых задач в правовой жизни — сохранение и укрепление нравственных начал права и правосознания, обеспечение на этой основе их гармоничного развития. Только в этом случае правовое регулирование общественных отношений будет осуществляться должным образом — на началах добра и справедливости.

При этом особую важность изложенный выше подход приобретает в сфере уголовного судопроизводства¹³, где проблема нравственности стоит наиболее остро. И дело здесь вот в чем. Уголовный процесс прежде всего призван к защите общества от преступных посягательств, к охране публичных интересов. Осуществляется эта защита путем справедливого разрешения уголовно-правового спора, т.е. рассмотрения вопросов о преступлении и наказании. По большому счету эти вопросы и составляют существо уголовного дела. То есть речь идет об опасных для всего общества правонарушениях и о чрезвычайно негативных и существенных мерах, применяемых государством к виновным в их совершении лицам. Как указывал Н.Н. Полянский, установление в каждом конкретном случае наличия или отсутствия у государства права на наказание лица как раз и является целью уголовного процесса¹⁴. Цена вопроса здесь

⁹ Там же. С. 152.

¹⁰ См.: там же. С. 151.

¹¹ *Строгович М.С.* Теория судебных доказательств // Строгович М.С. Избр. труды: в 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 42.

¹² *Кони А.Ф.* Указ. соч. С. 29.

¹³ О содержании такового подробнее см.: *Галузо В.Н., Канафин Н.А., Редкоус В.М.* Доказывание в правосудии Российской Федерации. 6-е изд., испр. и доп. / под ред. В.Н. Галузо. М., 2022. С. 68–187.

¹⁴ См.: *Полянский Н.Н.* Цель уголовного процесса. Ярославль, 1919. С. 21.

⁷ См.: *Кони А.Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе // Кони А.Ф. Избр. произведения. М., 1956. С. 28.

⁸ *Ильин И.А.* О сущности правосознания. М., 1993. С. 151.

очень высока и для обвиняемого, и для потерпевшего, и для всего общества. Метко выразился по этому поводу И.Я. Фойницкий, указав, что в ходе уголовного судопроизводства разрешаются «вопросы о наиболее важных благах общества и личности»¹⁵. Поэтому с точки зрения нравственности опасность представляет ситуация, когда какое-либо действие или решение правоприменителя в уголовном судопроизводстве противоречит велениям справедливости, идет в разрез с ней. Большой научный интерес вызывает точка зрения О.Л. Васильева, определяющего принцип справедливости в качестве системообразующего, центрального принципа уголовного процесса, который является при этом «руководящей, основополагающей, нормативно выраженной нравственной идеей»¹⁶.

Еще важно отметить, что именно в уголовном судопроизводстве права и свободы человека могут быть подвергнуты существенным ограничениям и до окончательного признания его виновным в совершении преступления. Вместе с тем потерпевший и все общество в целом нуждается в защите, которая будет действительна только в случае привлечения к ответственности действительно виновного лица и при одновременном отказе от уголовного преследования невиновных.

При этом анализ задач уголовного процесса позволяет выявить определенную их разнонаправленность, что выступает, в свою очередь, основным лейтмотивом или, если угодно, своеобразным «нервом» проблемы нравственности в уголовном судопроизводстве. Далее рассмотрим эту мысль более подробно.

Целевая нагрузка уголовного процесса неоднородна, так как, с одной стороны, перед ним стоит задача защиты публичных интересов, а с другой — интересов частных, т.е. защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ).

По-другому и быть не может, ведь если в приоритете будут исключительно индивидуальные права личности, а интересы общества отойдут на второй план, то ни о каком эффективном противодействии преступлениям говорить невозможно. Уголовный процесс немыслим без государственного принуждения, без ограничения прав и свобод личности, часто весьма существенного.

Вместе с тем обратная ситуация, когда права и свободы частных лиц будут игнорироваться в угоду защиты публичных интересов, вообще фатальна — это прямой путь к упразднению фундаментальных принципов уголовного процесса (презумпция невиновности, право на защиту и др.), к нарушению конституционных императивов о высшей ценности прав человека и обязанности государства их соблюдать и защищать, прямой путь к произволу и несправедливости.

Ясно, что в обоих случаях социальное предназначение уголовного процесса достигнуто не будет, т.е. общество не получит от него ожидаемого эффекта. Граждане заинтересованы в правопорядке, в результативной борьбе государства с преступлениями. Вместе с тем ни один человек не захотел бы лишиться своих процессуальных прав и гарантий в случае вовлечения его в эту «борьбу», т.е. в орбиту уголовного судопроизводства. Особенно если уголовное преследование от государства будет направлено на него самого. Налицо естественное столкновение общественных и частных интересов. То есть

нужно осуществлять уголовное преследование лица, но одновременно наделить его правом на защиту и конкретными инструментами для эффективной его реализации, необходимо применить к человеку меры принуждения и вместе с тем обеспечить его права и законные интересы и т.д. Причем разрешить этот «конфликт интересов» общества и личности однозначно, т.е. только в ту или иную сторону, невозможно.

Поэтому здесь необходимо достижение консенсуса: правильно определить режимы минимального ограничения прав личности в уголовном процессе и при этом обеспечить качественное, эффективное расследование и разрешение уголовных дел (чтобы изобличен и привлечен к ответственности был действительно виновный). Для этого нужно на государственном уровне соответствующим образом расставить приоритеты в области правового регулирования соответствующих общественных отношений. Этот вопрос лежит в сфере действия уголовно-процессуальной политики. В качестве ее основных направлений, причем направлений конкурирующих, в науке уголовного процесса выделяют, с одной стороны, всемерную защиту прав человека, а с другой — жесткую борьбу с преступностью¹⁷.

Здесь также уместно вспомнить известную работу американского правоведа Г. Пакера «Две модели уголовного процесса», где автор выделяет модель «контроля над преступностью» (Crime Control Model) и модель «надлежащего судебного процесса» (Due Process Model)¹⁸. В первой из них основной акцент сделан на необходимости прежде всего защищать публичный интерес, т.е. защищать общество от преступных посягательств, даже если для этого потребуются пожертвовать правами и свободами частных лиц. Вторая модель, еще именуемая в авторитетной отечественной научной литературе как модель «надлежащей правовой процедуры»¹⁹, в качестве первоочередной задачи определяет защиту прав и свобод граждан. Она осуществляется путем предоставления им максимального набора процессуальных гарантий в сфере уголовного судопроизводства. В первую очередь это касается обвиняемого и его возможности защищаться от уголовного преследования.

Подводя промежуточный итог, отметим следующее. Несмотря на естественную разновекторность, конкуренцию этих направлений уголовно-процессуальной политики, следует учитывать, что они никогда не встречаются «в чистом виде» и для них характерно постоянное взаимодействие в разного рода комбинациях. Его цель — достижение искомого баланса, гармонии общественных и частных интересов в уголовном судопроизводстве.

Представляется, что при всей важности вышеизложенного подхода к определению вектора развития уголовного процесса и, соответственно, цели уголовно-процессуальной политики ни в коем случае не должен быть проигнорирован нравственный аспект проблемы. Полагаем, что заострение внимания лишь на идеологической и юридико-технической составляющих не позволит добиться эффективного ее решения. По нашему мнению, именно нравственные начала уголовно-процессуального права и правосознания правоприменителя являются тем «связующим звеном» между публичным и частным интересом, которое может выступить основой для их оптимального, гармоничного соотношения, основой для искомого консенсуса. Ведь совершенствование права должно осуществляться при тесном его взаимодействии с моралью,

¹⁵ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. I. С. 8.

¹⁶ Васильев О.Л. Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях российского уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 11.

¹⁷ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М., 2021. С. 57.

¹⁸ См.: Packer H.L. Two models of the Criminal Process // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 113. November 1964. No. 1. P. 6.

¹⁹ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. С. 56.

обязательно с ориентиром на их телеологическую, аксиологическую конвергенцию.

То есть если смотреть на проблему с точки зрения нравственных целей и ценностей в уголовном процессе, то исследуемый «конфликт интересов» во многом сглаживается и теряет свою остроту. Но повторимся — при условии полноценного воплощения нравственных начал в уголовно-процессуальных нормах и в правосознании правоприменителя. Только в этом случае возможен справедливый, гуманный, нравственный уголовный процесс, в котором заинтересованы как общество в целом, так и каждый его член в частности.

Таким образом, мы приходим к следующему выводу: отечественная модель уголовного судопроизводства должна формироваться прежде всего с учетом нравственных потребностей общества и личности. Причем речь идет не о каком-то моральном «подтексте», а об ориентире первостепенного значения. Нравственный аспект должен выступать системообразующей категорией как российского уголовно-процессуального права, так и правосознания ведущих судопроизводство лиц. В этом случае будет уместно говорить о формуле или, если угодно, о «знаке качества» российского уголовного процесса: «нравственный правоприменитель — справедливое правосудие». Здесь уместно вспомнить и меткое выражение М.И. Клеандрова: «без справедливых судей справедливым правосудие не может быть в принципе»²⁰. Поэтому представляется, что именно благодаря полноценной нравственной составляющей уголовного судопроизводства возможно достижение искомого баланса публичного и частного интересов.

При этом сегодня нравственные начала находят свое воплощение, регламентацию не только в фундаментальных положениях, принципах российского уголовного-процессуального права (презумпция невиновности, право на защиту и в целом — концепция благоприятствования защите²¹ (*favor defensionis*), оценка доказательств в соответствии в т.ч. и с велениями совести, тайна переписки, телефонных и иных переговоров, транспарентность судебного разбирательства, участие населения в отправлении правосудия, разумный срок уголовного судопроизводства и др.), но и в конкретных нормах и институтах, так сказать, на «переднем крае» уголовного процесса. В зависимости от наличия дискреционных полномочий ведущего судопроизводство лица соответствующие правовые положения можно сгруппировать следующим образом.

Во-первых, речь идет о правилах императивного характера, где правоприменитель действует в безальтернативном ключе. Например, по итогу предварительного расследования обвиняемому и его защитнику представляются для ознакомления все материалы уголовного дела (ст. 217 УПК РФ). Значение нравственного аспекта здесь сложно переоценить. В преддверии центральной стадии уголовного процесса — судебного разбирательства, где пройдет состязание сторон обвинения и защиты, осуществляющее уголовное преследование обвиняемого лицо раскрывает перед ним, если так можно выразиться, все свои карты. Делается это для полноценной реализации обвиняемым его права на защиту. С точки зрения целеполагания — шаг достаточно противоречивый, но именно нравственная составляющая действующих здесь процессуальных механизмов (презумпция невиновности, право на защиту, концепция *favor defensionis*) объясняет логику законодателя и выступает

необходимым средством достижения искомого консенсуса публичных и частных интересов.

Еще несколько примеров. Признание обвиняемым своей вины обязательно должно подкрепляться другими доказательствами (ч. 2 ст. 77 УПК РФ). Согласно положениям ч. 4 ст. 56 УПК РФ, свидетелю предоставлено право не давать показания против самого себя и близких ему лиц. Часть 3 ст. 184 УПК РФ содержит такое предписание: личный обыск гражданина осуществляется только лицом одного с ним пола. Аналогичное правило применяется и при производстве освидетельствования (ч. 4, 5 ст. 179 УПК РФ). Производство следственного эксперимента возможно только при отсутствии опасности для здоровья участников этого следственного действия (ст. 181 УПК РФ). При обыске должно быть исключено не вызываемое необходимостью повреждение имущества (ч. 6 ст. 182 УПК РФ). В случае смерти обвиняемого (подозреваемого) и при возражении его близких родственников против прекращения дела уголовный процесс продолжается для полноценного обеспечения права каждого на защиту своего чести и доброго имени, для реализации принципа охраны государством достоинства личности — в целом для возможной реабилитации умершего²² (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 254 УПК РФ).

Во-вторых, следует выделить положения, где правоприменитель наделяется дискреционными полномочиями — в этом случае особое значение для реализации нравственных начал соответствующих уголовно-процессуальных норм приобретает его правосознание. Приведем пример. Согласно общему правилу, производство следственных действий допускается только в дневное время, за исключением не терпящих отлагательства случаев (ч. 3 ст. 164 УПК РФ). Это предписание имеет нравственную направленность, оно стоит на страже личных интересов, и изъятия из него должны применяться в крайнем случае — только если промедление ставит под угрозу интересы расследования, т.е. публичный интерес. Перед правоприменителем здесь стоит нравственный вопрос, он должен распорядиться своей властью ответственно, разумно и гуманно, от его усмотрения зависит достижение баланса частных и общественных интересов в каждой следственной ситуации.

Список примеров можно продолжить — это и возможность прекращения дела ввиду примирения сторон (ст. 25 УПК РФ) или в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ), и право прекратить уголовное преследование несовершеннолетнего лица с применением принудительной меры воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ), и полномочия по проведению закрытого судебного разбирательства (ст. 241 УПК РФ), и многое другое. Ясно, что в деле достижения справедливости при реализации соответствующих правомочий во главе угла стоит вопрос об уровне развития правосознания правоприменителя, его нравственной зрелости.

* * *

В заключение отметим следующее. На наш взгляд, действительное совершенствование российского уголовного процесса возможно только тогда, когда основным критерием и вместе с тем вектором его развития выступает нравственность.

Например, глубокому осмыслению с позиции морали подлечит вопрос о возможности дознавателя не проводить полноценного расследования при признании подозреваемым своей

²⁰ Клеандров М.И. О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия // Государство и право. 2021. № 3. С. 9.

²¹ См., напр.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. С. 378–381.

²² См.: постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Вашенко» // СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. II), ст. 4698.

вины (гл. 32¹ УПК РФ) — не является ли это реинкарнацией в современном уголовном процессе идеи о признании вины как о «царице доказательств»? Схожие опасения возможны и в отношении постановления приговора по результатам особого производства в суде при согласии лица с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ). Некоторые авторитетные процессуалисты открыто говорят о безнравственности этих уголовно-процессуальных институтов²³.

При этом огромное значение имеет и нравственная развитость, зрелость правосознания правоприменителя. Здесь сразу встает вопрос о масштабе и качестве правового воспитания будущих юристов, повышения правовой культуры последних. При этом необходимо сделать акцент и на их нравственном развитии, поэтому очевидна востребованность включения в предметную область исследования этих проблем еще и соответствующих психологических, педагогических, социологических и духовно-нравственных аспектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архангельский Л.М.* О характере морального сознания // Вопросы философии. 1964. № 5. С. 83.
2. *Васильев О.Л.* Нравственные начала уголовного процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 116.
3. *Васильев О.Л.* Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях российского уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 11.
4. *Галузо В.Н., Канафин Н.А., Редкоус В.М.* Доказывание в правосудии Российской Федерации. 6-е изд., испр. и доп. / под ред. В.Н. Галузо. М., 2022. С. 68–187.
5. *Ильин И.А.* О сущности правосознания. М., 1993. С. 151, 152.
6. *Клеандров М.И.* О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия // Государство и право. 2021. № 3. С. 9.
7. *Кони А.Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе // Кони А.Ф. Избр. произведения. М., 1956. С. 28, 29.
8. *Куприна Н.Г., Масленникова С.Ф.* Современные подходы к содержательной разработке понятий «нравственность» и «мораль» // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 4. С. 77.
9. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М., 2021. С. 56, 57, 378–381.
10. *Лукашева Е.А.* Право, мораль, личность. М., 1986. С. 4.
11. *Полянский Н.Н.* Цель уголовного процесса. Ярославль, 1919. С. 21.
12. *Строгович М.С.* Проблемы судебной этики. М., 1974. С. 7, 9.
13. *Строгович М.С.* Теория судебных доказательств // Строгович М.С. Избр. труды: в 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 42.
14. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. I. С. 8.
15. *Шердаков В.Н.* Аксиология и этика. Тбилиси, 1967. С. 312.
16. *Шишкин А.Ф., Шварцман К.А.* XX век и моральные ценности человечества. М., 1967. С. 20.
17. *Packer H.L.* Two models of the Criminal Process // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 113. November 1964. No. 1. P. 6.

REFERENCES

1. *Arkhangelsky L.M.* On the nature of moral consciousness // Questions of philosophy. 1964. No. 5. P. 83 (in Russ.).
2. *Vasiliev O.L.* The moral principles of the criminal process // Judicial power and criminal procedure. 2018. No. 1. P. 116 (in Russ.).
3. *Vasiliev O.L.* Theoretical aspects of the principle of justice at the pretrial stages of the Russian criminal process: dis. ... Doctor of Law. M., 2018. P. 11 (in Russ.).
4. *Galuzo V.N., Kanafin N.A., Redkous V.M.* Proving in the justice of the Russian Federation. 6th ed., rev. and add. / ed. by V.N. Galuzo. M., 2022. Pp. 68–187 (in Russ.).
5. *Ilyin I.A.* On the essence of legal awareness. M., 1993. Pp. 151, 152 (in Russ.).
6. *Kleandrov M.I.* On the directions of improving the mechanism of judicial power in ensuring justice // State and Law. 2021. No. 3. P. 9 (in Russ.).
7. *Koni A.F.* Moral principles in criminal proceedings // Koni A.F. Selected works. M., 1956. Pp. 28, 29 (in Russ.).
8. *Kuprina N.G., Maslennikova S.F.* Modern approaches to the meaningful development of the concepts of “morality” and “morality” // Modern problems of science and education. 2015. No. 4. P. 77 (in Russ.).
9. The course of criminal procedure / ed. by L.V. Golovko. M., 2021. Pp. 56, 57, 378–381 (in Russ.).
10. *Lukasheva E.A.* Law, morality, personality. M., 1986. P. 4 (in Russ.).
11. *Polyansky N.N.* The purpose of the criminal process. Yaroslavl, 1919. P. 21 (in Russ.).
12. *Strogovich M.S.* Problems of judicial ethics. M., 1974. Pp. 7, 9 (in Russ.).
13. *Strogovich M.S.* Theory of judicial evidence // Strogovich M.S. Selected works: in 3 vols. M., 1991. Vol. 3. P. 42 (in Russ.).
14. *Foynitsky I. Ya.* Course of criminal proceedings. SPb., 1996. Vol. I. P. 8 (in Russ.).
15. *Sherdakov V.N.* Axiology and ethics. Tbilisi, 1967. P. 312 (in Russ.).
16. *Shishkin A.F., Shvartsman K.A.* The twentieth century and the moral values of mankind. M., 1967. P. 20 (in Russ.).
17. *Packer H.L.* Two models of the Criminal Process // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 113. November 1964. No. 1. P. 6.

Сведения об авторе

МАЛИНА Максим Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета; 344002 г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88

Authors' information

MALINA Maxim A. — PhD in Law, Associate Professor at the Department of Criminal Procedure and Criminology, Faculty of Law, Southern Federal University; 88 M. Gorky str., 344002 Rostov-on-Don, Russia

²³ См., напр.: *Васильев О.Л.* Нравственные начала уголовного процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 116.

УДК 341.1/8

СТАТУС ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ: НОВЕЛЛЫ, ОБОЗНАЧЕННЫЕ ПРАКТИКОЙ ГОСУДАРСТВ

© 2024 г. А. Н. Вылегжанин*, М. Юзбашян**

*Московский государственный институт международных
отношений (университет) МИД России*

* E-mail: danilalvy@mail.ru

** E-mail: m_you@mail.ru

Поступила в редакцию 11.07.2023 г.

Аннотация. Отсутствие в Договоре по космосу 1967 г. клаузул о правовом режиме природных ресурсов небесных тел и вместе с тем создание США и их партнерами по соглашениям «Артемиды» благоприятных административно-правовых условий их лицам (юридическим и физическим) для природоресурсной деятельности на небесных телах актуализировало востребованность разработки научных предложений к соответствующему российскому правовому реагированию. В статье по результатам анализа законодательных и договорных актов США в общем контексте международного космического права сформулированы такие начальные предложения.

Ключевые слова: международное космическое право, космическое пространство, небесные тела, природные ресурсы Луны и других небесных тел, Договор по космосу 1967 г., космические ресурсы, коммерческая космическая деятельность, космическая природоресурсная деятельность, Закон США о состоятельности коммерческих космических запусков 2015 г., Соглашения «Артемиды», зоны безопасности.

Цитирование: Вылегжанин А. Н., Юзбашян М. Статус природных ресурсов небесных тел: новеллы, обозначенные практикой государств // Государство и право. 2024. № 1. С. 147–158.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00977, <https://rscf.ru/project/23-18-00977/>

DOI: 10.31857/S1026945224010143

STATUS OF THE NATURAL RESOURCES OF CELESTIAL BODIES: NOVELTIES OF THE PRACTICE OF STATES

© 2024 A. N. Vylegzhanin*, M. Yuzbashyan**

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

* E-mail: danilalvy@mail.ru

** E-mail: m_you@mail.ru

Received 11.07.2023

Abstract. The absence of clauses on the legal regime of the natural resources of celestial bodies in the Outer Space Treaty, together with the development by the United States with its partner states of favourable legal conditions for their legal entities and individuals for the mining of space resources on celestial bodies, has highlighted the need for scientific proposals on the relevant Russian legal response. The article after analysing the legislative and treaty acts of the United States in the general context of International Space Law makes such initial proposals.

Key words: International Space Law, outer space, celestial bodies, the natural resources of the Moon and other celestial bodies, the 1967 Outer Space Treaty, space resources, commercial space activity, space resources mining activity, the U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act of 2015.

For citation: Vylegzhanin, A. N., Yuzbashyan, M. (2024). Status of the natural resources of celestial bodies: novelties of the practice of states // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 1, pp. 147–158.

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-18-00977, <https://rscf.ru/project/23-18-00977/>

Введение

Почетный президент Международного института космического права в своей книге, изданной в 1982 г., перечислил десятки исследований правового положения Луны и других небесных тел (выходящих за рамки кратких разделов о них в курсах международного космического права), осуществленных еще в 60–70-х годах¹. Тем не менее в сравнении с тысячами научных публикаций о правовом режиме космического пространства такая его часть, как небесные тела, и особенно их природные ресурсы, остается малоисследованной в качестве объекта международного права. Это особенно заметно при сопоставлении с отечественными научными трудами о суверенитете над природными ресурсами в пределах территории государства² или о правовом режиме морских природных ресурсов³. Между тем уточнение международно-правового положения природных ресурсов небесных тел является актуальным. В частности, отмечено: перспективна разработка лунного гелия-3, использование которого в качестве термоядерного топлива названо высокоэффективным⁴; природные вещества с лунной поверхности целесообразно использовать в качестве источника топливного и кислородного обеспечения в условиях космического пространства⁵; доля металлов платиновой группы в природных ресурсах околоземных астероидов в среднем в 1000 раз превышает наличие таковых в земной коре⁶, а некоторые астероиды в основном состоят из пород драгоценных металлов⁷. Тем более актуальным это становится в связи с новыми международно-правовыми форматами сотрудничества и состязательности государств в области дальнейшего освоения небесных тел и их природных ресурсов⁸. Речь идет не только о лунных программах Германии,

Израиля, Индии, ОАЭ, Турции, Южной Кореи и Японии; о российской лунной программе, открытие которой планировалось запуском автоматической межпланетной станции (АМС) «Луна-25»⁹; об основанной в КНР в 2003 г. программе «Чанъэ», в рамках которой в декабре 2020 г. АМС «Чанъэ-5» были доставлены образцы лунного грунта на Землю¹⁰; о проекте двух государств «Международная лунная научная станция», о котором в декабре 2022 г. было заключено межправительственное соглашение¹¹.

Наибольший политико-правовой резонанс (и позитивный, и негативный) в мире вызвала американская программа «Артемиды» и последовавшие за ней Соглашения «Артемиды»: во-первых, из-за заявленных целей (пребывания «астронавтов на Луне»¹²; исследования «дальнего космоса»; повторения запусков беспилотных космических аппаратов к Луне¹³; создания США и их партнерами на небесных телах «зон безопасности» и обозначения содержания их режима); во-вторых, из-за американского формата сотрудничества по будущей окололунной станции «Gateway» с избираемыми США партнерами — Европейским космическим агентством, Канадским космическим агентством, Японским агентством аэрокосмических исследований¹⁴; в-третьих, из-за обозначения в Соглашениях «Артемиды» вызова некоторым положениям международного космического права (далее — МКП) (о том, что исследование и использование космического пространства, в т.ч. небесных тел, будучи «достоянием всего человечества», должно осуществляться «на благо и в интересах всех стран»; о запрете присвоения небесных тел и их участков; о признании

¹ См.: *Pepin E.* History of the International Institute of Space Law of the International Astronautical Federation (1958–1982). American Institute of Aeronautics and Astronautics, 1982.

² См., напр.: *Сапожников В. И.* Международные проблемы суверенитета над природными богатствами: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1967.

³ См.: *Вылегжанин А. Н.* Морские природные ресурсы (международно-правовой режим). М., 2001.

⁴ См.: *Галимов Э. М., Ануфриев Г. С.* Не-3 в лунном грунте по глубине колонки, отобранной автоматической станцией Луна-24 // Доклады Академии наук. 2007. Т. 412. № 3. С. 388–390; см. подр.: *Вылегжанин А. Н., Юзбашян М. Р., Алексеев М. А.* Международно-правовые перспективы использования природных ресурсов Луны и других небесных тел // ГИАБ. 2021. № 3–1. С. 155–172.

⁵ См.: *Zhong Y. et al.* In situ resource utilization of lunar soil for highly efficient extraterrestrial fuel and oxygen supply // *National Science Review*. Vol. 10. Iss. 2, February 2023. <https://doi.org/10.1093/nsr/nwac200>. URL: <https://academic.oup.com/nsr/article/10/2/nwac200/6712344> (дата обращения: 05.07.2023).

⁶ См.: *Cheng A.* 2014. Resource Potential of Asteroids. P. 9. URL: https://www.nasa.gov/sites/default/files/files/08-Cheng-Resource_Potential_of_Asteroids.pdf (дата обращения: 05.07.2023).

⁷ См.: *Cannon K. M., Galich M., Acain J.* Precious and Structural Metals on Asteroids, Planetary and Space Science. Vol. 225, 2023, 105608, <https://doi.org/10.1016/j.pss.2022.105608>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0032063322001945> (дата обращения: 05.07.2023).

⁸ О равноуровневых подходах к сотрудничеству и состязательности государств в космосе, влияющих на развитие международного

космического права, см.: *Berkman P. A., Vylegzhanin A. N., Yuzbashyan M. R., Mauduit J.* Outer Space Law: Russia-United States Common Challenges and Perspectives // *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 106(1). P. 24. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2018-1-16-34>; *Юзбашян М.* Актуальные тенденции сотрудничества/соперничества в космосе и перспективы развития космического права (тезисы доклада (рус., англ.), представленного на круглом столе «Сотрудничество и соперничество в космосе: правовые проблемы и перспективы» в рамках Второй международной конференции «Современное общество, государство и право», 16–17 июня 2022 г., Шэньчжэнь (КНР). URL: <https://ssrn.com/abstract=4145994> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4145994> (дата обращения: 05.07.2023).

⁹ «Луна-25» — «проект по запуску посадочной автоматической межпланетной станции для исследования верхнего слоя поверхности в районе южного полюса Луны, лунной экзосферы и отработки технологий посадки и анализа грунта» (см.: URL: <https://iki.cosmos.ru/missions/luna-25> (дата обращения: 05.07.2023); Автоматическая межпланетная станция «Луна-25». URL: <https://www.laspaces.ru/projects/planets/luna-glob/> (дата обращения: 05.07.2023)).

¹⁰ См.: China advances lunar exploration program. Date: 2023-04-25. Source: Xinhua. URL: <http://www.cnsa.gov.cn/english/n6465652/n6465653/c6842471/content.html> (дата обращения: 05.07.2023).

¹¹ См.: Россия и Китай подписали соглашение о работах по изучению Луны / МИА «Россия сегодня». 21.12.2022 г. URL: <https://ria.ru/20221221/luna-1840178767.html> (дата обращения: 05.07.2023).

¹² См.: NASA Artemis Program. URL: <https://www.nasa.gov/specials/artemis/> (дата обращения: 05.07.2023).

¹³ См.: Artemis-I Mission. URL: <https://www.nasa.gov/specials/artemis-i/> (дата обращения: 05.07.2023).

¹⁴ См.: Gateway International Partners. URL: <https://www.nasa.gov/gateway/international-partners/> (дата обращения: 05.07.2023).

природных ресурсов небесных тел «общим наследием человечества»).

Изначально отметим различия в международно-правовой космической политике Российской Федерации и КНР, с одной стороны, и, с другой — США. Если российско-китайский проект включает в качестве цели использование природных ресурсов Луны лишь для поддержания жизнедеятельности экспедиций (*Lunar resources in-situ utilization*)¹⁵, то названная американская программа «Артемиды» не ограничивает извлечение естественных материалов с поверхности и из недр небесных тел лишь целями поддержания жизнедеятельности экспедиций; в ней уже заложена возможность коммерческой разработки таких материалов¹⁶.

С учетом технологической готовности ряда государств, не только Российской Федерации, КНР и США, к исследованию природных ресурсов небесных тел уже востребовано уточнение национально-законодательных и международно-правовых условий таких исследований, а также последующей природоресурсной деятельности на небесных телах.

В качестве дополнительных показателей такой востребованности отметим следующее. *Во-первых*, с 80-х годов XX в. нарастают тенденции коммерциализации космической деятельности, растет количество ее «акторов», расширяются ее направления, включая планируемое использование естественных ресурсов небесных тел¹⁷. Это названо началом индустриализации космоса, переходом от «производства информации» к «материальному производству» в космосе¹⁸. *Во-вторых*, на уровне международного правосознания обозначена необходимость поиска альтернативных путей природоресурсного обеспечения нужд государств¹⁹. На этом фоне не вызывает удивления сам факт принятия в 2015 г. Закона США о состязательности коммерческих космических запусков²⁰. Как будет показано ниже, ряд положений этого Закона и последовавший за ним Указ Президента США «О поощрении международной поддержки в целях извлечения и использования космических ресурсов» 2020 г.²¹ — в части правового положения природных ресурсов небесных тел — не соответствуют действующему МКП. Далее этот же подход США стал избирательно

интернационализироваться с октября 2020 г. посредством заключения НАСА²² «от имени Соединенных Штатов Америки» Соглашений «Артемиды» с уполномоченными представителями более 20 государств, по-своему определяющих правовой режим использования природных ресурсов небесных тел²³. Отметим, что эта новая международно-правовая космическая политика США, поддержанная государствами — участниками Соглашений «Артемиды», побудила обратиться к обозначенным вопросам и на уровне ООН: начиная с 2017 г. соответствующий пункт находится в повестке дня ежегодных сессий Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу. В 2021 г. учреждена Рабочая группа по правовым аспектам деятельности, связанной с космическими ресурсами²⁴.

Совокупность обозначенных новелл в практике государств актуализирует необходимость своевременной разработки концепции эффективного российского реагирования на них, в т.ч. на уровне национального законодательства и международно-правовой политики Российской Федерации, не только для сохранения ее статуса как ведущей космической державы, но прежде всего с целью совершенствования международно-правового обеспечения ее национальных интересов в природоресурсной деятельности в космосе, в т.ч. недопущения юридического закрепления за компаниями США, Соединенного Королевства, Канады, Японии, других государств — участников Соглашений «Артемиды» тех участков небесных тел, в т.ч. астероидов, которые наиболее перспективны в природоресурсном измерении; предупреждения *de facto* завладения такими участками путем создания на них «зон безопасности», предусмотренных Соглашениями «Артемиды»; других способов препятствования использованию избранных участков небесных тел Российской Федерацией и другими государствами, не участвующими в Соглашениях «Артемиды».

В статье после данного введения кратко характеризуются действующее международно-правовое положение природных ресурсов небесных тел. С таким универсальным международно-правовым массивом сопоставляются те новеллы, которые зафиксированы в законодательных актах США и их последователей. В разделе статьи, посвященной инициированному США Соглашениям «Артемиды», показано, как юридически искусно США пытаются «ваять» новый режим природных ресурсов небесных тел, перемещивая в нем положения универсальных источников МКП и американской юридической «самодеятельности». По результатам исследования сформулированы соответствующие научные предложения авторов.

Универсальные международные договоры, документы ООН о действующем правовом положении природных ресурсов небесных тел

Ни одно государство, включая США, не оспаривает, что небесные тела являются объектом МКП. Отмечено даже, что в отношении этого пространства действует

¹⁵ См.: International Lunar Research Station (ILRS) Guide for Partnership. P. 3. URL: <http://www.cnsa.gov.cn/english/n6465645/n6465648/c6812150/content.html> (дата обращения: 05.07.2023).

¹⁶ См.: The Artemis Accords Principles for Cooperation in the Civil Exploration and Use of the Moon, Mars, Comets, and Asteroids for Peaceful Purposes (The Artemis Accords). Section 10. Space Resources. URL: <https://www.nasa.gov/specials/artemis-accords/img/Artemis-Accords-signed-13Oct2020.pdf> (дата обращения: 05.07.2023).

¹⁷ См.: Proceedings of the Workshop on Space Law in the Twenty-first Century, UNISPACE III Technical Forum, Vienna, Austria, July 1999 / UN Doc. ST/SPACE/2. P. 7, para. 8 (2000).

¹⁸ См.: Колосов Ю.М. Освоение космического пространства (Глава VIII) // Глобальные проблемы современности / ред. Н.Н. Иноземцев. М., 1981. С. 186.

¹⁹ См. подр.: Международно-правовые основы недропользования: учеб. пособие / отв. ред. А.Н. Вылегжанин; [авт. предисл. А.В. Торкунов]. М., 2007. С. 16, 17.

²⁰ См.: U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act. Public Law 114-90. November 25, 2015. URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2262/text> (дата обращения: 05.07.2023).

²¹ См.: U.S. Federal Register. Vol. 85. № 70. April 10, 2020. Title 3. The President. Executive Order 13914 of April 6, 2020. Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2020/04/10/2020-07800/encouraging-international-support-for-the-recovery-and-use-of-space-resources> (дата обращения: 05.07.2023).

²² NASA — National Aeronautics and Space Administration (Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства — исполнительный орган США).

²³ The Artemis Accords (актуальная информация по статусу Соглашений «Артемиды» указана далее при их предметном анализе) (см.: URL: <https://www.nasa.gov/specials/artemis-accords/index.html> (дата обращения: 05.07.2023)).

²⁴ В 2022 г. утверждено ее официальное наименование — Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities (см.: URL: <https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/copuos/lsc/space-resources/index.html> (дата обращения: 05.07.2023)).

концепция «обязательной многосторонности» (*mandatory multilateralism*)²⁵.

В ряде резолюций Генеральной Ассамблеи ООН²⁶ предусмотрено, что действие международного права, включая Устав ООН, распространяется на деятельность государств в космосе, в т.ч. на небесных телах; что небесные тела открыты для исследования и использования и не подлежат «присвоению», причем не только путем провозглашения на них суверенитета, но и «любими другими средствами». Этот статус небесных тел подтвержден и в *Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела*, 1967 г. (далее – Договор по космосу 1967 г.)²⁷.

При согласовании текста Договора по космосу государства не рассматривали в качестве приоритетной задачу по установлению специального правового режима природных ресурсов небесных тел; внимание было сфокусировано на согласовании статуса самих небесных тел и межпланетного пространства как новых объектов международного права. Содержащийся ранее в обозначенных выше резолюциях ГА ООН принцип неприсвоения небесных тел был закреплен в качестве договорной нормы (в ст. II Договора по космосу 1967 г.), имеющей, по доктринальным оценкам, обычно-правовой характер²⁸. По смыслу этой статьи, запрещено национальное присвоение небесных тел любыми средствами. Этот запрет не распространяется на исследование и использование любого района небесных тел всяким государством (ст. I) и с его разрешения и под его наблюдением лицами под его юрисдикцией (ст. VI), но «в соответствии с международным правом»²⁹ (ст. III), а также другими положениями Договора по космосу 1967 г. То есть Договор по космосу 1967 г. не допускает присвоения государством-участником и лицами под его юрисдикцией любого небесного тела, включая малые астероиды; не допускается и обособление какого-то участка небесного тела для единоличного использования, в т.ч. и под предлогом обеспечения безопасности оборудования, доставленного для целей разработки недр небесного тела.

Договор 1967 г. не предусматривает определения термина «небесное тело», хотя и использует понятие «Луна и другие небесные тела» как стержневое в большинстве положений. Согласно терминологии, утвердившейся в МКП, небесными телами являются естественно образовавшиеся в космическом пространстве объекты различной

физической природы, включая планеты, астероиды, кометы и множество мелких метеоритных тел³⁰. Это важно отметить, потому что иной понятийный аппарат используется в нормах упомянутого законодательства США, касающихся порядка природоресурсной деятельности в космосе, а также в Соглашениях «Артемиды» (об этом ниже).

Договором по космосу 1967 г. предусмотрена ответственность государства-участника за обеспечение соответствия его положением всякой национальной деятельности в космическом пространстве (ст. VI). Это означает в т.ч. необходимость принятия государством-участником договора адекватных мер в случае заявлений со стороны лиц, юридических и физических, находящихся под его юрисдикцией, об их якобы имеющихся правах на небесные тела или участки таких тел³¹.

Таким образом, действующее МКП к периоду появления названного Закона США 2015 г. уже определило, что природоресурсная деятельность на небесных телах не запрещена, но вместе с тем не установлены специальные международно-правовые нормы, детально определяющие ее правовой режим.

Приоритетным вопросом толкования положения ст. II Договора по космосу 1967 г. о неприсвоении небесных тел стала дискуссия о его применимости к их природным ресурсам. Одни правоведы обосновывали такую применимость³²; другие считали, что в Договоре по космосу речь идет только о запрете присваивать космическое пространство, в т.ч. небесные тела в целом, но такой запрет не распространяется на изъятие с поверхности или из недр небесных тел их природных веществ. Тем более что Договор 1967 г. такую деятельность не запрещает³³.

В контексте толкования указанного положения Ю.М. Колосов отметил, что нет свидетельств того, что понятие «использование небесных тел» охватывает также использование их природных ресурсов; «однако нет доказательств и обратного»³⁴. Как отмечено, небесные тела могут использоваться исключительно в мирных целях, причем так, чтобы при таком использовании учитывались бы интересы других государств-участников Договора.

³⁰ См.: Международное космическое право / отв. ред. Г.П. Жуков, Ю.М. Колосов. М., 1999. С. 63.

³¹ См. подр.: Berkman P.A., Vylegzhanin A.N., Yuzbashyan M.R., Mauduit J. Op. cit. P. 24.

³² См.: Cocca A.A. ILA Report of the Fifty-Fourth Conference, The Hague. 1970. P. 454; Gorove S. Limitations on the Principles of Freedom of Exploration and Use in Outer Space: Benefits and Interests // Proceedings of the Thirteenth Colloquium on the Law of Outer Space. 1971. P. 74 (цит. по: Handbook of Space Law by Frans von der Dunk with Fabio Tronchetti (ed.). Edward Elgar Publishing, 2015. P. 790).

³³ См.: Cheng B. Le Traité de 1967 sur l'espace // Journal du droit international. 1968. P. 533 (цит. по: Handbook of Space Law, 2015: 789); Hobe S. 2005. Current and Future Development of International Space Law; Kopal V. Comments and Remarks // Proceedings of the United Nations / Brazil Workshop on Space Law: Disseminating and Developing International and National Space Law: The Latin America and Caribbean Perspective. United Nations. New York, 2005. Pp. 7, 28. URL: http://www.unoosa.org/pdf/publications/st_space_28E.pdf (дата обращения: 05.07.2023).

³⁴ Колосов Ю.М. Правовой режим природных ресурсов Луны и других небесных тел // Международно-правовые основы недропользования: учеб. пособие / отв. ред. А.Н. Вылегжанин; [авт. предисл. А.В. Торкунов]. М., 2007. С. 238; см. также аналогичную точку зрения зарубежных специалистов: Hobe S., Man Ph. de National Appropriation of Outer Space and State Jurisdiction to Regulate the Exploitation, Exploration and Utilization of Space Resources // German Journal of Air and Space Law. 2017. No. 3(66). Pp. 460, 461.

²⁵ См.: Criddle E.J., Fox-Decent E. Mandatory Multilateralism, 113 AJIL 272. P. 281 (2019).

²⁶ Например: 1721 (XVI) от 20.12.1961 г.; 1962 (XVIII) от 13.12.1963 г. (Декларация правовых принципов деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства).

²⁷ Этот Договор вступил в силу 10 октября 1967 г.; его участниками в настоящее время являются более 110 государств, включая Российскую Федерацию, США и КНР. Статус Договора по космосу, а также других договорных источников МКП см.: <http://www.unoosa.org/oosa/en/our-work/spacelaw/treaties/status/index.html> (дата обращения: 05.07.2023).

Договор по космосу 1967 г. назван одним из «достижений» международного права (см.: Kopal V. International Legal Regime on Outer Space: Outer Space Treaty, Rescue Agreement and the Moon Agreement, in Proc. of the UN / Nigeria Workshop on Space L. "Meeting International Responsibility and Addressing Domestic Needs", Abuja, Nigeria, 21–24 Nov. 2005, UN Doc. ST/SPACE/32. 2006).

²⁸ См.: Vereschetin V.S., Danilenko G.M. Custom as a Source of International Law of Outer Space // Journal of Space Law. 1985. No. 13(1) P. 32.

²⁹ Здесь и далее положения международных договоров и национальных законодательных актов выделены курсивом авторами.

В юридико-техническом плане вопрос об уточненном режиме природных ресурсов небесных тел мог бы решаться посредством аутентичного толкования соответствующих положений Договора (и оформлен протоколом к Договору 1967 г.) или же путем международного судопроизводства³⁵.

Несомненно, более обстоятельно СССР, США, другие государства-участники переговоров такие вопросы обсуждали в ходе подготовки текста *Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г.*³⁶ (далее — Соглашение о Луне 1979 г.). По состоянию на август 2023 г., однако, в нем участвуют только 18 государств, среди которых нет космических держав — ни Российской Федерации, ни КНР, ни США. Более того, с 5 января 2024 г. количество государств-участников уменьшилось — со вступлением в силу первого в истории МКП заявления о выходе из Договора, поданного Саудовской Аравией на основании ст. 20 Соглашения³⁷. Причиной принятия этим государством решения о выходе из Соглашения о Луне является то, что Саудовская Аравия стала участником упомянутого Соглашения «Артемиды», в котором предусматривается иной, чем в Соглашении о Луне, режим природоресурсной деятельности в космосе, как ниже будет показано.

Соглашение о Луне 1979 г. — это один из результатов деятельности ООН, ее Комитета по космосу, нацеленного на разработку универсальных международных договоров о деятельности в космическом пространстве, наиболее значимым из которых признается рассмотренный выше Договор 1967 г. Для Российской Федерации, КНР, США, других космических государств также действуют: Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство, 1968 г.; Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, 1972 г.; Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, 1975 г. В Соглашении о Луне 1979 г., повторим, Российская Федерация, КНР и США не участвуют³⁸.

С 1979 г. развитие МКП на универсальном уровне происходит в основном посредством резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, хотя и обладающих морально-политическим значением, но все же не имеющих для государств юридически обязывающего характера. В этой связи заметим, что «резонансное» Соглашение о Луне 1979 г., в подготовке текста которого активно участвовали и США, представляется значимым для уяснения статуса природных ресурсов небесных тел. Во-первых, потому что основные положения этого Договора отражают консенсус государств в Комитете ООН по космосу, в котором был разработан его текст³⁹, их понимание статуса таких ресурсов, более де-

тальное по сравнению со «скупыми» природоресурсными положениями Договора по космосу; во-вторых, в качестве примера правовой модели, реализация которой до сих пор не получила поддержки даже среди небольшого количества государств-участников.

В п. 3 ст. 11 Соглашения о Луне⁴⁰ уточнено, что запрет присвоения применим не только к небесным телам в целом, но и к участкам их поверхности или недр, а также к природным ресурсам *in situ*⁴¹. В юридической литературе на это положение нередко ссылаются для толкования ст. II Договора по космосу 1967 г. не только в контексте распространения действия принципа неприсвоения на все субъекты космической деятельности, но и для обоснования того, что всякие природные вещества в месте их нахождения на небесных телах, не могут быть объектом права собственности. Но запрета на изъятие этих веществ с места их залегания Соглашение о Луне не предусматривает, что подчеркивается и в научных исследованиях⁴². Добавим, что Соглашение о Луне не содержит запрета права собственности на уже изъятые природные вещества: последние — это уже не природные ресурсы *in situ*.

В международно-правовой литературе подчеркнуто, что по смыслу Соглашения о Луне определен правовой режим использования природных ресурсов небесных тел *в научных целях*. Соглашение закрепляет: право государств «сбирать» на небесных телах образцы «веществ» и даже вывозить их; использовать такие вещества с целью «поддержания жизнедеятельности своих экспедиций». Соглашение не предусматривает количественных ограничений — ни в отношении «сбора» таких веществ, ни в отношении их «вывоза», что делает актуальным вопрос о юридическом отграничении: а) изъятия природных материалов с места их залегания на небесных телах в рамках научной деятельности; б) от коммерческой разработки таких природных материалов⁴³.

Не участвующие в Соглашении о Луне космические государства США, КНР и Российская Федерация по-своему планируют использовать природные ресурсы небесных тел (США в рамках программы «Артемиды»⁴⁴; а Российская Федерация и КНР согласно двустороннему проекту Международной лунной научной станции⁴⁵). Если Рос-

⁴⁰ В соответствии со ст. 1 Соглашения его положения, «относящиеся к Луне, применяются также к другим небесным телам Солнечной системы помимо Земли, за исключением тех случаев, когда вступают в силу конкретные правовые нормы в отношении любого из этих небесных тел».

⁴¹ Лат.: «там, где они находятся».

⁴² См.: *Su J. Legal status of abiotic resources in outer space: Appropriability, ownership, and access* // *Leiden Journal of International Law*. 2022. No. 35. Pp. 825–852.

⁴³ Подробнее об опыте разрешения аналогичного вопроса о разграничении коммерческой и научной деятельности на основе количественного критерия в международном морском праве см.: *Su J. Legality of Unilateral Exploitation of Space Resources under International Law* // *International & Comparative Law Quarterly*. 2017. No. 66(4). P. 1005. DOI:10.1017/S0020589317000367

⁴⁴ См.: *The Artemis Accords Principles for Cooperation in the Civil Exploration and Use of the Moon, Mars, Comets, and Asteroids for Peaceful Purposes (The Artemis Accords)*. Section 10. Space Resources. URL: <https://www.nasa.gov/specials/artemis-accords/img/Artemis-Accords-signed-13Oct2020.pdf> (дата обращения: 05.07.2023); Overview: In-Situ Resource Utilization: Using Space-Based Resources for Deep Space Exploration. URL: <https://www.nasa.gov/isru> (дата обращения: 05.07.2023).

⁴⁵ В качестве одной из научных целей проект предусматривает «Lunar resources in-situ utilization». International Lunar Research Station (ILRS) Guide for Partnership. P. 3. URL: <http://www.cnsa.gov.cn/english/n6465645/n6465648/c6812150/content.html> (дата обращения: 05.07.2023).

³⁵ См.: *Колосов Ю. М.* Правовой режим природных ресурсов Луны и других небесных тел. С. 239.

³⁶ Открыто для подписания 18 декабря 1979 г., вступило в силу 11 июля 1984 г.

³⁷ См.: Status of the Moon Agreement. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtidsg_no=XXIV-2&chapter=24&clang=_en#3 (дата обращения: 05.07.2023).

³⁸ См.: Status of International Agreements relating to Activities in Outer Space. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/spacelaw/treaties/status/index.html> (дата обращения: 05.07.2023).

³⁹ Подробнее о позициях СССР и США в процессе разработки Соглашения о Луне в Комитете ООН по космосу см.: *Колосов Ю. М., Юзбашян М. Р.* Вклад российской (советской) юриспруденции в становление и развитие международного космического права // *Московский журнал международного права*. 2015. № (2). С. 16. DOI: 10.24833/0869-0049-2015-2-12-34

сийская Федерация и КНР ясно уточнили назначение использования — «для поддержания жизнедеятельности своих экспедиций» (что согласуется с предусмотренными ст. 6 Соглашения о Луне правами государств при использовании природных ресурсов в научных целях), то в международно-правовой политике США это ограничение не поддерживается. В этом контексте подход Соглашения о Луне к использованию природных ресурсов небесных тел в научных целях можно охарактеризовать в качестве универсально востребованного. Требуется ли в перспективе отразить этот же подход в рамках универсального правового режима? Или же целесообразнее распространить обозначенное право использования таких ресурсов на всякие космические проекты, в т.ч. и те, которые осуществляются не только в научных целях? Тем более что Соглашение о Луне устанавливает некие начала правового режима эксплуатации природных ресурсов небесных тел.

С одной стороны, *возможное (и логичное) толкование* цитированного выше п. 3 ст. 11 Соглашения о Луне 1979 г. состоит в классическом международно-правовом подходе к определению статуса природных ресурсов (как части природы; как материала, ею созданного, находящегося в естественной среде). Согласно такому толкованию, правовое положение неживых природных ресурсов *in situ* следует, как правило, статусу того пространства, в котором эти ресурсы залегают. При этом обозначено отличие их статуса от правового положения уже извлеченных с места залегания веществ (*англ.* when recovered; *франц.* une fois extraites). Последние — уже не «ресурсы», а «полезные ископаемые»; они, в отличие от первых, являются объектом вещных прав, в т.ч. права собственности⁴⁶. В рамках такого подхода, если небесные тела не могут быть присвоены, то и их природные ресурсы *in situ* *подпадают под режим неприсвоения*. Такое толкование не противоречит клаузуле Соглашения 1979 г. об обязанности разработать международный режим эксплуатации природных ресурсов небесных тел тогда, когда такая эксплуатация «станет возможной в ближайшее время».

Соглашение о Луне предусматривает также клаузулу «*общего наследия человечества*», к которому отнесены и небесные тела, и их природные ресурсы⁴⁷. Кроме того, в Соглашении о Луне заложены начала⁴⁸ правового регулирования эксплуатации природных ресурсов небесных тел на основе принципа «общего наследия человечества». Заметим попутно, что он отличается от порядка разработки минеральных ресурсов Международного района морского дна по Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.⁴⁹

Как и в случае с правовым режимом минеральных ресурсов Международного района морского дна, возникает немало вопросов о том, как практически исполнять зафиксированные в Соглашении о Луне положения, например: о «справедливом распределении»; об «особом учете»

интересов и нужд «развивающихся стран» или «вклада» в исследование небесных тел, особенно с точки зрения тех государств — участников Соглашения, которые не относятся к «развивающимся», но и не внесли признанный вклад в такое исследование. По этому вопросу в науке было отмечено, что «справедливое распределение» должно адекватно учитывать усилия, а также физический и материальный вклад конкретных государств, осваивающих природные ресурсы небесных тел⁵⁰.

Вряд ли можно считать перспективной ст. 18 Соглашения о Луне — о том, что через пять лет после его вступления в силу согласно установленной процедуре может быть созвана конференция для обсуждения, в частности, вопроса о международном режиме эксплуатации природных ресурсов. Во-первых, такая конференция не созвана. Во-вторых, не очевидно, что государства — участники Соглашения 1979 г. по-прежнему поддерживают ту модель космического природопользования, элементы которой заложены в Соглашении. В-третьих, в случае созыва конференции для установления международно-правового режима эта модель вряд ли будет поддержана другими, не участвующими в Соглашении государствами. В-четвертых, иную модель управления природными ресурсами небесных тел продвигают США и их партнеры (количество которых уже превышает количество государств — участников Соглашения о Луне 1979 г.), прежде всего на основе Соглашений «Артемиды», как будет показано ниже.

То есть правовой режим эксплуатации природных ресурсов небесных тел не уточнен в том порядке, который предусмотрен Соглашением о Луне 1979 г. И если на небесных телах начнут в коммерческих целях добывать какие-то природные вещества и доставлять их на Землю, то, как верно указывает Ю.М. Колосов, совершенно немалым успех названной международной конференции без поддержки не участвующих в Соглашении 1979 г. многих государств, а такой поддержки, скорее всего, не будет⁵¹. Более перспективной (в контексте обозначенных Соглашениями «Артемиды» вызовов) представляется разработка Российской Федерацией, КНР, другими суверенными космическими государствами проекта договора о природных ресурсах небесных тел вне Соглашения о Луне 1979 г., но на основе положений Договора по космосу 1967 г., определяющих общий правовой режим небесных тел и принципы деятельности государств в космосе. Это востребовано прежде всего в контексте новой правовой космической политики США.

Национально-законодательная практика США и их партнеров в области использования природных ресурсов небесных тел

Нынешняя практика США и их партнеров по регламентации использования природных ресурсов небесных тел на уровне национального законодательства была спрогнозирована, как уже отмечалось, Ю.М. Колосовым еще в 2007 г.⁵² При отсутствии детального универсального порядка разработки таких ресурсов США приняли в 2015 г. *Закон о состязательности коммерческих космических запусков*⁵³ (далее — Закон США 2015 г.). Впоследствии в трех

⁴⁶ См. об этом: Правовой режим минеральных ресурсов. Словарь / под ред. А.А. Арбатова, В.Ж. Аренса, А.Н. Вылегжанина, Л.А. Тропко. М., 2002. С. 160—162, 197, 198; Международно-правовые основы недропользования: учеб. пособие / отв. ред. А.Н. Вылегжанин; [авт. предисл. А.В. Торкунов]. С. 24—34.

⁴⁷ См.: Колосов Ю.М., Юзбашян М.Р. Указ. соч. С. 16.

⁴⁸ В отличие от наличествующего в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. механизма реализации принципа «общего наследия человечества» в отношении минеральных ресурсов морского дна за пределами национальной юрисдикции (см. подр., напр.: Вылегжанин А.Н. Указ. соч. С. 142—157).

⁴⁹ Подробнее об этом см.: Международное морское право / отв. ред. С.А. Туреев. М., 2003. С. 164—175.

⁵⁰ См.: Международное космическое право / отв. ред. Г.П. Жуков, Ю.М. Колосов. С. 68.

⁵¹ См.: Колосов Ю.М. Правовой режим природных ресурсов Луны и других небесных тел. С. 239.

⁵² См.: там же. С. 241.

⁵³ См.: Pub. L. 114—90 “Commercial Space Launch Competitiveness Act of 2015”, § 401, 51 U.S.C. § 10101 note (2019), under which Title IV of this Act (51 U.S.C. § 51301—51303) (2019) could be cited as “Space Resource Exploration and Utilization Act of 2015” (The U.S. Act of 2015).

других государствах были приняты законы, подобные Закону США 2015 г. в части регулирования природоресурсной космической деятельности, а именно: в Люксембурге в 2017 г.⁵⁴, Объединенных Арабских Эмиратах в 2019 г.⁵⁵ и в Японии в 2021 г.⁵⁶

Названные законы США, Люксембурга и Японии провозглашают права лиц под юрисдикцией этих государств на добытые ими в космосе природные вещества. Закон ОАЭ, хотя и не устанавливает право частных лиц на присвоение таких добытых на небесных телах естественных материалов, но предусматривает правительственные полномочия по организации разрешительной системы природоресурсной деятельности в космосе. Целесообразно подробнее проанализировать именно Закон США, потому что принятие данного Закона привнесло его нормы в договорную практику США без обеспечения соответствия такой практики универсальному (монотипичному) международно-правовому режиму всякой космической деятельности, заложенному Договором по космосу 1967 г.

Большинство западных комментариев к Закону США 2015 г. — явно позитивные; утверждается, что посредством этого Закона США создали «первичный уровень» правовой поддержки американского космического природоресурсного сектора⁵⁷. В качестве поддержки своих лиц США предусмотрели наделение их правами на «ресурсы астероидов и космические ресурсы», в т.ч. «правами собственности»⁵⁸. В связи с этим отметим прежде всего, что в Законе США оставлен без должного учета достаточно выверенный понятийный аппарат МКП; вместо него в Законе вводятся, например, термины «космический ресурс», «ресурс астероида». Это актуализирует ряд правовых вопросов: если согласиться с новым американским понятием как подходящим для МКП («космический ресурс» — это «абиотический ресурс *in situ* в космическом пространстве, включая воду»), то это размывало бы содержание устоявшегося термина МКП — «природные ресурсы небесных тел»; это создавало бы широкий простор для толкования вводимого законодателем США понятия «космические ресурсы». Напомним, что в свое время была попытка некоторых государств провозгласить суверенитет над геостационарной орбитой как ресурсом соответствующего государства, но эта попытка была большинством государств пресечена.

Далее, кроме термина «космический ресурс» Закон США предусмотрел еще одно понятие, которого в МКП нет, — «ресурс астероида». Под этим термином предложено понимать космический ресурс, находящийся *in situ*

на поверхности или внутри единого астероида⁵⁹. Договор 1967 г., как уже было отмечено, не содержит терминов «ресурс астероида» или «космический ресурс», и вызывает сожаление, что они уже используются в именованиях профильной Рабочей группы Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу, учрежденной после принятия Закона США 2015 г. В этом контексте целесообразно разъяснить, что размывание сложившегося в МКП содержания понятия «природные ресурсы небесных тел» как стержневого не будет способствовать сохранению целостности с трудом ранее согласованного понятийного аппарата. Можно, впрочем, соотнести предусмотренное Законом США право использования добытых на небесных телах природных веществ с возможным толкованием соответствующего положения Соглашения о Луне (как не запрещающего присвоение и последующее использование природных веществ, уже извлеченных с поверхности небесных тел и из их недр). С учетом того, что США на уровне национального Закона подтвердили отказ от «суверенитета, суверенных или исключительных прав или юрисдикции или владения в отношении любого небесного тела»⁶⁰, в т.ч. небольшого астероида, целесообразно рассматривать изложенную выше законодательную позицию США в качестве толкования этим государством ст. I и II Договора по космосу 1967 г.

Заслуживает внимания и предметный анализ принятого Президентом США — во исполнение американского Закона 2015 г. — Указа «О поощрении международной поддержки в целях добычи и использования космических ресурсов» 2020 г.⁶¹ В этом документе отмечено, что «международно-правовой режим эксплуатации космических ресурсов» остается «неопределенным»; что США намерены препятствовать квалификации норм Соглашения о Луне 1979 г. в качестве международного обычая. В официальном разъяснении к Указу 2020 г. отмечено, что США подтверждают намерение проводить деятельность в космосе согласно Договору по космосу 1967 г., однако не рассматривают космос в качестве «глобального общего пространства» (*global commons*)⁶². При оценке обозначенной позиции США следует обратить внимание на следующие юридические нюансы. С одной стороны, обозначенная концепция «глобального общего пространства» не содержится в Договоре по космосу 1967 г. (Договор провозглашает исследование и использование космоса «достоянием всего человечества» (*province of all mankind*), т.е. буквальное противоречие заявленному намерению США соблюдать договорные обязательства нет. Однако, с другой стороны, согласно преобладающим зарубежным международно-правовым исследованиям, космос относится к категории пространств за пределами

⁵⁴ См.: Закон Люксембурга об исследовании и использовании космических ресурсов от 20.07.2017 г. Loi du 20 juillet 2017 sur l'exploration et l'utilisation des ressources de l'espace. URL: <http://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2017/07/20/a674/jo> (дата обращения: 05.07.2023).

⁵⁵ См.: Федеральный закон ОАЭ от 19.12.2019 № 12 о регулировании космического сектора Federal Law No. (12) of 2019 issued on 19.12.2019 corresponding to 22 Rabi' Al-Akhar 1441H. On the Regulation of the Space Sector.

⁵⁶ См.: Закон Японии от 23.06.2021 № 83 о поддержке коммерческой деятельности по исследованию и разработке космических ресурсов Japan's Act No. 83 of 2021 on the Promotion of Business Activities for the Exploration and Development of Space Resources. URL: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2021-09-15/japan-space-resources-act-enacted/> (дата обращения: 05.07.2023).

⁵⁷ См.: Frans G. von der Dunk. Asteroid Mining: International and National Legal Aspects, 26 // Michigan State International Law Review. 2018. P. 94.

⁵⁸ См.: 51 U.S.C. § 51303. Asteroid resource and space resource rights.

⁵⁹ См.: 51 U.S.C. § 51301 (1) and (2).

⁶⁰ The U.S. Act of 2015, Sec. 403. Disclaimer of extraterrestrial sovereignty ("It is the sense of Congress that by the enactment of this Act, the United States does not thereby assert sovereignty or sovereign or exclusive rights or jurisdiction over, or the ownership of, any celestial body").

⁶¹ См.: Executive Order on Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/executive-order-encouraging-international-support-recovery-use-space-resources/> (дата обращения: 05.07.2023).

⁶² Примечательно, что США не использовали здесь термин, предусмотренный Договором по космосу — «достояние всего человечества» (*province of all mankind*). Accompanying factsheet "President Donald J. Trump is Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources". URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/04/Fact-Sheet-on-EO-Encouraging-International-Support-for-the-Recovery-and-Use-of-Space-Resources.pdf> (дата обращения: 05.07.2023).

суверенитета и национальной юрисдикции государств⁶³ (эти пространства доктринально обозначаются именно как *global commons*). При этом признание космического пространства в качестве «глобального общего пространства» возлагает на субъектов космической деятельности определенные обязательства по учету именно «общих» интересов и прав государств, в т.ч. тех, которые сами в обозримом будущем в силу экономических или иных причин не имеют намерения осуществлять космическую природоресурсную деятельность. Эти обязательства в рамках западной доктринальной концепции «глобального общего пространства» соотносятся с аналогичными обязательствами в пределах концепции «достояния всего человечества» по Договору по космосу 1967 г. Таким образом, позиция США о непризнании космоса в качестве «глобального общего пространства» в совокупности с заявленным намерением соблюдать Договор по космосу может оказаться на практике весьма противоречивой.

В соответствии с названным Указом Президента США 2020 г., руководителю внешнеполитического ведомства США поручено обеспечить «международную поддержку» политике США, нацеленной на легитимацию разработки природных ресурсов небесных тел (в т.ч. частными лицами), прежде всего посредством заключения отдельных договоренностей США с другими государствами. Не случайно и то, что упомянутые выше отдельные Соглашения «Артемиды» (строго не отражающие «букву и дух» многосторонних договоров в области МКП, прежде всего Договора по космосу 1967 г.) ставятся на первое место в американской иерархии права, применимого к природоресурсной деятельности в космосе.

Соглашения «Артемиды»

Спустя полгода определенная Указом Президента США цель была уже достигнута; в октябре 2020 г. США заключили первый пакет Соглашений «Артемиды» (*The Artemis Accords*), в которых предусмотрены принципы сотрудничества в исследовании и использовании небесных тел, в т.ч. комет и астероидов⁶⁴. Отметим сложности юридической квалификации этих Соглашений. С одной стороны, это международное соглашение, подписанное от имени государств их уполномоченными представителями разного уровня, в т.ч. министрами (например, ведающими вопросами экономики, науки, образования и т.д.). С другой стороны, из текста Соглашений «Артемиды» не вполне ясно, имеют ли государства, от имени которых эти Соглашения подписаны, намерение рассматривать их как международные договоры. Тем более что в разд. I Соглашений «Артемиды» предусмотрено, что они представляют собой «политическую приверженность» принципам, в них описанным, многие из которых нацелены на исполнение «важных обязательств», содержащихся в Договоре по космосу и в других договорных источниках МКП. Поскольку Соглашения «Артемиды» подписаны от имени государств, вряд ли их можно считать межведомственными договорами. Но, как предусмотрено в Соглашениях «Артемиды», они подлежат применению прежде всего космическими агентствами государств-партнеров. В этом контексте значимы и дополнительные разъяснения по статусу данных соглашений,

изложенные представителем Государственного департамента США: Соглашения представляют собой «политическую приверженность высокого уровня», но они «не являются межправительственными соглашениями» Соединенных Штатов Америки⁶⁵. Эта юридическая позиция США косвенно подтверждается и в п. 2 разд. I3 Соглашений «Артемиды», согласно которому государство – депозитарий этих Соглашений (США) не регистрирует их в порядке, установленном ст. 102 Устава ООН для регистрации «всякого» международного договора; вместо этого США передают их копии⁶⁶ руководителю Секретариата ООН, с тем чтобы он обеспечил распространение Соглашений «Артемиды» в качестве официального документа ООН.

Согласно разд. 2 Соглашений «Артемиды», все документы (в т.ч. меморандумы о взаимопонимании, которые будут заключены партнерами США в рамках дальнейшей совместной космической деятельности) «должны» включать ссылки на Соглашения «Артемиды»; «должны» соответствовать принципам, установленным в этих соглашениях. Таким образом, система клаузул Соглашений «Артемиды», позиционируемых в качестве международных договоренностей, по существу, нацелена на фактическое распространение этих клаузул в качестве обязательных для государств – партнеров США. Это – несомненно «инновационно-изошренная» новелла в международно-правовой практике США.

Первые семь государств, от имени которых 13 октября 2020 г. подписаны *The Artemis Accords* – это (в порядке, обозначенном в английском – аутентичном – тексте соглашения) Австралия, Канада, Италия, Япония, Люксембург, Объединенные Арабские Эмираты, США, Соединенное Королевство⁶⁷. Но постепенно растет число участников этих соглашений, ведущих к измененной правовой основе использования природных ресурсов небесных тел: к середине 2023 г. это уже 27 государств, включая США (в список таких государств вошли дополнительно некоторые государства Азии и Латинской Америки, а не только европейские)⁶⁸. Этот список, как легко прогнозировать, будет и далее пополняться. Что привлекает другие государства (в т.ч. дружественные России, например Индию) идти по пути, обозначенному в отдельном договорном механизме США?

В тексте Соглашений «Артемиды» (уже в первом пункте преамбулы) стороны подчеркивают «значимость существующих двусторонних соглашений о сотрудничестве в космосе»⁶⁹ и уже во вторую очередь подтверждают намерение действовать в соответствии с Договором по космосу 1967 г. и иными универсальными международными договорами в области регулирования деятельности в космосе (не упомянуто лишь Соглашение о Луне 1979 г.). Соглашения «Артемиды», разумеется, не упоминают ни о первом советском

⁶³ См.: *Su J. Legal status of abiotic resources in outer space: Appropriability, ownership, and access. P. 835.*

⁶⁴ См.: *The Artemis Accords Principles for Cooperation in the Civil Exploration and Use of the Moon, Mars, Comets, and Asteroids for Peaceful Purposes. URL: <https://www.nasa.gov/specials/artemis-accords/index.html> (дата обращения: 05.07.2023).*

⁶⁵ См.: *The Artemis Accords: Past, Present, and Future. December 12, 2022. URL: <https://swfound.org/events/2022/the-artemis-accords-past-present-and-future>. С 51-й минуты записи (дата обращения: 05.07.2023).*

⁶⁶ Статья 102 Устава ООН предусматривает регистрацию всякого международного договора, заключенного членом Организации, предусматривая последствия уклонения государством от этого порядка.

⁶⁷ NASA, *International Partners Advance Cooperation with First Signings of Artemis Accords. URL: <https://www.nasa.gov/press-release/nasa-international-partners-advance-cooperation-with-first-signings-of-artemis-accords> (дата обращения: 05.07.2023).*

⁶⁸ *The Artemis Accords* (статус указан в конце страницы). URL: <https://www.nasa.gov/specials/artemis-accords/index.html> (дата обращения: 05.07.2023).

⁶⁹ “...importance of existing bilateral space cooperation agreements”.

спутнике, ни о первом полете человека в космос (тоже советском), но увязывают организованную США программу «высадки на поверхность Луны первой женщины» с 50-летием американского «исторического прилунения «Аполлона-11»»⁷⁰.

Итак, США и их партнеры, создав сепаратную договорную базу, успокаивают иные государства мира (а их большинство) тем, что в долгосрочной перспективе США выступают за урегулирование вопросов природопользования в космосе на универсальном уровне (при этом многие из клаузул Соглашений «Артемиды» повторяют формулировки Договора по космосу 1967 г.); но демонстрируют: вот по какому пути, проложенному США, надо идти.

В целом субстантивные положения Соглашений «Артемиды» (разд. 3–12) можно дифференцировать следующим образом: а) положения, в основном соответствующие действующему МКП — о мирном характере космической природоресурсной деятельности; о ее открытости; о порядке опубликования научных данных, особенно в контексте обеспечения защиты прав на объекты интеллектуальной собственности; об оказании помощи; о регистрации космических объектов; о космическом мусоре; б) не выраженные *expressis verbis* в действующем МКП положения технического характера, прежде всего о функциональной совместимости и взаимодополняемости космических систем государств-партнеров; в) положения, нацеленные на интернационализацию национально-законодательного подхода США, в т.ч. идущие вразрез с цитированным положением Договора по космосу 1967 г. об обеспечении свободного доступа «во все районы небесных тел». Таковы положения Соглашений «Артемиды» о защите «космического наследия», в т.ч. «мест посадки» на Луне⁷¹. Тем не менее даже такие положения в формулировках Соглашений «Артемиды» не имеют конфликтного характера. Но в будущем их реализация может повлечь на практике дополнительные неопределенности и конфликтную состязательность с государствами, не являющимися участниками Соглашений «Артемиды». Тем более это может стать актуальным при реализации четвертой категории положений Соглашений: г) устанавливающих принципы, применимые к будущей эксплуатации космических ресурсов (разд. 10 «Космические ресурсы» и разд. 11 «Предупреждение и урегулирование конфликтных ситуаций»).

Таким образом, Соглашения «Артемиды» при сопоставлении с применимыми универсальными договорно-правовыми нормами не во всем им соответствуют, начиная с понятийно-терминологического аппарата и заканчивая обязательством о должном учете интересов «всех других государств — участников» Договора по космосу 1967 г., предусмотренном в его ст. IX. Действительно, планируя в рамках Соглашений «Артемиды» создавать на Луне «зоны безопасности» согласно разд. II, хотя и в «разумных пределах», при обещании ограничить по времени функционирование этой зоны, разве не должны США во исполнение заявленной приверженности соблюдению названной статьи Договора по космосу 1967 г. «провести соответствующие международные консультации», прежде чем создать такую зону в каком-либо районе небесных тел? Насколько будет

практически осуществим «свободный доступ», предусмотренный ст. I Договора по космосу 1967 г., например, для космонавтов КНР или Российской Федерации в «зону безопасности», установленную на Луне астронавтами США на основе Соглашений «Артемиды»?

Актуальны в этой связи и иные вопросы, прежде всего о том, могут ли быть обеспечены предусмотренные Договором по космосу права государств, не участвующих в Соглашениях «Артемиды», но осуществляющих или планирующих деятельность на небесных телах, включая природоресурсную? Насколько положения Соглашений «Артемиды» о намерении «выполнять положения Договора по космосу и других соответствующих международных документов»⁷² могут на практике способствовать соблюдению обязательства согласно Договору по космосу 1967 г. об использовании космического пространства «на благо и в интересах всех государств»?

Понятно, что США и их партнеры по Соглашениям «Артемиды» уже не изменяют свою правовую позицию. То есть следует прогнозировать «сосуществование» универсального международно-правового режима природных ресурсов небесных тел, лишь в общих чертах обозначенного в действующем МКП, с одной стороны, и, с другой — сепаратного, но весьма обстоятельно урегулированного режима космической природоресурсной деятельности, предусмотренного в Соглашениях «Артемиды». Станет ли «Артемидовский режим» частью универсального МКП — покажет будущее. Но сосуществование таких режимов, как представляется, уже стало необратимой реальностью.

Заключение

Нынешний уровень состязательности между Российской Федерацией и ее партнерами, с одной стороны, и, с другой — США, их союзниками по НАТО, иными государствами с разной степенью зависимости от США затронул и те области международных отношений (включая межгосударственные отношения в связи с деятельностью в космосе), в которых ранее преобладал вектор сотрудничества.

Действующий универсальный международно-правовой режим природных ресурсов небесных тел, лишь в общем плане обозначенный в МКП, не может не испытывать воздействия тех значимых новелл, которые уже обозначила правовая космическая политика США и их пока еще немногочисленных последователей. Вряд ли скоро эти правовые новеллы будут позитивно восприняты на универсальном уровне большинством государств и, соответственно, оформлены как часть действующего универсального МКП. Вместе с тем *de facto* все больше и больше государств присоединяются к этому новому правовому режиму природоресурсной деятельности на небесных телах. Последнее отражается и в деятельности упомянутой выше Рабочей группы, созданной в Юридическом подкомитете Комитета ООН по космосу, где большинство представителей государств не квалифицируют Соглашения «Артемиды» как нарушающие обязательства США по международному космическому праву.

На таком сложном политико-правовом фоне сохраняется возможность на универсальном уровне создания *de novo* норм МКП, учитывающих обозначенные разновекторные реальности. При этом допустимо и обращение к существующим аналогиям, например к нормам, составляющим

⁷⁰ «...the historic Apollo 11 Moon landing».

⁷¹ Подробнее о соответствующих законодательных инициативах США см., напр.: Юзбашян М. Россия сохраняет юрисдикцию и контроль над «Луноходом-2» // МИА «Россия сегодня». 06.09.2018. URL: <https://ria.ru/interview/20180906/1527874952.html> (дата обращения: 05.07.2023).

⁷² «...to implement the provisions of the Outer Space Treaty and other relevant international instruments».

современный правовой режим неживых природных ресурсов в иных районах, находящихся, как и небесные тела, за пределами национальной юрисдикции.

В порядке осторожного прогноза отметим вероятность принятия государствами новых национальных законов о природных ресурсах небесных тел (в т.ч. Российской Федерацией и КНР), которые вряд ли будут повторять положения Закона США 2015 г. Множественность законодательных новелл, в свою очередь, хотя и нацеленных на защиту национальных интересов соответствующих государств, может создавать новые риски в отношениях прежде всего космических государств. Речь идет, например, о риске возникновения конфликтов в связи с реализацией коммерческих проектов по разработке природных ресурсов одного и того же астероида на основе разных национальных законов при отсутствии применимых к обоим государствам специальных норм МКП. В любом случае для обеспечения баланса национальных интересов всех государств (как и их лиц, в первую очередь инвесторов в космическом секторе экономики) востребовано согласование на универсальном уровне международно-правового режима эксплуатации природных ресурсов небесных тел.

Ни одно из государств не заявило протестов в связи с законами США, Люксембурга, ОАЭ, Японии о природоресурсной деятельности на небесных телах. Ни одно государство не заявляло протестов в связи с заключаемыми США и их партнерами Соглашениями «Артемиды». Процессы национально-законодательного, двустороннего, регионального, универсального правотворчества и правоприменения взаимосвязаны; даже единожды осуществленные, они имеют последствия для развития международного права. По этой причине выверенное российское реагирование на законодательные и сепаратные договорно-правовые вызовы США и их партнеров видится в том, чтобы совершенствовать (желательно в формате, согласованном с партнерами Российской Федерации, не участвующими в Соглашениях «Артемиды») правовой порядок инвестирования в природоресурсную деятельность на небесных телах, правовой режим самой такой деятельности прежде всего на двустороннем и региональном, а также на национально-законодательном уровне. Такой приоритет в правовой политике Российской Федерации и ее партнеров может привести к созданию эффективного, взаимоприемлемого, не ведущего к нарастанию конфликтности, универсального специального международно-правового режима природных ресурсов небесных тел, в котором нет места монополии США и других участников Соглашений «Артемиды» на уточнение природоресурсных положений МКП, в котором отражен разумный баланс национальных интересов Российской Федерации, ее партнеров, всех заинтересованных государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вылегжанин А.Н. Морские природные ресурсы (международно-правовой режим). М., 2001. С. 142–157.
2. Вылегжанин А.Н., Юзбашян М.Р., Алексеев М.А. Международно-правовые перспективы использования природных ресурсов Луны и других небесных тел // ГИАБ. 2021. № 3–1. С. 155–172.
3. Галимов Э.М., Ануфриев Г.С. Не-3 в лунном грунте по глубине колонки, отобранной автоматической станцией Луна-24 // Доклады Академии наук. 2007. Т. 412. № 3. С. 388–390.
4. Колосов Ю.М. Освоение космического пространства (Глава VIII) // Глобальные проблемы современности / ред. Н.Н. Иноземцев. М., 1981. С. 186.
5. Колосов Ю.М. Правовой режим природных ресурсов Луны и других небесных тел // Международно-правовые основы недропользования: учеб. пособие / отв. ред. А.Н. Вылегжанин; [авт. предисл. А.В. Торкунов]. М., 2007. С. 238, 239.
6. Колосов Ю.М., Юзбашян М.Р. Вклад российской (советской) юриспруденции в становление и развитие международного космического права // Московский журнал международного права. 2015. № 2. С. 16. DOI: 10.24833/0869-0049-2015-2-12-34
7. Международное космическое право / отв. ред. Г.П. Жуков, Ю.М. Колосов. М., 1999. С. 63, 68.
8. Международное морское право / отв. ред. С.А. Гуреев. М., 2003. С. 164–175.
9. Международно-правовые основы недропользования: учеб. пособие / отв. ред. А.Н. Вылегжанин; [авт. предисл. А.В. Торкунов]. М., 2007. С. 16, 17.
10. Правовой режим минеральных ресурсов. Словарь / под ред. А.А. Арбатова, В.Ж. Аренса, А.Н. Вылегжанина, Л.А. Тропко. М., 2002. С. 160–162, 197, 198.
11. Сапожников В.И. Международные проблемы суверенитета над природными богатствами: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1967.
12. Юзбашян М. Актуальные тенденции сотрудничества/соперничества в космосе и перспективы развития космического права. (тезисы доклада (рус., англ.), представленного на круглом столе «Сотрудничество и соперничество в космосе: правовые проблемы и перспективы» в рамках Второй международной конференции «Современное общество, государство и право», 16–17 июня 2022 г., Шэньчжэнь (КНР). URL: <https://ssrn.com/abstract=4145994> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4145994> (дата обращения: 05.07.2023).
13. Юзбашян М. Россия сохраняет юрисдикцию и контроль над «Луноходом-2» // МИА «Россия сегодня». 06.09.2018. URL: <https://ria.ru/interview/20180906/1527874952.html> (дата обращения: 05.07.2023).
14. Berkman P.A., Vylegzhanin A.N., Yuzbashyan M.R., Mauduit J. Outer Space Law: Russia–United States Common Challenges and Perspectives // Moscow Journal of International Law. 2018. No. 106 (1). P. 24. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2018-1-16-34>
15. Cannon K.M., Gialich M., Acain J. Precious and Structural Metals on Asteroids, Planetary and Space Science. Vol. 225, 2023, 105608, <https://doi.org/10.1016/j.pss.2022.105608>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0032063322001945> (дата обращения: 05.07.2023).
16. Cheng A. 2014. Resource Potential of Asteroids. P. 9. URL: https://www.nasa.gov/sites/default/files/files/08-Cheng-Resource_Potential_of_Asteroids.pdf (дата обращения: 05.07.2023).
17. Cheng B. Le Traité de 1967 sur l'espace // Journal du droit international. 1968. P. 533.
18. Cocca A.A. ILA Report of the Fifty-Fourth Conference, The Hague. 1970. P. 454.
19. Frans G. von der Dunk. Asteroid Mining: International and National Legal Aspects, 26 // Michigan State International Law Review. 2018. P. 94.
20. Gorove S. Limitations on the Principles of Freedom of Exploration and Use in Outer Space: Benefits and Interests // Proceedings of the Thirteenth Colloquium on the Law of Outer Space. 1971. P. 74.
21. Handbook of Space Law by Frans von der Dunk with Fabio Tronchetti (ed.). Edward Elgar Publishing, 2015. Pp. 789, 790.
22. Hobe S. 2005. Current and Future Development of International Space Law.
23. Hobe S., Man Ph. de National Appropriation of Outer Space and State Jurisdiction to Regulate the Exploitation, Exploration and Utilization

- of Space Resources // German Journal of Air and Space Law. 2017. No. 3(66). Pp. 460, 461.
24. *Criddle E.J., Fox-Decent E.* Mandatory Multilateralism, 113 AJIL 272. P. 281 (2019).
 25. *Kopal V.* Comments and Remarks // Proceedings of the United Nations/Brazil Workshop on Space Law: Disseminating and Developing International and National Space Law: The Latin America and Caribbean Perspective. United Nations. New York, 2005. Pp. 7, 28. URL: http://www.unoosa.org/pdf/publications/st_space_28E.pdf (дата обращения: 05.07.2023).
 26. *Pepin E.* History of the International Institute of Space Law of the International Astronautical Federation (1958–1982). American Institute of Aeronautics and Astronautics. 1982.
 27. *Su J.* Legal status of abiotic resources in outer space: Appropriability, ownership, and access // Leiden Journal of International Law. 2022. No. 35. Pp. 825–852.
 28. *Su J.* Legality of Unilateral Exploitation of Space Resources under International Law // International & Comparative Law Quarterly. 2017. No. 66(4). P. 1005. DOI:10.1017/S0020589317000367
 29. *Vereschetin V.S., Danilenko G.M.* Custom as a Source of International Law of Outer Space // Journal of Space Law. 1985. No. 13(1) P. 32.
 30. *Zhong Y. et al.* In situ resource utilization of lunar soil for highly efficient extraterrestrial fuel and oxygen supply, National Science Review. Vol. 10. Iss. 2, February 2023, <https://doi.org/10.1093/nsr/nwac200>. URL: <https://academic.oup.com/nsr/article/10/2/nwac200/6712344> (дата обращения: 05.07.2023).
 - in Space: Legal problems and prospects” within the framework of the Second International Conference “Modern Society, State and Law”, June 16–17, 2022, Shenzhen (PRC). URL: <https://ssrn.com/abstract=4145994> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4145994> (accessed: 05.07.2023) (in Russ.).
 13. *Yuzbashyan M.* Russia retains jurisdiction and control over Lunokhod-2 // MIA Rossiya Segodnya. September 6, 2018. URL: <https://ria.ru/interview/20180906/1527874952.html> (accessed: 05.07.2023) (in Russ.).
 14. *Berkman P.A., Vylegzhanin A.N., Yuzbashyan M.R., Mauduit J.* Outer Space Law: Russia–United States Common Challenges and Perspectives // Moscow Journal of International Law. 2018. No. 106(1). P. 24, <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2018-1-16-34>
 15. *Cannon K.M., Gialich M., Acain J.* Precious and Structural Metals on Asteroids, Planetary and Space Science. Vol. 225, 2023, 105608, <https://doi.org/10.1016/j.pss.2022.105608>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0032063322001945> (accessed: 05.07.2023).
 16. *Cheng A.* 2014. Resource Potential of Asteroids. P. 9. URL: https://www.nasa.gov/sites/default/files/files/08-Cheng-Resource_Potential_of_Asteroids.pdf (accessed: 05.07.2023).
 17. *Cheng B.* Le Traité de 1967 sur l’espace // Journal du droit international. 1968. P. 533.
 18. *Cocca A.A.* ILA Report of the Fifty-Fourth Conference, The Hague. 1970. P. 454.
 19. *Frans G. von der Dunk.* Asteroid Mining: International and National Legal Aspects, 26 // Michigan State International Law Review. 2018. P. 94.
 20. *Gorove S.* Limitations on the Principles of Freedom of Exploration and Use in Outer Space: Benefits and Interests // Proceedings of the Thirteenth Colloquium on the Law of Outer Space. 1971. P. 74.
 21. Handbook of Space Law by Frans von der Dunk with Fabio Tronchetti (ed.). Edward Elgar Publishing, 2015. Pp. 789, 790.
 22. *Hobe S.* 2005. Current and Future Development of International Space Law.
 23. *Hobe S., Man Ph. de* National Appropriation of Outer Space and State Jurisdiction to Regulate the Exploitation, Exploration and Utilization of Space Resources // German Journal of Air and Space Law. 2017. No. 3(66). Pp. 460, 461.
 24. *Criddle E.J., Fox-Decent E.* Mandatory Multilateralism, 113 AJIL 272. P. 281 (2019).
 25. *Kopal V.* Comments and Remarks // Proceedings of the United Nations/Brazil Workshop on Space Law: Disseminating and Developing International and National Space Law: The Latin America and Caribbean Perspective. United Nations. New York, 2005. Pp. 7, 28. URL: http://www.unoosa.org/pdf/publications/st_space_28E.pdf (accessed: 05.07.2023).
 26. *Pepin Eugene.* History of the International Institute of Space Law of the International Astronautical Federation (1958–1982). American Institute of Aeronautics and Astronautics. 1982.
 27. *Su J.* Legal status of abiotic resources in outer space: Appropriability, ownership, and access // Leiden Journal of International Law. 2022. No. 35. Pp. 825–852.
 28. *Su J.* Legality of Unilateral Exploitation of Space Resources under International Law // International & Comparative Law Quarterly. 2017. No. 66(4). P. 1005. DOI:10.1017/S0020589317000367
 29. *Vereschetin V.S., Danilenko G.M.* Custom as a Source of International Law of Outer Space // Journal of Space Law. 1985. No. 13(1) P. 32.
 30. *Zhong Y. et al.* In situ resource utilization of lunar soil for highly efficient extraterrestrial fuel and oxygen supply, National Science Review. Vol. 10. Iss. 2, February 2023, <https://doi.org/10.1093/nsr/nwac200>. URL: <https://academic.oup.com/nsr/article/10/2/nwac200/6712344> (accessed: 05.07.2023).

REFERENCES

Сведения об авторах

ВЫЛЕГЖАНИН Александр Николаевич —
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой международного права
Московского государственного института
международных отношений (университет)
МИД России; 119454 г. Москва,
проспект Вернадского, д. 76
ORCID: 0000-0003-4833-2525

ЮЗБАШЯН Мариам —
кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права
Московского государственного института
международных отношений (университет)
МИД России; 119454 г. Москва,
проспект Вернадского, д. 76
ORCID: 0000-0003-3231-8489

Authors' information

VYLEGZHANIN Alexander N. —
Doctor of Law, Professor,
Head of International Law Chair,
Moscow State Institute of International Relations
(University) MFA Russia; 76 Vernadskogo Ave.,
119454, Moscow, Russia

YUZBASHYAN Mariam —
PhD in Law,
Associate Professor of International Law Chair,
Moscow State Institute of International Relations
(University) MFA Russia; 76 Vernadskogo Ave.,
119454, Moscow, Russia

УДК 340.14

СООТНОШЕНИЕ НОРМ ШАРИАТА И НОРМ АДАТНОГО ПРАВА У ВАЙНАХОВ: ТРАДИЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ

© 2024 г. Х. Идрисов

Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный

E-mail: huseyn23@rambler.ru

Поступила в редакцию 01.07.2022 г.

Аннотация. В статье представлено научное исследование вопросов взаимовлияния, взаимоотношения норм шариата и адатного права у вайнахов (чеченцев и ингушей). Цель исследования — исторический и теоретико-правовой анализ отдельных норм адатного права вайнахов в призме их соотношения, взаимовлияния с нормами исламского права и шариата. Задачи исследования: характеристика отдельных обычаев, сформировавших адатное право вайнахов; изучение взаимовлияния норм адатного права и норм шариата в историческом ракурсе и в период современности; проведение анализа линии дозволенного/недозволенного поведения человека по исламскому праву; характеристика понятия мазхабности в исламском праве. Исследуются также вопросы влияния адата и норм шариата в семейно-брачных отношениях, при отправлении религиозных обрядов, в т.ч. и на похоронах. В работе приведены в качестве примеров, реализуемых на практике, полевые материалы, полученные автором по исследуемой тематике. Проведен анализ линии поведения человека в мусульманском праве исходя из категорий запретного (харама) и дозволенного (халляля). Приводится информация о мазхабности в фикхийских школах. Сформулирован вывод о том, что в ситуации возможного противоречия норм адата и шариата преобладающее значение должно отдаваться нормам шариата.

Ключевые слова: Священный Коран, адат, шариат, ислам, вайнахи, традиция, мазхаб, чеченцы.

Цитирование: Идрисов Х. Соотношение норм шариата и норм адатного права у вайнахов: традиционные аспекты и религиозные императивы // Государство и право. 2024. № 1. С. 159–168.

DOI: 10.31857/S1026945224010158

CORRELATION OF SHARIA AND ADAT LAW NORMS AMONG VAINAKHS: TRADITIONAL ASPECTS AND RELIGIOUS IMPERATIVES

© 2024 H. Idrisov

Kadyrov Chechen State University, Grozny

E-mail: huseyn23@rambler.ru

Received 01.07.2022

Abstract. The article presents a scientific study of the issues of mutual influence, the relationship between the norms of Sharia and adat law among the Vainakhs (Chechens and Ingush). The fundamental purpose of the research is the historical and theoretical-legal analysis of individual norms of the Vainakh adate law in the prism of their correlation, mutual influence with the norms of Islamic law and Sharia. Research objectives: characteristics of individual customs that formed the adat law of the Vainakhs; study of the mutual influence of the norms of adat law and Sharia law in historical perspective and in the period of modernity; analysis of the line of permissible/illegal human behavior under Islamic law; characteristics of the concept of madhabity in Islamic law. The hypothesis of the study: the established adats and norms of behavior among the Vainakhs, as well as the principles of interpersonal interaction on various issues and spheres of activity among Chechens, almost completely correspond to the Islamic religion and Sharia norms. The chronicle of the study covers the historical period of the formation and development of adat law with the subsequent spread of the principles of Sharia and up to the modern picture of the day regarding the phenomena studied in the context of their

legal realization. The issues of the influence of adat and Sharia norms in family and marriage relations, during religious rites, including funerals, are investigated. The paper provides field materials obtained by the author on the subject under study as examples implemented in practice. The analysis of the line of human behavior in Muslim law, based on the categories of forbidden (Harama) and permissible (Halal). Information is provided about madhhabism in Fiqh schools. The conclusion is formulated that in a situation of possible contradiction between the norms of Adat and Sharia, the prevailing importance should be given to the norms of Sharia.

Key words: Holy Quran, adat, Sharia, Islam, Vainakhs, tradition, madhhab, Chechens.

For citation: Idrisov, H. (2024). Correlation of Sharia and adat law norms among Vainakhs: traditional aspects and religious imperatives // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 159–168.

Введение

Научные разработки в сфере соотношения норм шариата и адатного права, влияния шариата на адат в традиционной культуре и верованиях народов Кавказа представляют актуальность и интерес для исследователя религии ислам. Исламская вера, которой придерживаются народы Кавказа, в т.ч. и вайнахи (чеченцы и ингуши), предписывает определенное поведение (поступки, действия, отправление вопросов ибадата, имущественные отношения, семейно-брачные отношения и др.) в соответствии с нормами шариата. Вместе с тем существующая самоидентичность народов (в плане их языка, специфических культовых обрядов, взаимоотношений в социуме и т.п.), их сформировавшиеся традиции, обычаи, нормы поведения в социуме предполагают необходимость соответствия линии поведения представителя этноса и в сугубо традиционном аспекте. Проблемных ситуаций не возникает ровно до тех пор, пока требования к такому соответствию совпадают как по нормам шариата, так и по нормам адата. Однако возможны ситуации, когда нормы адата могут входить в противоречие с установленными нормами шариата. При этом необходимо отметить, что исторически процесс исламизации вайнахов и распространение мусульманской религии проходили среди представителей данного этноса без какой-либо проблемной составляющей. Более того, как отмечается многими учеными, старейшинами, алимами и богословами современного периода, вайнахи приняли религию ислам с «открытым сердцем», т.к. устоявшиеся в среде вайнахов адаты и нормы поведения, а также принципы межличностного взаимодействия по различным вопросам и сферам деятельности практически полностью соответствовали исламской религии. В подобном ракурсе в контексте соответствия норм обычаев системе шариата рассуждает и Д.Т. Кулиев: «Вместе с тем шариат характеризуется гибкостью и универсальностью (например, позволительно применение обычаев, если они не противоречат положениям шариата), которые позволяют, не меняя самих предписаний, вводить положения, которые бы удовлетворяли потребности современного общества»¹.

Взаимовлияние норм адата и шариата в среде вайнахов: история и современность

Понятие «адат» (чеч. Iadat) хоть и распространено в культуре и традициях народов Кавказа, в т.ч. чеченцев и ингушей, все же имеет арабские корни. При этом понятие «адат» (от араб. обычай, привычка) вошло в культуру горцев еще до принятия шариата в качестве правовой системы. Нормы шариата на Северном Кавказе в период начала и середины XIX в. действовали в специфическом характере: можно сказать, что в тот период действовало шариатско-адатное право. Адат (обычай) настолько сильно укоренился в среде горцев, что вытеснить его шариату быстро не получалось. И даже сегодня некоторые

положения адата сохраняют свою силу в обществе вайнахов, несмотря на то что они в какой-то степени могут идти вразрез с шариатскими положениями. Как отмечает в этом контексте ученый, исследователь вопросов семейно-брачных отношений в среде чеченцев Т.С. Габазов, «несмотря на то что чеченцы исповедуют ислам, в традиционном чеченском обществе происходит коллизия права: обычного (неписаного права) и шариата (писаного права)»². Относительно же влияния адата на брачные отношения, как указывает Т.С. Габазов, у некоторых народов Северного Кавказа (например, чеченцев) существовал (отчасти до сих пор существует) «симбиотично-ориентированный брак», который представляет собой союз немолодых мужчины и женщины, преимущественной целью которого не было обезвреживание детьми, а совместное сожительство пары на взаимовыгодных для брачующихся условиях. Данная форма брака имела религиозное оформление и, соответственно, общественное признание среди горских народов.

Ф.А. Гантемирова считает, что одной из причин того, что положения некоторых адатов сохраняют свою силу в обществе вайнахов, являлось и то, что нормы об ответственности, содержащиеся в шариате, более строги и бескомпромиссны, нежели нормы обычного права — адата³. Напротив, совершенно иную позицию в этом вопросе занимает изучавший обычаи Кавказа М.М. Ковалевский, считавший, что шариат оказывал на адат смягчающее влияние, «существенно ограничивая начала родового самосуда и кровного возмездия»⁴. Тем не менее шариат утвердился на тот период среди горцев-мусульман в той специфической форме, о которой сказано выше.

В контексте рассматриваемого вопроса примечателен следующий исторический документ (доклад) периода Российской Империи, датированный 1 февраля 1841 г., направленный от имени заведующего канцелярией по управлению делами мирных горцев, в котором, в частности, приводится мнение о том, «что все дела горцев, кроме уголовных, разбираются и решаются адатом, т.е. судом, основанным на обычаях, и шариатом, как называют его, судом по Корану <...> нельзя утвердительно сказать, адат или шариат охотнее бы можно было допускать в управление между горцами <...> что же касается до шариата, то можно сказать, что до сих пор он остается для нас совершенно тайною и не совсем охотно допускается

² См.: Габазов Т.С. Социально-правовой институт усыновления: негативные последствия тайны усыновления // Высокие технологии и инновации в науке: сб. избр. ст. Междунар. науч. конф.). СПб., 2020. С. 339–342; Его же. Усыновление: историко-правовые и религиозные аспекты // Социально-экономические и гуманитарные науки: сб. избр. ст. по материалам Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, апрель 2021). СПб., 2021. С. 77.

³ См.: Гантемирова Ф.А. Общественно-политический строй и обычное право чеченцев и ингушей (XVIII в. — первая половина XIX в.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972. С. 98, 99.

⁴ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1, 2. С. 348.

¹ Кулиев Д.Т. Шариат и фикх: понятие, источники и соотношение // Исламоведение. 2020. Т. 11. № 1. С. 23.

потому только, что, введенный между горцами с магометанской религией, он оставался и теперь остается в руках мулл и вообще их духовенства»⁵. Подобное мнение о значительном влиянии духовенства на жизнь горцев мы можем найти и в другом историческом архивном документе: «внушаемые наиболее своим духовенством, имеющим первейшее влияние на сии народы, сделали присягу истребить все наши войска или умереть самим прежде нежели пропустить нас...»⁶.

Таким образом, признавая за институтом шариата невозможность осуществления контроля со стороны царской власти, тем самым властью признавалось преимущественное признание адатного права как более понятного и «удобного» для царского режима на Северном Кавказе в складывающихся обстоятельствах того времени. И как следствие такой политики, «именно в этот период по инициативе Российского правительства и его кавказской администрации адаты местных горцев впервые были записаны и систематизированы. Часть из них, с санкции местной администрации, стала применяться в качестве нормативной базы при разрешении горских дел в областных, горских словесных и сельских (аульных) судах»⁷. Разумеется, конечная цель Российской Империи на Кавказе виделась в полном переходе общественных отношений в лоно светского законодательства, не основанного ни на адате, ни на шариате. Подтверждением этому является вывод М.С. Арсанукаевой о том, что «после окончательного присоединения Чечни к России, особенно в последней четверти XIX — нач. XX в., когда военно-народное правление сменилось военно-гражданским и возобладала тенденция слияния горцев с остальными подданными империи, значительную роль в регулировании общественных отношений у чеченцев играло российское имперское право»⁸.

Следовательно, можно утверждать, что на первых порах колонизации Российская Империя поддерживала адатное право и его практическую реализацию, нежели право шариата. В то же время, как утверждает Х.М. Одаев, распространение шариата с вытеснением норм адатного права в системе общественных отношений вайнахов сказывалось положительным образом на жизни горцев, исходя из того, что отдельные положения адатного права были затруднительны для исполнения с точки зрения материального их наполнения, и к тому же не отвечали реалиям общественного развития, прогресса процессов, происходивших в горских обществах⁹.

Впоследствии, как подчеркивает А.А. Ливеровский, «возникшие в рамках национально-культурного подъема этнические сообщества сохранили и продолжают руководствоваться содержательно различными системами обычного права — местными адатами, конкурирующими с нормами

представленных в регионе толкований ислама»¹⁰. В этом плане в научно-категориальный аппарат вошли такие понятия, как «традиционный» и «нетрадиционный» ислам. В отношении же рассуждений о «традиционном» и «нетрадиционном»¹¹ исламе мы не сторонники такого его деления, ибо ислам един в плане религии, основанной прежде всего на Священном Коране и Сунне Пророка Мухаммада, и не может быть каких-то его делений в этом смысле (хотя при этом общеизвестно, что в исламе существует большое количество течений, направлений). В обоснование данной позиции приведем мнение И.А. Мухаметзарипова, отмечающего, что «в отличие от этнических обычаев, религиозные нормы могут не ограничиваться отдельным народом. Многие религии не признают этнического разделения и направлены “вовне” первоначальной общины верующих»¹².

Указанную выше картину действия некоторых норм адатов, в т.ч. материально отягощающих быт, можно наблюдать и ныне среди чеченцев и ингушей. Это относится, в частности, к процедурам женитьбы, обрядам похорон, празднованию окончания поста в месяц Рамадан и др. Хотя необходимо признать, что в этом направлении духовенством в субъектах Российской Федерации (Чеченская Республика, Республика Ингушетия) ведется работа по искоренению нововведений, материально отягощающих исполнение религиозно-обрядовых процедур (установление строго конкретного размера калыма (выкупа за невесту), установление максимального размера имущества, которое могут родители жениха взять с собой, направляясь на традиционное посещение родительского дома невесты (*чеч.* нуц ваг Iар), воздержание от чрезмерных расходов на похороны и др.).

Приведем в контексте указанного ряд примеров, практикуемых в современном чеченском обществе, подтверждающих сформулированный нами выше тезис. Если раньше на похоронах (*чеч.* тезет) у чеченцев было принято в рамках милостыни (*араб.* садака, *чеч.* саг Iадакххар) забивать двух коров (в первый день похорон и на последний, седьмой день (обычно четверг; *чеч.* пIераскан буюса) тезета), то теперь, учитывая возросшую смертность и материальный аспект вопроса, как правило, похороны (тезет) длятся три дня и рекомендуются только один раз — в первый или в последний день — проводить обряд садака с забоем скота (одного животного) с поминальным зикром. При этом садака может быть проведен на месте прохождения тезета в виде приготовления шурпы из мяса (*чеч.* зукIар чорпа) — как правило, на 100–200 человек — либо подворовой раздачи мяса разделанного животного в качестве садака нуждающимся односельчанам, соседям и родственникам умершего (*чеч.* цIийн саг Iа, буюйIа саг Iадакххар).

Другой пример. Священный месяц Рамадан мусульмане встречают в течение трех дней: женщины приготавливают всевозможные блюда и угощения, накрывают столы, верующие направляются друг к другу в гости, поздравляют с наступившим праздником разговения. Дети также встречают этот праздник, обходя все дворы и наполняя свои пакеты различными сладостями и конфетами. Однако в последнее время сложилась тенденция, связанная с тем, что мужчина, пришедший

⁵ Леонтович Ф.И. Адаты кавказских народов. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. 1–2 (Доклад заведующего канцелярией по управлению делами мирных горцев подполковника Бибикова от 1 февраля 1841 г. на имя главнокомандующего войсками бывшей кавказской линии генерала Головина. С. 88).

⁶ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею: архив главного управления наместника Кавказа, Т. 3 (Рапорт ген.-от.-инф. Булгакова гр. Гудовичу от 6 февраля 1807 г. № 160-Наур). Тифлис, 1869. С. 665.

⁷ Арсанукаева М.С. Имущественные отношения в правовой культуре чеченцев (XIX — нач. XX в.) // Ценности и смыслы. 2010. № 4 (7). С. 103, 104; Леонтович Ф.И. Указ. соч.

⁸ Арсанукаева М.С. Указ. соч. С. 104.

⁹ См.: Одаев Х.М. К вопросу о соотношении шариата, мусульманского права (фикха) и адата в Чечне // Социология власти. 2009. № 6. С. 85.

¹⁰ Ливеровский А.А. Перспективы претворения шариата и адата в современной России // Юрид. вестник ДГУ. 2012. № 2. С. 19.

¹¹ Ситников А.В., Романов М.В., Одаев Т.Х. Религиозность в Чеченской Республике и ее влияние на социальные институты и институты власти // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 161.

¹² Мухаметзарипов И.А. Человек на перекрестке культур: право и справедливость в мультикультурном обществе // Государство и право. 2018. № 3. С. 44.

в гости поздравить домочадцев с праздником разговения (*араб.* ид аль-Фитр, *чеч.* марха досту де), очень редко заходит в дом, чтобы принять пищу, приготовленную как садака, и, ссылаясь на ограниченность времени и необходимость посетить большое количество мест с поздравлениями (иногда в различных городах по всей республике), просит хозяев отпустить его, не посещая праздничный стол. Не исключаем, что как реакция на такие обстоятельства возникла традиция дарить в качестве подарка такому гостю носовые платки и носки. Со временем список таких подарков расширился: подарочные коробки шоколадных конфет, чая, мужские сорочки, духи и прочие вещи. Дошло даже до того, что с каждым годом список вещей все более расширялся и их ценность все больше возрастала. Появился даже некий элемент стремления превзойти друг друга в этом деле (как дающих, так и получающих). При этом отметим, что мы никоим образом не осуждаем людей, которые хотят доставить приятные чувства своему гостю, подарив ему тот или иной подарок (ведь это ему зачтется как садака в этот светлый праздник), запретного в этом ничего нет, однако не у всех людей одинаковые материальные возможности, и попытка равняться на тех, кто может себе позволить дарить подарки, в т.ч. и дорогие, порой вводит человека, не имеющего большого достатка, однако пытающегося соответствовать «новой» традиции, в материальное затруднение. При этом практикуется такая новая традиция в разных селах Чеченской Республики по-разному: в одних населенных пунктах (*чеч.* юрт, эвла) этого вообще не придерживаются, в других такие подарки делают абсолютно всем, кто приходит с поздравлениями, в иных — подарки дарятся близким родственникам. Такое положение дел не осталось без внимания и духовенства. С точки зрения шариата указанное выше поведение не считается запретным (харам), но вместе с тем в исламе не приветствуется и излишняя расточительность (макрух) посредством исрафа одним человеком, которая способна ввести другого человека, старающегося соответствовать в этом деле первому, в тяжелое материальное положение.

Ведь как приводится в Священном Коране: «*Воистину, расточители — братья дьяволов, а ведь дьявол неблагоприятен своему Господу*» (Сура 17, аят 27)¹³, «*Когда они делают пожертвования, то не излишествуют и не скупятся, а придерживаются середины между этими крайностями*» (Сура 25, аят 67)¹⁴.

И еще один проблемный аспект. В течение Священного месяца Рамадан, а также близко к его концу некоторым (не всем) торговцам свойственно повышать цену на продаваемые ими товары (особенно это касается продуктов питания). Как известно, чеченские женщины в праздник разговения стараются украсить свой праздничный стол различными яствами и не скупятся на продукты для этого. Такой ситуацией и пользуются некоторые недобросовестные торговцы, взвинчивая цены за несколько дней до праздника до неимоверных значений (чего только стоит один пример с ценой ананаса (обязательный элемент праздничного стола чеченской женщины), когда его цена в торговых точках была завышена в три и более раза в период конца месяца Рамадан от 1443 г.х.). А ведь в Сунне Пророка приводится в одном из хадисов: «Абу Хурайра, да будет доволен им Аллах, передает, что Пророк ﷺ сказал: «Не взвинчивайте цены»»¹⁵.

Некое столкновение позиций при решении вопросов относительно семейно-брачных отношений у вайнахов находим и при разборе ситуаций, связанных с бракоразводным процессом и определением дальнейшей судьбы детей. Анализ хадисов в этом вопросе позволяет сформулировать вывод, что в шариате предпочтение в отношении детей при разводе отдается желанию матери ребенка. Как приводится в одном из хадисов: «Передается от 'Абдуллаха ибн 'Амра, да будет доволен Аллах им и его отцом, что одна женщина сказала: «О Посланник Аллаха! Это мой сын. Живот мой был для него местилищем, грудь моя была для него источником, а колени мои — уютным прибежищем. А теперь его отец развелся со мной и хочет забрать его у меня». Посланник Аллаха ﷺ сказал ей: «Ты имеешь больше прав на него, пока не выйдешь замуж»»¹⁶. И это понятно, ибо ребенок в малом возрасте больше зависит от матери (особенно когда речь идет о грудном младенце). При достижении же ребенком возраста 7–10 лет важным становится личное мнение ребенка и его решение остаться с тем или иным из родителей. В хадисе указано: «Абу Хурайра сказал: «Я говорю это лишь потому, что слышал, как к Посланнику Аллаха ﷺ пришла одна женщина, когда я сидел у него, и сказала: «О Посланник Аллаха! Мой муж хочет забрать у меня сына, а ведь мой сын уже подросток, и может принести воды из колодца Абу Анабы, и помогает мне!» Посланник Аллаха ﷺ сказал: «Тяните жребий». Ее муж сказал: «Кто оспаривает мое право на сына?» Тогда Пророк ﷺ сказал: «Это твой отец, а это — твоя мать. Возьми за руку кого хочешь». Ребенок взял мать за руку, и она ушла вместе с ним»»¹⁷. Однако есть условия, при соблюдении которых ребенок может остаться с матерью: она должна быть мусульманкой, совершеннолетней, дееспособной, не имеющей заболевания, способного оказать помеху в воспитании ребенка, с добрым нравом и ведущая достойный женщины образ жизни¹⁸.

Напротив, находим согласно нормам адата, что при бракоразводном процессе у чеченцев судьба детей находится, как правило, в полной власти биологического отца и его близких родственников. Как отмечает Т.С. Габазов, связано это прежде всего с тем, что чеченские семьи испокон веков представляли собой союз мужчины и женщины с патриархальным типом управления (глава семьи, старейшина рода, тейпа) и любые вопросы, в т.ч. и бракоразводные, решались при подавляющем влиянии отца семейства. Второй аспект: обеспечение детей всегда было важнейшей обязанностью главы семейства, и эта обязанность не снималась с отца, даже если семья распалась, и в силу этого дети оставались при разводе с отцом, дабы он мог и дальше их достойно содержать и воспитывать, тогда как мать детей получала от отца детей полную свободу, в т.ч. и чтобы устроить свою семейную жизнь с другим человеком. И третий аспект — кровный. Продолжателями рода у чеченцев, как и у других народов Кавказа, являются представители мужской линии¹⁹. Для любого чеченца очень важен данный аспект, т.к. он подразумевает продолжение фамилии семейства, поддержание (иногда и повышение) статуса отца семейства в обществе через своих достойных представителей в лице детей, воспитанных в строгих условиях морали, адатов, религиозности.

¹⁶ Там же (7. Книга развода, хадис 2276). URL: <https://isnad.link/book/sunan-abu-dauda/7-kniga-razvoda/35-glava-kto-imeet-bolshe-prav-na-rebyonka> (дата обращения: 04.05.2022).

¹⁷ Там же (хадис 2277).

¹⁸ См.: там же.

¹⁹ Полевые материалы автора (далее — ПМА). Интервью с Т.С. Габазовым, преподавателем Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, сотрудником Архивного управления Правительства Чеченской Республики. Грозный, 03.05.2022 г.

¹³ См.: Священный Коран (Коран онлайн). URL: <https://quran-online.ru> (дата обращения: 03.05.2022).

¹⁴ См.: там же.

¹⁵ Сунан аби Дауд (17. Книга продаж, хадис 3438). URL: <https://isnad.link/book/sunan-abu-dauda/17-kniga-prodazh-hadisy-3326-3570/46-glava-ozaprete-vzvinchivaniya-cen-nadzshh> (дата обращения: 04.05.2022).

В чеченском обществе не только дела и заслуги самого человека, но и его дети делают имя своему отцу, и никто не захотел бы этот вопрос отдавать на усмотрение женщинам. Хотя необходимо отметить, что за последнее время данная тенденция претерпела изменения и сейчас часто встречаются ситуации, когда дети воспитываются в семье разведенной матери, в т.ч. вступившей в новый брак. Более того, существующая практика досудебного урегулирования семейных споров относительно устройства детей показывает закономерность такого положения вещей. Допускаем, что это результат усиления шариатских начал в праве вайнахов (повышения уровня религиозных знаний, возможность свободного доступа к источникам такого религиозного регулирования) и ослабление позиций адатного права. Как ни парадоксально, такая тенденция соответствует и принципам светского российского семейного права. Однако, как отмечается, такие ситуации нежелательны. И вот почему. Разведенная мать впоследствии может вступить в новый брак, который предполагает, что у ребенка будет отчим, в т.ч. имеющий также детей от первого брака. Отчим для падчерицы является «махрамом»²⁰.

В толковании Священного Корана приводится следующее положение относительно указанного вопроса: «К четвертой группе относятся дочери жен, а также их прямые потомки по нисходящей линии, которые становятся запретными для мужчин после того, как те уединятся со своими женами, поскольку Аллах запретил жениться на падчерицах, находящихся под покровительством своих отчимов, с матерями которых они имели близость. Большинство богословов считали, что нахождение падчерицы под покровительством отчима является обстоятельством, которое не влияет на смысл предписания, потому что отчиму запрещается жениться на падчерице, даже если она не находится под его покровительством. Однако упоминание об этом обстоятельстве позволяет нам сделать два полезных вывода. Во-первых, жениться на падчерицах запрещается потому, что они занимают место дочерей, женитьба на которых является омерзительным поступком. Во-вторых, отчиму разрешается находиться вдвоем с падчерицей, поскольку она подобна дочерям и всем остальным женщинам, находящимся под покровительством мужчины. А лучше всего об этом известно Аллаху»²¹.

Таким образом, какая-либо связь между отчимом и падчерицей совершенно недопустима как с религиозной точки зрения, так и с точки зрения адата. Как отмечается по этому поводу, согласно традициям вайнахов, девушка не могла жить в семье отчима под одной крышей, т.к. он считался для нее «посторонним» человеком (*чеч. нехан борш стаг ву иза*). Этот адат формировался в первую очередь для того, чтобы исключить даже гипотетически риски кровосмешения в семье. Потенциально в такой семье возможна связь и между детьми биологических родителей от первого брака, что также недопустимо с точки зрения адата и шариата (в случае сестер и братьев «по кормлению»)». ²² Когда решается вопрос о дальнейшей судьбе детей при разводе родителей, то во главу угла ставится психологический комфорт и материальное благополучие

детей, и окончательное решение должно приниматься с учетом интересов самого ребенка, принимая во внимание и то, с кем из родителей ребенок получит достойное воспитание, интеллектуальное и психофизиологическое развитие. К слову сказать, как было указано выше, такая позиция существует не только в шариате, но и в светском праве (в позиции российского законодательства и судебной практики по семейным делам (например, ст. 65 СК РФ)).

И еще один проблемный вопрос. Согласно адатам вайнахов, верующий должен быть похоронен в родном краю, на родовом кладбище. Если человек умирает на чужбине, его тело родственники перевозят в родные края, проводят обряд похорон с поминальным зикром и садака. Как правило, еще при жизни чеченец может сам завещать (*чеч. весет дан*), чтобы его похоронили в родном краю (*чеч. даймохк*), на кладбище рядом с могилами его близких людей. Даже само понятие «Даймохк» (в буквальном переводе «земля отцов») предполагает неразрывную связь вайнаха с предками, с землей отцов, и даже после смерти человек желает, чтобы его тленное тело было сопричастно родной земле его предков. С позиций же шариата неважно, где, в каком месте мусульманина встретила смерть, ибо Земля, как и человек, сотворены Всевышним Аллахом, при этом сам человек является частью этой земли (с точки зрения сотворения первого человека, пророка Адама, из глины), и предполагается, что обратно человек в эту землю и войдет (с точки зрения его похорон в могиле). Неважно, где это произойдет, в какой земле, важно соблюсти обряд похорон, похоронить человека в могиле, в земле, ибо из этой могилы он будет Всевышним Аллахом воскрешен для воздаяния в Судный День, где бы он ни был похоронен. При этом важно с точки зрения религиозных требований соблюсти следующие четыре обязательных условия похорон: 1) совершить омовение покойника (*чеч. дакъ лийча дара*); 2) закутать его в саван (*чеч. марчо дехкар*); 3) совершить коллективную заупокойную молитву (*чеч. дакъа ламаз дара*); 4) похоронить в могиле (*чеч. кешнашках д'аваоллара*).

Как известно, в результате двух военных кампаний, произошедших в Чеченской Республике, ее покинуло достаточно большое количество жителей. Многие вернулись, часть осталась за пределами, в т.ч. достаточно большая диаспора чеченцев находится в Европе (по некоторым данным — порядка нескольких сотен тысяч человек). И конечно, часто возникает вопрос: как быть с телом умершего, где его предать земле? Процесс переправки тела усопшего на родину из Европы представляет собой довольно трудоемкую процедуру в плане бюрократических проволочек и материальных затрат, но этот процесс считается более оправданным чем хоронить человека по месту его кончины в одной из европейских стран. Как приводит информацию один из опрошенных нами респондентов, в Германии, чтобы заблаговременно зарезервировать на кладбище место и похоронить человека, приходится потратить немалую сумму. В большинстве случаев место на кладбище нельзя в прямом слове «купить», а можно только арендовать на долгий срок (около 20 лет и за немалую сумму). В случае же неоплаты аренды места родственниками усопшего могилу элементарно ликвидируют для освобождения места другому усопшему, а останки кремируют с передачей праха родственникам. Такое положение дел идет вразрез с пониманием данного вопроса мусульманами, проживающими в Европе, в т.ч. и чеченцами. В этой связи представители чеченской диаспоры, проживающие за границей, исходят из того, что лучше уж перевезти тело покойного на родину и захоронить его там, нежели это делать по месту кончины человека и нести соответствующие хлопоты. Данная ситуация стала причиной появления в общинах чеченцев, проживающих в Европе, специальных

²⁰ Прим.: махрам (на араб.) — мужчина, близкий родственник женщины, с которым запрещен ее брак в силу их родства; с ним она имеет право оставаться наедине и ее мужчина имеет право сопровождать в путешествии.

²¹ Толкование смыслов Священного Корана (Сура 4, аят 23) // Коран онлайн. URL: <https://quran-online.ru/4:23> (дата обращения: 20.06.2022).

²² ПМА. Интервью с С. М. Исраиловой, директором ГБУ «Национальная библиотека Чеченской Республики им. А. А. Айдмирова». Грозный, 12.05.2022 г.

фондов, формируемых из добровольных пожертвований, направляемых на цели осуществления финансирования оформления соответствующих документов и перевозки тела усопшего на родину для последующего захоронения²³. Похожая картина наблюдается, к примеру, в Австрии. Опрошенный в рамках данного вопроса респондент отметил, что предпочитал бы быть захороненным у себя на родине, нежели на чужбине, и в этих целях он ежегодно уплачивает 70 евро в специальный фонд в мусульманской общине при мечети, предназначенный для финансирования вопросов такого характера²⁴. Подобная ситуация наблюдается и во Франции. Опрошенный автором один из эмигрировавших из России жителей г. Страсбурга пояснил, что в основном чеченцы, проживающие во Франции, предпочитают, чтобы после их кончины тело было перевезено на родину и захоронено там, нежели на арендованном месте на кладбище. Перевозка может быть осуществлена за счет собственных накоплений (расходы порядка 4000–5000 евро) либо при помощи специальных похоронных организаций (в основном принадлежащих турецкой диаспоре), в которые вносятся ежемесячные платежи (45–50 евро) в указанных целях²⁵.

Данное положение наблюдается не во всех странах Европы. К примеру, в Швеции этот процесс урегулирован. У родственников усопшего человека есть выбор: либо отправка тела умершего на родину с помощью собственных сил или общины, либо захоронение на кладбище, при котором есть специальное отведенное место под «мусульманскую» часть. Как приводит информацию один из жителей Швеции, эмигрировавший из России в конце 90-х годов, когда встанет такой вопрос в отношении его самого, он имеет на этот случай завешание (*чеч. весет*): если его настигнет смерть, когда он будет отцом несовершеннолетних детей, то он предпочитает, чтобы его тело доставили на родину и похоронили там, а уход за детьми осуществляли его родственники по мужской линии, если же это произойдет при взрослых уже детях, то он оставляет этот вопрос на их усмотрение (допуская быть захороненным не на родине); главное при этом, чтобы его дети имели возможность посещать его могилу и ухаживать за ней²⁶.

Отдельного внимания в ракурсе рассматриваемой тематики заслуживает обычай кровной мести на Кавказе, который имеет тесную связь с нормами шариата. Наказанием за человекоубийство обычно предполагается лишение жизни преступника, т.е., если понимать обыденно — отмщение ему. Исторически у чеченцев обычай кровной мести (*чеч. чир*) был широко распространен. Это наказание предусмотрено на основании аята 178 Суры 2 Священного Корана.

При этом существовала возможность избежать такого наказания в случае, если преступник «прощался» (процесс прощения у народов Северного Кавказа, в частности у чеченцев, представляет собой специальный религиозный обряд) близким родственником убитого, мусульманином с условием внесения кровного выкупа (выкуп за кровь), именуемого «*каффара*» (Сура 2, аят 178; Сура 4, аят 92). Подтверждение практики такого обычая у горцев — историко-архивные данные²⁷.

²³ ПМА. Интервью с Р.Т., чеченцем, бывшим госслужащим, находящимся на пенсии по выслуге лет. Грозный, 01.05.2022 г.

²⁴ ПМА. Интервью с А.М., чеченцем, жителем г. Вены, Австрия. Грозный — Вена, 05.05.2022 г.

²⁵ ПМА. Интервью с А.Д., чеченцем, жителем г. Страсбурга, Франция. Грозный — Страсбург, 08.05.2022 г.

²⁶ ПМА. Интервью с А.Х., чеченцем, жителем г. Стокгольма, Швеция. Грозный — Стокгольм, 08.05.2022 г.

²⁷ См.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа: издание Управления Кавказского учебного округа. Тифлис, 1886. Вып. 5.

Как показывает проведенный выше анализ некоторых норм адата у вайнахов, они практически в большинстве своем соответствовали шариатскому праву, за некоторыми исключениями (например, в плане материального отягощения некоторых традиций).

Линия поведения человека по мусульманскому праву: категории «харама» и «халяля». Мазхабность

Система мусульманского права основана на методе заповедей и дозволений. Иными словами, говоря о реализации норм мусульманского права, можно исходить из того положения, что ему свойственно опираться как на императивный метод правового регулирования, так и в некоторых случаях на диспозитивный.

Запрещенная модель поведения прямо предусмотрена как в тексте Священного Корана, так и в Сунне Посланника Мухаммада. Как указано в одном из хадисов: «Ибн 'Аббас, да будет доволен Аллах им и его отцом, передает: “Во времена невежества люди ели одно и брезговали другим, а потом Всевышний Аллах направил к ним Своего Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, и ниспослал Свою Книгу. Он разрешил дозволенное и запретил запретное, и что Он разрешил, то дозволено, а что Он запретил, то запретно. А то, о чем он умолчал, простительно...”»²⁸. То есть все, что разрешено, то дозволено, а что буквально не запрещено и не сформулировано в качестве дозволенного, то хотя и допустимо (буквально «простительно»), но не желательно. Иными словами, свойственно говорить о т.н. принципе дозволения, который, по мнению Йусуфа ал-Карадави, является исходным принципом, закрепляемым мусульманским правом в отношении как мирских благ, так и линии собственного поведения человека в этом мире²⁹. Подобное отмечает и Ат-Туванджи, исходящий из принципа, что «исходным началом в отношении земных дел является разрешение»³⁰.

Поведение верующего человека, его поступки и действия оцениваются, как отмечает С.Н. Бизюков, «исходя из так называемой шкалы пяти категорий — должного, рекомендованного, разрешенного, осуждаемого и запретного. Выработанные правоведами в Средние века, эти категории не являются правовыми в общепринятом смысле, а служат своеобразной шкалой религиозно-этической оценки деяний мусульман: правовая квалификация того или иного деяния не может противоречить оценке, даваемой в шкале пяти категорий»³¹. Такого же мнения придерживаются и другие арабоязычные авторы³². Присоединяется к ним и Шейх Мухаммад Таки Усман, приводя подобную градацию поступков человека, разделяя их на дозволенные, обязательные, желательные, порицаемые

С. 289. URL: http://starietknigi.info/Zhurnaly/SMOMPK/Sbornik_materialov_dlya_opisaniya_mestnostej_i_plemen_Kavkaza_05_1886.pdf (дата обращения: 07.06.2022).

²⁸ Сунан аби Дауд (21. Книга о еде, хадис 3800). URL: <https://isnad.link/book/sunan-abu-daoud/21-kniga-o-ede-hadisy-3736-3854/31-glava-o-tom-o-zapretnosti-chego-ne-bylo-upomyanuto> (дата обращения: 25.04.2022).

²⁹ См.: Йусуф ал-Карадави. Разрешенное и запрещенное в исламе. Бейрут — Дамаск, 1967. С. 19–22 (на араб. яз.).

³⁰ Ат-Туванджи А. Институт дозволения в исламском шариате. Триполи, 1993 (на араб. яз.).

³¹ Бизюков С.Н. Юридические уловки в исламском праве: путь от Средневековья до XXI века // Право. Журнал ВШЭ. 2014. № 3. С. 33; Его же. Вопросы ответственности в мусульманской правовой теории // Правоведение. 1989. Вып. 6. С. 80, 81.

³² См.: Schacht J. An Introduction to Islamic Law. NY, 1964; Hallaq Wael. A History of Islamic Legal Theories: An introduction to Sunni Uşul al-Fiqh. Cambridge University Press, 1997. Pp. 40, 41.

и запретные³³. При этом среди массива действий, поступков человека, как указывает ученый, именно дозволенные поступки занимают большую часть в деятельности человека, в отличие от тех немногих действий, которые прямо запрещены религией и входят, таким образом, в категорию «харама».

Подобную шкалу оценки действий, поведения применительно к экономической деятельности приводит и другой исследователь — Ш.А. Шовхалов, классифицируя их следующим образом: 1) обязательное (фард или ваджиб), к примеру, выплата закята; 2) желательное (мустахаб или мандуб), к примеру, предоставление отсрочки в исполнении обязательств, прочтение дополнительной суры (аята) после суры «аль-Фатиха» при совершении молитвы³⁴; 3) дозволенное (мубах, халаль), например заключение дозволенного договора; 4) нежелательное (макрух), к примеру, излишняя расточительность; 5) харам (запретное), например установление процента по займу (риба)³⁵.

Диспозитивный же метод проявляется прежде всего посредством Сунны Посланника Мухаммада. Требования диспозитивной формы носят характер желательных действий (суннат, мустахаб), за исполнение которых правоверному мусульманину будет дополнительная награда от Всевышнего Аллаха, в отличие от обязательных, предписанных действий (фард, ваджиб), за неисполнение которых будет спрос от Всевышнего Аллаха, т.е. наказание. Подобное мнение имеет и И.Ж. Киемов, отмечая, что «фард» — то же самое, что и «ваджиб» — предполагает исполнение предписываемых действий, поступков, норм поведения, обязательных для выполнения. Часто они соответствуют понятию «рукн» (основная часть какой-либо вещи, без которой она не может существовать). Например, одним из «фардов» ежедневной молитвы (от араб. *солят* — молитва, мольба, просьба) является вступление в намаз, т.е. совершение нията (нийя). Речь также может идти о «шарте», т.е. об условии, чтобы какой-либо религиозный акт считался выполненным по оговоренным в шариате правилам³⁶. Между тем последователи мазхаба Абу Ханифы полностью не отождествляют категории «фард» и «ваджиб», в отличие от последователей остальных трех суннитских мазхабов³⁷.

Если речь вести о доктрине мусульманского права (фикхе), то формировалась она достаточно продолжительное время, начиная со времени жизни Пророка Мухаммада и его сподвижников. Генезис фикха на сегодняшний день продолжается, опираясь на базовые идеи и достижения различных религиозно-правовых школ — мазхабов³⁸. В большей степени

возникли они в рамках суннитской ветви ислама. После того как Посланник Мухаммад покинул этот мир, ниспослание законодательства прекратилось.

С уходом из этого мира Пророка в исламской умме (общине) произошли некоторые разногласия по вопросу будущего лидера мусульман (халифа), которые привели впоследствии к образованию двух ветвей ислама — суннизма и шиизма.

В период жизни табиитов³⁹ существовали две основные школы фикха: школа Хиджаза (г. Мекка и г. Медина) и школа Ирака (г. Куфа).

В школе Хиджаза, без сомнения, было больше сподвижников, нежели в школе Ирака, исходя из географической удаленности г. Куфа от г. Мекки и г. Медины, где жил и вел свою пророческую деятельность Пророк Мухаммад.

В свою очередь, в суннизме сформировались и выделились в качестве основных четыре религиозно-правовые школы, т.е. мазхабы, которые получили названия по именам своих основателей: 1) мазхаб Абу Ханифы (ханафитская школа фикха); 2) мазхаб Малика ибн Аннаса (маликитская школа фикха); 3) мазхаб Имама Аш-Шафии (шафиитская школа фикха); 4) мазхаб Ахмада ибн Ханбала (ханбалитская школа фикха).

Соответственно, последователей данных мазхабов называют «ханафиты», «маликиты», «шафииты» и «ханбалиты».

Таким образом, суннитский фикх базируется на четырех вышеуказанных мазхабах. При этом мы не утверждаем, что последователи какого-либо одного из четырех мазхабов на более верном пути веры и т.п., это было бы ошибкой.

Вместе с тем существовали и существуют силы, которые предпринимают различные шаги, чтобы разрушить эти мазхабы и вообще отменить их, полагая, что посредством этого они якобы объединяют людей. Однако в действительности они разъединяют людей, и вместо четырех мазхабов люди будут на четырехстах мазхабах, и каждый будет считать себя самостоятельным предводителем. Некоторым людям свойственно предполагать, что эти мазхабы представляют собой лишь четырех человек из всей уммы (имея ввиду четырех имамов), из сотен муджтахидов. Но вопрос заключается не в четырех личностях. В четырех мазхабах собрались фикхийские школы всех мусульман, начиная со времен сподвижников⁴⁰. Самое важное в этом вопросе, по мнению шейха Амира Бахджата, — это то, что направления фикхийских мазхабов не противоречат доказательством веры, т.е. Священному Корану и Сунне Пророка, однако фанатичность приверженности одному из мазхабов (в плане непризнания других мазхабов и их последователей и т.п.) учеными фикха порицаема. Более того, шейх Амир Бахджат подчеркивает, что в наше время появилась фанатичность против мазхабов, нежели фанатичность приверженности мазхабу, что также недопустимо с точки зрения веры.

Ни один из ученых ислама, ни один имам религии не призывал к аннулированию этих мазхабов или к сжиганию книг мазхабов. Эти мазхабы, как отмечает шейх Амир Бахджат, появились и являются естественным результатом, который Аллах предопределил⁴¹. Между тем в самих мазхабах существуют положения как общие, объединяющие их, так и вопросы,

³³ См.: *Muhammad Taqi Uthmani*. An Approach to the Quranic Sciences / transl. by Dr. Mohammad Swaleh Siddiqui; rev. and ed. by Rafiq Abdur Rehman. Karachi, 2007. P. 425 / Корановедение, пер. Askimam.ru, 2014. URL: <https://askimam.ru/books/tolkovanie-korana/koranovedenie/> (дата обращения: 26.08.2021).

³⁴ Прим.: данный пример приведен автором настоящего исследования. Обоснование см.: *Tafsir Al-Qurtubi*, transl. by Aisha Bewley. London, 2003 (Тафсир аль-Куртуби, пер. Askimam.ru. 2016. С. 124.). URL: <https://askimam.ru/books/tolkovanie-korana/tafsir-kurtubi-vvedenie-i-sura-1/> (дата обращения: 11.04.2022).

³⁵ См.: Шовхалов Ш.А. Теория и практика ведения бизнеса по шариату. 2-е изд., перераб. и доп. Грозный, 2022. С. 18.

³⁶ См.: Киемов И.Ж. Основные термины науки фикх, поминающиеся в книгах ученых ханафитского мазхаба [Электронный ресурс] // Современный мусульманский мир: электрон. журнал. 2019. № 3.

³⁷ См.: Хареханов А.Г. Личные воззрения шейха Шамсуддина аль-Бирмави в науке основ исламского права через призму его книги «аль-Фаваид ас-Суннийя: сравнительное изучение»: дис. ... д-ра шариата. наук. Каир, 2019. С. 174 (на араб. яз.).

³⁸ Прим.: мазхаб (букв. пер. с араб. — путь, направление, образ действия) — совокупность религиозно-правовых школ (учений, доктрин) фикха в исламской религии.

³⁹ Прим.: табииты (от араб. табиун — последователь) — поколение мусульман, последователей Пророка, следующее за асхабами (сахабами), которые видели сподвижников Пророка, были их учениками и последователями сподвижников Пророка Мухаммада, но при этом непосредственно не общавшиеся с Посланником Аллаха.

⁴⁰ См.: Бахджат А. Введение в исламский фикх. URL: <https://t.me/fiqh1441> (дата обращения: 03.08.2020).

⁴¹ См.: там же.

образующие разногласия в их позициях. Несомненно, одним из главных вопросов является вопрос приверженности к одному из мазхабов. По этому вопросу существуют различные мнения, объединяющие ученых в различные группы.

Одна группа ученых фикха исходит из того, что приверженность и следование (таклид⁴²) мазхабу — это обязательное условие веры человека (фард, ваджиб). Другая группа исходит из того, что приверженность мазхабу — это не обязательное условие, но при этом они и не считают, что это запрещено с точки зрения шариата. И есть третья группа ученых, заявляющих, что следование, приверженность мазхабу не дозволена. Такую классификацию групп ученых фикха относительно вопроса приверженности мазхабу приводит в своей работе «Введение в исламский фикх» шейх Амир Бахджат⁴³. Между тем, подчеркивая значимость фикха и науки «усуль аль фикх» как части фикха, шейх Амир Бахджат заявляет, что наука «усуль аль фикх» является защитой самого шариата. В контексте обозначенного вопроса некоторые ученые приводят пример для сравнения в виде следующей аллегории: Священный Коран и Сунна Пророка — это крепость, стенами которой является иджама, а дверьми — усуль аль фикх.

Как отмечает в контексте исследуемого вопроса известный чеченский богослов А.Г. Хареханов, таклид одному из четырех суннитских мазхабов обязателен (фард, ваджиб) для каждого мусульманина, не являющегося муджтахидом. Все четыре мазхаба правильны и достоверны. Человек, придерживаясь мазхабов, следует Благородному Корану и Сунне Посланника Аллаха, не опасаясь неправильной их интерпретации, поскольку четыре имама черпали знания напрямую либо от сахабов, либо от табиитов или таба-табиитов. Какому бы мазхабу ни следовал человек, он должен следовать ему во всем, во всех деталях, человек не должен «смешивать мазхабы», т.е. брать одни правила из одного мазхаба, а другие — из второго и т.д. Не следует думать, будто один мазхаб чем-то хуже или лучше другого, а отказ от следования мазхабу — это опаснейшее из нововведений, угрожающих исламскому шариату. Более того, тот, кто не изучил и не придерживается какого-либо из четырех мазхабов, не следует одному из них и при этом допускает возможность отступления от них или даже отрицания их сущности и ценности в религии — большего вреда от такого человека для исламской веры невозможно представить.

Вайнахское общество, впрочем, как и дагестанское, практически полностью ассоциирует себя с мазхабом Имама Аш-Шафии. Оценка линии поведения и действий представителей вайнахских и дагестанских народов происходит в первую очередь на основе Священного Корана и Сунны Пророка, а затем и на основах шафиитского фикха, а также адатов, соответствующих шариату.

Роль шариата в современных мусульманских правовых порядках

Современное время характеризуется всеобщими интеграционными процессами, тенденцией к укрупнению, усложнению взаимосвязей между государствами, народонаселением во всех сферах жизнедеятельности человека. Происходит взаимовлияние, а порой даже взаимопроникновение в области не только финансово-экономических и политических процессов, но и в не меньшей степени в социальных, культурных, образовательных, духовных и многих других сферах. Происходящие процессы закономерным образом сказываются

и на правовых институтах государств, механизмах регулирования общественных отношений посредством норм права, в традиционно-культурных сферах. Данное положение дел отражается в т.ч. и на системе мусульманского права. Разумеется, влияние это имеет как положительный, так и отрицательный эффект. В этом плане существующим правовым порядкам мусульманской системы права с шариатским элементом в отношении регулирования различных вопросов линии поведения лица свойственно сочетать как сугубо «шариатские» меры ответственности (худуд, киас, тазир), так и «светские» наказания (лишение свободы, штраф и пр.). Существует также условие о самом субъекте правонарушения: имеет значение, кто правонарушитель (мусульманин или нет) и территориальный признак (проживание на территории, преимущественно населяемой той или иной группой населения: верующие или неверующие)⁴⁴. При этом важно понимать еще одно обстоятельство: неверующие, которые с разрешения мусульман проживают на территории мусульманского государства, являются полноценными субъектами ответственности и на них распространяются все те нормы поведения в обществе, какие предъявляются к правоверным (к примеру, запрет на употребление спиртных напитков, проституцию, прелюбодеяние, участие в развратных действиях, азартных играх и т.п.)⁴⁵, которые распространяются на мусульман⁴⁶.

В данном контексте Л.Р. Сюкияйнен отмечает, что «положение шариата в правовых системах арабских стран жестко не зависит от конституционной формулы закрепления его в качестве источника законодательства»⁴⁷. Показательно в этом плане закрепление шариата в качестве основного источника законодательства на примере таких государств, как Оман, Йемен, Саудовская Аравия, ОАЭ: если в Основном законе Султаната Оман (Основной Низам) шариат закреплен в качестве основы законодательства с формальных позиций, то такие, к примеру, государства, как Саудовская Аравия, ОАЭ, Йемен, следуют предписаниям шариата не только с формальных позиций, но и в сущностном его содержании и выражении как в законодательстве, так и в применении его норм на практике.

Более того, если ставить вопрос шире, в контексте нормотворческой деятельности государства, в т.ч. и с закреплением шариатского типа как основы законодательства, приходим к мнению, что арабским странам свойственна рецепция из других правовых систем, прежде всего речь идет о романо-германской системе права. Нередки случаи кодификации отдельных правовых норм в данных государствах. В целях достижения в системе государственного права некоего компромисса и гармонизации как западноевропейского позитивного права, влияние которого наблюдалось в прошлом и наблюдается ныне в восточных государствах, так и религиозной системы шариата, можно считать принятие во второй половине XIX в. в Османской империи Маджаллы (*Меджалле-и Ахкам-ы Ад-лийе*) свода законов гражданского и судебного права попыткой первой кодификации норм фикха. Данный свод можно считать

⁴⁴ См.: Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское уголовное право: теоретические основы и современная практика // Современное уголовное право и криминология: сб. науч. тр., сер. «Правоведение» / отв. ред. А.Э. Жалинский. М., 2007. С. 80–106.

⁴⁵ См.: Задержанным в Дубае за голую фотосессию россиянкам грозит полгода тюрьмы. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4760815> (дата обращения: 06.05.2021); СМИ сообщили о задержании украинки после обнаженной фотосессии в Турции. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/609294cf9a7947d6c81f159c> (дата обращения: 06.05.2021).

⁴⁶ См.: Хареханов А.Г. Указ. соч.

⁴⁷ Сюкияйнен Л.Р. Конституционный статус шариата как источника законодательства в арабских странах // Право. Журнал ВШЭ. 2016. № 4. С. 217.

⁴² Прим.: таклид — следование в религиозных вопросах фикха и шариата достоверным предписаниям авторитетных специалистов одного из четырех мазхабов со стороны верующего, не обладающего глубокими познаниями в определенной области.

⁴³ См.: Бахджат А. Указ. соч.

неким собранием, сборником, в состав которого входили как нормы традиционного религиозного порядка, так и нормы, рецепированные из западноевропейских правовых порядков (особенно из Гражданского кодекса Франции)⁴⁸. Маджалла затрагивала многие институты гражданского права, но не обходила своим правовым регулированием семейные и наследственные отношения, вопросы вакфа (определенное имущество, передаваемое на религиозные, благотворительные цели)⁴⁹.

В ракурсе складывавшейся ситуации И.Ю. Козлихин задается следующим вопросом: «Являются ли законы в светском понимании этого слова источником мусульманского права?» Как поясняет далее ученый, «вопрос не имеет однозначного ответа. Классический ислам отрицает право государства законодательствовать, ибо законодателем может быть только Аллах. Но если обратиться к практике современных мусульманских государств, то мы увидим, что роль закона весьма значительна. Даже в Саудовской Аравии, где наиболее строго и последовательно сохраняются исламские религиозные традиции, весьма заметна правотворческая деятельность государства. Несмотря на то что единственным законодателем признается Всевышний Аллах, выразивший свою волю в Священном Коране и Сунне, государственная власть активна в нормотворческой сфере. Нормативные правовые акты называются низамами, т.е. регламентами, но, по существу, это мало меняет дело. Все те отношения, которые не могут быть урегулированы нормами фикха, регулируются низамами. Но, разумеется, явное противоречие между ними не допускается»⁵⁰.

Заключение

Проведенное исследование в отношении вопросов взаимоотношения норм шариата и адатного права у вайнахов позволяет сформулировать несколько выводов. Во-первых, исторически право вайнахов сложилось как шариатско-адатное в плане распространения религии ислам среди вайнахов и вытеснения из их жизни откровенно противоречащих шариату норм и правил поведения. Этот процесс был довольно противоречив и неоднозначен, в некоторых сферах существовала конкуренция норм адата и шариата.

Во-вторых, нормы адата у вайнахов практически в большинстве своем соответствовали и продолжают соответствовать основным положениям исламского права и нормам шариата, за некоторыми исключениями (например, в плане материального отягощения некоторых традиций).

В-третьих, система мусульманского права основана на методе запретов (харам) и дозволений (халаль). Запрещенная модель поведения прямо предусмотрена как в тексте Священного Корана, так и в Сунне Посланника Мухаммада. В ситуации же возможного противоречия норм адата и шариата приоритет должен отдаваться нормам шариата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арсанукаева М.С.* Имущественные отношения в правовой культуре чеченцев (XIX — нач. XX в.) // Ценности и смыслы. 2010. № 4 (7). С. 103, 104.
2. *Ат-Туванджи А.* Институт дозволения в исламском шариате. Триполи, 1993 (на араб. яз.).
3. *Бахджат А.* Введение в исламский фикх. URL: <https://t.me/fiqh1441> (дата обращения: 03.08.2020).
4. *Бизюков С.Н.* Вопросы ответственности в мусульманской правовой теории // Правоведение. 1989. Вып. 6. С. 80, 81.
5. *Бизюков С.Н.* Юридические уловки в исламском праве: путь от Средневековья до XXI века // Право. Журнал ВШЭ. 2014. № 3. С. 33.
6. *Габазов Т.С.* Социально-правовой институт усыновления: негативные последствия тайны усыновления // Высокие технологии и инновации в науке: сб. избр. ст. Междунар. науч. конф. (СПб., 2020). С. 339–342.
7. *Габазов Т.С.* Усыновление: историко-правовые и религиозные аспекты // Социально-экономические и гуманитарные науки: сб. избр. ст. по материалам Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, апрель 2021). СПб., 2021. С. 77.
8. *Гантемирова Ф.А.* Общественно-политический строй и обычное право чеченцев и ингушей (XVIII в. — первая половина XIX в.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972. С. 98, 99.
9. *Горшунов Д.Н.* Частное право и ислам // Ученые записки Казанского гос. ун-та. 2010. Т. 152. Кн. 4. С. 48.
10. *Йусуф ал-Карадави.* Разрешенное и запрещенное в исламе. Бейрут — Дамаск, 1967. С. 19–22 (на араб. яз.).
11. *Киемов И.Ж.* Основные термины науки фикх, поминающиеся в книгах ученых ханафитского мазхаба [Электронный ресурс] // Современный мусульманский мир: электрон. журнал. 2019. № 3.
12. *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1, 2. С. 348.
13. *Козлихин И.Ю.* Мусульманское право // Правоведение. 2011. № 3 (296). С. 237, 238.
14. *Кулиев Д.Т.* Шариат и фикх: понятие, источники и соотношение // Исламоведение. 2020. Т. 11. № 1. С. 23.
15. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских народов. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. 1–2 (Доклад заведующего канцелярией по управлению делами мирных горцев подполковника Бибикова от 1 февраля 1841 г. на имя главнокомандующего войсками бывшей кавказской линии генерала Головина. С. 88).
16. *Ливеровский А.А.* Перспективы претворения шариата и адата в современной России // Юрид. вестник ДГУ. 2012. № 2. С. 19.
17. *Мухаметзарипов И.А.* Человек на перекрестке культур: право и справедливость в мультикультурном обществе // Государство и право. 2018. № 3. С. 44.
18. *Одаев Х.М.* К вопросу о соотношении шариата, мусульманского права (фикха) и адата в Чечне // Социология власти. 2009. № 6. С. 85.
19. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа: издание Управления Кавказского учебного округа. Тифлис, 1886. Вып. 5. С. 289. URL: http://starieknigi.info/Zhurnaly/SMOMPK/Sbornik_materialov_dlya_opisaniya_mestnostej_i_plemen_Kavkaza_05_1886.pdf (дата обращения: 07.06.2022).
20. *Ситников А.В., Романов М.В., Одаев Т.Х.* Религиозность в Чеченской Республике и ее влияние на социальные институты и институты власти // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 161.
21. *Сюкияйнен Л.Р.* Конституционный статус шариата как источника законодательства в арабских странах // Право. Журнал ВШЭ. 2016. № 4. С. 217.
22. *Сюкияйнен Л.Р.* Мусульманское уголовное право: теоретические основы и современная практика // Современное уголовное право и криминология: сб. науч. тр., сер. «Правоведение» / отв. ред. А.Э. Жалинский. М., 2007. С. 80–106.
23. *Хареханов А.Г.* Личные воззрения шейха Шамсуддина аль-Бирмави в науке основ исламского права через призму его

⁴⁸ См.: *Горшунов Д.Н.* Частное право и ислам // Ученые записки Казанского гос. ун-та. 2010. Т. 152. Кн. 4. С. 48.

⁴⁹ См.: *Цмай В.В.* Право личного статуса (механизм формирования и реализации в мусульманских странах). Исторический и теоретико-правовой анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. С. 3.

⁵⁰ *Козлихин И.Ю.* Мусульманское право // Правоведение. 2011. № 3 (296). С. 237, 238.

- книги «аль-Фаваид ас-Суннийя: сравнительное изучение»: дис. ... д-ра шариат. наук. Каир, 2019. С. 174 (на араб. яз.).
24. Цмай В.В. Право личного статуса (механизм формирования и реализации в мусульманских странах). Исторический и теоретико-правовой анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. С. 3.
 25. Шовхалов Ш.А. Теория и практика ведения бизнеса по шариату. 2-е изд., перераб. и доп. Грозный, 2022. С. 18.
 26. Hallaq Wael. A History of Islamic Legal Theories: An introduction to Sunni Uṣūl al-Fiqh. Cambridge University Press, 1997. Pp. 40, 41.
 27. Muhammad Taqi Uthmani. An Approach to the Quranic Sciences / transl. by Dr. Mohammad Swaleh Siddiqui; rev. and ed. by Rafiq Abdur Rehman. Karachi, 2007. P. 425 / Корановедение, пер. Askimam.ru, 2014. URL: <https://askimam.ru/books/tolkovanie-korana/koranovedenie/> (дата обращения: 26.08.2021).
 28. Schacht J. An Introduction to Islamic Law. NY, 1964.
 29. Tafsir Al-Qurtubi / Translated by Aisha Bewley. London, 2003 (Тafsир аль-Куртуби, пер. Askimam.ru. 2016. С. 124). URL: <https://askimam.ru/books/tolkovanie-korana/tafsir-kurtubi-vvedenie-i-sura-1/> (дата обращения: 11.04.2022).
 13. Kozlikhin I. Yu. Muslim law // Law studies. 2011. No. 3 (296). Pp. 237, 238 (in Russ.).
 14. Kuliev D. T. Sharia and Fiqh: concept, sources and correlation // Islamic Studies. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 23 (in Russ.).
 15. Leontovich F.I. Adats of the Caucasian peoples. Materials on the customary law of the North and East Caucasus. Odessa, 1882. Iss. 1–2 (Report of the head of the Office for the Management of the affairs of peaceful mountaineers, Lieutenant Colonel Bibikov, dated February 1, 1841, addressed to the commander-in-chief of the troops of the former Caucasian line to General Golovin. P. 88) (in Russ.).
 16. Liverovsky A.A. Prospects for the implementation of Sharia and Adat in modern Russia // Legal Herald of the DSU. 2012. No. 2. P. 19 (in Russ.).
 17. Mukhametzaripov I.A. Man at the crossroads of cultures: law and justice in a multicultural society // State and Law. 2018. No. 3. P. 44 (in Russ.).
 18. Odaev H.M. On the question of the correlation of Sharia, Muslim law (Fiqh) and Adat in Chechnya // Sociology of Power. 2009. No. 6. P. 85 (in Russ.).
 19. Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus: publication of the Administration of the Caucasian Educational District. Tiflis, 1886. Iss. 5. P. 289. URL: http://stareknigi.info/Zhurnaly/SMOMPK/Sbornik_materialov_dlya_opisaniya_mestnostej_i_plemen_Kavkaza_05_1886.pdf (accessed: 07.06.2022) (in Russ.).
 20. Sitnikov A.V., Romanov M.V., Odaev T.H. Religiosity in the Chechen Republic and its impact on social institutions and institutions of power // Monitoring public opinion: Economic and social changes. 2019. No. 2. P. 161 (in Russ.).
 21. Sukiyaynen L.R. The constitutional status of Sharia as a source of legislation in Arab countries // Law. HSE Journal. 2016. No. 4. P. 217 (in Russ.).
 22. Sukiyaynen L.R. Muslim Criminal Law: theoretical foundations and modern practice // Modern Criminal Law and criminology: collection of scientific works, ser. "Jurisprudence" / res. ed. A.E. Zhalinsky. M., 2007. Pp. 80–106 (in Russ.).
 23. Kharekhanov A.G. Personal views of Sheikh Shamsuddin al-Birmawi in the science of the foundations of Islamic law through the prism of his book "al-Fawa'id al-Sunni: a comparative study": dis. ... Dr. Sharia sciences. Cairo, 2019. P. 174 (in Arabic).
 24. Tsmay V.V. The right of personal status (the mechanism of formation and implementation in Muslim countries). Historical and theoretical legal analysis: dis. ... Doctor of Law. SPb., 2000. P. 3 (in Russ.).
 25. Shovkhalov Sh. A. Theory and practice of doing business according to Sharia. 2nd ed., reprint and an add. Grozny, 2022. P. 18 (in Russ.).
 26. Hallaq Wael. A History of Islamic Legal Theories: An introduction to Sunni Uṣūl al-Fiqh. Cambridge University Press, 1997. Pp. 40, 41.
 27. Muhammad Taqi Uthmani. An Approach to the Quranic Sciences / transl. by Dr. Mohammad Swaleh Siddiqui; rev. and ed. by Rafiq Abdur Rehman. Karachi, 2007. P. 425 / Корановедение, пер. Askimam.ru, 2014. URL: <https://askimam.ru/books/tolkovanie-korana/koranovedenie/> (accessed: 26.08.2021).
 28. Schacht J. An Introduction to Islamic Law. NY, 1964.
 29. Tafsir Al-Qurtubi, transl. by Aisha Bewley. London, 2003 (Тafsир аль-Куртуби, пер. Askimam.ru. 2016. С. 124). URL: <https://askimam.ru/books/tolkovanie-korana/tafsir-kurtubi-vvedenie-i-sura-1/> (accessed: 11.04.2022).

REFERENCES

Сведения об авторе

ИДРИСОВ Хусейн –

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Чеченского государственного университета
им. А.А. Кадырова; 364024 г. Грозный,
ул. А. Шерипова, д. 32
ORCID: 0000-0002-7008-8904
Scopus ID: 57394819300

Authors' information

IDRISOV Hussein –

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law
and Procedure, Kadyrov Chechen State University;
32 A. Sheripov str., 364024 Grozny, Russia

УДК 341.6

АРБИТРАЖ В США: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© 2024 г. Е. П. Ермакова

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва

E-mail: ermakova_ep@rudn.ru

Поступила в редакцию 12.04.2023 г.

Аннотация. Статья посвящена исследованию современного состояния правового регулирования арбитража в США. Автор анализирует трансформацию источников регулирования — нормативных актов, судебных прецедентов, регламентов арбитражных учреждений в 2019–2022 гг. Отмечено, что в 2022 г. в Федеральный арбитражный акт США была добавлена глава 4. Дан краткий анализ последних прецедентов Верховного суда США и апелляционных судов округов в сфере арбитража. **Цель.** Сформировать представление о становлении и развитии арбитража в США на основе анализа нормативных актов, судебных прецедентов и научных источников. **Методы.** Теоретические методы формальной и диалектической логики; эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации. Применялись частно-научные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. **Результаты.** Проведенное исследование показало, что решение Верховного суда США 2022 г. по делу “ZF Automotive US Inc et al. v. Luxshare Ltd” демонстрирует тенденцию усиления вмешательства суда в практику арбитража. **Выводы.** Основные тенденции практики арбитражных учреждений США за 2019–2022 гг. включают в себя: а) ускоренное арбитражное разбирательство; б) чрезвычайный арбитраж; в) упрощенное (суммарное) производство; г) виртуальные слушания и цифровые инструменты; д) защита данных и кибербезопасность. Указанные тенденции следует расценивать как положительные и рекомендовать для внедрения в регламенты российских арбитражных учреждений (третейских судов).

Ключевые слова: арбитраж США, Федеральный арбитражный акт, ускоренное арбитражное разбирательство, виртуальные слушания, чрезвычайный арбитраж, упрощенное (суммарное) производство, защита данных и кибербезопасность.

Цитирование: Ермакова Е.П. Арбитраж в США: основные тенденции правового регулирования // Государство и право. 2024. № 1. С. 169–178.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

DOI: 10.31857/S1026945224010167

ARBITRATION IN THE USA: THE MAIN TRENDS IN LEGAL REGULATION

© 2024 Е. P. Ermakova

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

E-mail: ermakova_ep@rudn.ru

Received 12.04.2023

Abstract. The article is devoted to the study of the current state of the legal regulation of arbitration in the USA. The author analyzes the transformation of regulatory sources — regulations, court precedents, regulations of arbitration institutions in 2019–2022. It is noted that in 2022, the chapter 4 was added to the US Federal Arbitration Act. A brief analysis of the latest precedents of the U.S. Supreme Court and the Appellate Courts of the districts in the field of arbitration is given. **Objective.** To form understanding of the

formation and development of arbitration in the United States based on the analysis of regulations, judicial precedents, and scientific sources. *Methods.* Theoretical methods of formal and dialectical logic; empirical methods of comparison, description, interpretation. Private scientific methods were used: legal-dogmatic and method of interpretation of legal norms. *Results.* The conducted research showed that the decision of the US Supreme Court in 2022 in the case “ZF Automotive US Inc et al. v. Luxshare Ltd” clearly demonstrates the tendency of increasing court interference in arbitration practice. *Conclusions.* The main trends in the practice of US arbitration institutions over 2019–2022 include: a) accelerated arbitration; b) emergency arbitration; c) simplified (summary) proceedings; d) virtual hearings and digital tools; e) data protection and cybersecurity. These trends should be regarded as positive and recommended for implementation in the regulations of Russian arbitration institutions (arbitration courts).

Key words: US arbitration, Federal Arbitration Act, expedited arbitration, virtual hearings, emergency arbitration, simplified (summary) proceedings, data protection and cybersecurity.

For citation: Ermakova, E.P. (2024). Arbitration in the USA: the main trends in legal regulation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 169–178.

The research was carried out with the financial support of the Grant of the President of the Russian Federation No. НШ-3270.2022.2 “Evolution or revolution of civil proceedings: digitalization through the prism of artificial intelligence”.

Введение

США решительно выступают за арбитраж, который долгое время был обычным выбором формы разрешения споров для сторон внутренних и международных коммерческих сделок, утверждали адвокаты фирмы “Chambers”¹. Арбитраж является предпочтительным методом разрешения деловых споров, поскольку судебные разбирательства в США могут быть дорогостоящими и отнимать много времени, в то время как арбитражные разбирательства, как правило, исключают трудоемкие и дорогостоящие «раскрытия» доказательств (*discovery*)². США являются популярным арбитражным форумом для урегулирования международных коммерческих споров. В последние годы значительно возросло число споров, рассмотренных Международным центром по разрешению споров Американской арбитражной ассоциации (ICDR/AAA); при этом число арбитражных споров, рассмотренных Центром ICDR/AAA, — одно из самых больших в мире. Статистика показывает, что в 2021 г. арбитражи и медиаторы AAA-ICDR рассмотрели 9196 дел с общей суммой иска более 15 млрд долл.³

Адвокаты фирмы “Foley Hoag LLP” заявляли, что в 2022 г. в США в наибольшей степени арбитраж был востребован в следующих отраслях: строительство, энергетика, финансовые услуги, науки о жизни, технологии, страхование, авиация/аэрокосмическая промышленность, развлечения и недвижимость. Ожидается, что по мере того как национальные суды продолжают восстанавливаться после задержек и бюджетных сокращений, вызванных COVID-19, стороны будут продолжать обращаться

к арбитражу в качестве предпочтительного механизма разрешения споров⁴.

В США, как и везде, пандемия COVID-19 повлияла на арбитражные процедуры. Американские арбитражные институты выпустили руководства относительно использования удаленных платформ для виртуальных слушаний. В руководствах рассматривались такие вопросы, как общая подготовка, выбор платформы, затраты, конфиденциальность и безопасность, доступ, техническая поддержка и обеспечение исполнения решения. Это привело к переоценке традиционной практики проведения очных слушаний в арбитраже, поскольку дистанционные слушания сэкономили время и средства.

Основными поставщиками арбитража как средства разрешения споров в США являются: 1) Американская арбитражная ассоциация (AAA) и ее международное подразделение — ICDR (International Centre for Dispute Resolution); 2) корпорация JAMS — организация, предоставляющая услуги в области арбитража и медиации (Judicial Arbitration and Mediation Services, Inc.); 3) Международный институт по предупреждению и разрешению конфликтов (CPR)⁵.

Полагаем, что российские исследователи не могут оставить без внимания эволюцию регулирования арбитража в таком крупном государстве, как США⁶, которое во многом определяет арбитражные тенденции в других странах, таких как Соединенное Королевство, Австралия, Индия, КНР, Сингапур и др. Американские адвокаты входят в советы директоров многих ведущих арбитражных учреждений за пределами США, таких как Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) или

¹ Buckley J. International Arbitration 2022: USA // Chambers and Partners. August 16, 2022. URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/international-arbitration-2022/usa> (дата обращения: 08.02.2023).

² См.: Ермакова Е.П. Цифровизация гражданского судопроизводства в США: закрепление процедуры электронного раскрытия доказательств (“e-discovery”) // Государство и право. 2022. № 11. С. 155–164. DOI: 10.31857/S102694520022769-6

³ См.: AAA-ICDR publishes 2021 caseload statistics // Practical Law. 09 March 2022. URL: [https://uk.practicallaw.thomson-reuters.com/w-034-7405?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)#:~:text=The%20statistics%20highlight%20that%20the,%2415%20billion%20in%20total%20claims](https://uk.practicallaw.thomson-reuters.com/w-034-7405?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)#:~:text=The%20statistics%20highlight%20that%20the,%2415%20billion%20in%20total%20claims) (дата обращения: 09.02.2023).

⁴ См.: Schimmel D. et al. Arbitration Procedures and Practice in the United States: Overview // Thomson Reuters. 1 July 2022. URL: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/0-502-1714?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/0-502-1714?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true) (дата обращения: 10.02.2023).

⁵ См.: Buckley J. Op. cit.

⁶ См.: Ермакова Е.П., Фролова Е.Е. Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве и арбитраже: опыт США и КНР. М., 2021.

Гонконгский международный арбитражный центр⁷. Неоднократно переизданная трехтомная монография «Международный коммерческий арбитраж»⁸ американского автора Гэри Борна стала настольной книгой каждого арбитра и адвоката, специализирующегося в области коммерческого арбитража.

Во второй части настоящей статьи дан анализ источников правового регулирования арбитража США и их изменений за последние годы. В сфере арбитража действует как федеральное законодательство, так и законодательство штатов. Прецедентное право в основном формируется Верховным судом США и федеральными Апелляционными судами округов, решения которых по вопросам регулирования арбитража часто бывают противоречивы.

В третьей части статьи исследованы основные тенденции практики арбитражных учреждений США за последние несколько лет: 1) ускоренное арбитражное разбирательство; 2) чрезвычайный арбитраж; 3) упрощенное (суммарное) производство; 4) виртуальные слушания и цифровые инструменты; 5) защита данных и кибербезопасность.

Источники правового регулирования арбитража в США и их трансформация

Федеральное законодательство

Федеральный закон об арбитраже (The Federal Arbitration Act)⁹ (далее — ФАА), принятый в 1925 г. и кодифицированный в разд. 9 Кодекса США, регулирует арбитражное разбирательство в США и включает в себя обязательства США по ряду международных договоров. ФАА не основан на Типовом законе UNCITRAL и в значительной степени предшествует ему. Американские авторы отмечали, что ФАА регулирует большинство видов арбитражей в США, независимо от предмета спора. Однако ФАА ни в коем случае не является всеобъемлющим, вместо этого регулируя арбитражи «только в начале и в конце их жизненного цикла»¹⁰.

Подход ФАА в значительной степени отражает федеральную политику США, решительно поддерживающую арбитраж в качестве альтернативы иногда перегруженным, громоздким и неэффективным судам. Верховный суд США в деле “Moses H Cone Mem'l Hosp v. Mercury Constr Corp” 1983 г. утверждал: «Раздел 2 ФАА является декларацией Конгресса о либеральной федеральной политике, благоприятствующей арбитражным соглашениям, несмотря на любую материальную или процедурную политику штата, утверждающую обратное»¹¹. Именно эта проарбитражная политика привела к тому, что Верховный суд США в 1985 г. расширил толкование арбитражной оговорки, включив в нее требования в сфере антимонопольного законодательства в решении по делу “Mitsubishi Motors Corp v. Soler

Chrysler-Plymouth”¹², позволяя арбитрам обеспечивать соблюдение федерального антимонопольного законодательства наравне с судьями.

Следует также подчеркнуть, что в отличие от Типового закона UNCITRAL и многих национальных законов об арбитраже ФАА не предоставляет арбитрам полномочий решать, согласились ли стороны на арбитраж конкретного спора (в соответствии с законодательством США — «возможность арбитража», или «арбитрабельность» (Arbitrability))¹³.

В 2022 г., впервые с 1990 г., Конгресс США существенно модифицировал ФАА. По мнению американских авторов, эти поправки затрагивают только определенные иски в национальных трудовых арбитражах, оставляя международное арбитражное законодательство нетронутым¹⁴. Закон «О прекращении принудительного арбитража по делам о сексуальном насилии и сексуальных домогательствах»¹⁵ был подписан Президентом США Байденом в марте 2022 г., добавив гл. 4 в Федеральный закон об арбитраже (ФАА). Указанный Закон позволяет лицам, заявляющим о сексуальном насилии или сексуальных домогательствах, избегать арбитража, даже если они заключили соглашение до рассмотрения спора в арбитраже по таким искам.

Законодательство штатов

Все 50 штатов приняли собственные арбитражные законы на основе Единообразного закона об арбитраже 1955 г. (Uniform Arbitration Act) или Пересмотренной редакции Единообразного закона об арбитраже 2000 г.¹⁶

Хотя ФАА и Единообразный закон об арбитраже США не основаны на Типовом законе UNCITRAL, восемь штатов имеют законы, основанные на модели UNCITRAL: Калифорния, Коннектикут, Флорида, Джорджия, Иллинойс, Луизиана, Орегон и Техас¹⁷.

Подчеркнем, что законодательство штата играет ограниченную роль в регулировании арбитража в США. ФАА превалирует над законодательством штата в той мере, в какой оно противоречит ФАА, и применяется в судах штатов ко всем сделкам, которые «влияют на торговлю между штатами» — термин, который в 1995 г. Верховный суд США истолковал как включающий все международные сделки и многие внутренние¹⁸. По мнению американских юристов, для международных коммерческих споров закон штата об арбитраже применим только в качестве средства устранения пробелов по вопросам, о которых ФАА умалчивает¹⁹.

¹² См.: *Mitsubishi Motors Corp v. Soler Chrysler-Plymouth, Inc.*, 473 US 614 (1985) // Justia. U.S. Supreme Court. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/473/614/> (дата обращения: 08.02.2023).

¹³ См.: *Born G.* Op. cit. Pp. 1217–1287.

¹⁴ См.: *Carter J. et al.* Op. cit.

¹⁵ См.: *Ending Forced Arbitration of Sexual Assault and Sexual Harassment Act* // Congress. Gov. URL: <https://www.congress.gov/bills/117/congress-house-bill/4445/text> (дата обращения: 08.02.2023).

¹⁶ См.: *Arbitration Act* // Uniform Law Commission. 2023. URL: <https://www.uniformlaws.org/committees/community-home?CommunityKey=a0ad71d6-085f-4648-857a-e9e893ae2736> (дата обращения: 08.02.2023).

¹⁷ См.: *Buckley J.* Op. cit.

¹⁸ См.: *Allied-Bruce Terminix Cos, Inc v. Dobson*, 513 US 265, 281 (1995) // Casetext. URL: <https://casetext.com/case/allied-bruce-terminix-v-dobson/analysis?citingPage=1&sort=relevance> (дата обращения: 09.02.2023).

¹⁹ См.: *Carter J. et al.* Op. cit.

⁷ См.: Hong Kong International Arbitration Centre // <https://www.hkiac.org/hk45> (дата обращения: 08.02.2023).

⁸ *Born G.* International Commercial Arbitration. 3rd ed. Kluwer Law International, 2021.

⁹ См.: ARBITRATION // U.S. Code. 2022. URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title9&edition=prelim> (дата обращения: 08.02.2023).

¹⁰ *Carter J. et al.* The International Arbitration Review: USA // Law Business Research. 14 July 2022. URL: <https://thelawreviews.co.uk/title/the-international-arbitration-review/usa> (дата обращения: 08.02.2023).

¹¹ *Moses H Cone Mem'l Hosp v. Mercury Constr Corp*, 460 US 1, 24 (1983) // Casetext. URL: <https://casetext.com/case/moses-h-cone-hospital-v-mercury-constr-corp/analysis?citingPage=1&sort=relevance&sortCiting=date-descending> (дата обращения: 08.02.2023).

Международные конвенции

В разные годы США ратифицировали Нью-Йоркскую Конвенцию 1958 г. «О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений», Вашингтонскую конвенцию 1965 г. «По урегулированию инвестиционных споров между государствами и гражданами других государств» и Панамскую конвенцию 1975 г. (Межамериканская Конвенция о международном коммерческом арбитраже).

В 1992 г. было подписано Соглашение НАФТА – соглашение о свободной торговле между Канадой, США и Мексикой (North American Free Trade Agreement – NAFTA), которое вступило в силу в 1994 г. В 2018 г. упомянутые страны решили заменить НАФТА соглашением USMCA (United States–Mexico–Canada Agreement); все три государства ратифицировали USMCA к марту 2020 г. Соглашение НАФТА оставалось в силе до имплементации USMCA, которое вступило в силу 1 июля 2020 г.²⁰

На основании Соглашения НАФТА в 2016 г. и повторно в 2021 г. против США в Международном центре по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) канадской компанией “TC Energy” было возбуждено два дела в связи с запретом на строительство трубопровода. Трубопровод был предметом десятилетней арбитражной саги. Поскольку трубопровод пересекал национальные границы, законодательство США требовало, чтобы было получено разрешение президента США на его строительство. Несмотря на первоначальное одобрение, президент США Обама решил в 2015 г. отказать в разрешении на строительство. В ответ канадская компания “TC Energy” подала иск МЦУИС против Соединенных Штатов Америки в 2016 г. – дело “TC Energy against the United States” (I), ссылаясь на различные нарушения НАФТА. Президент США Трамп вновь выдал разрешение “TC Energy” на возобновление оставшегося строительства, и компания отозвала свой иск. Эта разрядка была недолгой. Отвергнув позицию администрации президента США Трампа, президент США Байден отозвал необходимые разрешения²¹. 22 декабря 2021 г. в МЦУИС был зарегистрирован еще один иск “TC Energy” против США – “TC Energy Corporation, TransCanada PipeLines Limited v. The Government of the United States of America”²². Истцы требовали возмещения убытков в размере более 15 млрд долл. плюс проценты на основании нарушений США положений соглашений нарушения НАФТА/USMCA. Дело находится на рассмотрении МЦУИС. 10 февраля 2023 г. истцы по просьбе ответчика рассмотреть возражения против юрисдикции в качестве предварительного вопроса представили свои замечания в арбитражный трибунал.

Судебные прецеденты

Развитие прецедентного права, затрагивающее международный арбитраж, продолжается с принятием новых значительных прецедентов, связанных с получением доказательств в помощь арбитражу за рубежом, лишением стороны права на арбитраж и пр. Верховный суд США лишь изредка рассматривает вопросы регулирования арбитража,

но в 2021–2022 гг. был вынесен ряд решений, непосредственно влияющих на международный коммерческий арбитраж.

1. Решение Верховного суда США о § 1782 раздела 28 Кодекса США (2022)

По мнению адвокатов Д. Картер, К. Салас и Р. Чилдри, наиболее значимое решение 2022 г. касалось обращений в суды США за помощью в раскрытии документальных доказательств для использования в международных арбитражах, расположенных за пределами США²³. В соответствии с § 1782 (а) разд. 28 Кодекса США, федеральные окружные суды США могут распорядиться о «раскрытии доказательств» для использования в разбирательстве в «иностранном или международном трибунале». Решения по прежним делам свидетельствовали о том, что иностранный арбитраж не подпадает под действие статута, который, как считалось, включает только иностранное судебное разбирательство. Однако эти решения были поставлены под сомнение решением Верховного суда США 2004 г. по делу “Intel Corp v. Advanced Micro Devices, Inc.”²⁴, в котором было установлено, что Генеральный директорат по вопросам конкуренции Европейской комиссии является «трибуналом» в соответствии с § 1782. В своем заключении Суд отметил, что в 1964 г. Конгресс США заменил термин «судебное разбирательство» в статуте термином «трибунал». Верховный суд США также опирался на определение «трибунала», включающее третейские суды.

Начиная с решения по делу “Intel” апелляционные суды округов США разделились во мнениях о том, разрешает ли § 1782 «раскрытие доказательств» в помощь иностранному арбитражу. Апелляционные суды округов применяли три различных подхода. Суды Четвертого и Шестого округа дали широкое толкование термину «трибунал» и разрешили «раскрытие доказательств» в помощь частным коммерческим арбитражам, расположенным за рубежом. Суды Второго, Пятого и Седьмого округа опровергли такое «раскрытие доказательств» на том основании, что § 1782 применим только в помощь «трибуналу», такому как суд или квазисудебный орган иностранных государств. Третий подход позволял «раскрытие доказательств» только в помощь «трибуналу», рассматривающему арбитраж по инвестиционному договору, но не частному коммерческому арбитражу, аргументируя это тем, что первый, возможно, подпадает под рамки § 1782, поскольку такие форумы создаются договором и могут считаться спонсируемыми государством²⁵.

В 2022 г. Верховный суд США заслушал аргументы по этим вопросам в двух объединенных делах, деле “ZF Automotive US Inc et al. v. Luxshare Ltd”²⁶ и деле “AlixPartners LLP et al. v. The Fund for Protection of Investors’ Rights in Foreign States”. В этих спорах гонконгская сторона пыталась получить документы от американского производителя автозапчастей для использования в коммерческом арбитраже в ФРГ и запрос о раскрытии доказательств в суде США в помощь арбитражу в Литве²⁷.

²³ См.: Carter J. et al. Op. cit.

²⁴ Intel Corp. v. Advanced Micro Devices, Inc., 542 U.S. 241 (2004) // Justia. U.S. Supreme Court. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/542/241/> (дата обращения: 08.02.2023).

²⁵ См.: Carter J. et al. Op. cit.

²⁶ 21–401 ZF Automotive US, Inc. v. Luxshare, Ltd. (06/13/2022) // Supreme Court. Gov https://www.supremecourt.gov/opinions/21pdf/21-401_2cp3.pdf (дата обращения: 08.02.2023).

²⁷ См.: Schimmel D. et al. Op. cit.

²⁰ См.: United States–Mexico–Canada Agreement // Office of the U.S. Trade Representative (USTR). 2020. URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/united-states-mexico-canada-agreement> (дата обращения: 09.02.2023).

²¹ См.: Carter J. et al. Op. cit.

²² TC Energy Corporation and TransCanada Pipelines Limited v. United States of America (ICSID Case No. ARB/21/63) // ICSID. December 22, 2021. URL: <https://icsid.worldbank.org/cases/case-database/case-detail?CaseNo=ARB/21/63> (дата обращения: 10.02.2023).

В решении по указанным выше делам от 13 июня 2022 г., которого с нетерпением ждали в международном деловом сообществе, Верховный суд США разъяснил сферу применения § 1782 разд. 28 Кодекса США, которая позволяет заинтересованной стороне получить «раскрытие доказательств» в суде США «для использования в судебном разбирательстве в иностранном или международном трибунале». Верховный суд США единогласно постановил, что § 1782 распространяется только на правительственный или межправительственный орган с судебными полномочиями. В результате § 1782 разд. 28 Кодекса США больше не доступен для использования в частных коммерческих арбитражных разбирательствах²⁸.

Американские авторы Д. Шиммель, К. Химореас, С. Янгер, Е. Тревес, Н. Ренцлер, А. Экманиян и К. Фигероа рассматривают указанный выше прецедент 2022 г. как подтверждение тенденции усиления вмешательства суда в практику арбитража²⁹.

2. Решение по делу “Morgan v. Sundance, Inc.” (2022)

Указанный прецедент касался внутреннего арбитража США, но представлял собой аспект универсального вопроса о том, когда участие стороны спора в судебном разбирательстве лишает ее права на арбитраж. В ряде решений Верховный суд США настаивал на том, что ФАА требует, чтобы суды ставили арбитражные контракты в «равное положение» с другими видами контрактов. Эти решения часто благоприятствовали компаниям, стремящимся обеспечить соблюдение арбитражных соглашений, отвергая нормы, которые дают работникам (потребителям) выход из положений контракта, требующих от них решать свои споры в арбитражном порядке. Но единогласное решение Верховного суда США по делу “Morgan v. Sundance, Inc.”³⁰ разъяснило, что правило равноправия работает в обоих направлениях³¹.

Это дело возникло из-за того, что Р. Морган работала во франшизе “Taco Bell”, принадлежащей компании “Sundance, Inc.” Полагая, что “Sundance” незаконно не оплачивала сверхурочную работу, Р. Морган подала иск от своего имени и от имени других сотрудников, на которых аналогичным образом повлияла практика оплаты “Sundance”. Первоначально “Sundance” предпринимала действия по иску Р. Морган в государственном суде: в течение примерно восьми месяцев “Sundance” ходатайствовала о прекращении дела по процессуальным основаниям, представила отзыв на иск и предприняла попытку медиации. После того как попытки мирно разрешить дело не увенчались успехом, “Sundance” перешла к принудительному индивидуальному арбитражу, опираясь на арбитражную оговорку, напечатанную в форме заявления о приеме на работу, которую Р. Морган подписала, когда подавала заявку на работу в “Sundance”³².

Если бы компания “Sundance” стремилась добиться арбитража в начале дела, она, вероятно, добилась бы своего. Но Р. Морган утверждала, что задержка компании (рассмотрение дела в суде в течение восьми месяцев) представляет собой отказ от права компании на принудительное исполнение арбитражного соглашения. Суд низшей инстанции решил этот вопрос, применив критерий, используемый большинством федеральных апелляционных судов для разрешения ситуаций, в которых истец утверждает, что ответчик утратил право требовать арбитража из-за слишком долгого ожидания. Этот тест включал вопросы, знала ли компания “Sundance” о своем праве на арбитраж, действовала ли она несовместимо с этим правом и не нанесла ли истцу ущерб задержка. Последнее требование — демонстрация причинения ущерба — было уникальным для арбитража. Как выразилась судья Верховного суда США Е. Каган, «обычно федеральный суд, решающий, отказался ли истец от права, не спрашивает, причинили ли его действия вред».

Компания “Sundance”, несомненно, знала о своем праве требовать арбитража, когда начинала судебный процесс. В суде первой инстанции компания “Sundance” объяснила, что ждала, потому что опасалась, что формулировка арбитражной оговорки позволит Р. Морган участвовать в арбитраже на коллективной основе³³. Решение Верховного суда США по делу “Lamps Plus v. Varela”³⁴ от 24 апреля 2019 г., согласно которому «в соответствии с ФАА двусмысленное соглашение не может служить необходимой договорной основой для вывода о том, что стороны согласились обратиться в коллективный арбитраж», разрешило эти опасения. Однако окружной суд отказался передать дело в арбитраж на основании своего вывода о том, что задержка компании “Sundance” нанесла ущерб Р. Морган. Апелляционный суд Восьмого округа США не согласился с выводом окружного суда, посчитав, что задержка не нанесла ущерб Р. Морган, и отменил решение окружного суда.

23 мая 2022 г. Верховный суд США отменил решение апелляционного суда Восьмого округа, постановив, что «суд не может изобретать новые правила в пользу арбитража, а не судебного разбирательства... Федеральная политика заключается в том, чтобы относиться к арбитражным контрактам так же, как и ко всем другим, а не в содействии арбитражу»³⁵.

Регламенты арбитражных учреждений

В последние годы российские исследователи относят регламенты арбитражных учреждений к частным источникам регулирования арбитражного производства³⁶. В сентябре 2022 г. самое известное арбитражное учреждение США — Американская арбитражная ассоциация (ААА) — в очередной раз пересмотрела свой Регламент коммерческого арбитража и процедуры медиации³⁷. Целью этих изменений

²⁸ См.: Wang M. Justices curtail ability to get discovery in U.S. court for use in international arbitrations // SCOTUSblog. Jun. 17, 2022. URL: <https://www.scotusblog.com/2022/06/justices-curtail-ability-to-get-discovery-in-u-s-court-for-use-in-international-arbitrations/> (дата обращения: 08.02.2023).

²⁹ См.: Schimmel D. et al. Op. cit.

³⁰ 21–328 Morgan v. Sundance, Inc. (05/23/2022) // Supreme Court. May 23, 2022. URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/21pdf/21-328_m6ho.pdf (дата обращения: 12.02.2023).

³¹ См.: Garden C. Courts may not “make up” new procedural rules to favor arbitration // SCOTUSblog. May. 24, 2022. URL: <https://www.scotusblog.com/2022/05/courts-may-not-make-up-new-procedural-rules-to-favor-arbitration/> (дата обращения: 10.02.2023).

³² Ibid.

³³ См.: Ситкарева Е. В. Проблемы использования арбитража в групповых исках при разрешении финансовых споров в США // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. памяти проф. В. К. Пучинского, Москва, 12 октября 2018 г. РУДН. М., 2018. С. 331–339.

³⁴ 17–988 Lamps Plus, Inc. v. Varela (04/24/2019) // Supreme Court. URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/18pdf/17-988_n6io.pdf (дата обращения: 10.02.2023).

³⁵ 21–328 Morgan v. Sundance, Inc. (05/23/2022).

³⁶ См.: Абесадзе С. А., Андреева Т. К., Ануров В. Н. и др. Международный коммерческий арбитраж: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. — М., 2018 (Библиотека журнала «Третейский суд»). С. 200.

³⁷ См.: Commercial Arbitration Rules and Mediation Procedures, effective September 1, 2022 // Reed Smith. 2022. URL: <https://www.reedsmith.com>.

стала стандартизация практики AAA в отношении конфиденциальности, рассмотрения ходатайств об объединении (консолидации) и вежливости. Как отмечали американские юристы, поправки также способствовали дальнейшему повышению эффективности, отражали достижения в области технологий и включали обсуждение проблем кибербезопасности³⁸. Перечисленные вопросы будут раскрыты более подробно в третьей части настоящей статьи.

Отметим, что еще один крупный поставщик арбитража в США — Международный институт по предупреждению и разрешению конфликтов (CPR) — в 2020 г. опубликовал «Регламент для ускоренного арбитража»³⁹.

В 2021 г. корпорация JAMS приняла «Всеобъемлющий арбитражный регламент»⁴⁰.

Тенденции арбитражной практики в США

Рассмотрим основные тенденции, выделяемые американскими юристами в практике институциональных арбитражных учреждений США в последние годы.

Ускоренное арбитражное разбирательство

Арбитраж играет в США важную роль в разрешении коммерческих споров, обеспечивая упрощенную процедуру разрешения таких споров по сравнению с государственными судами. Однако в последние годы пользователи стали все более настороженно относиться к использованию арбитража из-за продолжительности времени, необходимого для принятия решения, и связанных с этим относительно высоких затрат⁴¹. По мнению многих ученых и практиков, ускоренные формы арбитража могут сэкономить время и затраты⁴². Не все дела подходят для ускоренного процесса — например, не подходят для ускоренного арбитража крупные сложные дела с большим объемом документов и множеством свидетелей. Попытка увязать такое дело с ускоренным процессом, скорее всего, лишит сторону справедливой возможности изложить свое дело, что может привести к нарушению надлежащей правовой процедуры и отказу в правосудии, отмечал американский арбитр П. Петтибоун⁴³. Но для более мелких дел или для дел, когда между сторонами существуют длительные отношения, которые должны быть сохранены, разрешение спора с помощью ускоренной

процедуры идеально подходит, потому что спор будет решен относительно быстро и без больших затрат средств. Отметим, что по этим делам должна быть обеспечена возможность структурирования ускоренного арбитражного разбирательства таким образом, чтобы это было не только эффективным и менее дорогостоящим, но и обеспечивало сторонам надлежащую правовую процедуру.

За последние несколько лет использование ускоренного арбитража в США расширилось, что привело к внесению поправок в Арбитражные регламенты институциональных учреждений⁴⁴.

Как было указано ранее, в сентябре 2022 г. AAA пересмотрела свой Регламент коммерческого арбитража и процедуры медиации. Изменения включают корректировку требований к сумме спора для нескольких типов арбитража. В частности, иски на сумму до 100 тыс. долл., а не на прежние 75 тыс. долл., теперь могут претендовать на ускоренное арбитражное разбирательство (ст. E-2 Регламента), что позволяет использовать ускоренный арбитражный процесс для большего количества дел⁴⁵. Регламент 2022 г. также предусматривает возможность назначения единоличного арбитра. В рамках ускоренной процедуры арбитражное решение должно быть вынесено в течение 45 дней с момента назначения арбитра (ст. E-7 и E-9)⁴⁶. Сумма, необходимая для того, чтобы спор был квалифицирован как крупный и сложный, удвоилась и составила 1 млн долл. Чтобы крупное и сложное дело могло быть рассмотрено коллегией из трех арбитров, иски и встречные иски должны быть равны или превышать 3 млн долл., что в три раза превышает предыдущие требования Регламента AAA.

В 2021 г. был пересмотрен Регламент Международного центра по разрешению споров AAA (ICDR)⁴⁷, который теперь включает в себя «Международные ускоренные процедуры» (ст. E-1—E-10). В своем отчете AAA отмечала, что в 2020 г. стороны инициировали 75 международных ускоренных дел в ICDR⁴⁸.

В 2020 г. Международный институт по предупреждению и разрешению конфликтов (CPR) опубликовал новый «Регламент ускоренного арбитража CPR»⁴⁹. П. Петтибоун утверждал, что новый Регламент CPR является регламентом «согласия», хотя в любое время в ходе разбирательства стороны могут взаимно договориться об отказе от ускоренного арбитража, а арбитражный трибунал в исключительных случаях и по просьбе стороны может определить, что Регламент

com/-/media/files/perspectives/2022/commercialrulesweb.pdf?rev=85d06b70390b428fa1fae8b5d5a27e44&hash=13FC1AD26840F131C457D059AA14F5D8 (дата обращения: 12.02.2023).

³⁸ См.: Khan C., Wilson W. The AAA Revises its Commercial Arbitration Rules and Mediation Procedures // JD Supra, LLC. URL: <https://www.jdsupra.com/legalnews/the-aaa-revises-its-commercial-2759753/> (дата обращения: 12.02.2023).

³⁹ CPR's Fast Track Administered Arbitration Rules. Effective July 1, 2020 // CPR. 2020. URL: <https://drs.cpradr.org/rules/arbitration/fast-track-administered-arbitration-rules> (дата обращения: 13.02.2023).

⁴⁰ JAMS Comprehensive Arbitration Rules & Procedures // Effective June 1, 2021. URL: <https://www.jamsadr.com/rules-comprehensive-arbitration/#:~:text=Rule%2018.-,Summary%20Disposition%20of&text=The%20Arbitrator%20may%20permit%20any,to%20respond%20to%20the%20request> (дата обращения: 17.02.2023).

⁴¹ См.: Schimmel D. et al. Op. cit.

⁴² См.: Константинов А.А. Взаимодействие состава арбитража со сторонами при ускоренном порядке разрешения споров в международном коммерческом арбитраже // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 7. С. 41—45. DOI: 10.18572/1812-383X-2021-7-41-45

⁴³ См.: Pettibone P. Due Process Considerations in Expedited Arbitrations // Indian Journal of Arbitration Law (IJAL). 2021. Vol. 10. Iss. 1. Pp. 175—183. URL: <https://praguerules.com/upload/iblock/8ce/8ce50c3911b16c96faafcccd8bacbc4a.pdf> (дата обращения: 13.02.2023).

⁴⁴ См.: Schimmel D. et al. Op. cit.

⁴⁵ См.: Khan C., Wilson W. Op. cit.

⁴⁶ См.: Mimoso M. Accelerated Arbitration: An Expedited Method of Resolving Disputes // Experientiam et Progressionem in Comparative and International Law. ADJURIS — International Academic Publisher. 2022. Pp. 55—66. URL: <http://repositorio.uportu.pt:8080/bitstream/11328/4409/1/pp.55-66.pdf> или <http://www.adjuris.ro/reviste/epc/Jin,%20Popa%20Tache.pdf> (дата обращения: 13.02.2023).

⁴⁷ См.: International Dispute Resolution Procedures (Including Mediation and Arbitration Rules) Rules Amended and Effective March 1, 2021 // ICDR. 2021. URL: https://www.icdr.org/rules_forms_fees (дата обращения: 13.02.2023).

⁴⁸ См.: AAA-ICDR publishes 2021 caseload statistics // Practical Law. 09 March 2022. URL: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-034-7405?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)#:~:text=The%20statistics%20highlight%20that%20the,%2415%20billion%20in%20total%20claims](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-034-7405?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)#:~:text=The%20statistics%20highlight%20that%20the,%2415%20billion%20in%20total%20claims) (дата обращения: 09.03.2023).

⁴⁹ CPR's Fast Track Administered Arbitration Rules. Effective July 1, 2020 // CPR. 2020. URL: <https://drs.cpradr.org/rules/arbitration/fast-track-administered-arbitration-rules> (дата обращения: 13.02.2023).

ускоренного арбитража не должен применяться к конкретному случаю. Перечень факторов, которые арбитражный трибунал учитывает при вынесении этого определения, включает: а) сложность дела; б) стадию разбирательства; в) срочность разрешения спора; г) необходимость эффективности; д) необходимость обеспечения надлежащей правовой процедуры и процессуальной справедливости и др.⁵⁰

В отличие от Регламента AAA Регламент ускоренного арбитража CPR не содержит порогового предела, что означает, что последний может использоваться как для крупных, так и для небольших дел. В Регламенте CPR указывается, что стороны могут выбрать дату между 90 и 180 днями после того, как арбитражный трибунал был сформирован для вынесения арбитражного решения, и что при отсутствии какого-либо такого указания арбитражное решение должно быть вынесено в течение 90 дней после создания трибунала. По просьбе стороны может быть определено, что должны быть назначены три арбитра, и факторами, которые должна учитывать при этом администрация CPR, должны быть юридическая или фактическая сложность дела и общая сумма спора.

Регламент ускоренного арбитража CPR требует раскрытия дополнительной информации с самого начала арбитражной процедуры, включая резюме фактов, подлежащих доказыванию, имена и адреса известных потенциальных свидетелей фактов, а также выявление вопросов, которые могут быть предметом исследования экспертов. Регламент содержит ограничения на «раскрытие доказательств» и предусматривает, что арбитражное решение должно быть кратким.

В 2021 г. корпорация JAMS опубликовала «Всеобъемлющий арбитражный регламент», также закрепив в ст. 16.1 и 16.2 ускоренные арбитражные процедуры⁵¹.

Чрезвычайные арбитражные процедуры (Emergency arbitration)

Стороны все чаще используют чрезвычайные арбитражные процедуры, в соответствии с которыми чрезвычайный арбитр назначается до создания трибунала. Отсутствие процедур досрочного урегулирования споров (чрезвычайных процедур) долгое время было слабым местом международного арбитража. Появление этих процедур является одним из значительных изменений в международной арбитражной процедуре за последнее время.

Как подчеркивал Д. Валлах, «международные арбитражные учреждения начали добавлять в свои правила процедуры чрезвычайного (досрочного) урегулирования споров. Это началось как ручеек в 2006 г., когда ICDR стал первым учреждением, которое добавило правило о чрезвычайных процедурах. Эта тенденция превратилась в наводнение, когда за последние пять лет семь крупных арбитражных учреждений добавили в свои регламенты новые процедуры»⁵². Между процедурами, принятыми отдельными учреждениями, существуют различия, но эти процедуры имеют определенные общие характеристики. Они, как правило, устанавливают высокий стандарт проверки представленных

материалов, который должен быть соблюден для получения скорейшего постановления (решения). Кроме того, процедуры многих учреждений ограничены типами вопросов, которые могут быть подняты, и временем, в течение которого должно быть подано заявление о чрезвычайных процедурах.

По состоянию на 31 декабря 2020 г. стороны возбудили 119 чрезвычайных арбитражных процедур в ICDR и AAA, включая 85 заявлений в соответствии с Международными правилами ICDR и 32 заявления в соответствии с Правилами коммерческого арбитража AAA⁵³.

AAA включила в свой Регламент коммерческого арбитража статью о чрезвычайных мерах защиты в 2013 г. и сохранила эту статью в новой редакции Регламента 2022 г. (R-39. Emergency Measures of Protection)⁵⁴. В п. (b) ст. R-39 указывалось, что сторона, нуждающаяся в чрезвычайной помощи, до формирования состава арбитража должна уведомить AAA и все другие стороны в письменной форме о характере запрашиваемой помощи и причинах, по которым такая помощь требуется в экстренном порядке. В течение одного рабочего дня с момента получения уведомления AAA назначает единоличного чрезвычайного арбитра. Любое оспаривание назначения этого арбитра должно быть подано в течение одного рабочего дня с момента сообщения AAA сторонам о назначении чрезвычайного арбитра. Чрезвычайный арбитр должен в течение двух рабочих дней с момента назначения установить график рассмотрения заявления о чрезвычайной помощи. Если он сочтет, что сторона, ходатайствующая о чрезвычайной помощи, доказала, что отсутствие чрезвычайной помощи приведет к немедленным и непоправимым потерям или ущербу, арбитр может вынести временное постановление или решение. Любое ходатайство об изменении временного постановления или решения должно основываться на изменившихся обстоятельствах и может быть подано чрезвычайному арбитру до тех пор, пока не будет назначен не-чрезвычайный арбитр (арбитр «по существу» спора); после этого такая просьба должна быть адресована арбитру «по существу». Чрезвычайный арбитр не должен иметь дальнейших полномочий действовать после назначения арбитра «по существу», за исключением случаев, когда чрезвычайный арбитр назначен единоличным арбитром «по существу» или членом коллегии арбитров.

Вынесение решения в порядке упрощенного производства (summary adjudication), или диспозитивные ходатайства (dispositive MOTIONS)

Американские авторы отмечали, что наблюдается растущая тенденция к подаче заявлений о вынесении суммарных решений по претензиям или возражениям, явно лишенным обоснованности. Вынесение решения в порядке упрощенного производства предусмотрено и подразумевается во многих обновленных институциональных арбитражных регламентах⁵⁵.

Для некоторых практиков диспозитивная практика подачи ходатайств в арбитраже представляет собой новую концепцию — писала в 2020 г. калифорнийский арбитр Д. Спероу⁵⁶. Тем не менее диспозитивные ходатайства (*dispositive motions*) существуют в арбитраже почти так же долго, как и сам арбитраж.

⁵⁰ См.: *Pettibone P. Op. cit.*

⁵¹ См.: JAMS Comprehensive Arbitration Rules & Procedures // Effective June 1, 2021. URL: <https://www.jamsadr.com/rules-comprehensive-arbitration/#:~:text=Rule%2018.,-Summary%20Disposition%20of&text=The%20Arbitrator%20may%20permit%20any,to%20respond%20to%20the%20request> (дата обращения: 17.02.2023).

⁵² *Wallach D. The Emergence of Early Disposition Procedures in International Arbitration // Arbitration International. Vol. 37. Iss. 4. December 2021. Pp. 835–850. DOI: <https://doi.org/10.1093/arbint/aia034>*

⁵³ См.: AAA-ICDR publishes 2021 caseload statistics.

⁵⁴ См.: Commercial Arbitration Rules and Mediation Procedures, effective September 1, 2022.

⁵⁵ См.: *Schimmel D. et al. Op. cit.*

⁵⁶ См.: *Sperow J. Dispositive Motions in Arbitration: Authority, Rules and Practical Tips // The CPR Institute. Sept., 24, 2020. URL: <https://blog.cpradr.org/2020/09/24/dispositive-motions-in-arbitration-authority-rules-practical-tips/> (дата обращения: 17.02.2023).*

В последнее время арбитры стали свидетелями увеличения числа просьб о разрешении на их подачу, поскольку стороны, имеющие дело с экономическими последствиями пандемии, пытаются разрешить споры более быстро, эффективно и экономично⁵⁷.

Арбитражные правила, применимые к спору, обычно допускают практику диспозитивных ходатайств. Например, в 2011 г. Институт CPR специально разрешил практику диспозитивных ходатайств в арбитраже, когда выпустил свои «Руководящие принципы». Аналогичным образом, первое издание «Администрируемого арбитражного регламента» CPR, опубликованное в 2013 г., действующее ныне в редакции 2019 г., прямо санкционировало диспозитивные ходатайства⁵⁸.

В 2013 г. AAA внесла поправки в свой Регламент коммерческого арбитража, чтобы прямо разрешить подачу диспозитивных ходатайств. Статья R-33 предоставляет арбитру или коллегии арбитров полномочия на удовлетворение диспозитивных ходатайств: арбитр может разрешить подачу диспозитивного ходатайства и вынести решения по нему в том случае, если арбитр определит, что сторона, подающая ходатайство, докажет, что ходатайство, вероятно, будет успешным, и урегулирует или сузит круг вопросов в рассматриваемом деле. Редакция Регламента AAA 2022 г. закрепила эти изменения⁵⁹.

В настоящее время большинство регламентов арбитражных учреждений США включают правило о диспозитивных ходатайствах. Например, ст. 18 Всеобъемлющего арбитражного регламента JAMS2021 г. прямо разрешает их⁶⁰.

Виртуальные слушания (virtual hearings) и цифровые инструменты

Один из ключевых вопросов в международном арбитраже заключается в том, как эффективно управлять временем и затратами; электронный арбитраж предлагает эти преимущества в качестве явного сравнительного преимущества. Удаленный арбитраж устраняет необходимость для сторон перемещаться между странами, что, следовательно, сокращает поездки и расходы. В целом электронный арбитраж сокращает время и затраты, предлагая решения, когда невозможно собрать стороны в одном и том же месте⁶¹.

В ответ на COVID-19 и правительственные медико-санитарные правила многие стороны, арбитражные трибуналы и арбитражные учреждения США предпочли не откладывать разбирательство, а проводить виртуальные слушания (онлайн-слушания). ICDR и AAA провели 14 575 виртуальных слушаний в период с 1 марта 2020 г. по 16 марта 2022 г. В ICDR и AAA количество виртуальных слушаний, проводимых каждый месяц, увеличилось с марта 2020 г. (17 слушаний) по март 2021 г. (782 слушания). Хотя наблюдались различия,

ежемесячное число виртуальных слушаний неизменно оставалось выше 450⁶².

В Нью-Йоркском офисе Арбитражного суда Международной торговой палаты (ICC) около 72% арбитражных разбирательств, проведенных в период с января 2021 г. по март 2022 г., включали виртуальные слушания по существу спора⁶³. Эта тенденция предполагает, что стороны и арбитражные суды будут продолжать использовать виртуальное арбитражное слушание по определенным делам в будущем.

Отражая достижения в области технологий, измененный Регламент коммерческого арбитража и процедуры медиации AAA⁶⁴ теперь разрешает видео-, аудио- или другие электронные методы проведения конференций в дополнение к традиционным личным конференциям для каждого слушания. Это развитие, скорее всего, есть результат успеха конференций AAA в эпоху пандемии.

Однако американские авторы подчеркивали, что выбор места арбитража в связи с проведением онлайн-конференций имеет правовые последствия. Географическое местонахождение разбирательства не может быть определено, когда оно проводится полностью в электронной форме со сторонами в разных местах. Представляется трудным точно определить место арбитражного разбирательства, если между сторонами нет согласия по этому поводу⁶⁵. Тем не менее в деле “Broumand v Joseph” (2021)⁶⁶ Суд Южного округа Нью-Йорка постановил, что, несмотря на COVID, географические границы, установленные Федеральными правилами гражданского судопроизводства (ФПГС), применяются и к процедурам направления арбитражных повесток. Суд в своем решении отметил, что, «чтобы избежать географических ограничений правила 45(с) ФПГС, суд должен будет прийти к выводу, что показания посредством телеконференции каким-то образом “перемещают” судебное разбирательство в физическое местоположение лица, дающего показания”»⁶⁷.

Защита данных и кибербезопасность

Защита данных и кибербезопасность становятся все более актуальными в международном и внутреннем арбитраже США, учитывая широкое использование цифровых инструментов и осведомленность об уязвимостях в системе безопасности. В связи с несколькими нарушениями безопасности, угрожающими целостности арбитражного разбирательства, несколько арбитражных учреждений адаптировали свои правила с учетом соображений безопасности.

Например, в результате опасений по поводу кибербезопасности 21 ноября 2019 г. Международная торговая палата, Ассоциация адвокатов Нью-Йорка и Институт CPR опубликовали совместный «Протокол кибербезопасности для международного арбитража 2020»⁶⁸. В состав Рабочей группы, раз-

⁵⁷ См.: *Sperow J.* Op. cit.

⁵⁸ См.: 2019 Administered Arbitration Rules // CPR. Effective March 1, 2019. URL: <https://drs.cpradr.org/rules/arbitration/administered-arbitration-rules-2019> (дата обращения: 17.02.2023).

⁵⁹ См.: Commercial Arbitration Rules and Mediation Procedures, effective September 1, 2022.

⁶⁰ См.: JAMS Comprehensive Arbitration Rules & Procedures // Effective June 1, 2021. URL: <https://www.jamsadr.com/rules-comprehensive-arbitration/#:~:text=Rule%2018.,-Summary%20Disposition%20of&text=The%20Arbitrator%20may%20permit%20any,to%20respond%20to%20the%20request> (дата обращения: 17.02.2023).

⁶¹ См.: *Giupponi B.* Chapter 3 “Virtual” Dispute Resolution in International Arbitration. Mapping Its Advantages and Main Caveats in the Face of COVID-19 // The Impact of Covid on International Disputes. Pp. 62–83. 28 Oct 2022. DOI: 10.1163/9789004514836_005

⁶² См.: AAA-ICDR publishes 2021 caseload statistics.

⁶³ См.: *Schimmel D. et al.* Op. cit.

⁶⁴ См.: Commercial Arbitration Rules and Mediation Procedures, effective September 1, 2022 // Reed Smith. 2022.

⁶⁵ См.: *Giupponi B.* Op. cit.

⁶⁶ См.: *Broumand v. Joseph*, 522 F. Supp. 3d 8 (S.D.N.Y. 2021) // Casetext. Feb 27, 2021. URL: <https://casetext.com/case/broumand-v-joseph-1> (дата обращения: 08.02.2023).

⁶⁷ *Buckley J.* Op. cit.

⁶⁸ ICCA-NYC Bar-CPR Cybersecurity Protocol for International Arbitration 2020 // New York City Bar Association. URL: <http://documents.nybar.org/files/ICCA-NYC-Bar-CPR-Cybersecurity-Protocol-for-International-Arbitration-Electronic-Version.pdf> (дата обращения: 11.02.2023).

работавшей Протокол, входило большое число американских специалистов-практиков.

Измененный Регламент коммерческого арбитража и процедуры медиации AAA 2022 г.⁶⁹ теперь включает вопросы кибербезопасности, конфиденциальности и защиты данных как часть контрольного списка тем для обсуждения на предварительном слушании (*preliminary hearing*). В частности, измененный Регламент требует, чтобы обсуждение надлежащего уровня безопасности и соблюдения требований в связи с разбирательством в соответствии с AAA проводилось на предварительном слушании (ст. P-2).

Выводы

1. Следует согласиться с доводами американских авторов Д. Шиммель, К. Химореас, С. Янгер, Е. Тревес, Н. Ренцлер, А. Экманиян, К. Фигероа, М. Ван и др., что решение Верховного суда США 2022 г. по делу “ZF Automotive US Inc et al. v. Luxshare Ltd” демонстрирует тенденцию усиления вмешательства суда в практику арбитража.

2. Основные тенденции практики арбитражных учреждений США за 2019–2022 гг. включают в себя: а) ускоренное арбитражное разбирательство; б) чрезвычайный арбитраж; в) упрощенное (суммарное) производство; г) виртуальные слушания и цифровые инструменты; д) защита данных и кибербезопасность.

3. Перечисленные в п. 2 тенденции практики арбитражных учреждений США следует расценивать как положительные и рекомендовать для внедрения в регламенты российских арбитражных учреждений (третейских судов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абесадзе С.А., Андреева Т.К., Ануров В.Н. и др. Международный коммерческий арбитраж: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. – М., 2018 (Библиотека журнала «Третейский суд»). С. 200.
2. Ермакова Е.П. Цифровизация гражданского судопроизводства в США: закрепление процедуры электронного раскрытия доказательств (“e-discovery”) // Государство и право. 2022. № 11. С. 155–164. DOI: 10.31857/S102694520022769-6
3. Ермакова Е.П., Фролова Е.Е. Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве и арбитраже: опыт США и КНР. М., 2021.
4. Константинов А.А. Взаимодействие состава арбитража со сторонами при ускоренном порядке разрешения споров в международном коммерческом арбитраже // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 7. С. 41–45. DOI: 10.18572/1812-383X-2021-7-41-45
5. Ситкарева Е.В. Проблемы использования арбитража в групповых исках при разрешении финансовых споров в США // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. памяти проф. В.К. Пучинского, Москва, 12 октября 2018 года. РУДН. М., 2018. С. 331–339.
6. Allied-Bruce Terminix Cos, Inc v. Dobson, 513 US265, 281 (1995) // Casetext. URL: <https://casetext.com/case/allied-bruce-terminix-v-dobson/analysis?citingPage=1&sort=relevance> (дата обращения: 09.02.2023).
7. Born G. International Commercial Arbitration. 3rd ed. Kluwer Law International, 2021. Pp. 1217–1287.

⁶⁹ См.: Commercial Arbitration Rules and Mediation Procedures, effective September 1, 2022 // Reed Smith. 2022.

8. Buckley J. International Arbitration 2022: USA // Chambers and Partners. August 16, 2022. URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/international-arbitration-2022/usa> (дата обращения: 08.02.2023).
9. Carter J. et al. The International Arbitration Review: USA // Law Business Research. 14 July 2022. URL: <https://thelawreviews.co.uk/title/the-international-arbitration-review/usa> (дата обращения: 08.02.2023).
10. Garden C. Courts may not “make up” new procedural rules to favor arbitration // SCOTUSblog. May. 24, 2022. URL: <https://www.scotusblog.com/2022/05/courts-may-not-make-up-new-procedural-rules-to-favor-arbitration/> (дата обращения: 10.02.2023).
11. Giupponi B. Chapter 3 “Virtual” Dispute Resolution in International Arbitration. Mapping Its Advantages and Main Caveats in the Face of COVID-19 // The Impact of Covid on International Disputes. Pp. 62–83. 28 Oct 2022. DOI: 10.1163/9789004514836_005
12. Khan C., Wilson W. The AAA Revises its Commercial Arbitration Rules and Mediation Procedures // JD Supra, LLC. URL: <https://www.jd-supra.com/legalnews/the-aaa-revises-its-commercial-2759753/> (дата обращения: 12.02.2023).
13. Mimoso M. Accelerated Arbitration: An Expedited Method of Resolving Disputes // Experientiam et Progressionem in Comparative and International Law. ADJURIS – International Academic Publisher. 2022. Pp. 55–66. URL: <http://repositorio.uportu.pt:8080/bitstream/11328/4409/1/pp.55-66.pdf> или <http://www.adjuris.ro/reviste/epc/Jin,%20Papa%20Tache.pdf> (дата обращения: 13.02.2023).
14. Pettibone P. Due Process Considerations in Expedited Arbitrations // Indian Journal of Arbitration Law (IJAL). 2021. Vol. 10. Iss. 1. Pp. 175–183. URL: <https://praguerules.com/upload/iblock/8ce/8ce50c3911b16c96faafcccd8bacbc4a.pdf> (дата обращения: 13.02.2023).
15. Schimmel D. et al. Arbitration Procedures and Practice in the United States: Overview // Thomson Reuters. 1 July 2022. URL: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/0-502-1714?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/0-502-1714?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true) (дата обращения: 10.02.2023).
16. Sperow J. Dispositive Motions in Arbitration: Authority, Rules and Practical Tips // The CPR Institute. Sept. 24, 2020. URL: <https://blog.cpradr.org/2020/09/24/dispositive-motions-in-arbitration-authority-rules-practical-tips/> (дата обращения: 17.02.2023).
17. Wallach D. The Emergence of Early Disposition Procedures in International Arbitration // Arbitration International. Vol. 37. Iss. 4. December 2021. Pp. 835–850. DOI: <https://doi.org/10.1093/arbint/aiab034>
18. Wang M. Justices curtail ability to get discovery in U.S. court for use in international arbitrations // SCOTUSblog. Jun. 17, 2022. URL: <https://www.scotusblog.com/2022/06/justices-curtail-ability-to-get-discovery-in-u-s-court-for-use-in-international-arbitrations/> (дата обращения: 08.02.2023).

REFERENCES

1. Abesadze S.A., Andreeva T.K., Anurov V.N. [et al.]. International Commercial Arbitration: textbook. 2nd ed., rev. and supplemented. SPb. – M., 2018. Pp. 41–45 (Library of the journal “Arbitration Court”) (in Russ.).
2. Ermakova E.P. Digitalization of civil proceedings in the USA: consolidation of the procedure for electronic disclosure of evidence (“e-discovery”) // State and Law. 2022. No. 11. Pp. 155–164. DOI: 10.31857/S102694520022769-6 (in Russ.).
3. Ermakova E.P., Frolova E.E. Artificial intelligence in civil proceedings and arbitration: the experience of the USA and CHINA. M., 2021 (in Russ.).

4. *Konstantinov A.A.* Interaction of the arbitral tribunal with the parties in the accelerated procedure for dispute resolution in international commercial arbitration // *Arbitration and Civil Procedure*. 2021. No. 7. Pp. 41–45. DOI: 10.18572/1812-383X-2021-7-41-45 (in Russ).
5. *Sitkareva E.V.* Problems of using arbitration in class actions in resolving financial disputes in the United States // *Comparative legal aspects of civil relations in the modern world: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference in memory of Professor V.K. Puchinsky*, Moscow, October 12, 2018. RUDN. M., 2018. Pp. 331–339 (in Russ).
6. *Allied-Bruce Terminix Cos, Inc v. Dobson*, 513 US265, 281 (1995) // *Casetext*. URL: <https://casetext.com/case/allied-bruce-terminix-v-dobson/analysis?citingPage=1&sort=relevance> (accessed: 09.02.2023).
7. *Born G.* *International Commercial Arbitration*. 3rd ed. Kluwer Law International, 2021. Pp. 1217–1287.
8. *Buckley J.* *International Arbitration 2022: USA* // *Chambers and Partners*. August 16, 2022. URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/international-arbitration-2022/usa> (accessed: 08.02.2023).
9. *Carter J. et al.* *The International Arbitration Review: USA* // *Law Business Research*. 14 July 2022. URL: <https://thelawreviews.co.uk/title/the-international-arbitration-review/usa> (accessed: 08.02.2023).
10. *Garden C.* Courts may not “make up” new procedural rules to favor arbitration // *SCOTUSblog*. May. 24, 2022. URL: <https://www.scotusblog.com/2022/05/courts-may-not-make-up-new-procedural-rules-to-favor-arbitration/> (accessed: 10.02.2023).
11. *Giupponi B.* Chapter 3 “Virtual” Dispute Resolution in International Arbitration. Mapping Its Advantages and Main Caveats in the Face of COVID-19 // *The Impact of Covid on International Disputes*. Pp. 62–83. 28 Oct 2022. DOI: 10.1163/9789004514836_005
12. *Khan C., Wilson W.* The AAA Revises its Commercial Arbitration Rules and Mediation Procedures // *JD Supra, LLC*. URL: <https://www.jd-supra.com/legalnews/the-aaa-revises-its-commercial-2759753/> (accessed: 12.02.2023).
13. *Mimoso M.* Accelerated Arbitration: An Expedited Method of Resolving Disputes // *Experientiam et Progressionem in Comparative and International Law*. ADJURIS – International Academic Publisher. 2022. Pp. 55–66. URL: <http://repositorio.uportu.pt:8080/bitstream/11328/4409/1/pp.55-66.pdf> or <http://www.adjuris.ro/reviste/epc/Jin,%20Popa%20Tache.pdf> (accessed: 13.02.2023).
14. *Pettibone P.* Due Process Considerations in Expedited Arbitrations // *Indian Journal of Arbitration Law (IJAL)*. 2021. Vol. 10. Iss. 1. Pp. 175–183. URL: <https://praguerules.com/upload/iblock/8ce/8ce50c3911b16c96faafcccd8babc4a.pdf> (accessed: 13.02.2023).
15. *Schimmel D. et al.* *Arbitration Procedures and Practice in the United States: Overview* // *Thomson Reuters*. 1 July 2022. URL: [https://uk.practallaw.thomsonreuters.com/0-502-1714?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true](https://uk.practallaw.thomsonreuters.com/0-502-1714?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true) (accessed: 10.02.2023).
16. *Sperow J.* Dispositive Motions in Arbitration: Authority, Rules and Practical Tips // *The CPR Institute*. Sept. 24, 2020. URL: <https://blog.cpradr.org/2020/09/24/dispositive-motions-in-arbitration-authority-rules-practical-tips/> (accessed: 17.02.2023).
17. *Wallach D.* The Emergence of Early Disposition Procedures in International Arbitration // *Arbitration International*. Vol. 37. Iss. 4. December 2021. Pp. 835–850. DOI: <https://doi.org/10.1093/arbint/aiab034>
18. *Wang M.* Justices curtail ability to get discovery in U.S. court for use in international arbitrations // *SCOTUSblog*. Jun. 17, 2022. URL: <https://www.scotusblog.com/2022/06/justices-curtail-ability-to-get-discovery-in-u-s-court-for-use-in-international-arbitrations/> (accessed: 08.02.2023).

Сведения об авторе

ЕРМАКОВА Елена Петровна —
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
и процесса и международного частного права
Российского университета дружбы народов
им. Патриса Лумумбы; 117198 г. Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д. 6
ORCID: 0000-0001-5722-3641
Scopus ID: 57194130098

Authors' information

ERMAKOVA Elena P. —
PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Civil Law
and Procedural Law and Private International Law,
Law Institute, Patrice Lumumba Peoples'
Friendship University of Russia;
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

УДК 341.64

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗРЕШЕНИЯ ЦИФРОВЫХ СПОРОВ ПОСРЕДСТВОМ АРБИТРАЖА В АНГЛИИ И УЭЛЬСЕ

© 2024 г. Е. П. Русакова*, Е. Е. Фролова**

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва

* E-mail: rusakova-ep@rudn.ru

** E-mail: frolova-ee@rudn.ru

Поступила в редакцию 02.11.2023 г.

Аннотация. Интенсивный рост цифровой экономики создал предпосылки появления нового механизма коммуницирования сквозь преграды времени и границы, что повлияло на все сферы жизнедеятельности общества, в т.ч. на область разрешения споров. Появление совершенно новых объектов гражданских прав в метавселенной требует от законодателя выработки правовой основы их функционирования. Необходимость создания специальных механизмов разрешения, так называемых цифровых споров, назрела уже давно, причем их правовая природа может быть совершенно разной, как связанной с активным интегрированием информационно-коммуникационных технических средств, так и нет, возникающих в области финансов, торговли, интеллектуальной собственности. Совершенно очевидно, что основными особенностями таких общественных отношений является то, что их возникновение никак не зависит от времени и границ. Таким образом, способ разрешения цифровых споров должен соответствовать этим специфическим чертам.

Зарубежный опыт разрешения цифровых споров указывает на то, что нет такой реальности, в которой можно было их избежать. Даже хорошо созданный смарт-контракт на блокчейне не дает гарантии отсутствия возникновения спорных ситуаций. Здесь возникает проблема выбора адекватного способа разрешения таких споров, который бы соответствовал необходимым условиям, а именно обязательности и исполнимости, и, что самое главное, соответствовал специфическим чертам.

Мировое сообщество в области разрешения цифровых споров предпочло выбрать в качестве основы арбитраж как наиболее распространенный, гибкий, независимый и быстрый способ разрешения споров. Широкое распространение получило включение в смарт-контракты арбитражной оговорки и принятие различных правил разрешения цифровых споров. Однако и здесь возникают правовые коллизии и пробелы регулирования цифровых прав, что требует выработки единого унифицированного подхода и имплементации его в национальное законодательство. Кроме того, внутренняя регламентация процедуры разрешения споров в блокчейне также создает ряд нерешенных вопросов.

Одним из наиболее развитых правопорядков в области разрешения цифровых споров традиционно являются Англия и Уэльс. За последние несколько лет был осуществлен ряд правовых инициатив, оказавших существенное влияние на развитие данной области, а также реформирование арбитражного законодательства создало все предпосылки для выработки наиболее благоприятных условий сторонам цифрового спора передать спор на рассмотрение английскому арбитражу в соответствии с правом Англии и Уэльса.

Ключевые слова: арбитраж, ончейн-арбитраж, блокчейн, разрешение цифровых споров, закон, смарт-контракты, смарт юридические контракты, гибридный арбитраж, Англия и Уэльс.

Цитирование: Русакова Е.П., Фролова Е.Е. Об эффективности разрешения цифровых споров посредством арбитража в Англии и Уэльсе // Государство и право. 2024. № 1. С. 179–187.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00157, <https://rscf.ru/project/23-28-00157/>

DOI: 10.31857/S1026945224010172

ON THE EFFECTIVENESS OF DIGITAL DISPUTE RESOLUTION THROUGH ARBITRATION IN ENGLAND AND WALES

© 2024 E. P. Rusakova*, E. E. Frolova**

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

* E-mail: rusakova-ep@rudn.ru

** E-mail: frolova-ee@rudn.ru

Received 02.11.2023

Abstract. The intensive growth of the digital economy has created the prerequisites for the emergence of a new mechanism of communication through the barriers of time and borders, which has affected all areas of society, including the area of dispute resolution. The emergence of completely new objects of civil rights in the metaverse requires the legislator to develop a legal basis for their functioning. The need to create special mechanisms for resolving so-called digital disputes has been overdue for a long time, and their legal nature can be completely different, both related to the active integration of information and communication technology, and not arising in the field of finance, trade, intellectual property. It is quite obvious that the main features of such social relations are that their occurrence does not depend on time and boundaries. Thus, the way to resolve digital disputes should correspond to these specific features.

Foreign experience in resolving digital disputes indicates, that there is no reality in which they could be avoided. Even a well-created smart contract on the blockchain does not guarantee the absence of controversial situations. Here the problem arises of choosing an adequate way to resolve such disputes, which would meet the necessary conditions, namely, binding and enforceability, and most importantly, correspond to specific features.

The global community in the field of digital dispute resolution has chosen arbitration as the basis as the most common, flexible, independent and fast way to resolve disputes. The inclusion of an arbitration clause in smart contracts and the adoption of various rules for resolving digital disputes has become widespread. However even here there are legal conflicts and gaps in the regulation of digital rights, which requires the development of a single unified approach and its implementation into national legislation. In addition, the internal regulation of the dispute resolution procedure in the blockchain also creates a number of unresolved issues.

One of the most developed legal systems in the field of digital dispute resolution is traditionally England and Wales. Over the past few years, a number of by-laws have been adopted that have had a significant impact on the development of this area, as well as the reform of arbitration legislation have created all the prerequisites for creating the most favorable conditions for the parties to a digital dispute to submit the dispute to English arbitration and in accordance with the law of England and Wales.

Key words: arbitration, on-chain arbitration, blockchain, digital dispute resolution, law, smart contracts, smart legal contracts, hybrid arbitration, England and Wales.

For citation: Rusakova, E. P., Frolova E. E. (2024). On the effectiveness of digital dispute resolution through arbitration in England and Wales // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 179–187.

The study is funded by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00157, <https://rscf.ru/project/23-28-00157/>

Юридическая рабочая группа Великобритании в 2021 г. разработала «Правила разрешения цифровых споров», связанных с криптоактивами, криптовалютой, смарт-контрактами, технологией распределенного реестра и финтех-приложениями в соответствии с законодательством Англии и Уэльса¹.

Данные правила включают в себя новые для практики разрешения споров термины: цифровой актив, автоматический процесс разрешения спора, необязательная анонимность участников процесса и др. Для применения этих

правил на практике в договор, цифровой актив (криптоактив, цифровой токен, смарт-контракт или другой носитель цифрового актива) или систему цифровых активов (цифровая среда и платформа, в которой содержится цифровой актив) должно быть включено условие о том, что любой спор должен быть разрешен в соответствии с «Правилами разрешения цифровых споров» ("UK JT Digital Dispute Resolution Rules")² (далее – Правила). Следует отметить, что стороны могут включать и другие условия, касающиеся процедуры разрешения цифровых споров, в т.ч. сроков, расходов, квалификации арбитров или экспертов,

¹ См.: Digital Dispute Resolution Rules: Challenging awards under the Arbitration Act 1996. URL: <https://www.scl.org/articles/12544-digital-dispute-resolution-rules-challenging-awards-under-the-arbitration-act-1996> (дата обращения: 10.10.2023).

² См.: Digital Dispute Resolution Rules UK Jurisdiction Taskforce. URL: <https://perma.cc/FT6E-CUD3> (дата обращения: 10.10.2023).

анонимности; что точно нельзя изменить, так это место проведения данной процедуры — Англия и Уэльс.

Данные правила регламентируют процедуру проведения арбитража, но только в том случае, если данный спор не был предметом автоматического разрешения спора. Под автоматическим процессом подразумевается процедура разрешения спора между сторонами путем автоматического выбора лица, группы лиц или технологии искусственного интеллекта, чьи голоса или решение исполняются непосредственно в системе цифровых активов (включая осуществление различных операций, изменение, отмену, создание или передачу цифровых активов).

Начало разбирательства начинается с отправки истцом претензии ответчику, в которой должна содержаться следующая информация: идентификационные данные истца, электронные контактные данные сторон, краткое содержание претензии, выбор средства правовой защиты, краткое объяснение основания применения данных правил к спору, предложение по оплате или обеспечению гонораров и иные материалы, имеющие отношение к иску, включая подтверждающие документы, цифровые материалы, показания свидетелей и любые предложения по проведению процедуры разрешения спора.

Ответчик, после получения претензии, должен в течение трех дней направить первоначальный ответ на иск истцу, соответчикам и назначающему органу, в котором должны содержаться идентификационные и электронные контактные данные ответчика, комментарии к иску, предложения к процедуре и оплате услуг органа, разрешающего спор, и арбитражного суда, а также приложить другие материалы.

Назначающий орган обязан сформировать состав арбитража или выбрать кандидатуры экспертов в кратчайшие сроки после получения первоначальных ответов сторон. В процессе данного выбора необходимо учитывать любые предпочтения, указанные или согласованные сторонами в отношении количества, личности или квалификации данных кандидатур, причем периодически назначающий орган может публиковать краткую статистику таких назначений и предмет возникающих споров.

Касаемо процедуры, трибунал имеет приоритетное право определять, какая процедура должна быть применена для разрешения спора с учетом справедливого и беспристрастного отношения к сторонам, предоставив каждой стороне право изложить свою позицию и ознакомиться с доводами противоположной стороны. Выбор процедуры должен обеспечить ее экономность и быстроту, в т.ч. за счет применения различных технологий. Проведение устных слушаний не предусматривается Правилами, более того, трибунал может вынести решение на основе представленных письменных доказательств и ответов сторон. Форма и процедура представления доказательств также определяются трибуналом, причем приоритет отдается электронному виду. Такой подход значительно сокращает сроки рассмотрения дела, хотя Правилами установлен 30-дневный срок с момента формирования трибунала, но он может быть значительно сокращен по соглашению сторон.

Помимо процедуры арбитража в правилах закреплены еще одна процедура разрешения споров, но она больше подходит для решения конкретного фактического вопроса: это экспертное заключение. Особое значение данная процедура имеет для разрешения цифровых споров, т.к. требуется зачастую быстрая оценка или установление определенного факта. Кроме того, стороны могут сами договориться,

когда и как будет применяться процедура экспертного заключения.

Особенностью осуществления процедуры разрешения споров, связанных с цифровыми активами, является то, что трибунал полномочен осуществлять контроль и изменение цифровых прав сторон процесса путем использования цифровой подписи, криптографического ключа, пароля, а также предписывать стороне спора осуществить аналогичные действия. Таким образом, большинство вопросов, связанных с исполнением решения трибунала, урегулированы самой процедурой. Все акты трибунала должны быть составлены в письменной форме (электронной) и подписаны, в т.ч. цифровой подписью или криптографическим ключом.

Правила закрепляют принцип ограниченной анонимности, согласно которому стороны спора могут участвовать в процессе анонимно, в т.ч. это касается всех предоставляемых процессуальных документов, а трибунал, в свою очередь, не должен раскрывать их идентификационные данные, за исключением случаев, когда раскрытие необходимо для справедливого разрешения спора и обеспечения исполнимости актов трибунала, а также арбитражного решения, причем как для защиты собственных интересов трибунала, так и в соответствии с положениями закона или постановлением и распоряжением суда. Кроме того, если арбитражное решение имеет, по мнению трибунала, общественное значение, то с согласия сторон оно может быть опубликовано в анонимной форме.

Трибуналы, назначенные для рассмотрения различных споров, посредством арбитража могут объединиться в объединенный или консолидированный состав при наличии их согласия, чтобы разрешить дела.

Согласно Правилам применимым правом к существу спора является законодательство Англии и Уэльса, если стороны не договорились об ином. Решение или постановление трибунала является окончательным и обязательным для сторон, а также не подлежит обжалованию или оспариванию, за исключением положений, закрепленных в Законе об арбитраже 1996 г.

Как следствие, английские юристы обращают внимание на ст. 67, 68 данного Закона, закрепляющие основания для оспаривания арбитражных решений, требующих изменений, связанных со спецификой рассмотрения цифровых споров.

Так, ст. 67 Закона об арбитраже устанавливает материально-правовые основания, связанные с компетенцией, для оспаривания арбитражного решения, а ст. 68 закрепляет в качестве основания для оспаривания решения процессуально-правовые аспекты — серьезное нарушение: процедуры рассмотрения спора трибуналом, формирования состава трибунала или порядка вынесения решения³.

В ст. 67 Закона содержатся положения, касающиеся оспаривания арбитражного решения на основании наличия компетенции у трибунала рассматривать данный спор. Так, сторона арбитражного разбирательства может (после уведомления других сторон и трибунала) обратиться в суд для оспаривания арбитражного решения на основании проверки компетенции трибунала либо оспаривать арбитражное решение полностью или частично, как не имеющее юридической силы, на основании отсутствия компетенции у трибунала.

³ См.: United Kingdom GB437. Arbitration Act 1996 (Chapter 23, updated up to January 27, 2021). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/581448> (дата обращения: 10.10.2023).

Суд на основании поданного заявления, оспаривающего арбитражное решение по вопросу проверки компетенции трибунала, может вынести постановление следующего содержания: 1) подтвердить решение; 2) изменить решение; 3) отменить решение полностью или частично.

Таким образом, ст. 67 Закона закрепляет право стороны не участвовать в арбитражном разбирательстве и обратиться в суд с заявлением: 1) об оспаривании компетенции трибунала; 2) об оспаривании арбитражного решения, причем оспорить решение можно и на стадии его исполнения. Поэтому данная статья у многих английских ученых вызывает беспокойство, т.к. это может привести к тому, что арбитраж станет генеральной репетицией, а суд основным мероприятием; суд вновь рассмотрит дело с самого начала (т.е. путем повторного рассмотрения дела)⁴.

Закон об арбитраже в ст. 68 закрепляет основания так называемого серьезного нарушения, под которым понимается наличие одного или нескольких нарушений, которое привело или приведет к существенной несправедливости по отношению к заявителю, а именно: несоблюдение трибуналом общих обязанностей; превышение полномочий трибуналом (рассмотрение спора вне своей компетенции); неспособность трибунала провести разбирательство в соответствии с процедурой, согласованной сторонами; неспособность трибунала рассмотреть все вопросы, которые были перед ним поставлены; арбитражное учреждение или любое другое лицо, рассматривающее спор, превысило свои полномочия в отношении процедуры или решения; неопределенность или двусмысленность в отношении последствий арбитражного решения; арбитражное решение получено мошенническим путем или противоречит публичному порядку; не соблюдена форма арбитражного решения и иные нарушения процедуры разрешения спора или арбитражного решения.

В случае выявления судом вышеуказанных обстоятельств суд вправе: а) передать арбитражное решение трибуналу, полностью или частично, для повторного рассмотрения; б) отменить арбитражное решение полностью или частично или в) объявить арбитражное решение недействительным полностью или частично.

Английский юрист Джонатан Шаффер-Годдард обращает внимание на противоречие положений Правил разрешения цифровых споров нормам Закона об арбитраже 1996 г., связанным с принудительным исполнением арбитражных решений судом; анонимностью между сторонами; «автоматическим разрешением споров», являющимся юридически обязательным для сторон⁵.

Нельзя не согласиться с опасениями, вызванными возможностью внесения изменений в цифровые активы (управлять, изменять, подписывать или аннулировать любой цифровой актив, имеющий отношение к спору), еще в процессе разрешения спора, что может привести к тому, что принудительное исполнение решения трибунала может быть осуществлено еще до момента вынесения арбитражного

решения⁶. Такой подход нарушает процедуру разрешения спора арбитражем, а также делает невозможным приостановление процедуры исполнения арбитражного решения даже при наличии серьезных оснований и обеспечения исковых требований. Кроме того, такое изменение цифровых прав нарушает основополагающие принципы процесса, а именно — состязательности, диспозитивности, окончательности и обязательности арбитражного решения и др. Так, стороны вправе в процессе разрешения спора пользоваться всеми процессуальными правами для того, чтобы предоставить аргументы и подтвердить свои требования с целью получения справедливого арбитражного решения, поэтому положения ст. 11 Правил коренным образом изменяют парадигму разрешения споров и исполнения решений.

Следует обратить внимание еще на одну особенность процедуры разрешения цифровых споров — ограниченная анонимность сторон процесса. Несмотря на закрепление данного положения в Правилах, сторонам необходимо учитывать это как основание для возможного оспаривания такого решения как противоречащего положениям Закона об арбитраже, так как, согласно положениям Закона, термин ограниченной анонимности нигде не встречается, кроме Правил. И здесь возникает вопрос: нарушается ли порядок разрешения спора?

Еще одной особенностью Правил является возможность автоматического разрешения споров, решение которого имеет обязательную силу для сторон. На практике чаще всего речь идет о смарт-контракте, в алгоритме которого уже закреплен механизм разрешения спора. В таком случае распространенной ситуацией будет обращение сторон к арбитражной процедуре с целью подтверждения решения, полученного в процессе автоматического разрешения спора, для завершения данной процедуры в форме получения арбитражного решения, что также поставит под сомнение соответствие данной процедуры ст. 67 и 68 Закона об арбитраже⁷.

Кроме того, как подчеркивает Джонатан Шаффер-Годдард, продолжает сохраняться неопределенность при определении юрисдикции или в случае коллизии законов по спорам о распределенных реестрах, а также остается неясным, каким образом будут исполняться такие решения в странах — участницах Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г.⁸

Основной задачей разработчиков Правил является создание механизма разрешения споров, который максимально бы обладал гибкой процедурой, адаптированной для интегрирования в нее современных технологий, а также обеспечение исполнимости таких решений не только на территории Англии и Уэльса, но и во всем мире, поэтому арбитраж как альтернативный способ разрешения споров был взят за основу для реализации данной задачи.

По мнению юриста Дерика Йео, традиционный арбитраж все чаще включает в свою деятельность современные технологии, поэтому различие между онлайн-арбитражем и арбитражем становится менее очевидным.

⁴ См.: Amendments to the Arbitration Act 1996? A look at the law commission's review. URL: <https://www.stevens-bolton.com/site/insights/articles/amendments-to-arbitration-act-1996-the-law-commissions-review> (дата обращения: 10.10.2023).

⁵ См.: Digital Dispute Resolution Rules: Challenging awards under the Arbitration Act 1996. URL: <https://www.scl.org/articles/12544-digital-dispute-resolution-rules-challenging-awards-under-the-arbitration-act-1996> (дата обращения: 10.10.2023).

⁶ См.: Rusakova E.P., Frolova E.E. Digital disputes in the new legal reality // RUDN Journal of Law. 2022. Vol. 26. No. 3. Pp. 695–704. DOI: 10.22363/2313-2337-2022-26-3-695-704

⁷ См.: Digital Dispute Resolution Rules: Challenging awards under the Arbitration Act 1996. URL: <https://www.scl.org/articles/12544-digital-dispute-resolution-rules-challenging-awards-under-the-arbitration-act-1996> (дата обращения: 10.10.2023).

⁸ См.: ibid.

Таким образом, благодаря усовершенствованным технологиям и автоматизации процесса менее важные действия будут выполняться онлайн-службами разрешения споров, а решение сложных задач, связанных с разрешением спора, будут выполнять арбитры⁹.

Согласно Правилам разрешения цифровых споров все положения, закрепленные в них, применяются с учетом Закона об арбитраже, дополняя и уточняя данную процедуру. Необходимо отметить, что Англия и Уэльс всегда были проарбитражной юрисдикцией, поэтому наделение арбитража компетенцией разрешать цифровые споры является закономерным. Исходя из процедуры рассмотрения спора, в арбитраже можно выделить ряд преимуществ по сравнению с другими способами разрешения цифровых споров: гибкость, быстрота, возможность выбора арбитра(ов), высококвалифицированных в определенной области, но, что самое главное, — это возможность принудительного исполнения арбитражного решения в других странах — участниках Нью-Йоркской конвенции.

Разработчики Правил также решили вопрос, связанный с проблемой определения применимого права в цифровых спорах, в которых весьма-сложно определить, закон какого государства должен применяться в конкретном случае, указывая на применение английского права. Следует отметить, что в Англии и Уэльсе достаточно развито законодательство в данной области, а также судебная практика. Одним из амбициозных документов, регулирующих вопросы, связанные с определением цифровых активов, стал документ, разработанный юридической комиссией Англии и Уэльса под названием «Смарт-юридические контракты: рекомендации Правительству», опубликованный в 2021 г.

В данных рекомендациях дается определение смарт-контракта, определены формы и особенности заключения данных контрактов, установлен порядок их формирования, толкование, средства правовой защиты, определены механизмы защиты прав потребителей в смарт-контрактах, а также решены юрисдикционные вопросы.

Новые конструкции договоров (таких как смарт-контракт) заставляют стороны задуматься о механизме разрешения спора, т.к. их самоисполняемость не гарантирует их бесспорность. Многие пользователи стремятся избежать обращения к судебному и арбитражному способу защиты прав, делая упор на внутренние механизмы разрешения споров, что приводит к появлению новых способов онлайн-разрешения споров. Однако на практике возникают вопросы: как эти решения будут исполняться и признаваться за рубежом? Поэтому арбитраж как альтернатива государственному способу разрешения споров является наиболее привлекательным.

Несмотря на предпринятые шаги, еще остается достаточно большой массив нерешенных вопросов. Так, только в сентябре 2023 г. закончилась работа Юридической комиссии по реформированию Закона об арбитраже 1996 г.¹⁰ Многие юристы ожидали прогрессивных изменений данного Закона, особенно это касалось положений, связанных

с интегрированием информационно-коммуникационных технологий в процесс разрешения споров, однако комиссия посчитала иначе, отдав этот вопрос на усмотрение самих арбитражных учреждений и лиц, осуществляющих данную процедуру.

Одним из вопросов, который был исследован в рамках реформы, стал принцип конфиденциальности в арбитраже, согласно которому стороны арбитража могут сами определить уровень конфиденциальности в своих взаимоотношениях, что обеспечивается законодательством Англии и Уэльса. Однако существуют исключения из данного правила, которые установлены законодательством, прецедентным правом, а также некоторые изъятия содержатся в самих регламентах арбитражных учреждений, причем этот список не является исчерпывающим. Например, в инвестиционном арбитраже, в котором стороной выступает государство, преобладает принцип прозрачности, а не конфиденциальности. В целом комиссия посчитала, что нынешний подход следует оставить без изменений.

Данное мнение комиссии поддерживает большинство английских юристов, которые считают, что Закон об арбитраже не должен включать отдельное положение, касающееся конфиденциальности, т.к. это обеспечивается судами.

Внимание комиссии привлекла ст. 67 Закона, касающаяся оспаривания компетенции арбитражных учреждений, учреждений и лиц, рассматривающих спор посредством арбитража. Проблема заключается в том, что на практике возникает ситуация, когда сторона, не желающая, чтобы спор был рассмотрен в арбитраже, обращается в суд, чтобы оспорить его компетенцию и не исполнять арбитражное решение. Здесь возникает вопрос: сторона оспаривает компетенцию или само арбитражное решение? В этом случае спор будет рассмотрен повторно. Юридическая рабочая группа предлагает исключить эту возможность, чтобы, если сторона участвует в арбитраже, а затем оспаривает компетенцию в соответствии со ст. 67, суд рассматривал это заявление в рамках процедуры апелляции, а не повторного рассмотрения. Поэтому предлагается заменить п/п. 3 ст. 67: «(3) По заявлению стороны, в соответствии с настоящей статьей, суд может постановлением — (а) утвердить арбитражное решение, (б) изменить арбитражное решение, (в) передать арбитражное решение трибуналу полностью или частично на повторное рассмотрение, (г) отменить решение полностью или частично, или (д) признать арбитражное решение недействительным полностью или в части»¹¹.

Однако суд не должен использовать свои полномочия по отмене или признанию недействительным арбитражного решения полностью или в части, за исключением случаев, когда суд посчитает, что передавать дело в трибунал на повторное рассмотрение нецелесообразно.

Сэм Браун, старший юрист компании Clifford Chance LLP, объясняет, что вопросы, связанные с определением юрисдикции и выбора суда по спорам, связанным с криптоактивами и смарт-контрактами, изначально затруднено. Так как речь идет о нематериальных активах, которые существуют в виде записей в децентрализованных сетях с точками соприкосновения в нескольких юрисдикциях, стороны таких сделок часто друг другу неизвестны и определить их принадлежность определенной юрисдикции невозможно. Отчасти данную проблему решают соглашения сторон о выборе применимого права и юрисдикции, где такие споры должны быть рассмотрены. Английские

⁹ См.: Yeoh D. Is online dispute resolution the future of alternative dispute resolution? Kluwer arbitration blog. URL: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2018/03/29/online-dispute-resolution-future-alternative-dispute-resolution/> (дата обращения: 10.10.2023).

¹⁰ См.: Review of the Arbitration Act 1996: Final report and Bill. URL: <https://s3-eu-west-2.amazonaws.com/lawcom-prod-storage-11jsxou24uy7q/uploads/2023/09/Arbitration-final-report-with-cover.pdf> (дата обращения: 19.09.2023).

¹¹ Ibid.

суды исходят из коллизионной привязки *Lex situs*, а в отношении нематериального актива она толкуется как закон места жительства владельца (Дело *Tulip Trading nрotiuв Bitcoin*, 2022)¹². Совершенно очевидно, что в разных государствах может применяться иной подход к определению юрисдикции в таких спорах, поэтому очень важно выработать единый, унифицированный подход.

Несмотря на преимущества арбитражного способа защиты прав (гибкость процедуры, выбор арбитра (специализирующегося в конкретной области), конфиденциальность и исполнимость арбитражных решений), он не всегда применим к смарт-контрактам и криптоактивам, т.к. отсутствует возможность заключения арбитражного соглашения между сторонами, а это — одно из важнейших условий передачи спора на рассмотрение в арбитраж.

Обращаясь к английскому праву, вопросы о юрисдикции споров, возникающих из смарт-контрактов, урегулированы ранее упоминавшимся актом «Смарт-юридические контракты: рекомендации Правительству».

При отсутствии соглашения о юрисдикции между сторонами суд Англии и Уэльса может обладать юрисдикцией для вынесения решения по спору из смарт-контракта, если: 1) бланк иска был вручен ответчику во время его физического присутствия в Англии и Уэльсе; 2) суд дает разрешение на подачу искового заявления ответчику, который физически не присутствует в Англии и Уэльсе, поскольку имеется веское доказательство, что иск подпадает под действие одного или нескольких юрисдикционных правил, изложенных в п. 3.1 Практического руководства Правил гражданского судопроизводства 1998 г., и существует вероятность того, что иск подпадает под действие одного или нескольких юрисдикционных правил, требующих рассмотрения в связи с важностью дела; или 3) ответчик подчиняется юрисдикции суда.

Кроме того, закрепляется правило, что даже если спор подпадает под юрисдикцию Англии и Уэльса, но, по мнению суда, спор может быть разрешен судом другой правовой системы, то он не обладает юрисдикцией его рассматривать. Основопологающим принципом в этой ситуации является обязанность суда определить суд, в котором дело будет надлежащим образом разрешено в интересах сторон и отправления правосудия¹³.

На практике юрисдикция может зависеть от места нахождения или места жительства договаривающейся стороны, а также от места и способа формирования смарт-контракта, при наличии возможности идентифицировать ответчика. Однако в большинстве случаев стороны не смогут друг друга идентифицировать из-за широкого распространения псевдонимизации в некоторых технологических системах. Псевдонимизация — один из способов хранения личной информации, согласно Общему регламенту по защите данных Европейского союза.

Основание для определения юрисдикции, связанное с вручением иска ответчику, когда он находился на территории Англии и Уэльса, также является мало реалистичным для смарт-контракта; фактически, по мнению

Юридической комиссии, это основание — препятствие для обращения в суд вообще. Интерес представляет основание для определения юрисдикции, связанное с обстоятельствами, при которых заключается смарт-контракт. По общему правилу речь идет о том, что смарт-контракт должен быть заключен на территории Англии и Уэльса.

Общий подход заключается в том, что смарт-контракт заключается в момент и в месте, где оферент получил акцепт, а именно в Англии и Уэльсе. Еще одной особенностью заключения смарт-контракта является то, на чем он будет основываться, наиболее сложным является код. Здесь существуют два типа смарт-контракта: одностороннего заключения и заключенный в результате автономного взаимодействия компьютерных программ.

Для односторонних смарт-контрактов, состоящих исключительно из кода, существует определенная степень неопределенности относительно места заключения контракта. Можно сказать, что смарт-контракт заключается в том месте, где выполняется действие, указанное в развернутом коде, или месте, где сообщается о принятии (если это происходит), несмотря на то что фактическое сообщение о принятии обычно не требуется для заключения односторонних контрактов.

Для смарт-контрактов, состоящих исключительно из кода, которые формируются в результате автономного взаимодействия компьютерных программ, существует еще большая степень неопределенности места заключения контракта. В качестве дополнительной альтернативы, если компьютерные программы работают в распределенных реестрах, место заключения контракта может определяться расположением определенного количества участвующих узлов.

Для гибридных смарт-юридических контрактов, которые состоят из терминов, определенных на естественном языке, и терминов, определенных в коде, место заключения контракта будет зависеть от того, на чем основывается смарт-контракт.

В связи со сложностями в определении юрисдикции споров, которые могут возникнуть из смарт-контрактов, большинство специалистов в этой области высказываются о том, что определение юрисдикции целесообразно включать в условия смарт-контракта посредством включения координат.

Следует обратить внимание на то, что, если рассмотреть возможность включения арбитражного соглашения в смарт-контракт, такой путь также не гарантирует определенности. Включение арбитражного соглашения не гарантирует его обязательности в соответствии с английским законодательством. Юридическая рабочая группа выразила сомнение в том, что соглашения о применимом праве, встроенные в компьютерный код, будут иметь обязательную силу (п. 7.74 «Смарт-юридические контракты: Рекомендации правительству»), но не рассматривала арбитражные соглашения. Можно сделать вывод, что нет. Неясно также, будет ли данная форма равносильна письменному арбитражному соглашению, согласно положениям ст. II (1) Нью-Йоркской конвенции¹⁴.

Выработан еще один подход для разрешения споров из смарт-контрактов, а именно включение смарт-арбитражного соглашения, в соответствии с которым спор,

¹² См.: Arbitration of cryptoasset and smart contract disputes: arbitration unchained? URL: <https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2023/07/arbitration-of-cryptoasset.pdf> (дата обращения: 13.09.2023).

¹³ См.: Kozhokar I.P., Sigalov K.E., Rusakova E.P. Philosophical and legal foundation of the study of legal interpretation technique // Wisdom. 2023. Т. 25. № 1. С. 231—238.

¹⁴ См.: Arbitration of cryptoasset and smart contract disputes: arbitration unchained? URL: <https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2023/07/arbitration-of-cryptoasset.pdf> (дата обращения: 13.09.2023).

возникший в блокчейне, передается на разрешение посредством арбитража, в процессе которого за счет управления процедурой можно внести изменения в цифровые права, а также осуществлять исполнение арбитражного решения в распределенном реестре, предоставляя возможность отменить или завершить транзакции или даже изменить сам смарт-контракт¹⁵.

Блокчейны предоставляют платформу для развертывания и управления автономными и алгоритмическими системами, которые основываются на программных алгоритмах для контроля доступа к активам и ресурсам. В целом децентрализованные автономные организации представляют собой наиболее продвинутый уровень автоматизации, где организация, основанная на блокчейне, управляется не людьми или групповым решением, а полностью с помощью смарт-контрактов, алгоритмов и детерминированного кода¹⁶.

Процедура ончейн-арбитража получила широкое распространение в смарт-контрактах, среди которых можно выделить следующие.

- Kleros работает на блокчейне Ethereum и основан на использовании процедуры принятия решения «присяжными», избранными добровольно по их собственной воле, большинством голосов. Kleros внедрил так называемую децентрализованную систему разрешения споров, позволяющую рассматривать смарт-контракты в арбитраже присяжными, привлеченными с помощью краудсорсинга¹⁷. Существует практика применения Kleros в гибридном арбитражном процессе (т.е. арбитр, согласно арбитражному соглашению, должен был передать спор на решение Kleros, а затем взять его за основу своего собственного решения и закончить процесс), в результате такое арбитражное решение было приведено в исполнение в мексиканском суде¹⁸. Суд Kleros обещает устанавливать в своих делах «справедливость для несправедливых»¹⁹. Клеман Лесаж, Федерико Аст и Уильям Джордж в своей книге «Революция споров» сравнили суд Kleros с судом в Древних Афинах, когда правосудие вершили на основе воздаяния равным за равное²⁰.

- Проект Codelegit компании Datarella был создан для преодоления разрыва между законом и блокчейном путем использования в своих смарт-контрактах ссылки на собственные Правила арбитража блокчейна. В случае возникновения спора в смарт-контрактах Codelegit позволяет сторонам приостановить цепочку действий смарт-контракта. Участники смарт-контрактов Codelegit также соглашаются

на арбитраж перед заключением сделки друг с другом, используя арбитражные оговорки Арбитражной ассоциации блокчейна. Таким образом, в случае возникновения спора его автоматически передают на рассмотрение арбитрам для вынесения решения, после чего возобновляется выполнение условий Codelegit смарт-контракта.

- Aragon использует в смарт-контрактах ссылку на разрешение споров посредством арбитража, состоящего из нескольких ступеней. Можно выделить три ступени: первая — первоначальная; вторая — пересмотр, третья — Верховный суд. Таким образом, спор может окончиться в Верховном суде Aragon путем вынесения окончательного решения. Верховный суд состоит из девяти судей согласно рейтингу размера их вознаграждения сети Aragon. Особенностью данной системы является то, что вознаграждение судьи зависит от того, устоит ли оно на следующих ступенях при вынесении решения судьями следующей ступени²¹.

- MetaCourt — это первый юридический проект Metaverse с сетевым, децентрализованным, быстрым и надежным механизмом посредничества и арбитража для споров, возникающих в Metaverse и Web 3.0. MetaCourt продвигает в свои смарт-контракты возможность самостоятельного исполнения арбитражных решений; таким образом, во внутрисетевом арбитраже осуществляется автоматическое исполнение арбитражных решений путем их закрепления в виде смарт-контрактов в блокчейне. Например, денежное возмещение по спору может обеспечено смарт-контрактом, в котором денежные средства представлены в цифровом виде. Во внутрисетевом арбитраже смарт-контракт также зачастую связан со счетом эскроу, на который стороны переводят определенную сумму, из-за которой возник спор, а по результатам арбитража арбитры решают, переводить ли данные денежные средства или вернуть их одной из сторон²².

Современные информационно-коммуникационные технологии требуют изменения существующих механизмов разрешения споров²³. Широкомасштабное использование информационных технологий, цифровизация различных сфер жизни общества изменяют представление человека о мире и своем месте в нем, менталитет субъекта права, его правосознание, а следовательно, и характер жизнедеятельности. В доктрине предпринимаются попытки исследования правовых проблем, связанных с использованием цифровых технологий, однако пока рано утверждать о формировании четкого понимания закономерностей этих трансформаций²⁴. Совершенно очевидно, что сегодня стоят проблемы, связанные с установлением справедливого правосудия в экстремальных условиях коронавирусной пандемии; в качестве вектора будущего — проблемы справедливости правосудия, осуществляемого искусственным интеллектом²⁵. Искусственный интеллект развивается в соответствии с определенными этапами. Предполагается, что появление сверхсильного искусственного

¹⁵ См.: Arbitration of cryptoasset and smart contract disputes: arbitration unchained? URL: <https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2023/07/arbitration-of-cryptoasset.pdf> (дата обращения: 13.09.2023).

¹⁶ См.: De Filippi P., Wright A. Blockchain and the law: the rule of code. Harvard University Press, 2019.

¹⁷ См.: Lesage C., Ast F., George W. Kleros. Short Paper v1.0.7. September 2019. URL: https://kleros.io/static/whitepaper_en-8bd3a0480b-45c39899787e17049ded26.pdf (дата обращения: 13.09.2023).

¹⁸ См.: Русакова Е.П. Суд KLEROS: революция ли процесса разрешения споров? // Пробелы в рос. законодательстве. 2022. Т. 15. № 5. С. 278—281.

¹⁹ Ast F. et al. Dispute revolution. The Kleros handbook of decentralized justice. URL: <https://ipfs.kleros.io/ipfs/QmZeV32S2VoyUnqJsRRCh75F1fP2AeomVq2Ury2fTt9V4z/Dispute-Resolution-Kleros.pdf> (дата обращения: 13.09.2023).

²⁰ См.: Lesage C., Ast F., George W. Kleros. Short Paper v1.0.7. September 2019. URL: https://kleros.io/static/whitepaper_en-8bd3a0480b-45c39899787e17049ded26.pdf (дата обращения: 13.09.2023).

²¹ См.: Aragon Network Jurisdiction. Part 1: Decentralized Court. URL: <https://blog.aragon.org/aragon-network-jurisdiction-part-1-decentralized-court-c8ab2a675e82/> (дата обращения: 13.10.2023).

²² См.: What do we mean by on-chain arbitration. URL: <https://meta-court.tech/blog/on-chain-arbitration> (дата обращения: 17.10.2023).

²³ См.: Gronic I.A. On some aspects of case management in electronic courts of Indonesia // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2022. Vol. 288. Pp. 193—199. DOI: 10.1007/978-981-16-9808-8_21

²⁴ См.: Хабриева Т.Я. Технологические императивы современного мира и право // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 1. С. 5—12. DOI: 10.12737/jzsp.2023.001

²⁵ См.: Клеандров М.И. Правосудие и справедливость. М., 2022.

интеллекта, который мог бы превзойти возможности человеческого мозга, пока недостижимо. Однако следует согласиться с мнением В.В. Безбаха и Е.Е. Фроловой, что необходимо обратить внимание на предлагаемые дополнительные принципы, которые ориентированы на ответственное управление заслуживающим доверия искусственным интеллектом. Они заключаются в следующем:

1) ИИ должен приносить пользу людям, стимулируя инклюзивный рост, устойчивое развитие и благополучие;

2) системы искусственного интеллекта должны быть спроектированы таким образом, чтобы они не нарушали верховенство закона, права человека, демократические ценности и разнообразие, они должны быть оснащены соответствующими встроенными в них защитными механизмами, например способностью обеспечить вмешательство человека в случае необходимости;

3) системы искусственного интеллекта должны быть прозрачными, с необходимой ответственностью раскрывающими перед человеком принципы получения результатов, достигнутых искусственным интеллектом, и сохраняющими за ним возможность оспорить такие результаты;

4) системы искусственного интеллекта должны быть способны работать надежно и безопасно на протяжении всего своего жизненного цикла, а потенциальные риски их использования должны подвергаться постоянной оценке и управлению²⁶.

Приведенные примеры способов разрешения цифровых споров несут различные риски, но приоритетной тенденцией развития данной области является их тяготение к арбитражу. Потенциальными преимуществами арбитража являются: гибкость и быстрота процедуры, выбор профессионального арбитра, применимого права, конфиденциальность, обязательность и исполнимость арбитражных решений. Все это создает необходимые предпосылки для интегрирования данного способа в процесс разрешения цифровых споров с учетом их специфики.

«Правила разрешения цифровых споров», разработанные Юридической рабочей группой Великобритании, — одна из первых инновационных инициатив в области разрешения цифровых споров, которые действительно могут сделать Англию и Уэльс основным правовым порядком в регулировании данных споров посредством арбитража. Кроме того, планируется, что такие арбитражные решения должны исполняться всеми странами — участниками Нью-Йоркской конвенции «О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» по аналогии с арбитражными решениями, вынесенными в обычном порядке.

Следует обратить внимание, что речь идет не об арбитраже в том понимании, в каком он существует в большинстве государств, а скорее об исключениях из этого правила. Поэтому говорить об арбитраже как о способе разрешения цифровых споров не совсем верно. Так, в процессе разрешения цифровых споров еще на стадии обращения к процедуре арбитража возможно внесение изменений в цифровые права сторон, в т.ч. автоматически, что характерно для смарт-контрактов. Еще одной особенностью является возможность участия сторон в процессе анонимно, правда, с оговоркой, за исключением случаев, когда существует необходимость принудительного

исполнения арбитражного решения. Приведенные примеры характерных черт данного способа разрешения цифровых споров указывают на противоречия нормам арбитражного законодательства Англии и Уэльса, а это влечет негативные последствия, связанные с оспариванием арбитражных решений в судах. Положительный опыт признания таких решений на территории другого государства связан с проведением «гибридного» арбитража, в котором, согласно арбитражному соглашению, спор должен быть разрешен арбитражем, но в основу арбитражного решения должно быть положено решение суда Kleros.

* * *

Таким образом, идея сделать арбитраж процедурой разрешения цифровых споров требует реформирования арбитражного законодательства и создания единых унифицированных подходов, выработанных с учетом правовой природы цифровых споров. Происходящий процесс выработки эффективных способов разрешения цифровых споров в Англии и Уэльсе дает все основания предполагать, что право Англии и Уэльса может занять лидирующие позиции в области регулирования цифровых прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клеандров М.И. Правосудие и справедливость. М., 2022.
2. Русакова Е.П. Суд KLEROS: революция ли процесса разрешения споров? // Пробелы в рос. законодательстве. 2022. Т. 15. № 5. С. 278—281.
3. Хабриева Т.Я. Технологические императивы современного мира и право // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 1. С. 5—12. DOI: 10.12737/jzsp.2023.001
4. Aragon Network Jurisdiction. Part 1: Decentralized Court. URL: <https://blog.aragon.org/aragon-network-jurisdiction-part-1-decentralized-court-c8ab2a675e82/> (дата обращения: 13.10.2023).
5. Arbitration of cryptoasset and smart contract disputes: arbitration unchained? URL: <https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2023/07/arbitration-of-cryptoasset.pdf> (дата обращения: 13.09.2023).
6. *Ast F. at al.* Dispute revolution. The Kleros handbook of decentralized justice. URL: <https://ipfs.kleros.io/ipfs/QmZeV32S2VoyUnqJsRRCh75F1fP2AeomVq2Ury2fTt9V4z/Dispute-Resolution-Kleros.pdf> (дата обращения: 13.09.2023).
7. *Bezakh V.V., Frolova E.E.* Augmented reality and civil law regulation of business relations / eds. A.O. Inshakova, E.E. Frolova. Smart technologies for the digitisation of industry: entrepreneurial environment, smart innovation, systems and technologies. 2022. Vol. 254. Springer, Singapore. Pp. 2—37. DOI: 10.1007/978-981-16-4621-8_3
8. *De Filippi P., Wright A.* Blockchain and the law: the rule of code. Harvard University Press, 2019.
9. *Gronic I.A.* On some aspects of case management in electronic courts of Indonesia // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2022. Vol. 288. Pp. 193—199. DOI: 10.1007/978-981-16-9808-8_21
10. *Kozhokar I.P., Sigalov K.E., Rusakova E.P.* Philosophical and legal foundation of the study of legal interpretation technique // Wisdom. 2023. Т. 25. № 1. С. 231—238.
11. *Rusakova E.P., Frolova E.E.* Digital disputes in the new legal reality // RUDN Journal of Law. 2022. Vol. 26. No. 3. Pp. 695—704. DOI: 10.22363/2313-2337-2022-26-3-695-704
12. *Yeoh D.* Is online dispute resolution the future of alternative dispute resolution? Kluwer arbitration blog. URL: <http://arbitration->

²⁶ См.: *Bezakh V.V., Frolova E.E.* Augmented reality and civil law regulation of business relations / eds. A.O. Inshakova, E.E. Frolova. Smart technologies for the digitisation of industry: entrepreneurial environment, smart innovation, systems and technologies. 2022. Vol. 254. Springer, Singapore. Pp. 2—37. DOI: 10.1007/978-981-16-4621-8_3

blog.kluwerarbitration.com/2018/03/29/online-dispute-resolution-future-alternative-dispute-resolution/ (дата обращения: 10.10.2023).

13. What do we mean by on-chain arbitration. URL: <https://metacourt.tech/blog/on-chain-arbitration> (дата обращения: 17.10.2023).

REFERENCES

1. *Kleandrov M. I.* Justice and fairness. M., 2022 (in Russ.).
2. *Rusakova E. P.* Kleros Court: is revolution of dispute resolution? // Gaps in Russian legislation. 2022. Vol. 15. No. 5. Pp. 278–281 (in Russ.).
3. *Khabrieva T. Ya.* Technological imperatives of the modern world and the role of law // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2023. Vol. 19. No. 1. Pp. 5–12. DOI: 10.12737/jzsp.2023.001 (in Russ.).
4. Aragon Network Jurisdiction. Part 1: Decentralized Court. URL: <https://blog.aragon.org/aragon-network-jurisdiction-part-1-decentralized-court-c8ab2a675e82/> (accessed: 13.10.2023).
5. Arbitration of cryptoasset and smart contract disputes: arbitration unchained? URL: <https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2023/07/arbitration-of-cryptoasset.pdf> (accessed: 13.09.2023).
6. *Ast F. et al.* Dispute revolution. The Kleros handbook of decentralized justice. URL: <https://ipfs.kleros.io/ipfs/QmZev32S2VoyUn-qJsRRCh75F1fP2AeomVq2Ury2fTt9V4z/Dispute-Resolution-Kleros.pdf> (accessed: 13.09.2023).
7. *Bezbakh V. V., Frolova E. E.* Augmented reality and civil law regulation of business relations / eds. A. O. Inshakova, E. E. Frolova. Smart technologies for the digitisation of industry: entrepreneurial environment, smart innovation, systems and technologies. 2022. Vol. 254. Springer, Singapore. Pp. 2–37. DOI: 10.1007/978-981-16-4621-8_3
8. *De Filippi P., Wright A.* Blockchain and the law: the rule of code. Harvard University Press, 2019.
9. *Gronic I. A.* On some aspects of case management in electronic courts of Indonesia // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2022. Vol. 288. Pp. 193–199. DOI: 10.1007/978-981-16-9808-8_21
10. *Kozhokar I. P., Sigalov K. E., Rusakova E. P.* Philosophical and legal foundation of the study of legal interpretation technique // Wisdom. 2023. Vol. 25. No. 1. Pp. 231–238.
11. *Rusakova E. P., Frolova E. E.* Digital disputes in the new legal reality // RUDN Journal of Law. 2022. Vol. 26. No. 3. Pp. 695–704. DOI: 10.22363/2313-2337-2022-26-3-695-704
12. *Yeoh D.* Is online dispute resolution the future of alternative dispute resolution? Kluwer arbitration blog. URL: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2018/03/29/online-dispute-resolution-future-alternative-dispute-resolution/> (accessed: 10.10.2023).
13. What do we mean by on-chain arbitration. URL: <https://metacourt.tech/blog/on-chain-arbitration> (accessed: 17.10.2023).

Сведения об авторах

РУСАКОВА Екатерина Петровна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы; 117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
ORCID: 0000-0001-6488-0754
Scopus ID: 57192093101

ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующая кафедрой гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы; 117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
ORCID: 0000-0002-1852-0085
Scopus ID: 56439998700

Authors' information

RUSAKOVA Ekaterina P. — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedural Law and Private International Law, Law Institute, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia; 6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

FROLOVA Evgeniya E. — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Civil Law and Procedure and Private International Law, Law Institute, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia; 6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

УДК 340.154

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРЕССЫ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© 2024 г. А. П. Сопова

Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва

E-mail: sopova-gaughn@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.06.2023 г.

Аннотация. В статье рассматриваются результаты реформы законодательства о периодической печати 1904–1906 гг. Проведен комплексный анализ норм административного, уголовного и уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики. Представлены статистические данные из впервые вводимых в научный оборот архивных документов Министерства юстиции Российской Империи и Главного управления по делам печати. С опорой на широкий круг источников обосновывается вывод о том, что после 1905 г. положение периодической печати в Российской Империи принципиально изменилось и в 1906–1914 гг. пресса функционировала в условиях действительной свободы печати.

Ключевые слова: история права, свобода слова, свобода печати, история цензуры, реформы, правовое положение прессы, Российская Империя, права человека, конституционализм.

Цитирование: Сопова А. П. Правовое положение прессы в России в начале XX века // Государство и право. 2024. № 1. С. 188–196.

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (тема № 1022040800826-5-5.2.1;6.3.1;5.9.1 FZNF-2023-0004 «Цифровизация и формирование современного информационного общества: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты»).

DOI: 10.31857/S1026945224010182

THE LEGAL STATUS OF THE PRESS IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

© 2024 A. P. Sopova

State Academic University of Humanities, Moscow

E-mail: sopova-gaughn@yandex.ru

Received 16.06.2023

Abstract. The article discusses the results of the reform of the legislation on the periodical press of 1904–1906. A comprehensive analysis of the norms of administrative, criminal and criminal procedure legislation and law enforcement practice has been carried out. Statistical data from archival documents of the Ministry of Justice of the Russian Empire and the Chief Administration for Press Affairs, which are being introduced into scientific circulation for the first time, are presented. Based on a wide range of sources, the conclusion is made that after 1905 the position of the periodical press in the Russian Empire changed fundamentally, and in 1906–1914 the press functioned in conditions of real freedom of the press.

Key words: history of law, freedom of speech, freedom of the press, history of censorship, reforms, legal status of the press, Russian Empire, human rights, constitutionalism.

For citation: Sopova, A.P. (2024). The legal status of the press in Russia at the beginning of the XX century // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 188–196.

The article was prepared at the State Academic University of Humanities within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. 1022040800826-5-5.2.1;6.3.1;5.9.1 FZNF-2023-0004 “Digitalization and the formation of a modern information society: cognitive, economic, political and legal aspects”).

К началу XX в. реформа законодательства о периодической печати была одной из самых ожидаемых. Общество воспринимало предварительную цензуру как архаичный институт, а правительство уже не считало деятельность цензурных органов эффективной. Все чаще в бюрократических кругах звучали идеи о том, что предварительная цензура и иные методы административного воздействия на печать ведут к произволу в этой сфере, в то время как в интересах государственной власти — организовать правовое регулирование прессы на основе принципа законности¹.

Идеи о свободе печати имели широкое хождение в научных кругах. К началу XX в. в российской юридической науке сформировалась доктрина прав и свобод личности и были сформулированы основные подходы к юридическим границам и гарантиям свободы слова и печати². О свободе печати писали в юридической прессе³. Сложившееся в юридической науке и публицистике понимание свободы печати предполагало отсутствие предварительной цензуры и других мер административного давления на печать. Границы для свободы печати должны были быть обозначены уголовным законом, а рассмотрение дел печати должно было вестись исключительно судом — в идеале с участием присяжных заседателей.

Шанс воплотить эти идеи в жизнь появился в период первой российской революции, когда Манифестом 17 октября 1905 г. подданным Российской Империи в числе других гражданских свобод была дарована свобода слова. Однако проведенная в результате реформа законодательства о печати оказалась недооцененной как современниками, так и исследователями, многие из которых указывают, что, несмотря на свою прогрессивность, новое законодательство не внесло «существенных перемен в правовое положение печати на практике»⁴. Отчасти это было обусловлено объективными факторами: реформа осталась незавершенной, создала ряд противоречий и привела к заметному расширению репрессий в среднесрочной перспективе. Кроме того, свою роль сыграли и субъективные факторы. За несколько лет до первой русской революции такие меры, как отмена предварительной цензуры и административных взысканий и введение явочного порядка учреждения газет и журналов выглядели для деятелей периодической печати как предел мечтаний⁵. И реализация подобной реформы по инициативе правительства, безусловно, была бы встречена с восторгом и благодарностью.

Но в 1904–1906 гг. реформа проводилась силами бюрократии под давлением революции. И с этим было связано ее негативное восприятие как в либеральных, так и в консервативных кругах. Радикализовавшееся освободительное движение требовало свободы печати и не готово было мириться с заменой административного контроля на судебную ответственность, особенно с учетом резкого увеличения количества уголовных дел против деятелей печати. Консервативные круги восприняли реформу как вынужденную уступку, которая была сделана под давлением революционных событий и не соответствовала интересам государства. Император Николай II остался недоволен результатами реформы и, по отзывам представителей высшей бюрократии, не мог до конца принять факт, что возможности правительства по контролю за печатью больше не безграничны⁶.

В статье предпринята попытка комплексного анализа правового положения печати по результатам проведенных в начале XX в. преобразований. Рассмотрено не только содержание законодательства о цензуре, но и его связь с уголовным, уголовно-процессуальным законодательством и широко применявшимися с 1906 г. нормами о чрезвычайном положении, а также особенности судебной и административной практики.

Законодательство о периодической печати

Одним из недостатков законодательства о печати начала XX в. современники считали его фрагментарный и неоднородный характер. В Уставе о цензуре и печати в редакции 1890 г.⁷ были объединены нормы о предварительной цензуре начала XIX в., элементы судебной ответственности середины 1860-х годов и положения об административных взысканиях, получившие широкое применение в последние десятилетия XIX в.⁸

Начало реформе законодательства о печати было положено Указом от 12 декабря 1904 г.⁹ Новый устав о печати должно было разработать специально созданное Особое совещание из представителей высшей бюрократии, ученых и деятелей прессы под председательством директора Императорской публичной библиотеки Д.Ф. Кобеко¹⁰. Планировалось, что «комиссия Кобеко» проработает не менее двух лет и детально обсудит все проблемы регулирования печати. Однако ее деятельности помешали события первой русской революции. После издания Манифеста 17 октября председатель Совета министров С.Ю. Витте инициировал принятие Временных правил

¹ См.: Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009. С. 211.

² См.: Туманова А.С., Киселев Р.В. Права человека в правовой мысли и законодательстве Российской империи второй половины XIX — начала XX века. М., 2011; Туманова А.С., Сафонов А.А. Права человека в политико-правовом дискурсе периода Первой русской революции // Государство и право. 2017. № 2. С. 60–68; Сопова А.П. Концепция свободы печати в русской либеральной правовой мысли конца XIX — начала XX веков // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 2. С. 10–14.

³ См., напр.: Гессен В.М. О юридическом положении повременной печати // Право. 1900. № 49. Стб. 2332–2340; № 50. Стб. 2380–2386; К вопросу о подсудности преступлений печати суду присяжных // Вестник права. 1901. № 10. С. 187–198; Арсеньев К.К. Русская печать на рубеже третьего столетия своего существования // Право. 1903. № 1. Стб. 1–11; № 2. Стб. 65–74.

⁴ Патрушева Н.Г. Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий. СПб., 2011. С. 59.

⁵ См.: Записка о нуждах русской печати // Самодержавие и печать в России / сост. Г.К. Градовским. Берлин, 1898; Прошение 78 литераторов Николаю II об изменении устава о печати, 1895 г. // ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 645.

⁶ См., напр.: Бельгард А.В. Указ. соч. С. 391, 392; Из архива С.Ю. Витте: воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки: в 2 т. Т. 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С. 480; Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919: в 2 т. Париж, 1933. Т. 2. С. 85; Мосолов А.А. При дворе императора. Рига, 1938. С. 166.

⁷ См.: Ширков В.П. Устав о цензуре и печати с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правит. Сената и административными распоряжениями. СПб., 1900.

⁸ См.: Сопова А.П. Проблемы реформирования законодательства о периодической печати в России в начале XX века // Труды ИГП РАН. 2020. № 6. С. 190–222.

⁹ См.: Высочайше утвержденное положение Комитета Министров от 21 января 1905 г. «О порядке выполнения пункта восьмого Именного Высочайшего указа от 12 декабря 1904 г.» // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXV. № 25703.

¹⁰ См.: Лихоманов А.В. Особое совещание по составлению нового устава о печати 1905 г.: персональный состав // Цензура в России: история и современность: сборник научных трудов. СПб., 2005. Вып. 2. С. 35–69; Набоков В.Д. К истории обновленного законодательства о печати (комиссия Д.Ф. Кобеко) // Свобода печати при обновленном строе. СПб., 1912. С. 1–42.

для периодической печати¹¹. Этот акт был разработан при личном участии Д.Ф. Кобеко и нескольких чиновников, входивших в состав Особого совещания, и был представлен как результат деятельности Особого совещания, хотя фактически таковым не являлся¹².

В итоге реформа была проведена в виде принятия нескольких актов, которые не охватили полностью все проблемные вопросы. Отдельные ограничения были отменены еще в первом полугодии 1905 г. На уровне актов конституционного значения принцип свободы слова был провозглашен Манифестом 17 октября и подтвержден Основными государственными законами в редакции 1906 г.¹³ Ключевые изменения в правовое положение периодической печати были внесены Временными правилами от 24 ноября 1905 г.¹⁴ и 18 марта 1906 г.¹⁵ Завершилась реформа систематизацией ее положений в тексте Устава о цензуре и печати при издании продолжения Свода законов Российской империи 1906 г.¹⁶

Таким образом, новый устав о печати разработан не был, а действовавший устав не был полностью переработан. Законодательство о печати по-прежнему представляло собой комплекс из исторических слоев, имевших разную природу и сущность. Сама система цензурных учреждений сохранилась в прежнем виде. Несмотря на существенное увеличение количества периодических изданий, заметного увеличения штата чиновников по делам печати не произошло¹⁷. Только местные цензурные комитеты были переименованы в комитеты по делам печати, а цензоры — в инспекторов по делам печати.

Предварительная цензура де-факто прекратила свое существование, т.к. Временные правила 24 ноября 1905 г. вывели из-под ее действия все газеты и журналы, выходившие в городах. Однако де-юре периодическая печать оказалась разделена на городскую и сельскую, для последней сохранили свое действие многие архаичные правила. Для всех без исключения газет и журналов также продолжала действовать придворная цензура: сообщения о действиях и высказываниях императора и членов императорской фамилии и касающиеся их суждения могли публиковаться

только с разрешения министра императорского двора¹⁸. Сохранилась также цензура объявлений.

Наравне с отменой предварительной цензуры важным достижением проведенной реформы была отмена административных взысканий, впервые появившихся в законодательстве о печати в конце 1860-х гг. После первых шагов по сокращению предварительной цензуры в 1865 г. в Российской Империи была создана система административного контроля прессы, во многом заимствованная из французского законодательства эпохи Наполеона III¹⁹. Министр внутренних дел мог по своему усмотрению разрешать выпуск нового издания и переход права собственности на издание, освобождать отдельные издания от предварительной цензуры, налагать на газеты и журналы административные взыскания за «вредное направление», запрещать обсуждение определенных тем в печати и приостанавливать выход издания на несколько месяцев. В конце 1904 г. эта система была признана правительством вредной и неэффективной²⁰ и практически полностью отменена в 1905 г., причем некоторые нормы были отменены еще в первом полугодии 1905 г.

До 1905 г. судебная ответственность для деятелей печати предусматривалась законом, но практически не применялась. Временные правила 24 ноября 1905 г. провозгласили, что ответственность за преступные деяния, учиненные посредством печати, должна определяться в судебном порядке. Номера периодических изданий по-прежнему должны были предоставляться цензурным чиновникам, но одновременно с выпуском номера из типографии. Таким образом, в законодательстве, во-первых, закреплялась свобода распространения газет и журналов. Во-вторых, границы для свободы печати теперь должны были определяться не административными распоряжениями, а содержанием уголовного законодательства.

В тексте Временных правил от 24 ноября 1905 г. указывалось, что они будут действовать до принятия нового закона о печати. В 1913–1914 гг. проект закона о печати, предложенный Министерством внутренних дел, прошел обсуждение в Совете министров и в Комиссии о печати Государственной Думы и был подготовлен к рассмотрению общего собрания Государственной Думы. Законопроект носил компромиссный характер: расширение отдельных административных методов контроля над прессой в нем сочеталось с гарантиями защиты деятелей печати от необоснованного преследования²¹. Рассмотрение законопроекта в Государственной Думе было отложено на неопределенный срок в связи с началом Первой мировой войны.

¹¹ См.: *Бельгард А. В.* Указ. соч. С. 260, 261.

¹² См.: Письмо Н.В. Шаховского к А.Ф. Кони // ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 3723. Л. 1–206.

¹³ См.: Свод законов Российской империи. Т. I. Ч. I. Свод государственных законов. СПб., 1906.

¹⁴ См.: Именной Высочайший указ, данный Сенату, от 24 ноября 1905 г. «О временных правилах о повременных изданиях» // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXV. № 26962.

¹⁵ См.: Именной Высочайший указ, данный Сенату, от 18 марта 1906 г. «Об изменении и дополнении временных правил о периодической печати» // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXVI. № 27574.

¹⁶ См.: *Гессен И. В.* Обновленный строй и кодификация (Доклад Петербургскому Юридическому Обществу 27 февраля 1909 г.) // Право. 1909. № 10. Стб. 605–619.

¹⁷ К 1905 г. цензурные комитеты действовали только в Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве и Тифлисе, а отдельные цензоры были назначены еще в 16 крупных городах. После проведения реформы новые временные комитеты по делам печати были образованы лишь в Киеве, Казани, Вильне, Одессе и Риге, а новые временные должности инспекторов по делам печати были учреждены только в Баку и Кутаиссе (см.: *Патрушева Н. Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX — начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014. С. 324–337, 375). Во всех остальных городах обязанности по наблюдению за прессой были возложены на местных чиновников разного уровня — от вице-губернаторов до полицеймейстеров и исправников.

¹⁸ См.: *Григорьев С. И.* Придворная цензура и образ верховной власти (1831–1917). СПб., 2007.

¹⁹ См.: *Дерюжинский В. Ф.* Полицейское право. СПб., 1908. С. 158.

²⁰ Так, например, председатель Комитета министров С.Ю. Витте в декабре 1904 г. назвал правительственные меры, проводившиеся после цензурной реформы 1865 г., «напрасными для печати и мало полезными для государственного порядка стеснениями», которые устанавливались постановлениями, изданными «без какой-либо строгой системы» (см.: Особый журнал заседаний Комитета министров за 28 и 31 декабря 1904 г. о составлении нового устава о печати // ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 648. Л. 1–11).

²¹ См.: Комиссия о печати. Журналы заседаний Комиссии. 2 марта 1913 г. — 30 марта 1913 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 580; Комиссия о печати. Журналы заседаний Комиссии. 18 октября 1913 г. — 26 апреля 1914 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 581; Министерство внутренних дел. Дело по проекту закона о печати. 16 октября 1913 г. — 23 октября 1913 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 492.

Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство

Уложение о наказаниях (1885) содержало отдельную главу «О нарушениях постановлений о печати» (гл. V разд. VIII). По итогам принятия Временных правил 24 ноября 1905 г. в этой главе были отменены только две статьи как несоответствующие принципам свободы печати и введен целый ряд новых составов, связанных с революционными событиями: призывы к стачкам, к прекращению занятий в учебных заведениях, к организации запрещенных скопищ и т.д. Причем некоторые из действий, призывы к которым были криминализованы, как, например, студенческие забастовки, сами не являлись преступлениями²². В перечисленных случаях были предусмотрены умеренные наказания: за нарушения правил о печати — штрафы; за преступное содержание газет и журналов — штрафы, арест и заключение в тюрьме на срок до одного года и четыре месяца.

Но к периодической печати также могли быть применены нормы о государственных и религиозных преступлениях в Уложении о наказаниях 1885 г. и частично введенном в действие Уголовным уложением 1903 г. Они содержали суровые наказания — вплоть до каторжных работ, т.к. разрабатывались до 1905 г. в условиях всеохватывающего административного контроля над легальной прессой и были направлены на борьбу с подпольными газетами и листовками.

Организация уголовной ответственности по делам прессы отличалась наличием специального субъекта — ответственного редактора. В этом вопросе Уложение о наказаниях (1885) следовало за французским опытом, устанавливая презумпцию вины ответственного редактора за любые правонарушения, выявленные на страницах периодического издания. Ответственности также подлежал автор, если он был известен. Издатели, типографщики и распространители могли быть привлечены к ответственности только при их доказанном умышленном соучастии. До 1905 г. действовал порядок, при котором ответственного редактора должен был утверждать Министр внутренних дел и конкретные требования к нему не были установлены. Временные правила 24 ноября 1905 г. сохранили презумпцию вины ответственного редактора, но вместе с явочным порядком учреждения периодических изданий установили явочный порядок для назначения ответственного редактора. Были также прописаны конкретные требования к его личности: русское подданство, возраст не менее 25 лет, общая гражданская и политическая правоспособность²³.

Порядок судопроизводства по делам печати практически не менялся с 1860-х гг. Подсудность дел печати в зависимости от категории преступления и тяжести предполагаемого наказания могла относиться к ведению мировых судей, окружного суда без присяжных заседателей, судебных палат как с участием, так и без участия сословных представителей²⁴. Временные правила 24 ноября 1905 г. и 18 марта 1906 г. не внесли изменений в действовавший порядок подсудности. Идея о передаче дел прессы в ведение суда с участием присяжных заседателей так и осталась в виде не реализованной концепции.

Наиболее важные процессуальные нормы касались порядка возбуждения дел о преступлениях печати. До издания Временных правил 24 ноября 1905 г. полномочия прокуроров не были четко определены. Статья 1213⁵ Устава уголовного

судопроизводства устанавливала, что обязанность возбуждать преследование по преступлениям и проступкам, совершаемым посредством печати, лежит на Главном управлении по делам печати и цензурных комитетах, которые располагались только в городах Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве и Тифлисе. Прокуроры были обязаны возбуждать уголовное дело по их требованию. И при буквальном толковании получалось, что прокуроры не могли возбуждать дела против деятелей печати по собственной инициативе²⁵. Широко описанный в литературе период «явочной свободы печати» после издания Манифеста 17 октября 1905 г.²⁶ произошел в условиях, когда периодические издания повсеместно отказались соблюдать прежние цензурные требования, посчитав их отмененными, а местные цензурные чиновники и прокуроры бездействовали, ожидая по каждому случаю прямых указаний из Главного управления по делам печати.

Временные правила 24 ноября 1905 г. установили, что судебное преследование должно возбуждаться «или по сообщениям установлений и должностных лиц по делам печати, или по непосредственному предложению прокурорского надзора»²⁷. Причем прокурор по-прежнему не имел права отказать в возбуждении дела должностному лицу по делам печати. Даже если он считал, что основания для возбуждения дела отсутствуют, закон требовал вынести этот вопрос на рассмотрение суда.

Положения Временных правил от 24 ноября 1905 г. о наложении ареста на тираж периодического издания также рассматривались законодателем как процессуальные и были включены в Устав уголовного судопроизводства. Они оказали существенное влияние на правовое положение печати. Основанием для ареста могло стать обнаружение любого, даже самого незначительного преступления. При этом не требовалось от должностного лица «немедленно» передавать дело на рассмотрение суда, но не устанавливался конкретный срок ни для передачи дела в суд, ни для его рассмотрения. За необоснованный арест чиновники по делам печати ответственности не несли. В результате правила об аресте превратились из процессуальных мер в своеобразную форму административного контроля. При желании администрация могла накладывать арест на каждый номер газеты.

Законодательство об усиленной и чрезвычайной охране

Исключение из законодательства административных методов воздействия на печать после 1905 г. было компенсировано применением Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г.²⁸, которое регламентировало полномочия местных властей в случае введения в Российской Империи чрезвычайного правового режима. В частности, в случае введения режима чрезвычайной охраны ст. 26 этого акта наделяла генерал-губернаторов правом приостанавливать выход в свет периодических изданий на весь срок действия чрезвычайного

²⁵ По этому вопросу в научных кругах не было единого мнения. В.П. Ширков считал, что прокурорские чины в действительности обладали соответствующими полномочиями (см.: *Ширков В.П.* Указ. соч. С. 227). Иного мнения придерживался, например, К.К. Арсеньев (см.: *Арсеньев К.К.* Русские законы о печати // *Вестник Европы*. 1869. Т. 3. Кн. 6 (Июнь). С. 785). Практика также подтверждала, что со второй половины 1860-х гг. прокуроры не возбуждали уголовные дела против деятелей печати.

²⁶ См., напр.: *Блохин В.Ф.* Свобода слова в России: от 17 октября к 24 ноября 1905 г. // *Общественная мысль, движения и партии в России XIX — начала XXI вв.* Брянск, 2010. С. 61–75.

²⁷ См.: Именной Высочайший указ, данный Сенату, от 24 ноября 1905 г. «О временных правилах о повременных изданиях» // *ПСЗРИ. Собр.* 3. Т. XXV. № 26962.

²⁸ См.: *ПСЗРИ. Собр.* 3. Т. I. № 350.

²² См.: *Лазаревский Н.И.* Временные правила о печати // *Право*. 1905. № 48–49. Стб. 3882.

²³ См.: *Новиков В.Н.* Ответственный редактор // *Журнал уголовного права и процесса*. 1912. № 2. С. 113–142.

²⁴ См.: *Розин Н.Н.* Суд по делам печати // Там же. С. 1.

положения. Местная исполнительная власть также получала полномочия, которые напрямую не касались печати, но могли быть к ней применены: право проводить внесудебные обыски и аресты, высылать и ссылать неудобных лиц в административном порядке, а главное — издавать собственные «обязательные постановления» и наказывать за их нарушение.

До 1905 г. цензурный контроль осуществлялся централизованно и обычные полномочия правительства превосходили по объему потенциальные чрезвычайные полномочия местных властей. В их использовании, таким образом, не было необходимости. Но после закрепления основ свободы печати правительство обнаружило, что контроль над периодической печатью был безвозвратно утерян. А после начала работы Государственной думы правительство также потеряло возможность вносить изменения в законодательство о печати без участия депутатов.

На заседаниях Совета министров 7 и 8 июня 1906 г. министры пришли к выводу, что законодательство о печати больше не позволяет правительству бороться с революционной печатью и необходимо «прибегнуть к чрезвычайной мере, основанной все же на законе»²⁹. 8 июля 1906 г. П.А. Столыпин был назначен Председателем Совета министров, в этот же день в г. Санкт-Петербурге было введено положение чрезвычайной охраны, и сразу после роспуска первой Государственной думы был приостановлен выход оппозиционных газет³⁰. Аналогичные указания — закрывать революционные газеты и печатающие их типографии — были даны генерал-губернаторам в секретном циркуляре П.А. Столыпина от 15 июля 1906 г.³¹

Однако закрытие газет было возможно только при действии наиболее сурового режима — положения чрезвычайной охраны. Правительство не стремилось вводить его повсеместно и сохранять бесконечно. Кроме того, далеко не все оппозиционные газеты правительство хотело закрыть навсегда³². Поэтому с середины 1907 г. «ввиду признанной правительством недостаточности мер судебного воздействия на печать»³³ широкое применение получил более гибкий инструмент административного давления на прессу — «обязательные постановления в порядке охраны».

Местные власти могли издавать обязательные постановления как в условиях чрезвычайной, так и в условиях усиленной охраны. А во многих губерниях они были наделены этими полномочиями отдельными императорскими указами без введения чрезвычайного режима. 2 июня 1907 г. подготовленные по единому образцу обязательные постановления местных властей были опубликованы в г. Санкт-Петербурге и большинстве губерний³⁴. Таким образом, в обход Государственной думы и вопреки Временным правилам 24 ноября 1905 г. и Основным

государственным законам 23 апреля 1906 г. временно была создана новая система административных взысканий³⁵.

В значительной степени текст обязательных постановлений дублировал нормы уголовного законодательства и, таким образом, позволял перевести правонарушения печати из судебного в административное рассмотрение. Но если до 1905 г. все взыскания на печать налагались централизованно от имени министра внутренних дел, то по Положению о мерах к охране государственного порядка и общественного спокойствия эти полномочия были переданы местным властям. Важные отличия также касались характера взысканий. До 1905 г. взыскания налагались на издание и могли включать предостережение, временную приостановку, ограничение розничной продажи и т.д. Теперь же к ответственности привлекались редакторы периодических изданий, которые могли быть лично подвергнуты административным штрафам и арестам. При объявлении в местности усиленной охраны наказание за нарушение обязательных постановлений составляло арест до трех месяцев или штраф до 500 руб., при чрезвычайной охране — заключение в тюрьму или крепости до трех месяцев или штраф до 3000 руб.³⁶

Уголовная и административная практика по делам печати

Парадоксальным, но закономерным результатом «освобождения печати» стало многократное увеличение репрессий в адрес газет и журналов. Как уже упоминалось выше, до 1905 г. уголовные дела против легальной прессы не возбуждались и законодательство об усиленной и чрезвычайной охране к печати не применялось. Общее количество административных взысканий, которые по Уставу о цензуре и печати налагались от имени министра внутренних дел, по подсчетам В.А. Розенберга и В.Е. Якушкина, с 1865 г. по 1 декабря 1904 г. насчитывало 715 случаев³⁷.

После 1905 г. единая официальная статистика в этой сфере не велась, т.к. ее сбор был крайне затруднен из-за увеличившихся масштабов и децентрализации судебной и административной практики. Официальные органы собирали данные о преследованиях печати не постоянно. Так, Министерство юстиции вело подсчет уголовных дел в отношении редакторов в 1905–1908 гг. и в 1911–1912 гг. Данные в обобщенном виде высылали в министерство прокуратуры судебных палат. С 24 ноября 1905 г. по 1 ноября 1908 г. в отношении редакторов периодических изданий в различных губерниях Российской Империи было вынесено 762 судебных решения, с 1 января 1911 г. по 1 января 1912 г. — 234 судебных решения³⁸.

Отдельные попытки оценить масштабы репрессий против печати предпринимали представители прессы и оппозиционные депутаты Государственной думы. Так, по подсчетам публициста С.Р. Минцлова, с 17 октября 1905 г. по 1 января 1907 г. 113 легальных периодических изданий в г. Санкт-Петербурге подвергались конфискации, большая часть из них — неоднократно³⁹. По данным из журнала «Современный мир», с 1905

²⁹ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906–1908 гг. 1906 г. М., 2011. С. 28, 29.

³⁰ См.: Гессен И.В. В двух веках: жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. С. 232.

³¹ П.А. Столыпин. Биохроника / под общ. ред. П.А. Пожигайло. М., 2006. С. 148.

³² О возобновлении в начале августа 1906 г. по инициативе П.А. Столыпина выпуска таких «умеренно-конституционных газет» как «Речь» и «Страна» см.: П.А. Столыпин. Грани таланта политика / под общ. ред. П.А. Пожигайло. М., 2012. С. 466; Танфман М. Первые месяцы (Из воспоминаний) // Речь. 1916. № 52; Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. М., 2015. С. 531.

³³ Бельгард А.В. Указ. соч. С. 359.

³⁴ См.: Толстой П.М. Обязательные постановления о печати в порядке охраны // Свобода печати при обновленном строе. СПб., 1912. С. 107.

³⁵ Статья 79 Основных государственных законов требовала, чтобы «предель» для устных и письменных высказываний устанавливались законом. Обязательные постановления местных властей не могли считаться законом.

³⁶ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. I. № 350.

³⁷ См.: Розенберг В.А., Якушкин В.Е. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. СПб., 1905. С. 139.

³⁸ См.: ГА РФ. Ф. 124. Оп. 57. Д. 279; РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 491; Ф. 776. Оп. 10. I отделение / 1912 г. Д. 323.

³⁹ См.: Минцлов С.Р. 14 месяцев «свободы печати», 17 октября 1905 г. — 1 января 1907 г.: заметки библиографа // Былое. 1907. № 3. С. 130–132.

по 1910 г. в административном порядке в условиях положения чрезвычайной охраны было приостановлено 1046 изданий⁴⁰.

Депутат Гегечкори заявил на заседании Государственной думы 19 октября 1911 г., что с 1905 по 1910 г. печать подвергалась взысканиям 4386 раз, в частности, он выделил 1270 приостановок и 1058 административных штрафов, общая сумма которых превысила полмиллиона рублей⁴¹. По подсчетам газеты «Речь», общая сумма административных штрафов, наложенных на прессу за нарушение обязательных постановлений местных властей, с 1906 по 1913 г. составила более 610 тыс. руб.⁴²

Расширение административной и уголовной практики также имело несколько объяснений. В первую очередь в результате реформы увеличилось количество периодических изданий: в 1900 г. в Российской Империи издавалось около 1000 газет и журналов⁴³, а к 1914 г. — более 3000⁴⁴. Практически не ограниченные ничем возможности для учреждения легальных оппозиционных газет, в т.ч. революционных социалистических изданий, появились в самый разгар политических волнений. Одни только большевики с конца 1905 по 1907 г. основали 197 легальных органов печати, которые согласованно выступали с пропагандой вооруженной борьбы⁴⁵. Таким образом, надежды отдельных представителей высшей бюрократии на налаживание диалога с обществом в результате установления свободы печати не оправдались⁴⁶.

Уже в декабре 1905 г. — январе 1906 г. Министр юстиции разослал прокурорам судебных палат несколько циркуляров, в которых указывалось, что дела о государственных преступлениях, совершаемых посредством печати, затрагивают «существенные интересы государственного порядка и общественного спокойствия». Прокурорам следовало ходатайствовать о приостановке таких периодических изданий, следить за тщательностью проводимых расследований и незамедлительной передачей дел в суд⁴⁷. С этого момента началось активное возбуждение уголовных дел против деятелей печати.

При этом в данных, собранных Министерством юстиции, обращает на себя внимание высокий процент оправдательных приговоров. Так, с 24 ноября 1905 г. по 1 ноября 1908 г. в отношении редакторов периодических изданий было вынесено 762 судебных решения, из них 230 редакторов, т.е. около 30%, были оправданы. Из 234 судебных решений, вынесенных в отношении редакторов с 1 января 1911 г. по 1 января 1912 г., 66 (28%) были оправдательными.

⁴⁰ См.: *Розенберг В.А.* Несколько цифровых итогов // Свобода печати при обновленном строе. СПб., 1912. С. 238.

⁴¹ См.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия V. СПб., 1911. Ч. I. С. 294, 295.

⁴² См.: С. Ф. Репрессии. Ежегодник газеты «Речь» на 1914 год. СПб., 1914. С. 47.

⁴³ См.: *Розенберг В.А.* Указ. соч. С. 55.

⁴⁴ См.: *Дергачева Л.Д.* Периодика // Очерки русской культуры. Колец XIX — начало XX века. М., 2011. Т. I. С. 287, 288.

⁴⁵ См.: *Рейфман Б.В.* Периодическая печать // Россия в 1905—1907 гг.: энциклопедия. М., 2016. С. 697.

⁴⁶ См.: *Бельгард А.В.* Указ. соч. С. 253—259. Особенно остро правительство воспринимало появление иллюстрированных журналов с карикатурами на императора, которые получили широкое распространение сразу после Манифеста 17 октября. Поэтому одно из ключевых изменений, внесенных в законодательство Временными правилами 18 марта 1906 г., касалось введения обязательного предварительного просмотра иллюстраций за сутки до выпуска периодического издания из типографии.

⁴⁷ См.: Сборник циркуляров Министерства юстиции по III Уголовному отделению за 1905—1915 гг. // ГА РФ. Ф. 124. Оп. 61. Д. 178. Л. 19.

Это могло быть связано, во-первых, с неразборчивостью цензурных чиновников. Прокуроры жаловались, что органы по надзору за печатью часто требовали возбуждать уголовное преследование по «литературным делам» без серьезных оснований⁴⁸. Во-вторых, играло свою роль и несовершенство уголовного законодательства. Так, начальник Главного управления по делам печати А.В. Бельгард в 1908 г. указывал, что в судебной практике по делам печати наблюдается «довольно значительное количество оправдательных приговоров», а при-суждаемые за преступления печати наказания «очень далеки от указанного в законе максимума»⁴⁹. Например, ст. 129 Уголовного уложения, которая устанавливала ответственность, в частности, за возбуждение неопределенного круга лиц к бунту, измене, «ниспровержению существующего в государстве общественного строя», к неповиновению или противодействию закону или законному распоряжению власти⁵⁰, предусматривала суровые наказания вплоть до лишения сословных прав и многолетней каторги. Но в большинстве случаев осужденные редакторы приговаривались к заключению в крепости на срок от двух недель до трех лет.

По ст. 129 с 1905 по 1908 г. было вынесено 26% от общего числа обвинительных приговоров, а в 1911 г. — около 23%⁵¹. Широкому ее применению способствовало решение Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената, по которому деяние, предусмотренное ст. 129, состояло в умышленном распространении сочинения или изображения, «заведомо для виновного возбуждающих к преступным действиям», а «наличности особого намерения или особой цели возбуждения к таким действиям» не требовалось⁵². Поэтому ответственности по этой статье могли подлежать редакторы, публиковавшие в своих изданиях любые сообщения о революционных воззваниях и иной деятельности революционных организаций. Хотя подобные материалы могли быть опубликованы в прессе по различным причинам, в т.ч. с целью простого информирования читателей, для увеличения продаж издания или даже «с целью обратить внимание общества на опасное противообщественное направление деятельности какой-либо организации»⁵³. Во всех перечисленных случаях уголовные дела возбуждались, но, как отмечал начальник Главного управления по делам печати А.В. Бельгард, судьи либо оправдывали обвиняемых, либо назначали им «совершенно несоответственное наказание»⁵⁴.

⁴⁸ См.: Министерство юстиции. Щегловитов И.Г. 1912 г. Рапорт прокурора Петербургской судебной палаты министру юстиции о периодических и неперидических изданиях, против которых были возбуждены уголовные преследования в 1911—1912 гг. // РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 681. Л. 4—40б.

⁴⁹ Журнал Совещания, образованного при Министерстве юстиции для разработки вопроса об ответственности за преступные деяния, совершаемые посредством печати. СПб., 1908. С. 4.

⁵⁰ См.: *Маянгович П.Н., Муравьев Н.К.* Законы о политических и общественных преступлениях. Практический комментарий. СПб., 1910. С. 216, 217.

⁵¹ Данные, собранные Министерством юстиции, не содержат информации по количеству оправдательных приговоров по отдельным статьям.

⁵² См.: Решения Уголовного Кассационного Департамента Правительствующего Сената. 1906 г. СПб., 1907. С. 19.

⁵³ Журнал Совещания, образованного при Министерстве юстиции для разработки вопроса об ответственности за преступные деяния, совершаемые посредством печати. С. 4.

⁵⁴ А.В. Бельгард видел проблему в несоответствии уголовного законодательства реальным обстоятельствам его применения и считал, что в законе нужно было предусмотреть более мягкие наказания для деятелей печати, преимущественно в виде крупных штрафов.

О политическом направлении газет и журналов, которые чаще всего подвергались преследованию, можно сделать выводы по материалам, которые Главное управление по делам печати с июня 1912 г. регулярно представляло министру внутренних дел. Эти документы содержат списки уголовных преследований, начатых Санкт-Петербургским комитетом по делам печати и административных взысканий, наложенных на периодические издания Санкт-Петербургским градоначальником⁵⁵.

С середины 1912 до середины 1914 г. было возбуждено 569 уголовных дел и 466 раз был произведен арест тиража. Списки административных взысканий включали 268 взысканий, в т.ч. штрафы на сумму не менее 87 тыс. руб. Более половины уголовных дел (321) и случаев конфискации тиража (301) касались меньшевистских, большевистских и эсеровских партийных газет⁵⁶, которые вновь начали издаваться в столице с начала 1910-х годов, когда в г. Санкт-Петербурге было отменено положение чрезвычайной охраны и перестали действовать нормы об административном запрете периодических изданий. На социал-демократическую печать также приходилось около 30% от общей суммы всех зафиксированных штрафов на сумму не менее 26,9 тыс. руб. При этом против социалистических газет уголовные дела возбуждались в большом количестве, и в течение нескольких месяцев они обычно подвергались судебному запрету.

Количество уголовных дел, административных взысканий и арестованных номеров иллюстрирует не только напряженную работу, которую вел Санкт-Петербургский комитет по делам печати, но и тот факт, что социалистические газеты продолжали издаваться. Газеты, закрывавшиеся судом, в условиях явочного порядка в короткие сроки открывались под новыми названиями⁵⁷. Широкое распространение также получило подставное редакторство, когда в качестве ответственных редакторов за небольшое вознаграждение регистрировали малограмотных рабочих⁵⁸. Факт наложения ареста на номер периодического издания также не означал, что тираж не получал распространения. Обычно Санкт-Петербургскому комитету по делам печати удавалось конфисковать не более 10–20% от общего тиража арестованной газеты⁵⁹.

Таким образом, основной дисбаланс в новую систему взаимоотношений правительства и печати вносила деятельность

наиболее радикальной части социалистических изданий, с которыми органы по надзору за печатью должны были постоянно вести борьбу. Цензурные чиновники с неодобрением отмечали, что часто правительство требовало от них бороться с периодическими изданиями, вместо того чтобы пресечь деятельность самих революционных организаций⁶⁰.

Характер репрессий против либеральной прессы отличался. Так, против кадетской газеты «Речь» в 1912–1914 гг. судебное преследование было возбуждено 24 раза, арестовано 13 номеров. Леволлиберальная газета «День» подвергалась судебному преследованию 19 раз, конфискация была применена только семь раз. Они также активно штрафовались в административном порядке. Так, за рассматриваемый период газета «День» получила 30 взысканий на сумму не менее 9700 руб., «Речь» — 19 взысканий на сумму не менее 7200 руб. и газета «Биржевые ведомости» — 16 взысканий на сумму не менее 3950 руб.⁶¹ Тем не менее вопрос о закрытии этих изданий в судах не ставился.

Заключение

Реформа законодательства о печати, которая началась в конце 1904 г. и получила свое развитие в условиях первой русской революции, кардинальным образом изменила правовое положение прессы. Закрепленные Манифестом 17 октября 1905 г. и Основными государственными законами принципы свободы слова и печати не являлись только лишь декларативными. Изменения, внесенные в законодательство о цензуре временными правилами о печати 1905–1906 гг., действительно создали условия для свободного учреждения легальных газет и журналов, освободили основную часть прессы от предварительной цензуры и гарантировали свободу распространения газет и журналов.

Органы по надзору за печатью были переориентированы с осуществления предварительной цензуры на выявление признаков преступлений в содержании газет и журналов для привлечения виновных к ответственности в судебном порядке. Таким образом, относительно короткий по историческим меркам период от издания Манифеста 17 октября 1905 г. и до введения военной цензуры в 1914 г. можно назвать временем, когда в Российской Империи существовала свобода печати.

Хотя фактическое положение периодической печати по результатам реформы 1904–1906 гг. было не самым благополучным, основные проблемы объясняются переходным характером рассматриваемого периода. Большое количество уголовных дел в отношении редакторов периодических изданий и многочисленные случаи конфискации тиражей газет и журналов являлись логическим результатом освобождения печати, которое произошло в условиях революции. Во-первых, сохранившиеся в уголовном законодательстве запреты во многом не соответствовали новым условиям. Без реформирования уголовного и уголовно-процессуального законодательства реформа, безусловно, оставалась незавершенной. Во-вторых, радикализировалась сама легальная пресса. И с открыто революционной риторикой в периодической печати правительство не могло мириться. При этом перенос рассмотрения дел печати в суды создал определенные гарантии для деятелей прессы, что подтверждалось высокой долей (около 30%) оправдательных приговоров в отношении редакторов.

Широкое применение законодательства о чрезвычайной и усиленной охране свидетельствовало о том, что правительство стремилось действовать в соответствии с законом, хотя

⁵⁵ См.: Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел. Списки для министра внутренних дел об уголовных преследованиях, возбужденных против редакторов повременных изданий в Санкт-Петербурге, и об административных взысканиях, наложенных на них Санкт-Петербургским градоначальником // РГИА. Ф. 776. Оп. 10. 1 отделение / 1912 г. Д. 323.

⁵⁶ О борьбе с социалистической печатью см.: Памятная записка о рабочих газетах в Петербурге // Красный архив. 1925. Т. 3 (10). С. 289–299.

⁵⁷ В 1911–1914 гг. большевистская газета «Правда» издавалась под семью разными названиями, меньшевики последовательно издавали пять газет, эсеры — 10. «Тождество подобных изданий столь мало маскируется, что подтверждается не только существом их содержания и составом сотрудников, но даже внешним их видом и распределением в них материала», — писал 4 февраля 1914 г. начальник Главного управления по делам печати С.С. Татищев прокурору Санкт-Петербургской судебной палаты (см.: Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел. По вопросу о применении ст. 1045 Уложения о наказаниях при определении меры наказания лицам, ответственным по инкриминируемым периодическим изданиям, принадлежащим к «рабочей прессе» // РГИА. Ф. 776. Оп. 10. 1 отделение / 1914 г. Д. 1301. Л. 1).

⁵⁸ См.: Памятная записка о рабочих газетах в Петербурге. С. 299. В некоторых случаях подставные редакторы сами заявляли о фиктивности своей роли, чтобы снять с себя обвинения в суде (см.: Хроника // Право. 1914. № 7. Стб. 536–537; № 9. Стб. 698–699).

⁵⁹ См.: Памятная записка о рабочих газетах в Петербурге. С. 288.

⁶⁰ См.: Бельгард А.В. Указ. соч. С. 217.

⁶¹ См.: РГИА. Ф. 776. Оп. 10. 1 отделение / 1912 г. Д. 323.

и пыталось в своих интересах скорректировать практику применения старых законов под новые потребности. Кроме того, обращает на себя внимание ограниченный характер применения законодательства о чрезвычайной охране. Даже после введения положения чрезвычайной охраны в столицах в 1906 г. были запрещены только революционные издания. Формированию умеренно оппозиционной качественной прессы правительство не препятствовало.

На протяжении всего рассматриваемого периода правительство не предпринимало попыток изменить законодательство о печати в обход Государственной Думы. Провозглашение принципа свободы слова Манифестом 17 октября 1905 г. рассматривалось как свершившийся факт, и вопрос о возвращении к предварительной цензуре уже не ставился. Процесс эволюционного развития правового регулирования прессы в Российской Империи был прерван сначала начавшейся Первой мировой войной, а затем и революцией 1917 г. Но выявленные тенденции в развитии законодательства и правоприменительной практики позволяют сформулировать вывод, что, несмотря на объективные сложности, Россия двигалась к дальнейшему закреплению основ свободы печати.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арсеньев К.К.* Русская печать на рубеже третьего столетия своего существования // *Право*. 1903. № 1. Стб. 1–11; № 2. Стб. 65–74.
2. *Арсеньев К.К.* Русские законы о печати // *Вестник Европы*. 1869. Т. 3. Кн. 6 (Июнь). С. 785.
3. *Бельгард А.В.* Воспоминания. М., 2009. С. 211, 217, 253–261, 359, 391, 392.
4. *Блохин В.Ф.* Свобода слова в России: от 17 октября к 24 ноября 1905 г. // *Общественная мысль, движения и партии в России XIX – начала XXI вв.* Брянск, 2010. С. 61–75.
5. *Ганфман М.* Первые месяцы (Из воспоминаний) // *Речь*. 1916. № 52.
6. *Гессен В.М.* О юридическом положении повременной печати // *Право*. 1900. № 49. Стб. 2332–2340; № 50. Стб. 2380–2386.
7. *Гессен И.В.* В двух веках: жизненный отчет // *Архив русской революции*. Берлин, 1937. Т. 22. С. 232.
8. *Гессен И.В.* Обновленный строй и кодификация (Доклад Петербургскому Юридическому Обществу 27 февраля 1909 г.) // *Право*. 1909. № 10. Стб. 605–619.
9. *Григорьев С.И.* Придворная цензура и образ верховной власти (1831–1917). СПб., 2007.
10. *Дергачева Л.Д.* Периодика // *Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века*. М., 2011. Т. 1. С. 287, 288.
11. *Держожинский В.Ф.* Полицейское право. СПб., 1908. С. 158.
12. Записка о нуждах русской печати // *Самодержавие и печать в России* / сост. Г.К. Градовским. Берлин, 1898.
13. Из архива С.Ю. Витте: воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки: в 2 т. Т. 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С. 480.
14. К вопросу о подсудности преступлений печати суду присяжных // *Вестник права*. 1901. № 10. С. 187–198.
15. *Ковалевский М.М.* Моя жизнь. Воспоминания. М., 2015. С. 531.
16. *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919: в 2 т. Париж, 1933. Т. 2. С. 85.
17. *Лазаревский Н.И.* Временные правила о печати // *Право*. 1905. № 48–49. Стб. 3882.
18. *Лихоманов А.В.* Особое совещание по составлению нового устава о печати 1905 г.: персональный состав // *Цензура в России: история и современность: сборник научных трудов*. СПб., 2005. Вып. 2. С. 35–69.
19. *Маянгович П.Н., Муравьев Н.К.* Законы о политических и общественных преступлениях. Практический комментарий. СПб., 1910. С. 216, 217.
20. *Мицлов С.Р.* 14 месяцев «свободы печати», 17 октября 1905 г. – 1 января 1907 г.: заметки библиографа // *Былое*. 1907. № 3. С. 130–132.
21. *Мосолов А.А.* При дворе императора. Рига, 1938. С. 166.
22. *Набоков В.Д.* К истории обновленного законодательства о печати (комиссия Д.Ф. Кобеко) // *Свобода печати при обновленном строе*. СПб., 1912. С. 1–42.
23. *Новиков В.Н.* Ответственный редактор // *Журнал уголовного права и процесса*. 1912. № 2. С. 113–142.
24. П.А. Столыпин. Биохроника / под общ. ред. П.А. Пожигайло. М., 2006. С. 148.
25. П.А. Столыпин. Грани таланта политика / под общ. ред. П.А. Пожигайло. М., 2012. С. 466.
26. Памятная записка о рабочих газетах в Петербурге // *Красный архив*. 1925. Т. 3 (10). С. 288–299.
27. *Патрушева Н.Г.* Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий. СПб., 2011. С. 59.
28. *Патрушева Н.Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014. С. 324–337, 375.
29. Письмо Н.В. Шаховского к А.Ф. Кони // *ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 3723. Л. 1–2об.*
30. Прошение 78-ми литераторов Николаю II об изменении устава о печати, 1895 г. // *ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 645.*
31. *Рейфман Б.В.* Периодическая печать // *Россия в 1905–1907 гг.: энциклопедия*. М., 2016. С. 697.
32. *Розенберг В.А.* Несколько цифровых итогов // *Свобода печати при обновленном строе*. СПб., 1912. С. 55, 238.
33. *Розенберг В.А., Якушкин В.Е.* Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. СПб., 1905. С. 139.
34. *Розин Н.Н.* Суд по делам печати // *Журнал уголовного права и процесса*. 1912. № 2. С. 1.
35. С.Ф. Репрессии. Ежегодник газеты «Речь» на 1914 год. СПб., 1914. С. 47.
36. Свод законов Российской империи. Т. I. Ч. I. Свод государственных законов. СПб., 1906.
37. *Сопова А.П.* Концепция свободы печати в русской либеральной правовой мысли конца XIX – начала XX веков // *Гражданское общество в России и за рубежом*. 2016. № 2. С. 10–14.
38. *Сопова А.П.* Проблемы реформирования законодательства о периодической печати в России в начале XX века // *Труды ИГП РАН*. 2020. № 6. С. 190–222.
39. *Толстой П.М.* Обязательные постановления о печати в порядке охраны // *Свобода печати при обновленном строе*. СПб., 1912. С. 107.
40. *Туманова А.С., Киселев Р.В.* Права человека в правовой мысли и законодательстве Российской империи второй половины XIX – начала XX века. М., 2011.
41. *Туманова А.С., Сафонов А.А.* Права человека в политико-правовом дискурсе периода Первой русской революции // *Государство и право*. 2017. № 2. С. 60–68.
42. Хроника // *Право*. 1914. № 7. Стб. 536–537; № 9. Стб. 698–699.
43. *Ширков В.П.* Устав о цензуре и печати с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правит. Сената и административными распоряжениями. СПб., 1900. С. 227.

REFERENCES

1. *Arseniyev K.K.* The Russian press at the turn of the third century of its existence // *Pravo*. 1903. No. 1. Stb. 1–11; No. 2. Stb. 65–74 (in Russ.).
2. *Arseniyev K.K.* Russian laws on the press // *Bulletin of Europe*. 1869. Vol. 3. Book 6 (June). P. 785 (in Russ.).
3. *Bellegarde A.V.* *Memoirs*. M., 2009. Pp. 211, 217, 253–261, 359, 391, 392 (in Russ.).
4. *Blokhin V.F.* Freedom of speech in Russia: from October 17 to November 24, 1905 // *Social thought, movements and parties in Russia of the XIX – early XXI centuries*. Bryansk, 2010. Pp. 61–75 (in Russ.).
5. *Ganfman M.* The first months (From memoirs) // *Speech*. 1916. No. 52 (in Russ.).
6. *Gessen V.M.* On the legal status of the time stamp // *Pravo*. 1900. No. 49. Stb. 2332–2340; No. 50. Stb. 2380–2386 (in Russ.).
7. *Gessen I.V.* In two centuries: a vital report // *Archive of the Russian Revolution*. Berlin, 1937. Vol. 22. P. 232 (in Russ.).
8. *Gessen I.V.* The updated system and codification (Report to the St. Petersburg Law Society on February 27, 1909) // *Pravo*. 1909. No. 10. Stb. 605–619 (in Russ.).
9. *Grigoriev S.I.* Court censorship and the image of supreme power (1831–1917). SPb., 2007 (in Russ.).
10. *Dergacheva L.D.* Periodicals // *Essays of Russian culture. The end of the XIX – the beginning of the XX century*. M., 2011. Vol. 1. Pp. 287, 288 (in Russ.).
11. *Deryuzhinsky V.F.* *Police Law*. St. Petersburg, 1908. P. 158 (in Russ.).
12. A note on the needs of the Russian press // *Autocracy and the press in Russia* / comp. G.K. Gradovsky. Berlin, 1898 (in Russ.).
13. From the archive of S. Yu. Witte: memoirs. The stories are in shorthand. Handwritten notes: in 2 vols. Vol. 2. Handwritten notes. SPb., 2003. P. 480 (in Russ.).
14. On the question of the jurisdiction of crimes of the press to the jury // *Bulletin of Law*. 1901. No. 10. Pp. 187–198 (in Russ.).
15. *Kovalevsky M.M.* *My life. Memoirs*. M., 2015. P. 531 (in Russ.).
16. *Kokovtsov V.N.* From my past. *Memoirs of 1903–1919*: in 2 vols. Paris, 1933. Vol. 2. P. 85 (in Russ.).
17. *Lazarevsky N.I.* Temporary rules on printing // *Pravo*. 1905. No. 48–49. Stb. 3882 (in Russ.).
18. *Likhomanov A.V.* Special meeting on drafting a new charter on the press of 1905: personal staff // *Censorship in Russia: history and modernity: collection of scientific papers*. SPb., 2005. Iss. 2. Pp. 35–69 (in Russ.).
19. *Malyantovich P.N., Muravyov N.K.* Laws on political and public crimes. Practical commentary. St. Petersburg, 1910. Pp. 216, 217 (in Russ.).
20. *Mintslov S.R.* 14 months of “freedom of the press”, October 17, 1905 – January 1, 1907: bibliographer’s notes // *Byloye*. 1907. No. 3. Pp. 130–132 (in Russ.).
21. *Mosolov A.A.* At the court of the Emperor. Riga, 1938. P. 166 (in Russ.).
22. *Nabokov V.D.* On the history of the updated legislation on the press (D.F. Kobeko Commission) // *Freedom of the press under the updated system*. St. Petersburg, 1912. Pp. 1–42 (in Russ.).
23. *Novikov V.N.* Responsible editor // *Journal of Criminal Law and Procedure*. 1912. No. 2. Pp. 113–142 (in Russ.).
24. P.A. Stolypin. *Biochronica* / under the general editorship of P.A. Pozhigailo. M., 2006. P. 148 (in Russ.).
25. P.A. Stolypin. Facets of the talent of a politician / under the general editorship of P.A. Pozhigailo. M., 2012. P. 466 (in Russ.).
26. A memorial note on workers’ newspapers in St. Petersburg // *Krasnyy arkhiv*. 1925. Vol. 3 (10). Pp. 288–299 (in Russ.).
27. *Patrusheva N.G.* Periodical press and censorship of the Russian Empire in 1865–1905. The system of administrative penalties. SPb., 2011. P. 59 (in Russ.).
28. *Patrusheva N.G.* Censorship department in the state system of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX century: dis. ... Doctor of Historical Sciences. SPb., 2014. Pp. 324–337, 375 (in Russ.).
29. Letter of N.V. Shakhovskiy to A.F. Koni // *GA RF*. F. 564. Op. 1. D. 3723. L. 1–2 (in Russ.).
30. Petition of 78 writers to Nicholas II about amendment of the charter on the press, 1895 // *GA RF*. F. 564. Op. 1. D. 645 (in Russ.).
31. *Reifman B.V.* Periodical press // *Russia in 1905–1907: Encyclopedia*. M., 2016. P. 697 (in Russ.).
32. *Rosenberg V.A.* Several digital totals // *Freedom of the press under the updated system*. St. Petersburg, 1912. Pp. 55, 238 (in Russ.).
33. *Rosenberg V.A., Yakushkin V.E.* The Russian press and censorship in the past and present. St. Petersburg, 1905. P. 139 (in Russ.).
34. *Rozin N.N.* Court of Press Affairs // *Journal of Criminal Law and Procedure*. 1912. No. 2. P. 1 (in Russ.).
35. *S.F.* Repressions. The yearbook of the newspaper “Speech” for 1914. St. Petersburg, 1914. P. 47 (in Russ.).
36. Code of laws of the Russian Empire. Vol. I. Ch.I. Code of state laws. St. Petersburg, 1906 (in Russ.).
37. *Sopova A.P.* The concept of press freedom in Russian liberal legal thought of the late XIX – early XX centuries // *Civil society in Russia and abroad*. 2016. No. 2. Pp. 10–14 (in Russ.).
38. *Sopova A.P.* Problems of reforming legislation on periodicals in Russia at the beginning of the twentieth century // *Proceedings of the IGP RAS*. 2020. No. 6. Pp. 190–222 (in Russ.).
39. *Tolstoy P.M.* Mandatory resolutions on the press in the order of protection // *Freedom of the press under the updated system*. St. Petersburg, 1912. P. 107 (in Russ.).
40. *Tumanova A.S., Kiselev R.V.* Human rights in legal thought and law-making of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX century. M., 2011 (in Russ.).
41. *Tumanova A.S., Safonov A.A.* Human rights in the political and legal discourse of the period of the First Russian Revolution // *State and Law*. 2017. No. 2. Pp. 60–68 (in Russ.).
42. Chronicle // *Pravo*. 1914. No. 7. Stb. 536–537; No. 9. Stb. 698–699 (in Russ.).
43. *Shirkov V.P.* The Statute on censorship and the press with later legalizations, legislative motives, explanations Rules. The Senate and administrative orders. St. Petersburg, 1900. P. 227 (in Russ.).

Сведения об авторе

СОПОВА Анастасия Петровна —
кандидат юридических наук,
доцент юридического факультета
Государственного академического университета
гуманитарных наук (ГАУГН); 119049 г. Москва,
Мароновский пер., д. 26

Authors’ information

SOPOVA Anastasia P. —
PhD in Law,
Associate Professor of the Faculty of Law,
State Academic University of Humanities;
26 Maronovsky Lane, 119049 Moscow, Russia

УДК 342.56

РАЗВИТИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ

© 2024 г. В. М. Большакова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Нижегородский институт управления – филиал)*

E-mail: valentinabolshakova@rambler.ru

Поступила в редакцию 16.05.2022 г.

Аннотация. Социальная озабоченность вопросами справедливости, объективности, независимости и эффективности правосудия сопровождает человечество со времен необходимости разрешения возникающих споров путем обращения к третьему независимому рассудителю. Об этом немало сказано в трудах античных авторов во времена бытия классической научной рациональности. В неклассической научной рациональности данный дискурс приобретает свои специфические характеристики, а достижения постнеклассической науки объективируют необходимость дальнейших преобразований судостроительной сферы, повышения легитимности при осуществлении правосудия. Обусловлено это тем, что структура современного судостроительства находится в отношениях функциональной зависимости от общественных систем как одна из подструктур государственной власти, при этом оказывая огромное влияние на экономическую, политическую, нормотворческую, культурную и моральную сферы социальной практики. Для судебной системы во все времена атрибутивными свойствами являются не только непрерывность ее существования, но и динамичность собственных структур или отдельных институтов, для которых на различных этапах реального бытия характерны трансформационные изменения, иногда кардинальные. В целях повышения эффективности социального функционирования судебной системы, соответствия ее потребностям общества необходима генерализация научных представлений о судебных преобразованиях как реальном историко-правовом феномене, сопровождавшем бытие государственной власти. В статье характеризуются существенные признаки понятий «судебная система», «судебные преобразования», «судебная реформа».

Ключевые слова: судебная система, судебные преобразования, судебная реформа, судостроительство, правосудие, судебная власть, социальная структура, статус судьи, судопроизводство.

Цитирование: Большакова В. М. Развитие судебной системы как предмет исследования в постнеклассической науке // Государство и право. 2024. № 1. С. 197–204.

DOI: 10.31857/S1026945224010193

DEVELOPMENT OF THE JUDICIAL SYSTEM AS A SUBJECT RESEARCH IN POST-NON-CLASSICAL SCIENCE

© 2024 V. M. Bolshakova

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch)*

E-mail: valentinabolshakova@rambler.ru

Received 16.05.2022

Abstract. Social concern with issues of justice, objectivity, independence and effectiveness of justice has accompanied humanity since the time of the need to resolve disputes that arise by turning to a third independent judge. Much has been said about this in the writings of ancient authors during the existence of classical scientific rationality. In non-classical scientific rationality, this discourse acquires its specific characteristics, and the achievements of post-non-classical science objectify the need for further transformations in the judicial sphere, the legitimacy of justice. This is due to the fact that the structure of the judiciary is in a relationship of functional dependence on social systems as one of the substructures of state power, which has a huge impact on the economic, political, rule-making, cultural and moral spheres of social practice. For the judicial system at all times, the attributive properties are not only the continuity of its existence, but also the dynamism of its own structures or individual institutions, which at various stages of real existence are characterized by transformational changes, sometimes cardinal. In order to increase the efficiency of the social functioning of the judicial system, to meet its needs of legal development, it is necessary to generalize scientific ideas about judicial transformations as a real historical and legal phenomenon that accompanied the existence of state power. The article characterizes the essential features of the concepts “judicial system”, “judicial reforms”, “judicial reform”.

Key words: judicial system, judicial reforms, judicial reform, judiciary, justice, judicial branch, social structure, the status of a judge, legal proceedings.

For citation: Bolshakova, V.M. (2024). Development of the judicial system as a subject research in post-non-classical science // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 197–204.

Независимость суда, законность и справедливость при принятии судебных актов, а также свободный доступ к правосудию стали ведущими положениями правового регулирования общественной жизни. Правопорядок предполагает, что возможное принимаемое судебное решение будет основано не на непредсказуемом произволе или воле господствующих сил, а на справедливом рассмотрении¹. Таковое воздействие права на легализацию и упорядочение социальных отношений направлено на повышение эффективности и устойчивости общественного, экономического и политического развития.

Важнейшим компонентом системы государственной власти является судебная власть. Социальное государство воспринимается как характеристика, которая ставит во главу угла общесоциальный интерес и выполняет объединительную функцию².

Следует отметить, что правосудие как способ разрешения споров, ссор и конфликтов зародилось задолго до образования государства, оно было сконструировано еще первобытным человечеством, видимо, одновременно с началом использования огня, и можно утверждать, что в истории человеческой цивилизации эти открытия сыграли важнейшую роль. Развиваясь, правосудие обрело организационно-правовой механизм своего отправления, структурировалось, специализировалось, порой принимало различные формы и превратилось в большинстве государств в самостоятельную ветвь государственной власти³.

Сегодня наша страна находится перед лицом глобальных трансформационных процессов. Они характеризуются обширными преобразованиями государственного и общественного устройства, смены одних государственных органов другими и реформированием существующих институтов. Но диалектика бытия права – это не только императивные предписания,

такое понимание социальной функции права обращено лишь на прошлый человеческий опыт, а в будущее, напротив, смотрит опережающее правоприменение. Таковое проявляется в судебных решениях, когда по причине несоответствия правовых норм объективным запросам общества и закономерностям социальной практики конструируются правовые нормы в решениях судов, которые лишь затем будут имплицитованы в законодательство⁴. Наряду с другими социальными институтами, существенным образом влияющими на законодательное усмотрение и реальное правоприменение, ими являются суды различной юрисдикции⁵.

Фиксация динамики общественных настроений об оценке суда, эффективности правосудия социологическими методами, путем опросов общественного и профессионального мнения, различных исследований удовлетворенности граждан деятельностью суда демонстрируют, что решающего перелома в положительной оценке судебной системы в сознании российских граждан пока еще не произошло⁶. Следовательно, проблемы функционирования судебной власти свидетельствуют, что проведенные крупномасштабные модернизационные преобразования механизма судебной власти своей цели не достигли. Вновь необходимы изменения: одновременное радикальное сбалансированное преобразование всех трех составляющих (судоустройственного, судопроизводственного и судейско-статусного) механизмов судебной власти с целью качественного совершенствования механизма правосудия⁷.

⁴ См.: Лазарев В.В. Доктрина имплементации решений судебных органов в законодательство // Журнал рос. права. 2019. № 7. С. 7.

⁵ См.: Большакова В.М., Холиков И.В. Диалектика сменяемости и делимости: заметки о критериях периодизации судебных преобразований в России во второй половине XIX – начале XXI века // Lex russica (Русский закон). 2022. № 3 (184). С. 142–159.

⁶ См.: Власов В.И., Веричев К.Б. Динамика развития судебной реформы в России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 6 (85). С. 57–60.

⁷ См.: Клеандров М.И. О необходимости новой судебной реформы в России // Новации юридической науки и практики как фактор гармонизации взаимоотношений личности, общества и государства: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 5–7 октября 2017 г. Новосибирск, 2017. С. 10–13.

¹ См.: Исаев И.А. Метафоры Закона: от «света» к «пламени» // Lex russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 6. С. 23–35.

² См.: Клименко А.И. Контексты понимания категории «социальное государство» в юридической науке // Право и образование. 2008. № 11. С. 56–61.

³ См.: Клеандров М.И. Конституционно значимые несовершенства судебной власти в Российской Федерации // Вестник РАН. 2018. Т. 88. № 10. С. 886.

Таким образом, представляется, что концептуализация судебных преобразований как историко-правового феномена и выявление закономерностей изменений судебных структур, судебных реформ и судебной системы есть актуальные научные задачи для постнеклассической науки.

Поскольку в предметное поле теоретико-исторических правовых наук входят концепции, проблемы, категории, понятия, описывающие и объясняющие этапы развития права и институтов, его реализующих⁸, то важной теоретической и практической задачей является изучение не только развития этих норм, но и закономерностей развития органов, реализующих правовые нормы в социальной жизни⁹.

На уровне науки и иных сфер социальной практики обостряется потребность в методологической проработанности основ деятельности¹⁰, поскольку правовые исследования обращены не только к общефилософским проблемам права, но и к повышению эффективности реального правоприменения, когда общие категории права становятся по своему характеру не только общетеоретическими и философскими, но еще и категориями праксиологическими, реально применимыми в конкретных социальных ситуациях¹¹.

В функциональной характеристике права произошло выделение его методологической и эпистемологической роли. В фундаментальном научном труде Г.В. Мальцева¹² определяются основные методологические основания научных исследований как совокупность предлагаемых к использованию теоретических парадигм, которые применимы и при изучении норм права¹³.

Исследование организационно-правовых государственных институтов, к которым относится судебная система, возможно на основании комплексного применения методов научного познания, к которым относятся: принцип историзма, или исторический метод; формально-юридический анализ; метод реконструкции государственно-правовых реалий в конкретный исторический период¹⁴.

Рассмотрение развития судебной системы разумно строить на понимании того, что такое постнеклассическая наука и каковы ее сущностные характеристики. Содержательно-структурные аспекты постнеклассической науки и критерии различения типов научной рациональности выделены

акад. РАН В.С. Степиным¹⁵, который содержательно, структурно и функционально отличает постнеклассическую научную рациональность от классической и неклассической. По его мнению, критериями их различения выступают: системные; аксиологические (идеалы и нормы); рефлексивные критерии. В совокупности они обеспечивают включение научных знаний в культуру соответствующей исторической эпохи¹⁶. Основной вектор бытия постнеклассической науки можно изобразить как описание, объяснение и прогнозирование последовательного развития сложных саморазвивающихся систем (социальных, технических, биологических)¹⁷.

Исторический аспект. Повышенное внимание исследователей к изучению динамики судебной системы, особенностей ее иерархического строения и функционирования является важным для теоретических и прикладных юридических исследований. Это обусловлено рядом объективных обстоятельств. Во-первых, реальными противоречиями социальной практики. Во-вторых, традиционной попыткой философского осмысления происходящих общественных, политических, экономических и идеологических изменений. В-третьих, «ренессансом» исследований судебной реформы Александра II, связанным со 150-летним юбилеем с момента ее проведения, поскольку она была прорывом в области становления идей правосудия¹⁸. Время от времени интерес историков и теоретиков права к проведенной судебной реформе угасал, но ныне произведенные в Российской Империи организационные, структурные и содержательные преобразования используются в качестве примера или аналогии с современными реформенными изменениями, плавно перетекая из доктринально-методологической в практическую плоскость и обратно¹⁹.

Судебная реформа была одной из государственно-структурных реформ, проводимых в Российской Империи, поскольку вторая половина XIX в. ознаменовалась рядом реформ всех ключевых сфер общественной жизни. Были проведены и земская (1864), и военная (1874), судостроительная (1864) и уголовно-процессуальная (1885) реформы²⁰.

Поскольку в 1864 г. произошел кардинальный слом судебной системы и государственным аппаратом сначала был спланирован, обеспечен, а затем и реализован качественный переход (скачок) в деле становления структуры суда, а также принципов независимости судов, несменяемости судей, объективности, справедливости, всесословности (равенства) и беспристрастности правосудия, есть

⁸ См.: *Мацкевич И.М., Власенко Н.А.* Формализация специальностей научных исследований в сфере права: содержание и перспективы // Журнал рос. права. 2013. № 6 (198). С. 116–147.

⁹ См.: *Большакова В.М.* Генезис становления и развития судебной системы Российской Федерации в конце XX — начале XXI века: институциональные и нормативные характеристики // Право и политика. 2021. № 3. С. 26–36.

¹⁰ См.: *Большакова В.М.* Философские основания применения методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сб. науч. тр. по материалам Четвертой Всерос. науч. конф., Нижний Новгород, 17 ноября 2021 г. Н. Новгород, 2021. С. 44–51.

¹¹ См.: *Савенков А.Н.* Философия права и юридическое мышление: история и современность // Вопросы философии. 2019. № 8. С. 38–48.

¹² См.: *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М., 2011.

¹³ См.: *Лазарев В.В.* Функциональная характеристика принципов права // Юрид. техника. 2020. № 14. С. 207–212.

¹⁴ См.: *Демичев А.А.* О научной новизне в историко-правовых исследованиях // Росс. журнал правовых исследований. 2016. Т. 3. № 2 (7). С. 16–21.

¹⁵ См.: *Степин В.С.* Особенности научного познания и критерии типов научной рациональности // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 36. № 2. С. 78–91.

¹⁶ См.: *Степин В.С.* Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 18.

¹⁷ См.: *Степин В.С.* Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. С. 45–59.

¹⁸ См.: *Власов В.И., Власова Г.Б.* Значение судебной реформы для политико-правового развития государства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 11 (54). С. 19–22.

¹⁹ См.: *Демичев А.А.* К вопросу о сравнимости судебной реформы 1864 г. и судебных преобразований конца XX — начала XXI века в России // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2014. № 9–1. С. 7–14.

²⁰ См.: *Власов В.И.* Диалектика устойчивости и неустойчивости общества: на примере Российской истории // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 2 (92). С. 113–122.

основания полагать, что произошедшая в Российской Империи судебная реформа — не реформа даже, а, возможно, и судебная революция, обеспечившая переход от одной правовой реальности, формации и ценностей правосудия к другим, более близким большинству общественных слоев, гуманным, просвещенным и цивилизованным шагом. Здесь уместна аналогия с научной революцией, характеризуемой сначала кумуляцией, а затем кардинальным сломом концептуальных основ (ведущих идей, парадигм, теорий), идеалов и норм научного исследования и переходом на новый качественный уровень развития науки²¹. Реформировались суды не единожды. Однако полная перестройка судебной системы, качественный переход к новой структуре судебных органов и изменение их предназначения произошли лишь в 1864 г. Следовательно, судебная революция представляет собой количественный и качественный переход от одной судебной системы к другой, который характеризуется концептуальной сменой теоретических основ, социальных функций судов (их предназначения) и законодательства в области организации суда, статуса судей и осуществления правосудия. Судебная революция включает концептуальную основу, субъекты и систему механизмов, на которых основывается ее функционирование. Она имеет свои причины, движущие силы, условия, закономерности развития, последствия, а также выполняет социально значимые функции. В рамках судебной революции обретается новый статус (судебной системы, судов и судей), а также меняются цели, задачи и полномочия судов.

Концептуализация судебных преобразований предполагает периодизацию их истории и, пусть условное, но разделение на соответствующие этапы. Выделяется шесть периодов судебных преобразований применительно к динамике судостроительства в России во второй половине XIX — начале XXI в.: первый период (20 ноября 1864 г. — 1 июля 1899 г.) — судебная реформа 1864 г.; второй период (1 июля 1899 г. — 22 ноября (5 декабря) 1917 г.) — преобразование судостроительства и судопроизводства, созданных Судебными уставами 1864 г.; третий период (22 ноября (5 декабря) 1917 г. — 25 мая 1922 г.) — судебные преобразования первых лет советской власти; четвертый период (25 мая 1922 г. — 10 июля 1923 г.) — судебная реформа 1922 г.; пятый период (10 июля 1923 г. — 24 октября 1991 г.) — преобразование судостроительства и судопроизводства в РСФСР, созданных в ходе судебной реформы 1922 г.; шестой период (24 октября 1991 г. — 29 июля 2018 г.) — судебная реформа в Российской Федерации²². Критериями различения этапов судебных преобразований выступают: нормативно-правовой; содержательный; контекстно-средовой; временной и аксиологический. Возможно выделение подпериодов внутри одного периода, но критерием здесь служит не формальная привязка к тому или иному нормативному правовому акту, а именно сущность шедших в его продолжение судебных преобразований²³.

²¹ См.: Кун Т., Лакатос И., Поппер К. Р. Структура научных революций / сост. и предисл. к кн.: В. Ю. Кузнецов; пер. с англ.: И. З. Налетов, В. Н. Порус, А. Л. Никифоров, О. А. Балла. М., 2001; Кун Т., Балл О. А. Логика открытия или психология исследования? // Философия науки. 1997. Т. 3. № 1. С. 20–48; Кун Т. Структура научных революций // Исследователь / Researcher. 2010. № 1–2 (5–6). С. 46–61.

²² См.: Демичев А. А., Большакова В. М., Илюхина В. А. Периодизация истории судебных преобразований в России во второй половине XIX–XXI вв. // История государства и права. 2021. № 5. С. 34–45.

²³ См.: Большакова В. М., Холиков И. В. Указ. соч. С. 142–159.

Последнее крупное реформирование всей структуры судебной системы происходит в Российской Федерации с 2018 г. путем комплексного изменения норм о судостроительстве и судопроизводстве. Это уже позволило на практике повысить значимость принципа независимости судов, поскольку произошло разделение апелляционной и кассационной инстанции из одного суда (областного, городского) в суды апелляционной и кассационной инстанции. Независимость судебных инстанций и их структурная обособленность позволяют, в свою очередь, эффективно и единообразно выстраивать судебную практику²⁴. Подобные радикальные изменения судостроительной и судопроизводственной сфер происходят не впервые, с их помощью продолжается целенаправленная деятельность по формированию независимого и справедливого суда²⁵. В качестве концептуальной основы обращает на себя внимание разработанная и утвержденная 24 октября 1991 г. Концепция судебной реформы, в которой были намечены ее основные теоретические и практические направления²⁶. Судебная реформа есть плод определенных интеллектуальных усилий реформаторов, практическое воплощение их замысла.

Реформирование российского судостроительного и судопроизводственного законодательства весьма обстоятельно проанализировано В. М. Жуйковым. Так, им рассмотрены нормы, регулирующие деятельность судов по разрешению находящихся в их производстве гражданских дел, которое началось с наступлением 1990-х гг. и продолжается донныне. Выделяются основные этапы такого реформирования, связанные с принятием Конституции РФ 1993 г., изменениями в судебной системе, принятием Арбитражного процессуального кодекса РФ 1992, 1995, 2002 гг., существенными изменениями Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 г. и вступлением в силу Гражданского процессуального кодекса РФ 2002 г. Диалектическая взаимосвязь судостроительного и процессуального законодательства проявляется наглядно при практическом осуществлении правосудия, т.е. судопроизводстве в системе тех судов, которые утверждены судостроительными нормами, а судебная власть реализуется на основании и в процессе применения процессуальных норм, как бы замыкая виток циклического взаимодействия²⁷.

Результаты судебной реформы в Российской Федерации принесли значительный и положительный результат. Однако осуществлена ли в полной мере взаимосвязь между требованиями независимости, эффективности и ответственности правосудия? В этом есть сомнения. Справедливость судебной защиты вызывает у людей иронию, а иногда и откровенное недоверие или насмешку.

Оговоримся и о ключевых понятиях, используемых для историко-правового познания судебной системы. Под судебной реформой понимается совокупность проведенных по определенному плану комплексных многоаспектных

²⁴ См.: Момотов В. В. Российское правосудие на современном этапе: основные тенденции развития // Судья. 2018. № 8 (92). С. 41–51.

²⁵ См.: Момотов В. В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть I) // Журнал рос. права. 2018. № 10 (262). С. 134–146.

²⁶ См.: Власов В. И., Абасов В. А. Теоретическая основа современной судебной реформы в России (К 30-летию принятия концепции судебной реформы) // Вестник юридического факультета ЮФУ. 2021. Т. 8. № 3. С. 9–14.

²⁷ См.: Жуйков В. М. Общая концепция развития процессуального законодательства и законодательства о судостроительстве // Журнал рос. права. 2010. № 7 (163). С. 5.

мероприятий, направленных на реорганизацию судоустройства (а также статуса судебной власти и судей) и судопроизводства в целях удовлетворения интересов государства и общества в конкретно-исторической ситуации. В широком смысле понятия «судебные преобразования» и «судебные реформы» соотносятся как общее и частное, судебные реформы — это разновидность судебных преобразований (в широком смысле). В отличие от судебных реформ судебные преобразования в узком смысле — это постоянный процесс, идущий с большей или меньшей интенсивностью. Главная особенность судебных преобразований заключается в их «текущем» характере, не всегда системности и комплексности при внесении изменений в законодательство о судоустройстве и судопроизводстве²⁸.

Судебные реформы характеризуются системно-структурными, организационными, материально-техническими, субъектными, нормативно-правовыми, социально-функциональными и ценностно-целевыми изменениями судоустройственной сферы²⁹.

Любой механизм правосудия состоит из трех составляющих: судоустройственной, судопроизводственной и судейско-статусной. И полная самостоятельность по всей вертикали юрисдикции может быть обеспечена, когда в ней наличествуют все три самостоятельные составляющие³⁰. При этом судебные преобразования можно характеризовать как организационные, структурные или функциональные изменения судебной системы. Мы выделяем три уровня судебных преобразований: оптимизационные изменения; судебная реформа; судебная революция.

Судебные преобразования стратегического уровня могут опираться на базовых теоретических принципах — главной цели правосудия, особой роли человека как осуществляющего судебную власть, как и того, кто обращается в суд или в отношении которого суд принимает правоприменительные решения в соответствии с компетенцией. При любом качественном движении судебных структур в сторону как совершенствования организационно-правовых основ, так и осуществления правосудия судебная деятельность практически реализует принцип правовой и моральной справедливости во всех сферах жизнедеятельности нашего общества. По оценкам общественного мнения, повсеместное торжество справедливости в отечественных судах пока не наступило³¹.

Структурно-функциональный аспект. Атрибутивными характеристиками судебной системы является многокомпонентность, организационная и процессуальная иерархичность, территориальная полночная делимость, законность, саморегулируемость, динамичность структур, традиционность³². Среди основных характеристик су-

дебных систем также можно выделить: а) полиструктурность; б) многофункциональность; в) многовариантность; г) адаптивность³³.

В теории судебных систем одним из ключевых вопросов является внедрение и применение эффективных алгоритмов управления ими. В решении задач внедрения алгоритмов управления государственными властными системами (в т.ч. судебной) важнейшим аспектом является определение направлений и уровней такого целеполагания³⁴.

В функционировании судебной системы выделяются различные субъектные компоненты, получившие социальную институализацию. Их проявление, во-первых, зависит от места и роли судебной системы в общем строении государственно-властных структур, во-вторых, от собственного компонентного состава этих институтов (прокуратуры, адвокатуры, органов принудительного исполнения, органов юстиции), в-третьих, от рядоположенности самих судебных инстанций³⁵.

Правосудие необходимо рассматривать как целенаправленно организованное социальное системное явление, организуемое государственными органами и общественными силами, характеризующееся организацией и самоорганизацией, а также специфическим субъектным составом³⁶. Судебная система — это сложная совокупность всего аппарата управления и осуществления судебной власти. Основными участниками судебной деятельности при этом являются судьи и стороны, а также обеспечивающий персонал³⁷.

Легального определения судебной системы отечественное законодательство не имеет, однако существенные признаки данного понятия содержатся в требованиях нормативных правовых актов, регламентирующих организацию судебной системы, статус судов и судей, а также функционирование судебной власти на территории Российской Федерации.

Так, под судебной системой следует понимать, с одной стороны, единую совокупность судов, действующих на территории Российской Федерации, судьи которых независимо осуществляют судебную власть посредством конституционного, гражданского, административного, уголовного и арбитражного судопроизводства, привлекаемых к правосудию присяжных и арбитражных заседателей, а также аппарат организационно-материального обеспечения судебной деятельности.

Отмечается, что понятие судебной системы носит концептуальный/доктринальный характер. Представления о судебной доктрине любого государства, чтобы быть надлежательными, требуют подкрепления соответствующих теоретических положений практическими иллюстрациями, почерпнутыми из судебной практики отправления правосудия.

²⁸ См.: *Большакова В.М.* Динамика судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI века: историко-правовое исследование / под науч. ред. А.А. Демичева. Тамбов, 2021. С. 89.

²⁹ См.: *Большакова В.М.* Концепция судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI века (теоретико-правовой, исторический и структурно-функциональный аспекты) // Журнал рос. права. 2022. Т. 26. № 4. С. 116–134.

³⁰ См.: *Клеандров М.И.* О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия // Государство и право. 2021. № 3. С. 19.

³¹ См.: *Клеандров М.И.* О стратегии развития механизма судебной власти в Российской Федерации // Росс. правосудие. 2017. № 10 (138). С. 33.

³² См.: *Колоколов Н.А.* Судебное строительство: от века индустриального до эпохи второго модерна // Вестник Московского ун-та МВД России. 2021. № 6. С. 152.

³³ См.: *Яровая М.В.* Типология судебных систем современных европейских государств // Вестник МГПУ. Сер. «Юридические науки». 2008. № 1 (21). С. 49–53.

³⁴ См.: *Колоколов Н.А.* Государство и суд: наши размышления о некоторых критериях привлекательности и эффективности // Вестник экономической безопасности. 2021. № 4. С. 194–210.

³⁵ См.: *Гребенников В.В., Грудцына Л.Ю.* Принципы организации и типологии судебных систем // Государство и право. 2018. № 1. С. 102–106.

³⁶ См.: *Лазарев В.В., Фурсов Д.А.* К вопросу о роли правосудия в жизни государства // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 34–38.

³⁷ См.: *Колоколов Н.А.* Судебное строительство: от века индустриального до эпохи второго модерна. С. 151.

* * *

Судебная система обладает рядом содержательных, структурных, функциональных и процессуальных характеристик. Ее структурно-иерархическое строение разделено на суды общей юрисдикции (районные, городские, областные, верховные суды республик, кассационные суды общей юрисдикции, а также военные суды — гарнизонные, окружные и Апелляционный военный суд, Кассационный военный суд и Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ), арбитражные суды (суды областей и городов, апелляционные суды, суды округов, а также специализированный арбитражный суд — Суд по интеллектуальным правам), а также мировые суды субъектов Российской Федерации. В соответствии с Конституцией РФ высшим судебным органом является Верховный Суд РФ. Особыми полномочиями и правовым положением в судебной системе обладает Конституционный Суд РФ. Судебная система Российской Федерации основывается на принципе сочетания административно-территориальной и окружной организации. В ходе конституционной реформы 2020 года также упразднены конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации³⁸. Органом, не осуществляющим правосудие, но органично встроенным в судебную систему, на который возложены организационные, обеспечительные и материально-технические функции, является Судебный департамент при Верховном Суде РФ и его территориальные управления.

Функционирующая судебная система стала квинтэссенцией исторического правового опыта, результатом научных исследований сферы судоустройства и судопроизводства, достижением юридической техники, социальных запросов на законность и справедливое судебное разбирательство, а также системы ценностей, устоявшейся в российском обществе³⁹.

Основными направлениями совершенствования судебной системы и реформирования правосудия являются следующие концептуальные положения: 1) адаптация структуры судебной системы к меняющимся потребностям государства и общества и представлениям о них; 2) обеспечение эффективности судебной системы в условиях социальной «турбулентности»; 3) придание судебной системе должной справедливости и легитимности⁴⁰.

Судебная система осуществляет свою деятельность в условиях модернизации различных сфер общественной жизни, нарастания социальных угроз и политических противоречий, нестабильности финансово-экономической ситуации и необходимости укомплектования должностей судей квалифицированными кадрами. Решение задач совершенствования судебной деятельности возможно при преодолении негативного воздействия указанных факторов, что обеспечит качественное развитие судебной власти⁴¹. Построить и перестроить судебную систему, совершенствовать структуру судов важно, но при этом нужно найти и главный человеческий, а оттого духовно-нравственный элемент правосудия.

³⁸ См.: *Большакова В. М.* Генезис становления и развития судебной системы Российской Федерации в конце XX — начале XXI века: институциональные и нормативные характеристики. С. 26–36.

³⁹ См.: *Большакова В. М., Холиков И. В.* Указ. соч. С. 142–159.

⁴⁰ См.: *Малько А. В., Саломатин А. Ю.* Концептуальные предложения по углублению судебной реформы в России // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2016. № 4. С. 29–36.

⁴¹ См.: *Власов В. И., Веричев К. Б.* Указ. соч. С. 57–60.

Генезис государственных структур — один из этапов развития общества, который характеризуется качественным переходом от одних организационных основ к другим. Судебная власть, правосудие и судебная система являются показателем его культурно-исторического и правового цивилизованного развития. По природе своего функционирования суд как государственный институт оказывает влияние на происходящие общественно-политические и экономические процессы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Большакова В. М.* Генезис становления и развития судебной системы Российской Федерации в конце XX — начале XXI века: институциональные и нормативные характеристики // *Право и политика*. 2021. № 3. С. 26–36.
2. *Большакова В. М.* Динамика судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI века: историко-правовое исследование / под науч. ред. А. А. Демичева. Тамбов, 2021. С. 89.
3. *Большакова В. М.* Концепция судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI века (теоретико-правовой, исторический и структурно-функциональный аспекты) // *Журнал рос. права*. 2022. Т. 26. № 4. С. 116–134.
4. *Большакова В. М.* Философские основания применения методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // *Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сб. науч. тр. по материалам Четвертой Всеросс. науч. конф., Нижний Новгород, 17 ноября 2021 г.* Н. Новгород, 2021. С. 44–51.
5. *Большакова В. М., Холиков И. В.* Диалектика сменяемости и делимости: заметки о критериях периодизации судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI века // *Lex russica (Русский закон)*. 2022. № 3 (184). С. 142–159.
6. *Власов В. И.* Диалектика устойчивости и неустойчивости общества: на примере Российской истории // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2016. № 2 (92). С. 113–122.
7. *Власов В. И., Абасов В. А.* Теоретическая основа современной судебной реформы в России (К 30-летию принятия концепции судебной реформы) // *Вестник юридического факультета ЮФУ*. 2021. Т. 8. № 3. С. 9–14.
8. *Власов В. И., Веричев К. Б.* Динамика развития судебной реформы в России // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2017. № 6 (85). С. 57–60.
9. *Власов В. И., Власова Г. Б.* Значение судебной реформы для политико-правового развития государства // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2014. № 11 (54). С. 19–22.
10. *Гребенников В. В., Грудцына Л. Ю.* Принципы организации и типологизации судебных систем // *Государство и право*. 2018. № 1. С. 102–106.
11. *Демичев А. А.* К вопросу о сравнимости судебной реформы 1864 г. и судебных преобразований конца XX — начала XXI века в России // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2014. № 9–1. С. 7–14.
12. *Демичев А. А.* О научной новизне в историко-правовых исследованиях // *Росс. журнал правовых исследований*. 2016. Т. 3. № 2 (7). С. 16–21.
13. *Демичев А. А., Большакова В. М., Илюхина В. А.* Периодизация истории судебных преобразований в России во второй поло-

- вине XIX–XXI вв. // История государства и права. 2021. № 5. С. 34–45.
14. Жуйков В.М. Общая концепция развития процессуального законодательства и законодательства о судоустройстве // Журнал росс. права. 2010. № 7 (163). С. 5.
 15. Исаев И.А. Метафоры Закона: от «света» к «пламени» // Lex russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 6. С. 23–35.
 16. Клеандров М.И. Конституционно значимые несовершенства судебной власти в Российской Федерации // Вестник РАН. 2018. Т. 88. № 10. С. 886.
 17. Клеандров М.И. О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия // Государство и право. 2021. № 3. С. 19.
 18. Клеандров М.И. О необходимости новой судебной реформы в России // Новации юридической науки и практики как фактор гармонизации взаимоотношений личности, общества и государства: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 5–7 октября 2017 г. Новосибирск, 2017. С. 10–13.
 19. Клеандров М.И. О стратегии развития механизма судебной власти в Российской Федерации // Росс. правосудие. 2017. № 10 (138). С. 33.
 20. Клименко А.И. Контексты понимания категории «социальное государство» в юридической науке // Право и образование. 2008. № 11. С. 56–61.
 21. Колоколов Н.А. Государство и суд: наши размышления о некоторых критериях привлекательности и эффективности // Вестник экономической безопасности. 2021. № 4. С. 194–210.
 22. Колоколов Н.А. Судебное строительство: от века индустриального до эпохи второго модерна // Вестник Московского ун-та МВД России. 2021. № 6. С. 151, 152.
 23. Кун Т. Структура научных революций // Исследователь / Researcher. 2010. № 1–2 (5–6). С. 46–61.
 24. Кун Т., Балл О.А. Логика открытия или психология исследования? // Философия науки. 1997. Т. 3. № 1. С. 20–48.
 25. Кун Т., Лакатос И., Поппер К.Р. Структура научных революций / сост. и предисл. к кн.: В.Ю. Кузнецов; пер. с англ.: И.З. Налетов, В.Н. Порус, А.Л. Никифоров, О.А. Балла. М., 2001.
 26. Лазарев В.В. Доктрина имплементации решений судебных органов в законодательство // Журнал росс. права. 2019. № 7. С. 7.
 27. Лазарев В.В. Функциональная характеристика принципов права // Юрид. техника. 2020. № 14. С. 207–212.
 28. Лазарев В.В., Фурсов Д.А. К вопросу о роли правосудия в жизни государства // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 34–38.
 29. Малько А.В., Саломатин А.Ю. Концептуальные предложения по углублению судебной реформы в России // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 4. С. 29–36.
 30. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2011.
 31. Мацкевич И.М., Власенко Н.А. Формализация специальностей научных исследований в сфере права: содержание и перспективы // Журнал росс. права. 2013. № 6 (198). С. 116–147.
 32. Момотов В.В. Российское правосудие на современном этапе: основные тенденции развития // Судья. 2018. № 8 (92). С. 41–51.
 33. Момотов В.В. Судебная реформа 2018 г. в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть I) // Журнал росс. права. 2018. № 10 (262). С. 134–146.
 34. Савенков А.Н. Философия права и юридическое мышление: история и современность // Вопросы философии. 2019. № 8. С. 38–48.
 35. Степин В.С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 18.
 36. Степин В.С. Особенности научного познания и критерии типов научной рациональности // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 36. № 2. С. 78–91.
 37. Степин В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. С. 45–59.
 38. Яровая М.В. Типология судебных систем современных европейских государств // Вестник МГПУ. Сер. «Юридические науки». 2008. № 1 (21). С. 49–53.

REFERENCES

1. Bolshakova V.M. The genesis of the formation and development of the judicial system of the Russian Federation in the late XX – early XXI century: institutional and regulatory characteristics // Law and politics. 2021. No. 3. Pp. 26–36 (in Russ.).
2. Bolshakova V.M. Dynamics of judicial transformations in Russia in the second half of the XIX – early XXI century: historical and legal research / ed. by A.A. Demichev. Tambov, 2021. P. 89 (in Russ.).
3. Bolshakova V.M. The concept of judicial transformations in Russia in the second half of the XIX – early XXI century (theoretical and legal, historical and structural and functional aspects) // Journal of Russ. law. 2022. Vol. 26. No. 4. Pp. 116–134 (in Russ.).
4. Bolshakova V.M. Philosophical foundations of the application of the methodology of chronodiscrete monogeographic comparative jurisprudence // Actual problems and prospects of development of the scientific school of Chronodiscrete monogeographic comparative jurisprudence: collection of scientific works based on the materials of the Fourth All-Russian Scientific Conference, Nizhny Novgorod, November 17, 2021. N. Novgorod, 2021. Pp. 44–51 (in Russ.).
5. Bolshakova V.M., Kholikov I.V. Dialectics of changeability and divisibility: notes on the criteria for periodization of judicial transformations in Russia in the second half of the XIX – early XXI century // Lex russica (Russian law). 2022. No. 3 (184). Pp. 142–159 (in Russ.).
6. Vlasov V.I. Dialectics of stability and instability of society: on the example of Russian history // Ethnosocium and interethnic culture. 2016. No. 2 (92). Pp. 113–122 (in Russ.).
7. Vlasov V.I., Abasov V.A. The theoretical basis of modern judicial reform in Russia (On the 30th anniversary of the adoption of the concept of judicial reform) // Herald of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2021. Vol. 8. No. 3. Pp. 9–14 (in Russ.).
8. Vlasov V.I., Verichev K.B. Dynamics of development of judicial reform in Russia // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2017. No. 6 (85). Pp. 57–60 (in Russ.).
9. Vlasov V.I., Vlasova G.B. The importance of judicial reform for the political and legal development of the state // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2014. No. 11 (54). Pp. 19–22 (in Russ.).
10. Grebennikov V.V., Grudtsyna L. Yu. Principles of organization and typologization of judicial systems // State and Law. 2018. No. 1. Pp. 102–106 (in Russ.).
11. Demichev A.A. On the comparability of the judicial reform of 1864 and judicial transformations of the late twentieth – early XXI century in Russia // Historical and legal problems: a new perspective. 2014. No. 9–1. Pp. 7–14 (in Russ.).
12. Demichev A.A. On scientific novelty in historical and legal research // Russ. Journal of Legal Studies. 2016. Vol. 3. No. 2 (7). Pp. 16–21 (in Russ.).

13. *Demichev A.A., Bolshakova V.M., Ilyukhina V.A.* Periodization of the history of judicial transformations in Russia in the second half of the XIX–XXI centuries // *History of the state and law*. 2021. No. 5. Pp. 34–45 (in Russ.).
14. *Zhuikov V.M.* The general concept of the development of procedural legislation and legislation on the judicial system // *Journal of Russ. law*. 2010. No. 7 (163). P. 5 (in Russ.).
15. *Isaev I.A.* Metaphors of the Law: from “light” to “flame” // *Lex russica (Russian law)*. 2021. Vol. 74. No. 6. Pp. 23–35 (in Russ.).
16. *Kleandrov M.I.* Constitutionally significant imperfections of the judiciary in the Russian Federation // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2018. Vol. 88. No. 10. P. 886 (in Russ.).
17. *Kleandrov M.I.* On the directions of improving the mechanism of judicial power in ensuring justice // *State and Law*. 2021. No. 3. P. 19 (in Russ.).
18. *Kleandrov M.I.* On the need for a new judicial reform in Russia // *Innovations in legal science and practice as a factor in harmonizing the relationship between personality, society and the state: materials of the International Scientific and Practical Conference, Novosibirsk, October 5–7, 2017. Novosibirsk, 2017*. Pp. 10–13 (in Russ.).
19. *Kleandrov M.I.* On the strategy for the development of the mechanism of judicial power in the Russian Federation // *Russ. Justice*. 2017. No. 10 (138). P. 33 (in Russ.).
20. *Klimenko A.I.* Contexts of understanding the category of “social state” in legal science // *Law and education*. 2008. No. 11. Pp. 56–61 (in Russ.).
21. *Kolokolov N.A.* The state and the court: our reflections on some criteria of attractiveness and effectiveness // *Herald of Economic Security*. 2021. No. 4. Pp. 194–210 (in Russ.).
22. *Kolokolov N.A.* Judicial construction: from the Industrial Age to the era of the second Modern // *Herald of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021. No. 6. Pp. 151, 152 (in Russ.).
23. *Kun T.* The structure of scientific revolutions // *Researcher / Researcher*. 2010. No. 1–2 (5–6). Pp. 46–61 (in Russ.).
24. *Kun T., Ball O.A.* Logic of discovery or psychology of research? // *Philosophy of Science*. 1997. Vol. 3. No. 1. Pp. 20–48 (in Russ.).
25. *Kun T., Lakatos I., Popper K.R.* The structure of scientific revolutions / compilation and preface to the book: V. Yu. Kuznetsov; transl. from English: I. Z. Naletov, V. N. Porus, A. L. Nikiforov, O. A. Ball. M., 2001 (in Russ.).
26. *Lazarev V.V.* Doctrine of implementation of solutions judicial bodies in legislation // *Journal of Russ. law*. 2019. No. 7. P. 7 (in Russ.).
27. *Lazarev V.V.* Functional characteristics of the principles of law // *Yurid. technika*. 2020. No. 14. Pp. 207–212 (in Russ.).
28. *Lazarev V.V., Fursov D.A.* On the question of the role of justice in the life of the state // *Legal science and practice. Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018. No. 4 (44). Pp. 34–38 (in Russ.).
29. *Mal'ko A.V., Salomatin A. Yu.* Conceptual proposals for deepening judicial reform in Russia // *Legal policy and legal life*. 2016. No. 4. Pp. 29–36 (in Russ.).
30. *Maltsev G.V.* Social foundations of law. M., 2011 (in Russ.).
31. *Matskevich I.M., Vlasenko N.A.* Formalization of specialties of scientific research in the field of law: content and prospects // *Journal of Russ. law*. 2013. No. 6 (198). Pp. 116–147 (in Russ.).
32. *Momotov V.V.* Russian justice at the present stage: the main trends of development // *Judge*. 2018. No. 8 (92). Pp. 41–51 (in Russ.).
33. *Momotov V.V.* Judicial reform of 2018 in the Russian Federation: concept, goals, content (part I) // *Journal of Russ. law*. 2018. No. 10 (262). Pp. 134–146 (in Russ.).
34. *Savenkov A.N.* Philosophy of Law and legal thinking: history and modernity // *Questions of philosophy*. 2019. No. 8. Pp. 38–48 (in Russ.).
35. *Stepin V.S.* Scientific rationality in technogenic culture: types and historical evolution // *Questions of philosophy*. 2012. No. 5. P. 18 (in Russ.).
36. *Stepin V.S.* Features of scientific cognition and criteria of types of scientific rationality // *Epistemology and philosophy of science*. 2013. Vol. 36. No. 2. Pp. 78–91 (in Russ.).
37. *Stepin V.S.* Types of scientific rationality and synergetic paradigm // *Complexity. The mind. Post-neoclassical*. 2013. No. 4. Pp. 45–59 (in Russ.).
38. *Yarovaya M.V.* Typology of judicial systems of modern European states // *Herald of the Moscow State Pedagogical University. Ser. “Legal Sciences”*. 2008. No. 1 (21). Pp. 49–53 (in Russ.).

Сведения об авторе

БОЛЬШАКОВА Валентина Михайловна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Нижегородский институт управления — филиал); 603950 г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, д. 46
ORCID: 0000-0002-7490-3443

Authors' information

BOLSHAKOVA Valentina M. — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Constitutional and Administrative Law Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Nizhny Novgorod Institute of Management — Branch); 46 Gagarin Ave., 603950 Nizhny Novgorod, Russia

УДК 341.64

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДВУСТОРОННИХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ ЗАПАДНОАФРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ (ЭКОВАС)

© 2024 г. Н. А. Рыжов

Министерство иностранных дел Российской Федерации, г. Москва

E-mail: nikolay.ryzhov@mail.ru

Поступила в редакцию 11.05.2023 г.

Аннотация. В условиях реализации Россией обновленного курса внешней политики, в которой возникли новые юридические понятия, такие как дружественные и недружественные государства, особый акцент был сделан на развитии отношений с африканскими странами. Несмотря на активные попытки западных государств повлиять на отношения России с африканскими партнерами, большинство стран континента не поменяли своего отношения к России и продолжают проявлять значительный интерес к укреплению двусторонних отношений, в т.ч. в сфере инвестиций. Итоги прошедшего в 2019 г. саммита «Россия—Африка» показали высокий уровень доверия и ожиданий лидеров государств Африки от России. Данные обстоятельства должны придавать существенный стимул для активного развития Российской Федерацией равноправных и эффективных торговых отношений с африканскими странами, что невозможно без детального анализа правовой базы государств ЭКОВАС, регулирующей вопросы иностранных инвестиций.

Ключевые слова: защита инвестиций, ЭКОВАС, двусторонние инвестиционные соглашения, правовые гарантии.

Цитирование: Рыжов Н.А. Проблемы правового регулирования двусторонних инвестиционных соглашений в Экономическом сообществе западноафриканских государств (ЭКОВАС) // Государство и право. 2024. № 1. С. 205–210.

DOI: 10.31857/S1026945224010203

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF BILATERAL INVESTMENT AGREEMENTS IN THE ECONOMIC COMMUNITY OF WEST AFRICAN STATES (ECOWAS)

© 2024 N. A. Ryzhov

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

E-mail: nikolay.ryzhov@mail.ru

Received 11.05.2023

Abstract. In the context of Russia's implementation of a renewed foreign policy, in which new legal concepts like friendly and unfriendly states have emerged, special emphasis has been placed on the development of relations with African countries. Despite active attempts by Western countries to influence our country's relations with African partners, most countries on the continent have not changed their attitude towards Russia and continue to show considerable interest in strengthening bilateral relations, including in the area of investment with Russia. The outcome of the 2019 Russia–Africa summit showed a high level of trust and expectations of African leaders from Russia. These circumstances should give a significant impetus to the active development by of the Russian Federation of equitable and effective trade relations with African countries, which is impossible without a detailed analysis of the legal framework of the ECOWAS states governing foreign investment.

Key words: investment protection, ECOWAS, bilateral investment agreements, legal guarantees.

For citation: Ryzhov, N.A. (2024). Problems of legal regulation of bilateral investment agreements in the Economic Community of West African States (ECOWAS) // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 1, pp. 205–210.

Рассматривая вопрос правового статуса двухсторонних инвестиционных соглашений в государствах ЭКОВАС, в первую очередь необходимо отметить, что проблема унификации определения инвестиций в международном праве до сих пор не решена.

В действительности существуют объективные трудности в вопросе определения понятия инвестиций. Так, А.М. Лаптева отмечает, что содержание термина «инвестиции» можно отнести к числу самых дискутируемых вопросов в юридической и экономической литературе¹.

Схожего мнения придерживаются и другие отечественные юристы, которые считают, что в законотворческой и в правоприменительной деятельности существует фундаментальная проблема «юридизации» понятия инвестиций².

Первое легальное определение инвестиций было дано в Основах законодательства об инвестиционной деятельности в СССР, принятых Верховным Советом СССР 10 декабря 1990 г. № 1820³. В соответствии с ними под инвестициями понимали все виды имущественных и интеллектуальных ценностей, вкладываемых в объекты предпринимательской и других видов деятельности, в результате которой образуется прибыль (доход) или достигается социальный эффект⁴.

Сам же термин «инвестиции» восходит к латинскому *investire* — «одевать, покрывать, окружать», который стал основой для понятий в языках романской группы: *investment* (англ.), *investition* (нем.), *investissement* (франц.), которые обозначают вложение капитала.

С учетом неоднородности понятия «инвестиции» в международном праве, что объективно затрудняет классификацию двусторонних правоотношений, распространена практика, где стороны при согласовании двусторонних инвестиционных соглашений (ДИС) самостоятельно определяют те направления взаимного сотрудничества, которые они будут подразумевать под инвестициями.

В случае если между сторонами возникнет конфликт в рамках их двустороннего сотрудничества или сложности с определением статуса осуществляемой на территории

иностранного государства деятельности, то инвестору придется инициировать арбитражное разбирательство, чтобы доказать тот факт, что осуществляемая им деятельность является инвестицией⁵.

Экстраполируя вопрос, связанный с проблемой правового определения «инвестиции» на ситуацию в государствах Западноафриканского экономического сообщества (ЭКОВАС), следует отметить, что во избежание длинного перечисления понятий инвестиции государства ЭКОВАС сознательно ограничивают определение этого понятия в заключаемых ими ДИС, что оставляет широкий простор для толкования сторонами этого термина.

К примеру, в соглашении между Кот-д'Ивуаром и Королевством Швеция (ст. VI–1) указано: «инвестиции..., а также имущество, права и интересы граждан, учреждений, ассоциаций или обществ или физических или юридических лиц одной из сторон на территории одного из договаривающихся государств».

В ДИС между Ганой и Болгарией (ст. 1–1) отмечено, что термин «инвестиция» подразумевает все инвестиции, осуществляемые на территории договаривающейся стороны (“The term investment covers all investment made in the territory of a contracting party investors of the other contracting party”)⁶.

Переходя к рассмотрению правового статуса двусторонних инвестиционных соглашений в ЭКОВАС, необходимо обратить внимание на то, что в настоящее время в Сообществе преимущественно используются французская и американская модели двустороннего инвестиционного соглашения (*Traité bilatéral d'investissement*, TBI), что обусловлено в первом случае колониальным прошлым стран Западной Африки, высоким уровнем вовлеченности Франции в экономику и правовую систему «независимых государств», а во втором — высоким уровнем инвестивности США в регионе.

В соответствии с французской концепцией Договора о развитии и защите инвестиций (*L'Accord de promotion et de protection réciproques des investissements* (APPI)) под термином «инвестиции» понимаются такие активы, как имущество, права и интересы любого рода, в т.ч.: а) движимое и недвижимое имущество и другие вещные права, такие как ипотека, залог, usufruct, поручительство и другие

¹ См.: Лаптева М.А. Содержание и сущность понятия «инвестиции» // Вестник СПбУ. Сер. 14. 2015. Вып. 3. С. 46.

² См.: Богатырев А.Г. Инвестиционное право. М., 1992. С. 13; Каро Д., Жюйар П. Международное экономическое право. М., 2002; Фархутдинов И.З. Международное инвестиционное право и процесс: учеб. М., 2010. С. 151, 152.

³ См.: Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 51, ст. 1109 (прекратили действие).

⁴ См.: Лаптева М.А. Указ. соч. С. 23.

⁵ См.: Schokkaert J.J. La pratique conventionnelle en matière de protection juridique des investissements internationaux: Droit comparé — droit interne. Conventions européennes. 2006. ed. Bruylant. P. 82.

⁶ См.: Fradin V.G. Droit international des investissements en Afrique de l'Ouest: les conventions bilatérales d'investissement DEA de droit des relations économiques internationales et communautaires Année 1998–1999. Sd de Habib Ghérari. P. 23 et s.

подобные права; б) акции, премии по акциям и другие формы участия, включая миноритарное или косвенное, в компаниях, зарегистрированных на территории одной из договаривающихся сторон; с) облигации, долги и права на все блага, имеющие экономическую ценность; д) права интеллектуальной, коммерческой и промышленной собственности, такие как авторское право, патенты, лицензии, товарные знаки, промышленные модели и образцы, технические процессы, ноу-хау, торговые наименования и клиентура; е) концессии, предоставленные по закону или в силу договора, в частности концессии, связанные с разведкой, выращиванием, добычей или эксплуатацией природных ресурсов, в т.ч. расположенных в морской зоне Договаривающихся Сторон.

Подразумевается, что такие активы должны быть инвестированы или были инвестированы в соответствии с законодательством Договаривающейся Стороны, на территории или в морской зоне которой осуществляются инвестиции как до вступления, так и после вступления в силу настоящего Соглашения. Любое изменение формы инвестирования активов не влияет на их квалификацию в качестве инвестиций, при условии, что такое изменение не противоречит законодательству Договаривающейся Стороны или морского района, в котором осуществлены инвестиции. Термин «доход» означает все суммы, полученные в результате инвестиции, такие как прибыль, роялти, проценты, в течение определенного периода. Доход от инвестиции и доход от ее реинвестирования пользуются той же защитой, что и сама инвестиция⁷.

Как было отмечено ранее, бывшие французские колонии в Западной Африке зачастую применяют разработанный французами проект двусторонних инвестиционных соглашений, в которых фигурирует понятие «инвестиции», куда также могут быть включены и дополнительные пункты. К примеру, в двустороннем инвестиционном соглашении между Французской Республикой и Сенегалом добавлен еще и экологический аспект.

В документе сказано, что «Договаривающиеся Стороны могут при разработке или изменении своих законов и нормативных актов принимать такие меры, которые необходимы для охраны окружающей среды, при условии, что такие меры не препятствуют применению положений настоящего Соглашения» (ст. 12)⁸.

В ходе расширения государствами ЭКОВАС экономических и торговых связей с другими государствами, а также в условиях формирования многополярного мира особую роль в развитии инвестиционного потенциала западноафриканского региона стали играть США.

Влияние Соединенных Штатов Америки на экономическое состояние африканских стран создало предпосылки для формирования еще одной формы двусторонних инвестиционных соглашений, однако уже по американскому образцу.

Как отмечает проф. Фалл Шейх Ло, «эта страна (США) всегда была настойчива в определении правил, касающихся защиты и продвижения инвестиций, которые ее компании делают за рубежом. Они применяют особый защитный подход к прямым иностранным инвестициям (ПИИ), который

заключается в требовании к странам-реципиентам о предоставлении «пре- и постинвестиционных» льгот»⁹.

Такого же мнения придерживается проф. П. Жюйар, который указывает, что именно США раньше других выступили за применение национального режима и режима наибольшего благоприятствования к предынвестиционному и постинвестиционному этапам, тем самым положив начало эволюции, которая должна постепенно превратить их двусторонние договоры в инструмент свободного перемещения капиталов¹⁰.

Американская юридическая модель ДИС состоит из трех частей, каждая из которых регулирует: вложения капитала или других ресурсов, получение прибыли для инвестиций и контроль рисков для инвесторов.

В соответствии с американской моделью инвестиции представляют собой особую форму, которая включает в себя: а) предприятие; б) доли, акции и другие формы участия в капитале предприятия; в) облигации, долговые обязательства, другие долговые инструменты и займы; г) фьючерсы, опционы и другие производные инструменты; д) контракты «под ключ», строительство, управление, производство, концессии, разделение доходов и другие аналогичные контракты; е) права интеллектуальной собственности; ж) лицензии, разрешения, санкции и аналогичные права, предоставленные в соответствии с внутренним законодательством; з) другое материальное или нематериальное, движимое или недвижимое имущество и связанные с ним имущественные права, такие как аренда, ипотека, залог и закладные¹¹.

Следует отметить, что предложенный американской моделью ДИС преференциальный и недискриминационный режим, предоставляемый на предынвестиционном и постинвестиционном этапах, является проблематичным для стран Западной Африки, в которых политика защиты инвестиций затрагивает суверенитет африканских государств (т.е. принятие или отказ от принятия иностранных инвестиций) путем предоставления определенных льгот после принятия и утверждения инвестиций.

Следовательно, модель соглашения, которую США используют при заключении инвестиционных соглашений с рядом государств Западной Африки, изначально формирует не партнерские отношения по принципу «выигравший—выигравший», а, по сути, навязывает отточенную модель ДИС, которую в большинстве случаев африканские страны не имеют возможности редактировать.

Как отмечал П. Жюйар, «модель, которая будет служить основой для двусторонних переговоров, должна поощрять свободный обмен мнениями между сторонами. Будет увеличением утверждать, что проведение двусторонних переговоров на основе модели США, разработанной лучшими

⁹ Cheikh Lo Fall. La protection juridique des investissements directs étrangers dans les pays en développement: l'exemple de l'Afrique de l'ouest. Sous la direction de Madame le Professeur Leila Lankarani. Soutenue le 28 novembre 2018.

¹⁰ См.: Juillard P. Le nouveau modèle américain de traité bilatéral sur l'encouragement et la protection réciproques des investissements (2004), AFDI 2004. P. 677.

¹¹ См.: Двустороннее инвестиционное соглашение между США и заинтересованными государствами, касающееся поощрения и защиты инвестиций (ст. 1) (Treaty between the Government of the United States of America and the Government of concerning the Encouragement and Reciprocal Protection of Investment).

⁷ См.: Bonomo S. Les traités bilatéraux relatifs aux investissements entre protection des investissements étrangers et sauvegarde de la souveraineté des États, Ed. PU d'Aix-Marseille-PUAM-2012. P. 341.

⁸ См.: Соглашения о поощрении и защите инвестиций между Сенегалом и Францией (подписано 26 июля 2007 г.) (article 12 "interdictions et restrictions", l'APPI entre la France et le Sénégal signé à Dakar, le 26 juillet 2007).

американскими специалистами, будет проходить на правах равноправия и справедливости»¹².

Таким образом, развитые государства, имеющие собственные модели ДИС, всячески продвигают и добиваются исполнения соглашений на их условиях.

Указанная практика наблюдается преимущественно в отношениях между развитыми и развивающимися странами, к которым относятся государства Африки. Ведь известно, что в силу слабости собственной экономики африканские государства зависимы от иностранного капитала, что изначально ставит их в положение проигравшей стороны.

Учитывая высокую степень риска, которой подвержены инвесторы в африканских странах, в большинстве двусторонних инвестиционных соглашений, заключенных представителями Сообщества, делается оговорка о «компенсации за убытки».

В качестве примера можно привести ДИС между Гвинеей и Ливаном от 15 июня 2004 г., где указано, что если «инвесторы одной из Договаривающихся Сторон, чьи инвестиции размещены на территории другой Договаривающейся Стороны, понесли убытки в результате вооруженного конфликта, чрезвычайного положения, мятежа, восстания или беспорядков на этой территории, то им предоставляется режим не менее благоприятный, чем тот, который предоставляется национальным инвесторам или инвесторам любой третьей страны в вопросе компенсации убытков» (ст. 4).

Далее в соглашении делается уточнение, что «инвесторы одной из Договаривающихся Сторон, которые в любой из вышеупомянутых ситуаций понесли убытки на территории другой Договаривающейся Стороны в результате: 1) ареста властями другой Договаривающейся Стороны принадлежащего им имущества; 2) уничтожения властями другой Договаривающейся Стороны принадлежащего инвесторам имущества, которое произошло не в результате боевых действий, а в результате одного из обстоятельств, указанных выше, имеют право на соответствующую компенсацию. Выплаты в соответствии с вышеизложенным производятся в согласованные сроки и могут свободно перечисляться» (п. 4 ст. 4).

В частности, речь идет обо всех внутренних нормативных актах, объектом которых могут быть экономические операции, осуществляемые иностранными операторами, например правила, касающиеся административных разрешений, лицензий или концессионных договоров¹³.

С учетом африканской специфики и нежелания попадать в кабалу к трансграничным крупным компаниям в рамках Сообщества ведутся дискуссии о создании собственной африканской модели ДИС, где особый акцент следует сделать на уважении международного права и суверенитета государств Африки, а также необходимости соблюдения иностранными инвесторами внутренних законодательных актов, касающихся инвестиций.

В том же направлении развивается и другая инициатива о правовом регулировании так называемых очень маленьких инвестиций (ОМИ) (*les Très petits Investissements (TPI)*). Ее целью является обеспечение возможности иностранных инвесторов (как юридических, так и физических лиц),

имеющих небольшой капитал, осуществлять инвестиции, получать банковские льготы и юридические и налоговые послабления¹⁴.

Переходя к рассмотрению вопроса правового регулирования двусторонних инвестиционных договоров, заключенных с иностранными инвесторами, не являющимися членами Сообщества ЭКОВАС, важно выделить ряд основополагающих моментов.

Начиная с 1960-х гг. африканские страны, получившие «независимость» от европейских колонизаторов, стали проводить активную политику по формированию союзов и сообществ в границах континента.

В настоящее время в Африке действуют 14 региональных и субрегиональных интеграционных объединений, восемь из которых признаются Африканским союзом как успешно функционирующие — это, помимо ЭКОВАС и САДК, также Общий рынок Восточной и Южной Африки, Сообщество Сахельских и Сахарских государств, Восточноафриканское сообщество, Экономическое сообщество стран Центральной Африки, Межгосударственная администрация по развитию, Союз арабского Магриба¹⁵.

Тенденция к увеличению сообществ и союзов на континенте спровоцировала создание огромного числа регламентирующих правовых актов, декретов, резолюций, которые сами же государства — члены образований оказались не в силах выполнять.

К примеру, страны Западной Африки являются членами как минимум четырех организаций (ЭКОВАС, Западноафриканский экономический и валютный союз (ЮЭМОА), Организация по гармонизации коммерческого права в Африке (ОХАДА), а также Зоны свободной торговли (РСТ)), каждая из которых имеет свое законодательство, регламентирующее правовой статус и порядок осуществления иностранных инвестиций.

Наличие в каждом государстве собственного законодательства, регулирующего инвестиционную деятельность страны с привлечением иностранных инвесторов, лингвистические трудности при согласовании нормативных документов (из 15 государств — членов Сообщества восемь франкоговорящие, пять — англоговорящие, два — португалоговорящие), а также разные политические системы мешают эффективному правовому регулированию ДИС как с участием иностранных инвесторов, так и в рамках объединений.

В этой связи вопрос гармонизации законодательной базы является основополагающей задачей западноафриканских государств¹⁶.

С учетом сложившейся неразберихи в законодательстве Сообщества, регулирующего правовой статус иностранных инвестиций и заключаемых ДИС с иностранным элементом, в настоящее время регулирование иностранных инвестиций в границах Сообщества осуществляется, если так можно сказать, на двух уровнях: первый уровень — это международные конвенции и соглашения; второй — национальные и региональные НПА.

В п. 8 Резолюции 1803 (XVII) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1962 г. «Неотъемлемый суверенитет над

¹² *Juillard P.* Op. cit. P. 677.

¹³ См.: *Nanteuil A. de La notion d'investissement protégé: L'exigence de conformité de l'investissement au droit local // L'accès de l'investisseur à la justice arbitrale Réflexions sur la Procéduralisation du droit international de l'investissement, Sd scientifique de A. Nanteuil. Paris, 2015. P. 43.*

¹⁴ См.: *Cheikh Lo Fall.* Op. cit. P. 307.

¹⁵ См.: URL: <https://www.inafran.ru/node/1698> (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁶ См.: *La Concurrence des Organisations régionales en Afrique SD de M. Fau Nougaret. Paris, 2012. P. 322.*

естественными ресурсами» указано, что соглашения об иностранных инвестициях, свободно заключенные суверенными государствами или между суверенными государствами, должны добросовестно соблюдаться; государства и международные организации должны строго и добросовестно соблюдать суверенитет народов и наций над их природными богатствами и ресурсами в соответствии с Уставом и принципами, изложенными в настоящей Резолюции.

В ст. 26 *Pacta sunt servanda* Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. также указано, что «каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться»¹⁷.

Как отмечает генеральный секретарь МЦУИС Ибрагим Шиката (Ibrahim Shikata), с развитием инвестиционного права стали формироваться две тенденции: чем больше международное инвестиционное право ограничивает возможности государств-реципиентов влиять на инвестиции, тем больше национальные законодательства государств предоставляют прав инвесторам (посредством принятия законов или заключаемых ДИС)¹⁸.

Что касается правовой защиты иностранных инвестиций и роли ДИС в этом вопросе, то существуют три варианта по защите инвестиций: 1) попытаться урегулировать спор посредством обращения в национальные судебные инстанции; 2) посредством арбитража *ad hoc*; 3) обращение в МЦУИС.

Как указывал проф. Чарльз Лене, важным моментом является тот факт, что ДИС создают определенную форму защиты инвесторов, которые, исходя из своих собственных интересов, без какой-либо связи с государством своей национальной принадлежности могут передать дело в арбитраж, таким образом обеспечив свою защиту. Обращение в арбитраж может быть реализовано даже без необходимости задействования судебных органов в стране-реципиенте, если другое не указано в соглашении. В арбитраже будет рассматриваться вопрос о законности действий государства в рамках норм, которые определены в международном праве¹⁹.

* * *

Завершая краткий анализ места и роли двусторонних инвестиционных соглашений в системе права государств ЭКОВАС, следует отметить стремление африканского сообщества к унификации и гармонизации законодательств своих стран о регулировании иностранных инвестиций, а также созданию собственной модели ДИС, отвечающей национальным интересам, с целью реализации независимого внешнего и внутреннего курса — самостоятельного определения странами тех условий сотрудничества с иностранными инвесторами, которые отвечали бы национальным интересам, а не наоборот.

Тем не менее хрупкость политических режимов, экономическая нестабильность, а также влияние на экономику государств иностранных транснациональных корпораций препятствуют реализации африканскими государствами указанных выше задач, что существенно замедляет темпы развития стран континента.

¹⁷ См.: Ведомости ВС СССР. 1986. № 37, ст. 772.

¹⁸ См.: *Shihata I.* Towards a Greater Depoliticization of Investment Disputes: The Roles of ICSID and MIGA, 1 ICSID Rev. — FILJ (1986).

¹⁹ См.: *Leben Ch.* La Responsabilité internationale de l'Etat sur le fondement des traités de promotion et de protection des investissements, AFDI 2004. Paris. P. 690.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богатырев А. Г.* Инвестиционное право. М., 1992. С. 13.
2. *Каро Д., Жюйар П.* Международное экономическое право. М., 2002.
3. *Лантева М. А.* Содержание и сущность понятия «инвестиции» // Вестник СПбУ. Сер. 14. 2015. Вып. 3. С. 23, 46.
4. *Фархутдинов И. З.* Международное инвестиционное право и процесс: учеб. М., 2010. С. 151, 152.
5. *Bonomo S.* Les traités bilatéraux relatifs aux investissements entre protection des investissements étrangers et sauvegarde de la souveraineté des États, Ed. PU d'Aix-Marseille-PUAM-2012. P. 341.
6. *Cheikh Lo Fall.* La protection juridique des investissements directs étrangers dans les pays en développement: l'exemple de l'Afrique de l'ouest. Sous la direction de Madame le Professeur Leila Lankarani. Soutenue le 28 novembre 2018. P. 307.
7. *Fradin V. G.* Droit international des investissements en Afrique de l'Ouest: les conventions bilatérales d'investissement DEA de droit des relations économiques internationales et communautaires Année 1998–1999. Sd de Habib Ghérari. P. 23.
8. *Juillard P.* Le nouveau modèle américain de traité bilatéral sur l'encouragement et la protection réciproques des investissements (2004), AFDI 2004. P. 677.
9. La Concurrence des Organisations régionales en Afrique SD de M. Fau Nougaret. Paris, 2012. P. 322.
10. *Leben Ch.* La Responsabilité internationale de l'Etat sur le fondement des traités de promotion et de protection des investissements, AFDI 2004. Paris. P. 690.
11. *Nanteuil A. de* La notion d'investissement protégé: L'exigence de conformité de l'investissement au droit local // L'accès de l'investisseur à la justice arbitrale Réflexions sur la Proceduralisation du droit international de l'investissement, Sd scientifique de A. Nanteuil. Paris, 2015. P. 43.
12. *Schokkaert J. J.* La pratique conventionnelle en matière de protection juridique des investissements internationaux: Droit comparé — droit interne. Conventions européennes. 2006. ed. Bruylant. P. 82.
13. *Shihata I.* Towards a Greater Depoliticization of Investment Disputes: The Roles of ICSID and MIGA, 1 ICSID Rev. — FILJ (1986).

REFERENCES

1. *Bogatyrev A. G.* Investment Law. M., 1992. P. 13 (in Russ.).
2. *Karo D., Juyar P.* International Economic Law. M., 2002 (in Russ.).
3. *Lapteva M. A.* The content and essence of the concept of "investment" // Herald of the SPbU. Ser. 14. 2015. Iss. 3. Pp. 23, 46 (in Russ.).
4. *Farkhutdinov I. Z.* International Investment Law and the Process: textbook. M., 2010. Pp. 151, 152 (in Russ.).
5. *Bonomo S.* Les traités bilatéraux relatifs aux investissements entre protection des investissements étrangers et sauvegarde de la souveraineté des États, Ed. PU d'Aix-Marseille-PUAM-2012. P. 341.
6. *Cheikh Lo Fall.* La protection juridique des investissements directs étrangers dans les pays en développement: l'exemple de l'Afrique de l'ouest. Sous la direction de Madame le Professeur Leila Lankarani. Soutenue le 28 novembre 2018. P. 307.
7. *Fradin V. G.* Droit international des investissements en Afrique de l'Ouest: les conventions bilatérales d'investissement DEA de droit des relations économiques internationales et communautaires Année 1998–1999. Sd de Habib Ghérari. P. 23.

8. *Juillard P.* Le nouveau modèle américain de traité bilatéral sur l'encouragement et la protection réciproques des investissements (2004), AFDI 2004. P. 677.
9. La Concurrence des Organisations régionales en Afrique SD de M. Fau Nougaret. Paris, 2012. P. 322.
10. *Leben Ch.* La Responsabilité internationale de l'Etat sur le fondement des traités de promotion et de protection des investissements, AFDI 2004. Paris. P. 690.
11. *Nanteuil A. de* La notion d'investissement protégé: L'exigence de conformité de l'investissement au droit local // L'accès de l'investisseur à la justice arbitrale Réflexions sur la Proceduralisation du droit international de l'investissement, Sd scientifique de A. Nanteuil. Paris, 2015. P. 43.
12. *Schokkaert J.J.* La pratique conventionnelle en matière de protection juridique des investissements internationaux: Droit comparé – droit interne. Conventions européennes. 2006. ed. Bruylant. P. 82.
13. *Shihata I.* Towards a Greater Depoliticization of Investment Disputes: The Roles of ICSID and MIGA, 1 ICSID Rev. – FILJ (1986).

Сведения об авторе

РЫЖОВ Николай Александрович –
второй секретарь
Министерства иностранных дел
Российской Федерации; 119002 г. Москва,
Смоленский б-р, д. 32/34

Authors' information

RYZHOV Nikolay A. –
Second Secretary,
Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation;
32/34 Smolensky Boulevard,
119002 Moscow, Russia

УДК 342

ИНСТИТУТЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: АДАПТАЦИЯ К ИЗМЕНЯЮЩИМСЯ УСЛОВИЯМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ (ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ)

© 2024 г. Н. В. Варламова*, Т. А. Васильева**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

* E-mail: varlam_n@list.ru

** E-mail: tan-vas@mail.ru

Поступила в редакцию 10.07.2023 г.

Аннотация. 14 июня 2023 г. в Институте государства и права Российской академии наук состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Институты публичной власти: адаптация к изменяющимся условиям функционирования». Представители ведущих российских научных и учебных учреждений, а также исследователи из Беларуси и Узбекистана обсудили широкий круг проблем, связанных с пониманием публичной власти и обоснованием ее видов, спецификой реализации принципа разделения властей и соотношением различных ветвей и уровней публичной власти в современных условиях, обеспечением независимости судебной власти и осуществлением конституционного контроля, а также взаимодействием органов публичной власти с населением и институтами гражданского общества. Особое внимание было уделено влиянию информационных технологий на деятельность органов публичной власти.

Ключевые слова: публичная власть, разделение властей, местное самоуправление, судебная власть, конституционный контроль, гражданское общество, информационные технологии.

Цитирование: Варламова Н. В., Васильева Т. А. Институты публичной власти: адаптация к изменяющимся условиям функционирования (Всероссийская научная конференция с международным участием) // Государство и право. 2024. № 1. С. 211–220.

DOI: 10.31857/S1026945224010217

INSTITUTIONS OF PUBLIC AUTHORITY: ADAPTATION TO CHANGING CONDITIONS OF FUNCTIONING (ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION)

© 2024 N. V. Varlamova*, T. A. Vasilieva**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Science, Moscow

* E-mail: varlam_n@list.ru

** E-mail: tan-vas@mail.ru

Received 10.07.2023

Abstract. On June 14, 2023 at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Science the All-Russian Scientific Conference with international participation “Institutes of public authority: adaptation to changing conditions of functioning” was held. Representatives of the leading Russian scientific and educational institutions, as well as researchers from Belarus and Uzbekistan discussed a wide range of problems related to the understanding of public authority and justification of its types, the specifics of implementation of the principle of separation of powers and interaction of various branches and levels of public authority in the modern conditions, ensuring the independence of the judiciary and implementation of constitutional review, as well as the interaction of public authorities with the population and civil society institutions. Particular attention was paid to the impact of information technology on the activities of public authorities.

Key words: public authority, separation of powers, local self-government, judicial power, constitutional review, civil society, digital technologies.

For citation: Varlamova, N.V., Vasilieva, T.A. (2024). Institutions of public authority: adaptation to changing conditions of functioning (The All-Russian Scientific Conference with international participation) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 211–220.

14 июня 2023 г. в Институте государства и права Российской академии наук состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Институты публичной власти: адаптация к изменяющимся условиям функционирования». Представители ведущих российских научных и учебных учреждений, а также исследователи из Беларуси и Узбекистана обсудили широкий круг проблем, связанных с организацией и осуществлением публичной власти.

Пленарное заседание конференции открыл директор Института государства и права РАН, член-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф. А.Н. Савенков, который подчеркнул актуальность вопросов, вынесенных на обсуждение, и остановился на проблемах эффективности правового регулирования деятельности органов публичной власти.

В докладе д-ра юрид. наук, проф. А.И. Ковлера (ИЗиСП при Правительстве РФ) отмечалось, что интерес юристов к понятию публичной власти оживился после принятия в 2020 г. поправок к Конституции РФ, когда данное понятие было включено в ее текст. При этом некоторые исследователи относят к институтам публичной власти не только органы государственной власти и местного самоуправления, как это вытекает из новой редакции ст. 132 Конституции РФ, но и различные общественные объединения, выполняющие публично значимые функции, например религиозные организации. Однако законы, принятые после конституционной реформы¹, закрепили положения о том, что единую систему

публичной власти образуют государственные органы и органы местного самоуправления, а Президент РФ обеспечивает их согласованное функционирование. Вместе с тем другие законодательные новеллы, в частности упразднение избирательных комиссий муниципальных образований², вносят определенный диссонанс в функционирование публичной власти на местном уровне. В связи с этим возникает настоятельная необходимость доктринального уточнения понятия «публичная власть» с учетом новых реалий. Это важно для развития институтов гражданского общества и их взаимодействия с публичной властью. Представляется, что такое определение мог бы дать Конституционный Суд РФ при рассмотрении одного из дел.

Публичная власть как объект исследования конституционного права имеет много уровней и аспектов, от адекватного понимания которых зависит эффективное функционирование государства, подчеркнул д-р юрид. наук, проф. Д.И. Дедов (МГУ им. М.В. Ломоносова). При этом следует учитывать, что реалии не совпадают с теоретическими концепциями, однако соблюдение принципа ограничения власти, обеспечение баланса между необходимостью сохранения конституционной идентичности, укреплением государственных начал и уважением основных прав и свобод человека является условием современного общественного

принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ч. 1, 2 ст. 1) // СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. I), ст. 8973.

² См.: Федеральный закон от 14.03.2022 № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (п. 8, 15 ст. 2) // СЗ РФ. 2022. № 12, ст. 1787.

¹ См.: Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» (ст. 2) // СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. III), ст. 8039; Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих

договора. Требования верховенства права, соразмерности и социальной необходимости при принятии решений органами публичной власти есть гарантия соблюдения прав граждан и народа в целом, наделяющего государственные органы публично-властными полномочиями, но не отдающего им всей полноты власти. Применение институтов непосредственной демократии, расширение влияния общественных объединений на органы публичной власти подтверждает, что политическая элита осознает это.

Практическая реализация институциональных ограничений деятельности органов публичной власти возложена на суды. Умение судьи оценивать необходимость и соразмерность вмешательства, понимание своего долга, беспристрастность и независимость, высокие моральные качества определяют эффективность осуществления власти, которую судья получает от народа. Формирование такого судейского корпуса — главное условие надлежащего отправления правосудия.

«*Суверенна ли судебная власть?*» — так сформулировал тему своего доклада д-р юрид. наук, проф. Н.С. Бондарь (ИЗиСП при Правительстве РФ). Исследование вопросов судебного суверенитета как концептуальной основы национальной судебной власти, по мнению докладчика, предполагает, с одной стороны, последовательную ориентацию на общее учение о суверенитете, максимальный учет классических подходов к пониманию суверенитета и различных форм его проявления, с другой — «судебный суверенитет» должен рассматриваться исходя из особой природы судебной власти, которая может претендовать на наличие суверенных свойств, характеризующих ее конституционные и международно-правовые аспекты, связанные, в частности, с соотношением национальной судебной юрисдикции с зарубежными и наднациональными юрисдикциями. Последнее особенно актуально в современных условиях глобального кризиса международных отношений.

Конституционные характеристики суверенных начал судебной власти, имеющие свои особенности в различных видах судопроизводства, в обобщенном плане могут быть представлены такими свойствами, как особый характер легитимности судебной власти; единство судебной системы Российской Федерации, обеспечивающее единство судебного суверенитета; независимость суда; юрисдикционная универсальность суда, обеспечиваемая, в частности, осуществлением судебной власти в различных конституционных формах судопроизводства; судебно-юрисдикционное усмотрение, возможность судебного правотворчества и формирования судебного права. Последовательная реализация соответствующих начал судебного суверенитета лежит в основе утверждения конституционной идентичности национальной судебной системы Российской Федерации.

Необходимость учреждения в России Высшего органа судебной власти обосновал член-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф. М.И. Клеандров (ИГП РАН). Он уточнил, что речь идет не о Конституционном Суде РФ или Верховном Суде РФ, а о новом конституционном государственном органе, которого в нашей стране никогда не было. Этот орган должен возглавить судебную власть, не являясь при этом судебным органом — судом какой-либо инстанции и не обладая юрисдикционными полномочиями. Высший орган судебной власти РФ призван обеспечивать независимость судов и судей, ее финансовую, материально-ресурсную, кадровую, информационную и другие составляющие. Подобные институты существуют примерно в половине государств мира.

Представляется, что именно Высший орган судебной власти РФ должен разрабатывать и реализовывать программы развития судебной системы. В настоящее время федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»³ утверждается Правительством РФ, а основным ее разработчиком и одним из заказчиков является Министерство экономического развития РФ, что нарушает принцип разделения властей. В числе ожидаемых результатов реализации Программы названы, среди прочего, повышение качества правосудия и эффективности рассмотрения судебных споров, обеспечение доступности и открытости правосудия, повышение авторитета судебной власти и обеспечение независимости судебной системы; очевидно, что Министерство экономического развития РФ объективно не может осуществлять деятельность, направленную на их достижение. Высший орган судебной власти РФ должен обеспечивать перевод судопроизводства в особый режим функционирования в кризисных ситуациях (пандемия коронавируса, специальная военная операция и т.п.). Важными задачами данного органа должны стать корректировка порядка формирования судейского корпуса, выработка механизма поддержания деятельности судей на высоком уровне, совершенствование процедур привлечения судей к ответственности.

Создание Высшего органа судебной власти РФ должно стать частью полноценной судебной реформы, что, в свою очередь, предполагает и принятие новой Конституции РФ. Все эти вопросы требуют серьезной научной проработки.

В современных условиях можно говорить о формировании наряду с государственной и муниципальной такого вида публичной власти, как наднациональная, отметила канд. юрид. наук, доц. Н.В. Варламова (ИГП РАН). Наднациональная власть реализуется в современных интеграционных объединениях (к ним прежде всего относят Европейский Союз) и, будучи производной от власти государств-членов, относительно независима от них. Можно выделить ряд специфических признаков наднациональной публичной власти. Она осуществляется органами (должностными лицами) интеграционного объединения, действующими самостоятельно, не связанными императивным мандатом государств-членов. Принимаемые наднациональными органами решения обязательны для государств-членов, в ряде случаев обладают верховенством по отношению к их внутреннему праву и непосредственно действуют в отношении частных лиц, создавая для них права и обязанности, на которые можно ссылаться в национальных и наднациональных судах. Вместе с тем реализация решений органов наднациональной публичной власти осуществляется через органы власти государств-членов; у наднациональных образований отсутствуют свои «региональные» или «местные» органы власти, обеспечивающие исполнение их решений на территории государств-членов и обладающие правом применять в этих целях меры принуждения. Наднациональная публичная власть в отличие от государственной имеет неуниверсальный характер, она распространяется только на определенные сферы заинтересованного сотрудничества государств — членов интеграционного объединения, но постоянно стремится к их расширению.

Как правило, формирование наднациональной публичной власти происходит постепенно, в результате своего рода «перерастания» определенной международной организацией

³ См.: постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы”» // СЗ РФ. 2013. № 1, ст. 13.

или системой, созданной на базе многостороннего международного договора, своего международно-правового характера. Причем у государств — участников соответствующей международной организации или договора отсутствует изначальная интенция на создание наднационального уровня публичной власти. Его формирование — результат саморазвития соответствующей организации и заинтересованности государств-участников в дальнейшей интеграции, которые в связи с этим вынуждены мириться с публично-властной экспансией созданных ими наднациональных органов.

Проблемам эволюции принципа разделения властей был посвящен доклад д-ра юрид. наук, проф. И.А. Кравца (Новосибирский национальный исследовательский государственный университет). Он подчеркнул, что современный конституционализм основывается на принципе разделения властей, который постоянно переосмысливается как с точки зрения своего содержания, так и в контексте развития новых ветвей публичной власти. Исследователи правомерно ставят вопрос об обновлении традиционной триады публичной власти в условиях усложнения государственных функций, появления новых задач в сфере государственного управления, в т.ч. вызванных развитием информационного общества. Триада публичной власти рассматривается как незавершенная модель, базирующаяся на трактовке, данной Ш.-Л. Монтескье почти три столетия назад, и получающая в современных условиях свое развитие⁴. Российский конституционализм, опирающийся на Конституцию РФ 1993 г., инкорпорировал принцип разделения властей. Однако нормативное оформление данного принципа и практика взаимодействия федеральных органов государственной власти демонстрируют существенный дисбаланс в пользу президентской власти.

Демократический конституционализм основывается не только на принципе разделения властей, но и на народном суверенитете и широком участии граждан в обсуждении и принятии конституционных и иных публично значимых решений, взаимной ответственности органов государственной власти за поддержание режима конституционной демократии и их политической ответственности перед избирателями за результаты реализации государственной политики в различных сегментах правовой, политической и экономической систем общества, легитимацию публичной власти, уровень доверия к ней, отлаженность системы обратной связи и оценки результатов деятельности органов публичной власти.

Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной практике рассмотрел д-р юрид. наук, проф. О.А. Степанов (ИЗиСП при Правительстве РФ). В настоящее время в России приняты стратегические документы, определяющие информационную политику судебной системы на период до 2030 года⁵ и направленные, среди прочего, на формирование позитивного имиджа судебной системы. В феврале 2022 г. на ежегодном совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Президент РФ В.В. Путин акцентировал необходимость информатизации судебной деятельности, подчеркнув, что судебная система государства должна быть готова к применению передовых

цифровых технологий⁶. По мнению Председателя Совета судей РФ В.В. Момотова, внедрение системы искусственного интеллекта в судебную деятельность может обеспечить повышение ее качества и эффективности, усиление судебной защиты прав и законных интересов граждан, организаций, органов государственной власти, а также создание систем прогнозирования судебной нагрузки в зависимости от изменения законодательства⁷. Искусственный интеллект призван оказывать эффективную помощь в сборе, структурировании и анализе информации по делу, а также сигнализировать о нестыковках в доказательственной базе. В частности, уже сегодня он может помочь дежурным судьям при принятии решения об ограничении свободы подозреваемых лиц на основе использования потенциала интеллектуальной платформы «Правоприменение». При этом искусственный интеллект следует рассматривать в качестве партнера человека в судебной деятельности, его применение открывает новые возможности для дальнейшего развития судебной системы.

Доклад д-ра юрид. наук, доц. Т.А. Васильевой (ИГП РАН) был посвящен использованию информационных технологий в парламентах латиноамериканских государств. На примере функционирования портала *e-Cidadania* (электронное гражданство) Сената Бразилии⁸ и перуанского виртуального парламента (*Parlamento Virtual Peruano*)⁹ она показала, как граждане участвуют в разработке политики и законов, выдвигая идеи, наполняя их конкретным содержанием, комментируя выносимые на обсуждения нормы или предлагая их изменения. Бразильский опыт продемонстрировал, что для эффективности электронного участия граждан необходима детальная правовая регламентация процедуры рассмотрения и учета их предложений, а также наличие курирующей постоянной комиссии, рассматривающей все законодательные идеи, поддержанные пользователями портала, и организующей прохождение через палату законодательных предложений граждан, признанных значимыми. Практика перуанского виртуального парламента также подтверждает, что недостаточно создать технические условия для участия граждан в процессе обсуждения законопроектов, необходимо предусмотреть правовые механизмы учета их мнения.

В докладе канд. филос. наук Р.Р. Назарова (ИГП АН Республики Узбекистан) анализировались проблемы осуществления административной реформы в Узбекистане. Практическая реализация ее программы должна обеспечить оптимизацию и децентрализацию системы государственного управления; транспарентность принятия управленческих решений, введение критериев и механизмов оперативного внутреннего контроля административной деятельности, административных регламентов; формирование системы стратегического планирования; снижение барьеров для ведения бизнеса, связанных с государственным регулированием; совершенствование системы органов хозяйственного управления, формирование взвешенной государственной

⁶ См.: «Это не бездушная машина». Путин оценил работу судебной системы // Газета.ру // <https://www.gazeta.ru/social/2022/02/09/14515531.shtml> (дата обращения: 27.05.2023).

⁷ См.: Виктор Момотов: искусственный интеллект в суде не будет нейтрален к человеку // Legal.Report. <http://legal.report/viktor-momotov-iskusstvennyj-intellekt-v-sude-ne-budet-nejtralen-k-cheloveku/> (дата обращения: 27.05.2023).

⁸ См.: E-Cidadania. Senado Federal // <https://www12.senado.leg.br/ecidadania/sobre> (дата обращения: 29.06.2023).

⁹ См.: Perú. Congreso de la República // <https://www.congreso.gob.pe/participacion/pvp/> (дата обращения: 29.06.2023).

⁴ См., напр.: *Tushnet M. The New Fourth Branch: Institutions for Protecting Constitutional Democracy*. Cambridge; New York, 2021.

⁵ См.: Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы, одобренная Советом судей РФ 05.12.2019 // Совет судей Российской Федерации // <http://www.ssrf.ru/news/lienta-novostei/35630> (дата обращения: 27.05.2023).

политики в отношении участия в управлении корпоративными структурами на основе использования рыночных механизмов, повышение эффективности управления государственными долями в уставных фондах хозяйственных обществ; совершенствование административных процедур; внедрение системы государственной службы, основанной на единой законодательной базе и четкой регламентации деятельности государственных служащих; переход к полноценной системе «Электронное правительство»; развитие системы административной юстиции.

Об использовании цифровых технологий в сфере взаимодействия органов публичной власти и бизнеса рассказала **канд. юрид. наук Н.И. Соловьяненко (ИГП РАН)**. Стратегические ориентиры в данной сфере определяет государство¹⁰, что связано с укреплением публичных начал в правовом регулировании предпринимательской деятельности. Законодательство последовательно продвигает в качестве приоритетных электронные способы совершения юридических значимых действий в сфере бизнеса и его взаимоотношений с органами публичной власти. В частности, это проявляется в универсальном законодательном признании электронных документов, подписанных квалифицированной электронной подписью. Ограничение сферы действия или отказ от признания таких электронных документов не допускается во всех органах власти — законодательных, исполнительных, судебных. Развивается электронное взаимодействие органов публичной власти с бизнесом. Например, в электронной форме осуществляется предоставление сведений из Единой информационной системы персональных данных (ЕСИА), документов на государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, отчетности контролирующим органам; лицензирование различных видов деятельности; оформление таможенной документации. Функционируют электронные сервисы государственных реестров, начинают использоваться машиночитаемые документы о полномочиях (машиночитаемые доверенности), внедряются элементы электронного правосудия и цифрового нотариата и многое другое.

В докладе **канд. юрид. наук К.В. Карпенко (МГИМО МИД России)** было проанализировано, как в рамках рассмотрения судебного дела о признании публичного характера документов, подписанных в период Второй мировой войны Ш. де Голлем, был разрешен вопрос о статусе возглавляемого им движения «Свободная Франция». В 1940 г. во Франции сложилась ситуация, когда одновременно существовали правительство Виши, возглавляемое Ф. Петэном, и правительство Свободной (впоследствии — Сражающейся) Франции во главе с Ш. де Голлем. Оба правительства принимали свои нормативные акты и рассматривали себя в качестве легитимной власти, действующей от имени Франции.

В 2013 г. Трибунал большой инстанции г. Парижа рассматривал дело о принадлежности черновиков телеграмм, направленных Ш. де Голлем различным официальным лицам в период с 1940 по 1942 г.¹¹ Французское министерство культуры, выступившее истцом, требовало передачи

этих документов государственному архиву на том основании, что телеграммы были написаны официальным лицом. Владевший ими частный музей утверждал, что Ш. де Голль не являлся в то время представителем Франции и, следовательно, телеграммы являются документами частного характера. Суд вынес решение в пользу министерства культуры, указав, что «Свободная Франция» («Сражающаяся Франция») Ш. де Голля отвечала всем признакам государственности. В частности, у нее была территория некоторых французских колоний, присоединившихся к Ш. де Голлю, были органы управления, международное признание ряда государств (Великобритания, СССР, США). Кроме того, Ш. де Голль действовал в интересах Франции.

Конференция продолжила работу в рамках *двух секций*. На *первой секции «Институты публичной власти: современные тенденции организации и функционирования»* обсуждались вопросы взаимодействия различных уровней публичной власти, а также осуществления правосудия и конституционного контроля.

В докладе **д-ра юрид. наук, проф. А.Е. Постникова (ИЗиСП при Правительстве РФ)** отмечалось, что общественный контроль как особый правовой институт, получивший закрепление в российском законодательстве, — один из каналов взаимодействия граждан, гражданского общества и публичной власти. Общественный контроль обеспечивает большую открытость функционирования органов публичной власти, доведение до их сведения сформированных общественных запросов и общественного мнения по актуальным вопросам социального развития, привлечение внимания к нарушениям прав и законных интересов граждан. Развитое регулирование общественного контроля в российском законодательстве (традиция, отчасти унаследованная от советского законодательства о народном контроле) составляет особенность отечественной правовой системы. В зарубежных странах, как правило, отсутствуют законодательные акты общего характера в данной сфере. Принятые Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации»¹² и Федеральный закон от 21 мая 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»¹³ в целом направлены на централизацию общественного контроля. Эта тенденция ставит перед юридической наукой задачи определения меры допустимой централизации, с тем чтобы общественный контроль не утратил инициативный, самодельный характер, представляя разнообразные интересы гражданского общества.

Как указала **канд. юрид. наук С.Б. Нанба (ИЗиСП при Правительстве РФ)**, конституционализация категории «публичная власть» актуализирует вопрос о более четком законодательном оформлении взаимодействия и координации между различными уровнями публичной власти. Само по себе провозглашение в Конституции РФ единства публичной власти не определяет характер взаимоотношений государственных и муниципальных органов власти. В этой связи актуальной представляется ревизия и совершенствование механизмов взаимодействия государственного и муниципального уровней публичной власти. К ним могут быть отнесены такие как наделение законом органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями; перераспределение полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной

¹⁰ См., напр.: Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9 (приложение № 2)) // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: Tribunal de grande instance de Paris. Décision № 12/06156 du 20.11.2013. AJDA. URL: <https://www.dalloz.fr/lien?famille=revues&dochyp e=AJDA%2FJURIS%2F2014%2F0040> (дата обращения: 23.06.2023).

¹² См.: СЗ РФ. 2005. № 15, ст. 1277.

¹³ См.: СЗ РФ. 2014. № 30 (ч. I), ст. 4213.

власти субъекта Российской Федерации; участие муниципальных органов в осуществлении государственных полномочий. Модернизация порядка наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями возможна путем установления в законодательстве критериев, определяющих допустимый объем передаваемых полномочий. При решении данного вопроса следует использовать комплексный подход, при котором будут учитываться следующие факторы: достаточное финансовое обеспечение исполнения переданного полномочия; соответствие объема передаваемых полномочий типу муниципального образования; близость передаваемых полномочий по своему содержанию к вопросам местного значения; наличие соответствующего кадрового потенциала, позволяющего наиболее эффективно осуществлять переданные полномочия; установление источников финансирования реализации возложенных полномочий.

И.А. Шелудченко (МГУ им. М.В. Ломоносова) остановилась на проблемах, возникающих при делегировании полномочий в системе публичной власти. Делегирование полномочий — один из способов осуществления органами публичной власти своих функций. Конституционные положения накладывают ряд ограничений на возможность делегирования органами публичной власти принадлежащих им полномочий иным субъектам: (1) в отношении органов, которые вправе осуществлять делегирование — только прямо уполномоченные на то органы; (2) в отношении предмета делегирования — недопустимость делегирования полномочий, являющихся исключительной прерогативой данного органа; (3) в отношении субъектов, которым могут делегироваться публично-властные полномочия — некоторым субъектам, например религиозным организациям, их осуществлять запрещено. Делегирование может предполагать передачу конкретных полномочий, а также наделение определенного субъекта правом определять порядок реализации полномочий в отношении делегированного предмета ведения. В последнем случае возникают серьезные проблемы с соблюдением принципа правовой определенности, что порождает сомнения в допустимости такого делегирования. Делегирование полномочий может осуществляться как внутри системы органов публичной власти, так и за ее пределами, т.е. негосударственным организациям, международным органам, системам, основанным на технологии искусственного интеллекта. Делегирование полномочий всегда требует установления дополнительных гарантий прав граждан и четкой регламентации на законодательном уровне правил, по которым оно осуществляется, в целях обеспечения транспарентности деятельности субъектов делегирования.

Я.И. Лебедева (ИГП РАН) рассмотрела изменения во взаимодействии Европейской комиссии и органов публичной власти государств — членов ЕС, связанные с распространением информационно-телекоммуникационных технологий. В 2007 г. Европейская комиссия предложила создать цифровую платформу для ведения структурированного диалога в отношении потенциальных нарушений права ЕС с государствами-членами. Инициатива, реализованная в 2013 г., получила название Европейского пилотного проекта (*EU Pilot*)¹⁴. Хотя участие в нем добровольное, сегодня все 27 государств — членов Союза являются участниками проекта. Платформа способствовала сокращению

количества инициируемых Комиссией дел в рамках процедуры реагирования на нарушения обязательств, вытекающих из учредительных актов, предусмотренной ст. 258 Договора о функционировании ЕС¹⁵. Уменьшилось и число дел о нарушении обязательств, поступающих в Суд ЕС по ст. 260 указанного Договора. Участие в структурированном диалоге не предполагает каких-либо санкций в отношении государств-членов. Диалог осуществляется в соответствии с единообразной процедурой, установленной в Сообщении Комиссии. Это позволяет осуществлять анализ больших данных и выявлять распространенные проблемы, связанные с реализацией права ЕС в государствах-членах. Платформа также эффективна в ситуациях, когда неисполнение права ЕС обусловлено техническими или организационными ошибками. Однако ее функционирование выявило и некоторые недостатки. Информация о работе платформы практически недоступна гражданам Союза, а переговоры между Комиссией и государствами-членами являются строго конфиденциальными. Это усиливает проблему демократического дефицита, существующего на уровне ЕС. Кроме того, переговоры проводят Генеральные директоры, реализующие политические полномочия, а не Юридическая служба, которая осуществляет расследования потенциальных нарушений согласно процедуре, предусмотренной ст. 258 Договора о функционировании ЕС. Данные обстоятельства могут превратить платформу в инструмент «политического торга», в котором не участвуют граждане ЕС.

На проблемах обеспечения самостоятельности судебной власти остановился **канд. юрид. наук Е.А. Фокин (ИЗиСП при Правительстве РФ)**. Он обратил внимание на отсутствие единого и непротиворечивого понимания термина «самостоятельность судебной власти», используемого в Конституции РФ. Так, требование полноты судебной компетенции зачастую приводит к тому, что суды вынуждены рассматривать политические по своей природе конфликты, что влечет обострение дискуссии о политизации правосудия. Другая крайность состоит в законодательном закреплении изъятия из компетенции судов отдельных категорий дел, что негативно сказывается на эффективности судебной системы.

Весьма специфично взаимодействие судебной системы с законодательной властью. Именно парламенты принимают законодательство о судостроительстве и судопроизводстве. Зарубежный опыт показывает, что принятие новых законов иногда обусловлено исключительно политическими мотивами, заключающимися в стремлении ограничить независимость судебной власти. Но бывает, что и сама консервативно настроенная судебная система препятствует принятию законодательства, направленного на развитие правосудия. Объективно необходимым является взаимодействие судебной и исполнительной ветвей власти, прежде всего сотрудничество судебных органов с министерством юстиции. Более того, внутри судебной системы тоже присутствуют административно-распорядительные отношения, свойственные именно исполнительной власти. Докладчик подчеркнул необходимость осуществления сравнительно-правовых исследований для выявления общих тенденций в обеспечении независимости правосудия и особенностей развития отдельных судебных систем.

Стратегическое планирование, отметил **канд. юрид. наук Н.С. Малютин (МГУ им. М.В. Ломоносова)**, предопределяет развитие правового регулирования той или иной сферы

¹⁴ См.: European Commission. Communication from the Commission: A Europe of Results: Applying Community Law. COM/2007/0502 final // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A52007DC0502> (дата обращения: 07.07.2023).

¹⁵ См.: Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union // OJ. C326. Vol. 55. 26 October 2012. Pp. 47–390.

общественной жизни на основе конкретных целевых установок. Необходимость комплексного прогнозирования развития системы правосудия обусловлена особым значением судебной власти для обеспечения общего режима конституционности и реализации базовых конституционных принципов, к числу которых прежде всего необходимо отнести правовую определенность, принципы разумных ожиданий и поддержания доверия граждан к закону и действиям государства. Комплексное прогнозирование развития правосудия в России должно исходить из взаимосвязанности структурных элементов, составляющих институт судебной власти (судоустройство, судопроизводство и статус судей). Основным субъектом, координирующим и осуществляющим соответствующее планирование, должен стать парламент как политический орган. В процесс выработки стратегии развития правосудия должно быть вовлечено и судебское сообщество.

Соотношение судебного нормоконтроля и правотворческой функции публичной власти проанализировала **канд. юрид. наук С.А. Грачева (ИЗиСП при Правительстве РФ)**. Судебное правотворчество в основном увязывается с полномочиями судов осуществлять контроль конституционности и законности нормативных правовых актов, что является частью государственного контроля и способствует развитию законодательства. При этом следует различать конституционный и административный судебный нормоконтроль, исходя не только из вида (уровня) оспариваемых актов, но и принимая во внимание характер, пределы и последствия осуществляемой проверки. В частности, признание акта недействующим или недействительным указывает на значимость тех оснований, на соответствие которым осуществляется проверка в силу социального предназначения права.

По мнению докладчика, отождествление судебного нормоконтроля с правотворческой функцией судов порождает целый ряд проблем. Во-первых, это ведет к фрагментации нормоконтроля как государственной функции. Во-вторых, ограничивает возможности судебного толкования, поскольку суд действует в логике «механической юриспруденции»: он либо применяет норму в ее буквальном значении, либо отказывает в ее применении и обращается в соответствующий орган судебного нормоконтроля. Публично-властная природа судебной деятельности должна проявляться не столько в правотворчестве, сколько в правоприменении по формуле *jura novit curia* («суд знает право»).

В докладе **канд. юрид. наук Е.А. Сорокиной (ИГП РАН)** рассматривались проблемы судебного активизма. В юридической доктрине нет общепризнанного определения судебного активизма. Как правило, данное понятие связывают с установлением судом правил, отсутствующих в законодательстве, или созданием новых доктрин; отступлением от принятых канонов толкования, приоритетом целевого или исторического методов интерпретации; вынесением решений вопреки очевидному смыслу текста закона и достоверно установленным намерениям законодателя; выходом судов за пределы своей юрисдикции. Судебный активизм в той или иной степени присущ органам судебной власти во многих странах, в т.ч. и органам конституционного контроля. Данное явление имеет особое значение для Южно-Африканской Республики в силу особенностей исторического развития страны. В 2012 г. Министерство юстиции и конституционного развития ЮАР одобрило Дискуссионный документ о преобразовании судебной системы и роли судебной власти в развитии

южноафриканской государственности¹⁶, в котором подчеркивалось, что в конституционных демократиях судебная власть выполняет важную задачу по охране и защите Конституции и ее ценностей, и судьи, проявляющие судебный активизм, воспринимаются как проводники перемен.

Этапы развития института конституционного контроля в Республике Беларусь проанализировала **канд. юрид. наук, доц. Т.С. Масловская (Белорусский государственный университет)**. Первый этап был связан с закреплением в Конституции 1994 г. абстрактного последующего контроля. В 1996 и 2022 гг. был расширен перечень субъектов обращения в Конституционный суд и объектов осуществляемого им контроля. Второй этап характеризовался наделением Конституционного суда в 2008 г. полномочиями по осуществлению предварительного контроля. Он распространялся на все законы, принимаемые парламентом, до их подписания президентом. В рамках третьего этапа, начало которому положила конституционная реформа 2022 г., предварительный контроль стал носить факультативный характер, были введены конституционная жалоба и конкретный контроль. Каждый этап развития органа конституционной юстиции в Республике Беларусь связан с адаптацией к изменяющимся условиям его функционирования.

Одним из последствий конституционного кризиса в Польше, начавшегося на рубеже 2015–2016 гг., стала диффузия конституционного контроля, отметила **канд. юрид. наук, доц. В.И. Чехарина (ИГП РАН)**. Институты ЕС неоднократно предупреждали польское правительство о том, что проводимые реформы судебной системы ставят под угрозу принципы верховенства права, в частности независимость судебной власти¹⁷. В 2021 г. Европейский Суд по правам человека постановил, что состав Конституционного трибунала Польши является нелегитимным, поскольку в него входит избранное с нарушением закона лицо, и решения, вынесенные этим составом Конституционного трибунала, не могут рассматриваться как обеспечивающие эффективный конституционный контроль¹⁸.

Вопрос о допустимости диффузии конституционного контроля в Польше вызывал большие споры с момента вступления в силу Конституции в 1997 г., однако в последнее время он приобрел практическое значение. Суды общей юрисдикции начали устанавливать соответствие положений закона конституционным нормам в обход Конституционного трибунала¹⁹. Польские конституционалисты признают, что нарушение нормального функционирования Конституционного трибунала означает, что его обязанность по обеспечению верховенства Конституции может

¹⁶ См.: Discussion Document on the Transformation of the Judicial System and the Role of the Judiciary in the Developmental South African State // Department of Justice and Constitutional Development Republic of South Africa, 2012. URL: <https://www.justice.gov.za/docs/other-docs/20120228-transf-jud.pdf> (дата обращения: 20.05.2023).

¹⁷ См.: Rule of Law: European Commission acts to defend judicial independence in Poland. European Commission Press release. 20 December 2017 // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/press-corner/detail/en/IP_17_5367 (дата обращения: 23.06.2023).

¹⁸ См.: ECtHR. Xero Flor w Polsce sp.z o.o. v. Poland. Application no. 4907/18. Judgment of 7 May 2021.

¹⁹ См. подп.: Radziejewicz P. Judicial Change to the Law-in-Action of Constitutional Review of Statutes in Poland // Utrecht Law Review. 2022. Vol. 18. Iss. 1. Pp. 35–38.

переходить к другим судам, которые, разумеется, должны действовать в пределах своих полномочий²⁰.

В докладе **канд. юрид. наук О.С. Белослудцева (Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева)** отмечалось, что беспрецедентные вызовы, с которыми столкнулась в последнее время Российская Федерация, побуждают к качественному переосмыслению доктрины конституционной идентичности. Наряду с внешним аспектом, связанным с определением пределов передаваемых государством полномочий международным организациям, приобретает актуальность исследование внутреннего аспекта конституционной идентичности, понимаемого как сохранение основного содержания учредительного акта. Доктрина конституционной идентичности должна служить препятствием для неоправданных конституционных изменений, стабилизируя конституционный порядок в целом. В данном контексте особый интерес представляет индийская доктрина «базовых структур» конституции.

Вторая секция «Органы публичной власти — человек — гражданское общество» была посвящена взаимодействию публичной власти с населением и институтами гражданского общества.

В своем выступлении **канд. юрид. наук, доц. Т.А. Алексеева (НИУ ВШЭ)** обратила внимание на использование различных критериев при построении типологии взаимодействия высших государственных органов в трудах отечественных специалистов по конституционному (государственному) праву.

В сравнительном и хронологическом аспектах были рассмотрены две исторические модели взаимодействия главы государства и правительства. Для первой модели, базировавшейся на сформулированном Ш. Монтескье принципе разделения властей, характерно признание короля главой исполнительной власти, осуществлявшейся посредством назначаемых им министров, которые были ответственны перед ним. Эта модель нашла воплощение в континентальной Европе и была модифицирована в республиканском опыте США, где главой исполнительной власти стал выборный президент. Примечательно, что в этой модели термины «правительство» и «министерство» обозначали лишь совокупность должностных лиц, обязанных осуществлять исполнительную власть. Правительство как коллегиальный орган стало упоминаться в конституционных актах первой половины XIX в. Под влиянием британского опыта оно превратилось в самостоятельный орган, успешное функционирование которого стало зависеть не только от короля, но и от парламента. Тенденции фактического формирования «ответственного» правительства проявлялись в 1830-е и 1850-е годы в Испании и Пьемонте.

Вторая модель соответствовала идее Б. Константа, также опиравшегося на политико-правовой опыт Великобритании. Он отграничил власть исполнительную, вручаемую министрам, от королевской власти, которая рассматривалась как «нейтральная», «сдерживающая», предназначенная для обеспечения слаженного функционирования всей системы государственных органов. Впервые отделение королевской и правительственной властей получило конституционное оформление в Бразилии в 1824 г. и в Португалии в 1826 г., где было закреплено дуальное положение монарха как главы государства и главы исполнительной власти,

которую он осуществлял через министров. Данная модель подтвердила свою востребованность и в XX в.

Н.А. Тиханов (МГУ им. М.В. Ломоносова) рассмотрел вопрос о применимости принципа разделения властей для характеристики институциональной организации власти в государствах с недемократическим режимом. В конституционно-правовой науке нет единства позиций по данному вопросу и существует три основных подхода. В рамках первого из них утверждается, что принцип разделения властей не реализуется в государствах с недемократическим режимом, т.к. там не достигается его цель — не допустить концентрации власти для предотвращения возможных угроз правам граждан. В данном случае акцент делается на демократические ценности, которым такие государства не соответствуют. Но эти оценки во многом являются субъективными, поскольку отсутствует общепризнанный перечень демократических ценностей.

Сторонники второго подхода утверждают, что принцип разделения властей реализуется в государствах с недемократическими режимами в функциональном смысле как распределение компетенции («разделение труда») между различными государственными органами. Такое «разделение властей» действительно существует в любом государстве, но в данном случае нивелируется смысл этого принципа, не учитывается значимость системы сдержек и противовесов как его неотъемлемого элемента.

Наиболее адекватным представляется третий подход, когда принцип разделения властей используется в его функциональном понимании, но с учетом возможности и степени осуществления органами государственной власти взаимного контроля за реализацией их публично-властных полномочий с целью обеспечения эффективности деятельности государственного аппарата и защиты прав граждан. Данный подход позволяет оценить, насколько принцип разделения властей реализуется в государстве с недемократическим режимом, минимизировав ценностную составляющую такой оценки.

Проблема реализации принципа разделения властей была в центре внимания **канд. юрид. наук, доц. А.В. Дашко (Московский университет им. С.Ю. Витте)**. Он отметил, что выделение отдельных ветвей государственной власти и отнесение к ним тех или иных органов достаточно условно. Представляется, что необходима иерархизация полномочий различных ветвей государственной власти, а также четкое соотнесение ветвей власти с конкретными государственными органами. При разграничении ветвей власти должны приниматься во внимание не только правовые, но и политические соображения. Так, в России существует одна прямо не названная в Конституции РФ, но политически оправданная ветвь власти — Президент РФ.

Специализированным институтам государственной защиты прав человека посвятила свое выступление **канд. юрид. наук, доц. Н.В. Колотова (ИГП РАН)**. Во многих странах создаются органы по защите прав отдельных групп населения или специфических видов прав. Как правило, их деятельность регулируется отдельными законами или законами, касающимися определенных сфер отношений, где необходим особый контроль над соблюдением прав человека²¹. Специализированные омбудсмены могут создаваться

²⁰ См.: *Garlicki L. Sądy a Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej // Przegląd Sądowy*. 2016. No. 6–7. Ss. 14, 23.

²¹ Например, Уполномоченный по официальным языкам Канады учрежден Актом Канады об официальных языках 1969 г. В настоящее время его деятельность регулируется Актом об официальных языках от 28 июля 1985 г. (см.: *Official Languages Act (R.S.C., 1985) (Part IX*

как при парламентах, так и органами исполнительной власти. Во многих странах они действуют наряду с уполномоченными по правам человека общей компетенции в целях более эффективной защиты прав отдельных категорий граждан. Специализированные омбудсмены чаще всего создаются для защиты социально уязвимых групп населения (детей, инвалидов, женщин, пожилых людей, беженцев и вынужденных переселенцев и др.) или людей, находящихся в ситуациях с высоким риском нарушения их прав (военнослужащих, пациентов, лиц, находящихся в местах принудительного содержания, и др.). Несмотря на периодически возобновляемые дискуссии о целесообразности увеличения количества омбудсменов специальной компетенции, о востребованности этого института говорит тот факт, что такие органы продолжают создаваться (особенно в странах, где традиции государственной защиты прав человека очень сильны)²², постоянно идет процесс их реорганизации и совершенствования.

На осуществлении публичного контроля и надзора в рамках Евразийского экономического союза остановилась **канд. юрид. наук, доц. С.А. Агагомедова (ИГП РАН)**. Она отметила, что проведение согласованной или единой политики в различных отраслях экономики требует скоординированности публичного контроля в данных сферах. В настоящее время в ЕАЭС формируется общее контрольно-надзорное пространство. Его субъектами могут выступать органы публичной власти государств-членов, объединения граждан, независимые аудиторы, а также органы ЕАЭС, которым государства-члены передали некоторые публично-властные полномочия в области управления экономикой. В рамках ЕАЭС публичный контроль и надзор осуществляется в области таможенного и технического регулирования; санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных требований; конкурентной и энергетической политики; взаимной торговли услугами и инвестиций; транспорта и перевозок; валютной политики; трудовой миграции; финансовых рынков и др. Наиболее унифицированным видом контроля принято считать контроль и надзор в области таможенного дела. Однако сохраняются достаточно существенные различия в его проведении в государствах — членах ЕАЭС. Аналогичные различия имеют место и применительно к иным видам контроля и надзора, в частности в области технического регулирования и интеллектуальной собственности. Значимой тенденцией в регулировании публичного контроля и надзора в экономике в рамках ЕАЭС является возрастание роли правовых принципов.

Доклад **канд. экон. наук Д.Ю. Козяр (Двинских) (РАНХиГС при Президенте РФ)** был посвящен использованию искусственного интеллекта для разработки государственных управленческих решений. Возможности технологий искусственного интеллекта в области анализа неструктурированных данных, решения низко формализованных задач, наблюдения и генерации текста имеют широкий потенциал применения. Тем не менее существуют и обоснованные опасения, связанные с рисками внедрения новой технологии. Искусственный интеллект допускает ошибки,

причины которых кроются в программировании либо в использовании некачественных данных для обучения алгоритма, что может приводить к недобросовестному распределению ресурсов, дискриминации, иным проявлениям несправедливости. Данная технология способствует колоссальному росту эффективности, но в то же время существенно снижается обоснованность и достоверность решений. При этом выявление ошибок становится возможным только в результате проведения дорогостоящей независимой экспертизы.

В сфере государственного управления можно эффективно и безопасно применить слабый искусственный интеллект там, где правильность решения может быть однозначно верифицирована и возможно проведение дополнительной экспертизы с участием человека как основного ответственного лица. В процессе внедрения искусственного интеллекта в государственном секторе следует учитывать, что это ведет к значительному снижению потребности в наемных работниках.

В целом необходима разработка единой, прозрачной политики, наличие ясной стратегии, устанавливающей общие принципы регулирования искусственного интеллекта. Кроме того, целесообразно учредить специализированный орган, объединяющий представителей органов законодательной и исполнительной власти и экспертов в целях осуществления квалифицированной, централизованной и оперативной сертификации решений, принятых искусственным интеллектом.

Проблемы взаимодействия глав местной администрации с муниципальными советами в европейских странах были проанализированы **канд. юрид. наук, доц. А.И. Черкасовым (ИГП РАН)**. Он выделил муниципальные системы, функционирующие по парламентаристскому образцу (Великобритания, Чехия, страны Скандинавии, Балтии и Бенилюкса), который предполагает достаточно широкие возможности влияния муниципального совета на деятельность мэра, включая избрание главы местной администрации и возможность его досрочного смещения. Один из недостатков подобной системы — потенциальная нестабильность местной исполнительной власти ввиду ее зависимости от представительного органа. В целях преодоления этого могут ограничиваться возможности местных советников по выборам мэра, а также осложняться процедура выражения ему недоверия²³.

Муниципальная система может функционировать и по президенталистскому образцу (ФРГ, большинство государств Восточной Европы). В данном случае глава местной администрации избирается непосредственно населением и обладает достаточно широкими административными

“Commissioner of Official Languages”) // Government of Canada. Justice Low Website. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/O-3.01/page-3.html#h-384465> (дата обращения: 06.07.2023)).

²² Так, в Норвегии в 2020 г. был создан институт уполномоченного по правам пожилых людей (см.: Lov om Eldreombudet (eldreombudsloven) — LOV-2020-06-19-80 // Lovdata. URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2020-06-19-80> (дата обращения: 06.07.2023)).

²³ Показательными в данном отношении являются изменения, внесенные в 2005 г. в Закон Мальты о местных советах. Теперь мэром назначается муниципальный советник, представляющий победившую на выборах партию и получивший наибольшее число голосов избирателей (ч. 1 ст. 25). Второй по количеству отданных за него голосов представитель победившей партии становится заместителем мэра (ч. 2 ст. 25). Совет может самостоятельно избирать мэра и его заместителя лишь в случае, если ни одна из партий, участвовавших в выборах, не получила в нем абсолютного большинства мест (ч. 3 ст. 25). Согласно ч. 2 ст. 29 Закона о местных советах вопрос о вынесении вето недоверия мэру или его заместителю может быть поставлен не менее чем 1/3 советников, причем данное предложение должно быть обосновано и содержать указание на советника, которого предлагается избрать на пост мэра или его заместителя (см.: ACT No. I of 2005 AN ACT to amend the Local Councils Act, Cap. 363 // LEGIZLAZZJONI MALTA. URL: <https://legislation.mt/eli/act/2005/1/eng/pdf> (дата обращения: 05.07.2023)).

полномочиями, которые он может реализовывать в значительной степени независимо от муниципального совета. Совет при этом обычно не вправе отправить мэра в отставку по политическим мотивам. Вместе с тем совет осуществляет ряд контрольных полномочий в отношении мэра и его администрации, особенно в бюджетной сфере, что позволяет ему тормозить иницилируемые мэром мероприятия. Главная проблема подобной модели — выработка механизмов взаимодействия «сильных» мэров и местных представительных органов в ситуации, когда партийная принадлежность мэра и большинства местных советников не совпадает, что может порождать длительные и принципиальные конфликты между ними.

Общей тенденцией развития муниципальных систем европейских стран при всем их разнообразии являются усиление органов исполнительной власти, отказ от коллегиальности при принятии ряда решений, распространение принципов нового публичного менеджмента и расширение форм непосредственной демократии.

На понимании гражданского общества и формах его взаимодействия с органами публичной власти остановилась **канд. юрид. наук Е. Е. Никитина (ИЗиСП при Правительстве РФ)**. Гражданское общество может быть представлено как система общественных отношений, возникающих в процессе функционирования различных общественных формирований граждан и упорядочиваемых посредством правовых норм и саморегулирования. Оно включает в себя институциональный (различные объединения граждан) и информационно-коммуникативный (средства массовой информации, телеграм-каналы и т.д.) компоненты, а также общественное мнение по социально значимым вопросам. Традиционная классификация форм взаимодействия институтов гражданского общества и органов публичной власти на консультативные (деятельность общественных

палат и общественных советов и др.); императивные (референдум, выборы и др.); кооперативные (проведение совместных действий, например охрана общественного порядка и т.д.); контрольные (различные формы общественного контроля и др.) не охватывает всего их разнообразия. В связи с этим необходимо обосновывать новые, более широкие основания для их классификации (например, такими могут быть сферы взаимодействия).

А. А. Данц (МГУ им. М. В. Ломоносова) озвучила проблемы участия коренных малочисленных народов в деятельности органов публичной власти. Возможности влияния коренных малочисленных народов на деятельность органов публичной власти минимальны. В частности, одним из таких институтов влияния является Совет представителей общин коренных малочисленных народов при органах государственной власти субъекта Российской Федерации и органах местного самоуправления. Однако это консультативный орган, принимаемые им решения носят рекомендательный характер, что не позволяет обеспечить реальный учет интересов общин коренных малочисленных народов в деятельности органов публичной власти. Необходимо введение института консультаций с коренными народами при принятии решений, затрагивающих их интересы.

REFERENCES

1. *Garlicki L.* Sądy a Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej // *Przegląd Sądowy*. 2016. No. 6–7. Ss. 7–25.
2. *Radziejewicz P.* Judicial Change to the Law-in-Action of Constitutional Review of Statutes in Poland // *Utrecht Law Review*. 2022. Vol. 18. Iss. 1. Pp. 29–44.
3. *Tushnet M.* The New Fourth Branch: Institutions for Protecting Constitutional Democracy. Cambridge; New York, 2021.

Сведения об авторах

ВАРЛАМОВА Наталия Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Андреевна — доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

VARLAMOVA Natalia V. — PhD in Law, Associate Professor, Leading Researcher, Department of the Human Rights, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

VASILIEVA Tatiana A. — Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher, Department of the Human Rights, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 34.01

**ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ:
учебник / под ред. А.В. Малько. М.: КНОРУС, 2024. – 264 с.**

© 2024 г. В. В. Субочев

*Московский государственный институт (университет) международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации*

E-mail: vvsuchochev@mail.ru

Поступила в редакцию 09.10.2023 г.

Аннотация. Представлена рецензия на учебник «Основы российской государственности», разработанный коллективом талантливых профессионалов под руководством доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ А.В. Малько. Отмечается, что выход в свет данного учебника, подготовленного для всех направлений бакалавриата, — значимое событие как для российской науки, так и образования по целому ряду причин. Во-первых, рецензируемый учебник является качественным и весьма оперативным ответом как на поручение Президента РФ В.В. Путина включить в образовательные программы высшего образования курс «Основы российской государственности», так и на запрос российского общества, заключающийся в усилении того внимания, которое должно быть уделено российской государственности в процессе подготовки студентов, обучающихся по любой специальности, вне зависимости от выбора будущей профессии. Во-вторых, данный учебник блестяще решает задачу по донесению до читателя ключевых характеристик России как великого государства-цивилизации, представлению наиболее интересных страниц ее истории, фундаментальных достижений и открытий через призму раскрытия ключевых смыслов и ценностей, сложившихся внутри российского общества.

Подчеркивается, что учебник не только передает студентам определенный и необходимый объем информации, но и лишний раз заставляет их задуматься о традиционных российских духовно-нравственных ценностях, о том, что именно они имеют самое непосредственное отношение к великой российской истории и культуре, ее прошлому, настоящему и будущему.

Ключевые слова: Россия, государственность, государство, государство-цивилизация, мировоззрение, идентичность, патриотизм, духовно-нравственная ценность.

Цитирование: Субочев В.В. Основы российской государственности: учеб. / под ред. А.В. Малько // Государство и право. 2024. № 1. С. 221–224.

DOI: 10.31857/S1026945224010221

**FOUNDATIONS OF THE RUSSIAN STATEHOOD:
textbook / ed. by A.V. Mal'ko. Moscow: KNORUS, 2024. – 264 pp.**

© 2024 V. V. Subochev

MGIMO – University

E-mail: vvsuchochev@mail.ru

Received 09.10.2023

Abstract. This is a review of the textbook “Foundations of the Russian Statehood”, written by a team of brilliant professionals under the guidance of Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation A.V. Mal’ko. The review states that the publication of this textbook, designed for various bachelor’s degree programs, is a significant event for Russian academic and student community for a number of reasons. Firstly, the textbook under review complies with the instruction made by the President of the Russian Federation V.V. Putin to the effect that the discipline in question should be integrated with all educational programs of higher education. In addition, the textbook at issue meets the demands of Russian society for special emphasis on the Russian statehood in the course of education, irrespective of a future profession chosen by a student. Secondly, this textbook contains a complete and perfect characterization of Russia as a great state-civilization, presenting the most interesting pages of its history, fundamental achievements and discoveries focusing on the key notions and values that constitute the heritage of Russian society. It is emphasized that the textbook conveys a required scope of information to the students making them aware of traditional Russian spiritual and moral values, and feel integrated with the great Russian history and culture, its past, present and future.

Key words: Russia, statehood, state, state-civilization, worldview, identity, patriotism, spiritual and moral value.

For citation: Subochev, V.V. (2024). Foundations of the Russian statehood: textbook / ed. by A.V. Mal’ko // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 221–224.

Беспрецедентный характер вызовов и угроз, с которыми столкнулась сегодня Россия, обусловлены как ее динамичным и поступательным развитием, упрочением позиций в качестве одного из наиболее влиятельных центров принятия масштабных стратегических и судьбоносных решений в современном мире, так и активным противостоянием попыткам коллективного Запада переписать мировую историю и распространить мировоззренческие установки, разрушающие цивилизационные скрепы российского общества, деформирующие его традиционные духовно-нравственные ценности.

В сложившихся условиях особенно значимым представляется обращение к цивилизационным, ценностным и мировоззренческим основам российской государственности, изучение как героической истории нашего народа, так и политико-правового устройства современной России.

Один из важнейших шагов в указанном направлении – включение в образовательные программы высшего образования курса (модуля) «Основы российской государственности», концепция которого была разработана Министерством науки и высшего образования РФ во исполнение соответствующего поручения Президента РФ от 29 января 2023 г. № Пр-173 ГС¹.

Наиболее же успешным воплощением обозначенной концепции в действительность представляется учебник «Основы российской государственности», подготовленный коллективом талантливых ученых под руководством д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.В. Малько.

Следует отметить, что, несмотря на значительный интерес к истокам и основам российской государственности как со стороны юристов, философов, историков, политологов, социологов и представителей иных наук и достаточное количество публикаций по обозначенной проблематике, именно указанный труд – один из первых учебников в стране, который в полном соответствии с разработанной Министерством науки и высшего образования РФ концепцией является базовым и логично структурированным основным источником информации для студентов

различных направлений бакалавриата, изучающих «Основы российской государственности» в качестве обязательной дисциплины.

Внимательный анализ учебника не оставляет сомнений в том, что каждый из его соавторов, что в контексте именно данного курса представляется особенно значимым, излагал, систематизировал и делал доступным для студентов (равно как и для самого широкого круга читателей) огромный массив информации с большой любовью к Родине – России, с гордостью ощущая свою принадлежность к российскому обществу и искренне желая развить чувство патриотизма и гражданственности у молодежи – основной читательской аудитории учебника, стараясь внести свой личный вклад в сложный процесс формирования духовно-нравственного и культурного фундамента развитой и цельной личности, осознающей специфику исторического пути Российского государства и гордящейся своей Родиной.

Для того чтобы гордиться своей страной, недостаточно лишь просто хорошо знать ее историю, географию, политическое устройство и правовую систему. Равно как и гордость за свое Отечество, уважение и бережное отношение к его прошлому, переживание за его судьбу и развитие также вряд ли возможны вне знания ключевых исторических событий, понимания современных политико-правовых процессов, определенного уровня правосознания, правовой – да и просто общей – культуры.

В этой связи перед авторами учебника стояла весьма непростая задача – донести до читателя ключевые характеристики России как великого государства-цивилизации, представить наиболее интересные и значимые страницы ее истории, рассмотреть фундаментальные достижения, открытия и свершения, связанные со становлением российской государственности, продемонстрировать особенности политического устройства и правовой системы современной России и воплотить все это на страницах учебника через призму раскрытия ключевых смыслов, этических и мировоззренческих доктрин, сложившихся внутри российской цивилизации и отражающих ее многонациональный и многоконфессиональный характер.

Есть все основания утверждать, что авторский коллектив под руководством проф. А.В. Малько блестяще справился с поставленной задачей и, не перегружая учебник статистикой, фактами, датами и трудноусваиваемыми

¹ См.: Перечень поручений Президента Российской Федерации от 29.01.2023 № Пр-173 ГС (п. 11 п/п. «а»). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421> (дата обращения: 03.10.2023).

студентами сложными философскими умозаключениями, представил общественности интереснейшую работу, являющуюся добротным учебным материалом по основам российской государственности, который должны изучать и знать студенты-бакалавры вне зависимости от того, по какой специальности они обучаются.

Учебник состоит из *пяти разделов*. *Раздел I* (с. 7–58) называется «*Что такое Россия*» и подразделяется на *пять глав*, названия которых даже при поверхностном ознакомлении с содержанием не могут не вызвать повышенный интерес у читателя и не зажечь искорку любопытства у студентов. «Россия — это прежде всего люди», «Россия — это территория», «Россия — это культура», «Россия — это героическая история», «Россия — это мировая держава» — названия соответствующих глав, последовательно акцентирующих внимание на многоликости России, ее этническом и конфессиональном составе, особенностях территориального устройства и природных богатствах, климатических поясах, основополагающих характеристиках российской культуры и ее вкладе в мировую культуру, литературном и музыкальном наследии, ее театре, киноискусстве и балете. В этом же разделе представлены основные страницы героической истории нашей страны в контексте их влияния на становление уникального российского государства-цивилизации, формирование русского духа и русской (российской) национальной идентичности, рассказывается о военных и гражданских героях российской истории как о выдающихся образцах служения и самопожертвования во имя Родины, анализируются такие понятия, как «держава» и «державность», а также последовательно раскрываются конкретные и ключевые причины, по которым именно Россия по праву является мировой, евразийской, ядерной, промышленной, транспортной, морской, космической, спортивной и культурной державой.

Раздел II (с. 59–104) учебника — «*Российское государство-цивилизация*» глубоко и в то же время доступным для студентов языком раскрывает смысл и значение утверждения В.В. Путина о том, что «Россия — это не просто страна, это действительно отдельная цивилизация»². Студентам объясняется содержание таких понятий, как «цивилизация» и «государство-цивилизация» с отдельным и необходимым акцентом на ее природно-географических характеристиках и их влиянии на формирование уклада жизни российского общества, анализируются природно-демографические детерминанты национального характера. Авторы в уникальном ключе демонстрируют то, как наиболее значимые исторические события повлияли на формирование цивилизационных, культурных и духовно-нравственных ценностей российского общества, на интеграцию в едином государстве народов с уникальными обычаями, традициями и культурами. Объясняется смысл таких понятий, как «субэтнос», «этнос» и «народ», и на доступном для понимания вчерашних школьников уровне описывается процесс становления российского суперэтноса как основы государства-цивилизации.

Вместе с тем в *гл. 4 разд. I* и *гл. 3 разд. II* его авторы дважды обращаются к историческому развитию России и его основным вехам, этапам. Несмотря на то что это сделано в разном контексте и иллюстрирует различные аспекты, связанные с российской государственностью, представляется возможным высказать авторам пожелание в дальнейших

изданиях учебника осветить страницы нашей истории, равно как и подвиги ее славных героев, в одном разделе (главе), что будет выглядеть несколько более органично.

В *разд. III* (с. 105–150) — «*Российское мировоззрение и ценности российской цивилизации*» речь идет о понятии и структуре мировоззрения, его разновидностях и функциях с последующей фокусировкой внимания на современном российском мировоззрении и на менталитете российского народа как важнейшей форме отражения его национального своеобразия. Именно в этом разделе объясняется понятие национальной идентичности и раскрывается идентичность российского народа через призму анализа формирования и развития государственной, гражданской, национальной и религиозной идентичности как динамического процесса, рассказывается о том, что же представляет собой «соборность» как уникальное явление российской истории. Отдельное внимание в данном контексте уделяется феномену российского патриотизма и факторам, на него влияющих.

К очевидным достоинствам учебника следует отнести мастерство авторов, проявленное в написании лаконичного по объему, но емкого по содержанию *разд. IV* (с. 151–212) учебника — «*Политико-правовое устройство России*». В данном разделе анализируются не только государство и право как взаимосвязанные социальные институты, но и само понятие и структура государственности как важнейшей категории, являющейся своеобразным трамплином к пониманию сущности, признаков и функций как государства, так и права. Сказанное позволило авторскому коллективу последовательно изложить объективное видение того, что же представляет собой сильное государство и почему оно является ядром российской государственности. Отдельное внимание в разделе уделяется характеристикам Российской Федерации как демократической республики и правовом государстве, ее политической и правовой системам.

Вместе с тем изучение данного раздела также позволяет высказать некоторые критические замечания в отношении структуры и содержания отдельных глав. Так, *гл. 3* (с. 174–193) указанного раздела — «*Российская Федерация как демократическая республика и правовое государство*» только бы содержательно выиграла, если бы авторы кратко осветили в ней ключевые полномочия Президента РФ, структуру Федерального Собрания РФ и наиболее значимые полномочия его палат, а также структуру и компетенцию федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации (в особенности, Правительства РФ). Иначе складывается парадоксальная ситуация, что данные важнейшие аспекты, непосредственно связанные с организацией государственной власти современной России, так и не нашли отражения в разделе учебника, посвященного политико-правовому устройству России.

Помимо сказанного несколько удивляет тот факт, что авторы не посчитали нужным в *гл. 5* раздела, озаглавленной «*Правовая система России*», представить краткую характеристику системы нормативно-правовых актов государства. Создатели учебника в данной главе уделили внимание таким, казалось бы, специфичным аспектам, как роль юридической практики в правовой системе (с. 209), однако почему-то не увидели смысла в объяснении читателям того, как же выстроен сам каркас нашей правовой системы в виде ее нормативно-правовой основы.

Раздел V (с. 213–251) — «*Вызовы будущего и развитие России*» органично вписывается в концепцию учебника и объективно излагает студентам внешние и внутренние, военные, геополитические, информационные

² Интервью В.В. Путина П. Зарубину // Программа «Москва. Кремль. Путин». 17.05.2020 г. URL: <https://www.vesti.ru/article/2410696> (дата обращения: 03.10.2023).

* * *

и идейно-ценностные вызовы, оказывающие серьезное влияние на стратегию развития нашего государства. Авторы анализируют влияние глобализации и последствия однопольности мирового развития, демонстрируют решающую роль России в построении многополярного мира и формируют у читательской аудитории представление о тенденциях развития государства через призму консолидации нашего общества. Помимо этого авторский коллектив уделил должное внимание и современной российской технологической политике, обосновав значимость технологического суверенитета как основы государственности и необходимость в этой связи проведения сбалансированной государственно-правовой политики в сфере научно-технологического развития Российской Федерации.

Хочется высказать уверенность в том, что рецензируемый учебник внесет серьезный вклад не только в непосредственно образовательный процесс подготовки высококвалифицированных кадров, но и в процесс формирования у российской молодежи чувства гордости за свою страну, гражданственности и патриотизма, принадлежности к российской цивилизации.

Сведения об авторе

СУБОЧЕВ Виталий Викторович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного регулирования Московского государственного института (университета) международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России); 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Очевидно, что данный учебник преследует цель не только передать студентам определенный и необходимый объем информации, но и лишний раз заставить их задуматься о традиционных российских духовно-нравственных ценностях, о том, что именно они имеют самое непосредственное отношение к великой российской истории и культуре, ее прошлому, настоящему и будущему.

Немаловажно отметить и то, что, уделив должное внимание изучению учебника, студент даже с изначально небольшим багажом знаний уже не растеряется от вопросов о том, что делает Россию величайшей державой мира, какие страницы российской истории представляются ему наиболее значимыми и почему, в чем специфика российского мировоззрения и почему Россия является государством-цивилизацией.

Иными словами, у читателя будет сформировано представление об основах российской государственности, за что и хочется сказать спасибо проф. А. В. Малько и всему авторскому коллективу, подарившему общественности ценный учебник.

Author's information

SUBOCHEV Vitaly V. — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Governmental Regulation, MGIMO-University; 76 Vernadskogo Ave., 119454 Moscow, Russia

УДК 342.4

НАМЕЧАЯ КОНТУРЫ ПРАВОВОЙ МОБИЛИЗАЦИИ РОССИИ¹

© 2024 г. М. В. Глигич-Золотарева

г. Москва

E-mail: milena-gligic@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.12.2023 г.

Аннотация. В 2020 г. по итогам общероссийского голосования произошло изменение действующей Конституции Российской Федерации, она была дополнена целым рядом новых важнейших норм, касающихся самых разных сфер конституционно-правового регулирования. Однако сегодня целым рядом авторов, экспертов, представителей государственных органов ставится вопрос о необходимости продолжения коррекции Основного Закона России. Среди таких авторов и Н.М. Добрынин, который в своей статье «Российский конституционализм в условиях новой геополитической реальности: вехи и векторы», опубликованной в журнале «Государство и право» РАН (2023. № 9), намечает пути возможного изменения Конституции РФ, среди которых – установление гарантий социальной справедливости и усиление духовно-нравственных основ общественно-политического уклада страны.

Ключевые слова: Конституция РФ, конституционализм, демократия, порядок, основанный на правах, правовое государство, социальное государство, духовно-нравственные основы общественно-политического уклада.

Цитирование: Глигич-Золотарева М.В. Намечаю контуры правовой мобилизации России // Государство и право. 2024. № 1. С. 225–228.

DOI: 10.31857/S1026945224010236

OUTLINING THE CONTOURS OF RUSSIA'S LEGAL MOBILIZATION²

© 2024 M. V. Gligich-Zolotareva

Moscow

E-mail: milena-gligic@yandex.ru

Received 25.12.2023

Abstract. In 2020, based on the results of the all-Russian vote, the current Constitution of the Russian Federation was changed, it was supplemented by a number of new important norms relating to a variety of areas of constitutional and legal regulation. However, today a number of authors, experts, and representatives of government bodies raise the question of the need to continue to correct the Basic Law of Russia. Among such authors is N.M. Dobrynin, who in his article “The Russian constitutionalism in the framework of new geopolitical environment: milestones and vectors”, published in the journal “State and Law” of the Russian Academy of Sciences (2023. No. 9), outlines ways of possible changes to the Russian Constitution, including the establishment of guarantees of social justice and strengthening the spiritual and moral foundations of the country’s socio-political structure.

¹ См.: Добрынин Н.М. Российский конституционализм в условиях новой геополитической реальности: вехи и векторы // Государство и право. 2023. № 9. С. 31–43. DOI: 10.31857/S102694520027638-2

² See: Dobrynin, N.M. (2023). The Russian constitutionalism in the framework of new geopolitical environment: milestones and vectors // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 31–43. DOI: 10.31857/S102694520027638-2

Key words: Constitution of the Russian Federation, constitutionalism, democracy, rule-based order, lawful state, social state, spiritual and moral foundations of socio-political structure.

For citation: *Glighich-Zolotareva, M.V. (2024). Outlining the contours of Russia's legal mobilization // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 225–228.*

В 2020 г. состоялось общероссийское голосование по изменению Конституции Российской Федерации³. Благодаря этому в Основной Закон были внесены важнейшие для страны поправки. Это и новый порядок назначения Правительства РФ, и положения о русском языке и культуре, о почитании памяти защитников Отечества, о браке как союзе мужчины и женщины, о запрете на отчуждение российской территории. Конституционные поправки предусмотрели также существенные изменения в системе публичной власти на всех уровнях. Большинство из положений обновленной Конституции уже нашли свою реализацию в нормах действующего законодательства.

Казалось бы, Россия вошла в новый цикл конституционной стабильности, можно успокоиться и продолжить процесс рецепции конституционных установлений в действующем законодательстве и правоприменительной практике. Но, как говорится, покой нам только снится! И статья Н.М. Добрынина — тому наглядный пример. Автор статьи выступает за «формирование новых вех и векторов новейшей истории Российского государства». А это уже не просто точечные изменения конституционного текста, а практически уже пересмотр Основного Закона.

И надо отметить, что автор в этом своем выводе отнюдь не одинок. Целый ряд спикеров, не только из мира науки, но и обремененных государством значительными полномочиями, высказались в последнее время в том же русле.

Так, Председатель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин полагает, что надо добавить в Конституцию страны положения об идеологии государства. По его мнению, «не может быть общество без идеологии, это элементарные понятия государства и права. Сейчас проходит специальная военная операция, и одна из целей СВО — денацификация Украины, т.е. уничтожение идеологии фашизма. Одна из задач СВО сегодня решается, поэтому я предлагаю серьезно подумать над этим. С учетом нашего исторического общества, с учетом современных реалий, в которых мы живем, думая о перспективах развития нашего общества, необходимо все-таки сформулировать идеологию нашего общества, наших целей и закрепить ее в Конституции Российской Федерации»⁴.

Первый заместитель Председателя Комитета Государственной Думы по обороне, председатель партии «Родина» А.А. Журавлев заявил, что в Конституцию необходимо внести изменения — вписать информацию о «традиционных православных ценностях»: «Российское государство в принципе должно быть основано на традиционных православных ценностях, которые непременно следует внести и в Конституцию», потому что Конституция — «не религиозная догма, а живой документ, который должен соответствовать современным реалиям». Парламентарий отметил, что в Основной Закон необходимо внести статьи, закрепляющие «дальнейшее развитие страны по пути патриотизма»⁵.

³ Общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации проводилось с 25 июня по 1 июля 2020 г.

⁴ Росс. газ. 2023. 22 нояб.

⁵ Коммерсантъ. 2023. 29 нояб.

Точечные корректировки Конституции РФ допустил и Д.А. Медведев, заместитель Председателя Совета Безопасности Российской Федерации⁶.

Все они в той или иной степени вторят Н.М. Добрынину. Отрицая возможность наличия какой-либо скоординированной кампании по рассматриваемому вопросу, придется признать — в российском обществе, во власти, в экспертной и научной среде зреет убеждение: Конституцию страны необходимо дополнить нормами, содержащими конкретный и осязаемый идеологический заряд. По словам Н.М. Добрынина, «в этом одном выводе, на наш взгляд, вся логика дальнейшей правовой мобилизации России: нам крайне важно сейчас приложить все усилия для возрождения чистой атмосферы общества, атмосферы жизни людей в согласии друг с другом и с непреложными человеческими истинами, нашедшими свою ценностно-правовую фиксацию в положениях Конституции Российской Федерации об основах конституционного строя».

Получается, что за три года, прошедших с момента последней конституционной реформы, в мире произошли столь серьезные, просто тектонические изменения, что необходимость нового изменения текста Основного Закона ощущается многими как насущная потребность. Напрашивается также вывод о том, что виной всему специальная военная операция на Украине.

Необходимо сразу заметить: конечно же, нет смысла спорить с тем, что спецоперация оказала решающее воздействие на ход глобальных событий — это, безусловно, так. Но сама по себе спецоперация — это всего лишь «спусковой крючок» для тех изменений, которые в течение многих лет подспудно накапливались в мире и только сейчас стали заметны настолько, что их конфигурация стала уже предметом широкой общественно-политической дискуссии.

Ограничимся только правовыми аспектами происходящих в настоящее время изменений. По сути, мы наблюдаем полное обесценивание всех правовых конструктов, на которых зиждилась западная цивилизация. Демократия на поверку оказалась не властью народа, т.е. политической системой, в которой народ признается источником власти, а властью никому не известной узкой группы лиц, к тому же формирующейся посредством отрицательного отбора. Как говорится, демократия — это не власть народа, а власть демократов, да и то не всех, но только тех, кто состоит в Демократической партии США. И этот флагман демократии мало того что никакую демократию не построил — как оказалось, он ее и не собирався строить. Права человека стали лучшей ширмой для нарушения собственно прав человека: чем громче о них кричат, тем больше будет жертв. Либерализм из общественно-политического течения, провозглашающего непоколебимость прав и свобод человека, превратился в настоящий либеральный фашизм, попирающий всяческие права и свободы всех, кто хоть в чем-то не согласен с либеральным мейнстримом. Правосудие стремительно превращается в неработающий механизм справедливости, но во вполне боевой инструмент тех, кто попирает этот принцип. Свобода слова повсеместно и массово нарушается. Не работают международно-правовые институты, а ООН

⁶ См.: Взгляд. 2023. 11 дек. // https://vz.ru/news/2023/12/11/1243793.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

уже недалеко осталось до превращения в Лигу Наций. Президент РФ В.В. Путин так охарактеризовал актуальное положение дел в этой сфере: «Вы знаете, что сейчас вся глобальная система экономических отношений проходит этап коренных и, как только что было сказано, необратимых изменений. Они связаны с тем, что на смену прежней модели глобализации приходит многополярная модель»⁷.

Но наиболее разрушительные изменения претерпело право. Как пишет в своей статье Н.М. Добрынин, «мы можем наблюдать, как под прикрытием “благих намерений” десятилетиями разрабатывавшиеся и внедрявшиеся гарантии верховенства права в странах, исповедующих, условно говоря, западные ценности, оказались в одночасье низложены и позабыты. И, как подсказывает опыт поколений, благами намерениями дорога вымощена в известном направлении».

И это правда. Благодаря деятельности самого Запада право деградировало уже настолько, что функции регулятора общественных отношений уже очень часто выполнять не в состоянии. Рушится та основа, на которой базировались основные правовые системы современности. Ведь зачем нужно право, если отношения между людьми более эффективно регулируются какими-либо иными, неправовыми методами, либо сами правовые инструменты распространяются далеко не на всех членов общества? Если за убийство тысяч детей в секторе Газа никто не несет ответственности, а за спасение детей Донбасса и Новороссии Международный уголовный суд в Гааге выписывает ордер на арест Президента РФ В.В. Путина и Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка М.А. Львовой-Беловой?⁸ И таких примеров множество за последние годы. Невольно вспоминаются слова знаменитого персидского поэта Фирдоуси:

*«Ты правый суд зовешь, но где же он?
Что — беззаконье, если смерть — закон?»⁹*

Впрочем, адепты разрушения традиционных цивилизационных институтов даже не скрывают свои намерения. И слово «право» они в своих пламенных речах совершенно спокойно заменяют термином «порядок». На многих международных площадках и с национальных политических трибун все чаще звучит совершенно непонятный никому конструкт «международный порядок, основанный на правилах»¹⁰. Очевидно, что он является чисто политическим, поскольку не используется ни в Уставе ООН, ни в других универсальных международных конвенциях, на этот термин не опираются ни Международный Суд ООН, ни Комиссия международного права ООН. Само использование данного термина вызывает множество вопросов. Основной среди них — как термин «порядок, основанный на правилах» соотносится с общепризнанным термином «международно-правовой порядок»? Нет также его единообразного понимания, что есть отражение более общей проблемы ослабления универсального, юридически общеобязательного международного порядка.

В целом, по мнению экспертов, концепция «порядка, основанного на правилах» негативно влияет на существующий международный правопорядок, размывая установившуюся практику международного правотворчества, тем самым отвергая традиционные международные ценности правовой стабильности и снижая роль международного права в международных отношениях. Такой сценарий может привести к подрыву самих основ современного международного права, основанного на Уставе ООН. Последнее, в свою очередь, приведет к глобальной правовой нестабильности. Тем самым «джунглям», воспетым Жозепом Боррелем.

Кроме того, злоупотребление термином «порядок, основанный на правилах» представителями государств — членов НАТО в поддержку своих притязаний препятствует достижению на универсальном уровне взаимоприемлемого понимания данной концепции, которая соответствовала бы международному праву¹¹. Как отозвался Президент РФ о «миропорядке, основанном на правилах», — «нет таких правил»¹².

Попытки Запада продвигать «порядок, основанный на правилах» затрагивают исключительные полномочия ООН. Как отметил Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, данная концепция стала следствием неготовности Запада принять сегодняшние реалии, когда после столетий экономического, политического и военного доминирования он «утрачивает прерогативу единоличного формирования общемировой повестки дня»¹³. «Эти “правила” изобретаются и избирательно комбинируются в зависимости от текущих потребностей авторов указанного термина, который Запад настойчиво внедряет в обиход, — пояснил он. — Цель [концепции] — подменить универсально согласованные международно-правовые инструменты и механизмы узкими форматами, где вырабатываются альтернативные, неконсенсусные методы урегулирования тех или иных международных проблем в обход легитимных многосторонних рамок. Иными словами, расчет на то, чтобы узурпировать процесс выработки решений по ключевым вопросам»¹⁴.

Совершенно очевидно, что в этих условиях любое государство, если оно является суверенным (а на фоне деградации многих правовых институтов достаточно распространенным стал феномен несuverенных государств), должно дать оценку происходящему и дистанцироваться от него, причем как в плане деклараций, так и в контексте практических действий. Россия — показательный пример. По части практических действий наша страна «впереди планеты всей»: идет специальная военная операция, среди целей которой — денацификация и демилитаризация Украины¹⁵; Россия противостоит коллективному Западу практически по всему миру — в Африке, Латинской Америке, на Ближнем Востоке; продолжается и борьба с нацизмом — так, по поручению Генерального прокурора РФ И.В. Краснова министру юстиции и генеральному прокурору Канады Арифу Вирани направлен запрос об экстрадиции 98-летнего бывшего эсэсовца Ярослава Гуньки, которому не так давно рукоплескали канадские парламентарии¹⁶.

⁷ Заявление Президента Российской Федерации в ходе инвестиционного форума ВТБ «Россия зовет!» // РИА Новости, 07.12.2023 г. URL: <https://ria.ru/20231207/putin-1914371897.html>

⁸ Ордера выписаны МУС 17 марта 2023 г.

⁹ Фирдоуси А. Из «Шах-Намэ» / пер. с фарси В. Державина и С. Липкина; сост. Н. Османова. М., 1969.

¹⁰ Термин «порядок, основанный на правилах» стал использоваться в англоязычных книгах, журналах и газетах с 2014 г. вместо термина «либеральный мировой порядок» (см.: Скотт Б. Порядок, основанный на правилах: что скрывает название // Россия в глобальной политике 2021. 24 авг.).

¹¹ См.: Вылегжанин А.Н., Нефедов Б.И., Воронин Е.Р. и др. Понятие «порядок, основанный на правилах» и международное право // Московский журнал междунар. права. 2021. № 2.

¹² Итоги года с Владимиром Путиным // Сайт Президента Российской Федерации, 14.12.2023.

¹³ Лавров С. Мир на перепутье и система международных отношений будущего // Россия в глобальной политике. 2019. 20 сент.

¹⁴ ТАСС. 2021. 20 сент.

¹⁵ О необходимости демилитаризации и денацификации Украины Президент РФ В.В. Путин заявил 24 февраля 2023 г.

¹⁶ См.: Взгляд. 2023. 7 дек. // <https://vz.ru/news/2023/12/7/1243228.html>

А вот по части деклараций и норм-деклараций, как представляется, наша страна не слишком преуспела. Достаточно редкая ныне ситуация, потому что чаще встречается обратный процесс — в законодательстве прописано много красивых норм, практическая реализация которых сильно запаздывает, если вообще идет. Возьмем действующую Конституцию — насколько там прописаны стратегические императивы современной России? Содержатся ли в Основном Законе нормы о том, что Россия должна противостоять любым формам нацизма и фашизма? А ведь именно денацификация — одна из целей специальной военной операции на Украине. Российская Конституция не содержит четких ценностных установок и целей развития даже в Преамбуле, которая обычно используется в текстах конституций для ценностной «окраски» конституционных норм. Зато в Основном Законе сохранилась норма о том, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы», а «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» (ч. 4 ст. 15). Здесь есть о чем задуматься.

Рецепт для исправления сложившейся ситуации дается Н.М. Добрыниным со ссылкой на Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина: «И если ранее мы говорили о необходимости правовой модернизации России, то по нынешним временам такая модернизация должна быть форсирована: с полным основанием можно говорить о правовой мобилизации». Право должно вернуться к своему естественному состоянию — как возведенной в закон справедливости. Достигнуть этого предлагается путем возврата к концепту правового государства — но с очищением его от чуждых нашей стране наслоений. Правовое государство, по мнению Н.М. Добрынина, — «это государство справедливого социального уклада. Именно поэтому правовое государство не может не быть социальным, а социальное государство не может не быть одновременно правовым».

В статье немало места уделено также нравственности в праве. Автор пишет: «Усиление духовно-нравственных основ всего общественно-политического уклада нашей страны — вот мегазадача на ближайшие два-три десятилетия и одновременно ответ на “вечный” в России вопрос “что делать?”». Казалось бы, при чем тут вообще нравственность? Неужели в современной России нет других, более важных проблем? Ведь рассуждения о нравственности в праве больше напоминают труды дореволюционных правоведов, в частности Л.И. Петражицкого¹⁷, достаточно сильно оторванные от современности.

Как оказалось, нет. Нет более важных вопросов. История развивается по спирали, и однажды не выученный урок придется доучивать в совершенно других и, вероятно, гораздо более сложных условиях. В России XX в., да и в последующий период в сфере правового регулирования оперировали чаще категорией целесообразности, а не морально-этическими

категориями. Но бывают и такие моменты в истории, когда нравственность и целесообразность не только не противоречат друг другу, но и практически идут рука об руку, объединяются в единый мотивационный компонент. Если верить Священному Писанию, то именно такая ситуация сложилась накануне гибели Содома и Гоморры. Да и масса похожих примеров имеется в истории. Возможно, сейчас тоже такой период, когда ответ самим себе и всему миру на простейшие вопросы из области добра и зла, в т.ч. в тексте Основного Закона, как раз и является насущной необходимостью?

Об этом нас призывает задуматься автор статьи...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вылегжанин А.Н., Неведов Б.И., Воронин Е.Р. и др.* Понятие «порядок, основанный на правилах» и международное право // Московский журнал междунар. права. 2021. № 2.
2. *Добрынин Н.М.* Российский конституционализм в условиях новой геополитической реальности: вехи и векторы // Государство и право. 2023. № 9. С. 31–43. DOI: 10.31857/S102694520027638-2
3. *Лавров С.* Мир на перепутье и система международных отношений будущего // Россия в глобальной политике. 2019. 20 сент.
4. *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1909. Т. 1–2.
5. *Скотт Б.* Порядок, основанный на правилах: что скрывает название // Россия в глобальной политике 2021. 24 авг.
6. *Фирдоуси А.* Из «Шах-Намэ» / пер. с фарси В. Державина и С. Липкина; сост. Н. Османова. М., 1969.

REFERENCES

1. *Vylegzhanin A.N., Nefedov B.I., Voronin E.R. et al.* The concept of “rule-based order” and International Law // Moscow Journal of International Law. 2021. No. 2 (in Russ.).
2. *Dobrynin N.M.* The Russian constitutionalism in the framework of new geopolitical environment: milestones and vectors // State and Law. 2023. No. 9. Pp. 31–43. DOI: 10.31857/S102694520027638-2 (in Russ.).
3. *Lavrov S.V.* The world at the crossroads and the system of international relations of the future // Russia in global politics. 2019. September 20 (in Russ.).
4. *Petrzhitsky L.I.* Theory of law and the state in connection with the theory of morality. 2nd ed., rev. and add. St. Petersburg, 1909. Vol. 1–2 (in Russ.).
5. *Scott B.* A rules-based order: what the name hides // Russia in global politics. 2021. August 24 (in Russ.).
6. *Firdousi A.* From “Shah-Name” / transl. from Farsi V. Derzhavin and S. Lipkin; comp. N. Osanova. M., 1969 (in Russ.).

Сведения об авторе

ГЛИГИЧ-ЗОЛОТАРЕВА Милена Валериевна — кандидат юридических наук; г. Москва

Authors' information

GLIGICH-ZOLOTAREVA Milena V. — PhD in Law; Moscow, Russia

¹⁷ См., напр.: *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1909. Т. 1–2.